

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1881 (vii)

Per. 278975 d. 153

ИЮЛЬ

1881

ДѢЛО

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 7

СОДЕРЖАНІЕ.

1. КРУТЫЯ ГОРКИ. Романъ. (Часть вторая. Главы I—VII). Я. П. ПОЛОВСКАГО.
2. СПАРТАКЪ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Главы XIX—XX). РАФАЭЛЯ ДЖИОВАНІОЛИ.
3. ПРОШЛОЕ. (Варьяція на мотивъ изъ Приюдома). Стихотвореніе. Д. МИХАЛОВСКАГО.
4. ВОСПОМИНАНІЯ НЕВОЕННАГО ЧЕЛОВѢКА ОБЪ АХАЛЪ-ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. КОНЧЕВСКАГО.
5. ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЬ. Повѣсть Н. БОБЫЛЕВА.
6. НУМА РУМЕСТАНЪ. Романъ. (Главы III—VI). АЛЬФОНСА ДОДЭ.

(См. на оборотѣ).

7. ПРЕДСМЕРТНЫЯ МИНУТЫ. (Памяти О. В—ой). Стихотвореніе. . . Д. МИХАЛОВСКАГО.
8. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ. Н. К.
9. ПИСАТЕЛЬ. Романъ. (Часть вторая. Главы I—VIII). РОБЕРТА ГАЛЬТА.

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

10. ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Б. ЛЕВСКАГО.
11. ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ Ф. РЫШИОВА.

Возможно-ли у насъ процвѣтаніе порнографической литературы?—Поинты въ порнографическомъ родѣ г. Немировича-Данченко: его повѣсть „Краденое счастье“.—Г. Евг. Марковъ въ роли обличителя „петербургской“ литературы. — Литературная его дѣятельность. — Беллетристика „Русской Рѣчи“, (май и июнь). — Новый историческій романъ г. Шадринъ и его романъ „Княжна Владимірская“.—Трудность въ выборѣ беллетристическихъ темъ. — „Криворожье“, рассказъ г. Эртеля, „Вѣсти. Европы“, (май). — Повѣсть г-жи Винницкой („Отечественныя Записки“, май).

12. ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. Н. И.

Экономическія соображенія г. Леонарда и его проектъ министерства сельскаго хозяйства.

13. ЭПИЛОГЪ ТУНИССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. (Политическая и общественная хроника). Ж—КА.

14. ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОТКРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1. Отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.—2. Объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.—3. Отъ редакціи журнала „Русское Богатство“ и его книжнаго склада.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЙ, НАЛЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюля 1881 года.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Не появивсь въ пустой квартирѣ Егора Антоновича Блина Нада Баскова—сестра Мины Михайловны, случайно не зайдя она въ комнату Пети, не обрати вниманія на влочекъ бумаги съ наброскомъ прощальныхъ строкъ его, или засни въ то время, когда къ ночи вернулся онъ домой изъ Павловска — и, кто знаетъ, быть можетъ, и удалось-бы ему, при помощи жаровни и заготовленныхъ угольевъ, заснуть вѣчнымъ и непробуднымъ сномъ!..

Что довело Петю до мысли навсегда порѣшить съ собой—мы, кажется, показали это съ достаточной ясностью; но юноша нашъ остался живъ и, стало-быть, еще не мало „крутыхъ горокъ“ предстоитъ ему впереди, такъ-какъ горки эти все растутъ и растутъ, и весьма немногіе одарены умѣньемъ или средствами обходить ихъ или талантомъ — возлетать и глядѣть на нихъ съ высоты орлиного полета; а есть и такіе счастливыя, которые считаютъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ вреднаго вымысла, простительнаго романисту и не простительнаго людямъ *профессій болѣе вліятельныхъ*.

Петя очнулся прежде чѣмъ раскрылъ глаза, и почувствовалъ на лбу своемъ ощущение холода... и запахъ одеколона...

Но очнуться отъ обморока—еще не значить придти въ полное сознание.

Раскрывъ глаза, съ минутою не сознавалъ онъ, что съ нимъ — сонъ-ли все это или дѣйствительность; — и долго вглядывался онъ въ сумракъ бѣлой петербургской ночи; и такъ-какъ обезцвѣченные имъ предметы не теряли своихъ очертаній, смутно отразились въ немъ и догорающая свѣча на рояли, и лѣпной карнизъ, и обоя, и знакомая мебель.

„Я не у себя въ постели, я не одинъ“... вотъ что прежде всего пришло ему въ голову...

Петя полулежалъ на диванѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ, безъ галстука и, прислонясь головой къ плечу Нади, видѣлъ только около колѣнъ своихъ какія-то складки... очевидно, женскаго платья.

Вдругъ онъ приподнялся и съ ужасомъ поглядѣлъ на дѣвушку, которая привоснула къ рукѣ его.

— Ну что, Петя, вы не ушиблись, когда упали?.. И какъ это вы не забыли меня, даже не забыли какъ зовутъ меня!..

Съ тѣмъ-же испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ, Петя схватилъ ее за руку.

— Вы... вы... это вы?

— Ну да-а... разумѣется!..

И на ея встревоженномъ личикѣ, сквозь сумракъ, который покрывалъ его, затеплилась улыбка... Надя была рада, что онъ очнулся и что онъ узнаетъ ее.

— Ахъ вы... милый мой! Какъ вы меня испугали.

Петя прилегъ затылкомъ къ мягкому задку дивана и чуть не зарыдалъ: какое-то невыразимое, мучительно-блаженное чувство стѣсняло грудь его, что-то подступало къ горлу и иѣшало говорить...

— Это невѣроятно... этого быть не можетъ! пролепеталъ несчастный юноша.

Еще ни разу въ жизни не слыхалъ онъ, чтобы кто-нибудь такимъ сладкимъ голосомъ, съ приливомъ такого нѣжнаго чувства сказалъ ему: „милый мой“, и это глубоко потрясло его.

„Съ нимъ надо обращаться какъ съ больнымъ“, подумала Надя, глядя на блѣдное, исхудалое лицо его.

— Я ужъ и не думалъ, что когда-нибудь увижу васъ, проговорилъ Петя, и не безъ любопытства, съ ногъ до головы оглядѣлъ ее.

И она... и какъ-будто не она“, подумалъ Петя.

— Чего-чего не бывает на свѣтѣ!..

— Какъ-же это вы нашли меня?

— И не думала и не гадала, что я здѣсь найду васъ, мой милый... И не повѣрила-бы, если-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что мы такъ встрѣтимся... Знала я, что у Клина сынъ есть и что зовутъ его Петей, но и въ голову не приходило, чтобъ это былъ тотъ самый мальчикъ, тотъ мальчикъ, сентиментальный, но смѣлый и любящій мальчикъ...

И она поцѣловала его въ лобъ, и онъ вдругъ хотѣлъ обнять ее... но, взволнованный и какъ-бы растерянный, только приложился губами къ плечу ея.

— Надя, неужели вы меня помните?

— Ну, не будемъ ужъ лучше говорить другъ другу „вы“... Я вѣдь... знаешь, почему я здѣсь? Не удивляйся!.. Я пріѣхала сюда къ сестрѣ своей...

— Къ какой сестрѣ?

— Къ Минѣ.

— Вы... ты... сестра ея?

Въ голосѣ его что-то дрогнуло... Онъ поглядѣлъ на нее своими черными глазами какъ-бы съ недоумѣніемъ. Дескать, можетъ-ли это быть, чтобъ ты была моей теткой? Похоже-ли это на правду?..

Надя чутьемъ поняла, что новость эта произвела на него неприятное впечатлѣніе. Это ее озадачило..

— Ты съ ней не въ ссорѣ, Петя?

— Нѣтъ. За что я буду съ ней ссориться?.. Нѣтъ... она добрая...

— Ну, и вѣтренная... немного. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ она замужемъ, я увѣрена въ сестрѣ моей...

— Ну что... очнулись... познакомились? слышался голосъ, и въ дверяхъ, ведущихъ въ корридоръ, показалась сѣрая фигура Любовь Петровны, очевидно, въ бѣлой юбкѣ и въ бѣлой же ночной кофточкѣ. Она только-что бѣгала подъ ворота, въ надеждѣ уговорить солдата-сторожа сбѣгать за частнымъ докторомъ, и такъ-какъ этотъ сторожъ ни за что не соглашался уходить отъ воротъ дальше слѣдующихъ воротъ, гдѣ сидѣлъ другой сторожъ, — Любовь Петровна поспѣшила наверхъ, чтобъ одѣться и самой бѣжать за докторомъ, и зашла поглядѣть, въ какомъ положеніи находится молодой баринъ; а въ случаѣ крайней необходимости

опять пройти въ переднюю и растолкать тамъ на ларѣ живой мѣшокъ съ костями и мясомъ, въ надеждѣ, что мѣшокъ этотъ проспится и окажется на что-нибудь годнымъ. Первая ея попытка въ этомъ родѣ не удалась, — Михѣй только бурчалъ и ругался...

— Ну, слава Богу! продолжала Любовь Петровна, замѣтно обрадованная. — Вѣдь вотъ какъ можно испугаться. Спаси и помилуй!.. Я-бы и сама до смерти испужалась... Не дать-ли вамъ водицы испить холодненькой, а?

— Да, не мѣшаетъ, сказалъ Петя.

Любовь Петровна побѣжала и минуя черезъ пять принесла въ рукахъ стаканъ съ водою. Петя жадно сталъ пить, не безъ того, чтобы не пролить на грудь себѣ нѣсколько капель. Скюртучекъ его былъ разстегнутъ, и на шеѣ не было галстука; галстукъ этотъ чернѣлся на стулѣ, тамъ-же, гдѣ лежалъ и платокъ, смоченный одеколономъ.

Надя сложила на груди руки и искоса глядѣла на Петю и думала: „Нѣтъ, ужъ онъ не тотъ мальчикъ, какимъ онъ былъ“...

Любовь Петровна не утерпѣла, чтобъ не выпругать пьяницу-Михея; затѣмъ, взявъ съ роля подсвѣчникъ съ провалившейся въ него и тлѣющей свѣтильной, посовѣтовала имъ дать другъ другу попой, разойтись и хорошенько выспаться. Наконецъ, удалилась.

За окошками, безъ драпирѣй, съ отворенными форточками, защебетали воробьи. Стекла въ рамахъ какъ-будто поблѣдли... Въ залѣ стало свѣтлѣе...

Съ бьющимся сердцемъ, желая говорить и не зная — что говорить, Петя всталъ и прошелся по комнатѣ.

Не только онъ, кажется, ни какой психологъ въ мѣрѣ не могъ бы съ точностью опредѣлить, какого рода чувства толпились въ душѣ его... Стыдъ, что онъ струсилъ и упалъ въ обморокъ... радость, что нашлась та, о которой мечталъ онъ какъ о существѣ навсегда для него утраченномъ. Какая-то горечь или досада, зачѣмъ это существо родная сестра пустой и вѣтронной Мины Михайловны; и опять... какая-то сладкая, непостижимая радость... незнанье, какъ ему вести себя... и, — кто бы могъ подумать? сомнѣнье — любить-ли онъ ее или не любить...

— Не уйти-ли мнѣ? спросила Надя.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ... дай мнѣ наглядѣться, дай мнѣ наговориться... я все еще не могу прѣдтъ въ себя!

И онъ опять сѣлъ на диванъ и плечомъ приникъ къ плечу ея и, когда она заговорила, думалъ: — „И узнаю, и не узнаю... Та-ли это молоденькая, свѣженькая дѣвушка, за которой я, какъ полумный, бѣгалъ по Павловску? Какимъ огнемъ и трепетомъ обдавалъ тогда меня каждый взглядъ ея, каждая улыбка! То-же лицо, (не даромъ-же я сразу узналъ ее) и... что-то иное... Неужели она на десять лѣтъ переросла меня?... Какая серьезная!.. Какая тихая!“

А она ему говорила: — Бѣдный, бѣдный мой Петя, какъ ты пережился! Какъ много ты долженъ былъ выстрадать. Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись... много воды утекло... Ты былъ тогда немного смѣшонъ; но и тогда я поняла, что ты честный, очень честный и очень искренній. — Помнишь, какъ ты сконфузился?... Но, расскажи, что съ тобой было, отчего дошелъ ты до... такого малодушія?..

— До какого малодушія? дрогнувъ всѣмъ тѣломъ и раскрывъ глаза, спросилъ ее Петя испуганнымъ голосомъ.

Онъ вдругъ вспомнилъ свои замыслы: вспомнилъ, что эта ночь должна была быть для него послѣдней ночью, и вдругъ съ ужасомъ понялъ, что все это извѣстно ей.

— Виновата, можетъ быть, я дурно дѣлаю, что объ этомъ начинаю первая говорить съ тобой... но, даже не зная, кто ты, и что ты, я такъ за тебя дрожала, такъ мнѣ было нестерпимо жаль тебя... что... прости меня!..

Петя ладонями закрылъ лицо свое: ему было и стыдно и больно; но онъ не обвинялъ себя.

— Надя, кто сказалъ тебѣ... кто могъ сказать!?

— Начало твоей записки, которую ты оставилъ на столѣ. Я была въ твоей комнатѣ... я прочла ее... и ждала тебя.

— И помѣшала мнѣ... у... ме... реть. Да развѣ это малодушіе?..

— Хуже... это нигилизмъ...

— Нигилизмъ? удивился Петя.

— Да развѣ самоубійство не есть своего рода нигилизмъ: жизнь — ничто, стало-быть и смерть — ничто...

— Надя!..

— Что, милый?..

— Скажи, развѣ навсегда, разомъ отречься отъ всего, что

отталкивается и что противно — малодушие?.. Неужели протянуть руку неправдѣ или помириться со всякой мерзостью — не хуже чѣмъ умереть?.. „Смерть не можетъ не быть благомъ, потому что она есть общее достояніе“, сказалъ Шиллеръ. Ну, вотъ, на это благо я и хотѣлъ промѣнять зло... зло промѣнять на благо...

— О, это благо еще не уйдетъ отъ насъ... съ зломъ надо бороться, а чтобы бороться со зломъ, нужно жить и жить во всю силу...

— Жить во всю силу... какъ это хорошо сказано!.. Но, вѣдь, чтобъ жить во всю силу, надо любить... ну, хоть что-нибудь... хоть кого-нибудь...

— Любить правду! мечтательно проговорила Надя.

И Петѣ вдругъ невольно припомнилась та осенняя ночь, на скамеечкѣ въ паркѣ, когда она, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, прикрывши плечи его большимъ шерстянымъ платкомъ, глядѣла на звѣзды и восторженно говорила ему о красотѣ и о томъ, какъ всѣ люди должны стремиться къ идеалу справедливости.

— Не любя правды, нельзя и зла ненавидѣть... нельзя и страдать по-человѣчески... Тогда — живи и наслаждайся... Или, если ты любишь правду — живи и борись...

За окномъ заворковали голуби, и золотая полоса отъ восходящей зари легла вдоль выштукатуреннаго косяка и какъ-бы заглянула въ стекло отворенной форточки. Былъ уже на исходѣ второй часъ пополудни...

„О, она все та-же! подумалъ Петя. — Боже мой, какъ я люблю ее!“

И Надя точно подслушала мысль его.

— Если и ко мнѣ есть въ тебѣ хоть малая искорка любви, дай мнѣ честное слово, никогда, — что бы съ тобой ни случилось, какое-бы горе на тебя ни обрушилось, — никогда не налагать на себя руки, никогда не поддаваться отчаянью.

— Честное слово... даю, задыхаясь, проговорилъ Петя и схватилъ ее за руку.

— Спасибо... я тебѣ вѣрю.

— Ты меня спасла, — стало быть я долженъ жить.

— Но все-таки, все таки, если я того стою — ты мнѣ скажешь все, все, что заставило тебя такъ обезумѣть... Не теперь... теперь — пора спать... поцѣлуй меня и прощай...

И она обняла его и поцѣловала въ губы... Петя вспыхнулъ

и хотѣлъ-было задержать ее; но она соскользнула съ дивана и, размахнувъ свѣтлой, какъ ленъ, и лоснящейся, какъ шелкъ, косой своей, черезъ корридоръ удалилась въ комнату Есенія.

ГЛАВА II.

Петя въ своей постелѣ то засыпалъ, то просыпался: то ему казалось, что уже и пароходъ свистѣлъ, и что онъ проспалъ самымъ безбожнымъ образомъ; то казалось, что еще рано, и онъ чутко ждалъ боя стѣнныхъ часовъ и прислушивался, прислушивался уже не къ бою часовъ, а къ какимъ-то мѣрнымъ, торжественнымъ, невѣдомымъ шагамъ жизни, закрывалъ глаза, и сонъ опять одолевалъ его. И къ дремотнымъ мыслямъ его безпрестанно примѣшивалась какая-то любовно-восхитительная, только ранней юности знакомая, беззавѣтная фантазія; фантазія переходила въ сонныя грезы, грезы выворачивали ее наизнанку, и всякая невообразимая чепуха пестрила мозгъ его...

Нельзя сказать, чтобъ по-утру, умывшись и одѣвшись, съ освѣженнымъ лицомъ вышелъ онъ въ столовую, гдѣ уже кипѣлъ утренній самоваръ и стояли чашки.

И нельзя сказать, чтобъ онъ трепеталъ отъ радостнаго ожиданія видѣть любимую имъ дѣвушку: ему было невесело,—обидно ему было за самого себя, обидно за свою тревогу... Невольная тревога эта отравляла ему это свѣтлое утро: онъ боялся, что сегодня утромъ прійдетъ отецъ его, онъ боялся, что отецъ уже все знаетъ, онъ боялся, что, увидавъ его, разсерженный старикъ подойдетъ къ нему и, не говоря ни слова, дастъ ему затрещину... и это при ней-то!.. Что-же тогда?.. Неужели и тогда не смѣтъ приходиться въ отчаяньѣ?..

А пока онъ все это придумывалъ, Любовь Петровна громко осыпала его упреками.

— Что вы тутъ вздорите? спросила Надя, выходя вдругъ изъ своей комнаты, свѣжая, какъ бѣлая роза, чистая, какъ голубица...

Петя молча пожалъ ей руку и поглядѣлъ ей въ глаза.

„Нѣтъ, это ужь не Павловская Надя,—это другая...“ подумалъ онъ.

— Да какъ-же не вздрить! говорила Любовь Петровна, доливая чайникъ.—Сами посудите, Надежда Михайловна,—я ему вчера говорила: „Пожалуйста, баринъ, спросите у барыни денегъ... Пожалуйста!..“ А они... хоть-бы што!.. Забылъ, говорить... А мнѣ, изволите видѣть, хоть плачь... нужно и то, и это... Свои трачу... да ужь и своихъ-то нѣтъ.... Чаю осталось самая малость, а на рынкѣ все дороже и дороже...

— Не безпокойтесь, я сегодня буду у сестры и привезу вамъ, а пока возьмите у меня, сколько нужно.

— Да ужь какъ-же не нужно!

— И у меня возьмите тотъ рубль, что я Михѣю обѣщаль.

— Михѣю?.. За что Михѣю?

Но Михѣй, тутъ какъ тутъ, явился въ дверяхъ и вытянулся въ струнку. На маленькомъ высоколобомъ лицѣ его лежала печать задора и унылости, пушистые усы топорщились. Замѣтивъ за чайнымъ столомъ гостя, ему незнакомую, онъ пріостановился и захлопалъ глазами. Любовь Петровна потрясла головой.

— И смотрѣть-то на него тошно, сказала она и вышла.

— Ну, что, Михѣй? спросилъ Петя.

— Какъ привазывали. Все было исправно-сь.

— Все-ли?

— Все-сь... Угольки изволили видѣть?

Надя подняла глаза и улыбнулась. Петя замѣтилъ эту улыбку и поглядѣлъ на Михѣя, какъ на злѣйшаго изъ враговъ своихъ.

— А ты впустилъ меня, когда я ночью звонилъ? А?

— Впустилъ-сь...

— Ну вотъ и прозѣваль рубль... Я звонилъ цѣлый часъ, меня впустила Любовь Петровна, а ты лежалъ пьяный, какъ стелька, и нельзя было никакимъ образомъ растолкать тебя...

— Какъ угодно-сь... Если она меня обижаетъ, то какъ угодно-сь...

— Никто тебя не обижаетъ; поди въ переднюю, а если пріѣдетъ Егоръ Антоновичъ, скажи ему, что у насъ Надежда Михайловна—сестра барыни, и что меня дома нѣтъ.

Михѣй клянулъ носомъ и проговорилъ:

— А полѣнце изволили видѣть, ваше бродьё!..

— Пошелъ!..

Надя засмѣялась. Михѣй исчезъ.

— Такъ вотъ кто тебѣ помогаль! сказала Надя.

Петя былъ сконфуженъ до послѣдней степени и что-то бормоталъ, не то „услужливый дуракъ опаснѣе врага“, не то „связись съ дуракомъ и самъ не радъ будешь“...

Онъ уже держалъ при себѣ свой *кепи* и собирался улизнуть черезъ кухню, въ случаѣ, если въ передней позвонить отецъ его. Въ немногихъ словахъ, злой и блѣдный, признался онъ Надѣ, что его несправедливо не допустили до экзаменовъ зрѣлости, что онъ уже не гимназистъ и боится скандала, — боится, что отецъ его приѣдетъ, такъ-какъ не станетъ разсуждать о томъ, виноватъ онъ или не виноватъ. „Ишь, калмыцкая рожа!“ мысленно вообразилъ онъ себѣ голосъ и любимое словцо своего разгнѣваннаго родителя. „Гм, это при *ней*-то „калмыцкая рожа!“ Нѣтъ, лучше ступешаваться... исчезнуть...“

Надя довольно равнодушно выслушала о его *страшномъ горѣ*, и сказала:

— Мы еще объ этомъ поговоримъ... Буда-же ты собираешься?..

— А зайду къ Озвобину, а если его не застану... на Неву пойду...

— Топиться?..

— А можетъ-быть! вспылчиво отрѣзалъ Пета.

Отъ обморока, неожиданнаго свиданья и безсонной ночи нервы его были разстроены...

— Въ которомъ часу вы поѣдете въ Павловскъ?

Надя поняла, что онъ сердится и что она виновата... Шутить было не встаети.

— Я поѣду къ обѣду, оставь мнѣ адресъ. Я Павловскъ знаю и, надѣюсь, скоро отыщу ихъ... Ну, что Ксенія?

— Ксенія... ничего!.. Сердится, зачѣмъ ей всего только тринадцать лѣтъ, а не шестнадцать и не семнадцать.

— Кокетничаютъ?

— Разумѣется... Кто-жъ изъ дѣвицъ не кокетничаютъ!.. А жаль, что мы не вѣстѣ сегодня обѣдаемъ. Ахъ да... пойду вручу Любовь Петровнѣ мой послѣдній рубль, — авось утѣшится.

— Не ходи... я дамъ ей денегъ.

— Довольно съ нее и рубля... Вѣдь нынче я одинъ буду дома обѣдать.

— Оставь его у себя...

— Вотъ, Надя, и не обьдалъ-бы я сегодня, если-бы не ты. Спасительница моя! Прощай, и позволь мнѣ поцѣловать тебя! вдругъ проговорилъ онъ съ порывистымъ чувствомъ.

Она поглядѣла ему въ лицо. Такъ глядеть только женщины, умѣющія глубоко заглядывать въ душу.

— Какъ сестру, сказала Надя.

— Какъ божество мое!.. сказалъ Петя.

Надя, отклонивъ губы, дала ему поцѣловать свою покраснѣвшую щеку, и, когда онъ ушелъ, сѣла на кушетку въ пустомъ будуарѣ сестры своей и задумалась.

То, что забавляло ее въ 16 лѣтъ, теперъ уже не забавляло. Она испугалась мысли, что Петя полюбитъ ее всѣми силами своего юношескаго неопытнаго сердца... „Это будетъ для него новое горе, подумала она. — Нѣтъ, этого не будетъ... Этого не должно быть“.

Она при этомъ вспомнила свое недавнее, чуть не вчерашнее прошлое.

ГЛАВА III.

— Ознобинъ! Иванъ Несторовичъ... вы спите?

— Гм... гм... да, еще не проснулся, услышавъ знакомый голосъ, промывчалъ Ознобинъ и, не торопясь, высвободилъ изъ-подъ простыни свою голову съ спутанными волосами и заспанными, недовольными глазками.

Петя, глядя на него, почувствовалъ нѣчто въ родѣ злости: какъ можетъ человѣкъ такъ спать!

— Извините, что нечаянно разбудилъ, сказалъ Петя.

— Ничего, сказалъ Ознобинъ, и худая, покрытая рѣдкими волосиками, голая нога его свѣсилась на полъ. Глаза изъ-подъ нависнувшаго вихра мигали и шурились на окно, за которымъ свѣтилъ яркій лѣтній день.

Петя не потому только зашелъ къ Ознобину, что боялся оставаться дома, такъ-какъ дома онъ рисковалъ столкнуться съ отцомъ своимъ, онъ зашелъ и потому, что душа его была настроена на какой-то иной, высшій тонъ, и потому, что, когда онъ проснулся ночью, слѣдующія мысли приходили ему въ голову: „уме-

реть мнѣ не удалось, значитъ надо жить; если надо жить, то надо чтобъ жизнь эта не была такъ противна и такъ мучительна для моего самолюбія... Надо выйти изъ гимназіи съ тѣмъ, чтобъ готовиться къ экзаменамъ зрѣлости въ другой гимназіи. Такъ-какъ, по приказу графа Толстого, держать экзаменъ мнѣ будетъ дозволено только черезъ годъ и такъ-какъ уйти на тотъ свѣтъ мнѣ не удалось (кажется, мнѣ ничего не удается), я долженъ пойти въ нашу канцелярію, подать тамъ просьбу на имя директора, чтобъ мнѣ выдали хоть какой-нибудь аттестатъ. Мнѣ выдадутъ... Затѣмъ, я долженъ буду сбросить свою амуницію и надѣть партикулярное платье, а для того, чтобъ надѣть партикулярное платье— мнѣ нужны деньги“.

Какъ тогда, въ Павловскѣ, когда Петя покупалъ розы для незнакомки, онъ самъ мѣломъ чистилъ свои пуговицы, дольше умывался и дольше причесывался,—такъ и теперь, съ появленіемъ милой ему дѣвушки, забота о костюмѣ, о томъ, чтобъ быть одѣтымъ почище и, главное, не казаться школьникомъ, невольно вошла въ кругъ обыденныхъ заботъ его.

Но кромѣ этихъ соображеній, мы знаемъ, что значительную часть своей почти бессонной ночи, онъ былъ волнуемъ мечтами самаго романческаго свойства... Подобно Ознобину, Петя вообразилъ, что судьба не даромъ-же такъ устроила, чтобъ любимая имъ дѣвушка спасла его, что она несомнѣнно должна любить его. Значитъ, дѣло не за ней, а за нимъ; все будетъ зависѣть отъ него самого.

Было-ли это вліяніемъ идей Ознобина, или вообще самоувѣренность самолюбивой юности, всякаго начинающаго жить, — не знаю, но склоняюсь къ послѣднему.

Базалось-бы, примѣръ Ознобина всего лучше могъ доказать Петѣ, что „не надѣйтесь не только на князи и сильные міра сего, но и на страстно-любимую дѣвушку“. Чѣмъ иногда оплачивается страсть, Петя могъ-бы, кажется, видѣть изъ того, какъ поступила Леканида съ его старымъ пріятелемъ,—но, видно, чужой опытъ на насъ не дѣйствуетъ, и Амуръ не даромъ считается вѣчно глупымъ ребенкомъ...

Но, несмотря на самоувѣренность, Петя вышелъ изъ дому не безъ тайной тревоги на сердцѣ... Онъ не могъ не замѣтить, что Надя поутру его не поцѣловала, а дала только поцѣловать себя,

что утромъ она была какъ-то холоднѣе съ нимъ и даже уколола его, посмѣявшись надъ его глупой затѣей умереть раньше времени...

„Очень можетъ быть, что я... и самъ не люблю ее, думалъ Петя.—Мало-ли что было въ дѣтствѣ! Съ тѣхъ поръ и я сталъ умнѣе, да и она чего-чего не переиспытала,—не даромъ же такъ измѣнилась...“

Обо всемъ этомъ ему хотѣлось переговорить съ Ознобинимъ; но, какъ это часто случалось, когда заходилъ онъ къ Ознобину, ихъ разговоръ ушелъ совсѣмъ въ другую сторону и принялъ далеко не то направленіе, которое ведетъ къ сердечной исповѣди или къ откровенности. Ознобинъ, очнувшись отъ долгаго сна и, сверхъ нижняго бѣлья, напяливъ на себя лѣтнее пальто, вмѣсто халата, сталъ упрекать Петю, зачѣмъ онъ до сихъ поръ не зашелъ къ Орѣшину; сказалъ, что онъ скоро уѣзжаетъ, что Мавра ждетъ его, что Саша была больна, чуть не умерла и онъ ни разу не навѣстилъ ее; что Орѣшинъ чудный человѣкъ, и что онъ, Ознобинъ, счастливъ, что съ нимъ познакомился и узналъ его; что записка Спичевского больше ничего, какъ злая ложь; что Спичевскій скотина и что Петя поступаетъ глупо, если знакомится съ такими негодяями.

Петя былъ огорошенъ. Дѣйствительно, съ того дня, какъ пришла записка Спичевского, онъ былъ такъ отуманенъ ударомъ, нанесеннымъ ему гимназіей, такъ поглощенъ мыслью о гнѣвѣ отца и о своемъ самоуничтоженіи, что Орѣшинъ, Мавра, Саша, весь этотъ уголокъ, гдѣ ему было такъ хорошо и уютно, совершенно какъ бы вылетѣлъ изъ его памяти; изрѣдка только думалъ онъ: „Какъ я теперь пойду къ нимъ! Что они обо мнѣ думаютъ!..“

Что касается до Ознобина, то, какъ кажется, работы его у академика кончились, и онъ находился въ періодъ самой безобразной праздности, въ томъ періодѣ, когда человѣку лѣнь палецъ о палецъ ударить, когда всѣ желанья сводятся на одно—не имѣть никакихъ желаній и довольствоваться удовлетвореніемъ только самыхъ насущныхъ потребностей.

Пока жила въ немъ глубокая вѣра въ любовь или въ затаенную взаимность Леканиды, онъ былъ бодръ. Каждый день надежда на свиданье съ ней придавала какую-то трезвость головѣ его, дразнила мысль и, по временамъ, толкала на работу; и

тогда каждый упадокъ духа его, какъ острая болѣзнь, былъ непродолжителенъ и скоро излечивался истолкованіемъ въ свою пользу кой-какихъ словъ ея, нерѣдко лишенныхъ всякаго значенія. Затѣмъ, знакомство съ Ерошинымъ, въ домѣ котораго, такъ-сказать, вѣяло ея присутствіемъ, тоже его поддерживало. Но-когда Леканиду сталъ встрѣчать онъ на улицѣ, подъ-руку съ уланомъ Бековымъ, когда Ерошины переѣхали на дачу въ Павловскъ, а навѣщать Петю тайкомъ онъ считалъ чѣмъ-то унижительнымъ для своего человѣческаго достоинства, тогда этотъ упадокъ духа, эта лѣнь, это лежанье на кровати до часу по полудни, это отсутствіе не только желаній, отсутствіе потребности выйти на чистый воздухъ, — сдѣлалось чѣмъ-то хроническимъ. Посѣщеніе Орѣшина было его послѣднимъ подвигомъ, истощившимъ его нравственныя и физическія силы, и такъ-какъ Ознобинъ непремѣнно долженъ былъ во что-нибудь или въ кого-нибудь вѣрить, — побесѣдовавши съ почтеннымъ старикомъ Орѣшинымъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что это человѣкъ глубокой души, человѣкъ какихъ мало, такой человѣкъ, которому надо чуть не молиться. Вотъ почему, говоря объ Орѣшинѣ, Ознобинъ какъ-бы одушевился и сталъ упрекать Петю за то, что онъ измѣнилъ этому святому старику и этой необыкновенной дѣвочкѣ Сашѣ, въ которой сразу провидѣлъ онъ будущую артистку, со всѣми качествами женщины, рожденной для полнѣйшаго семейнаго счастья.

Спрашивается—въ пору-ли было Петѣ рассказывать Ознобину о томъ, какъ онъ чуть-было не задушилъ себя угаромъ, какъ спасло его неожиданное появленіе чудной дѣвушки, какъ она умна, и что онъ чувствуетъ.

А жаль, что онъ и на этотъ разъ не нашелъ наперсника, способнаго понимать его и ему сочувствовать.

Высказанныя мысли, мысли провѣренныя чужимъ умомъ, нерѣдко яснѣютъ, углубляются и крѣпнютъ; высказанныя-же чувства, напротивъ, чаще всего теряютъ часть своей энергіи, испаряются и утрачиваютъ ароматъ свой, какъ охмѣляющій напитокъ, въ открытомъ сосудѣ выставленный на солнце. Не оттого-ли болтуны такъ непостоянны и такъ неглубоки сердцемъ, что сильныя страсти никогда не обуреваютъ и никогда до конца не сокрушаютъ ихъ?

ГЛАВА IV.

Мина Михайловна, хоть и ждала сестру свою, встрѣтила ее какъ неожиданную гостью, удивилась ей, разцѣловала, чуть не прослезилась и увела ее къ себѣ въ спальную кофе пить и распрашивать, распрашивать, обо всемъ распрашивать.

Мина Михайловна, судя по себѣ, смотрѣла на каждую дѣвочку, какъ естествоиспытатели смотрятъ на червячка, изъ котораго выйдетъ непременно такого-то вида бабочка, т. е. Мина Михайловна въ каждой дѣвочкѣ видѣла будущую возлюбленную мужчины, законную или незаконную—это все равно, только непременно возлюбленную. Для нее молодость дѣвушки и романъ были синонимы. Но между Миной Михайловной и Надей, по взглядамъ на жизнь, по характеру было мало общаго: онѣ принадлежали почти-что къ двумъ разнымъ поколѣніямъ. Когда Надя была еще ребенкомъ, — Мина Михайловна уже втайнѣ готовилась быть матерью. Надя, въ домѣ отца своего, подростая, не разъ слышала отзвны о сестрѣ своей какъ объ отрѣзанномъ ломтѣ и какъ о такой дѣвушкѣ, о которой лучше не говорить... Ее воспитывали строже, и гувернантка ея была очень начитанная, серьезная и почтенная пожилая женщина. Умирая, она завѣщала своей воспитанницѣ всѣ свои деньги, которыя нажила уроками, 650 рублей—фактъ почти-что исключительный и поразившій всѣхъ, кто зналъ, какъ она была холодна и сурова по отношенію къ шаловливой Надѣ и какъ мало высказывала или выражала ей свою привязанность. Пятнадцати лѣтъ, оставшись совершенной сиротой, Надя повелѣнъ переѣхала къ Тютинѣ, т. е. къ сестрѣ своей. Очувтившись безъ всякаго надзора, она надзирала за Ксеноіей и, избѣгая любезностей стараго генерала, знакоилась съ кѣмъ хотѣла. Несмотря на свою наружную вѣтрость, она училась и, отзывчивая на всѣ вопросы времени, отлыкалась только на его идеальныя стремленія, несмотря на то, что подкладкою для этихъ идеальныхъ стремленій была наука самая реальная. У ней были любимыя фразы—о любви, о добрѣ и о свободѣ; въ нихъ она вѣрила—и эта вѣра была для нее спасительна.

Вѣтрость Миной и ея суетная, приличіемъ замаскированная погоня за романами хоть и были заразительны, но не увлекали

Надю. Семнадцати лѣтъ она воспользовалась случаемъ уѣхать въ провинцію, и до сихъ поръ жила у госпожи М. въ Рязани, въ качествѣ преподавательницы при маленькихъ дочеряхъ ея. Къ Мянѣ писала она разъ или два раза въ годъ—не больше, и въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ извѣстила ее въ десяти строкахъ, что за нее сватался нѣкто Стрекоза, что она прїѣдетъ въ Петербургъ и на нѣсколько дней у ней остановится, если только позволить Егоръ Антоновичъ.

Чего-чего не говорятъ взрослые сестры, оставаясь наединѣ, а потому, нисколько и не удивительно, что Мина Михайловна, распрашивая сестру свою, вдругъ воскликнула:

— Неужели ты... все такая-же и змѣй искуситель пощадилъ тебя?...

Надя покраснѣла—ее покоробило: вопросъ былъ слишкомъ рѣзко выраженъ. Мина-же Михайловна не стѣснялась въ своихъ выраженіяхъ, она считала себя въ правѣ интимничать съ сестрой своей.

— Славу Богу, продолжала Мина, — что ты не пошла по слѣдамъ моихъ... Я была глупа... я и теперь глупа... Но я стала во-сто разъ благоразумнѣе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ за-нужемъ.

— Ты съ нимъ счастлива... Мина?

— Т. е. какъ тебѣ сказать? Онъ не ревнивъ, хотя и подозрительнень... и, можетъ быть, мы оба въ глубинѣ души своей другъ друга не уважаемъ; но мы уживаемся... я выучилась его обуздывать... и, знаешь, двумя манерами—лаской и угрозой, что я сбѣгу... Послѣдняго онъ ужасно боится, не потому, чтобъ онъ былъ влюбленъ въ меня или-бы дорожилъ моимъ сожительствомъ, но потому, что привыкъ, и боится за свою fortuna. Онъ знаетъ, что я принесла ему счастье, что не будь я, никогда-бы ему не поручали такихъ дѣлъ и никогда-бы не имѣли въ виду его особы; а къ бумажному дѣлу онъ очень способенъ... его не надуешь... Онъ будетъ очень богатъ... вотъ увидишь... Онъ хоть и чурбанъ (между нами будь это сказано), но человекъ съ характеромъ... Ты вѣдь знаешь, я люблю сильные характеры... что за бѣда, если такіе люди чаще всего грубы... Иногда онъ очень грубъ и, ты это увидишь, онъ не церемонится, но все это съ меня какъ съ гуся вода... Я не даромъ прошла сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы... я не разозлюсь и даже не покраснѣю

отъ какой-нибудь неадекватности... Я—не ты... никогда себя не берегла и никогда ничего не боялась...

Нельзя-же было Минѣ Михайловнѣ хоть чѣмъ-нибудь да не похвастаться передъ сестрой своей.

Надя съ недоумѣніемъ поглядывала на Мину Михайловну, невольно опускала рѣсницы и невольно удивлялась неизменности ея чувствъ или нравственныхъ потребностей...

— Ну, а что-же Стрекоза: онъ скоро на тебѣ женится?

— Никогда!..

— Онъ былъ очень влюбленъ въ тебя?

— Какъ дуракъ.

— Богатъ?

— Да... кажется. А впрочемъ я не справлялась...

— Отчего-же ты уѣхала, бросила мѣсто и...

— Это долго рассказывать... скажу въ двухъ словахъ. Онъ приглашалъ меня въ свою усадьбу—я не поѣхала; онъ сталъ свататься—ему помогали, меня уговаривали—я не согласилась. Онъ затѣялъ насильно увезти меня, при помощи своихъ друзей... Марья Сергѣевна, у которой я жила, хоть и была большой другъ его, вѣроятно испугалась послѣдствій—я не изъ числа покорныхъ, а онъ родственникъ губернатора, и вышелъ-бы скандалъ, и это могло-бы испортить его карьеру; она ужаснулась мысли, что ее сочтутъ помощницей и сама наединѣ посовѣтовала мнѣ или принять предложеніе, или уѣхать. Я давно уже собиралась покинуть домъ ея, и этотъ совѣтъ пришелся мнѣ по душѣ... Я уѣхала... Теперь, я увѣрена, она всѣмъ говоритъ, что я сбѣжала. Ну, да это мнѣ все равно...

— Вотъ и романъ... Пей твой кофе... Ахъ, какъ я тебѣ рада, душа моя!.. Только, на твоемъ мѣстѣ, я-бы поступила иначе... Я-бы ему дала увезти себя... и заставила-бы его, дурака, на себѣ жениться...

— Если-бы даже онъ тебѣ и не нравился?

— А развѣ онъ тебѣ не нравился?

— Нѣтъ... съ досадой, отрывисто отвѣчала Надя и, слегка пожавъ плечами, принялась за чашку съ кофе. „Неужели она не поняла того, что я ей рассказывала, подумала Надя,—или она думала о другомъ и не слыхала словъ моихъ, или мы совсѣмъ расходимся въ нашихъ понятіяхъ“?

— Ну, а гдѣ-же твоя Ксенія?

— Должно-быть, пошла купаться... Нынче жаркій день, и она хотѣла купаться.— Не хочешь-ли и ты выкупаться — я провожу тебя.

— Въ купальнѣ?

— Нѣтъ, въ Славянкѣ — на открытомъ воздухѣ.

— Пойдемъ на встрѣчу Ксеніи.

Мина Михайловна задумалась.

— Пойдемъ... но не жарко-ли, душа моя? Я и такъ загорѣла... Удивляюсь, какія у тебя бѣленькія ручки... А ты похудѣла, Надя... Въ твои года это не хорошо... Въ тебѣ кипятъ страсти и нѣтъ имъ выхода... Въ твои года я была огонь... я и теперь огонь, но не тѣ времена... Пора и остепениться... Не правда-ли?..

Мина Михайловна вздохнула и, недождавшись отвѣта, взяла ее за руку.

— Пойдемъ, я покажу тебѣ нашу дачу и садикъ... У насъ еще сирень цвѣтетъ... Садикъ небольшой, но тѣнистый... А все-же я тебѣ совѣтую зонтикъ взять... Ахъ, какъ пахнетъ! — сказала она, выходя на террасу, около которой росли левкои. — А ты не знаешь, пріѣдетъ-ли къ намъ сегодня Петя или не пріѣдетъ?

— Нѣтъ не пріѣдетъ.

— Стало-быть, если ты почувешь — займи его комнату, — ту самую, гдѣ мой Егоръ Антоновичъ еще вчера засталъ Петю съ Дуней...

— Съ какой Дуней?

— Съ нашей горничной... Эта дура, кажется, влюблена въ него... а можетъ быть и такъ... балуется... нельзя-же безъ этого — дѣвка молодая, да и онъ не маленькій — скоро усы начнутъ пробиваться... Дуня ушла съ Ксеніей — навѣрное, ушла! А пора накрывать столъ... Того гляди пріѣдетъ мой Егорушка...

— Пойдемъ-же на Славянку, сказала Надя. Мина Михайловна задумалась. Надя догадалась что сестрѣ ея не хочется выходить изъ дому. — А если тебѣ жарко — позволъ я одна пойду, встрѣчу Ксенію и посмотрю, узнаетъ-ли она меня или нѣтъ.

— Ступай, Надя. Я останунъ хозяйничать. Ты вѣдь знаешь дорогу?... Ахъ да... да! Ты жила здѣсь, стало-быть знаешь, какъ пройти... Помни — дача Брюлова... А я предупрежу Егора Анто-

новича... Вотъ поглядишь, какой онъ у меня. Крѣпнѣе, — даромъ что голова наполовину сѣдая; а усы совсѣмъ бѣлые... Было-бы гораздо лучше, если-бы усы были темные, а голова бѣлая... Я ужъ предлагала ему фабрить ихъ—не хочеть... Упрямый народъ эти мужчины... Ну, до свиданья... Только, ради Бога, не опоздай—ровно шестого половина дома будь...

Надя распустила зонтикъ и вышла черезъ калитку сада на дворъ и затѣмъ, повернувъ изъ воротъ налѣво, пошла вдоль по Солдатской слободкѣ, по троттуару, обсаженному невысокими, но густыми липами.

Ксенія, выкупавшись, завернутая въ простыню, сидѣла на берегу, слегка дрожала и грѣлась на солнышкѣ... Дуня еще купалась вмѣстѣ съ другими... День былъ такой—воистинну лѣтній день, что все оживало: оживали террасы, оживали сады и улицы, оживали голоса, —изъ отворенныхъ оконъ слышалось пѣнье; оживалъ паркъ съ гуляющими дѣтьми и влюбленными, ожило и купанье въ полуверстѣ отъ Павловска, въ томъ мѣстѣ рѣки Славянки, гдѣ купались однѣ только женщины и беззерные купидоны—дѣти ихъ. Далеко были слышны плескъ, шумъ и голоса, и хохотъ и далеко было видно мельканье чего то бѣлаго, какъ тѣло, бѣлаго, какъ полотно, и цвѣтного, какъ юбки и зонтики.

Въ этотъ годъ, самыми нескромными или нецеремонными, по части подглядыванья, оказывались полковные юнкера и молодые солдаты. Они такъ близко и такъ открыто подходили къ мѣсту, гдѣ купались наши барыни и барышни, что ропотъ на нихъ, въ прекрасной половинѣ Павловска, былъ, такъ-сказать, злобой дня; и я знаю, собирались онѣ писать и подавать коллективную на нихъ жалобу полковому командиру или генералу, или ужъ я и не знаю кому, только ничего не написали и никому не подали никакой жалобы.

Итакъ, Ксенія сидѣла завернувшись въ простыню и, начиная высыхать и согрѣваться, оглядывала противоположный холмистый бережокъ, покрытый елями, кустами и мелькающими въ ихъ пестрой тѣни тропинками, и думала... „Вотъ, сюда когда-то забрелъ влюбленный Петя, и на него всѣ кричали и всѣ стыдили его, бѣднаго... и что онъ долженъ былъ въ эту минуту чувствовать!..“

Въ эту минуту сзади подошла къ ней Надя и сѣла рядомъ съ

ней на травкѣ, истоптанной и еще влажной отъ мокрыхъ ногъ, которыя прибѣгали сюда вытираться и обуваться.

Полюбовавшись на оживленную картину весело купающихся, Надя оглянулась и, по длинѣ рѣсницъ, по тонинѣ профиля и по русой, густой косѣ, заподозрила, что рядомъ съ ней Ксенія.

— Ксенія! проговорила она и отвернулась въ другую сторону.

Ксенія съ удивленіемъ на нее поглядѣла и опять перевела глаза свои на рѣку и на противоположный лѣсистый берегъ.

„Ксенія“, опять послышалось ей, и на этотъ разъ она увидѣла профиль въ двухъ шагахъ отъ нея сидѣвшей дѣвушки, и опять удивилась, покраснѣвъ отъ внутренняго волненія.

— Кто это все зоветъ меня? пролепетала Ксенія.

Надя повернула къ ней лицо, озаренное улыбкой и солнцемъ, и засмѣялась, когда глаза ихъ встрѣтились.

— Тетя Надя! съ засвѣтвшимиися зрачками произнесла Ксенія и, выпрыгнувъ изъ простыни, голая, бросилась обнимать ее.

— Здравствуй, моя милая дѣвочка! Только, пожалуйста, одѣвайся скорѣй и пойдемъ... Я за тобой пришла, и мама приказала намъ не опоздать къ обѣду. Хочешь, я помогу тебѣ?..

— Дуня! крикнула Ксенія, — скорѣй, скорѣй!.. Ахъ, тетя милая, давно-ли ты пріѣхала?.. Какъ я рада! Какъ мнѣ скучно здѣсь, и если-бы ты знала, какъ весело купаться!.. Такъ-бы цѣлый день и не выходила изъ воды!.. Извини, что я тебя такъ обнимаю... еще хорошо, что я высохла, а то, право, я такъ-бы, мокрая вся, и бросилась къ тебѣ на шею. На долго-ли ты?.. Ахъ, какъ я рада, какъ я рада! Сколько лѣтъ мы не видались... Какая ты стала... совсѣмъ большая...

Такъ лепетала радостно взволнованная Ксенія. Надя любовалась красотой ея и вмѣстѣ съ Дуней помогала ей одѣваться. Дуня поглядывала на незнакомую ей барышню, прислушивалась къ ихъ разговору и, кажется, догадывалась, что онѣ родныя... Розовый галстучекъ и простенькое темно-сѣрое платье Нади тоже не ускользнуло отъ ея вниманія.

ГЛАВА V.

Напрасно Есенія и Надя торопились домой, — Клинь прїѣхалъ на дачу въ шесть часовъ и былъ не въ духѣ. Кажется, Петѣ не удалось въ этотъ день избѣжать его, но Клинь молчалъ, и мы помолчимъ до поры, до времени.

Мина Михайловна не успѣла предупредить мужа о прїѣздѣ еестры, но онъ уже зналъ и, при рекомендаціи, сухо поклонился ей.

— Вы на какомъ инструментѣ играете? спросилъ онъ ее за обѣдомъ.

— Ни на какомъ, отвѣчала Надя.

— А я думалъ на арфѣ.

„И почему на арфѣ?!“ подумала Мина Михайловна.

— Я не музыкантша, отвѣчала Надя.

— Жаль! Вотъ жена моя, такъ та играетъ.

— О! Съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ, я до клавишъ и не дотрогивалась, отозвалась Мина, деревянными вилками вооружа свои тонкіе пальцы и приготавливая салатъ...

— Гм!.. и Егоръ Антоновичъ изъ подлѣбья поглядѣлъ на жену свою. — Еще-бы тебѣ на двухъ инструментахъ играть! Ты мастерица и на мнѣ играть!..

— Ну, да... не глядя на мужа, веселымъ тономъ отвѣчала Мина Михайловна. — Если и у Нади будетъ мужъ, и она будетъ играть на немъ, разумѣется, если онъ этого будетъ стоить... а если нѣтъ — то...

— То, что-же? крикнулъ, какъ-бы озадаченный, Егоръ Антоновичъ.

— То и не нужно... стоятъ руки марать!.. Вѣдь и ты бросишь инструментъ, коли на немъ и струнъ-то нѣтъ... Потыкаешь, потыкаешь пальцами — дзинь-дзинь, длинь-длинъ — точно гусли разстроенные... жидовскіе... ну, и бросишь... Такъ-то и жена...

— Гм... учитесь, сударыня, обернулся онъ къ Надѣ... — Мы васъ выучимъ...

И выпуклые, сѣрые глаза его впервые обратили на прїѣзжую свое холодное вниманіе и, какъ кажется, остались довольны своимъ наблюденіемъ.

— Жаль, жаль, что я васъ раньше не встрѣтилъ — лучше-бы я на васъ женился.

Надя вспыхнула и хотѣла что-то отвѣчать, но Мина Михайловна тотчасъ-же ее перебила...

— Такъ-бы я тебя и уступила! Держи карманъ!

— Вы, того... оглядывая Надю, продолжалъ Клинь, — и поположе, да и поаккуратиѣ будете: не такая мотовка, какъ ваша сестрица.

— И почему ты это знаешь?.. Всѣ женщины — какъ женщины... Нельзя-же мнѣ ходить чумичкой... Я жена Егора Антоновича Клина... должна и о томъ заботиться, чтобъ по мнѣ и о немъ судили... Такъ-то.

„И откуда у ней взялось столько изворотливости съ этимъ кабаномъ“? подумала Надя и поглядѣла на Ксенію.

Но, судя по лицу, эта взрослая дѣвочка о чемъ-то мечтала и никакого вниманія не обращала на то, что вокругъ нея говорится. Очень можетъ быть и то, что Ксенія до такой степени привыкла къ домашнимъ сценамъ и всякаго рода неделикатностямъ почтеннаго Егора Антоновича, что все это давно уже перестало возмущать ее.

— Вотъ я какая мотовка, продолжала шутить Мина Михайловна, — знала, что пріѣдетъ сестра, и пирожного порядочнаго не заказала... Егоръ, не пей, пожалуйста, слишкомъ холоднаго пива...

На столъ подали послѣднее блюдо — сырники. Егоръ Антоновичъ очень любилъ ихъ, и Мина велѣла подать ему мелкаго сахару.

Наконецъ, встали изъ-за стола. Клинь салфеткой вытеръ усы, налилъ себѣ еще кружку пива и перенесъ ее на террасу, гдѣ и усѣлся передъ маленькимъ кругленькимъ столикомъ.

Ксенія, проходя въ садъ, подошла къ нему поблагодарить за обѣдъ. Надя пріостановилась, подумала и тоже подошла къ нему.

— А вы къ намъ надолго? спросилъ ее Клинь, протягивая плотную руку и поднимая отяжелѣвшія рѣсницы (ему дремалось).

— Къ вамъ не надолго, — на дняхъ переѣзжаю на квартиру.

— Гм! Точно я васъ гоню, провочалъ онъ сквозъ зубы, — въ городѣ квартира пустая... кто васъ гонить...

Выслушавъ его, Надя сбѣжала въ садъ вслѣдъ за Ксеніей.

За кустами малины, подъ еленами и сиренью, сѣла она на

единственную въ этомъ саду скамеечку, заспанную остатками песка, изъ котораго сосѣднія дѣти пироги пекли.

— Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, что ты пріѣхала! начала Ксенія.—И какъ ты меня узнала... вѣдь, помнишь, три года тому назадъ, какой еще ребенокъ была я, я какая глупая, глупая, глупая!.. Ахъ, какъ жаль, что Пети нѣтъ... я-бы тебя съ нимъ познакомила... Что это онъ не ѣдетъ, я сегодня къ обѣду ждала его...

— Сегодня онъ едва-ли пріѣдетъ.

— А! Ты его видѣла?

— Сегодня утромъ чай пила съ нимъ... въ Петербургѣ.

— Ахъ, да... въ Петербургѣ... И какими, я думаю, букой онъ велъ себя...

— Нѣтъ.

— Какъ это странно!.. Меня онъ не скоро удостоилъ своего вниманія... Но, не правда-ли, тетя, онъ милый?

— Кажется...

— Когда-же онъ пріѣдетъ?

— Не знаю...

— Чему ты улыбаешься, тетя? Я люблю, когда ты улыбаешься—только, пожалуйста, не улыбайся...

И Ксенія улыбнулась сама, обняла и поцѣловала Надю.

— А не слыхала-ли ты—правда это, будто онъ не выдержалъ экзамена?

— Да, это, къ сожалѣнію, правда... Мнѣ его очень жаль... Хочетъ выйти изъ гимназіи... нужно платье,—денегъ нѣтъ... Кстати, напомни мнѣ о деньгахъ: Любовь Петровна жалуется, что у ней ни копѣйки и не на что готовить обѣдъ для Пети.

— Зачѣмъ-же для Пети обѣдъ? Вѣдь онъ переѣдетъ къ намъ. Вѣдь ужъ и комната ему готова... и Егоръ Антоновичъ говорить... Зачѣмъ-же ему въ Петербургѣ обѣдать?.. Ахъ, тетя Надя! Пожалуйста, вразуми его, иначе онъ непремѣнно какихъ-нибудь глупостей надѣлаетъ—будетъ ходить на кладбище и тамъ какіе-то уроки давать!..

— Ты, кажется, расположена къ нему? сказала Надя.

— Въ какомъ это смыслѣ расположена? вспыхнула Ксенія, и яркій румянецъ залилъ все лицо ея.—Если ты думаешь—любовь,

то это глупости! Вотъ еще, стану я его любить, когда онъ другъ любить и о другой мечтаетъ!..

— О комъ-же это?

— Да онъ и самъ не знаетъ о комъ... Впрочемъ, это его тайна... я не имѣю права выдавать чужія тайны, серьезно, какъ взрослая, заговорила Ксенія и задумалась...

— Говорить, что предметъ его, какъ двѣ капли воды, похожъ на меня! Какой вздоръ! пролепетала она, глядя въ пространство...

Изъ-подъ ея коротенькаго платица выставилась ножка и машинально играла носкомъ, придавая задумчивости ея отгѣнокъ чего-то нетерпѣливаго или досаднаго.

— И... если я люблю Петю, то, знаешь, за что именно я люблю его?..

— За что?

— А за то, что онъ мнѣ честное слово далъ, рано или поздно узнать, чья я дочь...

— Ты... смѣшная... Кто-же этого не знаетъ: ты дочь сестры моей... не безъ смущенія сказала Надя.

— Н...нѣтъ! Не правда!.. Хочешь доказательства? Ну, говори, какъ ее фамилія? Если она была Баскова, то и я Баскова, если Тютинна—то и я Тютинна, отчего-же я Сергѣева?.. Не вѣришь—спроси въ гимназій, тамъ всѣ иначе и не зовутъ меня... Вотъ!

Надя, не безъ душевной тревоги, поглядѣла на раскраснѣвшееся личико Ксеніи. Она не знала, что ей отвѣчать, въ какія пускаться подробности, чѣмъ увѣрить ее, что она ошибается.

— Стало-быть, ты намъ всѣмъ чужая, и я тебѣ не тетя,— ну, такъ и не называй меня тетей.

— И всегда буду называть тебя тетей, и всегда буду очень благодарна мамѣ за то, что она взяла меня вмѣсто дочери... Ну, да... что ты такъ на меня смотришь? Неужели ты не знаешь, что я была подкинута?..

— Подкинута!.. Кто тебѣ это сказалъ?

— Одна старушка.

— Какая старушка?

— Ну, ужъ этого я не скажу, какая... И если ты этого не знаешь, тетя,—то знай, и не сердись на меня... ради Бога, не сердись... душенька моя... дорогая моя, не сердись!..

И она обняла Ксенію, и стала говорить ей, какая будетъ ей радость узнать когда-нибудь своихъ настоящихъ родителей... „Пусть будутъ хоть нищіе, все равно... лепетала Ксенія, — все-же не хуже этого... проклятаго... терпѣть его не могу... и Зуева, который съ нимъ въ карты играетъ, и того терпѣть не могу“...

Въ это время за кустомъ послышались шаги Мины Михайловны.

— Пожалуйста, вы меня не выдавайте, — скороговоркой, на ухо Надѣ, проговорила Ксенія.

Мина Михайловна нашла ихъ въ садикѣ съ единственной цѣлью — звать ихъ черезъ полчаса къ Павловскому вокзалу, на музыку.

ГЛАВА VI.

Отъ Ознобина Петя пошелъ къ своему товарищу Билину и засталъ его больнымъ въ постелѣ и торжествующимъ — онъ выдержалъ свои экзамены и умиралъ. Мать его, старушку, засталъ онъ въ слезахъ, такъ-какъ докторъ сказалъ ей: „Сынъ вашъ проскрипитъ не долго“... Она собиралась на дачу въ Мартышкино, куда звалъ ее старшій сынъ ея, и надѣялась, что воздухъ и близость моря лучше всякихъ докторовъ помогутъ ея любимцу Сеничкѣ. Она просила Петю не много разговаривать съ ея сыномъ, и Петя, съ стѣсненнымъ сердцемъ просидѣвши съ часъ въ его комнатѣ, простился съ нимъ.

Вернувшись домой, онъ узналъ отъ Михѣя, что барышни дома нѣтъ; но что Егоръ Антоновичъ пришелъ и сидитъ у себя въ кабинетѣ.

Петя хотѣлъ тотчасъ-же уйти куда глаза глядятъ, но черезъ кухню прошелъ въ свою комнату и сталъ думать.

Мы не даромъ сказали, что душа его въ этотъ день была настроена на болѣе высшій тонъ, а потому и неудивительно, что онъ рѣшился первый идти на встрѣчу гнѣва, а, можетъ быть, и затрецины, иначе сказать, не только не избѣгать встрѣчи съ отцемъ, но прямо войти къ нему, все рассказать и даже признаться въ своемъ малодушіи.

Онъ зналъ, что въ 4 часа отецъ его будетъ уже на Царско-сельской станціи и поѣдетъ домой обѣдать, и такъ-какъ было уже три часа — времени оставалось не много — и онъ рѣшился...

Скрѣпя сердце, перешелъ онъ залъ и подошелъ къ двери кабинета. „Заперта“, подумалъ онъ, положилъ на жѣдную ручку ладонь и придавилъ ее — дверь отворилась.

Онъ увидѣлъ отца своего, сидящаго за столомъ, на которомъ лежали кучи депозитовъ и золота... Онъ, очевидно, ихъ пересчитывалъ и что-то записывалъ...

Петя хотѣлъ вернуться, но чуткій старикъ, несмотря на то, что шея у него была толстая и короткая, быстро повернулъ свою голову, и черезъ плечо, однимъ глазомъ, увидѣлъ сына.

Старикъ покраснѣлъ, и брови его сдвинулись.

- Что тебѣ надо? спросилъ онъ.
- Извини меня... я не зналъ, что могу помѣшать тебѣ...
- Что тебѣ надо?
- Пришелъ поговорить съ тобой...
- Какъ ты смѣлъ... мальчишка!
- Мнѣ очень нужно поговорить съ тобой...
- Убирайся вонъ!..
- Такъ ты не хочешь?
- Убирайся вонъ! говорятъ тебѣ... Казенныя деньги... я занятъ... Жди меня въ своей комнатѣ...

Петя вышелъ.

„Деньги ему дороже всего на свѣтѣ, подумалъ онъ, удаляясь въ свою комнату. — Онъ не казначей, чтобъ считать казенныя деньги... Я помѣшалъ ему — этого онъ мнѣ не простить... Вотъ онъ войдетъ бѣшеный, злой, и что я скажу ему?.. Развѣ онъ выслушаетъ меня по-человѣчески!.. Нѣтъ — будетъ благоразумнѣе, если я... что бышь такое? — Ахъ да... если я напишу ему письмо и... нѣтъ не то... будетъ лучше, если я спрошу совѣта у Нади... Что она скажетъ мнѣ, какъ посоветуетъ, такъ и сдѣлаю... „Надо бороться“ сказала она — „бороться“ — ну вотъ пусть и научитъ меня, какъ бороться“...

— Любовь Петровна! сказалъ онъ, переходя въ кухню, — я сейчасъ выйду... Если спросить меня отецъ, скажите, что я ушелъ по дѣлу и чтобъ онъ не ждалъ меня...

— А какъ-же обѣдать-то?

— Приду обѣдать, только позднѣе... да еще и аппетита нѣтъ — я сейчасъ только у товарища кофе пилъ...

И Петя, напаяливъ уши, сошелъ внизъ и пошелъ куда глаза глядятъ...

Вотъ почему Егоръ Антоновичъ вернулся въ Павловскъ часомъ позднѣе и вернулся не въ духѣ. Ему не удалось поговорить съ Петей, онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что сынъ, — непослушный сынъ — не дождался его въ своей комнатѣ.. Отъ Любовь Петровны узнать онъ, между прочимъ, что въ квартиру его пріѣхала сестра жены его и что ночью Петя такъ испугался, когда увидѣлъ ее со свѣчей въ корридорѣ, что упалъ въ обморокъ, что она послала за докторомъ, но что послать было некого, что она страшно перетрусилась и что у ней ни копѣйки денегъ нѣтъ.

Молча выслушавъ Клинь рассказъ ея и, быть можетъ, вспоминая, какимъ блѣднымъ и худымъ вошелъ къ нему сынъ его, почувствовалъ въ глубинѣ души своей нѣчто похожее на угрызение совѣсти...

— Сколько нужно денегъ? спросилъ онъ Любовь Петровну.

— На чай, на сахаръ, на булки, на провизію... на все нужны деньги...

— Сколько? крикнулъ старикъ, раскашлявшись.

— Сколько пожалуете, струсивъ, отвѣчала Любовь Петровна.

Клинь далъ ей двадцать рублей, сказалъ, что Петя скоро переѣдетъ въ Павловскъ, и затѣмъ удалился — мрачный и какъ будто чѣмъ-то встревоженный.

Было уже одиннадцать часовъ вечера. Петя не спалъ, ходилъ по залѣ и дождался Нади. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ вдругъ собрался было ѣхать на станцію и дожидаться поѣзда, но сообразилъ, что ужъ поздно, что пока онъ добѣжитъ до станціи, она пріѣдетъ безъ него и ляжетъ спать...

Было двѣнадцать... въ окнахъ потемнѣло, такъ-какъ небо было покрыто дождевыми тучами. — Нетерпѣніе Пети росло и росло, у него ныло подъ ложечкой и голова кружилась отъ страстнаго, неодолимо-напряженнаго ожиданья. Онъ то ходилъ, то ложился на диванъ, то закрывалъ глаза... Наконецъ, мысль, что она осталась ночевать въ Павловскѣ, что она не пріѣдетъ, точно желѣзный обручъ сковала его движенья... Онъ замиралъ, прислушивался, отчаявался и съ глазами устремленными въ потолокъ сидѣлъ съ закинутой головой, съ раздвинутыми на полу ногами и, какъ разслабленный, не двигался...

Было уже сорокъ минутъ перваго, когда вдругъ раздался слабый звонокъ въ передней.

„Она!“ подумалъ Петя и вскочилъ. Точно выстрѣлъ раздался надъ головой его... Шатаясь, побѣждалъ онъ отворять дверь... Этой чести онъ не хотѣлъ предоставить Михѣю, который спалъ, и хотя не былъ пьянъ, но надо было сильно рвануть за звонокъ, чтобъ разбудить его.

Вошла Нада и удивилась, что Петя не спитъ, что Петя, какъ безумный, обнимаетъ ее и цѣлуетъ...

— Петя, какъ тебѣ не грѣхъ... Зачѣмъ ты... Перестань... Я устала, я спать хочу...

— Ахъ Нада, если-бы ты знала, какъ я ждалъ тебя!.. Ради Бога, не мучь, не терзай меня... Слушай Нада!.. Когда ты опять будешь въ Павловскѣ... Нѣтъ, не то... Мнѣ надо знать, какъ обошелся съ тобой отецъ мой. Мнѣ это необходимо знать, — необходимо! Садись... ну хоть на одну минуту сядь и поговори со мной... Вотъ въ чемъ дѣло, — слушай.

Нада сѣла на диванъ, и, несмотря на сумракъ ночи, Петя не могъ не замѣтить, какъ она блѣдна и взволнована.

— Ты не думай, Нада, что я дерзкій — нѣтъ, я люблю тебя, ты мое божество, но я не дерзкій... И если я тебя ожидалъ — я не даромъ ожидалъ... мнѣ надо съ тобой посоветоваться...

— Почему-же теперь, а не завтра; вѣдь утро вечера мудренѣе...

— Завтра!.. Но мнѣ кажется, что днемъ я буду не въ силахъ и говорить съ тобой... днемъ уже я никому и ничему не вѣрю... себѣ не вѣрю... Я знаю, что я не буду и сегодня спать, если я не поговорю съ тобой...

— Поговоримъ... Но, Петя, я вѣдь также искренна, какъ и ты... Ну вотъ я съ тобой... Чего-же ты хочешь?

— Ничего я такъ не хочу, чтобъ хоть ты, Нада, меня любила...

— Да развѣ я не люблю тебя? Я какъ сестра люблю тебя... пожимая плечами, точно холодовъ пробѣгалъ по спинѣ ея, тихимъ, замирающимъ голосомъ говорила Нада.

— Какъ сестра!.. Господи, какъ это утѣшительно! Да развѣ сестры любятъ братьевъ? У меня есть тоже сестра, и любитъ она меня такъ-же, какъ ты любишь тотъ тѣсный, новый башмагъ, который ни разу не смогла ты надѣть себѣ на ногу, и на который ты смотришь и думаешь — куда мнѣ дѣвать его? — Въ магазинъ назадъ не возьмутъ, а продать некому...

Нада не ожидала отъ Пети такихъ сравненій... „Онъ не глухъ“,

подумала она, пожала ему ту руку, которая покоилась въ рукѣ ея и отвѣчала:

— Ну, есть разныя сестры, также какъ и разныя жены есть... Считай меня любящей сестрой, во всемъ готовой тебѣ помогать и тебѣ сочувствовать...

— Неужели во всемъ?.. Неужели? Ахъ, сестра, вѣдь если-бы не было надежды, что на землѣ есть нѣчто похожее на любовь или на то счастье, которое она можетъ дать—была-бы безнадежность и вся жизнь была-бы сплошнымъ отчаяньемъ... Вотъ сегодня—я пришелъ къ отцу... утромъ я избѣгалъ его... въ три часа устыдился своей робости и смѣло пошелъ къ нему... Хотѣлъ высказаться—и что-же... Ну что, ты думаешь, онъ сдѣлалъ?.. Ты думаешь, онъ меня выслушалъ? Онъ прогналъ меня... Онъ въ это время считалъ свои деньги и прогналъ меня...

— Бѣдный Петя!..

— Я хочу выйти изъ гимназіи и готовиться къ экзаменамъ зрѣлости въ другой гимназіи. Мнѣ нужно знать—гдѣ проживу я этотъ годъ и могу-ли я прожить его такъ, чтобъ не слышать поминутныхъ упрековъ и жалобъ, оскорбительныхъ... оскорбляющихъ мое самолюбіе...

Послѣднія слова Петя проговорилъ какъ-бы сквозь слезы и припалъ головой къ плечу ея...

— Если тебѣ тяжело... я... переговорю съ отцемъ твоимъ... Мнѣ трудно это, но не тяжело... Онъ, можетъ, и добрый человекъ въ глубинѣ души своей, но грубъ и невоспитанъ...

Затѣмъ Надя передала ему разговоръ ихъ за обѣдомъ въ Павловскѣ и незамѣтно перешла къ Ксеніѣ.

— Ты тамъ всеми любимъ... все ждутъ тебя, сказала Баскова,—особливо Ксенія... Только объясни мнѣ, милый мой, что означаетъ то честное слово, которое ты далъ ей?

— Кому?—Ксеніѣ? Какое честное слово?

— Ты далъ ей слово узнать, кто ея мать и кто отецъ.

— Я!.. Неужели? удивился Петя.

— Я это слышала отъ нея самой, тѣмъ-же тихимъ голосомъ проговорила Надя.

— Клянусь тебѣ—не помню... Помню только, что она мнѣ что-то такое говорила... будто-бы она подкинута... но что я на

это отвѣчалъ ей—не помню... Неужели я ей далъ честное слово? Какъ это могло-быть—не понимаю...

— А Ксенія, по всему судя, очень тебя любитъ и просила меня напомнить тебѣ твое обѣщаніе—едва-ли исполнимое, потому-что, не подлежатъ сомнѣнію, она родилась отъ сестры моей... И потому, что Сергѣевыхъ безчисленное множество. Сама сестра моя давнымъ-давно уже потеряла его изъ виду... Говорятъ, это былъ франтъ, въ родѣ салоннаго Донъ-Жуана; онъ и двухъ мѣсяцевъ не былъ знакомъ съ сестрой моей, увезъ, поступилъ въ полкъ и уѣхалъ... Обыкновенная исторія!.. Я ни слова не сказала Миѣ объ этихъ фантазіяхъ Ксеніи... О да, это фантазія!.. Надо какъ-нибудь постараться, чтобъ Ксенія выкинула ее изъ головы. Кто, кромѣ матери, можетъ это сдѣлать! А какъ сказать матери? И чѣмъ она станетъ оправдываться передъ своей молоденькой дочерью!.. Это очень щекотливая исторія...

— А какая въ томъ бѣда, что она думаетъ, что ее подкинули?

— А такая, что это измѣняетъ ея нравственныя отношенія къ ея родной матери...

— А чѣмъ-же это дурно, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ или могутъ существовать? Вѣдь сестра твоя не исправить и не наставить... Но можно-ли мнѣ быть съ тобой искреннимъ? Скажи, можно-ли?.. Позволяешь-ли ты мнѣ говорить все, все...

Надя затруднилась въ отвѣтъ. Позволить ему говорить все, все—этого она боялась, такъ-какъ подозрѣвала, что Петя влюбленъ въ нее (хотя, можетъ быть, и безсознательно); а какъ-же не позволить, когда она сама вызвалась на то, чтобъ быть искренной.

— Говори, сказала она сухо.

— Сестра твоя—дурной примѣръ... Ты думаешь, она вѣрна моему милому родителю?.. Имѣю данныя думать, что не вѣрна... и что всего хуже, это меня нисколько не оскорбляетъ... Вотъ каковы наши отношенія!.. Ты меня зовешь въ Павловскъ... или нѣтъ, не ты, онъ зовутъ меня въ Павловскъ; но жить тамъ и на все глядѣть сквозь пальцы и быть какъ-бы тайнымъ соучастникомъ всякаго рода пошлостей—невесело...

— Не знаю, что мнѣ и отвѣчать тебѣ на твои данныя... „не осуди и не осуждень будешь“...

— И ты не осудишь меня, если я тебя поцѣлую?..

— Что это значить?.. Развѣ ты видѣлъ, что кто-нибудь

цѣлуетъ сестру мою?.. А если видѣлъ — неужели ты хочешь, чтобъ я подражала ей... Люби меня безъ поцѣлуевъ, безъ всякихъ сантиментальностей... здоровой, хорошей любовью люби меня... Что-же ты замолчалъ? О чемъ ты думаешь?

— А я думаю — какой сильный проливной дождь идетъ... Слышишь, какъ хлещетъ въ стекла... и такъ темно въ воздухѣ... Я радъ, что ты пріѣхала до дождя... твой маленькій зонтикъ не могъ-бы спасти тебя отъ ливня, и я-бы страдалъ за тебя, воображая себѣ, что ты сидишь на извозчикѣ и вѣтеръ съ дождемъ все, съ ногъ до головы, обдастъ тебя...

— Какой-ты добрый...

— Ахъ, Надя, Надя... на цѣлый годъ ты меня старше и на десять лѣтъ умнѣе... Я уже это чувствую...

— И тебѣ досадно...

— Я и самъ не знаю... знаю только... Ну, да что говорить!..

— А если я такъ умна, по твоему, то послушайся меня: пойдн спать, мы еще успѣемъ наговориться... Не правда - ли?.. Прощай!..

Надя высвободила свою руку изъ руки его, нагнулась и поцѣловала его въ голову. Но Петя не поцѣловалъ даже руки ея. На него нашло что-то странное: онъ точно устыдился всего того, что происходило съ нимъ, точно раскаялся въ томъ, что удержалъ ее и заставилъ цѣлый часъ сидѣть съ нимъ въ сумеркахъ нечи и болтать...

— Прощай! пролетѣлъ онъ, когда она уходила, и не всталъ съ мѣста, чтобъ проводить ее. Отъ смутнаго сознанья, что онъ не стоитъ любви и что эта дѣвушка никогда не будетъ принадлежать ему, горькое чувство шевельнулось въ груди его и отозвалось въ головѣ чѣмъ-то тяжелымъ и подавляющимъ.

ГЛАВА VI.

Есть такія дѣвушки, которыя говорятъ, говорятъ и вдругъ задумаются, — все лице приметъ какое-то страдальческое выраженіе, глаза потемнѣютъ и остановятся, и почувдится въ нихъ глубинная задушевная и страсть, и налетѣвшая мечта, и такое тайное горе, что вамъ невольно захочется спросить: „Что съ вами“?.. А въ это

самое время она думала: сколько аршинъ матеріи пошло на платье и сколько аршинъ должна была украсть портниха или,—въ какомъ магазинѣ купить ей ботинки?

Въ такихъ задумчивыхъ дѣвушекъ очень часто влюбляются наши мечтатели...

Но есть лица, которыя еще опаснѣе: ихъ выраженіе неуловимо и въ то-же время безпрестанно влечетъ ваше вниманіе, дразнить любопытство и затѣмъ внушаетъ тайную мысль, что подъ этими холодными чертами, (въ ту минуту, когда онѣ холодны) таится адъ крошечный, лава кипучая, и что подъ этой блуждающей улыбкой (въ ту минуту, когда она просвѣчивается то въ глазахъ, то въ очертаніяхъ губъ) проскользаетъ что-то очень милое, нѣжное, словомъ—какая-то увлекательная тайна, ни кому не вѣдомая, и что тотъ, кто овладѣетъ этой тайной—блаженнѣйшій человѣкъ во всей подсолнечной.

Такихъ лицъ очень немного, и они дѣйствительно принадлежатъ недюжиннымъ дѣвушкамъ, и никакое искусственное кокетство не сравнится съ тѣмъ кокетствомъ, которое вложено въ нихъ самой природой, за которое они не отвѣчаютъ, котораго даже не подозреваютъ.

И къ числу такихъ лицъ принадлежало лицо Нади, или Надежды Михайловны Васковой.

И Петя каждое утро и почти что каждый вечеръ видѣлъ это лицо.

Куда дѣвались его сомнѣніе и его самоувѣренность? Отъ этихъ мальчишескихъ чувствъ не осталось слѣда, ибо съ той самой ночи, когда онъ съ ней бесѣдовалъ послѣ того какъ она вернулась изъ Павловска,—онъ впалъ въ какое-то ровное, холодное, почти невозмутимое отчаяніе. Онъ далъ себѣ слово—никогда не брать ее за руку, не говорить ей нѣжностей и, паче всего, не произносить слово—любовь. Слово это стало для отроческой души его чѣмъ-то въ родѣ словъ „металлъ“ и „жупель“, для той московской купчихи, которая страшно испугалась, когда впервые услышала ихъ (смотри одну изъ комедій Н. А. Островскаго).—Онъ, этотъ юный и еще безбородый юноша, такъ спокойно съ ней говорилъ и вообще такъ велъ себя, что Надя была-бы очень довольна имъ,—даже думала-бы, что ошиблась, что никогда этотъ Петя не былъ и не будетъ влюбленъ въ нее, если-бы... не была инстинктивно проникательна...

Недаромъ онъ старался отводить отъ нея глаза свои, не глядѣть ей въ лицо, даже пересталъ быть простодушно откровеннымъ съ ней. Онъ чаще сталъ уходить изъ дому и, когда возвращался домой, прежде всего уходилъ въ свою комнату, хватался за книги, за перо, за голову, и иногда, безъ всякой видимой причины, слезы текли по щекамъ его...

Надя ѣздила два раза въ Павловскъ, и въ первый разъ привезла ему отъ Мины Михайловны денегъ на платье; второй разъ передала ему въ краткихъ словахъ—до какой степени взбѣсился отецъ его, когда узналъ, что онъ не выдержалъ экзамена и, не спросивъ его, вышелъ изъ гимназiи.

Надя нашла себѣ небольшую квартирку на Малой Морской—на дворѣ, у одной содержательницы меблированныхъ комнатъ, и собиралась переѣхать. Но прежде чѣмъ переѣхать, она надѣялась уговорить Петю переселиться въ Павловскъ и даже намекала ему, что Ксенiя къ нему не совсѣмъ равнодушна; но Петя или упрямо молчалъ, или сожалѣлъ, что никакъ не можетъ исполнить ея желанiя.

А въ Павловскѣ не только ожидали его,—ревновали... Дуня прiѣзжала въ Петербургъ, цѣлыхъ 4 часа просидѣла въ кухнѣ и проболтала съ Любовью Петровной, въ надеждѣ пробраться къ Петѣ и узнать отъ него самого, отчего онъ такой жестокой и чѣмъ она могла негодить ему. Но какъ нарочно, Пети весь этотъ день не было дома (онъ былъ у Орѣшина на Васильевскомъ островѣ), и Дуня вернулась въ Павловскъ опечаленная и про себя давала клятву, если не прiѣдетъ Петя еще три дня, на четвертый день непременно измѣнить ему.

Ксенiя-же вдругъ стала догадываться. „Ба! думала она,—та Надя, въ которую былъ влюбленъ Петя и которая жила когда-то въ Павловскѣ, ужъ не моя-ли тета?.. Ужъ не та-ли Надя, которая теперь въ Петербургѣ“?.. Все это разомъ пришло ей въ голову въ ту минуту, когда, однажды, мать сказала ей: „Ты вся въ Надю: такая-же бѣлобрысая и синеглазая“.

Дождавшись милой тети, она достала себѣ двѣ махровыхъ гвоздики, приколола ихъ къ груди, увела тетю въ садъ и сказала: „Вотъ видишь, тетья, какая я вѣтрениная дѣвочка.—Какой-то мальчикъ положилъ мнѣ на окно эти цвѣточки, ну... и видишь...“

я ихъ припилила на грудь; а когда съ нимъ встрѣчусь, непремѣнно нарочно улыбнусь ему“...

Надя не догадалась сразу, на что она намекаетъ и, повѣривъ ей, назвала ее до непростительности вѣтренной дѣвочкой.

Ксенія искоса пристально поглядѣла ей въ лице, надула губки и чуть не заплакала.

— Я солгала, сказала Ксенія, — никто не клалъ ко мнѣ на окно этихъ цвѣтовъ, я выпросила ихъ у одного знакомаго... Я не такая счастливая, какъ ты... тетя...

— Да чѣмъ же я счастливая? И за что ты на меня сердишься?..

— И не думаю сердиться... Богъ съ тобой!..

И только, уѣзжая изъ Павловска, въ вагонѣ, вспомнила Надя, что Петя когда-то ей на подоконникъ положилъ двѣ розы и догадалась, къ немалому своему удивленію, что значить эта сцена, разыгранная Ксеніей.

„Богъ мой! думала Надя, — что изъ нее выйдетъ; вся она изъ какихъ-то фантазій... и какъ рано страстишка забирается въ это маленькое дѣвственное сердце... Вотъ, нажила себѣ какую соперницу... ревнуетъ!.. Боже мой! Боже мой!..

Я. Половожій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА XIX.

Битва при Моденѣ.—Возмущеніе.—Маркъ Крассъ.

Пораженіе Геллія было неизбѣжно. Пробираясь среди труповъ, Эвтибида издали видѣла, какъ слабо сопротивлялись римляне неудержимому напору гладіаторскихъ легионовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она замѣтила, какъ Спартакъ все болѣе и болѣе растягивалъ свой фронтъ, обнаруживая явное намѣреніе охватить консульское войско съ обоихъ фланговъ.

Въ то время какъ Эвтибида съ горечью смотрѣла на отдаленную битву, лишавшую ее столь давно лелѣянной надежды отмстить, наконецъ, Спартаку, мимо нея пронесся бѣлый конь въ голубой попонѣ, мчавшійся, обезумѣвъ отъ ужаса, по полю. Эвтибида узнала коня: онъ принадлежалъ Уциліану, одному изъ контуберналовъ Окномана, убитому на ея глазахъ въ началѣ сраженія. Она тотчасъ же сообразила, что можетъ воспользоваться животнымъ для своихъ злодѣйскихъ замысловъ и, когда конь упалъ, споткнувшись, среди груды труповъ, Эвтибида бросилась къ нему и схватила его за уздечку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскопичить.

Въ это время легионы консула Геллія, подавленные численнымъ превосходствомъ гладіаторовъ, охваченные съ обоихъ фланговъ, въ безпорядкѣ отступали къ полю, гдѣ утромъ были изрублены

германцы. Гладіаторы ожесточенно тѣснили римлянъ, горя желаніемъ отмстить за гибель своихъ братьевъ.

Звонъ мечей и щитовъ и дикіе крики сражающихся приближались. Эвтибида могла разглядѣть не только линіи легионовъ, но и фигуры отдѣльныхъ воиновъ и всадниковъ. Пораженіе римлянъ было полное, непоправимое. Эвтибида видѣла это, и произнесла въ безсильной злобѣ:

— О, фуриі-истительницы, неужели вы превратились въ кроткихъ голубовъ?.. Я поставила все на карту, чтобы заставить этого дурака Окномана увести свои легионы и надѣялась, что галлы послѣдуютъ за ними,—но галлы остаются! Я обрекла на гибель эти десять тысячъ германцевъ и думала, что Спартакъ будетъ раздавленъ, какъ въ тискахъ, обоими консулами,—и вдругъ онъ разбиваетъ на голову Геллія и теперь со всѣми своими силами обрушится на Лентула и разобьетъ и его, если только не разбилъ уже. О, боги, неужели вы сдѣлали этого раба неуязвимымъ и непобѣдимымъ какъ вы сами?

А римляне, между тѣмъ, приближались къ мѣсту утренняго побоища. Эвтибида, блѣдная отъ злости и негодованія, направилась къ серединѣ поля, гдѣ лежало бездыханное тѣло Окномана, ведя за собой въ поводу бѣлаго коня Уциліана. Здѣсь она выбрала маленькое пространство, свободное отъ труповъ, остановилась, вынула изъ ноженъ свой маленькій мечъ и, подойдя къ коню поближе, быстро вонзила ему въ сердце свой мечъ по самую рукоятку. Отчаянно рванулся несчастный конь, но ударъ былъ вѣренъ: сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, онъ упалъ на колѣни и грохнулся на землю, обливаясь кровью.

Тогда Эвтибида подошла къ коню и легла рядомъ съ убитымъ животнымъ, подсунувъ подъ него ногу, такъ-что можно было подумать, что всадникъ и конь упали оба подъ ударами непріятеля.

Шумъ битвы тѣмъ временемъ все усиливался, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ лежала Эвтибида. Свирѣпые крики побѣдителей не могли заглушить отчаянныхъ воплей и проклятій побѣжденныхъ.

Видя полную неудачу всѣхъ своихъ надеждъ, мучимая сознаніемъ своего безсилія и униженія, Эвтибида чувствовала какую-то небывалую слабость, уныніе, малодушіе. Вдругъ ей показалось, что солнце блѣднѣетъ и какой-то туманъ застилаетъ ей глаза. Въ

то-же время она почувствовала жгучую боль въ лѣвой рукѣ. Приподнявшись на правомъ локтѣ, она увидѣла, что повязка ея вся красна отъ крови. При этомъ видѣ лицо ея, и безъ того блѣдное, сдѣлалось землисто-зеленымъ. Въ глазахъ у нея потемнѣло. Она хотѣла крикнуть, призвать на помощь, но изъ ея синѣлыхъ губъ вырвался только слабый стонъ. Пытаясь приподняться, она опрокинулась навзничъ и уже не шевелилась больше.

Римляне, потерявъ всякій порядокъ, бѣжали, охваченные паническимъ страхомъ, и не думали больше о сопротивленіи. При видѣ поля, покрытаго трупами десяти тысячъ ихъ товарищей, гладіаторы съ удвоеннымъ бѣшенствомъ накинулись на враговъ, никому не давая пощады. Пораженіе Геллія было полное и ужасное. Четырнадцать тысячъ его воиновъ легло на полѣ битвы, и самъ консулъ, раненый, спасся только благодаря быстротѣ своего коня. Ничтожные остатки его арміи, за нѣсколько часовъ грозной и побѣдоносной, бѣжали по всемъ направленіямъ, безъ знаменъ и значковъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Радость гладіаторовъ, по поводу такой блистательной побѣды, была, однако, омрачена мыслью о гибели двухъ германскихъ легионовъ, и Спартакъ, вмѣсто празднованія, назначилъ въ этотъ день трауръ по всему войску.

На другой день послѣ этой двойной битвы, побѣдители предали погребенію тѣла своихъ убитыхъ товарищей. Все поле на громадномъ пространствѣ было покрыто гигантскими кострами, на которыхъ сожигались сложенные сотнями трупы гладіаторовъ.

Тѣло Окномана, положенное на отдѣльный костеръ, было покрыто благовоніями, присланными по приказанію Спартака, трепещущими жителями Норціи, и завернуто въ бѣлый саванъ изъ торнаго льна. Спартакъ поцѣловалъ нѣсколько разъ трупъ своего сподвижника и прерывающимся отъ слезъ голосомъ произнесъ надъ нимъ надгробное слово, въ которомъ припоминалъ доблести покойника, его безпредѣльную храбрость, честность и прямоту. Затѣмъ, взявъ въ руки факель, онъ первый поджегъ костеръ, который вскорѣ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, наполняя воздухъ благоуханнымъ дымомъ.

Пепель Окномана былъ положенъ въ бронзовую урну, также присланную гражданами Норціи, и поставленъ въ палатку Спар-

така, который и хранилъ его въ послѣдствіи какъ величайшую драгоценность.

Изъ десяти тысячъ германцевъ, сражавшихся вмѣстѣ съ Окноманомъ, только пятьдесятъ-семь человекъ тяжело раненныхъ было подобрано на полѣ битвы. Изъ нихъ остались въ живыхъ только девять *).

Въ числѣ этихъ девяти была и Эвтибида. Храбро сражаясь съ римскими легіонерами и будучи тяжело ранена въ лѣвую руку, она упала вмѣстѣ со своимъ конемъ, убитымъ подъ нею въ то время, какъ она, очевидно, неслась съ какимъ-нибудь приказомъ Окномана.

Великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный среди гладіаторовъ, геройскимъ поведеніемъ молодой дѣвушки. Даже Спартакъ не могъ устоять противъ всеобщаго увлеченія и рѣшилъ выразить ей предъ лицомъ всего войска благодарность почетнѣйшею изъ военныхъ наградъ, заимствованной гладіаторами у римлянъ. На двадцать-первый день послѣ Норційской битвы, на полѣ сраженія, онъ самъ возложилъ на молодую дѣвушку гражданскую корону при громкомъ ликованіи всего войска.

Эвтибида приняла эту почетную награду съ сильнѣйшимъ волненіемъ, котораго, несмотря на всѣ усилія, не могла подавить. Но ея мертвенная блѣдность и судорожная дрожь, пробѣгавшая по ея членамъ, были приписаны гладіаторами и самимъ Спартакомъ ея скромности, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ, ихъ слѣдовало скорѣе объяснить угрызениями совѣсти.

Получивъ награду за свое мнимое самоотверженіе и храбрость, Эвтибида, хотя и не совсѣмъ еще оправилась отъ раны, но заявила, что желаетъ снова вернуться на службу и просила позволенія записаться въ число контуберналіевъ Крисса, что и было ей дозволено.

Послѣ двадцатичетырехдневнаго отдыха, Спартакъ снялся съ лагеря и, перейдя снова Аппенины, вступилъ въ землю Сенноновъ, откуда намѣревался идти по Эмилиевой дорогѣ на По, а затѣмъ въ Галлію. Однако, близъ Равенны онъ остановился и расположился лагеремъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, съ цѣлью

*) Плугархъ.

устроить и обучить три новыя легіона гладіаторовъ и рабовъ, собравшіяся подъ его знамена въ теченіи послѣдняго мѣсяца.

Начальство надъ этими легіонами было поручено Каію Каницію, латинцу, галлу Касту и фравійцу Идомею, отличившемуся необычайной храбростію въ двѣ послѣднія битвы *).

Имѣя, такимъ образомъ, подъ командою слишкомъ семьдесятъ-пять тысячъ войска, Спартакъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль оставки, снова двинулся къ По.

Тѣмъ временемъ, Кай Кассій, бывшій въ прошломъ году консуломъ, а теперь префектомъ Галліи Цизальпинской, узнавъ о пораженіи обоихъ консуловъ и о грозномъ движеніи Спартака, собралъ наскоро двадцать тысячъ римскихъ и союзныхъ войскъ, находившихся у него подъ рукою, и рѣшился загородить дорогу гладіаторамъ.

Между тѣмъ, Спартакъ подошелъ къ Болоньѣ и, по обыкновенію, расположился лагеремъ неподалеку отъ города, намѣреваясь простоять здѣсь недѣли двѣ, пока высланная впередъ для развѣдокъ кавалерія не вернется съ точными свѣдѣніями о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, пока три новыя легіона обучались военному строю, Эвтибида пришла въ палатку Спартака навѣстить Мирцу.

Молодая дѣвушка приняла гречанку съ выраженіями величайшей симпатіи и уваженія, потому-что, какъ женщина, она еще болѣе гладіаторовъ удивлялась военнымъ доблестямъ Эвтибиды. Съ своей стороны куртизанка осыпала Мирцу нѣжностями, увѣряя ее, что всегда чувствовала къ ней сильнѣйшее влеченіе и отъ души желала-бы быть ея другомъ, такъ-какъ во всемъ лагерѣ все одни мужчины и ей не съ кѣмъ перемолвить слова.

Легко понять, съ какою радостію наивная дѣвушка слушала живыя увѣренія своей гостьи. Когда Эвтибида собралась уходить, обѣщавъ, впрочемъ, Мирцѣ зайти къ ней еще разъ въ этотъ вечеръ, если только войско не двинется въ походъ, сестра Спартака была совершенно очарована гречанкой и торжественно поклялась ей въ вѣчной любви и дружбѣ.

Каковы были цѣли Эвтибиды, и зачѣмъ ей понадобилась дружба

*) Плутархъ.

Мирцы—это мы увидимъ впоследствии. А пока пойдемъ вслѣдъ за нею къ шатрамъ гальскихъ легионовъ, куда она направила свои шаги.

Вдоль узкихъ улочекъ, отдѣлявшихъ одинъ легионъ отъ другого, пять тысячъ галловъ, изъ которыхъ былъ составленъ четырнадцатый легионъ, занимались одиночнымъ обученіемъ. Около каждаго изъ новобранцевъ стоялъ одинъ изъ капуанскихъ или равенскихъ ветерановъ, вооруженныхъ, какъ и ихъ ученики, деревянными мечами, употреблявшимися въ гладіаторскихъ школахъ для обученія фехтованію. Отъ одновременнаго крика всѣхъ этихъ пяти тысячъ учителей, стонъ стоялъ по всей громадной полянѣ. Десять тысячъ челоуѣкъ прыгало и металось взадъ и впередъ; двадцать тысячъ рукъ махало по всѣмъ направленіямъ. Все это сливалось въ одну, въ высшей степени своеобразную, оживленную и любопытную картину, предъ которой дѣйствительно стоило остановиться.

Эвтибида, выйдя на дозорную дорогу, отдѣлявшую палатки третьяго и четвертаго легионовъ, обинула опытнымъ взглядомъ длинныя шеренги учащихся, замѣчая мелочи и подробности, которыя показались-бы совершенно неуловимыми профану. Но вдругъ до ея тонкаго слуха долетѣли голоса, выходившіе изъ одной изъ сосѣднихъ палатокъ. Присмотрѣвшись, она убѣдилась, что это палатка Арвинія, галла, командовавшаго четвертымъ легиономъ. Очевидно, внутри ея шелъ горячій споръ, потому-что голоса то сливались въ общій шумъ, то чередовались, прерываемые отдѣльными восклицаніями нетерпѣливыхъ собесѣдниковъ.

Эвтибида стала прислушиваться, незамѣтно подходя къ палаткѣ и не отрывая глазъ отъ фехтующихъ, какъ-будто все ея вниманіе было поглощено ими.

Почти всѣ эти голоса были ей знакомы, и она узнавала ихъ по мѣрѣ того, какъ они говорили.

— Что тамъ ни толкуй, кричалъ хриплый басъ, въ которомъ Эвтибида тотчасъ-же узнала Орцила, начальника одиннадцатаго легиона, состоявшаго изъ нумидійцевъ и африканцевъ,— что тамъ ни толкуй, а вѣдь и мы тоже не овцы и не позволимъ гнать себя куда угодно, какъ пастухъ гонитъ стадо...

— Вѣдь если-бъ не мы, вскричалъ другой голосъ, въ которомъ Эвтибида узнала Кая Каяиція, начальника тринадцатаго легиона,— то чѣмъ-бы онъ былъ!

— Былъ-бы гладиаторомъ, простымъ гладиаторомъ! съ гнѣвомъ проговорилъ Брезовиръ.

— Я и мои африканцы, мы не пойдѣмъ съ нимъ въ Галлію, клянусь Вааломъ! прибавилъ Орциль.

— Правъ былъ Окноманъ! крикнулъ Кастъ, начальникъ четырнадцатаго легіона, того самого, который въ эту минуту обучался фехтованію.

— Бѣдный Окноманъ! Погибъ жертвою измѣны Спартака, въ которой теперь нельзя уже сомнѣваться! сказалъ Онацій, самнитъ, вступившій мѣсто Рутилія.

— Измѣны Спартака?! вскричалъ эпирецъ Салоній, покрывъ на минуту своимъ могучимъ голосомъ всѣ другіе. — Ну, ужъ это слишкомъ! Право, слишкомъ!

— Да, измѣны! Онъ, а съ нимъ Криссъ и Граникъ продали насъ Риму.

— Измѣнники всѣ тѣ, которые хотятъ вести насъ за Альпы, подалше отъ Рима.

— На Римъ! Хотимъ идти на Римъ!

Семь или восемь голосовъ принялись кричать разомъ:

— На Римъ! На Римъ!

— Я вѣрю въ Спартака, величайшаго изъ полководцевъ и благороднѣйшаго изъ людей, сказалъ Салоній, — и самъ со своимъ легіономъ, который мнѣ довѣренъ, пойду за нимъ, а не за вами.

— И я тоже, сказалъ Борториксъ.

— И ступайте! Скатертью дорога! А мы съ нашими семью легіонами завтра-же поворачиваемъ назадъ и идемъ на Римъ.

— О, съ такими полководцами, какъ Орциль вы надѣлаете великихъ дѣлъ! съ ироніей замѣтилъ Борториксъ.

— Первый преторъ изрубить васъ въ куски, сказалъ Салоній.

— И это люди, возставшіе для завоеванія свободы! воскликнулъ Бай Каницій. — Не хотятъ рабства, а сами добровольно дѣлаются рабами своего-же товарища!

Салоній собирался отвѣчать, но въ эту минуту пронзительный звукъ трубъ прервалъ и споры вождей, и безпредѣльную радость Эвтибиды, слушавшей всѣ эти крамольные разговоры, обѣщавшіе разростись въ настоящее возмущеніе.

Эвтибида вострепнулась и пошла вслѣдъ за выбѣжавшими изъ

палатки начальниками легионовъ къ преторію, чтобы узнать причину этой неожиданной тревоги.

Гладиаторы, между тѣмъ, выбѣгали изъ своихъ палатокъ, наскоро вооружившись, и строились въ манипулы и когорты.

Нѣсколько минутъ спустя, раздался новый сигналъ, призывавшій начальниковъ легионовъ къ верховному вождю. Пришпоривъ коней, они понеслись къ нему и узнали, что преторъ Кай Кассій идетъ на нихъ. Спартакъ заявилъ, что рѣшился предупредить его нападеніе, потому что въ противномъ случаѣ онъ соединится съ другими войсками и будетъ въ состояніи серьезно помѣшать переправѣ черезъ По.

Когда Спартакъ кончилъ, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ всѣ стояли потупившись. Наконецъ, Кай Каницій, опустивъ глаза въ землю, нерѣшительно проговорилъ:

— Сражаться-то съ Кассіемъ мы рады; но ужъ По, какъ хочешь, переходить не будемъ.

— Что!.. воскликнулъ пораженный Спартакъ, и какъ-будто не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ, нахмуривъ брови:

— Что ты сказалъ?

— Онъ сказалъ, что мы не согласны идти съ тобой за По, отвѣчалъ за него нумидіецъ Орциль, дерзко смотря Спартаку прямо въ глаза.

— Семь легионовъ, прибавилъ Каницій, — не хотятъ уходить въ Галлію, а желаютъ идти на Римъ.

— А! воскликнулъ Спартакъ съ гнѣвомъ, плохо скрывавшимъ, однако, глубокую печаль, — опять возмущеніе! Мало вамъ развѣ, безумные, ужаснаго примѣра злополучнаго Окномана?..

Невыятный ропотъ былъ ему единственнымъ отвѣтомъ.

— Клянусь богами, съ негодованіемъ вскричалъ Спартакъ, — вы либо съумасшедшіе, либо измѣнники!

Снова никакого отвѣта.

— Ну, хорошо, сказалъ фракіецъ, — теперь мы въ виду непріятеля, и пока онъ не разбитъ, вы будете повиноваться мнѣ безусловно. Потомъ пусть все войско разсудитъ. А теперь ступайте!

Повелительнымъ жестомъ онъ отпустилъ ихъ, но прежде чѣмъ они успѣли пришпорить своихъ коней, онъ прибавалъ тихимъ, угрожающимъ голосомъ:

— И берегитесь малѣйшаго неповиновенія во время похода

или сраженія, потому-что, клянусь Юпитеромъ Громовержцемъ, первый, кто произнесетъ непокорное слово, погибнетъ отъ этого меча, который никогда не даетъ промаха.

Онъ снова знакомъ приказалъ имъ удалиться, и вожди молча разъѣхались по своимъ частямъ.

Войско двинулось въ путь и на другой день достигло Модены, гдѣ расположился лагеремъ преторъ Галліи Цизальпинской со своими четырьмя легіонами.

На зарѣ слѣдующаго дня Спартакъ атаковалъ римлянъ, тоже выступившихъ изъ-за своихъ окоповъ и занявшихъ очень крѣпкую позицію на скатѣ крутыхъ холмовъ.

Однако, численное превосходство гладіаторовъ было слишкомъ велико, чтобъ можно было сомнѣваться въ исходѣ битвы. Двадцать тысячъ римлянъ, большею частью ветерановъ Маріа и Суллы, послѣ двухчасового упорнаго сопротивленія, должны были отступить въ беспорядкѣ, оставивъ на полѣ битвы около десяти тысячъ римскихъ труповъ. Преторъ, раненный, сбитый съ коня, чуть не попался въ плѣнъ и спасся только чудомъ. Лагерь и обозъ достались побѣдителямъ *), потери которыхъ были очень незначительны.

На другой день послѣ этой побѣды — третьей въ теченіи послѣднихъ пяти недѣль, все гладіаторское войско выстроилось въ каре на огромной Панарской равнинѣ, чтобы рѣшить, нужно-ли продолжать дальнѣйшее движеніе на По или-же слѣдуетъ вернуться назадъ и идти на Римъ.

Спартакъ произнесъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво доказывалъ полезность и осуществимость перваго плана и гибельность втораго. Припоминая услуги, оказанныя имъ дѣлу возстанія, которому вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ онъ безусловно посвятилъ себя, онъ сказалъ, что упоминаетъ объ этомъ не изъ тщеславія, а изъ желанія доказать своимъ товарищамъ по несчастью, страданіямъ и побѣдамъ, что если онъ совѣтуетъ покинуть Италію, то только потому, что вполне убѣжденъ, что страна эта будетъ могилой гладіаторовъ, какъ была могилой галловъ Брена, грековъ Пирра, карфагенянъ, тевтоновъ, кимвровъ и всѣхъ чужеземцевъ, когда-либо сражавшихся на ея почвѣ. Онъ закончилъ торжествен-

*) Луцій Флоръ, III, 20.

ной клятвой, что не руководится ничѣмъ, кромѣ блага гладіаторовъ. Пусть они рѣшатъ. Онъ-же, вождень или солдатомъ, всегда останется вмѣстѣ съ ними и съ радостью готовъ погибнуть со своими братьями, если такъ написано въ книгѣ судьбы.

Всеобщія рукоплесканія были отвѣтомъ на слова любимаго вождя, и если-бы тотчасъ было приступлено къ голосованію, предложеніе его, безъ сомнѣнія, было-бы принято огромнымъ большинствомъ.

Но многочисленныя и блистательныя побѣды, одержанныя гладіаторами въ теченіи двухъ лѣтъ, благодаря военному генію Спартака, сдѣлали ихъ заносчивыми и самонадѣянными. Многіе изъ начальниковъ, способныхъ быть только хорошими исполнителями, считали себя въ глубинѣ души, пожалуй, даже выше Спартака, и потому очень тяготились его властью. Другихъ раздражала строгая дисциплина, введенная имъ въ своей арміи и они мечтали о независимости, чтобы предаться грабежу и разбою. Еще до выступления въ поле римскихъ консуловъ, недовольство уже успѣло на столько распространиться, что Эвтибида рѣшила, что пришла пора дѣйствовать и отдѣлать отъ Спартака большую часть его легионовъ. Мы видѣли, какъ ей удалось сдѣлать орудіемъ своихъ замысловъ Окномана, въ которомъ всѣ недовольные могли признать соперника достойнаго Спартака—по-крайней-мѣрѣ, по храбрости и силѣ.

Но Криссу удалось остановить гальскіе легионы, и отдѣленіе германцевъ кончилось лишь страшнымъ ихъ избіеніемъ. Однако, гибель двухъ легионовъ Окномана не только не послужила спасительнымъ урокомъ прочимъ гладіаторамъ, но скорѣе усилила партію, враждебную планамъ Спартака. Одни хотѣли идти на Римъ, чтобы отомстить за избитыхъ братьевъ; другіе, слѣдуя этому плану, думали почтить память горячо любимаго Окномана и его германцевъ.

Всѣми этими страстями и желаніями, волновавшими легионы, отлично счумѣлъ воспользоваться Кай Каницій, который прежде чѣмъ продать себя въ гладіаторы, занимался немного адвокатствомъ и потому умѣлъ говорить красно и убѣдительно.

Онъ началъ свою рѣчь съ того, что сталъ превозносить до небесъ доблести и заслуги Спартака, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ личномъ къ нему недоброжелательствѣ, такъ-

какъ это могло сильно повредить впечатлѣнію его словъ. Затѣмъ, высказавъ сожалѣніе, что ему приходится не соглашаться съ мнѣніемъ такого великаго вождя, скромность котораго мѣшаетъ ему самому видѣть силу созданнаго имъ войска, онъ началъ яркими красками рисовать безнадежное положеніе римлянъ, полную беззащитность города, совершенно неспособнаго противостоятъ нападенію грознаго и побѣдоноснаго гладиаторскаго войска. Онъ заклиналъ своихъ товарищей не упускать благоприятнаго случая разомъ положить конецъ римскому могуществу и предлагалъ въ заключеніе завтра-же двинуться на враждебный городъ.

— На Римъ! На Римъ! закричало въ одинъ голосъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. — На Римъ, на Римъ!

Когда было приступлено къ голосованію, то оказалось, что семь легионовъ приняли предложеніе Каниція, а шесть остальныхъ отвергли его незначительнымъ большинствомъ. Одна только кавалерія почти единодушно высказалась за предложеніе Спартака. Такимъ образомъ, въ сущности оказывалось, что пятьдесятъ тысячъ хотѣло идти на Римъ, тогда-какъ число желавшихъ слѣдовать за Спартакомъ едва достигало двадцати тысячъ.

Легко себѣ представить, до какой степени былъ огорченъ этимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ Спартакъ, видѣвшій въ походѣ на Римъ конечную гибель всѣхъ своихъ надеждъ и упованій.

Долго стоялъ онъ, опустивъ голову на грудь и не произнося ни слова. Наконецъ, обративъ свое лицо къ Криссу, Гранику и Арториксу, опечаленнымъ не меньше его, онъ съ горечью воскликнулъ:

— Нечего сказать, большое довѣріе заслужилъ я въ собственномъ войскѣ послѣ столькихъ трудовъ, опасностей и страданій!

Простоявъ еще нѣсколько минутъ въ молчаніи, онъ обратился къ легионамъ, ожидавшимъ его рѣшенія, и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо! Я подчиняюсь вашей волѣ и иду съ вами на Римъ, но только не вождемъ вашимъ, а простымъ солдатомъ. Вы берите на мое мѣсто достойнѣйшаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь богами! вскричалъ Ливій Граденій, самнитъ, командовавшій двѣнадцатымъ легиономъ. — Ты долженъ остаться нашимъ вождемъ, потому-что между нами нѣтъ другого, тебѣ равнаго.

— Выберемъ снова Спартака нашимъ вождемъ! крикнулъ громкимъ голосомъ Борториксъ.

— Спартака хотимъ вождемъ! Спартака вождемъ! закричали, какъ одинъ человекъ, всѣ семьдесятъ-пять тысячъ гладиаторовъ, поднимая вверхъ щиты.

Когда шумъ нѣсколько утихъ, Спартакъ, что было въ немъ силы, закричалъ:

— Нѣтъ, ни за что! Я противъ похода на Римъ и не вѣрю въ его удачу. Изберите одного изъ тѣхъ, которые сулятъ вамъ побѣду!

— Тебя вождемъ, тебя вождемъ! кричали легіоны.—Но Спартакъ, не слушая ихъ, удалился въ свою палатку.

Тогда всѣ начальники легіоновъ отправились просить его снова принять верховное начальство. Всѣхъ горячѣе упрашивали его Кавицій, Орциль и Арвиній, опасаясь обнаружить свою вражду къ нему передъ солдатами. Вскорѣ къ нимъ присоединились всѣ военные трибуны, центуріоны и деканы, посланные отъ своихъ частей, чтобы умолить Спартака остаться во главѣ войска.

Тронутый выраженіемъ такой единодушной любви и преданности, Спартакъ, наконецъ, уступилъ и, обращаясь къ окружающимъ его, сказалъ:

— Вы этого хотите? Пусть будетъ по-вашему. Я останусь вашимъ предводителемъ. Не общаю вести васъ къ побѣдѣ, потому-что не вѣрю въ нее. Но сдѣлаю все, чтобы отдалить поражение. Во всякомъ случаѣ, завтра-же мы идемъ назадъ на Болонью.

Такимъ образомъ, Спартакъ принужденъ былъ взяться за предпріятіе, которое считалъ невозможнымъ *) и въ успѣхъ котораго не вѣрилъ.

Однако, послѣднія внутреннія неурядицы до такой степени деморализировали войско, что оно совершенно утратило свою прежнюю дисциплину, смѣнившуюся самой гибельной распущенностью.

Несмотря на всѣ старанія Спартака удерживать своихъ солдатъ отъ своевольства и насилій надъ мирными жителями, то тамъ, то сямъ различныя легіоны грабили попадавшіеся имъ на пути города.

*) Цугтархъ.

До какой степени такое поведеніе огорчало Спартака — легче вообразить себѣ, чѣмъ рассказать. Это не только позорило столь дорогую для него честь его знамени, но и замедляло всѣ его движенія, превращая мѣстныхъ жителей, хранившихъ до сихъ поръ нѣчто вродѣ нейтралитета, въ отъявленныхъ враговъ, противъ которыхъ во всякую минуту нужно было принимать мѣры предосторожности. Въ началѣ Спартакъ выходилъ изъ себя, бранился, проклиналъ, и даже угрожалъ децимированіемъ тринадцатому легиону Кая Каниція, который первый подалъ примѣръ грабежа и насилія. Однако, ему не удалось положить предѣла злу, и не позже какъ черезъ два дня пятый и шестой легионы, шедшіе въ концѣ походной колонны, ворвались въ Имолу (Fogium Cornelia) и передали ее разграбленію. Спартакъ, вмѣстѣ съ Криссомъ, долженъ былъ вернуться назадъ съ тремя фракійскими легионами, чтобы усмирить непокорныхъ. Но въ то время, какъ онъ былъ занятъ этимъ неблагоприятнымъ дѣломъ, одиннадцатый легионъ (африканцевъ) ворвался въ маленькій сенонскій городокъ Бертинорумъ, предавая все огню и мечу. Спартакъ долженъ былъ снова мчаться туда, чтобы положить предѣлъ солдатскому своевольству.

Въ Римѣ тѣмъ временемъ царствовалъ страшный переполохъ. Одно за другимъ приходили извѣстія о пораженіи сперва одного изъ консуловъ, потомъ другого, наконецъ, претора Галлія Цизальпинской. Вскорѣ затѣмъ пришла еще болѣе грозная вѣсть о рѣшеніи гладіаторовъ идти на Римъ.

Выборы новыхъ консуловъ на будущій годъ приближались. Но послѣ пораженія Лентула и Геллія, число кандидатовъ на этотъ высокій постъ значительно уменьшилось. Однако, эти именно пораженія внушили Анфидію Оресту смѣлую мысль самому записаться въ число кандидатовъ. Гуляя по городу въ своей бѣлой тогѣ и встрѣчаясь съ гражданами-избирателями, онъ объяснялъ имъ, что хотя и былъ разбитъ гладіаторами, но этого никакъ нельзя вѣнчать ему въ вину, разъ самихъ консуловъ съ семьюдесятью тысячами войска постигла та же участь. Его пораженіе, можно сказать, служить скорѣе доказательствомъ его военныхъ способностей, которыя до сихъ поръ несправедливо отрицали, потому что онъ, хотя и былъ разбитъ, но отступилъ въ гораздо лучшемъ порядкѣ и нанесъ гладіаторамъ гораздо больше вреда, чѣмъ консулы.

Разсужденіе это было довольно странно и нѣсколько прихрамывало, однако, настроеніе римлянъ въ эту минуту было таково, что его нашли совершенно логичнымъ. Къ тому-же, кандидатовъ было такъ мало, что излишняя разборчивость была невозможна. Такимъ образомъ, въ этомъ году были выбраны въ консулы упомянутый Анфидій Орестъ и Публій Лентуль Фура, родственникъ Лентула Клодіана, разбитаго Спартакомъ при Камеринѣ.

Однако, Спартакъ долженъ былъ остановить свой походъ на Римъ, по причинѣ распущенности тѣхъ самыхъ легіоновъ, которые такъ громко требовали этого похода. Цѣлый мѣсяцъ простоялъ онъ подъ Арминіумомъ (нынѣшній Римини), гдѣ снова отказался отъ командованія войскомъ и цѣлую недѣлю не выходилъ изъ своей палатки, оставаясь твердымъ и непреклоннымъ, несмотря ни на какія просьбы. Наконецъ, однажды, все войско бросилось къ преторію и, ставъ на колѣни, громко каялось въ своихъ безчинствахъ и клялось никогда не повторять ихъ болѣе.

Когда Спартакъ, наконецъ, показался толпѣ, то былъ блѣденъ; впалые глаза, опухшія отъ слезъ вѣки свидѣтельствовали о страданіяхъ, причиняемыхъ ему постыднымъ поведеніемъ его воиновъ.

При этомъ зрѣлищѣ, крики и просьбы о прощеніи сдѣлались еще громче.

Спартакъ сдѣлалъ знакъ, что желаетъ говорить, и, когда воцарилась глубокая тишина, онъ произнесъ рѣчь, въ которой горько упрекалъ войска за ихъ недостойное поведеніе, говоря, что они дѣйствительно оказались грабителями и разбойниками, какъ ихъ справедливо называютъ римляне, а не людьми, возставшими для завоеванія себѣ свободы. Онъ заявилъ, что не приметъ начальства надъ ними до тѣхъ поръ, пока они сами не дадутъ ему неограниченнаго права наказывать, какъ онъ захочетъ, подстрекателей и главныхъ виновниковъ грабежей и разбоевъ, опозорившихъ войско за послѣдніе мѣсяцы.

Когда-же легіоны единогласно согласились на его требованіе, Спартакъ снова принялъ надъ ними начальство и началъ его совершенно несвойственными ему жестокими казнями, съ цѣлью возстановить исчезнувшую было дисциплину.

Орцела, самаго дерзкаго и свирѣпаго изъ бунтовщиковъ, онъ приговаривалъ къ смерти и въ присутствіи всего войска приказалъ его-же собственнымъ нумидійцамъ распять его на крестѣ. Два

другихъ начальника легионовъ, Арвиній и Кай Каницій, были наказаны палками и изгнаны изъ лагеря. Затѣмъ онъ приказалъ отрубить головы двумъ-стамъ двадцати-трѣмъ гладіаторамъ, наиболѣе виновнымъ въ разбояхъ, грабежахъ и всякихъ насиліяхъ, совершенныхъ въ послѣднее время.

Послѣ этихъ казней онъ раскасировалъ всѣ легионы и составилъ изъ нихъ новыя, въ которыхъ всѣ національности были перемѣшаны между собой, съ цѣлью уменьшить значеніе отдѣльныхъ вождей, пользовавшихся прежде почти полной независимостью.

Надъ каждымъ изъ четырнадцати новыхъ легионовъ былъ поставленъ начальникъ, частью изъ старыхъ вождей, сохранившихъ довѣріе Спартака, частью изъ военныхъ трибуновъ, обнаружившихъ особенныя способности и мужество.

Однако, преобразовавъ свое войско, Спартакъ тотчасъ-же почувствовалъ необходимость дать ему укрѣпиться, прежде чѣмъ вести его на Римъ. Съ этою цѣлью онъ повелъ его маленькими переходами въ Умбрию, чтобы дать гладіаторамъ время ознакомиться другъ съ другомъ, а также узнать и оцѣнить своихъ новыхъ вождей.

Въ Римѣ, между тѣмъ, слухъ о грабежахъ, производимыхъ гладіаторами въ Сенноніи, преувеличенный, разумѣется, какъ это всегда бываетъ, народной молвою, произвелъ ужасную панику. Трибуны громко начали кричать на форумѣ, что пора, наконецъ, подумать о спасеніи отечества.

Собрался сенатъ. Положеніе было серьезное. Врагъ, грозный, неутомимый, приближался къ стѣнамъ города, а между тѣмъ противопоставить ему было рѣшительно некого. Изъ двухъ консуловъ, выбранныхъ въ этомъ году, одинъ уже постыдно разбитъ бунтовщиками, другой настолько бездаренъ, что ему опасно было довѣрить какое-бы то ни было военное предпріятіе. Въ виду этого особымъ „Senatus-Consultus“ было постановлено, что веденіе гладіаторской войны поручено будетъ не консуламъ, а специально для того избранному полководцу, которому дадутъ многочисленное войско и самыя обширныя полномочія, чтобы разомъ покончить съ дерзкимъ гладіаторомъ, осмѣливающимся угрожать стѣнамъ Священнаго Города.

Такъ-какъ на дняхъ предстояло выбирать претора Сциліи, то сенатъ объявилъ, что ему-то и будетъ поручено веденіе этой войны.

При извѣстїи о такомъ рѣшенїи, всѣ граждане, записавшіеся на эту должность, отказались отъ кандидатуры, испугавшись трудности предстоящей имъ войны, такъ-что въ день комицій *никто изъ нихъ не явился на форумъ* *).

Большинство гражданъ сожалѣло объ отсутствїи Метелла и Помпея; многіе предлагали вызвать изъ Азіи Лукулла, опытнаго полководца, прославившаго себя уже многими побѣдами.

Друзья Юлія Цезаря побуждали его принять кандидатуру на должность претора Сициліи, общая хлопотать въ сенатѣ и предъ народомъ о томъ, чтобъ ему дано было четырнадцать легионовъ.

Но Цезарь рѣшительно отказался отъ этого предложенія, хотя ему и не давали покоя триумфъ и побѣды Помпея. Онъ объяснял своимъ друзьямъ, что гладіаторская война, будучи столь-же трудна, какъ война съ Домиціемъ или африканскимъ царемъ Ярбоу, за которую какъ-разъ и получилъ Помпей свой триумфъ, — представляетъ, однако, то неудобство, что за нее не назначаютъ не только триумфа, но даже овацій **), потому-что римская гордость не позволяла считать взбунтовавшихся рабовъ воюющей стороной.

— Если я возьмусь за веденіе какой-нибудь войны, то только въ такомъ случаѣ, если, послѣ побѣды, могу рассчитывать на триумфъ, который откроетъ мнѣ дорогу къ консульству.

Очень вѣроятно, что въ глубинѣ его души были другіе ознованія отказываться отъ веденія гладіаторской войны. Быть можетъ, мечтая о полномъ владычествѣ надъ Римомъ и вселенной, — владычествѣ, основанномъ не на страхѣ, а на любви народной, онъ не хотѣлъ запятнать себя кровью этихъ злополучныхъ гладіаторовъ и несчастныхъ самнитскихъ пастуховъ, приставшихъ къ ихъ возстанїю.

Какъ-бы то ни было, Цезарь отказался, и вмѣсто него въ день комицій въ бѣдосѣжной тогѣ явился Маркъ Лициній Крассъ. Побуждаемый вліятельнѣйшими изъ сенаторовъ и безчисленными своими кліентами, а въ особенности собственнымъ честолюбіемъ, столь-же ненасытнымъ, какъ и его корыстолюбіе, онъ рѣшился выступить кандидатомъ на должность претора Сициліи.

Марку Крассу было въ это время около сорока лѣтъ. Онъ

*) Аппіанъ Александрійскій, I, 188.

**) Оваціей назывался малый или пѣшій триумфъ, при которомъ побѣдитель не възжгалъ въ городъ на колесницѣ, а входилъ пѣшкомъ.

сражался подъ начальствомъ Суллы во время гражданской войны и обнаружилъ не только рѣдкую храбрость, но и замѣчательныя военныя дарованія. Поэтому появленіе его на форумѣ было встрѣчено громкими криками одобренія и единодушными рукоплесканіями.

Когда снова водворилась тишина, народный трибунъ Аввилій Лепонъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой совѣтовалъ единодушно подавать голоса за Красса, потому-что лучшаго полководца для войны противъ Спартака нельзя было выбрать.

Всѣ согласились съ предложеніемъ Аввилія, и Крассъ былъ единогласно избранъ народомъ и сенатомъ на должность претора Сициліи. Ему было дано полномочіе набрать шесть легионовъ съ соответствующимъ количествомъ союзныхъ войскъ, а также присоединить къ себѣ остатки разбитыхъ Спартакомъ консульскихъ арій, составлявшихъ около четырехъ легионовъ. Такимъ образомъ, Крассъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шестдесятъ тысячъ римскихъ легионеровъ и двадцать-четыре тысячи союзниковъ, т. е. восемьдесятъ-четыре тысячи человекъ — арію, невиданную въ Италіи со времени возвращенія Суллы послѣ Митридатской войны.

На другой день послѣ своего выбора Крассъ издалъ эдиктъ, призывающій подъ знамена очередныхъ гражданъ. Особымъ декретомъ, сенатъ обѣщаль большую денежную награду ветеранамъ, которые добровольно пожелаютъ вступить въ ряды арміи претора Сициліи.

Этотъ декретъ вмѣстѣ съ эдиктомъ Красса поднялъ упавшій духъ гражданъ и возбудилъ всюду самую горячую надежду. Благородное соревнованіе распространилось между всѣми классами, и юноши самыхъ аристократическихъ фамилій записывались охотниками въ легионы Красса. Число ихъ было такъ велико, что изъ нихъ составились двѣ отдѣльныя когорты.

Черезъ нѣсколько дней, Крассъ со своимъ штабомъ и римскими легионами выступилъ изъ города, провожаемый до Мильвійскаго моста родственниками его солдатъ и громадной толпой народа. Въ четыре перехода онъ достигъ Отрикулума, гдѣ и расположился лагерь на вѣпкой позиціи, рѣшившись дожидаться здѣсь прибытія остальныхъ своихъ легионовъ, быстро формировавшихся въ ближайшихъ городахъ.

Въ свою очередь, Спартакъ тоже не могъ двинуться изъ своего

лагеря, потому-что вновь реорганизованные легионы его не были еще готовы къ походу. Такимъ образомъ обѣ арміи простояли цѣлый мѣсяцъ другъ противъ друга въ полнѣйшемъ бездѣйствіи — римляне въ Острикулумѣ, гладіаторы въ Аретинѣ.

Когда, по мнѣнію Спартака, пришло время дѣйствовать, онъ приказалъ въ темную бурную ночь сниматься съ лагеря и, пользуясь бурей, незамѣтно выступилъ въ походъ. Идя всю ночь и почти весь слѣдующій день, онъ прибылъ вечеромъ въ Эвгубіумъ. Отсюда онъ намѣревался черезъ Камеринъ, Аскулумъ идти прямо на Римъ, рассчитывая совершенно неожиданно появиться передъ его стѣнами, прежде чѣмъ Крассъ узнаетъ о его движеніи. Чтобы не дать открыться обману, онъ оставилъ почти всю свою кавалерію въ Аретинскомъ лагерѣ, приказавъ ей собирать съ окрестныхъ жителей съѣстныхъ припасовъ по-прежнему на семьдесятъ-восемь тысячъ человѣкъ.

Развѣдчики Красса дѣйствительно доносили ему, что гладіаторы стоятъ на мѣстѣ, и хитрость Спартака несомнѣнно удалась-бы, если-бы какъ-разъ въ это время къ Крассу не прибыли его послѣднія когорты и онъ не рѣшился самъ двинуться на непріятеля.

Выступивъ изъ Острикулума, онъ быстро пошелъ на Аретій, дѣлая по двадцати-пяти миль въ день, такъ-какъ онъ первый понялъ, что для борьбы со Спартакомъ нужно дѣйствовать противъ него его-же оружіемъ, — быстротою. На четвертый день онъ былъ уже въ виду гладіаторскаго лагеря и выслалъ для рекогносцировки его отрядъ кавалеріи. Каково-же было его удивленіе, когда его развѣдчики сообщили ему, что они подъѣзжали къ самымъ окопамъ и убѣдились, что во всемъ лагерѣ нѣтъ живой души.

Дѣйствительно, слѣдуя приказанію Спартака, Манилій, командовавшій его конницей, узнавъ о приближеніи римлянъ, еще наканунѣ ночью ушелъ изъ лагеря и теперь спѣшилъ на соединеніе съ главными силами гладіаторской арміи. Вскорѣ Крассъ убѣдился, что непріятельская конница направилась къ Эвгубіуму, черезъ который нѣсколько дней тому назадъ прошелъ самъ Спартакъ.

Съ проницательностью хорошаго полководца Крассъ догадался о намѣреніи врага и тотчасъ же нашелъ способъ загладить свою ошибку. Спартакъ шелъ вдоль восточнаго ската Аппениновъ, Крассъ-же рѣшился быстро отступить къ Риму, идя вдоль запад-

наго ската того-же хребта. Такъ-какъ при своемъ движеніи Спартакъ долженъ былъ слѣдовать по кривой, тогда - какъ Крассъ шелъ почти по прямой линіи, то послѣдній имѣлъ полную возможность наверстать потерянное время.

Послѣ пятидневнаго, въ высшей степени быстрого марша, Крассъ прибылъ въ Ріетумъ, гдѣ далъ день отдыха своимъ измученнымъ войскамъ.

Спартакъ тѣмъ временемъ прибылъ къ Фуцинскому озеру, но здѣсь долженъ былъ остановиться, вслѣдствіе разлива рѣки Велина, происшедшаго отъ внезапнаго проливнаго дождя. Цѣлый день ушелъ у него для наводки плывучаго моста, и другой день на переправу.

Узнавъ о положеніи Спартака, Крассъ призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ лучшихъ вождей, Авла Муммія и приказалъ ему съ тремя легіонами переправиться черезъ Велинъ близъ Ріетума, а затѣмъ идти вверхъ по теченію рѣки до Авецана, куда долженъ былъ двинуться также и Спартакъ. Самъ-же Крассъ съ главными силами намѣревался подняться вверхъ по теченію той-же рѣки, идя по противоположному берегу и, переправившись въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и Спартакъ, ударить ему въ тылъ въ то время, какъ съ фронта на него нападетъ Авлъ Муммій. Въ виду этого, послѣднему было строжайше наказано отступать передъ гладіаторами, ни въ какомъ случаѣ не вступая въ битву съ ними до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ извѣстія, что Крассъ уже переправился и идетъ на нихъ съ тылу *).

Муммій въ точности исполнилъ первую половину инструкціи своего начальника и на разсвѣтѣ третьяго дня прибылъ въ Авецанъ. Но онъ не могъ даже остановиться въ немъ для отдыха, потому что съ минуты на минуту туда ждали Спартака.

Несмотря на усталость своихъ солдатъ, Муммій тотчасъ-же двинулся дальше и укрѣпился въ ущелья Аппениновъ, гдѣ близъ горной деревушки Субіакума занялъ неприступную позицію, намѣреваясь на слѣдующее утро идти дальше.

Но начальники легіоновъ, находившихся подъ его командой, собравшись въ его палатку, стали уговаривать его воспользоваться случаемъ нанести Спартаку полное пораженіе въ этой узкой тѣ-

*) Плутархъ.

снинѣ, гдѣ онъ не будетъ имѣть возможности воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ. Они упрашивали его дож- даться гладиаторовъ на занятой ими позиціи и отъ имени своихъ легионовъ обѣщали блистательную побѣду.

Эти увѣренія вскружили голову Авлу Муммію, и онъ прика- залъ готовиться къ битвѣ. Вскорѣ гладиаторы приблизились и бой завязался. Убѣдившись въ невозможности развернуть свои силы, Спартакъ послалъ на римлянъ всего два легиона, и затѣмъ, собравъ въ одно стрѣлковъ и пращниковъ всѣхъ прочихъ легио- новъ, приказалъ имъ вскарабкаться по скатамъ тѣснины и за- тѣмъ, обойдя позицію римлянъ, ударить на нихъ съ фланговъ и съ тыла.

Съ необыкновеннымъ рвеніемъ гладиаторская легкая пѣхота бро- силась исполнять его приказаніе, и черезъ три часа легионы Мум- мія, занятые жестокимъ боемъ съ тринадцатымъ и четырнадца- тымъ легиономъ гладиаторовъ, къ великому своему удивленію и ужасу, увидѣли, что вершины всѣхъ сосѣднихъ горъ заняты не- пріятельскими стрѣлками и пращниками, метавшими на нихъ тучи стрѣлъ, дротиковъ и тяжелыхъ камней. Паническій страхъ рас- пространился между войсками Муммія, и они бросились бѣжать, кидая оружіе и щиты.

Гладиаторы стали преслѣдовать бѣглецовъ, покрывая все ущелье ихъ трупамн. Легкая пѣхота, выскакивая изъ-за каждаго утеса, изъ каждой трещины, довершила ихъ пораженіе. Болѣе семи ты- сячъ римлянъ легло въ этой ужасной битвѣ.

ГЛАВА XX.

Отъ галганской битвы до похоронъ Красса.

Несмотря на то, что пораженіе римлянъ при Субіакумѣ было до такой степени полнымъ, а побѣда гладиаторовъ до такой сте- пени рѣшительной, битва эта не принесла ни особеннаго вреда Крассу, ни особенной пользы Спартаку. Въ то самое время какъ онъ собирался двинуть всѣ свои силы вслѣдъ за бѣгущими, отъ Маммилія, оставленнаго имъ въ аррьергардѣ, чтобы слѣдить за движеніями Красса, было получено извѣстіе, что римскій полко- водецъ съ главными силами переправился черезъ Велинъ и идетъ

на него. Разумѣется, невозможно было идти на Римъ, оставивъ за спиной у себя Красса. Поэтому, въ тотъ-же вечеръ Спартакъ выступилъ изъ Субіакума и, переправившись чрезъ Ларіумъ, снова поворотилъ въ Кампаню, рассчитывая отвлечь своего противника подальше отъ Рима, откуда онъ всегда могъ получить свѣжія подкрѣпленія, и тамъ разбить его.

Что касается Красса, то онъ могъ выступить изъ Арца только вечеромъ того дня, когда Спартакъ двинулся изъ Субіакума, и потому только на другой день узналъ онъ о поражении Авла Муміія. Велико было негодование Красса противъ своевольнаго военачальника и противъ легионовъ, обратившихся въ постыдное бѣгство предъ гладіаторами. Гнѣвъ его еще усилился извѣстіемъ, что бѣглецы, прибѣжавъ въ Римъ, возбудили тамъ всеобщій переполохъ и сильное негодование противъ него своими рассказами о новомъ поражении римскихъ войскъ. Крассъ успѣшилъ успокоить сенатъ, изложивъ истинное значеніе проигранной битвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его отправить бѣглецовъ къ нему въ лагерь.

Нѣсколько дней спустя, они явились, унылые, пристыженные.

Тогда Крассъ приказалъ всѣмъ своимъ легионамъ выстроиться въ каре вокругъ преторія, поставивъ внутри безоружныхъ, подавленныхъ стыдомъ и горемъ бѣглецовъ.

Затѣмъ Крассъ, принадлежавшій къ числу краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ Рима, произнесъ рѣчь, въ которой сурово и безпощадно выставлялъ на видъ всю постыдность ихъ поведенія, вредъ, причиненный отечеству, позоръ римскихъ знаменъ, побѣдоносно облетѣвшихъ всю вселенную.

— Сенатъ выбралъ меня, закончилъ онъ, — чтобы покончить съ этой войной, продолжающейся уже, къ стыду нашему, три года, и я покончу ее. Если любовь къ отечеству и чувство долга недостаточны, чтобы удержать васъ отъ бѣгства передъ возмущившимися рабами, то я волью въ васъ храбрость страхомъ жестокихъ наказаній. Объявляю, что всякій легионъ, обратившій тылъ такому врагу, будетъ подвергнутъ децимированію. И сегодня я начну съ этихъ трусовъ, которые теперь стоятъ съ опущенными головами и слезами стыда и слишкомъ поздняго раскаянія на главахъ.

Несмотря на всѣ просьбы любимѣйшихъ своихъ трибуновъ и

многочисленныхъ патриціевъ, находившихся въ его войскѣ, онъ остался непоколебимъ и приказалъ немедленно бросать жребій.

Тогда изъ cadaго десятка выбирали по жребію одного и предавали его ликторамъ, которые, давъ нѣсколько ударовъ палками несчастному, рубили ему голову.

Эта казнь, тѣмъ болѣе ужасная, что часто приходилось погибать именно воинамъ, доблестно исполнявшимъ, завѣдомо всѣмъ, свой долгъ, возбудила величайшую скорбь среди легионовъ, присутствовавшихъ при ней. Произошло нѣсколько мучительныхъ эпизодовъ. Особенно сильное сожалѣніе возбудила участь двадцатилѣтняго юноши, по имени Эмилиі Глабрионъ *). Онъ мужественно сопротивлялся напору гладіаторовъ, сражаясь въ первыхъ рядахъ, и, несмотря на двѣ раны, до самой послѣдней минуты оставался на своемъ посту, ободря товарищей. Только охваченный толпой, онъ былъ увлеченъ во всеобщее бѣгство. Всѣ это знали и громко заявляли передъ всѣмъ войскомъ. Но жребій указалъ его, и онъ долженъ былъ погибнуть.

Среди всеобщаго плача храбрый юноша подошелъ къ Крассу и, несмотря на блѣдность смерти, покрывавшую его лицо, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Наказаніе, которому ты подвергаешь насъ, не только полезно для блага республики, но и вполне справедливо, потому что наши легионы заслужили его своимъ постыднымъ бѣгствомъ. Жребій упалъ на меня, и я долженъ умереть. Но такъ-какъ ты знаешь, Маркъ Крассъ, такъ-какъ всѣ товарищи знаютъ и свидѣтельствуютъ, что я не былъ трусомъ, но сражался, какъ слѣдуетъ римлянину, и не оставлялъ своего поста, несмотря на раны, которыя ты видишь,— причеъ онъ указалъ на свою грудь и поднялъ вверхъ лѣвую руку, повязанную окровавленной повязкой,—то прошу у тебя какъ милости—пусть палка ликтора не осверняетъ моихъ плечъ, прежде чѣмъ топоръ отрубитъ мнѣ голову.

Всѣ окружающіе претора плакали, и онъ самъ не могъ скрыть глубокаго волненія.

— Соглашаюсь на твою просьбу, благородный юноша, отвѣчалъ онъ,—и горько мнѣ, что не могу даровать тебѣ жизни, которой ты такъ достоинъ...

*) Плутархъ, Апціанъ Александрійскій.

— Умереть на полѣ битвы отъ руки непріателя или здѣсь, на преторіи, отъ руки ликтора — для меня одно и то-же, лишь-бы смерть моя принесла пользу отечеству. Пусть только знаютъ всѣ, пусть знаетъ моя мать въ Римѣ, пусть знаетъ народъ и сенатъ, что я не былъ трусомъ, и умеръ, не запятнавъ своей чести.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь храбрый юноша! воскликнулъ воинъ лѣтъ тридцати, выступая изъ рядовъ легионовъ Муммія и бросаясь къ претору.

— Доблестный Крассъ! воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы. Я — Валерій Аталъ, римскій гражданинъ и солдатъ третьей когорты второго легиона, участвовавшего въ битвѣ при Субіакумѣ. Я стоялъ рядомъ съ этимъ юношею и видѣлъ, какъ онъ, раненый, храбро сражался, въ то время, какъ мы всѣ бросились бѣжать, увлекши и его съ собою. Такъ-какъ топоръ ликтора долженъ поразить голову десятого, то пусть казнятъ меня, потому-что я бѣжалъ, а не этого юношу, который, — клянусь богами, покровителями Рима, — велъ себя какъ истинный римлянинъ старыхъ временъ.

Поступокъ этого солдата, хотя и бѣжавшаго въ минуту малодушнаго страха, но обнаруживавшаго теперь такое благородство души, еще болѣе усилилъ всеобщее волненіе. Между Аталомъ и Глабриономъ возникъ трогательный споръ о томъ, кому изъ нихъ быть отданнымъ въ жертву смерти, однако, Крассъ остался непреклоненъ, и Глабрионъ былъ преданъ ликтору.

Еще громче стали плачь и стоны легионовъ при видѣ безпощаднаго приговора претора.

Тогда Эмилий Глабрионъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Если вамъ дѣйствительно жаль меня, если вы хотите сдѣлать счастливыми мои послѣднія минуты, то поклонитесь именемъ боговъ, что скорѣй умрете всѣ до послѣдняго, чѣмъ снова обратитесь въ бѣгство предъ презрѣнными рабами!

— Клянемся! Клянемся! закричали виновные легионы.

— Клянемся всѣми богами! подхватили какъ одинъ человекъ семдесятъ тысячъ голосовъ.

— Великіе боги не оставятъ Рима! Я умираю спокойно! воскликнулъ злополучный юноша, подставляя подъ топоръ свою обнаженную шею.

Ловкимъ и быстрымъ ударомъ ливторъ отсѣкъ его бѣлокурую голову, которая, оставляя широкій кровавый слѣдъ, скатилась на землю при громкомъ крикѣ ужаса и горя, вырвавшемся изъ всѣхъ грудей.

Маркъ Крассъ отвернулся въ сторону, чтобы скрыть двѣ крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ.

По окончаніи казни, онъ приказалъ снова раздать оружіе бѣглецамъ и обратился къ нимъ съ краткой рѣчью, въ которой выразилъ надежду, что они никогда больше не заставятъ его прибѣгать къ такимъ ужаснымъ наказаніямъ.

Похоронивъ тѣла девятисотъ казненныхъ, Маркъ Крассъ снялся съ лагеря и двинулся вельдъ за Спартакомъ, быстро шедшимъ по Апуліи, чтобы какъ можно дальше отвлечь Красса отъ Рима.

На пятнадцатый день пути Крассъ подошелъ къ Сипонту, гдѣ уже поджидалъ его Спартакъ, расположившійся лагеремъ неподалеку отъ города.

Крассъ тоже приказалъ разбить шатры и, окопавшись широкими окопами, сталъ ждать удобнаго случая, чтобы завязать битву.

Уже три дня оба войска стояли другъ противъ друга. На четвертый, глубокой ночью, когда все спало въ римскомъ лагерѣ, одинъ изъ контуберналиевъ Красса разбудилъ его и сказалъ, что какой-то посоль отъ гладіаторовъ желаетъ немедленно переговорить съ нимъ наединѣ по дѣлу первостепенной важности.

Крассъ, отличавшійся большою умѣренностью въ снѣ и ѣдѣ, тотчасъ-же всталъ и приказалъ вести гладіатора.

Это была Эвтибида, явившаяся предать своихъ братьевъ по оружію.

— Не узнаешь меня, Крассъ? сказала она насмѣшливо.

— Право... кажется я гдѣ-то тебя видѣлъ... бормоталъ преторъ, стараясь припомнить, какое имя дать знакомымъ чертамъ.

— Боги великіе, вскричалъ онъ вдругъ, да вѣдь ты не мальчикъ, а женщина!.. Неужели-же ты?..

— Скоро же ты забудь поцѣлуй Эвтибиды, которыхъ ни одинъ мужчина никогда еще не забывалъ!

— Эвтибида! воскликнулъ Крассъ. — Но какъ ты сюда попала?.. Зачѣмъ ты въ такомъ костюмѣ?

Но вдругъ онъ съ недоумѣніемъ отступилъ назадъ и, скрестивъ

на груди руки, устремилъ на дѣвушку свои сѣро-желтые глаза, сверкавшіе въ эту минуту какимъ-то фосфорическимъ блескомъ.

— Если ты пришла, чтобъ разставить мнѣ какія-нибудь сѣти, строгимъ голосомъ сказалъ онъ, — то предупреждаю тебя, что я не Глабрь, не Вариній и не Анфидій Орестъ...

— Это не мѣшаетъ тебѣ, однако, быть также человекомъ достаточно туповатымъ! съ обычной дерзостью отвѣчала гречанка, окидывая его насмѣшливымъ взглядомъ.

Затѣмъ, пользуясь замѣшательствомъ претора, она прибавила:

— Да, бѣдный Маркъ Крассъ, ты богатѣйшій изъ римлянъ, но далеко не умнѣйшій!

— Но что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты пришла? Говори скорѣе.

Эвтибида съ минуту помолчала, потомъ съ иронической улыбкой проговорила:

— Дѣлай послѣ этого добро людямъ! Я пришла спасти тебя отъ пораженія и вмѣсто него подарить тебѣ побѣду, и ты вдругъ такъ меня принимаешь! Не ожидала я этого отъ тебя!..

— Но что же тебѣ нужно, наконецъ? Объясни толково! сказалъ Крассъ, начиная терять терпѣніе.

Тогда Эвтибида рассказала ему, съ какими цѣлями она къ нему явилась. Съ цинической откровенностью изложила она причины своей безграничной ненависти къ Спартаку; рассказала, какъ ей удалось заставить Окномана отдѣлаться отъ Спартака и какъ послѣ истребленія двухъ его легионовъ консуломъ Гелліемъ, она пріобрѣла славу героини и безграничное довѣріе всѣхъ гладіаторовъ и ихъ вождя, и какъ теперь она намѣрена воспользоваться этимъ, чтобъ дать римлянамъ возможность окончательно уничтожить гладіаторское войско.

Крассъ слушалъ Эвтибиду съ величайшимъ вниманіемъ, не спуская съ нея проникательнаго взгляда.

Когда-же она окончила свою рѣчь, онъ медленно и спокойно отвѣчалъ:

— А что если всѣ твои побасенки служатъ только средствомъ завлечь меня въ сѣти этого самаго Спартака?.. Какъ ты объ этомъ думаешь, прелестная Эвтибида?.. Кто мнѣ поручится, что ты говоришь правду?

— Я предаю себя въ твои руки, какъ заложницу...

Крассъ задумался на минуту, но потомъ прибавилъ:

— А что если ты готова пожертвовать собой, лишь-бы восторжествовало дѣло рабовъ?..

— Клянусь Меркуріемъ, сказала Эвтибида, — ты, Крассъ, недоувѣрчивъ уже не въ мѣру.

— Лучше быть слишкомъ недоувѣрчивымъ къ людямъ, чѣмъ чрезчуръ доувѣрчивымъ, замѣтилъ Крассъ.

— Пожалуй, что ты и правъ, согласилась Эвтибида, — но во всякомъ случаѣ выслушай хорошенько, что я тебѣ скажу. Я уже говорила тебѣ, что пользуюсь полнымъ довѣріемъ Спартака. И знаю, что замышляетъ теперь на твою погибель ненавистный фракіецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Крассъ полунасмѣшливо, полусерьезно. — Что-же онъ замышляетъ? Расскажи!..

— Завтра среди бѣлаго дня Спартакъ съ шумомъ выступитъ изъ лагеря съ восемью легіонами и конницей и двинется по Варлетской дорогѣ, какъ-будто намѣреваясь идти въ Поценію. Крассъ-же съ тридцатью тысячами останется у Сипонта, распространяя между окрестными жителями слухъ, что онъ отдѣлился отъ Спартака, вслѣдствіе жестокой ссоры съ нимъ. Лишь только ты узнаешь объ уходѣ Спартака, тотчасъ-же ты бросишься на Красса. Но пока ты будешь сражаться съ нимъ, Спартакъ выскочитъ изъ Сипонтскаго лѣса, гдѣ будетъ все время скрываться, и ударитъ на тебя съ тылу. И какъ-бы ни были храбры твои легіоны, они неминуемо будутъ разбиты на-голову.

— А, а! Такъ вотъ что они задумываютъ! воскликнулъ Крассъ.

— Да, вотъ что.

— Но только вопросъ въ томъ, попадусь-ли я въ ихъ ловушку.

— Попался-бы, бѣдняга Крассъ, попался-бы непременно, если-бъ я не предупредила тебя, сказала Эвтибида. — Но хочешь-ли ты сдѣлать больше? Хочешь-ли не только избѣжать ихъ сѣтей, но и поймать ихъ самихъ въ западню? Хочешь-ли разбить и уничтожить сперва тридцать тысячъ Красса, а потомъ обрушиться со всѣми силами на вдвое слабѣйшаго Спартака и раздавить и его?

— Ну? Что-жъ я долженъ дѣлать?

— Завтра чуть-свѣтъ снимись съ лагеря и иди на Сипонтъ. Ты придешь туда какъ-разъ въ то время, когда Спартакъ будетъ отъ него въ самомъ большомъ разстояніи, — миляхъ въ пятнадцати или двадцати. Потомъ Спартакъ будетъ ждать, чтобъ я извѣ-

стила его о томъ, что ты двинулся и попалъ въ ловушку — потому что именно мнѣ поручено слѣдить за тобой. Я-же скажу Спартаку, что ты все еще стоишь на мѣстѣ. Затѣмъ я поскачу къ Криссу и скажу ему, что Спартакъ приказалъ ему идти къ Гарганской горѣ и защищаться тамъ до послѣдней капли крови въ случаѣ если-бы ты напалъ на него. Когда такимъ образомъ Криссъ отойдетъ еще дальше отъ Спартака, ты нападешь на него и успѣешь уничтожить гораздо раньше чѣмъ Спартакъ будетъ въ состояніи явиться къ нему на помощь, если-бы даже онъ, какъ-нибудь случайно, узналъ объ опасности, которой Криссъ подвергается.

Крассъ съ удивленіемъ слушалъ эту злодѣйку, съ такой основательностью и предусмотрительностью составившую цѣлый планъ сраженія, не хуже, если даже не лучше, чѣмъ сдѣлалъ-бы это онъ самъ.

Долго онъ молча смотрѣлъ на куртизанку, щеки которой отъ сильнаго возбужденія загорѣлись яркимъ румянцемъ, потомъ онъ вдругъ воскликнулъ:

— Клянусь Юпитеромъ-Освободителемъ, ты ужасная женщина!

— Дѣло не въ этомъ, съ усмѣшкой сказала Эвтибида, — а въ томъ: нравится-ли тебѣ планъ?

— Въ глубинѣ ада не выдумали-бы ничего хитрѣе и ужаснѣе. Но только, повторяю, я не совсѣмъ довѣряю тебѣ.

— Правду я говорила, что умомъ ты совсѣмъ не такъ богатъ какъ деньгами! воскликнула Эвтибида. — Ну разсуди: чѣмъ ты рискуешь, если послушаешься моего совѣта и завтра утромъ двинешься къ Сипонту? Въ самомъ худшемъ случаѣ, допустивъ, что я обманываю тебя, ты встрѣтишься тамъ лицомъ къ лицу со всѣмъ гладиаторскимъ войскомъ. Но развѣ не затѣмъ ты сюда пришелъ? Развѣ не хочешь ты вступить съ нимъ въ открытый бой? Чего-же тебѣ бояться, если вмѣсто одного Крисса, ты встрѣтишь тамъ и Крисса и Спартака?

— Твоя правда! отвѣчалъ Крассъ.

— Наконецъ, когда мнѣ удастся завести Крисса къ Гарганской горѣ и удержать Спартака на мѣстѣ, я явлюсь въ твой лагерь и предамъ себя въ твои руки. Вѣришь-ли ты мнѣ теперь?

— Вѣрю, сказалъ Крассъ, подумавъ немного, — или лучше хочу вѣрить тебѣ. Во всякомъ случаѣ, если твои слова правдивы и намъ удастся все, что ты такъ хитро задумала, ты получишь

щедрю награду отъ меня и еще большую отъ сената, которому не премину донести о важныхъ услугахъ, оказанныхъ тобою римскому народу.

— Плевать мнѣ на ваши награды, на вашъ сенатъ и римскій народъ! съ презрѣніемъ воскликнула Эвтибида, причемъ зеленые глаза ея засвѣтились какимъ-то адскимъ блескомъ. — Не ради тебя, не ради вашего сената и народа принесла я тебѣ побѣду, Маркъ Крассъ, а ради собственной мести. Что мнѣ до всѣхъ наградъ, лишь-бы мнѣ видѣть умирающаго на моихъ глазахъ Спартака, окруженнаго трупами всѣхъ своихъ близкихъ, лишь-бы мнѣ наступить колѣномъ на его хрипящую грудь и упиться его предсмертными муками.

При послѣднихъ словахъ лицо ея сдѣлалось до такой степени ужасно, что самъ Крассъ почувствовалъ, что морозъ пробѣгаетъ у него по кожѣ.

Уговорившись относительно подробностей, Эвтибида вышла изъ палатки и, сѣвъ на коня, поскакала къ гладіаторскому лагерю.

На другой день, рано утромъ, Крассъ двинулся къ Синопту, выславъ впередъ пять тысячъ кавалеріи, съ приказаніемъ внимательно осматривать каждый холмъ, каждую рошу, чтобы убѣдиться, не скрывается-ли за ними непріятельская засада.

Тѣмъ временемъ Спартакъ, снявшись съ лагеря съ восемью легіонами и всей почти кавалеріей, направился къ Борлетѣ. Крассъ съ шестью остальными легіонами остался у Синопта, и по окрестностямъ разнесся слухъ, что послѣ жестокой ссоры между Спартакомъ и Криссомъ, гладіаторское войско раздѣлилось пополамъ. Одна часть собиралась напасть на римскіе легіоны, другая рѣшила черезъ Беневенто идти прямо на Римъ.

Слухъ этотъ сдѣлался до такой степени распространеннымъ, что вскорѣ дошелъ и до Красса.

„До сихъ поръ, подумалъ про себя римскій полководецъ, — слова Эвтибиды оправдываются. Это хорошее предзнаменованіе для будущаго“.

И предчувствіе его оправдалось.

Когда Эвтибида подѣхала къ Спартаку, скрывавшемуся со своими легіонами въ лѣсистыхъ оврагахъ, расположенныхъ вдоль дороги, онъ съ безпокойствомъ спросилъ ее:

— Ну что?

— Крассъ все еще стоитъ на мѣстѣ, отвѣчала она,—и до сихъ поръ не было дано сигнала готовиться къ выступленію.

— Клянусь богами, воскликнулъ Спартакъ,—этотъ Крассъ гораздо уинѣе, чѣмъ я думалъ.

Затѣмъ, послѣ минутнаго раздумья, обращаясь къ Эвтибидѣ, онъ прибавилъ:

— Вернись къ Криссу и скажи, чтобъ онъ не двигался изъ Сипонта ни въ какомъ случаѣ; при нападеніи-же римлянъ пусть пошлетъ ко мнѣ трехъ контуберналіевъ одного за другимъ, черезъ каждые четверть часа. Изъ трехъ хоть одинъ дойдетъ до меня. Не знаю почему... но мнѣ кажется, что такая осторожность Красса—дурной привнакъ.

Спартакъ нѣсколько разъ провелъ рукой по лбу и снова спросилъ Эвтибиду:

— Сколько времени употребила ты, чтобъ доѣхать отъ Сипонта до насъ?

— Часа два.

— И ты все время скакала во весь опоръ?

— Можешь удостовѣриться въ этомъ, взглянувъ на моего коня.

Спартакъ задумался на минуту, потомъ сказалъ:

— Ну такъ возвращайся тоже во весь опоръ.

Эвтибида поклонилась Спартаку и, поворотивъ коня, поскакала по направленію къ Сипонту.

Здѣсь она передала Криссу, что Спартакъ приказалъ ему выступить изъ Сипонта и идти къ Гарганской горѣ, гдѣ занять крѣпкую позицію.

Когда Эвтибида прискакала въ лагерь Крисса, заря еще не занималась. Поэтому, приказавъ немедленно готовиться къ выступленію, галль могъ двинуться въ походъ съ восходомъ солнца.

Послѣ четырехъ часовъ пути онъ достигъ высокой гарганской сѣдловины, откуда открывалась безграничная гладь Адриатическаго моря, по которому то тамъ, то сямъ скользили бѣлые паруса рыбацкихъ лодокъ.

Осмотрѣвъ мѣстность, Криссъ рѣшилъ выбрать эту сѣдловину для разбивки лагера и уже отдалъ соотвѣтствующія распоряженія, какъ вдругъ по рядамъ его войска пробѣжалъ крикъ:

— Римляне, римляне!

Это были дѣйствительно легіоны Красса, которые подъ покро-

вомъ измѣны, наступали на втрое слабѣйшій отрядъ гладіаторовъ.

Однако, при этомъ неожиданномъ нападеніи Криссъ не растерялся, а спокойно и неторопливо, какъ слѣдуетъ хорошему полководцу, сталъ строить въ боевой порядокъ свои легіоны, сообразуясь съ условіями мѣстности. Выставивъ въ боевую линію четыре легіона, онъ занялъ ими узкое пространство между двумя крутыми горами, упираясь въ нихъ обоими флангами. Два остальные онъ оставилъ въ резервѣ, чтобы поддержать въ случаѣ нужды пункты наиболѣе угрожаемые.

Римскіе легіоны, выстроенные глубокими колоннами, не замедлили броситься съ величайшимъ ожесточеніемъ на гладіаторовъ. Дикіе крики сражающихся, звонъ оружія, стоны, вопли раненныхъ и умирающихъ нарушили вѣковую тишину этихъ пустынныхъ горъ, пугая птицъ и лѣсныхъ звѣрей и далеко перекатываясь по всему пространству.

Криссъ обходилъ ряды гладіаторовъ, Крассъ—ряды римлянъ, и оба краткими и сильными словами ободряли и одушевляли своихъ воиновъ. Съ обеихъ сторонъ сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Противники убивали другъ друга и падали на землю, не отступая ни на шагъ.

Лѣвый флангъ гладіаторовъ не подвергся нападенію, потому что римскіе легіоны выстроились глубокими колоннами, занимавшими по фронту меньше мѣста, чѣмъ гладіаторы. Три тысячи человекъ четвертаго гладіаторскаго легіона оставались, такимъ образомъ, простыми зрителями горячей битвы. Не будучи въ состояніи удержать нетерпѣнія своихъ воиновъ, самнитъ Онацій, начальникъ этого легіона, сталъ лично во главѣ этихъ шести когортъ, и бросился съ ними на правый флангъ римлянъ съ такой неудержимой стремительностью, что крайній легіонъ ихъ тотчасъ же совершенно смѣшался. Однако, эта побѣда оказалась непрочной и скоропроходящей.

Вида поражение флангового легіона, Квесторъ Скрофа, командовавшій этимъ крыломъ, пришипоривъ коня, подѣхалъ къ мѣсту, гдѣ стояла въ резервѣ римская кавалерія и приказалъ Кнею Квинту ударить съ шестью тысячами всадниковъ на лѣвый флангъ гладіаторовъ, оставшійся неприкрытымъ, вслѣдствіе неосторожной запальчивости Онація.

Какъ орлы, понеслись римскіе всадники и въ одно мгновеніе охватили четвертый легіонъ съ тылу и изрубили-бы его весь въ куски, если-бы, замѣтивъ во-время несущуюся римскую конницу, Криссъ не выслалъ противъ нея легіонъ Мессембрія, одинъ изъ двухъ оставленныхъ имъ въ резервъ.

Искусно выполнивъ этотъ быстрый маневръ, македонянинъ остановилъ на минуту успѣхъ враговъ. Но легіонъ не успѣлъ еще занять открытый Онаціемъ интервалъ, какъ Криссъ двинулъ на него не только всю остальную свою кавалерію, но и два свѣжихъ легіона изъ резерва.

Въ то-же самое время шесть тысячъ пращниковъ, съ двумя другими легіонами, были отправлены Криссомъ въ обходъ праваго фланга Красса, примыкавшаго къ горѣ не до такой степени неприступной, какъ лѣвый. Храбро карабкаясь по крутизнѣ, цѣпляясь за выступы скалъ и подсаживая другъ друга, римляне перобрались черезъ гору и, выстроившись въ боевой порядокъ, устремились на гладіаторовъ.

У Красса оставался послѣдній легіонъ въ резервъ, и онъ послалъ его на встрѣчу новому врагу. Но уже ничто не могло спасти гладіаторовъ. Несмотря на всѣ чудеса храбрости и стойкости, легіоны Красса должны были подаваться предъ напоромъ почти втрое сильнѣйшаго непріятеля, одушевленнаго увѣренностью къ близкой побѣдѣ и жадной смѣть съ себя позоръ недавняго пораженія. Вскорѣ оба фланга гладіаторовъ, на которые и были направлены главныя усилія римлянъ, значительно отступили назадъ, открывъ, такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ свободный проходъ для римскихъ резервовъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, гладіаторы все еще продолжали сражаться, уже безъ всякой надежды на спасеніе, думая лишь о томъ, чтобы подороже продать свою жизнь.

Криссъ, рѣшившійся защищаться до послѣдней капли крови, все время надѣялся на прибытіе Спартака. Но, видя гибель большей части своихъ товарищей, онъ остановилъ коня—третьяго, на котораго онъ садился въ эти нѣсколько часовъ, потому-что два уже было подъ нимъ убито—и, устремивъ взглядъ на то мѣсто громаднаго горизонта, откуда долженъ былъ появиться Спартакъ, воскликнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Спартакъ, ты не поспѣешь ни спасти насъ, ни отомстить

за нашу гибель. Бѣднѣй другъ! Каково-то будетъ у тебя на сердцѣ, когда ты увидишь такое жалкое истребленіе тридцати тысячъ твоихъ храбрѣйшихъ товарищей!

Затѣмъ, обращаясь къ окружавшимъ его вождямъ и контуберналіямъ, среди которыхъ съ самаго утра не показывалась больше Эвтибида, онъ сказалъ:

— Братья, пришла пора умирать!

Крѣпко стиснувъ въ рукѣ мечъ, весь покрытый кровью убитыхъ имъ римлянъ, онъ прищипорилъ своего коня и, съ пятью-шестью изъ своихъ товарищей, съ остервенѣніемъ бросился на толпу римлянъ, окружавшую нѣсколькихъ гладіаторовъ, отчаянно оборонявшихся отъ нихъ.

— Эй, вквириты, кричалъ громкимъ голосомъ Криссъ, — вы храбры только когда васъ трое противъ одного! Выходите-же, не бойтесь, теперь на одного васъ пятеро!

При этомъ онъ и его спутники топтали конями, убивали римскихъ легионеровъ, которые въ страхѣ побѣжали предъ напоромъ этой горсти смѣльчаковъ. Но, увидавъ ничтожное число своихъ противниковъ, они тотчасъ-же вернулись, пристыженные и съ удвоенной яростью напали на гладіаторовъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, сбитые съ коней, израненные, они все еще защищались съ ожесточеніемъ отчаянія. Но поражаемые десятками ударовъ спереди, сзади, съ боковъ, всѣ они были вскорѣ перебиты. Погибъ и Криссъ, тѣло котораго превратилось въ одну сплошную рану. Но передъ смертью онъ обернулся къ римлянину, нанесшему ему ударъ въ спину и, пронзивъ его насквозь мечемъ, вмѣстѣ съ нимъ повалился на землю.

— Пусть... побѣда... по-прежнему не покидаетъ твоихъ знаменъ... о, Спартакъ! прошепталъ доблестный галлъ и испустилъ духъ.

Въ это время привлеченныя битвою новыя толпы легионеровъ устремились къ мѣсту стычки. Около умирающаго Крисса собрался кружокъ.

— Клянусь богами-покровителями Рима, воскликнулъ одинъ ветеранъ, — никогда еще не доводилось мнѣ видѣть такого живучаго человѣка!

— Ни такого упрямаго, замѣтилъ другой.

— Смотрите, сколько онъ, проклятый, перебилъ нашихъ! вскри-
„Дѣло“, № 7, 1881 г. I.

чалъ третій, указывая на груду труповъ, окружавшихъ, точно валомъ, бездыханное тѣло галла.

Такъ кончилась ужасная гарганская битва, въ которой погибло тридцать тысячъ гладіаторовъ и десять тысячъ римлянъ *).

Только около восьми-сотъ человекъ, большею частью тяжело раненыхъ, попались въ плѣнъ, и Крессъ приказалъ распять ихъ вдоль большой дороги.

Тѣмъ временемъ, Спартакъ съ невыразимымъ безпокойствомъ ожидалъ весь день прибытія контуберналиевъ Кресса съ извѣстіемъ о нападеніи римлянъ. Наконецъ, видя, что никто не является, онъ послалъ двухъ изъ своихъ контуберналиевъ, одного за другимъ, съ сотней всадниковъ cadaго, чтобы узнать, что означаетъ такое непонятное молчаніе. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что оставаться долго въ засадѣ онъ не могъ, такъ-какъ войско его взяло припасовъ всего на два дня.

Когда первый изъ контуберналиевъ Спартака прибылъ къ си-понтскому лагерю, то, къ великому своему удивленію, замѣтилъ, что онъ совершенно пустъ. Не зная, какъ объяснить себѣ это странное обстоятельство, смущенный контуберналий послалъ нѣсколькихъ человекъ изъ сопровождавшаго его отряда въ окрестныя пастушечья лачужки, чтобы узнать, если возможно, куда дѣвалось гладіаторское войско. Но, пока онъ ожидалъ возвращенія своихъ гонцовъ, вдругъ на дорогѣ показались два несущіеся, ему на встрѣчу, всадника. Это были контуберналии, посланные Крессомъ къ Спартаку съ извѣстіемъ о нападеніи римлянъ и съ просьбой ускорить свое движеніе, такъ-какъ, основываясь на словахъ Эвтибиды, Крессъ былъ вполне убѣжденъ, что Спартакъ со всемъ своимъ войскомъ уже идетъ къ нему на помощь.

Легко себѣ представить ужасъ контуберналиевъ, когда они убѣдились въ измѣнѣ Эвтибиды и поняли отчаянное положеніе Кресса. Единственное, что имъ оставалось дѣлать, это — нестись во весь духъ къ Спартаку, чтобы какъ можно скорѣе увѣдомить его обо всемъ.

Но когда они прискакали къ нему, гарганская битва уже приближалась къ концу.

— Бога ада! вскричалъ Спартакъ, поблѣднѣвъ какъ полотно,

*) Аппіанъ Александрійскій, Луцій Флоръ, Плутархъ.

потому-что въ одно мгновеніе онъ понялъ всѣ ужасныя послѣдствія предательства Эвтибиды.

— На коней, на коней! Въ походъ! крикнулъ онъ, вскакивая на коня.

Подозвавъ къ себѣ Граника, онъ сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Тебѣ поручаю я вести восемь нашихъ легионовъ... Пусть окривятся у всѣхъ ноги... злополучный для насъ сегодня день!.. Будьте тверды, какъ скала, и спѣшите, спѣшите, ради всѣхъ боговъ! Крисъ умираетъ! Тридцать тысячъ нашихъ братьевъ гибнутъ подъ ударами враговъ! Я помчусь впередъ съ кавалеріей! Спѣшите-же, летите, заклинаю васъ!

Съ этими словами онъ сталъ во главѣ восьми тысячъ своей конницы и во весь опоръ понесся по Сипонтской дорогѣ.

Послѣ полуторачасовой безостановочной скачки, загнавъ множество коней, онъ примчался къ Сипонту, и первыми встрѣтившимися ему здѣсь были человѣкъ восемь или десять гладиаторовъ, израненныхъ, изнеможенныхъ, которымъ, благодаря гѣсу, покрывавшему одинъ изъ скатовъ гарганскаго хребта, удалось бѣжать съ поля битвы и спастись отъ всеобщаго истребленія.

— Ради Юпитера, скажите, что случилось! спросилъ Спартакъ съ замираніемъ сердца.

— Мы разбиты... истреблены... отъ нашихъ шести легионовъ въ эту минуту ничего не осталось, кромѣ груды труповъ!

— О, мои несчастные братья! О, мой возлюбленный Крисъ! воскликнулъ Спартакъ и, закрывъ лицо руками, громко зарыдалъ.

Склонивъ голову на грудь, печально стояли военачальники и контуберналии вокругъ своего вождя, и долго никто не рѣшался прервать рыданій этого могучаго человѣка. Наконецъ, Мамилій, начальникъ всей конницы, подѣхалъ къ нему и тихо сказалъ:

— Будь твердъ въ этомъ великомъ несчастіи, благородный вождь нашъ.

— О, Крисъ! О, братъ мой возлюбленный! повторялъ Спартакъ сквозь душившія его слезы.

Наступила новая пауза.

— Ободрисъ, Спартакъ, сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Мамилій, — и подумай о спасеніи остальныхъ восьми легионовъ.

— Твоя правда... проговорилъ фракіецъ, стараясь оправить-

ся.— Намъ грозитъ окончательная гибель... Нужно принять мѣры... Нужно не дать осуществиться надеждамъ и расчетамъ этой фурии ада!..

Онъ глубоко задумался, и нѣсколько минутъ можно было слышать только его тяжелое дыханіе.

Наконецъ, поднявъ голову, онъ сказалъ:

— Необходимо уйти въ горы... Послѣ кровавой битвы, которую римлянамъ, безъ сомнѣнія, пришлось выдержать прежде чѣмъ имъ удалось перебить нашихъ братьевъ, Крассъ не будетъ въ состояніи двинуть свои легіоны раньше чѣмъ часовъ черезъ десять-двѣнадцать. Необходимо воспользоваться этимъ временемъ, чтобы поправить наше положеніе.

Затѣмъ, обращаясь къ одному изъ контуберналиевъ, онъ сказалъ:

— Скажи къ Гранику и скажи ему, чтобы онъ тотчасъ-же повернулъ легіоны назадъ.

Когда контуберналий отъѣхалъ, Спартакъ объяснилъ Мамилію и прочимъ вождямъ, въ чемъ заключается его новый планъ военныхъ дѣйствій: черезъ Минервіумъ и Венозу, дѣлая по тридцать миль въ день, пробраться горными дорогами въ Луканію, гдѣ къ нимъ должны присоединиться новыя толпы рабовъ. Если же и послѣ этого нельзя будетъ отважиться на открытый бой съ Крассомъ—броситься въ Абрुцци и оттуда перебраться въ Сицилію и тамъ снова зажечь пламя возстанія рабовъ, не успѣвшее еще вполне потухнуть.

Давъ полчаса отдыха измученнымъ конямъ, онъ приказалъ ѣхать назадъ, посадивъ на крупы лучшихъ скакуновъ восемь раненныхъ гладіаторовъ, спасшихся отъ гарганскаго побоища.

Вернувшись къ своимъ восьми легіонамъ, Спартакъ отозвалъ въ сторону Граника и сообщилъ ему свой планъ, который былъ вполне одобренъ даровитымъ иллирійцемъ. Затѣмъ, поручивъ ему главное начальство надъ всѣмъ войскомъ и давъ нѣсколько важныхъ инструкцій, Спартакъ сказалъ, что самъ онъ, съ тремястами всадниковъ, намѣренъ пробраться къ Гарганской горѣ и отыскать тѣло Красса, чтобы предать его почетному погребенію.

Тщетно пытался Граникъ отклонить его отъ этого опаснаго предпріятія, выставляя ему на видъ, что онъ не имѣетъ права

рисковать собой, какъ главою и душою ихъ святого и трудного дѣла.

— Я не погибну, говорилъ Спартакъ,—я въ этомъ увѣренъ. Дня черезъ три мы встрѣтимся снова въ ущельяхъ Аппениновъ. Но если-бы даже мнѣ суждено было погибнуть, то въ тебѣ, благородный и великодушный Граникъ, я буду имѣть достойнаго преемника.

Никакія убѣжденія иллирійца не могли поколебать его рѣшенія. Взявъ съ собою три сотни всадниковъ, Спартакъ распрощался съ Арториксомъ и, ничего не сказавъ Мирцѣ, которую поручилъ попеченіямъ двухъ своихъ друзей, тихо отдѣлился отъ легионовъ и вскорѣ скрылся за сосѣдними холмами.

Вечеромъ онъ прибылъ къ Сипонту и тотчасъ-же выслалъ впередъ нѣсколько развѣдчиковъ съ приказаніемъ высмотрѣть мѣстность и положеніе непріятеля. Когда посланные его вернулись съ благопріятными извѣстіями, онъ приказалъ всему своему отряду спѣшиться и взять коней подъ уздцы, и повелъ его въ густой лѣсъ, окаймлявшій Сипонтскую дорогу. Послѣ нѣсколькихъ часовъ труднаго и утомительнаго пути, причемъ нѣсколько разъ приходилось браться за мечи, чтобы прорубить себѣ дорогу севозъ дикій виноградникъ, отрядъ достигъ, наконецъ, небольшой прогалинки, гдѣ стояло нѣсколько хижинъ угольщиковъ и дровосѣковъ.

Первой заботой Спартака было арестовать всѣхъ этихъ людей, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не увѣдомилъ Красса о его присутствіи. Для большей безопасности онъ приказалъ потушить также огни, потому-что дымъ могъ обратить на себя вниманіе римлянъ. Принявъ всѣ эти предосторожности, отрядъ тихо и неподвижно сталъ выжидать.

Предположенія Спартака оправдались вполне. Крассъ, простоявъ двѣнадцать часовъ неподалеку отъ гарганскаго побоища, двинулъ свои войска обратно къ Сипонту, съ очевиднымъ намѣреніемъ напасть на Спартака, ослабленнаго потерей шести легионовъ. Вскорѣ послѣ полуночи, замерзшіе отъ холода гладиаторы услышали со стороны большой дороги топотъ коней и пѣхотинцевъ и громкій, неумолкающій гулъ голосовъ. Гордые только-что одержанной побѣдой, римляне безъ всякихъ предосторожностей шли по большой дорогѣ, увѣренные въ томъ, что непріятель далеко.

Только этому шумному ликованію непріятеля и были обязаны

гладіаторы своимъ спасеньемъ, потому-что иначе ихъ кони, начавшіе громко ржать при приближеніи римской кавалеріи, непременно открыли-бы ихъ присутствіе въ рощѣ.

Когда послѣдніе всадники римскаго арьергарда скрылись за горизонтомъ, гладіаторы вышли изъ своей засады и послѣ двухъ часовъ быстрой ѣзды увидѣли предъ собой обширное поле, гдѣ наканунѣ происходила битва.

Сердце сжалось у Спартака и въ глазахъ у него потемнѣло при видѣ этой ужасной бойни. Тридцать тысячъ труповъ было разсыпано по необозримому полю почти до самаго морскаго берега. Огромные костры, еще дымившіеся и наполнявшіе воздухъ запахомъ жженаго мяса, свидѣтельствовали, что не мало легло здѣсь и римлянъ. Видъ этого мрачнаго и зловѣщаго поля, на которомъ такъ недавно жизнь была кипучимъ ключемъ, а теперь безраздѣльно царила молчаливая, неумолимая смерть, возбудилъ въ душѣ фракіецца самыя ужасныя сомнѣнія: хорошо-ли поступилъ онъ, оторвавъ столько людей отъ жизни—правда, тяжелой и презрѣнной, но все-таки жизни—для того, чтобы бросить ихъ въ объятія смерти?..

Этотъ мучительный вопросъ, какъ желѣзными тисками, сжималъ его сердце. Ему хотѣлось стонать, кричать отъ невыносимой боли. Не зная куда убѣжать отъ собственныхъ мыслей, онъ пришпорилъ своего коня и поскакалъ по полю битвы до тѣхъ поръ, пока его не остановили груды труповъ. Тогда онъ слѣзъ съ коня, привязавъ снѣшиться половинѣ своего отряда, и, оставивъ коней своимъ товарищамъ, пѣшкомъ пошелъ далѣе. Печальное зрѣлище представилось его глазамъ: на каждомъ шагу ему попадались блѣдныя, искаженные и обезображенные лица знакомыхъ или друзей. Въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ веселаго эпикурейца Салонія, лежавшаго теперь внизъ головою, съ зіяющей раной на правомъ боку и съ мечомъ, все еще грозно стиснутымъ въ рукѣ. Далѣе онъ съ трудомъ узналъ Брезовира, упавшаго, очевидно, подъ лошадей, потому-что черепъ его былъ раздробленъ копытомъ. Далѣе лежалъ, почти погребенный подъ грудой убитыхъ враговъ, начальникъ шестого легіона, самнитъ Ливій Граденитъ, а неподалеку отъ него галлъ Кастъ, начальникъ третьяго легіона—сохранявшій еще искру жизни. Услыхавъ его слабыя стоны, гладіаторы подбѣжали къ нему и, поднявъ на руки, унесли къ своимъ то-

варищамъ, караулившимъ коней, гдѣ его окружили всевозможными заботами.

Пробродивъ около двухъ часовъ по этой долигѣ смерти, Спартакъ нашолъ, наконецъ, окровавленный, почти изрубленный въ куски трупъ Крисса. Только лицо его осталось нетронутымъ и хранило, даже послѣ смерти, выраженіе суровой рѣшимости и непоколебимаго мужества, которыми онъ отличался при жизни.

Припавъ къ груди своего умершаго друга, Спартакъ сквозь слезы повторялъ:

— О, мой незабвенный Криссъ! Вдали отъ меня погибъ ты жертвою подлой измѣны, и мнѣ не удалось ни подослѣть къ тебѣ на помощь, ни отмстить за тебя врагамъ.

Онъ замолчалъ, прижимая къ груди своей нѣкогда могучую руку убитаго гладіатора. Потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и задыхающимся отъ гнѣва голосомъ воскликнулъ:

— Но клянусь всѣми фуріями-мстительницами, клянусь черной Гекатой, клянусь этимъ твоимъ бездыханнымъ тѣломъ, что я безпощадно отомщу гнусной виновницѣ безвременной кончины твоей и тридцати тысячъ нашихъ братьевъ.

Онъ положилъ себѣ на плечи окровавленное тѣло Крисса и понесъ его къ морю, гдѣ тщательно обмылъ его раны и, завернувъ въ свою собственную пенулу, крѣпко привязалъ къ спинѣ одного изъ своихъ коней. Кастъ и нѣсколько другихъ гладіаторовъ, найденныхъ еще живыми на мѣстѣ побоища, были поручены попеченіямъ нѣсколькихъ тайныхъ сторонниковъ возстанія, которыхъ у Спартака было много въ окрестныхъ виллахъ.

Доѣхавъ до Арпи, Спартакъ узналъ, что Криссъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ по направленію къ Каннамъ, и потому онъ тотчасъ-же рѣшился, свернувъ съ консульской дороги, идти на Гордонею. Но не успѣлъ онъ выѣхать изъ Арпи, какъ страшное и кровавое зрѣлище представилось его глазамъ: на каждомъ изъ деревьевъ, окаймлявшихъ консульскую дорогу, висѣло по трупу. Это были гладіаторы, взятые римлянами въ плѣнъ во время гарганской битвы. Ихъ было восемьсотъ человекъ.

Въ числѣ повѣшенныхъ Спартакъ узналъ одного изъ лучшихъ вождей гладіаторскаго войска, македонянина Мекембрія, покрытаго двадцатью ранами, и многихъ другихъ своихъ сподвижниковъ.

При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ Спартагъ закрѣлъ глаза рукою, заскрежеталъ зубами и зарычалъ отъ боли и бѣшенства, какъ раненный левъ.

— А, вы вѣшаете плѣнныхъ, вскричалъ онъ, — хорошо-же!..

Онъ не сказалъ ничего больше и только гналъ своего коня, чтобы поскорѣй оставить за собой зрѣлище этого новаго, позорнаго убійства. Отбѣхавъ уже довольно далеко, онъ остановилъ коня и, повернувшись къ своимъ товарищамъ, молча сказавшимъ вслѣдъ за нимъ, вскричалъ:

— Кровь за кровь, смерть за смерть, муки за муки! Клянусь, что отнынѣ я буду вѣшать всѣхъ римлянъ, которые попадутся мнѣ въ плѣнъ, какъ паршивыхъ собакъ!

Не щадя коней, гладиаторы бѣжали весь вечеръ и всю ночь и, прибывъ въ Гордонею, узнали, что гладиаторское войско уже прошло на Аскулумъ. Остановившись всего на нѣсколько часовъ, Спартагъ поѣхалъ далѣе и къ полудню слѣдующаго дня нагналъ свое войско близъ Сатриана, загнавъ до того своихъ коней, что многіе изъ нихъ тутъ-же пали.

Радостно привѣтствовали гладиаторы своего вождя, и надежда снова загорѣлась въ ихъ сердцахъ. Послѣ самой незначительной остановки, войско двинулось далѣе и къ полуночи прибыло къ Минервину, совершенно изнеможенное и обезсиленное отъ долгаго и утомительнаго пути по крутымъ и каменистымъ горнымъ тропинкамъ.

На зарѣ слѣдующаго дня Спартагъ приказалъ сниматься съ лагеря и снова повелъ свое войско чрезъ холодныя и пустынные тѣнины апенинскихъ горъ.

Крассъ тѣмъ временемъ форсированнымъ маршемъ шелъ чрезъ Канны, Каносу и дошелъ до Руби, гдѣ остановился лагерь, ввиду полной невозможности вступать въ битву съ гладиаторами въ горныхъ ущельяхъ, гдѣ численное превосходство не могло-бы оказать ему никакой пользы. Онъ предпочиталъ дожидаться, когда они совершатъ свой трудный переходъ, чтобы со свѣжими силами ударить на нихъ въ равнинѣ Вареса. Съ этою цѣлью онъ приказалъ своему квестору Скрофѣ идти съ четырьмя легіонами и пятью тысячами конницы на Веносу, рассчитывая съ остальными силами напасть на Спартака съ противоположной стороны.

Вѣсть съ тѣмъ онъ отправилъ въ Римъ гонца съ извѣстіемъ

о своей блистательной побѣдѣ, значеніе которой сильно преувеличивалъ, объявляя, что гладіаторы, совершенно деморализированные, бѣжали въ Луканію, гдѣ онъ надѣется въ самомъ непродолжительномъ времени окончательно раздавить ихъ между двумя своими арміями.

Прибывъ въ Веносу, Спартакъ далъ своимъ войскамъ день отдыха и, узнавъ чрезъ своихъ развѣдчиковъ о всѣхъ движеніяхъ непріятеля, ночью тихо снялся съ лагера и послѣ восемнадцатичасового, почти безостановочнаго, перехода, неожиданно подошелъ онъ къ Руби, гдѣ стоялъ лагерь Маркъ Крассъ. Скрывъ свои войска на днѣ глубокаго лѣснаго оврага, Спартакъ, послѣ шестичасового отдыха, внезапно бросился на римлянъ, совершенно не ожидавшихъ его нападенія.

Одушевленные жаждой мести, гладіаторы дрались съ такимъ остервенѣніемъ, что послѣ трехчасовой битвы римскіе легіоны въ беспорядкѣ отступили въ Андрію, потерявъ шесть тысячъ человѣкъ убитыми и три тысячи плѣнными *).

Восемь часовъ спустя, Спартакъ чрезъ Гравину направился къ Метапону, приказавъ повѣсить вдоль дороги двѣ тысячи шестьсотъ человѣкъ изъ трехъ тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ послѣдней битвѣ. Остальные четыреста, принадлежавшіе почти все къ патриціанскимъ фамиліямъ, были оставлены имъ въ живыхъ для цѣли, о которой онъ не сказалъ въ этотъ день никому. Одного изъ этихъ молодыхъ патриціевъ онъ отправилъ къ Крассу, чтобы рассказать ему, какъ онъ поступилъ съ плѣнными римлянами и объявить, что и впредь будетъ также точно поступать съ ними. Кроме того, онъ поручилъ передать Крассу, что согласенъ отпустить къ нему сто человѣкъ изъ четырехсотъ патриціевъ, оставшихся еще у него въ рукахъ, если только онъ выдастъ ему гречанку Эвтибиду, находившуюся, безъ сомнѣнія, въ римскомъ лагерѣ.

Затѣмъ онъ двинулся далѣе и послѣ нѣсколькихъ дней пути подошелъ къ укрѣпленному городу Турсуму, который взялъ приступомъ, рѣшившись ждать здѣсь прибытія новыхъ легіоновъ рабовъ.

Дѣйствительно, въ теченіи восьми дней къ нему сбѣжалось болѣе шестнадцати тысячъ рабовъ и гладіаторовъ изъ сосѣднихъ

*) Аппіанъ Александрійскій, Л. Флоръ.

луканскихъ городовъ. Не имѣя времени обучить ихъ военному строю, онъ распредѣлилъ ихъ поровну между всѣми легіонами, такъ-что каждый новобранецъ былъ окруженъ старыми солдатами, вполне знакомыми съ военнымъ дѣломъ.

Пополнивъ, такимъ образомъ, отчасти убыль, причиненную гарганскимъ пораженіемъ, Спартакъ вывелъ свои войска за городъ и, выстроивъ ихъ вокругъ громаднаго костра изъ драгоцѣннаго дерева, на которомъ лежало набальзамированное тѣло Крисса, приказалъ ввести во внутрь этого круга триста римскихъ плѣнныхъ.

Одна половина ихъ была одѣта самнитами, другая фракійцами.

Когда они выстроились другъ противъ друга, Спартакъ, одѣтый въ императорскую пурпурную мантию и стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ у костра Крисса, обратился къ нимъ и сказалъ:

— Благородные юноши! Вы принадлежите къ знаменитѣйшимъ патриціанскимъ семействамъ, прославленнымъ на весь міръ своими доблестнымъ грабительствомъ, предательствами, насиліями. Покинувъ чистыя наслажденія вашего безсмертнаго города, вы рѣшили взяться за мечи, слишкомъ тяжелые для вашихъ нѣжныхъ рукъ, чтобы помѣряться силами съ низкими и презрѣнными рабами. Но презрѣнные рабы оказались сильнѣе и храбрѣе васъ. Вы не годитесь для войны, ну такъ позабавьте-же насъ гладиаторскимъ боемъ. Вы столько разъ любовались въ циркахъ вашего великодушнаго города, какъ эти несчастныя животныя въ образѣ человѣческомъ рѣжутъ другъ друга; вы столько разъ хохотали при видѣ уморительныхъ штукъ слѣпыхъ андабатовъ; вы столько разъ поднимали палецъ вверхъ, чтобы посмотрѣть какъ будетъ добитъ несчастный мирмиліонъ, попавшій въ сѣтку рециарія, — ну, такъ позабавьте-же хоть одинъ разъ тѣхъ, которые васъ забавляли всю жизнь. Начинайте битву, убивайте другъ друга и умирайте прилично вокругъ костра этого жалкаго и презрѣннаго гладиатора. Его душѣ будетъ пріятно смотрѣть изъ Элизіума на это побоище.

Громовой, бѣшеный крикъ восторга вырвался изъ груди всѣхъ семидесяти тысячъ гладиаторовъ, когда Спартакъ окончилъ свою рѣчь. Глаза ихъ зажглись свирѣпой и безграничной радостью. Этотъ день, эта битва мстили за всѣ униженія, которымъ они подвергались, за позоръ, за безчеловѣчіе ежедневнаго братоубійства, на которое они были осуждены.

Мысль Спартака была грандіозна. Подняться изъ праха, куда ихъ повергли безжалостные притѣснители, и самимъ поставить пята на ихъ гордую шею; возстановить свое человѣческое достоинство, превративъ своихъ мучителей въ презрѣнныхъ скотовъ, осужденныхъ умирать для ихъ забавы; разъ въ жизни насладиться зрѣлищемъ взаимнаго истребленія тѣхъ, которые до сихъ поръ всегда наслаждались рѣзней другихъ; на мгновение помѣняться съ ними ролями и превратить надменныхъ патриціевъ въ гладіаторовъ, а самимъ любоваться ихъ бойней, упиваться ихъ позорной смертью, — о, все это было для бѣдныхъ гладіаторовъ чѣмъ-то великимъ, почти неправдоподобнымъ, непостижимымъ, божественнымъ. Эта месть была употѣльна, была достойна боговъ.

Невозможно поэтому описать дѣйкихъ криковъ, рукоплесканій, воплей восторга, раздавшихся въ отвѣтъ на слова Спартака. Это было какое-то неистовство, помѣшательство, бредъ всѣхъ угнетенныхъ, одержавшихъ въ этотъ день величайшую изъ всѣхъ своихъ побѣдъ надъ угнетателями.

Римляне не шевелились. Низко опутивъ головы, съ лицами, искаженными горемъ и негодованіемъ, съ слезами безсильной злобы на глазахъ, они не обнаруживали ни малѣйшаго желанія исполнить позорное приказаніе.

— Ну, чего-же вы ждете, доблестные потомки Камилла, Публикола, Клавдіевъ? крикнулъ Спартакъ. — Вынимайте мечи и начинайте битву. Я поджигаю костеръ. Начинайте-же — мы хотимъ по-забавиться, клянусь Юпитеромъ!..

Съ этими словами Спартакъ взялъ въ руки зажженный факелъ и подошелъ къ костру, но римляне по-прежнему не шевелились, не желая добровольно подчиниться позору братоубійственной рѣзни.

— А, грозно закричалъ Спартакъ, — вы любите только смотреть на гладіаторскіе бои, а самимъ драться вамъ не правится. Хорошо-же! Эй, лораріевъ! крикнулъ онъ, обращаясь къ своимъ контуберналіямъ.

Тотчасъ-же нѣсколько человѣкъ бросилось въ ближайшіе дома и черезъ минуту оттуда вышло девятсотъ гладіаторовъ, вооруженныхъ длинными жердами съ раскаленнымъ желѣзомъ на концахъ. Обруживъ со всѣхъ сторонъ римлянъ, они стали жечь и колоть ихъ этимъ желѣзомъ, и, несмотря на все свое отвращеніе къ этой братоубійственной и позорной рѣзни, сжимаемые все больше и

Больше огненнымъ кольцомъ, молодые патриціи должны были, наконецъ, броситься другъ на друга и начать свирѣпую и смертоносную борьбу.

Крики, хохотъ, рукоплесканія, точно громъ, перекатывались по рядамъ.

— Вали, вали!

— Бей, рѣжь!

— Коли, коли!

— Такъ его, такъ!

— Лихо, лихо!

— Еще, еще!

— Рѣжь, рѣжь, коли!

Семдесятъ тысячъ воплей, семдесятъ тысячъ голосовъ, семдесятъ тысячъ проклятій, слившихся въ одинъ ужасный вой, одинъ чудовищный ревъ, одно бѣшеное проклятіе...

Черезъ полчаса отъ костра остался только одинъ пепель, а триста благородныхъ юношей лежало на землѣ въ цѣломъ озерѣ крови *).

— О, какъ сладка и какъ справедлива месть! воскликнулъ съ невыразимымъ наслажденіемъ Спартакъ, не упустившій ни одного движенія въ этой кровопролитной схваткѣ.

*) Луцій Флоръ, Аппіанъ Александрійскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОШЛОЕ.

(Варьяція на мотивъ изъ Прюдома).

Въ тоскѣ души, я Прошлое, порою,
Бужу, шепча съ печальною мольбою:
„Поговоримъ о прежнихъ временахъ“.
И медленно подыаяъ свои рѣсницы,
Какъ-бы боясь сіянія денницы,
Съ дремотою въ глазахъ,

Оно глядитъ, со взоромъ изумленья,
Снимаетъ съ плечъ своихъ покровъ забвенья—
И медленно передо-мною встаетъ...
Еще одно, послѣднее, усилъе—
И вотъ оно летитъ, расправивъ крылья,
И вдаль меня несетъ.

Смѣняются картинами картины,
Вотъ города, вотъ рѣки и долины,
И небеса, забытыя ужъ мной.
Опять живу я прежними мечтами,
Желаньями, надеждами и снами,
Всей жизнью молодой.

Она бѣжитъ стремительной волною...
Во всей красѣ я вижу предо-мною
То Прошлое, что спало долгимъ сномъ.
Оно огни повсюду зажигаетъ
И мой бокаль, смѣясь наполняетъ
Сверкающимъ виномъ.

Вотъ мы плывемъ въ гондолѣ, въ вечеръ ясный ;
Во образѣ волшебницы прекрасной
Оно сидитъ и пѣсни мнѣ поетъ.
Знакомые, чарующіе звуки!
Въ нихъ страсть его, порывы, думы, муки,—
Въ нихъ все оно живетъ!

И въ трепетѣ, съ простертыми ругами
Кидаюсь я: хочу прильнуть устами
Къ его глазамъ, сіяющимъ какъ день;
Но на меня глядитъ оно съ улыбкой...
И вздрогнулъ я, смутясь моею ошибкой:
Я обнимаю тѣнь!

Д. Михаловскій.

ВОСПОМИНАНІЯ
НЕВОЕННОГО ЧЕЛОВѢКА
ОБЪ АХАЛЬ-ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Нельзя не сознаться, что современная цивилизація выдѣлываетъ иногда удивительныя „куштяки“...

10-го августа прошлаго года я дышалъ петербургскими „ароматами“, 14-го я ѣхалъ на пароходѣ по Констанцскому озеру, — въ теченіи 10-ти дней, т. е. до 24-го, я еще бродилъ по лѣсистымъ горамъ швейцарской Юры, вдыхалъ свѣжій горный воздухъ, любовался синею водою Женевского озера и отдаленнымъ отблескомъ величаваго Монблана, — а черезъ двѣ недѣли уже былъ близь стараго русла Аму-Дарьи и, буквально, тонулъ въ волнахъ средне-азиатскихъ сыпучихъ песковъ. Богатую швейцарскую растительность замѣнилъ сухой *саксаулъ* (единственное мѣстное растеніе), а цѣпь живописныхъ, полныхъ жизни, горъ — пустынный и безлюдный хребетъ Большихъ Балхановъ.

Однимъ словомъ — я очутился на восточномъ берегу Каспійскаго моря или, точнѣе, въ Михайловскомъ заливѣ, который представляетъ собою опорный пунктъ для экспедиціи въ Ахаль-Текинскій оазисъ и начальный пунктъ, отъ котораго строится военная желѣзная дорога дальше въ глубь степи.

Уже подъѣзжая къ берегу, я видѣлъ, что здѣсь происходитъ нѣчто негармонирующее съ окружающей мертвенностью и безмолвіемъ, и дѣйствительно — это былъ маленькій клочекъ Европы, точно вырванный оттуда по чьему-нибудь капризу и цѣликомъ перенесенный на иную, совершенно чуждую ему почву. Пароходы,

локомотивы, рутеры, рельсовый путь, телеграфная линия, сложныя механическія приспособленія для опрѣсненія воды — все это казалось здѣсь такимъ страннымъ, такимъ неподходящимъ.

Сойдя на берегъ, я очутился въ такъ-называемомъ „генеральскомъ“ лагерѣ, т. е. передъ рядомъ киргизскихъ кибитокъ, изъ которыхъ одну занималъ генераль-лейтенантъ Анненковъ, инициаторъ и строитель Закаспійской желѣзной дороги.

Тщетно я пытался опредѣлить, по наружному виду, жилище генерала: всѣ кибитки были какъ одна; правда, немного погодя, осматривая внутренность кибитокъ, я остановился на одной изъ нихъ, такъ-какъ она отличалась нѣкоторой роскошью, а именно имѣла деревянный полъ, но хозяиномъ ея оказался главный инженеръ, а не генераль.

Мнѣ предстояло прожить здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, поэтому я началъ разспрашивать офицеровъ о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ.

— Да ничего, отвѣчали мнѣ, — только генераль не даетъ покоя: встанетъ часовъ въ 5, да и подымаетъ всѣхъ.

Дѣйствительно, я вскорѣ убѣдился, что генераль „не давалъ покоя“, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился, что едва-ли можно было выбрать болѣе энергичнаго исполнителя проектированной дороги: цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ и совершенно неизбѣжныхъ мѣста въ центральной Россіи препятствій, требовала такихъ усилій, на которыя не всякій способенъ. Не говоря уже о крайнихъ затрудненіяхъ въ техническомъ отношеніи, помѣхой являлся недостатокъ въ рабочихъ, невозможность ихъ добыть ни за какія деньги, опаздываніе желѣзно-дорожныхъ грузовъ, то вслѣдствіе недостаточности морскихъ перевозочныхъ средствъ, то вслѣдствіе недостатка въ крѣпникахъ и даже мѣстахъ для выгрузки желѣзнодорожныхъ принадлежностей.

Но энергія все превозмогла, — теперь уже дорога выстроена отъ Михайловскаго залива на протяженіи слишкомъ 120 верстъ и далѣе пойдетъ черезъ Казанджикъ и Узунъ-Су до Кизиль-Арвата, т. е. по направленію нашей военной дороги, на пространствѣ около 220 верстъ.

Мнѣ приходилось иногда ѣздить по этой дорогѣ еще во время постройки перваго ея участка. Ничего, хорошо. Медленно, пока, ходитъ поѣздъ и съ небольшимъ количествомъ вагоновъ; но это

не важно, такъ-какъ нѣтъ надобности ни въ скорости, ни въ массѣ вагоновъ. Персіяне-работчіе (или, какъ ихъ называютъ здѣсь, *персюки*), преспокойно спрыгиваютъ съ платформъ во время движенія поѣзда; здѣсь это очень удобно, и единственная опасность—это вывалиться въ песокъ, а ужь, какъ говорятъ кристы, „членовредительства“ никакого не можетъ быть, — мягко очень. Конечно, подобныя салто-мортале не поощряются начальствомъ, но такъ-какъ они очевидно-безопасны, то и строгихъ мѣръ противъ нихъ не принимается.

Курьезный народъ эти персюки. Они, собственно говоря, лѣнтяи и, какъ работники, довольно-таки плохи, но зато нѣтъ ничего легче, какъ возбудить ихъ дѣятельность: стоитъ только кому-нибудь начать: „Алла-Магомѣ-Алли!“ (это обычное воззваніе ихъ къ пророку о помощи, когда нужно поналечь на работу) — и сейчасъ они принимаются за работу съ величайшимъ напряженіемъ, повторяя эти слова всей гурьбой. Въ особенности-же они любятъ, когда ихъ такимъ образомъ „поощряетъ“ кто-нибудь изъ начальства.

Конечно, этотъ видъ поощренія очень скученъ для поощряемыхъ и неособенно выгоденъ для поощряемыхъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ очень оригиналенъ и стоитъ несравненно выше всякихъ „поощреній“, въ видѣ нагайки или чего-нибудь подобнаго.

Нужно, впрочемъ, сказать, что здѣсь вообще съ персюками обращаются весьма человѣчно, и я только разъ видѣлъ, какъ одинъ изъ офицеровъ желѣзнодорожнаго баталіона прибѣгнулъ къ такъ-называемому „вѣрному средству“. Случай этотъ очень характеренъ: шелъ поѣздъ, назначенный для сбора оставленныхъ близъ дороги шпалъ, поэтому приходилось постоянно останавливаться и подбирать шпалы, для чего на поѣздъ находилось десятка 3—4 персюковъ съ ихъ „старшимъ“. Во время одной изъ такихъ остановокъ, какой-то персюкъ, чтобы удобнѣе вытащить увязнувшую въ песокъ шпалу, заложилъ подъ нея лопату и... сломалъ, — сломалъ *казенную* лопату!

— Дай ему затрещину! закричалъ находившійся на паровозѣ поручикъ Ос—въ, обращаясь къ другому персюку и указывая на виновнаго.

Тотъ, очевидно, не понялъ, чего отъ него хотятъ и прошелъ мимо.

Въ это время показался старшій.

— Дай вотъ этому *вербмоду* затрещину, повторишь поручикъ. Старшій не замедлилъ исполнить приказаніе.

— Еще разъ дай!

Тотъ повторилъ.

— Еще разъ!

И еще разъ далъ.

— Ну, довольно, рѣшилъ поручикъ, повидимому, удовлетворенный и довольный тѣмъ, что „постоялъ за казну“.

— Знаете, поручикъ, обратился я къ офицеру, — вы даете очень щекотливыя порученія.

— Да что-же — вѣдь не стоитъ изъ-за этого слѣзать съ локомотива, объяснилъ очень наивно поручикъ.

Я, признаюсь, совсѣмъ не ожидалъ такого объясненія.

Но еще большимъ для меня сюрпризомъ было, когда я увидѣлъ, что персюки, и даже самъ потерпѣвшій, громко смѣялись и шутили по поводу происшедшаго.

Вообще персюки довольны своимъ положеніемъ; и больше всего они довольны по той причинѣ, что ихъ работа здѣсь все такъ не можетъ считаться трудною, по крайней мѣрѣ, они сами не считаютъ ее такою. Но это видно еще и изъ того, что они занимаются физическими упражненіями, совершенно не входящими въ кругъ ихъ обязанностей: здѣсь имѣется нѣкій капитанъ сербской службы, Аворовъ (котораго, впрочемъ, никто не признаетъ офицеромъ), завѣдующій персюками, находящимися при постройкѣ пристани. Такъ вотъ этотъ непризнанный воинъ, для большаго убѣжденія въ своихъ военныхъ познаніяхъ, вздумалъ обучать персюковъ строевой службѣ, предложилъ имъ это — и тѣ съ восторгомъ принялись за обученіе. Поэтому, по вечерамъ, желающіе могли вполне налюбоваться картиной, которую нужно самому видѣть, чтобы оцѣнить по достоинству.

Въ несравненно худшемъ положеніи, въ часы развлеченій, находятся русскіе рабочіе, — тѣхъ нельзя было заинтересовать воинскими артикулами, да притомъ среди офицеровъ и не находилось другого, подобнаго Аворову, чудака, — оставались пѣсни, да „вино зеленое“ (персюки не пьютъ вина). Правда, русскій человекъ любитъ пѣсни, но ему необходима при этомъ, для большаго воодушевленія, — чарочка, другая винца; а

на счетъ этого плохо было: продажа вина была строго запрещена,—и если иногда вино и появлялось въ видѣ контрабанды, то въ весьма небольшомъ количествѣ и притомъ предлагалось по недоступной почти цѣнѣ. Что-же дѣлать? Какъ убить время? Показались карты, но противъ игры рабочихъ въ карты были употреблены самыя энергическія мѣры. Оставалось спать, спать и спать,—это занятіе, конечно, по натурѣ русскому человѣку,—и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ едва-ли уступить какой-либо націи. Я припоминаю изъ моей поѣздки по Каспійскому морю такой эпизодъ: на палубѣ парохода „Цесаревич“, почти у самаго входа въ каюты 1-го класса—растянулись два здоровенныхъ парня (какъ послѣ оказалось, рязанцы). Спать они полдня, приподнялись, закусили, опять спать до вечера; ночью, вѣроятно, тоже спали, на другой день опять спать,—а между тѣмъ на палубѣ множество народа, (преимущественно персіянь и армявъ)—шумъ, говоръ, бѣготня;—наши богатыри заинтересовали публику, такъ-что, когда на другой день къ вечеру они поднялись и, повидимому, вознамѣрились немого пободрствовать, какой-то купецъ-армянинъ спросилъ ихъ, какъ они могутъ такъ долго спать?

— Мы расейскіе—мы спать люты, отвѣчалъ на это одинъ изъ достойныхъ потомковъ Коловрата.

Мнѣ очень понравилось это „люты“.

Но дѣло въ томъ, что не всѣ россияне въ одинаковой степени „спать люты“,—поэтому рабочіе Закаспійской желѣзной дороги, число которыхъ теперь доходитъ до 1,500 человѣкъ, заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе въ этомъ отношеніи.

Говорятъ, будто генераль Анненковъ проектируетъ устройство народныхъ чтеній, съ туманными картинами, на подобіе чтеній нашего Солянаго Городка, что было-бы весьма и весьма почтеннымъ дѣломъ.

Что касается отношеній между русскими рабочими и персѣями, то въ нихъ незамѣтно ничего сколько-нибудь враждебнаго; впрочемъ, это и понятно: персѣи такой добродушный народъ, что трудно даже чувствовать къ нимъ какую-нибудь вражду; виѣсть съ тѣмъ это попреимуществу народъ, если можно такъ выразиться, бѣдный до санкюлотства (въ буквальной смыслѣ) и смиренный до робости.

Иногда даже, ужь Богъ знаетъ въ силу чего, русскіе сближаются съ персюками, и этотъ фактъ представляетъ весьма много оригинальнаго. Не говоря уже о томъ, что персюкъ и русскій совершенно неподходящіе другъ къ другу люди, — они еще и не понимаютъ другъ друга или понимаютъ „пятое черезъ десятое“; тѣмъ не менѣе, между ними иногда устанавливаются дружественныя отношенія и ведутся длиннѣйшіе разговоры.

Мнѣ пришлось нечаянно наблюдать со стороны подобную сцену, и странно, при этомъ, что русскій, обыкновенно, въ разговорѣ съ персюками, считаетъ своимъ долгомъ коверкать родной языкъ (вѣроятно въ видахъ большей его удобопонятности).

— Твой якши (хорошій) человека, говорилъ русскій мастеровой (подъ нѣкоторымъ влияніемъ паровъ контрабандной водки) — и мой якши человека, — значить... (дальше слѣдуютъ нецензурныя слова) ты долженъ меня почитать (?). Вотъ только твой дуракъ — водка не любитъ, — а, вѣдь, врешь: и водка якши. Это въ законѣ нашемъ напрасно... ну да што говорить... твой знаетъ, что „нашъ боровъ вашего Магомета... (нецензурное слово) двадцать четыре лѣта“, — не знаетъ? То-то! А все ты мнѣ кунакъ, давай поцѣлуемся!“

И цѣлуются самымъ искреннимъ образомъ.

Персюкъ, конечно, изъ всего сказаннаго ему русскимъ понялъ только: якши, водка, человекъ, кунакъ, — но онъ внимательно слушаетъ и добродушно улыбается. Онъ видитъ, что его собесѣдникъ относится къ нему „сочувственно“, и этого для него совершенно довольно; обыкновенно въ такихъ разговорахъ активное участіе принимаетъ словоохотливый русскій, а персюкъ отвѣчаетъ или тѣлодвиженіями, или, самое большее, отрывочными словами.

— Тревога, тревога! закричалъ какъ-то вечеромъ, вбѣгая въ кибитку, мой сожитель, поручикъ 7-го сапернаго баталіона, Квапишевскій.

На человекъ невоеннаго такія слова какъ-то особенно дѣйствуютъ. Я внобѣжалъ изъ кибитки, — мнѣ ужь казалось, что текинцы врубились въ лагерь. Дѣйствительно, вдали раздавалась дробь барабана, вездѣ замѣтна была суета, пробѣжала мимо рта

железнодорожного баталіона, гдѣ-то вдали слышался конскій топотъ...

Всѣ спрашивали другъ у друга: гдѣ, что, много-ли? Но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, да и притомъ и не до разговоровъ было, — всѣ спѣшили вооружиться. Я, грѣшный, тоже захватилъ съ собой револьверъ Лефосе (которымъ, кстати сказать, курицу убить и то впору), чуть-ли не пѣлую сотню патроновъ, прицѣпилъ пашку — и думаю: „дорого-же я продамъ свою жизнь“.

Мало-по-малу выяснилось, что войска направились къ сѣверному пикету, гдѣ раздался передъ тѣмъ выстрѣлъ, который и послужилъ сигналомъ къ тревогѣ.

Нѣсколько минутъ мы пробыли въ неизвѣстности.

Но вотъ слышалась вдали солдатская пѣсня...

— А, значить все это пустяки, ложная тревога! заговорили всѣ, и сейчасъ-же каждый началъ увѣрять, что онъ и раньше предполагалъ, что это ложная тревога, а между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ, раньше всѣ были увѣрены, что тревога имѣетъ основаніе. И дѣйствительно, она была вѣроятна, потому-что всего нѣсколько дней тому назадъ, подъ Красноводскомъ, согласно телеграммѣ, полученной оттуда, было отбито текинцами у мирныхъ турменъ нѣсколько сотъ барановъ; кромѣ того, начальникъ охотничьей команды эсауль Церенжаловъ не задолго передъ тѣмъ доносилъ рапортомъ изъ Ташъ-Арватъ *), что близъ одного изъ окрестныхъ колодцевъ открыта недавняя стоянка конной партіи и „замѣченъ конскій калъ, который направился на западъ“.

Но тѣмъ не менѣе эти основанія оказались шаткими, такъ-какъ „движеніе кала на западъ“ еще не значило, что текинцы теперь именно шныряютъ въ этой мѣстности, а отбитіе барановъ тоже оказалось весьма подозрительнымъ. Дѣйствительно, бараны были отбиты, но только едва-ли текинцами, — вѣрнѣе всего, что самими-же мирными турменами и у самихъ себя.

На первыхъ порахъ это можетъ показаться страннымъ, но въ дѣйствительности подобный фактъ весьма возможенъ и вѣроятенъ. Дѣло въ томъ, что прежде, когда бараны на самомъ дѣлѣ уго-

*) Садъ и колодцы, въ большихъ Балханахъ, а также укрѣпленіе и казармы, построенныя еще генераломъ Столѣтовымъ.

Примѣч. автора.

нялись текинцами, потерпѣвшимъ мирнымъ туркменамъ выдавались пособія изъ суммъ управленія Закаспійскаго военнаго отдѣла, — вотъ хитрые азіаты и вздумали на этомъ построить аферу, — только на этотъ разъ не имѣли успѣха.

Итакъ, тревога оказалась ложною; но она все-таки произвела нѣкоторое возбужденіе: въ этотъ день дольше обыкновеннаго не умолкалъ шумъ въ лагерѣ, дольше раздавались солдатскія пѣсни...

Бстати о пѣсняхъ. Когда войска возвращались, съ пѣснями, отъ мѣста мнимаго появленія текинцевъ, — слышу я, вдругъ, что-то знакомое, родное... Прислушиваюсь — такъ и есть: малороссійская пѣсня изъ Дорошенка и Сагайдачнаго; еще ближе — разбираю слова:

По переду Дорошенко, (bis)
 Веде свое військо
 Славне Чорноморське (Запорожоське)
 Хорошенько,
 Гей, хорошенько.

Проѣхали на коняхъ пѣвцы. Голоса сильныя, звучныя, акцентъ чисто-малороссійскій. Что за оказія? спрашиваю. Говорятъ Кубанскіе казаки, сегодня только прибывшіе въ Михайловскій заливъ.

„А, вотъ оно что, — это, значитъ, славные потомки славныхъ запорожцевъ“. Завтра, думаю, непременно пойду къ нимъ, а пока возвратимся къ прерванному тревогой чаепитію.

Нужно сказать, что мы, т. е. я и мой сожитель, живемъ, по здѣшнему, можно сказать, роскошно: у насъ имѣется самоваръ, столъ и есть даже два вѣнскихъ стула! Впрочемъ, это все плоды заботъ моего сожителя, поручика Квапишевскаго, который на этотъ счетъ замѣчательный *дока*. Чего только онъ не раздобудетъ, — даже умудрился гдѣ-то голубей достать и пустилъ ихъ въ лагерь „для оживленія“. Не даромъ-же его называли не иначе, какъ „барантачемъ“ (собственно *грабитель* по-туркменски). Но онъ, конечно, не былъ грабителемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, — онъ былъ, такъ-сказать, *собирателемъ*, — ему все нужно было: и гвоздь, и кусокъ кожи, и клочекъ войлока...

— Значитъ вы, Александръ Ивановичъ, собираете все это? говорятъ, бывало ему.

— Пригодится здѣсь, — сами-же придете просить, отвѣчаетъ онъ всегда.

И дѣйствительно, если кому-нибудь что-нибудь нужно было, — сейчасъ къ Александру Ивановичу.

Впрочемъ, это не существенная его черта; самое симпатичное въ немъ было — его обращеніе съ солдатами-мастеровыми (онъ завѣдывалъ дорожными паровозами и бывшими при нихъ мастерскими). Чуть-ли не у каждаго солдата другихъ частей было завѣтной мечтой „попасть къ поручику“, который какимъ-то совершенно непонятнымъ образомъ умѣлъ прекрасно устроить „своихъ солдатиковъ“; выхлопоталъ имъ, какимъ-то путемъ, жалованье несравненно высшее обычнаго солдатскаго жалованья, кромѣ того, вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, барантовалъ для нихъ: то полушубки раздобудетъ раньше всѣхъ и самые лучшіе, то фуфайки выпроситъ въ складѣ Краснаго Креста, то носки теплыя и т. д. и т. д.

На другой день, вечеромъ, былъ у казаковъ и вволю наслушался пѣнія. Одно неприятно, что они поютъ и великорусскія, солдатскія пѣсни. Ужасно скверно, жанръ совсѣмъ не подходящій для нихъ. Но ничего не подѣлаешь, — это необходимая уступка начальству.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время въ кубанскомъ войскѣ завелось очень много офицеровъ не природныхъ кубанцевъ (которые знаютъ пѣню роднымъ пѣснямъ), а прикомандированныхъ отъ разныхъ частей войскъ, не исключая и гвардіи, которые страшно „украинофобствуютъ“. Такъ, напр., въ той сотнѣ, которая стояла въ Михайловскомъ заливѣ, офицеръ говорилъ, что не признастъ иныхъ воинскихъ пѣсень, какъ чисто-салдафонскихъ, — вродѣ:

Стелеть солдатъ епанчу...

Ну, что вы подѣлаете съ такими господами!?

Впрочемъ, кажется, въ послѣднее время кубанское войско рѣшило больше не принимать къ себѣ „прикомандированныхъ“. Это было-бы очень желательно, конечно, не ради однихъ пѣсень.

Въ половинѣ октября мы двинулись въ Мулла-Бары, т. е. верстъ на 20 съ лишнимъ дальше, вглубь степи, къ концу укладки желѣзной дороги и, что называется, „прожвѣяли кукушку на ястреба“. Жизнь на берегу Михайловскаго залива все еще была сносна: близость моря въ значительной степени умѣряла зной здѣшняго климата, — въ новомъ-же мѣстѣ нашего жительства прихо-

дится круто: чуть не каждый день, между 1 и 2 часами, температура доходить до 45—49° (по Реомюру), а ночью градусъ до 5 мороза, — такъ-что разница между температурой дня и ночи иногда составляла слишкомъ 50°. Кроме того, въ Михайловскомъ заливѣ прекрасное купанье, если не считать недостаткомъ его то, что послѣ купанья голова дѣлается совершенно бѣлою (отъ соли) и волосы слипаются такъ, что трудно ихъ и расчесать; да еще если невзначай пробѣется хоть нѣсколько капель воды въ ротъ, — такъ покажется ужь очень „солонѣ“ въ буквальномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, вода здѣсь такъ сильно насыщена солью и вслѣдствіе этого такъ плотна, что плавать въ ней почти не составляетъ труда. (Туремены увѣряютъ, что купанья въ Михайловскомъ заливѣ очень полезны для здоровья).

Но что самое скверное въ Мулла-Кары — это песчаные штормы: мы расположились посреди сыпучихъ песковъ, и, въ случаѣ вѣтра, просто нѣтъ возможности защищаться отъ песка; въ какихъ-нибудь 5—10 минутъ вся внутренность кибитки покрывается толстымъ слоемъ пыли, которая лѣзетъ въ глаза, въ уши, въ ротъ, въ носъ, однимъ словомъ — всюду; вѣсть въ такіе дни почти невозможно, потому-что, какъ вы ни оберегайте купанье, въ него все-таки набьется столько пыли, что трескъ отъ нея въ зубахъ раздается на всю кибитку.

Слава Богу еще, что уже прошла пора тарантуловъ, скорпионовъ, фалангъ и т. п. „прелестей“, — они, положимъ, часто появлялись, но укушеніе ихъ въ это время года, хотя и ядовито, но смертью не оканчивается.

Конечно, человѣкъ такое животное, которое скоро ко всему привыкаетъ, даже и къ скверному. Мало-по-малу и мы всѣ стали равнодушнѣе относиться къ продѣлкамъ азіатскихъ зефировъ, — „дуете, молъ, ну, и чортъ съ вами, дуйте!“ Все пошло обычнымъ чередомъ. Кубанцы по-прежнему аккуратно каждый вечеръ послѣ зари собираются въ кружокъ и поютъ свои чудныя пѣсни, — а съ другой стороны лагеря или, вѣрнѣе, за лагерьемъ слышатся оригинальные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однообразные звуки лезгинки, сопровождаемые хлопаньемъ въ ладоши. Сюда пріѣхалъ конвой генерала Скобелева, человѣкъ 20 осетинъ, которые, въ ожиданіи „дальнѣйшихъ приказаній“, живутъ себѣ здѣсь, что называется, припѣваючи.

Какъ-то мы собрались къ нимъ, посмотрѣть лезгинку. Оказалось, что въ это самое время къ осетинамъ пришли въ гости казачи-вубанцы. Это было очень интересное зрѣлище: хозяева не знали языка гостей, а гости—языка хозяевъ; тѣмъ не менѣе, они говорили и, кажется, понимали другъ друга.

Насъ приняли съ почетомъ,—сейчасъ-же были разостланы бурки (осетины жили не въ кибиткахъ, а подъ открытымъ небомъ), появилось неизбѣжное матрасиное вино, съ сильнѣйшимъ запахомъ бурдюка, а затѣмъ начальникъ конвоя, прапорщикъ Колюевъ, устроилъ лезгинку. Я впервые видѣлъ ее въ исполненіи природныхъ кавказцевъ,—дѣйствительно, они танцуютъ восхитительно; хотя этотъ танецъ, собственно говоря, незамысловатый,—вся суть въ немъ заключается въ простомъ хожденіи и въ томъ, чтобы это хожденіе сопровождалось граціозными тѣлодвиженіями,—но осетины не только совершенно достигли этой, такъ-сказать, основной задачи танца, но они сумѣли его еще въ значительной степени осложнить: сперва пошли въ дѣло кинжалы, между острыми которнхъ искусно лавировали ноги танцоровъ; затѣмъ, съ быстротою кошекъ, половина танцующихъ вскочила на плечи другой половинѣ, и танцы продолжались этими оригинальными парами, если ихъ можно такъ назвать; наконецъ, перешли къ танцамъ другихъ національностей Кавказа, такъ, напримѣръ, къ тушипскому и др.

Все это сопровождалось... музыкой, съ прихлопываніемъ въ ладоши,—но музыка эта была убійственна: за отсутствіемъ инструментовъ (была лишь какая-то дудочка, но ее совсѣмъ не было и слышно), осетины *пѣли* лезгинку;—но это ничто въ сравненіи съ *спеціальнымъ* пѣніемъ; это уже дѣйствительно для мало-мальски развитаго и даже, скажу болѣе, для некавказскаго уха, было положительно невыносимо; но мы испили чашу до дна.

Затѣмъ на сцену выступили вубанцы съ своимъ трепакомъ, а потомъ и съ пѣснями.

Но когда опять очередь пришла осетинамъ „плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ“, то мы, полюбовавшись танцами и видя, что дѣло подходитъ къ пѣнію, успѣшили обратиться по добру, по здорovu.

Намъ подвели осѣдланныхъ коней, и хотя мы увѣряли, что это совершенно излишне, такъ-какъ намъ, до нашихъ кибитокъ,

всего-то пройти какихъ-нибудь 50 сажень, но хозяева настаивали, чтобы мы ѣхали, на томъ основаніи, что обычай-де этого требуетъ.

На другой день была назначена джигитовка; тутъ ужъ у осетинъ не было соперниковъ: много, много кредитныхъ бумажекъ было поднято на всемъ скаку съ земли удалыми джигитами.

Но эти зрѣлища, все-же, въ общемъ, далеко не улаждаютъ жизнь: скука страшная, хуже чѣмъ въ Михайловскомъ заливѣ, — тамъ какъ-то оживленнѣе: почти каждый день пароходы приходятъ, туркмены приѣзжаютъ на лодкахъ съ арбузами и дынями (съ острововъ Челекени и Огурчинскаго), — все-же развлеченіе; а тутъ просто хоть умирай, — песокъ, песокъ и песокъ; полнѣйшее отсутствіе жизни; развѣ ящерица пробѣжитъ по песку, да и та, при видѣ человѣка, сейчасъ-же нырнетъ, точно въ воду, въ песокъ и зароется такъ, что и не отыскать ее.

Собрались мы какъ-то цѣлой компаніей на экскурсію и рѣшили проѣхать вдоль Узбоя *). Сравнительно ничего, все-таки, хоть незначительная жизнь видна: кое-гдѣ встрѣчается зеленое деревцо, громадный камышъ, даже двухъ зайцевъ вспугнули и, о, удивленіе! цѣлую стаю грачей видѣли, — вѣроятно, перелетаютъ „съ милаго сѣвера въ стороны южна“. Говорятъ, что здѣсь и тигры встрѣчаются, но намъ на этотъ счетъ не повезло.

Вскорѣ, впрочемъ, мнѣ удалось совершить экскурсію болѣе интересную, а именно: на островъ *Челекень*, населенный мирными туркменами.

Я часто видѣлъ мирныхъ туркменъ, приѣзжавшихъ въ Михайловскій заливъ, то въ качествѣ перевозчиковъ желѣзнодорожныхъ грузовъ, то въ качествѣ продавцовъ арбузовъ и дынь; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть на ихъ домашній бытъ, а главное — провѣрить тѣ слухи, которые ходили о будто-бы замѣчательно-оригинальныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи, я нѣсколько разочаровался, но все-таки не жалѣю объ этой поѣздкѣ.

Было рѣшено, что я отправлюсь на пароходѣ до новой пристани у сосѣднаго съ Челекенью острова *Рау* **), гдѣ въ мое распоряженіе будетъ предоставленъ паровой баркасъ.

*) Такъ называется прежній сѣверный рукавъ Оксуса (Аму-Дарья), впадающій въ нынѣшній Балханскій заливъ.

Примѣч. автора.

**) Сначала всѣ грузовыя суда, направлявшіяся въ Михайловскій заливъ, за-

Пароходы выходятъ изъ Михайловскаго залива всегда на разсвѣтъ, съ тою цѣлью, чтобы, во-первыхъ, не стать гдѣ-нибудь на мели, а во-вторыхъ, засвѣтло добраться до Красноводска. Поэтому, я съ вечера забрался на пароходъ (въ этотъ день шель „Араксъ“), улегся спать и не слыхалъ, когда пароходъ двинулся въ путь. Но вскорѣ я былъ разбуженъ страшнымъ трескомъ. Слышу,—бывшій со мною переводчикъ успокоиваетъ вѣхавшую въ Красноводскъ барыню: „ны безпакойтѣсь, ны безпакойтѣсь—это мы на мелъ сядились!“

Конечно, на мелъ сѣсть еще не богъ-вѣсть какъ страшно, но откуда-же трескъ?

Что-же оказывается! Нашъ пароходъ велъ на буксирѣ пустую баржу; но когда самъ онъ сразу врѣзался въ песокъ и сталъ на мели, то шедшая сзади баржа, конечно, продолжала, въ силу инерціи, двигаться впередъ и налетѣла на пароходъ, причемъ пробила въ борту дыру аршина въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ. Это, впрочемъ, тамъ считается „обыкновенной исторіей“, но нужно замѣтить, что „Араксъ“ до этого случая былъ единственнымъ пароходомъ, которому такимъ путемъ не были „посчитаны ребра“.

Я думалъ, что капитанъ парохода будетъ сконфуженъ такимъ пассажемъ, но онъ, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дулъ; онъ очень удачно свелъ дѣло на почву сравненій.

— Нѣтъ, это что? Вонъ на прошлой недѣлѣ „Карамзину“ (другой пароходъ) 50-ти-саженная (баржа), да еще съ грузомъ, въѣхала въ фальшь-бортъ,—вотъ это такъ! пояснилъ капитанъ, и, какъ-бы сознавая, что мы—не моряки—не можемъ оцѣнить того впечатлѣнія, которое способенъ произвести „въѣздъ“ 50-ти-саженной баржи,—обратился къ своему помощнику:

— Какъ вы, Петръ Антоновичъ, полагаете, если 50-ти-саженная въѣдетъ, а? Затрещитъ, не-бось, а?

Помощникъ поддержалъ капитана.

Намъ пришлось просидѣть на мели часовъ шесть; капитанъ перепробовалъ всѣ средства, чтобъ снять пароходъ, но всѣ уси-

ходили предварительно въ Красноводскъ; тамъ они перегружались на суда съ меньшимъ осадкомъ, что обуславливалось мелководьемъ Михайловскаго залива, въ которомъ есть мѣста глубиною около 4—5 футовъ. Впослѣдствіи перегрузку начали производить у острова Рау, причемъ значительно сокращалась длина рейсовъ, потому-что Красноводскъ стоятъ въ сторонѣ отъ прямыхъ рейсовъ какъ со стороны Баку, такъ и со стороны Астрахани.

Прим. автора.

лія были тщетны; оставалось только выпустить воду изъ котла, и если-бъ это крайнее средство не привело къ желанному результату, то намъ оставалось-бы ожидать до вечера другого парохода (изъ Красноводска), который-бы снялъ насъ. Приступили къ послѣднему средству; но только-что начали выпускать воду, какъ замѣтили, что пароходъ качается на волнахъ, а не стоитъ, какъ прежде, неподвижно, увязнувъ въ песокъ. Оказалось, что, благодаря вѣтру съ моря, вода поднялась и вѣстѣ съ тѣмъ подняла пароходъ.

Затѣмъ, до острова Рау доѣхали благополучно; тамъ я перешелъ на пристань, т. е. на большую баржу, стоящую среди моря на якоряхъ, переночевалъ, а къ 5-ти часамъ утра подлѣ баржи пыхтѣлъ уже маленькій паровой баркасикъ, на которомъ я, съ переводчикомъ и двумя матросами, немедленно отправился на островъ Челекенъ, находящійся оттуда верстахъ въ 6-ти или 7-ми.

Островъ Челекенъ расположенъ близъ восточнаго берега Каспійскаго моря (39° С. Ш. и 71° В. Д.) и нѣсколько южнѣ полуострова Дарджи. Онъ почти примыкаетъ къ азіатскому материку: отдѣляющая его полоса воды настолько незначительна, какъ по своей ширинѣ, такъ и глубинѣ, что мѣстные турмены переходятъ ее вбродъ. Если у него отнять Сѣверную Косу, тянущуюся верста на 8 и южный полуостровъ Дарвишъ, то онъ представитъ собою довольно правильный, овальной формы клочекъ земли верста въ 20 ширины и около 25 длины. Но грустный видъ представляетъ собою этотъ полуостровъ, являющійся почти повтореніемъ того, о чемъ я уже говорилъ раньше: тотъ-же песокъ, тотъ-же высохшій саксаулъ и, наконецъ, имѣющая особый видъ, но также совершенно безплодная, нефтяная почва — вотъ внѣшній видъ острова. Жителей на немъ считается около 2,000; расположены они въ трехъ аулахъ и живутъ, главнымъ образомъ, торговлею (прежде занимались и продажей нефти); въ послѣднее время они, впрочемъ, довольно много зарабатываютъ перевозкою для закаспійской желѣзной дороги различныхъ грузовъ на своихъ *косо-сыхъ* (большія лодки), а также продажей арбузовъ и дынь — единственныхъ воздѣлываемыхъ ими продуктовъ.

Я подѣхалъ прямо къ сѣверному аулу. Берегъ былъ усѣянъ народомъ, издали завидѣвшимъ паровой баркасъ и поспѣвшимъ посмотреть, какого имъ Богъ даетъ гостя.

Къ самому берегу, благодаря мели, оказалось невозможнымъ подѣхать, поэтому нѣсколько туркменъ, снявъ штаны, приблизились къ баркасу и предложили перенести меня и переводчика на берегъ.

Я думалъ было уклониться отъ такой любезности, но, затѣмъ, увидавъ, что въ этомъ случаѣ остается одинъ исходъ — послѣдовать примѣру туркменъ, т. е. самому снять штаны (что въ присутствіи такой многочисленной публики, притомъ „дамъ“, мнѣ казалось не совсѣмъ удобнымъ), — взобрался на спину здороваго туркмена и черезъ нѣсколько секундъ былъ на берегу.

Я рѣшилъ прямо ѣхать „на заводъ“, т. е. на мѣсто, гдѣ въ настоящее время компанія (съ г. Палашковскимъ во главѣ) разрабатываетъ *нефтаниль* (изъ котораго добывается фотогенъ и фотонафтиль), и просилъ переводчика позаботиться относительно лошадей. Но это было напрасно: намъ уже вели двухъ осѣдланныхъ ишаковъ (ословъ).

Я положительно не хотѣлъ „съ ослими имѣть дѣло“ и рѣшилъ было идти пѣшкомъ; рѣшеніе свое я основывалъ, главнымъ образомъ, на томъ, что оселъ не въ силахъ и поднять меня, — и, дѣйствительно, тамъ замѣчательно мелкая порода; но здоровенный туркменъ, раза въ полтора потяжелѣе лося, вскочилъ на осла и проѣхалъ на немъ рысью. Наконецъ, мы пришли къ тому заключенію, что пойдемъ пѣшкомъ, а ослы отправятся за нами, на случай, если мы устанемъ, и, кромѣ того, повезутъ нѣкоторыя бывшія съ нами вещи...

Съ нами отправился проводникъ и еще нѣсколько туркменъ — такъ себѣ „для компаніи“.

Прежде всего, по выходѣ изъ аула, намъ представились, *бакчи*; меня поразило, что они были, въ большинствѣ случаевъ, необыкновенно малыхъ размѣровъ (отъ 10—15 кв. сажень), были расположены всѣ въ одномъ мѣстѣ и, несмотря на это, каждая была отгорожена отъ сосѣдней. Я предложилъ вопросъ, отчего бы имъ не сдѣлать общую изгородь, что сократило-бы, по меньшей мѣрѣ, въ десять разъ количество необходимаго матеріала (который здѣсь очень трудно добыть) и вмѣстѣ съ тѣмъ количество труда, — такъ-какъ, имѣя своей главной цѣлью защиту бакчей отъ песчаныхъ заносовъ, изгороди устраиваются весьма тщательно.

Туремены согласились, что такъ лучше-бы было.

Но, когда затѣмъ я высказалъ мысль объ удобствѣ общинной обработки, то туремены начали улыбаться и сомнительно покачивать головами.

„Они говорятъ: *передеремся всѣ*“, пояснилъ мнѣ переводчикъ.

Странная вещь: текинцы—тѣ-же туремены—въ значительной мѣрѣ прилагаютъ общинный трудъ (о чемъ будетъ сказано дальше), а челекенцы недовѣрчиво относятся къ общинному началу.

Но видно ужъ судьба надъ ними подшутила, потому-что, несмотря на недовѣріе къ этому началу, они, поневолѣ, сдѣлались въ известной степени общинниками; но тутъ виною, собственно говоря, просто несообразительность. Нужно знать, что весь Челекень считается общимъ владѣніемъ населяющихъ его туремень, но, конечно, тутъ еще очень мало поводовъ называть ихъ общинниками, такъ-какъ владѣніе собственно землей не играетъ въ ихъ жизни почти никакой роли. Весь куръезъ заключается въ томъ, что, благодаря именно попыткѣ сдѣлаться частными собственниками, туремены сдѣлались общинниками въ значительно большей степени. Они постановили, что всякій туземецъ, вырвавшій нефтяной колодець, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ отдѣльное право на землю на разстояніи 50 сажень отъ колодца, — значить, все это пространство дѣлалось частной собственностью.

Но въ виду того, что открытіе колодца (въ особенности обильнаго нефтью) въ известномъ мѣстѣ давало поводъ предполагать, что мѣстность эта вообще богата нефтью, — другіе туремены тоже начинали рыть колодцы здѣсь-же, но, конечно, блюдя „законъ“, — за предѣлами пятидесяти-саженнаго разстоянія отъ перваго колодца. Одного только они несообразили: что для того, чтобы *сполнн* воспользоваться правомъ частнаго владѣнія землею на 50-сажень вокругъ вновь вырываемаго колодца, — необходимо, чтобы онъ находился по меньшей мѣрѣ на сто сажень отъ первоначальнаго, потому-что, выражаясь математически, окружныя не пересекутся лишь въ томъ случаѣ, если разстояніе между ихъ центрами будетъ равно суммѣ ихъ радіусовъ или больше ея. Но туремены открывали свои колодцы тутъ-же, гдѣ-нибудь по близости.

Что-же изъ этого выходило?

Открывалъ туремень колодець положимъ въ 75-ти саженьяхъ отъ другаго колодца; когда онъ затѣмъ очерчивалъ радіусомъ

въ 50 сажень окружность (границу) своихъ владѣній, то эта окружность, очевидно, должна была въ двухъ мѣстахъ пересѣчь окружность сосѣдняго владѣнія, иначе говоря, захватить часть его и образовать большій или меньшій кусокъ *общаго* владѣнія; затѣмъ тутъ-же появлялся другой владѣлецъ, третій и т. д. Такимъ-то образомъ, иногда на одномъ небольшомъ нефтяномъ участкѣ являлось нѣсколько владѣльцевъ, такъ-что когда Палашковскій и К^о вздумали нанять для разработки нефтяной участокъ, то оказалось, что владѣнія *собственниковъ*, благодаря указанному обстоятельству, такъ переплетены между собою, что ихъ нельзя было выдѣлать и пришлось уже имѣть дѣло со всѣми колодезевладѣльцами въ числѣ (если не ошибаюсь) 13-ти человекъ; но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ мы выбрались на берегъ моря и нѣсколько верстъ шли по раковинамъ (самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ), которыя покрываютъ берегъ слоемъ до 2—3 вершковъ толщиною; хотя эти раковины довольно мелки, но все-таки по нимъ не особенно удобно ходить, — ноги такъ и скользятъ, — но все-же удобнѣе, чѣмъ по песчанымъ барханамъ.

Мы двигались безъ всякихъ приключеній, — въ одномъ только мѣстѣ вниманіе мое было затронуто: возлѣ одного изъ пригорковъ, образовавшагося благодаря искусственной насыпи изъ земли и всякаго мусора, наши спутники-турмены стали на колѣни и принялись преусердно молиться, что выражалось очень энергическимъ битьемъ себя въ грудь.

Спрашиваю, черезъ переводчика, въ чемъ дѣло?

Говорятъ: святой какой-то здѣсь похороненъ.

Я сначала тоже проникся нѣкоторымъ благоговѣніемъ, — хотъ и турменскій святой, думаю, а все-же святой.

Но, потомъ, мнѣ объяснили, что у турменъ святость очень легко приобрѣтается, — стоитъ только побывать въ Меккѣ — и святой готовъ; даже при жизни онъ считается святымъ; но за то приобрѣтаемая столь легко святость, хотя, быть можетъ, и влечетъ за собой нѣкоторыя преимущества въ будущей жизни и вызываетъ благоговѣніе со стороны живыхъ, — пока святой живъ, — подчасъ не избавляетъ его отъ тѣхъ *земныхъ неприятностей*, которыя приходится испытывать обыкновеннымъ смертнымъ; такъ, напр., нѣсколько времени тому назадъ, на островѣ-же Челекени,

одинъ изъ такихъ святыхъ, за разныя „художества“ (между прочимъ стащилъ что-то) былъ весьма чувствительно побитъ своими соплеменниками...

Наконецъ, мы добрались и до завода. Прежде всего я зашелъ къ управляющему, г. Серебрякову, который очень любезно принялъ меня, рассказалъ кое-что о тамошнемъ житьѣ-бытьѣ, но я сейчасъ-же замѣтилъ, что онъ съ мѣстными жителями-туркменами не ладить.

Принявъ меня за лицо, присланное спеціально для изслѣдованія вопроса о нефтяномъ промыслѣ (хотя я таковымъ не былъ и отказывался отъ этой роли), онъ, главнымъ образомъ, излагалъ нужды и неудобства компаніи, обвиняя во всемъ туркменъ. Туркмены оказывались страшными угнетателями, хотя условіе, заключенное съ ними по найму участковъ для добыванія и разработки нефть-гиля едва-ли говорить въ пользу этого мнѣнія. Такъ, напримѣръ, по условію туркмены получаютъ самую ничтожную плату за пользованіе ихъ нефтяными участками, но зато, по истеченіи извѣстнаго срока, въ ихъ владѣніи остаются всѣ зданія, построенныя предпринимателемъ для потребностей производства. Казалось - бы, такое условіе довольно выгодно для туркменъ; но затѣмъ, далѣе, въ условіи, есть §, который гласитъ, что во владѣніи туркменъ остаются всѣ зданія, которыя находятся *въ цѣлости* по день истеченія срока контракта, — значитъ, стоитъ только за нѣсколько дней до истеченія срока контракта прекратить производство и приступить къ разборкѣ зданій, — а затѣмъ компанія не теряетъ права на нихъ и можетъ исподоволь перевезти въ другое мѣсто, такъ-какъ матеріалы, въ особенности дерево, изъ котораго тамъ и выстроены зданія, имѣютъ большую цѣнность и могутъ быть во всякое время проданы за большую цѣну въ Красноводскъ или даже тѣмъ-же туркменамъ, — но, конечно, туркмены не предвидятъ такого сюрприза. Мало того, не имѣя правъ рыть новыхъ колодезевъ, они должны покупать нефть у компаніи, между тѣмъ какъ прежде они были, въ этомъ отношеніи, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Напримѣръ, при генералѣ Ломакинѣ было установлено слѣдующее правило. Туркмены, вмѣсто платы за участки, приобрѣтали право *десятаго дня*, т. е. въ извѣстный, заранее опредѣленный день могли являться къ мѣсту добыванія компаніей нефти и брать, сколько кому нужно; конечно, въ теченіи дня они успѣвали наби-

рать сколько нужно было для ихъ обихода въ послѣдующіе десять дней, и поэтому мѣстные жители не являлись покупателями нефти, — это, разумѣется, было не особенно выгодно для компаніи, но болѣе выгодно для туземцевъ. Теперь-же, по словамъ туркменъ, они не получаютъ ни нефти, ни денегъ.

Я поинтересовался взглянуть на добываніе нефтегиля, которое, нужно сказать, совершается самымъ незатѣпливымъ образомъ и безъ всякихъ приспособленій: — въ одномъ изъ естественныхъ возвышеній почвы срѣзанъ бокъ, въ которомъ и находятся толстыя жилы нефтегиля; рабочіе, слѣдуя по направленію жилы, выбираютъ нефтегиль, раскапывая лопатами почву, и такъ-какъ эти жилы расположены почти у поверхности земли, то, разумѣется, работа всегда производится снаружи, и о подземныхъ работахъ въ шахтахъ и помину нѣтъ. Тутъ-же рядомъ, въ небольшой котловинѣ, находятся горячіе сѣрные источники: представьте себѣ небольшую площадку, похожую на дно высыхающей лужи; по ней весьма легко можно пробѣжать, — но только пробѣжать, потому-что стоять лишь остановиться на нѣсколько секундъ — и вы сейчасъ замѣтите, что ваши ноги вязнутъ все болѣе и болѣе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой площадки замѣтно нѣчто вродѣ маленькихъ грязныхъ фонтанчиковъ, высотой въ какихъ-нибудь $1\frac{1}{2}$ дюйма; если опустить руку въ этомъ мѣстѣ, то она совершенно свободно входитъ въ почву, но затѣмъ, на глубинѣ около $\frac{1}{4}$ аршина отъ поверхности, ощущается такая теплота, что нѣтъ возможности удержать руку; эти фонтанчики постоянно выбрасываютъ разный мусоръ, древесные обломки и проч. Вообще, на островѣ очень много всевозможныхъ минеральныхъ богатствъ, но о немъ какъ-то забыли и никому не приходится въ голову изслѣдовать этотъ богатый клочекъ земли хоть сколько-нибудь обстоятельно.

На другой день, на лошадяхъ, любезно предложенныхъ г. Серебряковымъ, мы отправились верстъ за 7, въ южный ауль; тамъ уже, такимъ-то образомъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Михайловскаго залива, и такъ-какъ на Челекени туркменъ не водится, а ѣздятъ почти исключительно чиновники, то я былъ принятъ за одного изъ нихъ. За версту до аула я былъ встрѣченъ мѣстными властями, старшинами, изъ которыхъ каждый просилъ оказать ему честь — зайти въ кибитку. Я хотѣлъ-было зайти къ самому вліятельному старшинѣ, Ана - Хану, но потомъ,

вспомнивъ маленькую неловкость, допущенную относительно его нѣсколько дней тому назадъ, во время его прїѣзда въ Мулла-Бары,—рѣшилъ, что лучше уклониться отъ этого.

Дѣло въ томъ, что, желая оказать Ана-Хану любезность, его пригласили въ Мулла-Бары, чтобы дать возможность посмотрѣть желѣзную дорогу и проѣхать по ней, однимъ словомъ—пригласили его въ гости. Конечно, Ана-Ханъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и поѣхалъ. Прежде всего прїѣхалъ пароходомъ въ Михайловскій заливъ, откуда онъ, а также другія лица, прибывшія изъ Красноводска, отправились съ поѣздомъ въ Мулла-Бары, о чемъ туда заранѣе дано было знать телеграммой. Но на бѣду, вмѣстѣ съ Ана-Ханомъ, прїѣхали болѣе важныя лица, какъ, напримѣръ, контролеръ, отрядный интендантъ и пр., такъ - что въ суматохѣ, да еще темень была страшная,—объ Ана-Ханѣ на первыхъ порахъ и позабыли; онъ въ вагонѣ такъ и остался. Вскорѣ, конечно, хватились: гдѣ-же Ана-Ханъ? Пригласить его, угостить! Но, увы! поѣздъ ушелъ обратно въ Михайловскій заливъ и... увезъ съ собой злополучнаго Ана-Хана. Конечно, онъ едва-ли былъ особенно польщенъ такимъ прїемомъ.

Поэтому-то я зашелъ къ другому старшинѣ, кибитка котораго, кстати, была расположена при самомъ въѣздѣ въ аулъ.

Я впервые былъ въ кибиткѣ зажиточнаго туркмена. Что о ней сказать? Я увидѣлъ только одни ковры: на полу ковры, по стѣнамъ ковры, тучи какіе-то прикрыты коврами, на полкахъ подушки — опять-таки покрыты коврами, однимъ словомъ — я зашѣтилъ только маленькое пространство, у порога, которое не было покрыто ковромъ, именно, какъ послѣ оказалось, мѣсто для костра.

Меня усадили на полъ, подложивъ сбоку подушку, чтобы я могъ облокотиться, и затѣмъ жена моего хозяина принялась стряпать неизмѣнный „пловъ“.

Между тѣмъ, кибитка начала наполняться туркменами различныхъ возрастовъ, но преимущественно мужескаго пола. Они входили въ кибитку молча, сбрасывали у порога свои туфли, преспокойно усаживались на коверъ, позади меня или сбоку, или возлѣ костра, причѣмъ протягивали по очередно то одну, то другую ногу къ костру, и затѣмъ начинали упорно смотрѣть на меня, такъ-что, на первыхъ порахъ, мнѣ даже неловко было.

Прежде всего, вѣроятно, съ цѣлью показать, „что и мнѣ-де чего-нибудь стоимъ“, — мой хозяинъ показалъ свои медали съ надписью „за усердіе“, а затѣмъ перешелъ къ разнымъ драгоценностямъ, какъ, напр., серебрянымъ вещамъ, изъ которыхъ одну — браслетъ — даже снялъ тутъ-же съ руки своей жены.

Я, конечно, показывалъ видъ удивленія, — и хозяинъ былъ очень доволенъ. Затѣмъ мнѣ было предложено нѣсколько вопросовъ: о моемъ чинѣ, о томъ, кто старше (чиномъ), генералъ Скобелевъ или генералъ Анненковъ, о дѣлахъ съ текинцами и проч. Оказывалось, что челекенскіе турмены боялись нападенія текинцевъ, благодаря именно существованію брода, о которомъ я уже говорилъ; въ концѣ-же-концовъ перешли къ жалобамъ на свое положеніе, на притѣсненія пріѣзжими компаніями и т. п.

Когда я спросилъ, нѣтъ-ли у кого-нибудь продажныхъ ковровъ, то они въ нѣсколько минутъ завалили всю кибитку. Мнѣ понравилась при этомъ черта турменъ, — они совсѣмъ не запрашиваютъ: какъ сказалъ цѣну, такъ ужъ копѣйки не уступитъ. Цѣны, впрочемъ, они назначили сравнительно высокія.

„Да вѣдь, въ Красноводскѣ и то дешевле“, убѣждалъ я ихъ, когда съ меня запросили 50 рублей за *наласъ* (болѣе грубый сортъ ковровъ) длиною въ 6 арш. и шириною въ 3 аршина.

На это мнѣ турмены совершенно откровенно отвѣчали, что, правда, въ Красноводскѣ дешевле; но дѣло въ томъ, что когда они сами везутъ продавать свои издѣлія, то это значитъ, что имъ очень нужны деньги, — и тогда они дешевле продаютъ, даже ниже стоимости; когда-же къ нимъ пріѣзжаютъ покупать, то они требуютъ столько, сколько вещь дѣйствительно стоитъ, — возраженіе очень основательное, и я заплатилъ за два ковра 100 рублей.

Поблагодаривъ хозяина за пріемъ и подаривъ при этомъ (по совѣту переводчика) его маленькому сынишкѣ рубля на два мелкаго серебра, я вышелъ изъ кибитки, чтобы отправиться обратно, но уже по прямому пути, въ сѣверный аулъ, куда долженъ былъ пріѣхать за мной паровой баркасъ.

На площадкѣ была масса народу; тамъ кипѣла работа: въ нѣсколькихъ глиняныхъ, особаго устройства печкахъ, женщины пели *чурекъ* (хлѣбныя лепешки); женщины здѣсь не закрываютъ лица, и я могъ совершенно свободно рассмотреть большинство изъ нихъ.

Замѣчательное явленіе: въ то время какъ мужчины-туркмены по типу скорѣй подходятъ къ кавказской расѣ, женщины—настоящіи монголки: узкіе глаза, приплюснутый носъ, широкія скулы; вообще не особенно привлекательны, старухи-же просто отвратительны.

Я былъ очень пріятно изумленъ, когда увидѣлъ близъ кибитки приготовленнаго для меня прекраснаго сѣраго коня; но мой бѣднѣйшій переводчикъ опять долженъ былъ ѣхать на ослѣ и всю дорогу кричать: „хоръ, хоръ, хоръ!“

Пріѣхавъ въ сѣверный аулъ, мы, прежде всего освѣдомились, нельзя-ли достать куриныхъ яицъ, такъ-какъ я сильно-таки проголодался: „пловъ“, которымъ меня угощали въ южномъ аулѣ, собственно говоря, представлялъ собою вещь несъѣдобную, и я его съѣлъ лишь столько, сколько нужно было, чтобы не обидѣть хозяевъ.

— Лишь-бы деньги были, отвѣчалъ туркменъ,—а то все можно достать.

Я далъ рубль серебромъ, и онъ отправился на поиски.

Туркменъ былъ отчасти правъ: если тамъ и нельзя было всего *достать*, то зато *купить* можно было рѣшительно *все*, что тамъ было.

Нужно сказать, что южный и сѣверный аулы значительно отличаются между собою: первый изъ нихъ населенъ почти исключительно богатыми туркменами, а второй, наоборотъ, бѣдными, которые, поэтому, волей-неволей очень падки къ деньгамъ. Зашли въ кибитку. Обстановка убогая: кибитка дырявая, — такъ со всѣхъ сторонъ и дуетъ...

Скоро появился нашъ новый хозяинъ чуть-ли не съ полсотней яицъ.

— Должно-быть, хорошаго мнѣнія онъ о нашемъ аппетитѣ, замѣтилъ я переводчику.

Тотъ, какъ человекъ опытный, объяснилъ мнѣ, что туркмены тоже попытаются покушать на нашъ счетъ. И дѣйствительно, когда яйца были сварены, вся семья, безъ церемоніи, начала намъ помогать, сначала робко, ожидая, вѣроятно, протеста, но затѣмъ такъ усердно, что намъ пришлось подумать о мѣрахъ противъ того, чтобы не остаться голодными,—и мы, съ своей стороны, тоже удвоили энергію. Затѣмъ былъ сваренъ чай, но я, впрочемъ, не могъ его пить, потому-что вода была ужасно соленая.

На Челекени нѣтъ прѣсной воды; ее, обыкновенно, привозятъ съ Огурчинскаго острова, да и то только въ южный ауль, — во-первыхъ, потому, что тамъ живетъ богатый народъ, который можетъ позволять себѣ такую роскошь, а во-вторыхъ, потому, что южный ауль относительно очень близко, и доставка туда воды не сопряжена со сколько-нибудь значительными затрудненіями.

Конечно, здѣсь, какъ и въ южномъ аулѣ, въ кибитку набралось десятка три туркменъ, которыхъ я разрѣшилъ хозяину угостить на мой счетъ чаемъ.

Съ другой стороны, мой переводчикъ заинтересовалъ ихъ умѣньемъ читать коранъ (туркмены — магометане, суниты); они даже сначала усомнились-было и тотчасъ послали за муллою; но тотъ подтвердилъ, что переводчикъ читаетъ вѣрно. Изрѣдка онъ, впрочемъ, дѣлалъ замѣчанія, и туркмены при этомъ были очень довольны, такъ у нихъ и было на лицахъ написано: „а вотъ видишь, — нашъ-то все-таки лучше знаетъ!“

Въ двери показались двѣ „нетуземныя“ фізіономіи, — присматриваюсь — матросы.

— За мной, что-ли, братцы, пріѣхали? спрашиваю.

— Такъ точно, ваше бл — діе, — только придется до завтра подождать, потому темно теперь, не проберемся среди мелей.

Нечего дѣлать, переночуемъ и здѣсь...

Наконецъ, туркмены надоѣли мнѣ, и я обратился къ хозяину, чтобы онъ какъ-нибудь деликатно намекнулъ имъ объ этомъ; но тотъ по-просту велѣлъ имъ убираться вонъ, и гости безпрекословно повиновались.

Хозяинъ тоже хотѣлъ-было удалиться и уступить кибитку въ полное наше владѣніе, но я увѣрилъ его, что онъ нисколько не жѣлаетъ намъ, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ расположились спать: насъ двое, туркмень, жена его, двое дѣтей и племянница — молодая, мило-видная дѣвушка-туркменка, проданная ужъ куда-то подъ Красноводскъ за 400 руб., что считалось очень хорошимъ *калымомъ* (выкупъ, платимый женихомъ за невѣсту).

Ночь была холодная, дуло со всѣхъ сторонъ, дымъ отъ костра лѣзетъ въ горло, ребятинки, по временамъ, плачутъ (вѣроятно отъ холода), — а тутъ еще ночью вѣтеръ сорвалъ верхнюю часть кибитки, которая обыкновенно на день снимается, — такъ холодомъ и пахнуло. Туркмень преспокойно приказалъ женѣ попра-

вить кибитку, а самъ хоть-бы пальцемъ пошевельнулъ, — и та, несчастная, минутъ 10 возилась на холодѣ, полунагая, пока устроила все какъ слѣдуетъ.

— Отчего ты не помогъ, ночью, женѣ поправить кибитку? спросилъ я его потомъ.

Туркменъ сперва посмотрѣлъ на меня нѣсколько удивленно, потомъ улыбнулся.

— Это ихъ дѣло, отвѣчалъ онъ и указалъ рукой на женщинъ.

На утро, чуть-свѣтъ, я отправился на паровомъ баркасѣ къ пристани у острова Рау и въ тотъ-же день возвратился въ Михайловскій заливъ на пароходѣ, шедшемъ туда изъ Красноводска.

Вскорѣ получились слухи о появленіи сильной шайки текинцевъ на линіи Михайловской военной дороги, а затѣмъ — извѣстіе объ отбитіи у насъ текинцами верблюжьяго транспорта въ 1,500 штукъ, о раненыхъ и убитыхъ; все это искажалось, преувеличивалось и потому произвело страшный переполохъ. Но самый фактъ подтвердился.

Генераль Анненковъ счелъ нужнымъ поѣхать на линію и лично принять тѣ мѣры, которыя вызывались обстоятельствами.

— „Въ походъ, въ походъ!“ раздавалось со всѣхъ сторонъ; всѣ желали ѣхать, но можно было ѣхать очень немногимъ. Вопросъ о томъ, кого возьмутъ, кто пойдетъ, — волновалъ всѣхъ, не исключая и тѣхъ, у которыхъ, собственно говоря, не было никакого основанія надѣяться на поѣздку въ передовой отрядъ; но такъ ужь человекъ устроенъ, — вѣдь, кажется, дѣло совсѣмъ ясно — „не возьмутъ“, — и все-таки надѣется.

Фантазія разъигривается до невѣроятныхъ размѣровъ.

— Эхъ, Георгія-бы получить! говоритъ молодой подпоручикъ и ужь чуть-ли не видитъ, какъ у него въ петличкѣ красуется бѣлый крестикъ. О смерти подпоручикъ едва-ли думаетъ.

У другого, постарше чиномъ и посолдидѣе, болѣе скромное желаніе: ему-бы хоть слегка отличиться, да слѣдующій штабъ-офицерскій чинъ получить; этотъ думаетъ о смерти и не желаетъ быть убитымъ, но согласенъ быть легко-раненымъ или, какъ говорятъ, „быть раненымъ въ мягкія части“, т. е. безъ поврежденія костей.

Это пресловутое „быть раненымъ въ мягкія части“, какъ я за-
мѣчалъ въслѣдствіи, подѣ Геокъ-Тепе, составляетъ, впрочемъ,
завѣтную мечту большинства офицеровъ, потому-что тутъ и „жизнь
соблудеешь“, и приобрѣтешь разныя „права и преимущества“.

Но вскорѣ, для большинства, мечты должны были разсѣяться,
потому-что сдѣлался извѣстнымъ день отъѣзда, и главное—имена
лицъ, которымъ предстояло идти на линію, къ мѣсту появленія
непріятеля, а затѣмъ въ передовой отрядъ. Въ числѣ этихъ не-
многихъ „счастливецевъ“ былъ и вашъ покорный слуга.

Н. Кончевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЬ.

Повѣсть.

I.

На одномъ изъ большихъ судоходныхъ рукавовъ Волги, при развѣтвленіи его на меньшіе передъ впаденіемъ въ море, на отлетѣ отъ жилыхъ мѣстъ, особнячкомъ, какъ теперь вижу я передъ собою низенькую продолговатую постройку, несомнѣнно рубку или казѣнку *) съ какою-нибудь старой баржи, росшивы, бѣланы **) или другого большого судна.

Надъ сквозною аркою, дѣлившею казенку на двѣ равныя части— кухню и жилую комнату безъ печи, торчала плохо намалеванная вывѣска, очевидно, выдавшая видъ на своемъ вѣку, — давно исполнившая свое назначеніе, побывавшая въ лавкѣ старьевщика и, наконецъ, удалившаяся сюда, на покой, на лоно природы, кончать свои послѣдніе дни. На ней съ нѣкоторымъ затрудненіемъ можно было рассмотреть довольно схожіе портреты двухъ головъ сахара по сторонамъ и полинявшую, полустертую временемъ надпись межъ ними: „Продажа чаю, сахару и колоніальныхъ товаровъ“. Тутъ-же, подъ нею, помѣщалась ея молодая подруга, только-что намалеванная и свѣжая, кричавшая о продажѣ табуку и папирость.

*) Рубка—отъ глагола рубить. Казѣнка—отъ казна, казенный. Несомнѣнно, первоначально такіа рубки появились на большихъ казенныхъ судахъ и въ нихъ хранились или порохъ, или деньги, или то и другое вмѣстѣ.

**) Бѣлана—отъ бѣлѣй, т. е. несмоленый—судно съ дровами и лѣсомъ.

Бругомъ казенки, робко тѣснясь къ ней, какъ овцы къ доброду пастырю, стояли, сгрудясь въ образцовомъ безпорядкѣ, какіе-то чуланы, влѣтушки, амбарушки, понадѣланные изъ камыша, и даже нѣчто вродѣ погребя, осыпаннаго землей и поросшаго травой.

Все виѣстѣ производило жалкое впечатлѣніе чего-то кое-какъ собраннаго, по случаю купленнаго, временнаго, неухищеннаго и наживо-сколоченнаго, гдѣ ни разу не блеснуло даже самаго нищенскаго понятія о красотѣ и симметріи, всецѣло жертвуемыхъ своеобразному взгляду на удобства — „што-бы все подѣ руками было, это главное“.

Оказывалось дѣйствительно, что все было подѣ руками. Вода протока, или *протоки*, какъ говорятъ здѣсь, на берегу котораго кучились незатѣйливыя постройки, тихо текла почти у самаго входа въ казенку; на водѣ, въ двухъ шагахъ въ сторону, замерла, привязанная лодка-остроноска *), а до шалашей и погребя было рукой подать.

Производя впечатлѣніе чего-то временнаго, жилья, о которомъ идетъ рѣчь, и на самомъ дѣлѣ не было постояннымъ, такъ-какъ занималось своими обитателями только въ теченіи долгаго, горячаго астраханскаго лѣта, то-есть времени навигаціи и лѣтнаго рыболовства, которое въ особенности принималось въ соображеніе колонію. *Протока*, на которой находилась казенка, представляла собою одинъ изъ обычныхъ и людныхъ путей сообщенія ловацкаго населенія съ моремъ.

На зиму, когда, виѣстѣ съ природою, здѣсь замираетъ почти всякая дѣятельность, изъ временнаго жилья все вывозилось. Оно заширалось, забивалось и оставлялось на волю Божию, которая оказывалась самымъ лучшимъ сторожемъ и хранителемъ, — а люди уѣзжали въ Астрахань, лежавшую верстъ на пятьдесятъ вверху по протоку.

Въ недавнее еще время, на мѣстѣ этихъ построекъ, я помнилъ, былъ ровный, невысокій, пустой берегъ, поросшій къ водѣ густымъ камышомъ, а выше бѣдными мѣстными травами, грубыми и густыми, переплетенными плетями павилики и ежевики — любимымъ убѣжищемъ фазана.

*) Лодка-остроноска — рѣчная, у которой носъ дѣлается пологій и острый — скользящій. У морской (бударки), наоборотъ, форштевень или носовой пень — высокий и крутой, во избѣжаніе залеска волнъ.

Такимъ образомъ, совершая поѣздки въ море и обратно по нѣскольку разъ въ годъ, я сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ возникновенія и роста обиталища, съ которымъ мы познакомились. Сначала, какъ изъ земли выросла главная постройка, казенка, которая, несомнѣнно привезенная готовой, объявилась внезапно со своею ржавой выѣской, а потомъ одна за другою послѣдовали и окрестныя: камышевые шалаши и чуланы, амбарушки и клѣтушки, погребъ и курятникъ, вокругъ котораго забѣгали и закопошились куры и заоралъ достолюбезный домовитый хозяинъ—горлачпѣтухъ. На все это потребовалось, однако, два-три года.

Рѣдкій разъ случалось проходить мимо казенки, чтобы въ ней и около не кипѣло дѣятельности. Обыкновенно приходили и отходили прочь лодки, слышался громкій смѣхъ и говоръ, иногда пьяный, но чаще крикъ и ругань,—самая задорная ругань звонкаго злого бабьяго голоса. Нельзя было не замѣтить, что хозяйка, или кто тамъ она ни была-бы, не обладала кротостью агнца и принимала въ дѣлѣ горячее участіе.

Каждому маломальски опытному наблюдателю не трудно было понять, что выскочившая изъ земли, какъ грибокъ послѣ дождя, и, разумеется, на самыя ничтожныя, грошовыя средства, новая колонія, съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, днемъ, набиралась силъ и средствъ, расширяя скромную вначалѣ сферу дѣятельности и вліянія и захватывая все большее поле. Ижѣ приблизительное понятіе о томъ, что это могло и должно было быть, вы совершенно невольно представляли себѣ паука, раскинувшаго свои тенета чрезъ тихія воды *протоки*, въ которыхъ неминуемо суждено было вязнуть мимолетающимъ мухамъ—безпрерывно снующимъ взадъ и впередъ морскимъ судамъ, то есть ихъ рабочимъ комплектамъ, той трудовой голытьбѣ, которая уходитъ въ море и возвращается почти всегда безъ гроша, но зато съ исправной, почти всегда новой одеждою,—сапогами, полушубками, стеганками *), а, главное, съ хозяйскими судовыми добромъ, рыболовными орудіями и припасами или уловомъ. Какъ тутъ не укрѣпить и не расширить тенеть и не налиться кровью самому насѣкомому?

Ко всему этому стратегическая позиція хищника была выбрана съ самой изощренной предусмотрительностью.

*) Стеганка—на ватѣ стеганая фуфайка. При ней обыкновенно такіе-же и шаровары.

Протокъ, нѣсколько сажень повыше, отбрасывалъ отъ себя рукавъ влѣво (какъ и всѣ протоки волжской дельты), образуя мысокъ, и отъ него мель поперекъ теченія, чуть не до противоположнаго праваго берега. Сила теченія и масса воды, встрѣчая мысокъ, приостанавливалась, какъ-бы задумываясь надъ неожиданнымъ препятствіемъ и, разумѣется, начинала осаждать свои тяжелѣйшія частицы—нерастворимыя землістыя вещества, образуя мель. Для прохода судовъ оставалось только самое узкое пространство по дѣ правыхъ берегомъ, да и то неглубокое, такъ-что глубоко сидящія суда должны были отгружаться, паузиться или подолгу ожидать прибылі воды съ моря. Разумѣется, судорабочіе и рабочіе комплекты не скучали ожидать и не спѣшили около тайнаго кабака.

• Вотъ нѣсколько сажень пониже этой-то естественной заставы и ждала гостей день и ночь гостепріимная маленькая колонія. Думаешь, каждому очевидно, выгодна-ли была позиція.

Афанасій Яковлевичъ Гришкинъ, какъ именовался владѣлецъ казѣнки, по происхожденію и образу жизни принадлежалъ семейству чужездннхъ.

Онъ былъ сыномъ бѣднаго Влѣвскаго мѣщанина, аборигена города, въ которомъ родъ Гришкиныхъ считался едва-ли не старше его самого.

Это былъ высокій малый, съ черными кудрявыми волосами и такою-же небольшою густою бородкой. Черные небольшіе глаза смотрѣли на васъ рѣзко и прямо, въ упоръ, но не тою прямою нравственно-безупречнаго человѣка, которому нечего бояться и стыдиться, а прямою волка, взирающаго на овцу, съ которой онъ не намѣренъ церемониться. Какимъ-то темнымъ, холоднымъ, синестальнымъ закаломъ отливали они.

Выраженіе лица, хотя и дружелюбное вслѣдствіе выработавшейся привычки, было твердое; черты—точно вырубленныя изъ гранита, чему помогали плотно сжатая, точно замкнутыя губы и вертикальныя морщины на лбу надъ переносицей. Несмотря на пятьдесятъ лѣтъ, части лица были такъ правильны, соразмѣрны и красивы, что владѣлецъ его казался много моложе. Въ типѣ красоты преобладало нѣчто цыганское въ лучшемъ смыслѣ слова—оно было серьезное и умное; но впечатлѣніе всего вмѣстѣ не воз-

буждало особеннаго желанія сойтись съ обладателемъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ закоулкѣ.

Міровоззрѣніе Гришкина было такъ немногосложно и сконцентрировано около его и его паутины, что нравственная фізіономія его отличалась почти той-же волчьей прямою, какъ и физическая. Убѣжденія его также были непоколебимы и, казалось, также не желали стѣсняться. Для него, напримѣръ, было совершенно несомнѣнно, что людей неподкупной честности не существуетъ и что она измѣряется только большей или меньшей тяжестью *куша*, который ее перетянетъ. Свою дѣятельность Гришкинъ, разумѣется, почиталъ самой обыкновенной и безобидной, которая одна и та-же во всемъ Божьемъ мірѣ, и называлъ ее коммерціею. „Дѣло коммерческое, говаривалъ онъ обыкновенно, — смотри въ оба“. Изъ этого понятно, что себя онъ считалъ за коммерсанта, а коммерцію за такое дѣло, въ которомъ смотрѣть въ оба — неизбежно. О народѣ, въ средѣ котораго приходилось ему вращаться и дѣйствовать большую часть жизни, Гришкинъ былъ очень неутишительнаго мнѣнія и думалъ, что онъ только на то и годенъ, только за тѣмъ Господомъ и созданъ, чтобы добрымъ людямъ было съ кѣмъ коммерцію вести. По его мнѣнію, за самыми рѣдкими исключеніями, это были или пьяницы, или лѣнтяи, или кривыя души, или все это вмѣстѣ, или-же розини, неумѣвшіе смотрѣть въ оба. А извѣстно, что кривой глазъ, по мнѣнію Гришкиныхъ, много непростительнѣе кривой души.

II.

Было ясное праздничное, іюньское утро. По тихой, ясной, какъ зеркало, водѣ протока плылъ, откуда-то сверху, мягкій, чуть слышимый, отдаленный звонъ, — казалось, онъ расплывался, какъ туманъ, и стоялъ въ воздухѣ. Вокругъ обиталища Гришкина и далѣе трава была выкошена и, вмѣсто специфическаго запаха рыбы и сыра, пахло свѣжимъ, просыхающимъ сѣномъ; кругомъ стояла необычная тишина. Несмотря на то, что не было еще и девяти часовъ, начинало пропекать; рѣдкіе бѣлые облака-гиганты, незамѣтно для глаза, ползли и грудились въ синеватомъ небѣ. Рѣдкій, невыкошенный въ водѣ, камышъ точно замеръ и опрокинулся

въ ней съ изумительной яркостью, чистотою отраженія и силою красокъ — хотѣлось взять его и вырвать изъ воды.

Матрена Ивановна, жена Гришкина, еще наканунѣ вечеромъ, отправилась на исады въ городъ, и хозяинъ теперь оставался дома только вдвоимъ съ Петьбой, подросткомъ лѣтъ тринадцати, который въ данную минуту, въ тридцати-сорока шагахъ ниже казенки, возился съ рашней *), только-что приподнятой изъ воды. Въ ней вцѣпились клешнями и часто трепетали и шлепали плавниками шесть или семь большихъ раковъ.

— Та-та-та!.. Куда?!. Вонъ хочешь? любезно отнесся ловецъ къ раку, вѣроятно, почувавшему чуждую среду и быстро пассившемуся вонъ изъ рашни, на-утекъ. Мальчикъ подхватилъ его и бросилъ въ старое ведро съ водою, гдѣ уже копошилось много этого добра, потомъ отодралъ отъ притравы остальныхъ упрямыхъ созданий и отправилъ туда-же. Осмотрѣвъ и очистивъ рашню, онъ поправилъ рыбу, привязанную на приманку, камень для груза и вновь опустилъ ловушку на старое мѣсто, въ воду. Дѣлать ему было нечего, приходилось ждать, пока наберутся новые мародеры, и онъ пошелъ, посвистывая, по узенькой тропинкѣ, вившейся по самому берегу протока. Такія тропинки лежатъ вдоль всѣхъ протоковъ волжскихъ устьевъ, потому-что по нимъ тянутъ лодки бичевой противъ вѣтра или въ штиль, — это называется идти бичевою.

Петянька бойко смотрѣлъ по сторонамъ и черезъ двѣ-три минуты завидѣлъ женскую фигуру, подвигавшуюся ему навстрѣчу.

Онъ остановился, взглядывался и ждалъ. Женщина подходила ближе и оказалась жительницею ближняго села, женою одного изъ знакомыхъ ловцовъ-охотниковъ, часто приносявшихъ битую на охотѣ птицу, перепродаваемую на исадахъ Матреною Ивановною.

— А, Петянька, здорово. Есть-ли кто въ лавкѣ-то?..

— Хозяинъ будетъ, а тебѣ на што?

*) Рашня—кольцеобразный желѣзный или деревянный обручъ, къ которому прикрѣпленъ конусообразный саекъ изъ частой сѣти. Внутри саека привязывается приманка,—что-нибудь съѣстное, обыкновенно несовсѣмъ свѣжая мелкая рыба. Тутъ-же или съ наружной стороны прикрѣпляется камень или кирпичъ для груза, чтобы рашня тонула и ложилась на дно. Стави по нѣскольку такихъ нехитрыхъ орудій, ловятъ тысячи раковъ, которыхъ въ устьяхъ Волги бездна.

— Чайку-бы... да сахарку малость. А Матрены Ивановны аль дома нѣтъ?

— Въ городѣ провалилась,—вчера еще. Праздникъ конѣ, — поди, чай, тамъ на базарѣ зѣваетъ, безъ стѣсненія отозвался шустрый мальчишка. Видно, что у хозяйки было мало пріятелей.— А Васюкъ дома, што-ль? помолчавъ немного, спросилъ онъ шедшую съ нимъ въ казенкѣ покупательницу.

— Вона!.. Чѣмъ свѣтъ съ ружьемъ ушолъ,—развѣ его по праздникамъ дома найдешь. Въ это время гдѣ-то ударилъ довольно жидкій выстрѣлъ, точно бичемъ или пастушьимъ внудомъ кто щолкнулъ.—Вишь-ты, вонъ они, охотнички-то; и мой, чай, тутъ же гдѣ шатается.

Нѣсколько шаговъ они шли молча.

— Даша... Дарья Семеновна, запинаясь началъ Петянька.

— Ну?

— Да ты постой, погоди маненько... Ты послушай-ко, что я скажу тебѣ.

— Да ну, ну!.. Чево такое?—Баба остановилась.

— Сдѣлай ты мнѣ такую Божескую милость, поговори Васюку... поучить меня, значить.

— Што ты, угорѣлъ, што-ли, онъ самъ-то еле разбираетъ... нашолъ учителя! засмѣялась она.

— Да нѣтъ, не то ты совсѣмъ... не то. Стрѣлять штобы показаль... ну, и ружье, какъ тамъ—все штобы указаль. Я тебѣ въ ножки поклонюсь... право-ну. Поговори... Я для тебя... то есть, што вздумашь—все сдѣлаю. Будь мать родная!

Баба ласково улыбалась, видя волненіе, съ которымъ молилъ ее Петянька.

— Да ты не снѣйся... право, нѣтъ—помираю я по этой саможой охотѣ—истомило меня всего... и сны-то все объ ей вижу, а на яву, какъ теперъ вотъ, стрѣлять гдѣ, али пѣтухъ (фазанъ) закричить, гуси гогочать—ровно тебя по душѣ ударить — трясешься весь... Поговори, Дарья Семеновна, голубушка — заставь за себя Бога молить.

— Ахъ, ты, глупый, есть когда тебѣ по охотамъ-то шлаться. Такъ тебя и отпустилъ хозяинъ-то... Нечего сказывать—таковский.

— Да ты только поговори Васюку-то,—это мнѣ дороже всего,

а тамъ... вѣдь я до осени только здѣсь... а тамъ, осень ты меня золотомъ—развѣ я пойду. Вотъ, получу расчетъ, ружье куплю—только для этого и живу... Да, нѣтъ, непонятно тебѣ... Поговори только.

— Ну, ладно, ладно, скажу ужъ, скажу, будь въ надеждѣ.

Дарья Семеновна или Даша, какъ называлъ ее Петянька, была красивая, юркая бабенка, лѣтъ подъ тридцать, съ темными, почти черными волосами и быстрыми, веселыми, карими глазами. Чисто и кокетливо одѣтая, съ маленькою ногою въ франтовскихъ полушапожкахъ на высокихъ каблукахъ, съ навинутымъ на голову отъ солнца, но не повязаннымъ, а раскинутымъ во всю величину маленькимъ палевымъ платочкомъ, изъ-подъ котораго сверкали ея веселые глаза и бѣлые зубы, она производила пріятное, наркотическое впечатлѣніе и казалась моложе своихъ лѣтъ.

— Рачковъ не хочешь-ли? показалъ на ведро Петянька, не зная, чѣмъ услужиться ласковой бабѣ.

— Чего такое?.. заглянула она въ ведро, гдѣ было немного воды и копошились зеленовато-сѣрые бѣлесоватые раки, съ шуршаньемъ двигавшіе ногами и клешнями. — Ахъ, штобъ тебѣ!.. Боюсь я ихъ, брезгливо, съ невольнымъ чувствомъ отвращенія отодвинулась отъ ведра Дарья.

— Скусны они... Али не ѣшь? усумнился мало поощренный ловецъ.

— Ишь чего выдумалъ... стану я нѣчистъ такую... Чего въ нихъ ѣсть-то? Мой, вонъ, любить... только посуду поганить. Нѣтъ, нѣтъ—песъ съ ними—и не носи, смотришь тошно.

Она направилась къ казенкѣ и скрылась, войдя подъ арку.

Афанасій Яковличъ, проводивъ жену въ городъ и наказать, что привезти оттуда, чувствовалъ себя очень хорошо, по себѣ, *вольготно*, какъ выражался онъ, избавленный отъ вѣчнаго ея ворчанья, крика и сованья носа во всякое дѣло. „Ахъ, эти бабы, думалъ и выражалъ нерѣдко Гришкинъ, — либо обстоятельства въ нихъ нѣтъ, либо характеръ анафемскій, а главное, языкъ... Вѣдь, вотъ, Матрена, къ пригѣру,—и умъ въ ней есть, и оборотливость, и расчетъ, а коснись языка—ну, и шабашъ! „Та-та-та-та“... такъ цѣлый день и пиликаетъ, ровно балалайка пустая. Такъ, надо думать, по ошибкѣ имъ языкъ даденъ,—на грѣхъ на одинъ“.

Въ сущности, Гришкинъ былъ правъ: языкъ Матрены Ивановны былъ первымъ и самымъ дѣятельнымъ орудіемъ, которое оттолкнуло отъ нее мужа, сначала относившагося къ ней любовно и по-пріятельски. Это было и немудрено; наружно она была красивая, ядреная баба, отлично сохранившаяся, потому-что никогда не знала тяжелаго труда и гнетущей нужды, а внутренно, по ея уму и оборотливости, мужъ, по справедливости, видѣлъ въ ней товарища, на котораго было можно положиться во всякомъ дѣлѣ — маху не дастъ. Далѣе требованія Гришкина не простирались, а присовокупивъ сюда матеріальныя ласки, удобства и внимательность ядреной бабы, ему казалось сначала — и умирать не надо, но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго — языкъ бабы начиналъ дѣлать свое дѣло. Сперва занятой ласковой болтовней, насущными интересами жизни или общей будущностью, онъ, съ теченіемъ времени, захватывалъ все большую сферу дѣятельности, мельчайшихъ дрягъ, а иногда и ничѣмъ неоправдываемыхъ капризовъ, пока мужъ не сталъ относиться къ нему критически, насмѣшливо, раздражительно и, въ концѣ-концовъ, просто ненавистно. Такимъ образомъ, цѣль была достигнута, и между супругами, вмѣсто мира и привязанности, поселились несогласіе, рознь и неудовольствіе, иногда доходившія до вражды. Жена добилась таки того, что начала постылать мужу. Большинство женщинъ достигаютъ этихъ результатовъ тѣмъ-же путемъ, — какъ прародительница, они выводятъ насъ изъ рая семейной мирной жизни.

Пользуясь *вольготнымъ* временемъ, Афанасій Яковличъ разбирался въ лавкѣ и приводилъ ея содержимое въ нѣчто похожее на порядокъ, а голова его чертила разные новыя планы болѣе широкой дѣятельности, которые, въ послѣднее время, все чаще, обдуманнѣе и цѣлостнѣе возникали въ его умѣ и воображеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ бумажникъ его сталъ полнѣть и пріобрѣтать достаточную солидность и округлость формъ, съ тѣхъ поръ, какъ Гришкинъ вновь начиналъ чувствовать себя самостоятельнымъ и тяготиться своей дражайшей половиной, онъ все упрягѣе обдумывалъ свою дальнѣйшую, совершенно самостоятельную дѣятельность, въ которой онъ не былъ-бы постоянно связанъ съ Матреною Ивановною, а, напротивъ, такую, которая-бы, по самому существу своему, нарушала ихъ совмѣстную жизнь, разъединяя ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Попавъ разъ въ такое мѣсто, какъ Астрахань и астраханская губернія, въ громадный треугольникъ двухсотъ устьевъ Волги, въ водный лабиринтъ ея дельты, гдѣ все жило и живетъ продуктами этихъ водъ — рыболовствомъ, рѣдкій человѣкъ можетъ избѣжать увлеченія этою общою дѣятельностью, этихъ цѣлымъ особымъ миромъ — лотерейнымъ колесомъ, вертящимся на сѣверѣ Каспійскаго моря. Не избѣжалъ его и Гришкинъ. Въ его голову давно засѣла мысль заняться рыболовствомъ, но въ какой формѣ, — это было для него вопросомъ. „Если гдѣ по близости, дома, то есть, разсуждалъ онъ, — то вѣчно придется съ Матрешей сидѣть и слушать ее. Вотъ, хорошо-бы подалъ куда, въ море, што-ли. Бываетъ, хорошо ловятъ. Цапнуть-бы разъ этакъ-то и баста, — все порѣшилъ-бы; а то встанешься, дальше да больше, дальше да больше, пока не провертишься. Знаемъ мы это, видимъ; побалуешь судьба, чѣмъ-бы деньги-то, значить, къ ногтю, а онъ ихъ опять въ промыселъ, да въ промыселъ. Жадность проклятая! Ну, и дождется того, что опять все тому-же морю отдасть. Нѣтъ, по нашему, хватилъ разъ, надулъ море, какъ говорятъ, — рѣшай все. Съ деньгами всякое дѣло можно вести, такое, что на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ“.

Въ моментъ такихъ размышленій новаго политико-эконома, дверь въ лавку скрипнула и на порогъ появилась яркая, свѣжая, живая фигура Дарьи. Афанасій Яковличъ поднялся съ полу, гдѣ копался.

— А, Дарья Семеновна! Милости просимъ... Что рѣдко за-вертываешь? веселымъ и, противъ обычая, радужнымъ тономъ отнесся къ вошедшей Гришкинъ. Даже лицо его внезапно измѣнилось, — разгладилось и просвѣтлѣло, точно согрѣтое и освѣщенное солнцемъ. — Эка пава какая!.. Королева-баба! легонько потрепалъ онъ ее по пухлому, полному, упругому плечу.

— Ну, ну, ну!.. Знаемъ ужъ, отстранилась та, фамиллярно отводя руки Гришкина. — Ты руки-то при мѣстѣ держи, а то уйду сейчасъ.

— Не стану, не стану, — сейчасъ умереть, не стану. Пошутить я, сразу осѣлъ оторопѣвшій хозяинъ; — ужъ нельзя и для праздника-то! съ покорнымъ упрекомъ прибавилъ онъ и укоризненно покачалъ головой.

— Ишь ты, для праздника!.. улынулась королева, обнаживъ „Дѣло“, № 7, 1881 г. I.

рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ и сверкнувъ веселыми смѣющимися глазами.— У тебя, чай, будни теперь,— жена-то, слышь, въ городъ уѣхала, продолжала подтрунивать безжалостная женщина.

Афанасій Яковличъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, пожирая поѣдательницу своимъ волчьимъ взглядомъ.

— Ты што-жь это... смѣяться пришла? угрюмо обратился онъ къ ней.— Если смѣяться, значитъ, такъ смѣйся,— я послушаю... не въ цервди!

Дарья спохватилась, ожидая грозы, потому-что дѣло было, дѣйствительно, не въ первой. Вспомни о необходимости взять чай и сахаръ, она тотчасъ-же смягчила дѣло.

— Ну, ужъ ты... началъ чалиться къ каждому слову... Самъ шутить умѣешь, а... За дѣломъ я.

— Вотъ видишь— за дѣломъ!.. Только за дѣломъ тебя и видать... Нѣтъ того, чтобы такъ, запросто, по сосѣдски, упрекнулъ, опять начиная таять, Афанасій Яковличъ.

— Да, чтобы Матрена Ивановна глаза выдрала, опять подуживала смѣющаяся гостя;— вкой ты какой добрый.

— Зачѣмъ такъ?.. При мнѣ развѣ посмѣеть... ты што это?

— Ну, ну, знаемъ ужъ... не та баба. Не то нашей сестрѣ— и тебѣ спуску не дастъ.

— Ой-ли?! Ты впрямь это? сосредоточенно и какъ-то настойчиво уставился на нее Гришкинъ.

— Да чего впрямь-то!.. Дѣло извѣстное. Али ее не видать? Афанасій Яковличъ помолчалъ, точно всматриваясь въ Дарью, и заговорилъ съ непривычнымъ волненіемъ.

— Слушай, Даша... люби только! Слово скажешь— все по рѣшу... и Матрену, и дѣло. Прахъ ихъ возьми!.. Уѣдемъ куда ни есть— только и всего. Вѣрь ты мнѣ— правду сказываю— барыней заживешь, отказа не услышишь: кажись. помереть велишь— помру!.. Изболѣлся я по тебѣ... измаялся... Чѣмъ ты меня приворотила, чѣмъ обошла... дала, што-ли, чего, Богъ тебя знаетъ!.. Помираю только,— знай это!

Дарья стояла, широко раскрывъ глаза, озадаченная внезапнымъ натискомъ. Баба давно замѣчала вниманіе и ухаживаніе Гришкина, но чтобы дѣло дошло до такой степени у такого человѣка,— ей и во снѣ не снилось. Что это не притворство и не комедія, она чувствовала инстинктивно, понимала по искренности

тона и, правду сказать, это льстило ей, какъ женщинѣ. Льстило сознание, что въ ея рукахъ такой человекъ, какъ Гришкинъ, что изъ кремня посыпались искры.

— Ты што это? вспыхнула она. — Перекрестись... Ты кому это говоришь то: чай, у меня *свои* есть?

— Што и говорить „свой“!.. Ахъ, ты, глупая... Чего-жъ ты мнѣ имъ, *твоимъ*-то, въ глаза тычешь, а? Нешто я не знаю его, нешто человекъ это, мужъ тебѣ настоящій, нешто можетъ онъ понимать тебя, какъ я?.. Какже!.. Онъ тебя на гуся или на коллика смѣнять готовъ... Свой!!

Надо правду сказать, Гришкинъ ударилъ бабу мѣтко и въ чувствительное мѣсто, — въ женское самолюбіе, которое тѣмъ дальше можетъ увести женщину, чѣмъ ближе подходитъ къ грошовому. Любовь мужа къ охотѣ, которой тотъ отдавался страстно, сперва подняла въ бабѣ нѣчто вродѣ бессознательной ревности, перешедшей впоследствии въ глупое недовольство и въ упреки за пустоту, негодность и глупость занятія. Это глупое недовольство жило въ ней и въ настоящее время и напоминало о себѣ тѣмъ больнѣй, что мужъ даже и для нея, которую очень любилъ, не измѣнилъ своимъ старымъ привычкамъ и увлеченіямъ. Вотъ въ это-то больное мѣсто, въ мѣсто неудовлетвореннаго каприза, женскаго самолюбія, мѣтко и попалъ Гришкинъ.

Что-же касается фразы, что ее, бабу, не понимаетъ и не можетъ понимать никто, кромѣ его, Гришкина, то тутъ онъ бессознательно попалъ въ самый центръ своей цѣли. Вѣдь читателю всеконечно извѣстно, что она, эта фраза, въ различныхъ метаморфозахъ, но съ одинаковымъ успѣхомъ, практикуется влюбленными и яко-бы влюбленными Гришкиными рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества безъ исключенія.

Точно такъ, совершенно инстинктивно и искренне, поступилъ и Гришкинъ.

Дарья сначала смѣшалась и потупилась. Она была отчасти согласна съ собесѣдникомъ, что мужъ не совсѣмъ понимаетъ ее, если не хочетъ исполнить ея желанія, не хочетъ бросить своей дурости, подъ которой подразумѣвалась охота. „Вишь до чего довель, думала она, — добрые люди гусемъ да колликомъ корять! Шго ужъ тутъ хорошаго?“ Однако, ея женское тщеславіе тотчасъ-

же взбунтовалось противъ высокой цѣны, которую будто-бы придавалъ мужъ этимъ птицамъ.

— Ты ужь, пожалуйста, оставь это, Афанасій Яковличъ, — между мужемъ и женой нечего примѣры представлять... Ты почему знаешь: можетъ, Василій-то за меня умереть готовъ, а не то что на гуся или козлика... раздражительно поставила она спицу безтактному обожателю. — Дашь, што-ль, чаю то? Некогда мнѣ, вдругъ изиѣнила тонъ посѣтительница.

— Ахъ ты, королева моя аглицкая, весело отозвался хозяинъ, заѣтивъ неудовольствіе гостя. — Еще спрашиваетъ?!.. Бери што хошь, все бери, ничего не пожалѣю... то есть, душу, ежели захочешь, и ту отдамъ!

Какого мнѣнія была Дарья о стоимости души Гришкина, — осталось неизвѣстнымъ, но попросила она только чаю и сахару.

— А вѣдь ты чуть не осерчала на меня, Даша, ласково обратился къ ней хозяинъ, отвѣщая сахаръ и чай изъ цибика. — Право, ну — какъ взаправская барыня обходишься... Чуть што неловко скажешь, не по тебѣ, то есть — бѣда, сразу оборвешь. Огонь — баба! Смерть люблю такихъ: покрайности есть у чего погрѣться, съ остриль со смѣхомъ Гришкинъ.

— Ишь ты!.. А у своей-то што? Чай, цѣлый день висить... Аль обвариться боязно? не полѣзла за словомъ въ карманъ бойкая гостя.

— Прахъ ее возьми: чадить только, — угаръ одинъ, потѣшался Афанасій Яковличъ надъ отсутствовавшей супругой.

— Ну, прости поколя, поклонилась Дарья, взявъ свертокъ съ чаемъ и сахаромъ.

— Ты куда! Постой, постой... а гостинцу? Аль не возьмешь, обидѣть захочешь? Не по-пріятельски это... я всей душой.

Гришкинъ вытащилъ изъ-подъ вѣсковъ большой листъ сѣрой оберточной бумаги и, свернувъ его конусомъ, положилъ туда леденца въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ, съ растерзаннымъ „Евгеніемъ Онегинымъ“ на билетцахъ, темноватыхъ грецкихъ орѣховъ, сухой пастилы, потерявшей всякій вкусъ, и покрылъ все это мятными пряниками, годными болѣе для стрѣльбы, но, во всякомъ случаѣ, способными доконать человѣка.

— Съ нашимъ почтеніемъ-съ! произнесъ безсознательный отравитель, поднося свертокъ довѣрчивой бабѣ.

— Ну, спасибо на ласкѣ,—сама когда отблагодарю. Вотъ, иерной бѣлужки Богъ не дастъ-ли... икорки принесу. Прощенья просимъ!

— Даша! робко остановилъ ее Гришкинъ.— Дарья Семеновна!

— Што тебѣ? остановилась та у двери.

— Уважь меня: напьемся чайку вмѣстѣ. Я хоть душу-то себѣ отведу, хоть рѣчи-то твоей послушаю, наглажусь на тебя, по крайности. Золото ты мое неоцѣненное! Пожалѣй ты меня... опостылѣла мнѣ Матрена, хуже не знаю чего... только и всего, брешеть цѣлый день.

— Нѣтъ, Афанасій Яковличъ, не могу, не время мнѣ, све-кровь ждетъ... Опять Петянька здѣсь, дойдетъ до Матрены Ивановны... что хорошаго. Самъ посуди: вѣдь тогда ни мнѣ, ни тебѣ проходу не будетъ, а не то што выдаться. Вѣдь она тебя и невинно осрамить, да область, што съ нее возьмешь? Еще до *моего* дойдетъ... Нѣтъ ужъ, не неволь, пожалуйста... при самой когда... Прости пока, къ намъ завертывай.

Дарья поклонилась и вышла, не смотря на протесты взволнованнаго обожателя.

Незачѣмъ скрывать, что она чувствовала родъ отраднаго удовольствіи отъ впечатлѣнія, которое производила на Гришкина, хотя и понимала отчасти, что такое послѣдній. Такое пониманіе даже еще болѣе льстило ея женскому тщеславію. „Ужь, если такой человекъ, такой кремень, да размякъ, справедливо соображала она дорогою,—такъ не даромъ: видно, стою того“. Есть-же, вотъ, значить, люди, которые могутъ понимать ея достоинства, — не чета Василью. Тотъ хоть и любить, да необыкновенно какъ-то, ровно подглядываетъ въ тебѣ што, ровно ему нужно, что у тебя тамъ внутри-то. Иной разъ вспыхнетъ, точно горить весь, задушить тебя готовъ ласками, а не то такъ насунится, слова отъ него не добьешься, ровно застрянетъ въ немъ што. А бываетъ и такъ: уставится на тебя, какъ-бы въ душу тебѣ смотреть, просить чего-то отъ тебя, ждетъ. Хуже всего это; даже досада одолѣваетъ, такъ вотъ и хочется ему сказать: „чего, молъ, ты во мнѣ увидаль, али узоры какіе писаные? Очунись,—ничего, молъ, тамъ нѣтъ“... Такъ-бы и крикнула это ему, да жалко: глаза у него въ это время какіе-то чудные, тихіе, жалобливые да задумчивые, горькіе, ни дать ни взять—у пораненой птицы какой“.

Размышляя подобнымъ образомъ, Дарья приближалась къ дому и невольно производила сравненіе между мужемъ и Афанасьемъ Яковличемъ, которое было не совсѣмъ-то въпользу перваго. Гришкинъ, дожившій почти до пятидесяти лѣтъ, и теперь выглядѣлъ молодцомъ передъ Васильемъ, несмотря на то, что послѣднему не было и тридцати-пяти. Впечатлѣніе, которое производили тотъ и другой, было совершенно различное, и только человѣкъ, идущій дальше вѣщности, могъ предпочесть Василья Гришкину, что было не по плечу именно такой бабѣ, какъ Дарья. За красивымъ лицомъ, бойкимъ, живымъ и веселымъ характеромъ и хорошимъ достаткомъ, она ничего не видѣла да и не могла видѣть дальше. Чѣмъ слаще мужъ сталъ-бы ее кормить, щеголеватѣй одѣвать и меньше оставлять труда на ея долю, тѣмъ сильнѣе считала-бы она себя *обязанной* любить его, внимательнѣе угождать ему и слаще ласкать и цѣловать.

Гришкинъ, со своей стороны, съ ожесточеніемъ махнувъ рукою за удалившейся Дарьей, тоже не вдругъ принялся вновь за прерванное дѣло. Въ немъ тоже забродили мысли, но не возбуждавшія ни малѣйшей отрады и не приносявшія никакого удовольствія его желаньямъ. Онъ съ недоумѣніемъ чувствовалъ въ себѣ доселѣ незнакомое чувство, съ которымъ не зналъ какъ бороться, и принималъ его за болѣзнь, противъ которой ничего не подѣлаешь. Что-то чуждое, челоуѣческое стало, время отъ времени, просыпаться въ немъ при видѣ Дарьи—и, чѣмъ позже пришло оно, это никогда неиспытанное чувство, тѣмъ властнѣе и безповоротнѣе захватывало его грубую, неподатливую натуру и тѣмъ необыкновеннѣе казалось ему. „Это колдовство, наговоръ какой ни-на-есть“ рѣшалъ про себя Гришкинъ, но, странное дѣло, лечиться отъ этого колдовства онъ не согласился-бы ни за какія деньги. Какъ тутъ было не появиться недоумѣнію?

Съ одной стороны, что-то непонятное, происходившее въ немъ, съ другой—практической здоровый смыслъ и матеріальный взглядъ на окружающее, тащили его въ разныя стороны, пытаясь раздвоить челоуѣка. Этого раздвоенія, конечно, не могъ понять Гришкинъ, и если, въ концѣ-концовъ, не счелъ себя „испорченнымъ“, то только благодаря тому-же здоровому смыслу и матеріальному отношенію къ природѣ, плохо вѣрившимъ всякой чертовщинѣ въ ней. Бѣдный челоуѣкъ не понималъ, что его порча именно въ той

коловинѣ, которому онъ принималъ за здоровую, и немудрено, что здоровое чувство считалъ за болѣзнь.

Вотъ и теперь его толстокорое, закорузлое сердце охватила безсильная тоска по Дашѣ, принадлежавшей не ему, далекой отъ него, навязавшаго себѣ камень на шею, въ видѣ Матрены, о которой ему было тошно вспомнить въ это время. Да, въ такіа минуты онъ готовъ былъ бросить все, отречься отъ всего, совершить преступленіе или хорошее, доброе человѣческое дѣло, „похѣрить свою жизнь“, какъ выражался онъ, за одну ласку, за одно увлеченіе Дарьи.

И можно повѣрить, что это была не фраза. Тотъ человѣкъ, который всю жизнь свою смотрѣлъ на женщину какъ на болѣе или менѣе вкусный кусокъ мяса, который всегда бралъ его дерзостью, увь, чувствовалъ теперь робость передъ простою женщиной, передъ женою бѣднаго ловца, и въ дѣйствительности простой кусокъ мяса надѣлялъ въ воображеніи живое свободною душой. Это была странное зрѣлище: волкъ, уважающій невинность агненка.

III.

Василій Козновъ, мужъ Дарьи, былъ не совѣтъ-то обыкновеннымъ продуктомъ мѣстной ловческой среды, изъ которой происходилъ. Среда эта такъ мало соответствовала его вкусамъ и взгляду на жизнь, что мало-по-малу приучила Василья сторониться отъ нея, существовать особнякомъ, сосредоточиваться и жить въ своемъ собственномъ мірѣ. Однако, это вовсе не значило, чтобъ Василій былъ мизантропъ, — совершенно напротивъ. Для каждаго человѣка, который приходился ему по душѣ, онъ былъ хорошимъ, добрымъ, чистосердечнымъ и веселымъ товарищемъ, хотя, надо правду сказать, такихъ людей въ окружающемъ мірѣ находилось немного.

Жить особнякомъ здѣсь, среди разрозненныхъ интересовъ промысловаго населенія, было легко, гораздо легче, нежели въ земледѣльской Россіи, гдѣ эти интересы переплетены до такой степени, что отдѣльная, индивидуальная жизнь немыслима внѣ жизни стокаго и сторукаго организма высшаго общественнаго порядка, именуемаго „міромъ“.

Въ промысловой жизни ничего подобнаго не существуетъ давнымъ-давно и едва-ли существовало когда-нибудь. Земли губерній, когда-то принадлежавшія кочевымъ племенамъ, татарамъ, по завоеваніи были щедро розданы разнымъ русскимъ магнатамъ-фаворитамъ и послужили мѣстомъ ссылки для крестьянъ, изъ внутреннихъ губерній, прямо отъ сохи, выгоняемыхъ на рыболовство. Такимъ образомъ, во времени нашего разсказа, въ народившихся здѣсь поколѣніяхъ, не существовало даже памяти о сохѣ и боронѣ, а не только понятія о мирѣ.

Причина отдаленія Василья отъ среды, которая его произвела, лежала глубоко въ его нравственномъ организмѣ и проявилась еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ мальчика, Богъ знаетъ откуда, точно сѣмя занесенное вѣтромъ, запала искра Божія, которая такъ рѣдеа въ обыденномъ мирѣ и такъ непонятна ему, что онъ смотритъ на нее, какъ на признакъ шродства и дурусти. Когда-то, въ устахъ народа, всякая эксцентричная личность, неудовлетворявшая его будничнымъ воззрѣніемъ на жизнь, носила имя „Божьяго человѣка“, теперь переходящее въ дурака. Вотъ такимъ Божьимъ человѣкомъ, т. е. почти дуракомъ, былъ Козновъ во мнѣніи своей здравомыслящей среды, несмотря на свой глубокой и серьезный умъ или, вѣрнѣе, въ силу его. Это былъ „чудной“ человѣкъ, по точному выраженію шабровъ *).

Василій былъ сынъ небогатаго, но и не бѣднаго ловца и не безъ успѣха прошелъ всю ту школу взаимнаго обученія общей специальности, которую суждено проходить дѣтямъ промысловаго люда. Все, даже игрушки такихъ дѣтей, носятъ на себѣ печать специальности ихъ отцовъ. Часто вы увидите такого отца или дѣда, искусно вырѣзывающаго модель лодки изъ балберы **) — мягкой, легкой коры дерева, для своего еще безсловеснаго потомка. Потомъ, идутъ года, размѣры такой игрушки растутъ, на ней ставятся мачты, паруса, вмѣсто кадки она пускается на всамдѣлишнюю, заправскую воду ильмешины ***) или мелкаго протока и гонится прихотливымъ вѣтромъ вдоль берега, сопровождаемая веселыми кликами молодого поколѣнія.

*) Шабръ—сосѣдь.

**) Балбера — куски легкой древесной коры, поддерживающіе рыболовную снасть и сѣти на плаву въ водѣ.

***) Ильмешина—небольшой мелкій ильмень, родъ болота или озера, поросшаго кругомъ камышомъ.

Вотъ они, вотъ, цѣлой гурьбой, парнишки и дѣвоньки, засучивъ и безъ того уже недлинныя рубашенки, съ наивностью, которой невѣдомъ и ненуженъ стыдъ, бредутъ по этому мелкому протоку и хитро и тихо заходятъ съ рѣдкой рогожей, старымъ рванымъ парусишкой или просто съ крашней, подъ малька *), беззаботно играющаго на солнцѣ, въ тихой водѣ миниатюрнаго залива. Сколько радости, свободы, веселья и гордости изобильнымъ уловомъ! А главное, это самостоятельная жизнь, безъ надзора глупаго, стараго, слѣпотаго глаза, здраваго смысла, этого ментора черстваго, увядающаго сердца, несвойственнаго дѣтямъ. Развѣ это не школа взаимнаго обученія?

Такъ идутъ года, и ребенокъ растетъ и набирается силъ. Не успѣешь оглянуться, онъ уже помощникъ отцу, кормилецъ вдовы-матери, поддержка старухи-бабки, и все это въ то время, когда мы только еще садимся на школьную скамью. Десяти, одиннадцати лѣтъ онъ собираетъ чѣканъ **) и дубъ, подогрѣваетъ котелъ для дубленія рыболовныхъ снастей и осмолки судовъ и водится ***) уже по взаправскимъ сѣтямъ, во взаправской лодкѣ, добывая настоящую крупную рыбу. Двѣнадцати, тринадцати лѣтъ онъ уже работникъ, который можетъ идти въ работу на сторону, если бы потребовалось, и получить плату. Обыкновенно, пока живъ отецъ, этого не бываетъ, такъ-какъ сынъ незамѣнимый помощникъ ему и, кромѣ того, собственный глазъ въ дѣлѣ.

А если отецъ ходитъ въ морѣ, съ какимъ нетерпѣнiемъ, если бы знали вы, ждетъ мальчикъ возможности покинуть родное гнѣздо; съ какою дрожью и жаждой въ трепещущемъ сердцѣ торопится эта маленькая водяная птица испробовать крылья на родимомъ просторѣ! Да и какъ иначе? Онъ рвется изъ объятій матери, чтобы получить аттестатъ зрѣлости въ той школѣ, о которой говорится здѣсь, въ той средѣ, гдѣ ему суждено дѣйствовать. Конечно, тутъ подразумѣваются не тѣ выходы въ прибрежное море,

*) *Малёкъ*—мелкая рыбешка, молодецъ.

**) *Чѣканъ*—болотное растенiе, употребляемое въ видѣ пучковъ вмѣсто бабери ловцама, нежелающими тратиться на послѣднюю. *Дубъ*—дубная трава, собираемая въ дельтѣ Волги, и ивовая и дубовая кора, привозимыя какъ товаръ сверху, служащія для дубленія пеньковыхъ частей рыболовныхъ орудій. Противогнилостныя средства, употребляемыя противъ разлагающаго влiянiя воды.

***) *Водиться* (по сѣтямъ или по рыболовной снасти), т. е. перебирать ихъ въ водѣ и брать уловленную рыбу.

которые совершаются приморскимъ населеніемъ чуть не ежедневно и куда берутся нерѣдко дѣти восьми-девяти лѣтъ, а тѣ уходятъ въ отдаленныя части моря, въ которыхъ истекаютъ вѣсны вдали отъ родного крова.

Мы сказали, что всю эту школу прошелъ и Вася Козновъ, но она повлияла на него не такъ, какъ на всѣхъ, не одною своею практической, существенной стороною. Не развитіемъ одной только промысловой ловкости и смѣлки отразилась она на мальчикѣ, нѣтъ, она легла въ немъ глубже, укоренилась и дала живые ростки. Окружающее, — живая и стихійная природа, — мало-по-малу принимало въ глазахъ мальчика, — въ широко раскрытыхъ, удивленныхъ, одухотворенныхъ глазахъ, — теплый, глубокой смыслъ, до котораго никому не было дѣла, такъ чуждъ и недоступенъ былъ онъ его сверстникамъ.

Это ощущеніе природы, — истиннѣе ея красоты, чувство изумленія ею, — послужило первымъ стимуломъ, уединявшимъ ребенка въ средѣ сверстниковъ; но подростій Вася, если-бы и пытался, едва-ли могъ припомнить, съ которыхъ поръ широко раскрылись его изумленные глаза на окружающій міръ. Онъ долго не сознавалъ, что видитъ ими не то, что всѣ. Второе, что еще болѣе отодвигало его отъ шумной, невинно-эгоистической, иногда чистосердечно-жестокій ребячьей среды, было бессознательное и невольное чувство жалости, кротости и тайной теплой правоты, богъ-вѣсть, откуда запавшей въ ребенка. Эти падучія звѣзды, искры небесныя, падаютъ въ насъ чуть-ли не въ утробѣ матери. Можетъ тамъ, у огня безсмертной души, загораются они?

Едва-ли не съ тѣхъ поръ, какъ дѣтскія ноги стали носить тѣло мальчика, съ тѣхъ поръ, какъ вырвался онъ за калитку отчей избы и вступилъ въ дѣтскій міръ, у него по временамъ стало сжиматься отъ жалости маленькое кроткое сердце, при видѣ удалыхъ подвиговъ своевольной ребячьей толпы. Онъ сочувствовалъ и безсильному мальбу, выкинутому на знойное побережье изъ родимой прохладной воды, и птенцу, добытому изъ разореннаго гнѣзда, и котенку, травимому собаками, и крохотной дѣвонькѣ, заливавшейся слезами отъ обиды и боли. Ему были не по-душѣ эти забавы, противъ которыхъ поднималось и возставало его угнетенное сердце. Подъ такими впечатлѣніями мальчикъ росъ, стано-

вился на сторону слабыхъ, если могъ и, мало-по-малу, уединился отъ большинства.

Ему было куда идти. У него былъ свой завѣтный міръ великодушныхъ друзей и безвредныхъ поработенныхъ враговъ, — міръ природы и воображенія. Да, не профанируя слова, можно было сказать, что въ ребенкѣ росъ поэтъ, въ лучшемъ, безкорыстѣйшемъ смыслѣ, — поэтъ, который пьетъ прекрасное ради удовлетворенія жажды, а не тщеславія.

„А малый-то тово... чудной парнишка“, говорили про Васю умные люди, видя, что тотъ стоитъ, какъ окаменѣлый, и смотритъ остеклявшими глазами, куда-то за тысячи верстъ, въ волшебную пурпурно-золотую страну, гдѣ тонетъ заходящее солнце. Что онъ видитъ — Богъ его знаетъ. Видитъ-ли онъ, какъ тухнетъ закатъ, какъ ползетъ сумракъ изъ чахлаго, жидкаго лѣса и ложится длинными, гигантскими тѣнями по водѣ и камышамъ; видитъ-ли онъ туманъ, закурившійся надъ протокомъ, и круги отъ всплеснувшей рыбы, расходящіяся по немъ, слышитъ-ли говоръ гусей и крики лебедя съ ближняго ильмена или ничего не видитъ и не слышитъ?... Тамъ-ли онъ, въ золотомъ чертогѣ, вмѣстѣ съ солнцемъ или дальше, впереди его?

— Васянька! Иди ужинать, батюшка, — чего тамъ не видалъ?.. Али комаровъ кормить собрался? раздается голосъ матери изъ воротъ и низводитъ его, изъѣденнаго комарами съ неба на землю.

Кажется, не существуетъ такой скудной, бѣдной и унылой природы, въ которой не находилъ-бы невыразимой родственной прелести обитатель, родившійся въ ней. Будутъ-ли это полярные льды Лапландіи, безжизненные, солено-песчаные барханы Кара-Кума или болотистыя, разлагающіяся, дышашія лихорадкой низы Гвіаны, — все равно они милы, дороги и исполнены прелести человѣку, ихъ продукту.

Если это можно наблюдать вообще на моряхъ, то дѣлается весьма понятнымъ, что такой человѣкъ, какъ Василій, чующій душу природы, могъ открыть неисчерпаемую прелесть въ бѣдномъ, однообразномъ родимомъ краѣ, въ дельтѣ великой русской рѣки. Въ самомъ дѣлѣ, уже одна мощная сила рѣки и близкаго моря были способны оживить пустыню и поразить даже менѣе восприимчивое воображеніе. Да, эта страшная, величаво-спокойная масса воды и безконечные лѣса камышей, эти сотни острововъ, опоясан-

нихъ протоками, производили своеобразное и сильное впечатлѣніе на новаго человѣка и не могли не быть милы возросшему на нихъ.

Еще ребенкомъ, безсознательно принимавшимъ теплыя впечатлѣнія окрестнаго міра, однажды былъ взятъ отцомъ Васянька въ ближнее море. Тысячи такихъ-же дѣтей, болѣе столѣтія, выходили въ первый разъ въ то-же море, едва замѣчая его и обращающая большее вниманіе на бѣлугу или севрюгу, которая могла пойматься или на то, какъ весело кататься на лодкѣ безъ веселья — и, безъ сомнѣнія, забывали это первое свиданіе. Не то было съ Васянькой.

Было ясное, свѣжее майское утро, и солнце только-что показалось надъ горизонтомъ. Еще розовые тоны лежали на востокѣ, захватывая перистыя, легкія, какъ пухъ, облака, плывшія одно за другимъ въ синеватой, невозмутимой безднѣ неба; опаломъ и перламутромъ отдавали они.

Лишь только лодка стала приближаться ко взморью, лишь только межъ камышей зашевелилось на горизонтѣ что-то живое — необозримая масса колебавшейся воды — мальчикъ пробрался на носъ лодки и оцѣпенѣлъ въ несказанномъ изумленіи. Былъ ровный вѣтерокъ, волны вставали и падали, вставали и падали передъ нимъ, казалось, уходя куда-то въ невѣдомую даль стройными живыми рядами. Но онъ не различалъ ихъ, не дѣлилъ, не могъ дѣлать. Передъ нимъ лежало что-то живое. Одно огромное, невѣдомое, волшебное существо на-яву дышало передъ изумленными, растерянными, оробѣвшими глазами ребенка, своею сѣрою исполинской грудью, сверкавшею чешуею волкъ. Непокорные волосенки становились дыбомъ на головѣ мальчика: можетъ быть, никогда понятіе о морскомъ чудовищѣ не было олицетворено полнѣе и непосредственнѣе.

Долго-ли Васянька стоялъ такъ, онъ и самъ не зналъ, но когда оглянулся назадъ, родной берегъ лежалъ на горизонтѣ узкою, черною, низменной полоскою, подернутою флѣромъ паровъ. Недалромъ мѣстное населеніе называетъ „черными“ морскія прибрежья, — такъ они открываются съ моря.

Васянька никогда не забывалъ этого перваго трепета, впечатлѣнія моря. Долго грезилъ онъ во снѣ и на-яву этимъ живымъ исполиномъ, точно побывалъ за тридцать земель, въ тридесатомъ царствѣ волшебной сказки. Ему и жутко было и хотѣлось опять туда.

Подъ такими впечатлѣніями мальчикъ росъ, почти лишенный иного свѣта, кромѣ внутренняго.

Онъ съ трудомъ выучился плохо читать и ставить каракули, понятныя едва-ли не ему одному. О религіозномъ развитіи не могло быть и рѣчи, разумѣется къ лучшему, потому-что мертвыя, книжныя наставленія попа, давнымъ-давно, за своимъ крупнымъ рогатымъ стадомъ, позабывшаго духовное, могли-бы только убить живого Бога, обитавшаго въ живой душѣ мальчика. Нравственный кодексъ его, прибрѣтенный отъ родителей и другихъ добрыхъ людей, былъ кратокъ и несложенъ, но за то практиковался тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ лаконичнѣе былъ. „Помни Бога, люби ближняго, слушайся совѣсти, чти отца и мать, не дѣлай другому, чего не желаешь себѣ“, было едва-ли не все, что въ немъ заключалось.

Повидимому, не очень-то легко было Васюку войти въ жизнь съ такимъ бѣднымъ и бесполезнымъ балластомъ, безъ знанія одиннадцатой заповѣди, которую грѣшныи малыи безпрестанно нарушалъ, вопреки религіи времени.

Какъ-бы то ни было, но къ восемнадцати годамъ изъ Василія вышелъ добрый ловець, помощникъ отцу, страстный, неутомимый охотникъ и знатокъ окрестностей, — честный, сосредоточенный въ себѣ, задумчивый юноша. Это былъ молодой человекъ, повыше средняго роста, казавшійся, впрочемъ, старѣе своихъ лѣтъ. Продолговатое лицо, съ бѣлоклыми волнистыми волосами, съ небольшими синевато-сѣрыми вдумчивыми глазами и мягко очерченнымъ ротомъ, не поражало васъ съ перваго взгляда, но стоило вглядѣться въ него, стоило Василю заговорить или улыбнуться, стоило задуматься передъ вами, чтобы выяснилась на немъ та внутренняя фізіономія, которою смотритъ на свѣтъ Божій духовный міръ человека. Въра въ человека была первымъ впечатлѣніемъ, которое производилъ, первымъ движеніемъ, которое возбуждалъ онъ въ васъ. Затѣмъ вы видѣли передъ собою, мало-по-малу, что-то особенное, интеллигентное, что-то несвойственное иѣстному міру и останавливались въ изумленіи передъ находкою, которой не ожидали именно здѣсь.

На двадцатомъ году Василій потерялъ отца и остался единственной надеждой и радостью матери, хотя вскорѣ между ними и ея произошло нѣкоторое недоразумѣніе.

Извѣстно, какіе охотники родители, а въ особенности матери, устроить судьбу дѣтей. Вдова Кознова, въ этомъ случаѣ, не отступала отъ традицій, завѣщанныхъ вѣками, но въ сынѣ, къ немалому изумленію, встрѣтила почтительное, тихое и, тѣмъ не менѣе, непреоборимое упорство, котораго не ожидала. Василій думалъ, что это дѣло его души, а не материнскихъ соображеній и расчетовъ. Въ этомъ упорствѣ онъ оставался до двадцати-четырехъ лѣтъ, пока самъ не нашелъ собственной судьбы.

Вопреки укorenившимся понятіямъ сельскаго промысловаго люда, чудной малый почему-то вовсе не считалъ бракъ непремѣннымъ условіемъ жизни. „Одна голова не бѣдна“, иногда соображалъ онъ, потому-что бѣдность для себя собственно почиталъ послѣднимъ, нестоющимъ вниманія дѣломъ. Цѣлымъ рядомъ практики пріученный прежде всего думать о другихъ, онъ оставлялъ себѣ только скромное мѣстечко, въ хвостѣ своихъ мыслей, но и тутъ принималъ во вниманіе исключительно нравственное, а не экономическое личное благосостояніе. „Одна голова не бѣдна, а каково-то будетъ смотрѣть на жену съ дѣтьми, если Господь нуждою посѣтитъ, неуловами?.. Рыболовство дѣло такое: нынче сытъ и доволенъ, а завтра и послѣ—нѣтъ ничего, да нѣтъ ничего. Одному-то съ матушкой немного надо, сыты будемъ, а женишься, да пойдутъ робятенки,—только грѣха на душу возьмешь“, размышлялъ Василій, можетъ быть именно потому, что родственно и глубоко любилъ, понималъ и жалѣлъ дѣтей.

Кстати замѣтить, что онъ былъ безмятежно и свято счастливъ въ этой любви: ни у кого не было столько безкорыстныхъ друзей между мелюзгой и подростками, какъ у Васюка. Они не давали ему прохода и налетали на него, какъ воробьи и скворцы на вишню.

Нужно-ли говорить, что всѣ приведенныя соображенія, не совсѣмъ-то свойственныя Василію, являлись въ головѣ его лишь до тѣхъ поръ, пока любовь не коснулась его сердца, а причина долгаго спокойствія этого сердца объяснялась тѣмъ, что его не удовлетворяла женщина обружающей среды.

Въ самомъ дѣлѣ, кругозоръ женщины промысловой среды до такой степени тѣсенъ и жалокъ, что ее нельзя поставить въ параллель даже съ самой темной женщиной земледѣльческой Россіи, хотя внѣшне она похожа больше на городскую, нежели на сель-

скую жительницу. Въ земледѣльческой Россіи, гдѣ трудъ женщины тотъ-же, что и мужчины, ей извѣстенъ весь кругооборотъ жизни природы, со всѣми своими отраженіями на родимомъ трудѣ, полѣ, лугѣ и лѣсѣ. Здѣсь этого нѣтъ: водная нива, которая развиваетъ мужчину, закрыта для женщины. Что касается правственности, то и ея уровень очень и очень невысокъ. Частныя отлучки мужчинъ, членовъ семьи, относительный досугъ и скудость личныхъ интересовъ, а главное, работы на ватагахъ, промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ постоянное общеніе половъ, влекутъ за собою неособенно утѣшительныя послѣдствія, и женская чистота теряетъ присущую ей цѣну.

Этого маломыслія и отсутствія женственности тамъ, гдѣ было ея настоящее мѣсто, не выносила душа Василья, осмѣиваемаго за то истительнымъ женскимъ міромъ.

По своей жадѣ чего-то лучшаго и невозможности удовлетворить ей здѣсь, въ мѣстномъ женскомъ мірѣ, Василій, вѣроятно, такъ-бы и остался неженатымъ, если-бъ случай, по обыкновенію, не подтвердилъ пословицы, что „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Въ очень достаточной семьѣ, куда была выдана старшая сестра Кознова, затѣялась свадьба: старики женили младшаго сына, и невѣсту ему, небогатую дѣвушку, какъ это случается нерѣдко, брали въ Астрахани. Въ свадебныхъ празднествахъ, какъ близкій родственникъ, принималъ участіе и Васякъ. Тутъ, въ числѣ подругъ невѣсты, встрѣтилъ онъ дѣйствительно увлекательную тогда Дашу и пропалъ, сгорѣлъ, какъ мотылекъ на свѣчкѣ. Дѣвушка сдѣлалась для него вопросомъ жизни и смерти. Не мало усилій стоило ему и его матери, глухо протестовавшей, добыть эту городскую жарь-птицу. Къ счастью для Василія, дѣвушка была молода, бѣдна и не глупа. Она сразу поняла и оцѣнила беззавѣтную страсть, охватившую парня, оцѣнила ее и увлеклась сама. Молодою, неуспѣвшею очерствѣть душой она отозвалась на такіе запросы Василья, на которые тотъ никогда не слышалъ отъ зыва, и невольно обманула и его и себя. Дѣло кончилось женитьбой по любви.

Первые три-четыре года послѣ свадьбы, Василій и Даша прожили хорошо, и первый могъ-бы считать себя вполне счастливымъ, если-бы не легкія размолвки между свекровью и городской невѣсткой, которыя примирять приходилось ему. Вопреки

врожденному чувству правоты, слѣпой человѣкъ не понималъ, что вина чаще была на сторонѣ жены, нежели матери. Но что всего болѣе удручало дѣтлолюбивое сердце Васюка, это то, что Богъ отказалъ въ пищѣ этому сердцу. Дѣтей у нихъ не было.

Даша, со своей стороны, мало вниманія обращая на послѣднее обстоятельство, тоже не могла почитать себя обманутой жизнью, такъ-какъ мужъ умиралъ по ней, дѣлая для нее все, даже сверхъ силъ, часто вопреки собственнымъ убѣжденіямъ и личному счастью. Для Даши онъ былъ готовъ перенести все, даже нравственное лишеніе, по существу характера, ощущая въ такихъ случаяхъ даже сладость жертвы.

Правда, жизнь въ деревнѣ, послѣ городской, хотя и пустой, но болѣе пестрой и разнообразной, показалась сначала Дашѣ скучноватой. На всемъ селѣ было не болѣе двухъ-трехъ домовъ, которые, по добрымъ отношеніямъ къ Василю и строгой, безупречной, а главное, трезвой жизни ихъ хозяевъ, посѣщались Козновыми, но и ихъ обитатели почему-то относились къ гостю-мужу теплѣе, нежели къ женѣ. Что касалось отношенія остальныхъ односельчанъ къ Василю, избѣгавшему ихъ грубоватыхъ удовольствій, то не только они, но и ихъ женская половина, смотрѣли на Козновыхъ косо, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ этотъ дуракъ предпочелъ имъ городскую франтиху. „Погоди, вотъ она ему утретъ носъ-отъ“, злорадно пророчили они. Немудрено, что, къ величайшему удовольствію мужа, жена тоже не особенно искала общества и расположенія этихъ добрыхъ существъ.

Къ счастью, скотина и въ особенности птица доставляли Дарьѣ искреннее удовольствіе, котораго она не знала въ городѣ. Уходъ за ними былъ тѣмъ пріятнѣй ей, что поглощала ея свободное время, а можетъ быть и тѣмъ, что тяжелѣйшая часть его падала на свекровь, которая ревниво не выпускала ее изъ рукъ, не довѣряя неопытной горожанкѣ.

Такъ, тихо и относительно мирно, существовали Козновы въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтъ.

Когда, годъ за годомъ, пошли неуровы, потери снасти, бури, ранніе морозы и поздніе холода, тѣ капризы своеправнаго моря, которые не милуютъ никого; когда человѣку нужна была вся сила и бодрость духа и дорого всякое сочувствіе, поддерживающее ихъ,

Василій съ горечью и ужасомъ увидалъ, что онъ почти одинокъ, что у него была только старуха-мать, которая понимала его положеніе, сочувствовала ему, страдала имъ и старалась пособить, какъ умѣла и могла. Она сократила расходъ и стала гоношить и лелѣять каждаго утенка и поросенка—все, что только могла обратить въ деньги; она перестала лѣзть въ грустные глаза сына со своею домашней нуждой и, съ бодрой, веселой миной встрѣчая своего Васю, старалась обойтись безъ него въ хозяйствѣ. Ни одного намека, ни упрека, ни горькаго взгляда, ни тяжелаго вздоха не видалъ и не слышалъ отъ нее Василій, — ничего, кромѣ любви, удвоеннаго вниманія и ласки.

Не то видѣлъ онъ, когда робкіе, печальные, точно виноватые, глаза его обращались въ другую сторону, въ ту сторону, гдѣ онъ когда-то думалъ найти свою святиню, силу, поддержку, забвеніе горя, надъ которымъ онъ могъ смѣяться подъ теплымъ, вѣчнымъ солнцемъ пониманія, сочувствія и любви. Ничего, кромѣ хмураго, холоднаго, тоскливаго неба, ледениваго и безъ того забнувшее сердце Василія... Вѣднѣкъ долго не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить собственнымъ глазамъ. Онъ ждалъ долго, мучительно — и напрасно.

Эти три года неудачъ дорого обошлись Василію, но и они не могли совершенно отереть ему глазъ: онъ недоумѣвалъ, падалъ духомъ и не переставалъ надѣяться, онъ думалъ, что это тяжелый сонъ и ожидалъ пробужденія. Онъ видѣлъ, какъ каждый день испытанія обрывалъ цвѣтъ его жизни и ждалъ, что жалкая хворостина вновь зазеленѣетъ и зацвѣтетъ — и, пожалуй, въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ правъ.

Вслѣдъ за пережвѣною обстоятельствомъ, за улучшеніемъ положенія, за первымъ добычливымъ ловомъ, лицо Даши разгладилось, потеплѣло, ожило, на немъ заиграло солнце улыбки, засверкали глаза, зубы и заалѣли щеки. Это была не та женщина: вниманіе, предупредительность и давно забытая Василіемъ ласка, явились, какъ по щучьему велѣнью. Однако, результаты были совсѣмъ не тѣ, которыхъ можно было ожидать. Инстинктивно жена чувствовала, что мужъ не тотъ, что ей не видать болѣе прежняго Васю и не воскреситъ его никогда, никогда, никогда.

Самъ Василій, впрочемъ, н) сразу понялъ, что онъ не тотъ, хотя и чувствовалъ, что странныя вещи происходятъ съ нимъ. Чѣмъ горячѣе, сильнѣе и крѣпче цѣловала его теперь Даша,

тѣмъ невыносимѣе ныло его сердце; бывали минуты, когда, вмѣсто самозабвенія, онъ, какъ ребенокъ, начиналъ неутѣшно и горько рыдать у ней на груди. Глупая женщина жалѣла его, не понимая, что съ нимъ, успокаивала себя только тѣмъ, что онъ чудной человекъ и что тутъ ничего не подѣлаешь, противъ Бога не пойдешь. Василій тоже не могъ-бы растолковать, что съ нимъ. Онъ съ отчаяніемъ чувствовалъ, что чего-то нѣтъ въ его Дашѣ, что онъ что-то потерялъ въ ней на-вѣки, навсегда; страстно искалъ этого *чего-то*, какъ мать ребенка, и не находилъ.

Такимъ образомъ, матеріальныя неудачи миновали, но оставили нравственные слѣды—морщины на лицѣ жизни. Недаромъ соображала Дарья, что мужъ сталъ любить ее какъ-то *необнаковенно*, то задумываясь, ровно въ немъ застрянетъ что, то душа ее ласками, то вглядываясь въ ея душу горькими, жалобливыми глазами, все еще надѣясь, видно, что тамъ есть что-то. Здѣсь застаетъ ихъ нашъ рассказъ.

IV.

Были послѣдніе дни іюля и раскаленное солнце, стоявшее почти въ зенитѣ, горячо пекло и ослѣпительно освѣщало выжженную окрестность казенки. На обнаженномъ, залитомъ злотою небѣ не было ни одного сострадательнаго облачка, на землѣ—никакой тѣни. Парило беспощадно, и некуда было преклонить голову, чтобъ отдохнуть, освѣжиться и простыть, даже вода была теплѣе парного молока. Самый лѣсъ, покрывавшій противоположный берегъ, прожженный насквозь, не давалъ пріюта. Въ природѣ не было движенія; все мгло, точно дремало въ неодолимой истоми, одни коромисла *)—крылатые самоцвѣтные камни, голубые, какъ бирюза, синіе, какъ сапфиръ, и зеленые, какъ изумрудъ, точно порхающіе цвѣты, носились, стояли и тыкались на дрожавшихъ крыльяхъ за добычей по окраинѣ камыша, надъ водою. Гдѣ-то изрѣдка раздавался крикъ хлопотливой, задорной сороки.

Только человекъ не зналъ успокоенія.

Около казенки стояло свѣжеосмоленное большое трехмачтовое судно. На немъ и около раздавались голоса и кипѣла работа.

*) Коромисла—сѣтчато-крылое наѣдомое, истребитель комара.

Изъ камышевыхъ амбарушекъ носили и догружали въ трюмъ черныя связки только-что одубленной самоловной снасти *), обряды и уду, веревки и канаты, въ запасъ, про случай, мѣшки съ мукою и пшеномъ, кулья съ углями и карежистыя таловыя дрова, березовый чипчикъ **), балберу, сторожъ ***) и тысячу мелочей, необходимыхъ для лова въ морѣ.

— Ну, все, што-ли? послышался изъ амбарушки голосъ Афонася Яковлевича, и самъ онъ, съ карандашемъ и бумагою, появился въ дверяхъ.

— Надо-быть, все таперъ. Продовольствіе, чай, къ себѣ въ каюту возьмешь?

— Ну, это еще успѣется, передъ отваломъ заберешь, обратился Гришкинъ къ рыжему парню, старшему кормицику, нанятому за лоцмана *съ кормою* ****).— Чего тутъ киснуть будешь: по-ди, въ посудѣ-то *****) дышать нельзя?

— Какъ есть! согласился тотъ.

— То-то. Догружайте, догружайте живѣй, — обѣдать время! громко подстрекнулъ онъ рабочихъ, изнемогавшихъ отъ жары. — Вотъ я сейчасъ Матренѣ накажу.

Въ виду скорого отдыха, тѣ заработали живѣй, напрягая послѣднія силы, а Гришкинъ заперъ амбаръ, звеня ключами, и за-

*) Самоловная снасть состоитъ изъ стальныхъ двухвершковыхъ крючьевъ (уды) и пеньковыхъ частей (обряды). Самоловною называется потому, что ловитъ сама собою, безъ наживы, механически забавривая за что попало проходящую рыбу. Пеньковыя части состоятъ изъ хребтины, веревки, толщиною въ палецъ, и поводцевъ, потолкаще писчаго гусиного пера. Поводцы встегнуты въ хребтину, и къ концу ихъ привита уда. Хребтина, поддерживаемая легкими балберами, лежитъ въ водѣ горизонтально-параллельно и близь ея поверхности, а поводцы съ удомъ висятъ и колеблются на ней, какъ серьги, перпендикулярно-отвѣсно къ поверхности воды. Такая линія снасти (порядокъ) танется часто на версту и, въ такомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ около 3,000 крючьевъ.

***) Чипчикъ — копьевидно заостренный березовый колъ, около вершка въ діаметрѣ и $\frac{3}{4}$ аршина длины. Ими прикрѣпляются, какъ-бы прибаваются ко дну, поводки снасти и сѣтей.

****) Сторожъ — мочальная веревка, которой привязана къ чипчику снасть или сѣти. Производное отъ слова сторожить, т. е. удерживать порядки въ опредѣленномъ направленіи и на опредѣленномъ мѣстѣ, въ водѣ.

*****) Лоцманъ съ кормою — договоренный, кромѣ лоцманской обязанности на суднѣ, исполнять и нисшую, т. е. кормицикую, — ходить на переборку и смѣну снасти въ море. Обыкновенно, та и другая обязанность различны, и подъ началомъ лоцмана бывають по два, по три кормицика. Лоцмана съ кормою нанимають въ видѣ выгоды.

*****) Посуда — всякое судно, въ особенности большое.

вернуть въ казенку. Матрена Ивановна съ однимъ изъ рабочихъ, повидимому, кашеваромъ, хлопотала у печки.

— Матрена Ивановна, накорми робять-то, я сейчасъ вочуюсь.

— Куда еще? несовсѣмъ довольно полюбопытствовала та. — Чѣмъ-бы отобѣдать, а...

— Фу ты... Боже мой, говорю, на минуту... Далекое-ль до села-то! Перезабыли въ городѣ кой-что, черти, теперь ищи. Вотъ, набойника *) одного нѣтъ, темлякъ **) тоже одинъ на двѣ лодки. Песъ ихъ знаетъ, о чемъ думали тамъ... вездѣ самому приходится съ этимъ океаннымъ народомъ.

Собственно говоря, темлякъ, даже два, и набойникъ были у запасливаго хозяина, но ему нужно было отлучиться по собственнымъ дѣламъ, и предлогъ былъ готовъ. Видя, что баба успокоилась, онъ вышелъ и повернулъ по той тропинкѣ, по которой шли когда-то Даша съ Петянькой.

Село, о которомъ упоминалъ Гришкинъ, не было собственно тѣмъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ названіемъ въ остальной Россіи. Это было, просто-на-просто, ловческое поселеніе, удобно сѣвшее не вдалекѣ отъ моря, безъ церкви, сельскаго начальства и малѣйшаго понятія о чемъ-то общемъ — ширскомъ. Одна пословица имѣется въ виду при появленіи на свѣтъ Божій такихъ поселеній: „Отъ моря жди горя, отъ воды — бѣды“. И дѣйствительно, большинство мѣстныхъ поселеній объясняется относительной безопасностью отъ такого горя и бѣды. Такимъ образомъ, близость моря, необходимаго ловцу, и безопасность отъ него, — близость воды и безопасность отъ нея, — сдѣлали то, что большинство жилищъ мѣсть дельты расположено на буграхъ и разбугорьяхъ.

Пока Гришкинъ, съ довольнымъ и веселымъ лицомъ, быстро шагаль по битой тропинкѣ къ селу, въ хитроумной головѣ его толпилась масса очень и очень утѣшительныхъ мыслей.

*) Набойникъ — длинный желѣзный стаканъ, обращенный отверстіемъ внизъ, насаженный на шесть отъ одной до пяти сажень длиною, глядя по глубинѣ моря. Имъ вбиваютъ въ дно чипчикъ, о которомъ сказано выше.

**) Темлякъ — желѣзный ручной багоръ въ мизинецъ толщиной и $\frac{3}{4}$ аршина длиною, съ привязанной веревкой. Имъ баграютъ крупную рыбу — осетра и бѣлугу — в, если рыба очень сильна, веревку заворачиваютъ за кнехтъ (выступъ копани) лодки.

Да, онъ достигъ-таки своего, достигъ скорѣе, нежели предполагалъ: завтра или послѣзавтра исполнится завѣтная мечта его, осуществится, давнымъ-давно, здраво, практически, замышленное дѣло. Онъ выйдетъ на ловъ въ море. Его утѣшало болѣе всего то, что теперь онъ самостоятеленъ совершенно, что, предпринявъ дѣло не бабьяго ума, онъ совершенно отдѣляется отъ Матрены, если самъ пожелаетъ этого. Но онъ не находилъ нужнымъ впередъ заявлять объ этой самостоятельности, забѣгать впередъ обстоятельство. Зачѣмъ?.. Мало-ли что можетъ быть?

Теперь, когда мы слѣдимъ за нашимъ героемъ по береговой тропинкѣ, ведущей къ ловецкому селенію, у него все было *на чеку*, какъ выразался онъ самъ, и онъ начиналъ рваться въ море, по неопытности своей въ такомъ новомъ дѣлѣ воображая, что каждый день уносить у него часть прибыли, тогда-какъ, на самомъ-то дѣлѣ, ловъ въ теплое время гораздо больше портитъ снасть, сбрую, по иному выраженію ловцевъ, нежели даетъ рыбы. Немудрено, что Гришкинъ ликовалъ, подмываемый рьяностью новобранца. Одно, что нѣсколько умѣряло эти ликованія, была необходимость разстаться съ Дашей, къ которой онъ теперь шелъ, но дѣло дѣлалось для ихъ общей пользы, ради нее столько-же, сколько и ради него и это соображеніе утѣшало Гришкина. „Видно, на написано быть ей барыней—и будетъ“, весело завершалъ рядъ своихъ мыслей новый капиталистъ.

Да, судьба была за Гришкина, и его сердечныя дѣла цвѣли, какъ и экономическія. Счастье, какъ и горе, видно, не ходитъ въ одиночку, но рыцарь девятнадцатаго вѣка не зналъ басни о Поликратѣ и собирался не жертвовать морю, а принять его жертвы.

На первой недѣлѣ поста, Гришкинъ, совершенно печально, встрѣтилъ въ Астрахани Дарью, съ которой успѣлъ сблизиться еще минувшимъ лѣтомъ, и въ немъ все заклокотало опять, и стали подниматься старыя дрожжи, тѣмъ нестерпимѣе, что серьезнаго между ними ничего не было, и вѣтренная женщина, какъ-говорится, водила его по губамъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ вниманія и угожденій, отъ удовольствій и презентовъ, на которые, противъ собственныхъ правилъ, не скупился Гришкинъ.

Мы уже говорили, что Дарья до своей свадьбы была астраханской жительницей и потому иногда ѣзжала къ старухѣ-мате-

ри въ городъ, прогашивая у ней недѣлю двѣ. На первой недѣлѣ поста она пріѣхала въ городъ говѣть и потомъ прожила у старухи чуть не до страстной недѣли, что нѣсколько удивило Василья, не однажды пріѣзжавшаго за женою и скучавшаго безъ нея. Однако, добрый Васюкъ все объяснялъ себѣ тѣмъ, что Дашѣ скучно въ селѣ, особенно зимою и, по свойственной ему привычкѣ переносить неудобства жизни лучше на себѣ, такъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ.

Между тѣмъ, встрѣчи и свиданія Гришкина съ Дашей дѣлались въ это время все чаще и кончились-таки тѣмъ, что онъ втерся въ домъ старухи, ея матери, какъ торговецъ, живущій лѣтомъ недалеко отъ Козновыхъ и хорошій знакомый Василія, отъ котораго беретъ постоянно битую птицу, а временемъ и уловленную рыбу. Всевозможными мелкими угожденіями, внимательностью, необходимою болтливому языку старухи, и напускною наружною степенностью хитрый гость скоро снискалъ полную довѣренность и искреннее расположеніе хозяйки, которой нельзя было и подозрѣвать сластолюбивыхъ замысловъ такого степеннаго, обстоятельнаго и прихвѣрнаго мужчины. Онъ держалъ себя съ нею такъ, какъ будто-бы былъ ея сверстникъ, а съ Дашей такъ, какъ будто между ними ничего общаго не было, да и быть не могло. „Молодежь о молодомъ и думаетъ, а мы, слава те Господи, свое время прожили и пожили“, нерѣдко ввертывалъ онъ въ общій разговоръ.

Несмотря на всѣ ухищренія Гришкина, къ чести его слѣдуетъ сказать, что въ немъ бушевала неподдѣльная страсть къ Дашѣ, расплаемая тѣмъ болѣе, что всѣ ихъ свиданія оканчивались обыкновенно довольно невинными нѣжностями, ласками и, много-много, что поцѣлуями. Только у Дарьи оказывались результаты этихъ свиданій, въ видѣ щегольскихъ ботинокъ, сережекъ, платковъ и платьевъ, которыхъ она прежде не нашивала. Даже практикъ Сампсонъ былъ всецѣло во власти современной Далилы и не чувствовалъ, какъ его стригли мягкія женскія руки. Надо-ли говорить, что Дарья была посвящена во всѣ планы и предпріятія Гришкина и предусмотрительно ждала, что будетъ.

Въ настоящую минуту въ такомъ положеніи были дѣла, но Гришкинъ не сомнѣвался, что однимъ ударомъ выиграетъ всѣ ставки жизни и потому немудрено, что ликовалъ.

Давнымъ-давно не выдавъ Даша наединѣ, онъ шелъ теперь, чтобъ подготовить это послѣднее свиданіе во что-бы то ни стало, такъ-какъ уйти въ море, не простясь какъ надо съ Дашею, было сверхъ его силъ. Онъ терпѣлъ слишкомъ долго, чтобы не вознаградить себя. Если онъ и не допускалъ мысли, что его обманывали, то все-таки проволочки выводили его изъ себя. „Если любишь—докажи!“ выговаривалъ онъ вслухъ, подходя къ селенію.

Немного пониже казѣнки, протокъ, на которомъ стояла она, отбрасывалъ влѣво неширокій рукавъ, послѣдній къ морю. По малой ширинѣ своей и незначительному протяженію онъ носилъ, какъ и сотни другихъ такихъ-же, нарицательное имя *ерика*. Селеніе, къ которому подходилъ Гришкинъ лежало по обонимъ берегамъ этого ерика, представлявшаго, какъ-бы большую дорогу между двумя линіями домовъ, обращенныхъ къ нему лицевой стороною.

Домикъ Козновыхъ стоялъ почти на краю селенія, то-есть былъ второй со стороны тропинки, — въ первомъ жила какая-то бобылка-вдова. Домикъ былъ крѣпкій, чистый и веселый; противъ оконъ его, на берегу, старыя раскидистыя кроны тала и вѣтелъ колебали свои мутно-зеленые подвижные листья; тучи скворцовъ цѣлые дни носились по нимъ, пятая, уча и проминая молодое поколѣніе; хохлатая потатуйка и золотая карожеа *) выводили птенцовъ въ старыхъ свиловатыхъ дуплахъ. Во дворѣ, за воротами, видѣлись хозяйственныя постройки изъ кирпича сырца, навѣсы и сараи изъ ветловаго плетня. На улицу выглядывалъ плотный, прочный заборъ изъ камыша, туго сбитые, ровные, прибауренные **) снопы котораго стояли, какъ частоколъ. Ворота были отворены.

Гришкинъ осмотрѣлся и вошелъ во дворъ.

Довольно уродливый охотничій песъ Василія, помѣсь сетера неизвестно съ чѣмъ, сладко спавшій въ тѣни подъ навѣсомъ, вскочилъ и бросился на вошедшаго. На лай, на крыльцѣ показались обѣ женщины — старуха Кознова, вся подтыканая и Дарья, по обыкновенію, свѣжая и чистая. „Ишь ты, ровно облупленное яичко“, подумалъ невольно Гришкинъ, приподнимая картузь.

— Хозяюшки, здорово! Какъ живете-можете?

*) *Потатуйка*—уодъ. *Золотая карожеа*, кажется, челоудъ, *Merops apiaster*—очень красивая птичка, золотисто-зеленовато-голубая.

**) *Прибаурить*—заять между шестью, жердами. *Баурима*—жердь, шесть, связывающій камышевую постройку.

Бабы поклонились, ожидая, что будетъ дальше.

— А Василій Александрычъ... аль дома нѣтъ?

— Нѣтъ не прибѣгали еще; нынче у нихъ мѣна *), не очень-то привѣтливо отвѣтила старуха, которая, сама не зная почему, недолюбливала Гришкина.— У тебя къ нему дѣло, што-ли?

— То-то дѣло... развѣ безъ дѣла въ этакую жарынь пойдешь... А скоро ждете?

— Кто ихъ знаетъ. Да ты, коли што, намъ накажи,— передадимъ.

— Маменька, да имъ пора-бы придти, рано ушли, вставила Дарья.

— То-то пора-бы, анъ, вотъ, нѣтъ... Я такъ и сказываю: передадимъ, молъ, если придуть, настаивала на своемъ старуха, не приглашая гостя войти въ горницу и подождать.

Надежда Гришкина переговорить наединѣ съ Дашей исчезала.

— Такъ, вотъ што, подумавъ, обратился онъ къ старухѣ,— можетъ вы и сами мое дѣло разрѣшите. Завтра я промысломъ въ море ухожу, а у меня одного набойника да темляка не хватаетъ... Все народъ окаянный: въ городѣ были—молчали, къ отвалу — говорить стали, што ты хошь дѣлай! Такъ вотъ, я къ Василю Александрычу и зашелъ,— не найдется-ли, молъ, у него излишняго... вдвое готовъ заплатитъ. Можетъ, вы это дѣло безъ него рѣшите. Посмотрите, бабушка, можетъ, есть излишній... а не то, побѣжить въ городъ—новый закупить... Хитрый посѣтитель по-просту надѣялся, что старуха уйдетъ искать темлякъ и набойникъ и оставитъ его съ Дашею одного. Не тутъ-то было.

— Чего тутъ искать, развѣ мы въ этихъ дѣлахъ что безъ хозяина знаемъ: можетъ и есть, да нуженъ ему... да мы и цѣны-то ему незнаемъ, а не то што... Придетъ—передадимъ, наладила упрямая мать Васюка.

— Какъ-же быть-то, а?... въ раздумьи произнесъ Гришкинъ, втайнѣ соображая еще какую-нибудь возможность достигъ цѣли — остаться наединѣ съ Дарьей.— Время-то у меня не терпять. Не знаете ли, можетъ, на селѣ у кого найдется?

— На селѣ какъ, чай, не найдись,—попросиай.

— Маменька, да у Александры Ивановны есть, можетъ стать-

*) *Мѣна*—снасти на вновь одубленную, чтобы не гнила въ водѣ. Производится постоянно понемногу, кругооборотомъ.

ся. Чѣмъ къ другимъ-то послать, лучше ей предоставить: она же просила, встати напомнила свекрови Дарья.

— Ну да, да! Вотъ и ступай къ ней, въ самомъ дѣлѣ.

— Къ кому это?

— Да къ Александрѣ то. Вотъ тутъ не больно далеко отъ насъ живетъ. Овдовѣла она по-веснѣ, такъ послѣ мужа промыселъ остался. Орудовать-то некому, — распродаетъ. Хорошая женщина, добрая, къ ней и ступай.

— И отлично. Покажите, сдѣлайте милость, которая изба-то.

— Мнѣ-то некогда, оторваться нельзя: и печка, да и баню топлю... Вотъ развѣ Даша. Покажь ему, не далеко тутъ, обратилась она къ невѣсткѣ.

У Гришкина отвалило отъ сердца. Они съ Дашей вышли изъ воротъ и повернули налѣво, по берегу.

— Слушай, Даша, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, тихо заговорилъ Гришкинъ, — ничего мнѣ у васъ не надо, никакихъ такихъ набойниковъ... нарочно я...

— Ты што-жъ это? остановилась-было та съ досадливымъ недоумѣніемъ.

— Ты веди, знай, веди, — только слушай, что я говорить буду. Ради тебя только я, радость моя... хоть поглядѣть. Опять, какъ я, не простясь съ тобой, въ море пойду — подумай только. Не въ могути мнѣ это, Даша, надорваннымъ шопотомъ торопился самъ на себя непохожій спутникъ ея.

— Зачѣмъ не простясь? Попрощаемся теперь, честь честью, — и пойдешь.

— Даша!.. Есть въ тебѣ Богъ, али нѣтъ?.. Ты што говоришь-то, сообрази только. Какъ я съ тобой при всемъ народѣ прощаться буду?.. У меня, можетъ, все нутро дрожня-дрожить, душа выболѣла, а я раскланяюсь, да — прощайте, молю, Дарья Семеновна — и все тутъ. Рази я этого хочу?! Вѣдь это мнѣ безъ ножа смерть. Значить, не любишь, когда не чувствуешь этого... говорила только!

— Ты што, Афонасій Яковличъ, разума рѣшился, што-ли?.. Гдѣ-жъ я съ тобой прощаться буду и какъ-такъ? Ужели, при всемъ честномъ народѣ, мужней женѣ тебѣ на шею виснуть? Ты, видно, моего стыда и въ грошъ не ставишь. Ну, ежели ты умный человекъ, научи меня, гдѣ я съ тобою проститься могу?.. Буда

пойдешь? Самъ знаешь, народъ вездѣ, встрѣтять вдвоемъ, только худую славу наживешь. Рада-бы я радостью, да если нельзя.

— Можно, Даша!.. Коли любишь—все можно, захоти только.

— Какъ-же такъ?.. Ну-ка!.. Ты мастеръ придумывать-то, съ улыбкой спросила она.

— Ты, вотъ што,—выдь ко мнѣ на зады въ калитку, я тебя буду хошь всю ночь караулить.

— Ишь ты, што придумалъ — всю ночь караулить! Штобы увидалъ кто, да сраму нажить.

— Што-ты меня нустымъ-то стращаешь?.. Скажи, не хочешь, а то... Какой песь ночью по задамъ шататься будетъ?..

— Ахъ ты! Еще умный... А такой-же, какъ-ты, вотъ—развѣ на селѣ мало робять и дѣвокъ? Ты, што-ли, заказалъ имъ?

— Ну, слушай, Даша! Какъ знаешь, не томи меня, не заставь, сам-дѣлѣ, разумъ потерять... сама не рада будешь. Дѣлай, какъ хочешь, только чтобы нынче ночью... доведешь до завтра—хуже будетъ... Приду и на старуху не посмотрю... не уйду въ море, не простясь съ тобой. Такъ ты и знай! Сказалъ—не могу...

— Ты никакъ грозить почаль! съ отгнѣномъ раздраженія и чуть замѣтной ироніи оборвала Дарья, не показывая и вида, что въ сущности настойчивый тонъ обожателя нѣсколько тревожилъ ее. На минуту она задумалась, соображая, какъ-бы устроить такъ, чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы.

— Не грожу я, а помираю по тебѣ—сама видишь. Пожалѣй ты меня, уважь хоть разъ въ жизни, на послѣдяхъ... Теперь—когда свидися—Богъ знаетъ... можетъ, до будущаго года, а можетъ, и совсѣмъ пропадешь въ морѣ-то... старался разжалобить Дарью Гришкинъ, впрочемъ, и самъ не знакомый съ моремъ и, можетъ быть, воображавшій его страшнѣе, нежели въ дѣйствительности. — Даша, надѣялся я на тебя!.. Ужли такъ занапрасно все?.. И подарокъ тебѣ припасъ, и на лакомство оставляю—удружи только.

— Слушай, Афонасій Яковличъ, да хорошенько... Нечего, видно съ тобой дѣлать... будь по-твоему, только, чтобы послѣ горя не нажить. Съ умомъ дѣлай, что скажу. На зады ты не ходи, а ступай такъ-же, какъ теперь шоль—пусто у насъ тутъ, на берегу. Ворота заперты—души нѣтъ. А если и встрѣнется кто, не бѣда—прямымъ лицомъ идешь, большой дорогой. Къ дому подойдешь, въ

третье окошце отъ воротъ постучи легонько. До полночи ждать буду—позже не ходи.

— Какъ-же постучать, а Василій?..

— Знаю ужъ, что говорю—одна я... Они съ Петянькой завтра на охоту чуть-свѣтъ... воскресенье вѣдь. Въ это время они на дворѣ, въ холодной горницѣ спать, потому встаютъ рано: не беспокоить штобъ, тамъ и спать. Мамонька въ кухнѣ, въ горницѣ я одна. Только-ты, смотри, бережно, пожалуйста, чтобы собака не учуяла,—она, отъ комара, значить, хотъ и съ ними спитъ, а чуткая. На минутку выйду къ воротамъ, попрощаюсь ужъ, такъ и быть, только чтобы мигомъ—уговоръ помни. Ну, вотъ она изба-то, ступай, хозяйку спроси, а я побѣгу, свекровь еще осердится, што долго. Кругъ полночи—помни. Дарья степенно поклонилась спутнику и поспѣшно пошла назадъ.

Для виду, Гришкинъ зашелъ въ указанный домъ, темляка не нашель уже, а набойникъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался легокъ и неудобенъ на глуби, въ морѣ. Однако, все, что требовалось, было сдѣлано, и онъ шелъ теперь той-же тропинкой, счастливый, мечтая уже по своему о близкой ночи и Дашѣ. Земля горѣла подъ нимъ. „Одна спать!“ неотвязно стояло въ глазахъ и головѣ.

V.

Солнце сѣло. Золотые пламенно-жаркіе тоны потухли; подернутый кепломъ сумерекъ, самый румянецъ заката остывалъ и темнѣлъ.

Все оживало, точно грудь земли начинала дышать и пульсъ биться. По пятамъ яркаго знойнаго дня, тихая, влажная, серебристо блѣдная ночь наступала съ востока вмѣстѣ съ луной. Все оживало, засыпали только люди, послѣ удушливаго, длиннаго трудового дня.

Спали давно Петянька и Васюкъ, спали въ охотку, легко и сладко, какъ спать честный, простой рабочій человѣкъ.

Надо-ли объяснять, что Петянька — нашъ старый знакомый, достигшій-таки осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній, еще минувшей осенью развязавшійся съ Гришкинымъ, купившій по случаю, съ пробы, доброе ружьецо, на которое не могъ налюбоваться, и съ весны поступившій въ работу къ Васюку, въ которомъ души

не чаялъ. Не корысть свела и соединила ихъ: братскія чувства и любовь къ охотѣ сроднили эти добрыя существа.

Петянька былъ сирота, съ дѣтства не знавшій ласки, и, вдругъ, увидѣлъ передъ собою такого человѣка, какъ Васюкъ. Изумленный бѣдняга и не подозрѣвалъ, что на свѣтѣ есть такіе люди: недаромъ они носятъ названіе чудныхъ. Всѣ хорошіе инстинкты, чуть не заглохшіе, страстно встали въ мальчигѣ, запросили пищи и нашли ее. Немудрено, что съ хозяиномъ они зажили душа въ душу; съ Василиемъ иначе и быть не могло. Въ домѣ всѣ тоже полюбили Петяньку. Ему можно было спать и спалось съ легкимъ сердцемъ.

Прибѣжавъ съ переборки съ мѣной, вскорѣ по возвращеніи Дарья, Васюкъ и Петянька развѣсили для просушки снасть, взятую изъ моря, пообѣдали и принялись за чистку ружей и заготовленіе охотничьихъ припасовъ. Накатали пыжей изъ стараго каната, насыпали разной дробы въ мѣшечки, добавили пистоновъ, пороху и положили поршни *) на отмочку въ воду, чтобы отмякли. Корсакъ, песь Васюка, визжалъ отъ нетерпѣнія, видя всѣ эти хлопоты.

Была суббота. Измазанные и достаточно засаленные при смазкѣ ружей, сходили они въ баню, мыли изъ сырцоваго кирпича, прятавшуюся въ заднемъ углу двора; напились чаю и улеглись въ холодной горницѣ изъ такого-же кирпича, цѣлый день темной и затворенной отъ жары и комара. Корсакъ ради предстоящихъ трудовъ, во избавленіе отъ комара, тоже улегся съ ними. Сонъ не заставилъ себя ждать, точно зная, что его выпроводятъ спозаранку.

А тихая, влажная, блѣдная ночь, покоряя пространство, чернью выводила тѣни по серебру.

Сладко спить Петянька и видитъ, видитъ ровно на яву: устали они съ Васюкомъ на охотѣ и сѣли отдохнуть. Сидятъ на берегу — и ружья въ колѣняхъ. Маленькая култучинка **) широкой, широкой рѣвки, — Бузана ***) , какъ соображаетъ спящій, — лежитъ у ихъ ногъ. Мелка она: все дно видно, ровное, бѣловато-песчаное, чистое, каждую пылинку, кажись, каждую тварь въ водѣ и на днѣ разберешь..

*) Поршни—родъ кожанаго ланга, изъ одного куска кожи. Употребляются въ рыболовствѣ и охотѣ.

**) Култувъ—заливъ. Култучокъ—заливчикъ Култучинка—заводилка. (Киргизск).

***) Бузанъ (собств.)—болш. водный рукавъ Волги, къ востоку.

А солнце печетъ и играетъ на бѣломъ пескѣ. Рыба-ли плеснетъ, вѣтромъ-ли дохнѣтъ и пуститъ рябь по тихой водѣ, а по-дну такъ золотомъ и потянетъ, такъ и заиграетъ, — сквозь воду-то солнышко смотреть. Смотрить и Петянька. Видитъ онъ, паучокъ водяной изъ камыша вывернулся; такъ, по верху, по самой водѣ, ровно по зеркалу, и скользитъ — ни дать, ни взять, на конькахъ по льду, а на днѣ ужъ, глади, золотые слѣды ложатся — сейчасъ увидишь. Вотъ, въ култучинкѣ малёкъ появился... другой, третій — и повалили вереницей, все гуще. Цѣлые ряды, темные, стройные, — куда твои солдаты, — голова въ голову стоять, только жабрами шевелять, да махочкимъ зѣвомъ жамкать, жуютъ словно. „Кормятся“, заключаетъ Петянька... Вдругъ, откуда не возьмись, чайка, надъ самой головой, тихо крыльями машетъ. Машетъ, машетъ, а сама все внизъ да внизъ, въ воду смотритъ, покрививаетъ, ровно, зоветъ кого. Полетала, полетала, упала на воду камнемъ, въ глазахъ охотниковъ подхватила малъка и взвилась съ нимъ... Мигъ — и култучокъ опустѣлъ. Быстро, какъ мысль, мгновенно, какъ молнія, испуганная рыбешка сдѣлала вольтъ, и все исчезло, какъ видѣние. „Ахъ, подлая: изъ-подъ носу!“ досадуетъ мальчикъ. „Постой“, припасаеетъ онъ ружье, „погоди!“ А чайка опять надъ головою, и въ култучкѣ опять появляется туча неосторожнаго малъка. Жадная птица опять высматриваетъ, опять виснетъ надъ водою, не смотря на присутствіе людей, кричитъ и хохочетъ *), ровно дразнить. Петяньку охватываетъ гнѣвъ, жалость и страхъ за глупую рыбешку; онъ прикладываетъ и спускаетъ курокъ. Осѣчка!.. Торопливыми, дрожащими руками, еле попадая на мѣсто, владеть новый пистонъ — осѣчка! А проклятая птица вотъ, вотъ упадетъ за добычей. Петянька, страшно взволнованный, схватываетъ ружье Васюка, прикладываетъ и спускаетъ курокъ — осѣчка!.. Чайка и Васюкъ хохочутъ страннымъ, злымъ хохотомъ... Потъ прошибаетъ стрѣлка. „Это не Васюкъ“ бормочетъ онъ, вглядываясь въ сосѣда, и каменѣетъ отъ ужаса. Передъ нимъ, вмѣсто Василя, какая-то тяжелая, безформенная, синевато-сизая масса, точно свинцовое облако, которое растетъ, надвигается на него и изрыгаетъ громъ хохота, рѣзко вторинный дьявольскою птицею. Онъ хочетъ уйти,

*) Хохоть этой чайки далъ ей названіе чайки - *хохотуна*. Онъ рѣзокъ, громъ и, для непривычнаго уха, имѣетъ въ себѣ дѣйствительно, нѣчто дьявольское.

бѣжать, скорониться гдѣ — и не можетъ двинуть пальцемъ, шевельнуть ногой, какъ свинцовая гири, вдавленной въ землю. Потъ льетъ съ него ручьями; онъ задыхается, волосенки встаютъ щеткой, онъ парализованъ весь до послѣдняго нерва. Съ величайшими усиліями, изъ груди мальчика вырывается дикій крикъ, и онъ просыпается, почти не вѣря этому, боится взглянуть въ окружающій его мертвый мракъ и нѣсколько времени лежитъ съ закрытыми глазами.

Мало-по-малу сознаніе окружающаго и чувство успокоенія наступаютъ въ Петянькѣ. Онъ дышетъ спокойнѣе; сердце его бьется ровнѣй; мѣрное дыханіе Васюка и Юрска явственно слышны ему; однако онъ весь въ испаринѣ, и въ *холодной* — духота нестерпимая. Оно и понятно: какъ прохладно въ такой сырцово-кирпичной горенкѣ безъ печи въ теченіи дня, такъ душно дѣлается послѣ жаркихъ дней, къ ночи. Кирпичъ, каленный солнцемъ въ продолженіи долгаго знойнаго дня, къ ночи самъ нагрѣвается, точно печка.

Петянька вертится съ боку на бокъ съ полчаса, чувствуя, что не можетъ уснуть; спускаетъ ноги-изъ подъ полога, *) съ самодѣльнаго ложа, тихо отвязываетъ отъ стѣны и низкаго потолка свою кошомку, **) забираетъ ее, подушонку и выходитъ на дворъ. Влажная прохлада ночи обдаетъ его. Онъ дышетъ жадно, пьетъ ее, точно утоляя жажду, и направляется подъ навѣсъ, въ передній уголъ двора, гдѣ сложено недавно привезенное пахучее сѣно. Плетневая стѣна навѣса, выходящая на улицу, вся пронизана серебристымъ свѣтомъ луны; тѣнь ея лежитъ яркимъ прихотливымъ узоромъ въ углу поднавѣся и по землѣ, и по сѣну. Тамъ, прикрѣпивъ пологъ съ одной стороны къ этому плетню, съ другой къ оглоблямъ саней, мальчикъ забирается подъ него, со всѣхъ сторонъ подтыкаетъ его подъ свое нехитрое войлочное ложе и протягивается на немъ, дыша полною грудью. Однако, какъ ни

*) Пологъ отъ комара шьется изъ очень рѣдкой, но прочной ткани, лишь-бы не пропускала насѣкомаго. Верхняя сторона его имѣетъ форму параллелограмма (удлинненнаго прямоугольника), болѣе длинн человеческаго роста, а весь онъ форму прямоугольнаго параллелепипеда, котораго верхняя сторона и четыре боковыхъ состоятъ изъ ткани, а нижняя, къ постели, открыта. Нижний край боковыхъ полотнищъ подправляется подъ постель и доступна комару — нѣтъ.

**) Кошма, кошомка — войлокъ, войлочекъ, очень прочный — валется изъ баравей шерсти.

быстро все это дѣлается, два-три кровопійцы-комара забираются вмѣстѣ съ Петянькой подъ пологъ и гудятъ, и поютъ тамъ самымъ неприятнымъ, вызывающимъ тономъ. Мальчикъ знаетъ, что если оставить ихъ пѣть, то они такъ отдѣлаютъ его къ утру, такъ будутъ беспокоить въ теченіи остальныхъ немногихъ часовъ сна, что встанетъ усталый. Онъ ложится, слушаетъ и ждетъ. Вотъ, въ его щеку впивается острая, горячая игла и торчитъ въ ней. Онъ ждетъ, пока кровожадная тварь войдетъ во вкусъ и забудетъ осторожность, пьянѣя отъ крови; потомъ, однимъ махомъ руки, уничтожаетъ злодѣя на мѣстѣ преступленія, другого — и лежитъ, поджидая третьяго. Вдругъ, до его внимательнаго, настроеннаго уха, вмѣсто ядовитаго писка, тихо, но отчетливо доносится частый сухой стукъ. Петянька приподнимаетъ голову, прислушивается съ минуту и, ничего не слыша, вновь обращается къ послѣднему врагу. Стукъ повторяется, мальчикъ слышитъ, что онъ гдѣ-то близко, привстаетъ и садится подъ пологомъ. „Что это такое? Ровно въ окно кто“, догадывается онъ.

Въ это время, дверь на крыльцо тихо скрипнула, и на немъ появилась Дарья, прислушалась съ минуту и, убѣжденная въ полнѣйшей тишинѣ, направилась къ воротамъ. Луна свѣтила слишкомъ ярко, чтобы Петянька не видалъ всего этого сквозь рѣдкую ткань полога. Не понимая происходившаго, онъ, въ первое мгновеніе, рѣшительно замеръ въ недоумѣніи, но смотрѣлъ во все глаза. Онъ видѣлъ, какъ Даша подошла къ воротамъ, какъ осторожно и тихо отодвинула засовъ и скрылась за калиткою, гдѣ тотчасъ-же послышался сдержанный шопотъ, а затѣмъ и говоръ въ полголоса. Отъ недоумѣнія мальчикъ переходилъ къ недоумѣнію: голосъ говорившаго съ Дашей казался знакомъ ему.

— Голубушка ты моя, милая! послышалось около самаго плетня. „Гришкинъ никакъ!“ сверкнуло въ головѣ Петяньки, и онъ въ ту-же секунду выскочилъ изъ-подъ полога и припалъ къ щели плетневой стѣны, примыкавшей съ одной стороны къ самымъ воротамъ. На берегу было свѣтло, какъ днемъ. Гришкинъ стоялъ прямо противъ зрителя, обнявъ Дарью, и цѣловалъ ее. Все сердце Петяньки повернулось и захолоуло: гнѣвъ, ненависть, обида за Василю, жалость и любовь къ нему, заливали и душили бѣднягу. Первымъ движеніемъ его было крикнуть и выругаться, но онъ подавилъ этотъ крикъ и ждалъ, что будетъ дальше. Со-

вершенно невольно, какъ-то инстинктивно, онъ ждалъ дальнѣйшихъ уликъ, чтобы не занапрасно разбить сердце Васюка.

— Ну, довольно, Афонасій Яковличъ, — попрощался и будетъ... Пусти, протестовала Дарья, сжимаемая въ объятіяхъ Гришкина.

Тотъ ничего не слушалъ и осыпалъ бабу все болѣе частыми и страстными поцѣлуями, порывистыми и горячими до того, что Даша, сама того не замѣчая, готова была отдаться ихъ бурному потоку и протестовала слабѣй.

— Довольно, лепетала она, уже сама отвѣчая на эти окаянныя, заразительныя ласки.

— Довольно?.. Нѣтъ, Даша, не довольно... милая моя, хорошая, радость моя... нѣтъ! Околдовала ты меня, сомлѣлъ я по тебѣ весь! Цѣловала, миловала въ Астрахани, связывала любить, а теперъ „довольно“, ласково упрекалъ онъ.

— Пусти-же, слабо отталкивала его Дарья.

— Нѣтъ, не пущу, не разстанусь съ тобой такъ, а противничать хочешь, — вотъ, схвачу тебя, золото мое, такъ, — при этомъ Гришкинъ приподнялъ, какъ пухъ, отъ земли стройную Дарью, — и увесу нивѣсть куда... въ море умчу!.. Поднимемъ паруса на кусовой *) и были таковы: пусть ищетъ твой соплякъ.

Напрасно выговорилъ эти слова зарвавшійся обожатель, напрасно понадѣялся на себя, — въ нихъ слишкомъ рѣзко сказался чорствый, торжествующій кулакъ.

Дарью точно-что ударило въ сердце. Передъ нею всталъ тихій, ласковый, серьезный образъ мужа, его грустные, кроткіе глаза откуда-то взглянули на нее, и все поднялось и возмутилось въ ней. Глубокая щемящая жалость къ Василию и чувство отвращенія къ себѣ и происходящему шевельнулись къ женщинѣ.

— Пусти-же, говорятъ тебѣ! рѣзко повторила она. — Что ты, бѣлены, штоли, объѣлся?

— Ну, ужъ нѣтъ! вѣщиче стиснулъ ее Гришкинъ.

— Слышь ты — пусти! сердилась Дарья. — Закричу!

— Кричи!... Все одно, уперся на своемъ нахальный гость, твердо надѣясь, что скандала баба не захочетъ и крика не под-

*) Кусовая — то-же что и большое судно, посуда, получившая это наименование отъ стараго лова и рѣзки бѣлуги на кусъ.

ниметь—Такъ-то ты!... А? Нѣтъ, этакъ добрые люди не дѣлають... нѣтъ! Ты што со мной сдѣлала, а?... Даша, родимая, голубка моя, несерчай—не могу я, ничего не могу съ собой подѣлать! вдругъ перешоль вновѣ въ тонъ мольбы и ласки взволнованный Гринкинъ.

— Да пустишь-ли ты меня, безстыжіе твои глаза?.. Ей-ей, закричу! Не хочу я ничего, не нуженъ ты мнѣ, вотъ и все! Подлый ты человѣкъ, больше ничего—слова не держишь; на минуту связано, а ты...

— Не пушу я тебя, Дарья Семеновна, какъ хошь кори... Все одно — семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ!—Съ этими словами онъ такъ прижалъ къ себѣ Дарью, что та выгнулась, какъ хворостина.

Петянька готовъ былъ крикнуть, какъ вдругъ ловкая баба напрягла всѣ свои силы, хитро подставила Афанасью ногу и внезапно толкнула его въ грудь. Гнѣвъ и негодованіе удвоили стремительность движенія. Ничего не ожидавшій колоссъ рухнулъ навзничъ и, изъ чувства самохраненія, невольно раскинулъ руки врозь. Въ ту-же минуту Даша была у калитки.

— Подлецъ! простилась она съ поднимавшимся и скрылась на дворъ.

Какъ не фыркнулъ и удержался отъ смѣха Петянька — онъ и самъ не понималъ. Черезъ минуту все было тихо на дворѣ; только на улицѣ ругался несчастный обожатель, но и тотъ вскорѣ скрылся. Въ еровъ изъѣденный комарами, Петянька отряхнулся и исчезъ подъ пологомъ. Вскорѣ послышалось его ровное, сонное дыханіе.

Солнце только еще показалось надъ горизонтомъ, когда Васюкъ и Петянька поднялись и стали собираться въ путь. Въ лодку-бударку *), стоявшую въ ерикѣ, противъ самыхъ воротъ, таскали разныя необходимыя принадлежности: топоръ, чугунный котелокъ, закидныя удочки **), хлѣбъ, витушки домашняго печенья и

*) Лодка-бударка—малая лодка; берется въ море при большихъ судахъ.

***) Закидная удочка—безъ удилица и поплава; одна лѣса изъ крѣпкой пражки, со свинцовымъ грузомъ на концѣ. Закидывается съ размаха въ воду, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и тамъ ложится на дно. Имѣеть двѣ удочки (крючка) съ притравами червемъ, лягушонкомъ, наѣскомъ, кусочкомъ рыбы и даже хлѣба—смотря по рыбѣ. Попавшаяся рыба подергиваніемъ даетъ знать о себѣ руцѣ ловца. Очень проста и добычлива. У настоящаго ловца вной не увидите.

тому подобное. Корсакъ, по строжайшему внушенію Васюка, степенно сидѣлъ и караулилъ въ лодкѣ — предосторожность совершенно излишняя, потому-что кругомъ все спало мертвымъ сномъ. Правда, покрывивали карги и сороки, неизмѣющія обыкновенія справляться, чей хлѣбъ плохо лежитъ. Наконецъ, охотники вполне вооруженные, показались изъ калитки и тихо притворили ее; первый сѣлъ въ весла, второй на корму рулевымъ и лодка тронулась.

— Недалеко тутъ, до рынка *) тамъ парусъ поставимъ, замѣтилъ Васюкъ, крестясь при отвалѣ. Ну, съ Богомъ! Онъ поналегъ на весла и живо догребъ до мыска, лежавшаго между ериккомъ и протокомъ, ведущимъ къ казенкѣ. Тамъ поставили парусъ и понеслись вверхъ по теченію.

— Фокъ не встряхнуть-ли (поставить, поднять)? спросилъ Петянька, горѣвшій нетерпѣніемъ скорѣе быть на мѣстѣ.

— Зачѣмъ?.. При биштокѣ (баштагъ) идемъ — вишь ты — съ визгомъ! Въ самомъ дѣлѣ, вода журчала и свистѣла за кормой, несмотря на то, что вѣтеръ былъ легкій; — пропитанный влагой утра; онъ тяжело ложился на парусъ и, не продувая его, работалъ хорошо.

Лодка скользнула мимо казенки и стоявшихъ передъ ней свѣжеосмоленныхъ судовъ. Все было тамъ тихо. Петянькѣ пришла на мысль ночная сцена, видѣнная имъ, и въ особенности окончаніе ее. Онъ улыбнулся и задумался.

Долженъ онъ сказать все Васюку или нѣтъ? вотъ о чемъ думалъ онъ... Думалъ и ни на что не рѣшался — сомнѣніе одолевало его. Сказать ежели — къ сердцу тотъ это приметъ, молчать — самъ измаешься. Опять, кто знаетъ, какъ-бы хуже чего не вышло?.. Тогда советъ Иудой предателемъ покажешься — скажутъ, чего во время не сказалъ... все одно, отъ брата рѣдного затаился. А оно, какъ тутъ?.. Вѣдь поранить Васю-то, все-таки оскорбительно ему покажется. Очень ужъ онъ любитъ Дарью-то... И какъ это ее угораздило этакаго мужа — душу-человѣка, съ Гришкинымъ сравнять?... Въ Астрахани, вишь ты, видались — тамъ все. Ну ужъ и подлець только! Была-бы моя воля, — сейчасъ-бы все Матренѣ Ивановнѣ рассказалъ. — Она-бы ему бѣлыми-то видрала! Смущаемый наплывомъ разныхъ мыслей и соображеній, Пе-

*) Рынокъ — мысокъ. Возвышенное нѣсколько мѣсто, выдающееся въ воду.

тяньба такъ и не рѣшилъ, что ему дѣлать. Къ одному онъ пришелъ, надо правду сказать, изъ своекорыстныхъ побуждений—до конца охоты ничего не говорить Васюку. Отравить и себѣ и ему это удовольствіе, а, пожалуй, и вовсе лишиться его, мальчику крѣпко не хотѣлось. „Вѣдь все равно, думалъ онъ, — только разтревожишь его зря, а вѣдь подѣлу-то рази не все равно теперь сказать али вечеромъ. Да и какъ говорить—жалко вѣдь мнѣ его и боязно, ровно самъ супрота ево что худого...

Вдругъ, грянулъ выстрѣлъ. Петяньба дрогнулъ отъ неожиданности и вскинулъ глаза. Дымокъ гнало по-вѣтру изъ дула Васюкова ружья.

— Держи къ берегу-то—заснулъ, што-ли!

Мальчикъ взглянулъ впередъ. Подъ берегомъ, раскинувъ крылья по водѣ, лежалъ селезень, лоснясь атласно-зеленой шеей; подбитая утка кое-какъ ковыляла къ камышу.

— Васюкъ! Уидеть, уидеть! кричалъ въ волненіи рулевой.

Василій приложился изъ другого ствола и добилъ птицу. Корсакъ не выдержалъ и бросился въ воду, но только выкупался—лодка подошла скорѣе. Птицу и пса втащили въ нее и пошли далѣе; отряхавшійся Корсакъ сыпалъ брызгами, обдавая спутниковъ.

— Тибо!.. Тибо, говорятъ тебѣ... ахъ ты, шайтанъ этакой, пра шайтанъ, ласково усовѣщевалъ пса Петянька.—Кушъ!! Сейчасъ кушъ! Ахъ ты, дуракъ этакій, ухмылялся онъ, утирая лицо, мокрое отъ брызговъ.—Какъ онъ въ воду-то, Вася, а?.. Туда-же, съ лодкой сверстаться хочеть.—Очевидно, Петяньба былъ въ своей сферѣ, счастливъ, и болталъ, какъ скворецъ.

— Налѣво въ ерикъ держи—прямой будетъ, командовалъ Василій. Дѣйствительно, подъ прямымъ вѣтромъ лодка заработала еще сильнѣй—бѣлая пѣна вскипала и крутилась за нею.

Такимъ образомъ, поворачивая, то вправо, то влѣво, въ лабиринтъ безчисленныхъ водныхъ путей—то большихъ, широкихъ дорогъ, то тропинокъ—работая веслами или вновь поднимая парусъ, наши охотники подвигались къ цѣли.

„Безъ руля и безъ вѣтриль“, солнце тоже шло впередъ по тихому океану неба. Благотворная, ласковая теплота утра, смѣнила свѣжесть, пронизывавшую сыростью и дрожью. Ощущеніе какой-то мирной, мощной, стихійной свободы, инстинктивно, свое-

вольно, безъ спросу, со свѣтомъ и тепломъ, вторгалось въ грудь и душу плившихъ. Мимо ихъ бѣжала знакомая панорама своеобразной природы. Десятки протоковъ, встрѣчая и провожая ихъ, лежали по всѣмъ направлѣнiямъ—трудно было не заблудиться здѣсь. То невысокіе приярные, то совершенно отлогіе берега, густо поросшіе камышами, наступавшими въ самую воду, казались желтою, безконечною чащею, захватившею всѣ низменности дельты, покорно понижавшейся и припадавшей къ морю. Тѣсная толпа острововъ—часть огромнаго архипелага дельты, разрѣзанная сѣтью протоковъ—поросла по берегамъ каймою сѣровато-зеленыхъ таловъ, вѣтелъ, ивы и тополя, питомцевъ сырости и воды. Кое-гдѣ поднимались желтые, обнаженные, глинисто-песчаные бугры—гигантскіе валы, насыпанные еще недавно волновавшимся здѣсь моремъ. Кое-гдѣ сверкали, точно зеркала, тихія стоячія, сонныя воды большихъ ильменей *)—естественные питомники рыбы и водяной птицы, крики которой доносились съ нихъ.

А лодка шла дальше.

Безпрестанно поднимались и перелетали туда и сюда утки и кулики; длинныя черныя ленты ибиса-каравайки и сверкавшія на солнцѣ вереницы колпицы, гуся и лебедя, тамъ и сямъ колеблясь, танулись въ синевѣ неба; чайки съ крикомъ носились во всѣхъ направлѣнiяхъ. Бакланы и пеликаны, эти вѣчные рыболовы, мирно танули свои тони по протокамъ, не тревожимые ни кѣмъ...

А лодка шла дальше и дальше.

По рыночкамъ и заводикамъ, вагъ вкопанных, торчали цапли и чапурки, ярко опрокинувшись въ тихой водѣ. По прибрежнымъ пескамъ, отороченнымъ бахрамою чаекъ, бѣгали всевозможные кулички, посвистывая и запуская клювъ въ ровную влажную почву. Въ камышахъ звѣгли синицы, въ лѣсу слышался задорный говоръ сороки и хищныя угрожающія восклицанія ястреба и скопы.

Но мимо и мимо, поворачивая, то вправо, то влѣво и журча бороздимой водою уходила лодка—только бѣлый парусъ виднѣлся нѣкоторое время, исчезая въ оцетинившемся зрѣломъ камышѣ.

*) Ильмень—низменность, полная водою, нѣчто среднее между болотомъ и озеромъ, поросшимъ кругомъ камышомъ. Большею частію питаются полою водою, во время разливовъ Волги, но есть и проточныя, соединенныя еригами.

Пестрыя стада крупнаго и мелкаго скота бродили по низямъ и ложбинамъ или выходили на самыя протоки, къ водѣ, ища сочной травы на выжженномъ просторѣ. Изъ табунѣвъ и косяковъ лошадей несло ржаніе; нѣкоторыя животныя, на минуту отрываясь отъ пищи, высоко поднимали головы, настороживали уши и внимательными глазами провожали мимоидущій парусъ, потомъ опять углублялись въ свое дѣло. Рѣдкіе верблюды, близъ татарскихъ кочевьевъ, облѣзлы и вылинявшіе, поднимали черныя, точно закопченныя, морды и смотрѣли большими черными, кроткими и любопытными глазами.

А лодка все шла; только одинъ разъ вышли Васюкъ и Петянька на берегъ.

Разговоръ клеился плохо. Васюкъ, молчаливый отъ природы, весь отдался окружающему и наблюдалъ за птицей, а въ головѣ Петяньки неотвязно стояла мысль, какъ сказать и сказать-ли о ночномъ приключеніи? Немудрено, что большую часть пути они молчали.

„Ко-кко!.. Ко-кко!.. Ко!!“ раздалось вполоть, въ камышѣ. Всѣ, даже Корсакъ, насторожили уши.

— Постой, давай-ко къ берегу! Пусти шкоть-то! негромко распорядился Василій. Лодка ткнулась въ приарный берегъ и стала.

— Пѣтухъ (фазанъ), Вася? полувопросительно и сдержанно замѣтилъ Петянька. Корсака едва можно было удержать въ лодкѣ.

— Тутъ выводки будутъ—самое мѣсто. Не знаю, Корсака-то брать-ли—пугать станеть, не привязать-ли?

Дѣйствительно, Корсакъ отличался такимъ избыткомъ ретивости, который былъ въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго истаго охотника по благородной дичи. Нельзя сказать, чтобы у него не было чутья, но онъ всегда зарывался и гналъ птицу, особенно фазана, который долго и быстро бѣжитъ между травою и камышомъ, прежде, нежели взлетитъ. Потому взлетъ, при охотѣ съ Корсакомъ, всегда почти происходилъ вѣ въстрѣла. Правда, когда птица ложилась, т. е. точно очарованная припала къ землѣ, Корсакъ дѣлалъ стойку, но, увы, не выдерживалъ ее до приближенія охотника, точно ревнуя и боясь отдать честь обладанія птицы въ чужія руки. Много побоевъ перенесъ за это нетерпѣливый песъ, но передѣлать своей натуре

не могъ, а охотникъ-промышленникъ, какъ Василій, вовсе не зналъ, что за штука такая парфорсъ. Пробоваль-было Василій на охотѣ водить пса на веревкѣ, чтобы не зарывался и не гналъ дичи, но и изъ этого ничего добраго не вышло. Стоило только взлетѣть поблизости фазану или какой-нибудь шальной утѣ, кулику, даже пеголицѣ, чтобъ несчастный мученикъ своего темперамента кинулся со всѣхъ ногъ, мѣшая всякому, а не только вѣрному выстрѣлу.

Но, негодный для охотника-диллетанта, Корсакъ обладалъ зато драгоценными качествами для охотника-промышленника, каковъ былъ по существу Василій. Мѣстное населеніе не знаетъ иной охоты, кромѣ охоты-промысла, а всякую другую принимаетъ за блажь и пустое баловство. Прежде всего, охотникъ-промышленникъ не знаетъ охоты на благородную дичь, кромѣ развѣ кабана, потому-что стрѣлять въ летъ неумѣетъ, да и не пробуетъ; истратить зарядъ на одну птицу, ему кажется пустою роскошью. Онъ бьетъ птицу сидячую, сгрудившуюся и вышибаетъ съ выстрѣла штукъ пять-шесть гусей или штукъ десять утокъ. Василій былъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ, потому-что былъ извѣстенъ и вель дружбу съ барами, съ охотниками-диллетантами. Даже иностранцы, мимо-проѣзжіе нѣмцы, французы и англичане, знали Василія, какъ знатока мѣсть. Вотъ отъ этихъ-то баръ онъ и позаимствовался нѣкоторымъ умѣньемъ стрѣлять въ летъ. Для охотника-промышленника Корсакъ былъ дорогъ, потому-что шоль въ воду съ охотой, не только лѣтомъ, но и во всякое время года, не боялся ея, какъ-бы широка она ни была, и доставаль, и приплываль съ убитой дичью, какъ отважный и сильный пловецъ. Но и тутъ у него были свои особенности. Лишь только нога его касалась берега, онъ не дѣлалъ шагу дальше, хоть убей. Тотчасъ же онъ кидалъ принесенную дичь, отряхивался, отдыхаль минуту и отправлялся вспять, если тамъ оставалась еще битая или подбитая птица. Иногда приходилось его ждать очень долго, особенно если дичь была бита на островѣ, среди ильмена, или на противоположномъ берегу протока.

Василій, дѣйствительно, привязаль Корсака къ ямчѣ, несмотря на его жалобный видъ, повизгиваніе и отрывочный, тихій, протестующій лай. Охотники сошли на берегъ и взвели курки.

Они поднялись по невысокому яру, изрытому жилими и бро-

шенными норами раковъ, ящерицъ, птицъ и звѣрьковъ. Мѣсто, дѣйствительно, было самое фазанье. Заросли дикой конопли, вихры камыша и растенія, дающаго солодковатый корень, въ видѣ островковъ, чередовались вдоль яра. Непозбѣжная битая тропинка бичевника изгибалась по самой его окраинѣ.

Искать фазана, такъ-сказать, ошупью, безъ собаки, показалось бы дикой фантазіей записному охотнику, особенно знавшему, какъ остороженъ и какъ крѣпко лежитъ фазанъ. Нужно было почти наступить на птицу, чтобы поднять ее, да и то заставъ врасплохъ—иначе она могла бѣжать въ травѣ цѣлыя версты. Васюкъ зналъ это, но у него былъ другой расчетъ. Такъ и оказалось. Всѣ травы, далѣе въ островъ, были выкошены и убѣжище птицы сметано въ стога, бѣжать по выбритому лугу не приходилось. Оставались одни островки травы только вокругъ грубыхъ названныхъ растеній и въ нихъ-то, если былъ, долженъ держаться фазанъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодые выводятся, выхаживаются и кормятся обыкновенно въ такихъ поросляхъ. Конопляное и солодское сѣмя, какъ говорятъ истинные охотники, лучший кормъ для этой птицы.

Вскинувъ ружья на плечи и немного сойдя всторону съ тропинки, Васюкъ и Петянька шли рядомъ, вдоль берега, въ десяти шагахъ другъ отъ друга.

— Петянька, подь-во сюда, позвалъ Василій, остановясь у густой заросли конопли.

Тотъ подошелъ.

— Видишь?..

— Чево такое?

— Подъ ноги-то гляди—чево на меня усталился, дурашный! Давно хотѣлъ показать.

Петянька присмотрѣлся и увидѣлъ свѣже-разрытую, мелко-разрыхленную землю, точно въ ней только-что рылись курн. Даже овалныя, продолговатыя лунки жались другъ къ другу въ темно-сѣрой землѣ, только-что начинавшей просыхать подъ солнцемъ.

— Это што-же такое? Ровно рылся это.

— Али не видишь—насѣдка съ цыплятами... Ишь ты, большіе ужъ, а вибѣтъ держатся.

— Вася, это фазанка, стало-быть?

— Извѣстно, не дудакъ (дрофа). Экой ты, братецъ, улыбался

Василій. — Сейчас видать, тутъ и цыплятъ-то перечесть! А въдъ тутъ они, братъ, тутъ, недалеко гдѣ-нибудь. Эхъ, кабы собака! пожалѣлъ онъ. — Петянька нагнулся и осматривалъ разрытое мѣсто.

— Ну, поидежь, обойдемъ конопель-то, можетъ, поднимемъ — глуны еще молодые-то.

Они обошли вокругъ конопли, но ничего не оказалось; было тихо, только мелкія пичужки свиристѣли и попискивали.

— Пстой здѣсь, да не зѣвай, я его поперекъ пройду. — И Василій зашагалъ, высоко поднимая ноги, путавшіяся въ переплетенной ежевикой и павиликой, густой травѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось чище, солнце не проникало въ конопель и корни послѣдняго не давали ходу никакой травѣ. Онъ шолъ, ломая и раздвигая только стройныя, прямыя стволы растенія. Вдругъ, въ глазахъ его что-то мелькнуло между ними и, вслѣдъ за тѣмъ, съ трескомъ взлетѣлъ рослый уже фазаненокъ и грохнулъ жидковатый выстрѣлъ Петяньки. Этого было достаточно. Изъ конопли посыпались и потянули въ разныя стороны самка и цѣлый выводокъ. Они взлетали съ трескомъ, точно ракеты — особенность всей куриной породы. Петянька совершенно обомлѣлъ отъ неожиданности и восторга; онъ стоялъ, розиня ротъ и безпомощно опустивъ ружье, сердце его билось, ужъ конечно, не тише фазаняго. Василій, которому было недовко да и не видно стрѣлять въ высокомъ коноплянникѣ, съ досадою вышелъ къ товарищу, тоже не сдѣлавъ выстрѣла.

— Ну, вотъ тебѣ и фазанъ!.. Ахъ ты, стрѣлокъ, говорилъ тебѣ, не зѣвай. Гдѣ-жъ ты былъ-то, а?

Смущенный мальчикъ мялся на мѣстѣ.

— Да я, Вася... Очень ужъ вдругъ онъ — и не гадалъ со всѣмъ.

— То-то, вотъ... Нѣтъ, братъ, таперъ ужъ ты иди въ конопель-то, а я караулить стану. Вонъ, дальше есть зарость... Да едва-ли — распугали, чай. — Онъ задумался на минуту.

— Пстой-ко, тутъ пѣтухъ должонъ быть. Не можетъ быть, около держится, а не взлеталъ будто.

— Нѣту, нѣтъ, Вася, подтвердилъ Петянька, заряжая правый стволъ. — Не видать было. — Собственно говоря, онъ ничего не видалъ. Что-то пестрое засверкало и зарябило въ глазахъ, что-то невообразимо-живое и милое, точно музыкка, застучало въ ухахъ

и разсыпалось, не давъ ему придти въ себя, до того, что и теперь еще обливалось кровью и трепетало его охотничье сердце.

— Такъ ты, вотъ што, пройди-во вдоль по коноплю-то. Я поперець шоль, а ты, значить, вдоль. Въ середину-то войдешь, если не будетъ ничего—стрѣль.

— Ладно, кивнулъ тотъ, вернулся нѣсколько назадъ и пошоль по большой оси Эллипсиса, форму котораго имѣлъ коноплянникъ.

Василій приготовился и ждалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки.

Не успѣлъ сдѣлать Петянька десяти шаговъ, какъ изъ-подъ самыхъ ногъ его, съ хлопальемъ и трескомъ, точно онъ наступилъ на петарду, что-то кинулось вверхъ. Петянька оторопѣлъ и оступилъ шагъ назадъ, неистово крикнувъ, когда увидалъ надъ собою красивую птицу, сверкавшую на солнцѣ. Прошло нѣсколько томительныхъ секундъ. „Видить-ли Васюкъ?“, задыхаясь, мучился мальчикъ, когда громъ выстрѣла пресѣкъ это мучительное состояніе и, наповаль битая, жирная птица камнемъ упала въ траву, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Петяньки.

Черезъ двѣ-три минуты, несмотря на просьбы Петяньки походить еще по берегу, они шли дальше, отвязавъ Коссака и снова поднявъ парусъ.

— Некогда тутъ канителиться-то, только время теряешь. Не рано ужъ, близъ полдень будетъ, да и ѣсть хочется.

— Недалеко таперь до Семеныча-то, Вася?

— Сейчасъ повернемъ—видать будетъ.

Дѣйствительно, съ поворотомъ лодки въ ерикъ, влѣво, впереди, на мыскѣ между двумя протоками, показалась какая-то камышовая постройка, вродѣ сарая, а около, чуланъ не чуланъ, курятникъ не курятникъ, но что-то вовсе не напоминающее жилья человѣка. А, между тѣмъ, это-то именно и было обиталищемъ Семеныча. Все вмѣстѣ носило названіе *ватажки*, хотя и смахивало больше на ловецкій станъ.

Просхожденіе такихъ *ватажекъ* объясняется обыкновеніемъ множества мелкихъ предпринимателей, иногда кулачишекъ, вродѣ Гришкина, а иногда и близъ живущихъ ловцовъ, снимать отъ болѣе крупныхъ арендаторовъ или владѣльцевъ водъ одну, двѣ или нѣсколько тоннъ, неудобныхъ послѣднему по отдаленности отъ его

промышленныхъ заведеній (ватагъ), или, просто-на-просто, невыгодныхъ для солиднаго промышленнаго заведенія. Главную-же роль играетъ въ такихъ сдачахъ невозможность или относительная дороговизна наблюденія за такими тонами, которой они не могли-бы окупить. Въ рукахъ мелкаго предпринимателя — дѣло иное; тамъ, гдѣ собственное стараніе и глазъ всегда на мѣстѣ, предпріятіе можетъ дать пользу, особенно такому лицу, какъ одинъ изъ Гришкиныхъ. У нихъ и рыба изъ хозяйскаго невода окажется иногда купленною за десятую часть цѣны отъ владѣльческихъ неводныхъ рабочихъ, и соль корчеленая пойдетъ въ дѣло, и люди за безцѣнокъ наняты, и продовольствіе подешевле, „и шило брѣть“, однимъ словомъ. Такія тони сдаются на разныхъ условіяхъ. Иногда съ обязательствомъ всю уловленную на нихъ рыбу сдавать, по опредѣленной цѣнѣ, на владѣльческія промышленныя заведенія, иногда-же рыба готовится за собственный счетъ такого мелкаго съемщика тонъ и остается въ полномъ его распоряженіи. Вотъ, послѣднему-то случаю, когда необходимо помѣщеніе для посола рыбы и обязаны появленіемъ на свѣтъ *ватажки*, вродѣ той, къ которой подошла теперь лодка охотниковъ.

Древній отставной солдатъ Семенчычъ былъ караульщикомъ на ватажкѣ, гдѣ, правду сказать, и караулить-то было нечего. Только потому, что жилъ почти изъ одного хлѣба, онъ лѣтомъ сидѣлъ здѣсь, а къ зимѣ обыкновенно переходилъ на какой-нибудь большой промыселъ, въ качествѣ ночного сторожа, конюха или его помощника, кашевара и т. п. Старикъ очень любилъ тишину и одиночество, свободу и природу и сидѣлъ въ своемъ чуланѣ, какъ въ скиту, хотя былъ вѣчно занятъ работой, которая не мѣшала его созерцательной жизни. Онъ сучилъ мочальныя петли для вывѣски рыбы, поступавшей изъ посола на вѣшала въ сушку (вяленіе), металъ (плѣлъ) сѣти для лова мелкой, чешуйчатой рыбы, ставилъ силки (попружки) на фазана, собиралъ, приручалъ и продавалъ птенцовъ разной дикой птицы: фазанятъ, куличковъ, дудаковъ (цыплятъ дрофы) стрепетовъ, лебедей и т. п. Человѣкъ онъ былъ бывалый, много видавшій на своемъ вѣку, погостившій и въ Турціи, въ 1828 году, и въ Венгріи, и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, и на Сыръ-Дарьѣ. Онъ и портняжничалъ, и чоботарствовалъ, и шорничалъ малость, орудовалъ и топоромъ, и пилой, и долотомъ, и рубанкомъ. Самъ по себѣ, хотя былъ старъ,

былъ хлопотунъ неутомимый и, какъ ремесленная энциклопедія, не замѣнимъ въ рукахъ хорошаго хозяина въ здѣшнемъ краю, гдѣ часто приходится попадать на таковой необитаемый островъ, гдѣ, кромѣ степи, неба и моря, найдешь развѣ одинъ только камышъ. Съ Васильемъ Семенычъ былъ большой пріятель.

Около ватажки лежали на боку два большихъ чана, повидимому, только-что вырытыхъ. Они были четвертой около четырнадцати по-дну, въ діаметрѣ. Шестъ такихъ-же еще оставались вырытыми въ землѣ, въ сараѣ. На каждомъ было по четыре тяжелыхъ желѣзныхъ обруча. Надо было полагать, что ватажка куда-то переносилась.

У Семеныча, на берегу, курился дымокъ и кипѣлъ котелокъ съ калмыцкимъ чаемъ. Старикъ обрадовался гостямъ.

— Вотъ кстати, ослаблися онъ, притѣнивъ глаза отъ солнца и вглядываясь въ приставшихъ.

— Здорово Андрей Семенычъ, какъ живешь-можешь? крикнулъ еще съ лодки Василій.

— А чего мнѣ?.. Слава Тебѣ, Господи, Батюшѣ милосливному— вишь, угодые какое! Ровно баринъ въ помѣстьи живу. Ну-ка тащите чашки-то, — чай готовъ, да, вотъ бѣда, севризь-отъ у меня одинъ, добродушно и весело балагурилъ старикъ, шевеля небольшою, бѣлою, какъ лунь, бородкой и усами. Признать солдата въ немъ было трудно. Волоса въ скобку съ подрѣзомъ на лбу, по старинѣ, и борода скрывали солдатское обличье; выдавала его только рѣчь со множествомъ несвойственныхъ мѣстному населенію выраженій и незнакомыхъ терминовъ.

Голодные гости захватили изъ лодки деревянныя чашки и ложки, пшеничныя домашнія витушки и лепешки на салѣ и безъ церемоніи усѣлись къ котелку; затѣмъ, наскоро сварили похлебку изъ убитыхъ дорогою утокъ, закусили вплотную вмѣстѣ со старымъ помѣщикомъ, оставили на его рукахъ свою лодку со скарбомъ, и рядкомъ зашагали на охоту, предшествуемые сытымъ и свободнымъ теперъ Корсакомъ.

Было темно. Именно та пора, когда солнце уже сѣло, а огромная красная, точно раскаленная луна, только-что показалась надъ горизонтомъ, еще не освѣщая, но окрашивая землю какими-то

тайнственнымъ, темно-краснымъ оттѣнкомъ. Кругомъ, и въ лодкѣ Васюка, подвигавшейся къ дому, было тихо. Тучи птицъ, усѣвшихся на ночлегъ по глухимъ, топкимъ, малодоступнымъ островамъ протоковъ и ильменей замолкли, только выпь, время отъ времени, охала гдѣ-то глухо и отрывисто. Вѣтеръ къ вечеру сдася и опять тащилъ охотниковъ, но тихо и не по старому пути. Василій сидѣлъ на рулѣ, груда набитой птицы лежала порядочной кошкой въ лодкѣ, измученный Корсакъ спалъ мертвымъ сномъ и усталые охотники молчали, покоряясь чарамъ темно-багрового полумрака и могильнаго безмолвія.

Можно было подумать, что Петянька дремалъ, привалясь къ мачтѣ, а, между тѣмъ, неотступная задача, сказать-ли и какъ сказать, еще не была разрѣшена и положительно мучила мальчика. Какъ онъ ни вертѣлъ дѣло въ своей головѣ — не выходило ничего. Совершенно инстинктивно онъ обратился къ Василью.

— Вася, тихо обликнулъ онъ сидѣвшаго въ кормѣ товарища.

— Ну?..

— Вотъ, неодновѣ ты мнѣ наказывалъ правду всегда говорить...

— Ну, ште-же?..

— А если эта самая правда-то не въ совѣсть мнѣ будетъ?..

— Какъ-же это такъ—не пойму што-то.

— А такъ и есть. Можетъ она вредъ кому ни на есть сдѣлаетъ, правда-то моя...

— Знамо, кривому человѣку отъ нея проку мало, улыбнулся Василій,—на то она и правдой зовется.

— Нѣтъ, Вася,—не то ты... можетъ она хорошему-то человѣку, иной, больше вреда понадѣляетъ—вотъ про што я... грустно, точно размышляя о чемъ-то близкомъ, отозвался Петянька.

Василій, не обратившій сначала на разговоръ особеннаго вниманія, такъ-какъ мальчикъ часто обращался къ нему за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній, теперь, удивленный его тономъ, старался всмотрѣться въ лицо говорившаго, но тщетно. Слабый багрянецъ луны падалъ на того сзади, оставляя лицо въ тѣни.

— Ты што это за разговоръ повелъ, серьезно и сочувственно обратился онъ къ мальчику,—неведомекъ совсѣмъ, што и сказать хочешь... ты къ чему это?..

— Нѣтъ, такъ я... въ примѣру говорю... такъ-же задумчиво и грустно выговорилъ тотъ и замолокъ, точно боясь встревожить вниманіе Василія.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Не смею я никакъ, снова началъ Василій тономъ разсужденія, — какъ правда хорошему человѣку больше вреда надѣлаетъ, чѣмъ плохому. Што-жъ ты, на мѣсто правды-то, ложь будешь говорить?..

— Да, нѣтъ — опять не то ты... а ежели смолчать можно?

— Да, ну, само-собой, ежели правда доброму человѣку во вредъ будетъ, да не спрашиваетъ тебя никто о ней, такъ оно, можетъ, лучше и промолчать. Вѣдь мы, братъ, часто и дурнымъ-то людямъ правды не говоримъ... Оно, можетъ, и не такъ по писанію-то, да по обычаю-то по нашему такъ ужъ ведется... Вонъ, у насъ въ приходѣ иной разъ, попъ на-веселѣ, а иной, и совсѣмъ безобразный вечерню, али всеношную служить, такъ и тому не пойдешь выговаривать за каждый разъ, а не то што... А и тутъ вѣдь по закону-то, все-таки рази такъ-бы слѣдовало... Слѣдовало-бы архирею доложить объ этомъ дѣлѣ.

— То-то и есть, улыбнулся невольно Петянька, — а попадаья-то добрая, ласковая, сердобольная, аяъ сельскіе-то и жалѣютъ?

— Такъ-то оно такъ, только проку здѣсь нѣтъ — хвалить нечего. Намъ для церкви попъ даденъ, а не попадаья. Ты попадаью-то награди, когда жалѣешь, а попу все-таки не потакай. Нѣтъ, братъ, правда, какъ ты не толкуй, все правдой останется и плохо отъ нее плохому только... Хорошаго человѣка неправда со свѣта гонить — это такъ.

— А я такъ думаю, въ примѣру, скажи мнѣ, кто про тебя дурное што, пускай и правду — ворогомъ мнѣ такой человѣкъ покажется, ровно родное што отнять хочеть. — вотъ про што я...

— Какъ!.. Намъ съ тобой прискорбно, такъ другой лгать должонъ, молчать, злу потакать, строго вступился Василій, — ты што говоришь-то, понимаешь-ли?.. Рази правда-то на свѣтѣ для твоего покою только живеть? Люба она тебѣ, такъ правду говори, а не люба такъ молчи, али лги. Да, такъ вотъ для какого хорошаго человѣка молчать-то нужно?.. А мнѣ было и не въ догадъ давеча, съ сердитой ироніей выговорилъ онъ.

Вообще, какъ инстинктивно казуистически не ворочалъ дѣла

смѣтливый, но сомнѣвающийся Петянька, у Василія выходило, что правда, все-таки, впереди всего и, въ концѣ-концовъ, мальчикъ разсказалъ ему ночную исторію со всѣми подробностями, объяснивъ свое молчаніе только боязнью растревожить Василія, и тѣмъ, какъ-бы его слова не были приняты за сплѣтки.

Въ теченіи разсказа Василій не проронилъ слова, не сказалъ ничего и по окончаніи. Только вначалѣ, при разсказѣ какъ Дарья вышла къ Гришкину, онъ почувствовалъ боль—ему показалось, что чья-то безжалостная, грубая рука захватила и давить все сильнѣй его сердце, выжимая кровь, пока въ немъ не заглохло все. Потомъ онъ ничего не чувствовалъ ясно. Онъ слышалъ все до послѣдняго слова, но привести въ какой-нибудь порядокъ свои впечатлѣнія былъ совершенно безсиленъ. Онъ уставился на встававшую въ небѣ луну, точно старался разглядѣть или прочесть что на ней. „Вонъ, Каинъ убитаго Авеля несетъ“, машинально бродило въ его головѣ, когда-то и гдѣ-то слышанное.

Молчаніе это страшно томило привязчивое сердце Петяньки, но сказать что-нибудь теперь у него просто не поворачивался языкъ—не время, думалъ онъ, однако, не выдержалъ-таки.

— Ты на меня не сердчай, Вася, тихо и жалобно сорвалось у него.

— А?! точно проснувшись отозвался тотъ.

— Не сердчай, моль, на меня, Христа ради, ежели...

— Нѣтъ, нѣтъ... што ты, за што?

Больше они не сказали слова, пока лодка не повернула въ протокъ, но уже со стороны моря, и не подошла къ ихъ ерику.

Василій направилъ лодку прямо къ знакомому рынку и молча сталъ сортировать птицу, большую часть выкидывая на берегъ.

„Ужли онъ теперь къ Гришкину пойдетъ?“, тревожно думалъ Петянька, зная, что больше идти некуда и что такъ бывало обыкновенно, по требованію Матрены Ивановны, которая брала только дичь свѣжую и тотчасъ-же выносила ее на погребъ. Сперва онъ хотѣлъ-было посоветовать оставить птицу до завтра, но вспомнивъ, что теперь Гришкинъ въ морѣ, успокоился и промолчалъ.

— Ступай домой — догребешь чай! Постельку мнѣ въ холодной изготви, можетъ, поздно приду... Да калитку не запирай, наказалъ, выскочивъ на берегъ Василій.

Петянька захопалъ веслами и скрылся въ извилинѣ ерика, пока Василій перевязывалъ дичь.

Руки его дрожали и едва могли справиться съ дѣломъ, а въ груди бушевалъ никогда еще неиспытанный хаосъ боли, оскорбленія, ненависти, бѣшенства и жажды мести, такъ чуждый его теплоте и довѣрчивому сердцу. Этотъ ураганъ крутилъ и несъ его, онъ самъ не понималъ куда, да, если-бъ и могъ понимать—не захотѣлъ-бы.

Какъ онъ любилъ Дарью, не зналъ никто и всего меньше, оказывалось, она. Но онъ теперь не думалъ объ этомъ, онъ только чувствовалъ, что его толкали и тащили куда-то... кто, что, зачѣмъ—онъ не соображалъ ничего и покорялся.

Едва попадая въ стволъ разрядникомъ шомпола, онъ выдернулъ паклю пыжа и выплеснулъ среднюю дробь, бывшую въ этомъ стволѣ, взялъ безъ мѣры хорошую долю крупной, засыпалъ туда и туго припыжилъ. Въ полумракѣ и мертвомъ безмолвіи ночи какъ-то злобѣще и сухо застучала она по стволу. Секунду затѣмъ, весь увѣшанный птицей, тяжелыми, но быстрыми шагами, онъ шолъ по тропинкѣ къ казенкѣ. Позднее посѣщеніе не могло никого удивить—предлогъ былъ на немъ.

Онъ шолъ и жадными глазами взглядывался въ серебристую, но неясную, обманчивую даль. Все дрожало въ немъ отъ нетерпѣнія и онъ прибавлялъ шагъ, точно земля жала ему подошвы, пока, наконецъ, чувство горячѣй, жестокой, хищной радости не залило ему сердца... Черный силуэтъ большого судна все ярче выдѣлялся на серебристомъ фонѣ, противъ казенки—хозяинъ былъ дома.

Въ горенкѣ былъ огонь, пьяные голоса слышались на посудѣ. „Передъ отваломъ, значить“, улыбнулся Василій и дернулъ ручку двери. Улыбка еще не успѣла сойти съ его сухихъ, запекшихся губъ и блѣднаго лица, какъ его исказило недоумѣніе и чувство обманутаго ожиданія.

Въ горницѣ Матрена Ивановна толковала съ какимъ-то приземистымъ пожилымъ ловцомъ или лопманомъ. Бочонокъ только-что налитой водки стоялъ между ними на полу.

— А хозяинъ?! было первымъ словомъ Василья.

— Эхъ, ты—они еще въ обѣдъ ушли... да тебѣ онъ на што?

— Прощаться хотѣлъ, глухо выговорилъ вошедшій, со странной судорожной улыбкой.

— Нѣту, нѣтъ — не захватилъ... Видно, съ охоты?

— Возьмешь, што-ль? угрюмо спросилъ тотъ, снимая птицу, перекинутую черезъ плечо пѣлыми ворохами.

— Возьму, пожалуй — завтра работникъ въ городъ ѣдетъ. Экъ-ты напалилъ!

— Некогда мнѣ теперь — завтра сочтемся, едва могъ выговорить Василій, бросая птицу у порога. — Прости повель.

Дверь затворилась за нимъ и онъ пошелъ по той-же тропинкѣ, шатаясь, какъ пьяный. Напрасно луна всходила все выше, напрасно мигали безстрастныя звѣзды — ему не было до нихъ дѣла, въ немъ былъ непроглядный мракъ. Напрасно прохлада плыла въ воздухъ, остужая землю — она душила, а не освѣжала его. Напрасно родной домъ звалъ несчастнаго на отдыхъ и сонъ — чѣмъ ближе онъ былъ, тѣмъ меньше хотѣлось идти туда.

Вотъ и мысокъ. Василій бросилъ ружье, сѣлъ на-ярдѣ, свѣсивъ ноги къ темной водѣ, кое-гдѣ сверкавшей серебромъ, и заплакалъ. Да, заплакалъ тѣми тихими, безмолвными слезами безсильной ярости и неудовлетвореннаго чувства оскорбленія и мести, которыя выдавливали ихъ, сжимая сердце. Нѣтъ, это не были здоровныя слезы, которыя уносятъ ядъ и горечь изъ отравленной души. Это были слезы непереносной обиды и обманутой надежды.

И, вотъ, онъ сидѣлъ тутъ и думалъ, думалъ и думалъ — онъ могъ теперь думать. О чемъ?.. Онъ и самъ-бы не пересказалъ этого. Обо всемъ. Обо всемъ своемъ прошломъ, о безжалостномъ настоящемъ, о будущемъ... О какомъ будущемъ могъ онъ думать — кто знаетъ? Объ одномъ развѣ, какъ расквитаться за свою обиду. О чемъ другомъ могъ думать человѣкъ, у котораго не было настоящаго?.. „А мать?“, съ упрекомъ крикнула совѣсть и передъ нимъ прошло все, чѣмъ была для него она, давшая ему жизнь и въ него-же положившая свою. Другія, лучшія слезы облегчили его. Около было еще сердце, для котораго хотѣлось жить.

Онъ спустился къ водѣ, помочилъ свою горячую голову, перекрестился и побрелъ домой.

VI.

Несмотря на усталость послѣ охоты, Василій заснулъ не надолго, только къ утру. Вздурораженный нравственный мѣръ парня бунтоваль, выпята кровь, выдавшуюся въ голову и заливавшую сердце. Въ этой незлобивой душѣ, оскербленной такъ внезапно и больно, теперь, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни, вспыхнула и загорѣлась неотступная мысль, во что-бы то ни стало, расквитаться съ Гришкинымъ. Съ каждой минутой пожаръ этотъ захватывалъ все большее пространство, гоня Васюка изъ области мира и сна.

Цѣлую ночь вертѣлся несчастный съ боку на бокъ, напрягая всю свою изобрѣтательность, чѣмъ и какъ расквитаться съ наглѣмъ человѣкомъ.

То невольное, стихійное, внезапное движеніе страсти и крови, которое недавно еще гнало его „попрощаться“ съ обидчикомъ, было дѣломъ момента и безумія, а не преднамѣренія; теперь оно было невозможно. То, что было естественно, какъ порывъ, теперь было-бы преступленіемъ. Васюкъ чуялъ это сердцемъ, упрямо противившимся всѣмъ подстрекательствамъ раздраженной бередающей мысли. „Потомъ, что-жъ это за расчетъ, соображалъ онъ, — врагу мигъ боли, а своимъ — цѣлая жизнь казни“. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ хотѣлъ-бы поразить его также жестоко и больно, какъ былъ пораженъ самъ, хотѣлъ-бы такъ занозить его сердце, чтобы эта заноза гноилась и болѣла всю жизнь.

Разумѣтся, это было невозможно, — Гришкинъ былъ неуязвимъ съ этой стороны — и долго раздумывалъ Васюкъ, что дороже всего для этого черстватаго человѣка, пока не пришелъ къ тому, что ему нилѣе и дороже всего — рубль. Рублемъ надо и убить его. Но какъ — вотъ вопросъ?

Только къ утру, повидимому, рѣшившійся на что-то и нѣскольکو успокоенный, Васюкъ заснулъ тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

Съ утра, съ пробужденіемъ Васюка, въ домѣ и около закипѣла лихорадочная дѣятельность. Когда слова не сказавъ съ женою, онъ объявилъ матери, что надумалъ идти подъ судака къ Морцу, сердце Дарьи вдругъ захолонуло и гнетущее ощущеніе чего-то недобраго зашевелилось въ ней. Однако, всѣ закопошились и приня-

лись помогать сборамъ. Бабы разбирали, чинили и мѣтали (взвали) новыя сѣти, а Васюкъ, Петянька и появившійся встати Семенычъ сажали и дубили готовныя, возясь около дубного котла, вмазаннаго на самомъ берегу ерика, ради близости воды. Измазанные, точно сами одубленные ради прочности, они-то выбирали одубленные сѣти изъ горячаго дубильнаго отвара, то закладывали въ него новыя рядами, пересыпая измельченной ивовой или дубовой корой (корьемъ).

Въ такихъ хлопотахъ прошло около двухъ недѣль, когда, однажды за чаемъ, Василій объявлялъ, что вечеромъ выйдетъ въ море. †Дарью точно ударилъ кто по сердцу. Она видѣла, что хододнымъ, чуть не враждебнымъ отношеніямъ, между мужемъ и ею не суждено миновать, что та-же туча останется надъ ней и по его уходѣ. Она не знала, что именно попритчилось съ Васюкомъ, но не рѣшалась почему-то спросить его, точно чувствуя себя виноватой. Она не понимала, что въ молчаніи-то и была ея вина. А Василій?.. Любовь и горечь боролись въ его обиженномъ сердцѣ и онъ торопился, точно боялся утратить энергію, необходимую для *его дѣла*. Да, онъ боялся всякаго объясненія съ женой столько-же, сколько ждалъ его раньше.

Въ вечеру, когда уже стало склоняться на отдыхъ багранозолотое солнце, Василій и Петянька простились съ домашними. Когда холодныя, жесткія, безмолвныя, точно мертвыя губы Васюка коснулись теплыхъ, алыхъ, влажныхъ устъ рыдавшей Дарьи — все лицо бѣднаги передернуло и ему страстно захотѣлось схватить ее въ объятія и прижать къ изболѣвшему сердцу, простивъ и забывъ все, но онъ испугался этого и, тихо стиснувъ зубы, задалъ въ себѣ прорвавшійся-было огонь чувства, отвернувъ предательски искаженное лицо.

Скоро багранцемъ заката вспыхнули бѣлыя крылья поднятыхъ парусовъ.

При первомъ взглядѣ кругомъ, громадная мутно-зеленая равнина зыблется передъ вашими глазами, но оглянитесь внимательно нѣе и вы увидите на востокѣ темную низменную полосу берега, то выступающую впередъ, то исчезающую изъ глазъ. При внимательномъ взглядываніи она дѣлается все яснѣй и яснѣй, даже

болѣе или менѣе густые и высокіе камыши становятся видими и замѣтны. Еще лучше, если при васъ морской бинокль. Въ нѣсколь-ко минутъ вы успѣете ориентироваться и узнаете берегъ, около котораго находитесь, если уже успѣли познакомиться съ нимъ раньше.

Человѣку бывалому, знакомому съ моремъ, это вовсе не такъ трудно; карта береговъ той или другой части моря со своими урочищами, заливами, рѣками и протоками, рынками и буграми, полуостровами и островами, ясно нарисована въ его воображеніи и отпечатана въ памяти. Принимая въ соображеніе направленіе пройденнаго разстоянія видимаго берега и, наконецъ, направленіе, по которому лежитъ вновь открывшаяся береговая полоса (черни), наблюдателю уже не трудно, приведя на память карту соответственнаго берега, опредѣлить мѣсто, гдѣ онъ долженъ находиться.

Вотъ и намъ теперь надо-бы опредѣлить, гдѣ мы?

Бругомъ та-же мутно-зеленая, однообразная, зыблущаяся равнина моря, по которой тамъ и сямъ раскиданы группы черныхъ судовъ и лодокъ, которыя тихо покачиваются на якоряхъ, степенно поклеванная носомъ и мѣрно помахивая черными высокими мачтами въ сѣроватомъ осеннемъ небѣ.

Да, многое множество такихъ судовъ, носящихъ названіе эмбенскихъ, раскидано по всему сѣверовосточному углу моря, начиная отъ границы уральскихъ казачьихъ водъ *). Стоять они противу Салыза и Эмбы, стоятъ въ Мертвомъ Култугѣ, между Долгины, Подгорнымъ, Святымъ и Кудалы **), стоятъ и въ западной сторонѣ моря—въ Лагани ***) , у Чернаго Рынка, у устьевъ Терка и Кавказскихъ береговъ. Вездѣ путь-дорога вольному эмбенскому судну—все море открыто ему.

Однако, черни на востокъ и черни, поросшія камышами...

*) Восточная граница морскихъ казачьихъ водъ. Должна-бы лежать съ острова *Гюльскаю*, но, вслѣдствіе злоупотребленій, отъ астраханскихъ водъ прирѣзано въ пользу казаковъ еще болѣе десятиверстнаго протяженія по берегу къ востоку, то-есть въ астраханскія вольныя воды.

**) *Самызъ* и *Эмба* — рѣки; вода первой совершенно соленая и терлется въ соляныхъ грязныхъ озерахъ—*сорахъ*, вода второй неприятно солоноватая въ низовьяхъ, вслѣдствіе запрудъ ея, выше, киргизами для водопоевъ. Мертвый Култугъ—заливъ. *Долгине*, *Подгорный*, *Святой* и *Кудалы* — острова. Послѣдніе три извѣстны тюленьимъ промысломъ.

***) *Лагань*, *Черный Рынокъ*, *Устья Терка* — пункты сѣверо-западной части моря.

гдѣ-жѣ это можетъ быть къ сѣверной части моря, кромѣ устьевъ Эмбы или сѣверной части Мертваго Култука? Вѣдь камышъ можетъ расти только тамъ, гдѣ прѣсныя воды омываютъ и поятъ его корни, хоть извѣстную часть лѣта. А поля воды Волги и Урала, далеко выбрасываемыя въ сѣверныя части моря, хотя и не рано, но приходятъ сюда. Да, ни черней на востокѣ, ни другихъ береговъ густо поросшихъ камышами, нѣтъ нигдѣ въ сѣверовосточной части моря.

Мы, дѣйствительно, въ сѣверной части Мертваго Култука.

Уже съ мѣсяцъ, между не то островомъ, не то полуостровомъ Бакальскимъ и Аистовыми *), стоитъ, какъ и прочія, поклевывая носомъ, своякая нашихъ знакомцевъ. Небольшая сѣтная лодка и бударченка мотаются подъ ея кормомъ.

Далеко-такъ занесло нашихъ пріятелей отъ Синяго Морца, близъ котораго намѣревался Василій ловить судака,—далеко-такъ богъ-вѣсть, что загнало ихъ сюда, въ такую даль? Рыбы, что-ли, не было ближе? Поди-ка, куда угодили... а, вѣдь, дома всѣ думаютъ, что они противъ Морца ловятъ,—да чего думаютъ?.. Видали ихъ тамъ; свои односельчане видали. Даже больному Дарьиному сердцу передышка была: „живъ, здоровъ — слава Богу, значать опять къ ней вернется, опять ея-же будетъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, пройдя Синее Морцо и немного не дойдя до Джамбая **), Васюкъ и Петянька встрѣтили множество судачниковъ и немедля попробовали выбить немного сѣтей и повѣдаться съ шабрами, которыхъ нашли тутъ; но, на второй или на третій день, Василій выдралъ къ вечеру сѣти, и, несмотря на то, что рыба тащилась порядочно, онъ къ удивленію Петяньки, ночью поднялъ паруса и пошелъ на остъ-нордъ-остъ.

— Мы куда-же таперъ, Вася,—далеко-ли?

— Далеча пойдѣтъ, Петянька; намъ здѣсь не ловъ... Ай, боишься моря-то?

*) *Бакалій* или *Манайлы*—судя по картѣ, островъ, но въ дѣйствительности теперь почти соединившійся съ материкомъ (кражемъ). *Аистовы*—урочище.

**) *Джамбай*, *Никольское* тожъ—селеніе, бывшее Юсуповыхъ, нѣкогда что-то вродѣ мѣста ссылки, куда богатые владѣльцы морскихъ водъ выгоняли изъ внутреннихъ своихъ помѣстій, особенно изъ Малороссіи, крестьянъ, отрывая отъ плуга и борони для незнакомаго рыболовства. Все селеніе расположено на буграхъ и островахъ, обливаемыхъ протоками. Это Венеція своего рода, гдѣ сообщеніе производится водою. Въ настоящее время селеніе сдѣлалось административнымъ центромъ цѣлаго уѣзда.

— Вона!

— Ну, то-то, — вызвался помощникомъ быть, такъ ужъ вѣ-
стѣ надо, коли што.

— Да што ты, рази я къ тому?

— Ну, ну!.. Выпусти шкота-то — вишь способнѣй. По остъ-
нордъ-осту такъ и держи.

И лодка шла и шла на остъ-нордъ-остъ, пока не миновала За-
бурунскую косу, Пороховинскую ватагу, Пороховой Бугоръ, Бак-
сай и не оставила за собою острововъ Каменнаго и Камнинна *),
лежащихъ въ водахъ Уральскихъ казаковъ. Тамъ ужъ пошли
свои эмбенскіе суда и языкъ довелъ нашихъ плавателей прямо
до Бауланьяго. Почему до Бауланьяго, было извѣстно только
Василью, который, спрашивая встрѣчныхъ рыбопромышленниковъ,
узналъ, между прочимъ, что икорный закупатель Гришкинъ сто-
итъ противъ самаго Бауланинскаго култуба и флагъ у него на
посудѣ поднять.

Удостоверившись въ истинѣ слышаннаго собственными глазами,
Васюкъ отошелъ отъ благопріятеля къ югу, по направленію къ
Аистовымъ, и положилъ якорь вдали отъ каравана Гришкина,
но такъ, что его все-таки можно было видѣть. Только тутъ Ва-
сюкъ почувствовалъ себя спокойнѣе, точно онъ настигъ врага,
котораго потерялъ изъ виду и убѣдился, что тотъ теперь не вы-
вернется — нѣтъ! „Долгъ платежемъ красенъ!“

Тотчасъ-же по приходѣ на мѣсто, работа закипѣла у Васюка
съ Петянькой и новня, свѣжеодубленныя сѣти потянулись въ водѣ.
Ихъ было только двое, третьяго рабочаго, даже Семеныча, кото-
рый просился-было съ ними, Василій, по своимъ соображеніямъ,
не разсудилъ взять въ море; поэтому дѣла было волю. Первые
дни они кипѣли, какъ на огнѣ и только, когда сѣти были вы-
биты и тонкая паутина ихъ протанулась, перпендикулярно къ

*) *Забурунская коса* — лежитъ въ большихъ водахъ Юсупова, къ востоку отъ
нея самая приглубая часть сѣверныхъ береговъ моря. *Пороховинская Ватага*,
тоже бывшая Юсупова. *Пороховой бугоръ*, по народному повѣрью бугоръ, гдѣ
держалъ пороховые склады Степанъ Тимофеевичъ Разинъ. *Баксай* — рѣчка на
запади. грани казачьихъ водъ, нѣкогда самый западный рукавъ Урала, теперь
пересохшій, при самомъ истокаѣ изъ Урала и протекающій лишь въ сочныя по-
лья воды. *Каменный* и *Камнинъ* — острова, первый лежитъ около самаго глав-
наго устья Урала съ запада, второй почти на восточной границѣ казачьихъ
водъ съ эмбенскими, покрытъ гнѣздами чаекъ.

линіи берега, длинными, легкими, едва замѣтными въ водѣ, полотнощами, для нихъ настало время сравнительнаго отдыха. Рыбы густой еще не было и нерѣдко сѣти оказывались совершенно пусты, но зато днями, точно изъ земли, со дна морского, появлялся судакъ и его было, какъ *тряси*, по выраженію ловцовъ. „Огрядли сѣти-то, да чево сѣти и на снасти-то отбою нѣтъ“, говорили они, — „пойдешь на переборку — на каждой удочкѣ сидитъ, тревлятой, изволь очищать! Кидаешь ево въ воду-то, кидаешь, ажъ руки устануть — не дасть крупной рыбы ловить, хошь плачь. Ужь и ругаемъ мы ево! Вѣдуги-то ходъ!“ Въ такіе дни Васюку и Петянькѣ работы по горло. По меньшей мѣрѣ, два раза въ день надо сходить на переборку сѣтей, въ море. Недалеко пускай, да копотно, — еле выдерешь его изъ сѣтей-то. Видитъ вѣдь, что не туда угодили и проходу нѣтъ, такъ куда тебѣ! лезеть впередъ, — пролезть думаетъ. А пряжа-то крѣпкая, ровно проволока, такъ и перерѣжетъ его — ни туда, ни сюда. Или башкой запутается, жабрами — насилу выручишь изъ сѣти-то. Потомъ эту *вырученную* рыбу необходимо тотчасъ же, по доставкѣ на своейскую, рѣзать и солить, а то потеряетъ видъ, а пожалуй, и совсѣмъ испортится, если тепло.

Рѣзали судака на малосоль, со спины, прорѣзывая ребра, то есть отдѣляя ихъ съ одной стороны отъ хребтовой кости. Свежевзрѣзанное нѣжное тѣло, еще трепещущаго судака, напоминало сочную продолговатую дыню, разрѣзанную вдоль, до того, что носъ ждалъ ароматнаго запаха. Разрѣзанная вдоль и турсуненая (потрошенная) рыба просаливалась крупной сѣрвовой солью, внутри, особенно распластанная голова ея, укладывалась рядами въ лодку, разрѣзанною спиною вверхъ, чтобы въ рыбѣ стоялъ образующійся рассоль и, по накопленіи, доставлялась въ Астрахань.

Были первые дни октября и лодка Васюка была уже порядочно пригружена наловленной рыбой, среди которой, между судакомъ, былъ виденъ значительный бунтъ севрюги, значить ловъ побаловалъ новаго эмбенца. Петянька оказался незамѣнимымъ рабочимъ для лова судака. Дѣло было знакомо ему съ дѣтства да и требовало, по существу своему, расторопныхъ женскихъ или юношескихъ рукъ. Рѣзать и солить, т. е. вообще убирать мелкую рыбу Петянька оказался вдвое искуснѣе Василья — и тогда, какъ послѣдній, сначала, съ трудомъ вырѣзываетъ восемьсотъ

рыбъ, первый свободно, ловко и чисто кончалъ полторы тысячи въ день; то-же было и въ посолѣ, то-же и на сѣтяхъ, въ морѣ. Даже въ выбойкѣ сѣтей Петянкѣ много было извѣстно такого, что для Василья оказывалось новостью. Послѣдній уже не разъ говорилъ первому, что тотъ для него, одно слово, — находка, дорогого стоитъ, и что жалованье ему теперь, ровно взрослому пойдетъ.

Короткіе хлопотливые дни и длинныя ночи шли своимъ чередомъ и сердце Василья, успѣвавшее забыться въ трудѣ дня, приходило въ себя и начинало болѣть и тосковать по Дарьѣ въ долгіе часы ночи. Вечера еще кое-какъ коротали они за самоваромъ, распѣвавшимъ на всѣ лады и наполнявшимъ паромъ низкую каютку, но, какъ скоро приходилось ложиться и тушить огонь, какъ скоро словно мертвый спалъ намаевшійся мальчикъ, въ головѣ Василья начинали бродить безповойныя мысли, бередившія сердце, и воспоминанія, не дававшія покоя и сна.

Его мучило, главное дѣло, то, что онъ до сихъ поръ не поймалъ случая расквитаться съ Гришкинымъ. Множество плановъ мѣнялось въ воображеніи Василья, прежде нежели онъ остановился на одномъ, который жертво-на жертво затаилъ въ себѣ — и ждалъ. Вотъ эта мука ожиданія чѣмъ дальше тѣмъ мучительнѣе грызла Василья.

Чего-же онъ ждалъ?..

Зная намѣренія Василья убить Гришкина рублемъ, можно-бы отвѣчать: „чуда“, потому-что, какую возможность, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ человѣкъ, какъ Васюкъ, самъ не имѣвшій никакого понятія о рублѣ, убить таковаго знатока и специалиста рубля, какъ Афанасій? Казалось, на этомъ полѣ, именно въ этой рублевой битвѣ, бѣдняга былъ безпомощенъ, какъ новорожденный младенецъ, безсиленъ и смѣшенъ, какъ нищій въ борьбѣ съ Ротшильдомъ. А, между тѣмъ, истомившійся, изможденный гнѣвомъ мести Васюкъ ждалъ помощи, но не оттуда, откуда ищутъ всѣ. Онъ искалъ ее въ своемъ родномъ мірѣ и вѣрилъ страстно, что найдетъ ее тамъ. Что это будетъ, какъ поможетъ ему, чѣмъ поразитъ врага, ждавшій и самъ не зналъ хорошо. Можно было сказать, что онъ ждалъ дѣйствительно чуда, потому-что онъ *въровалъ*.

Долгая, ненастная осенняя ночь въ морѣ. Ни зги!.. Ничего, кромѣ свиста и воя вѣтра, шипѣнья пѣны и холоднаго, тяжелаго, періодически мѣрнаго всплеска волнъ. Ничего, кромѣ мрачной, какъ бездна, непроглядной, влажной, мчащейся мимо и до костей пронизывающей тьмы. Ни откуда свѣта!.. Даже густые, косматые, темносѣрые клочья облаковъ, безмолвно несущихся въ небѣ, едва различаетъ глазъ. Ищешь скрыться, согрѣться, заснуть, забыть эту хищную ночь и, при одномъ воспоминаніи о ней, дрожишь отъ холода, забьнешь мыслью и сердцемъ, замерзаешь воображеніемъ. Ничего, кромѣ жажды физическаго благосостоянія и тепла.

Да, все старалось спать и спало теперь въ безпріютномъ морѣ. Лишь Васюкъ, въ сердцѣ котораго былъ тотъ-же холодъ и мракъ, стоялъ на кормѣ и, наклонившись надъ бортомъ, упрямо вглядывался въ тяжелыя, холодныя, съ шипомъ и свистомъ несущіяся мимо волны, въ хаосъ неба и моря, влаги и вѣтра, слушая бѣшенную гармонію его и дьявольскіе диссонансы... Что слышалъ онъ въ нихъ, о чемъ они говорили, что совѣтывали, чему учили?.. Это ихъ дѣло. Они и онъ развѣ не родные между собою?.. Вѣдь они пѣли еще надъ его колыбелью и будутъ пѣть надъ могилой—стыдно было-бы не понять ихъ!

Да, ему не къ кому было обратиться со своимъ горемъ, не съ кѣмъ подѣлиться невыносимою, вѣчно затаенною, нѣмою и сдавленною болью души; онъ шелъ сюда, въ длинныя темныя ночи, точно надѣясь отдать свой гнетъ силъ бѣшеннаго вѣтра или утопить въ безднѣ непрогляднаго мрака. Со страстнымъ упрямымъ вниманіемъ, забывая холодную сырость, ледяную кровь, и вѣтеръ, врывавшійся въ сердце, вслушивался Васюкъ въ визгъ, свистъ и шипъ; точно тысячи гадовъ и химерическихъ чудовищъ, задавая свой адскій концертъ, извивались, переплетались и, проносясь, кишѣли во тьмѣ. Да, онъ слышалъ ихъ, и чѣмъ больше слушалъ, тѣмъ сильнѣе и непреодолимѣе толкало его спустить всю эту адскую стаю на челобѣе, вторгнувшагося въ его жизнь, убившаго миръ его духа, погасившаго свѣтъ существованія. Онъ не могъ и не хотѣлъ бороться съ собою—въ силъ стихій былъ его союзникъ. Васюкъ понималъ это не разумомъ; не здравымъ смысломъ, а инстинктомъ—стихіями всего своего существа. Да, онъ чувствовалъ въ себѣ отрадную мощь, взять силы родной, бого-

творимой, гнѣвной природы и бросить ихъ на врага, — на чужого, пошлаго, наглаго человѣка, не имѣвшаго о нихъ никакого понятія, не питавшаго къ нимъ ничего, кромѣ користи и малодушнаго страха.

Онъ готовъ былъ сдѣлать это сейчасъ, одинъ, безъ помощника, поставивъ на темную, на самую рискованную карту, собственную жизнь. Однако, онъ былъ не готовъ и вѣтеръ дулъ съ берега. Подъ лодкой оставалось немного воды, значить, Гришкинъ на мели и идти было некуда.

Василій отыскалъ футштокъ *) , наметнулъ и, убѣдясъ, что воды, вмѣсто восьми футовъ, осталось три, спустился въ каяту и легъ.

Вѣтеръ, дувшій всю ночь, къ утру обратился въ штормъ. Когда едва забрезжило и встали наши аргонавты, то увидали, что хоть снова ложись — дѣлать оказывалось нечего; своякая стояла на мели и желтовато-бѣлая, песчаная равнина была кругомъ и лежала такъ далеко, что воды моря, едва-едва видимыя, шевелились на горизонтѣ бѣлыми, блѣдными отъ гнѣва гребнями. Воду выгнало чуть не за добрую версту, но вѣтеръ, точно недовольный еще, съ остервѣненіемъ дулъ съ берега.

— Вася, подь-ко, сюда, послышался голосъ Петяньки, вывернувагоса зачѣмъ-то изъ каяты, гдѣ они пили чай, на палубу.

— Што тамъ?

— Подь, говорю; глянь-ка — вотъ окаязія.

— Што такое? спросилъ вновь, показавшійся изъ каяты, Василій.

— Рыба! Смотри-ка-сь, што ее, смотри!

— Гдѣ такое, во снѣ, што-ли? свептически озирался Василій, выходя на палубу.

— Ты куда глядишь-то? Въ калужинку-то смотри, въ ложбинку-то... Вонъ, вонъ вода-то, видишь?

Бругомъ въ неровностяхъ, низменностяхъ морскаго дна дѣйствительно осталась и стояла, тамъ и сямъ, вода, принимая прихотливое очертаніе этихъ неровностей. Невдалекѣ отъ лодки, срединнѣйшей на просыхающемъ, сырватомъ, но твердомъ и плотномъ

*) Футштокъ — шесть, раздѣленный на футы.

грунтъ дна, была одна такая заводинка, довольно обширная. На нее-то и указывалъ мальчикъ.

Василій сталъ всматриваться.

Въ самомъ дѣлѣ, вода рябила и волновалась какъ-то неправильно, очевидно, не отъ вѣтра. Ее точно чертили чѣмъ-то острымъ въ разныхъ направленіяхъ. Приглядѣвшись, можно было различить спинныя и махалочныя перья рыбы, которой, надо полагать, было тѣсно—такъ было ее много.

— А вѣдь и то—рыба!

— А то што, али я зря? съ нѣкоторымъ упрекомъ замѣтилъ Петянька.—Смотри, смотри, ишь ты—пó-верху ходитъ. Судакъ будетъ.

Черезъ минуту, забывъ чай, пріатели были у завода, а черезъ десять минутъ, подгоняемые попутнымъ вѣтромъ и нагруженные живымъ судакомъ, взятымъ на выборъ, шли обратно къ лодкѣ.

— Ну, ай-да, назадъ, скомандовалъ Василій,—да багорокъ возьми,—неспособно руками-то. Таперь, давай носить, братъ, поведь вода не вернулась. Послѣ изрѣжемъ. Клади на палубу!

Петянька влѣзъ въ лодку, захватилъ багорки и ловцы принялись багрить рыбу, нанизывали ее на веревку, изо-рта подъ жабры, и едва-едва тащили до лодки. Последнее, впрочемъ, дѣлалъ Васюкъ.

Рыба, вѣроятно, съ послѣдней водою, поневолѣ выкатившаяся изъ черней, гдѣ думала-было отсидѣться отъ выгона, дѣйствительно оказалась судакомъ. Не успѣвъ выкатиться съ ушедшей водою въ море, она въ тѣснотѣ, гуще нежели въ садкѣ, ждала въ заводинкѣ возвращенія родной стихіи, когда попала на глаза шустрого Петяньки.

До тѣхъ поръ, когда начинало уже смеркаться, палуба обсохшей своей была завалена судакомъ, между которымъ нерѣдко попадалась и севрюга. Оставалось дорѣзать рыбу и лодка была бы полна, даже осталось-бы и на сѣтной подчалокъ, слѣдовательно, ловъ былъ конченъ съ полнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ. На завтра оставалось выдрать сѣти, теперь лежавшія на обсохшемъ морскомъ днѣ, поднять паруса и бѣжать домой до родимаго крова и теплой, давно забытой, но теперь лелѣемой мечтою, бани. Долго въ трюмѣ, съ фонарями, рѣзали и солили рыбу, измучен-

ные, но забывавшіе усталость, ловцы, однако, кончить всей не было никакой возможности и приходилось оставить до завтра.

Между тѣмъ, вѣтеръ, затихшій было на короткое время, переиѣнилъ направленіе и начиналъ поддуть съ обороту, т. е. съ противоположной стороны. Вскорѣ вода заплескала вокругъ лодки и послѣдняя вставала и начинала покачиваться. Не успѣли отдыхавшіе Васюкъ и Петянька выпить чаю, какъ подъ лодкой была сажень воды.

— Попретъ таперъ—съ обороту засвистѣлъ, замѣтилъ наметывавшій Петянька.

Въ самомъ дѣлѣ, масса воды, цѣлой горою согнанная береговымъ вѣтромъ въ море, точно освобожденный и бичуемый вѣтромъ дикій звѣрь, ринулась теперь опять къ берегу. Вѣтеръ разыгрывался и вода прибывала съ ужасающею стремительностью и быстрой. Наметнули—ее было полторы сажени. Вскорѣ Петянька спалъ мертвымъ сномъ, убаюванный усталостью и сильными мѣрными прыжками, то взлетавшаго на валы, то падавшаго межъ ними судна; только Васюкъ, одинъ, далеко за полночь, точилъ тяжелый, давно поблѣднѣвшій, какъ серебро, топоръ, на темномъ, мовромъ брускѣ.

— Ровно бритва, произнесъ онъ вслухъ, заканчивая работу; потушилъ свѣчу и легъ, но, должно-быть, не спалъ.

Прошло съ четверть часа мертваго молчанія въ каютѣ, нарушаемаго дикими воплями и взвизгиваніями бури, вновь разыгравшейся въ морѣ, когда послышалось ровное, глубокое дыханіе спящихъ.

Въ дѣйствительности Василій не спалъ ни минуты—его била лихорадка нетерпѣнія и зубъ не попадалъ на зубъ у бѣдняги, когда онъ тихо привсталъ и спустилъ ноги съ койки. Только убѣдявшись, что мальчишекъ спятъ сномъ усталости и юности, Васюкъ ощупью захватилъ топоръ, тихо, чуть дыша, поднялъ люкъ и выбрался на палубу. Холодный мракъ и знакомый хаосъ звуковъ охватили его,—остервенѣлый вѣтеръ рвалъ и валилъ съ ногъ; несчастная лодка, какъ истязуемый звѣрь на привязи, кидалась изъ стороны въ сторону, бортовала, килевала, захлебывалась бѣлой пѣной и брызгами, зарывалась въ валахъ и, каза-

лось, старалась сорваться съ явора. Сухого мѣста не было на ней. Тяжелые всплески, — срываемые верхи волнъ, осипали ее ледянымъ ливнемъ; желкая водяная пыль взлетала до мачтъ и не успѣвала уноситься вѣтромъ; пройти по палубѣ не было никакой возможности — можно было уловить минуту, пробѣжать, но привычными и привычными ногами.

Боясь разбудить Петянку, Василій пробрался на носъ, выкинулъ другой яворъ въ море, въ помощь лежавшему, и много потравилъ *) каната. Потомъ кое-какъ пробѣжалъ къ кормѣ и съ страшными усилиями сталъ подтягивать и подводить къ ней небольшой сѣтной подчалокъ **), мотавшійся далеко во тьмѣ, сади.

Какъ только носъ подчалка показался подъ кормой и запрнгалъ, какъ бѣшеный, около кнехта своейской, Васюкъ захватилъ топоръ, перекрестился и прыгнулъ въ него. Немалого труда стоило ему распутать канатъ подчалка, закрѣпленный за кнехтъ своейской, послѣ чего лодка, кидаемая какъ скорлупа и, казалось, захлебнувшаяся водою, исчезла во мракѣ. Холодная, безпощадная, неминуемая смерть глянула въ грустные, серьезные, тихіе глаза Васюка.

— Суди насъ Богъ! выговорилъ онъ, стараясь надѣть рупель и поставить лодку по вѣтру. Въ сущности, теперь онъ мало надѣялся вернуться живымъ къ товарищу, но терпѣть болѣе не хватало мочи. Онъ молчалъ, но совсѣмъ измаялся за послѣдніе дни.

Да, все сдѣланное Васюкомъ въ послѣднія минуты было однимъ сумасброднымъ, неодолимо-страстнымъ порывомъ, въ которомъ не было искры здраваго смысла. Это былъ прыжокъ съ колокольни въ припадкѣ бѣшенства; пожаръ, пылавшій въ челоуѣкѣ, толкнулъ его въ бездну и сознаніе всего этого оварило бѣднягу еще на лету туда.

Когда весь ужасъ положенія взглянулъ ему въ лицо глухихъ, мертвымъ, могильнымъ мракомъ, въ которомъ не было мѣста зрѣнію; когда холодная, разъяренная, безжалостная вода хлестала

*) Травить, потравить, вытравить—выпускать, выпустить, сдѣлать длянѣе.

***) Подчалокъ—вообще всякая лодка, подчаленная (привязанная) къ другой, ведомая на буксирѣ. Сѣтной подчалокъ—лодка парусная для лова сѣтями въ морѣ. Разница между ей и снастною лодкою та, что первая совершенно открыта, то есть беспалубная и гораздо меньше размѣрами.

ему въ глаза и сырой вѣтеръ, точно срывавшійся съ цѣпи, взвизгивая и завывая дикія погребальныя пѣсни, леденилъ горячее сердце и, крутя, выдалъ туда и сюда безпомощную лодку—не чувство страха, а какое-то необъяснимое, стихійное желаніе борьбы охватило Васюка, поднимая все выше и выше силы духа и энергій, которой онъ и самъ не подозрѣвалъ въ себѣ.

Моментально, какъ молнія, именно тамъ, гдѣ безвозвратно потерялся-бы непривычный человѣкъ, гдѣ парализовались-бы и, точно однимъ ударомъ, уничтожились-бы его способности,—въ Васюкѣ, продуктѣ страны, вспыхнуло сознаніе страшнаго окружающаго, внимательный, трезвый взглядъ на него, соображеніе, смѣтка и уроки практики, никогда не пропадающіе безслѣдно.

Что надо было дѣлать прежде всего?

Василій пробѣжалъ по безобразно бившейся лодкѣ, открытой пѣнѣ, брызгамъ и волнамъ моря, на носъ; кое-какъ поднялъ фокъ; выбралъ до-нельзя, то есть притянулъ шкотъ, *добилъ*, какъ говорятъ здѣсь; вернулся на корму и пошелъ въ крутую, выходя почти на нордъ. Вѣтеръ былъ западный, судно Гришкина стояло на нордъ-нордъ-остъ отъ своейской, но прямо на него держать было нельзя, потому-что сила шторма, душаго съ веста, и теченіе валили и гнали лодку въ берегъ, сбивая ее каждымъ ударомъ волны и вѣтра. Можно-бы сказать, что Василій видѣлъ это, если-бы можно было что-нибудь видѣть. Бѣдняга могъ смотрѣть почти одними внутренними глазами. Впрочемъ, наметывая глубину и касаясь шестомъ дна, онъ осязательно убѣждался, какъ быстро его лодку относило къ востоку, то есть къ берегу. „Не выйдетъ!“ окончательно убѣдился жокрый и продрогшій Васюкъ, соображая положеніе каравана Гришкина,—„не возьметъ!“ Это, впрочемъ, было все равно, потому-что, если-бы и „взяло“, то къ чему-бы это повело теперь, когда въ двухъ саженахъ нельзя было видѣть никакого каравана. Онъ могъ пройти мимо и потерять всякую возможность вылавировать вновь противъ шторма и теченія.

Васюкъ понималъ все яснѣе, что совершенно зря отдался безпощадному, бѣшено-гнѣвному морю. „Грѣхъ на душу взялъ, подумалъ онъ,—не попускаетъ Господь!“ Но отказаться отъ своего грѣха въ немъ не хватало самоотверженія, не было и мысли.

„Суди насъ Богъ“, упрямо повторялъ онъ и продолжалъ свое дѣло. Онъ истиннѣе понималъ, что, ставя на карту собственную жизнь, отчасти искупалъ дѣло мести.

Рискъ Василья былъ, дѣйствительно, дѣломъ безумнымъ и опасность болѣе, нежели серьезная.

Небольшая открытая лодка совершенно пропадала между встающихъ холмовъ воды, готовыхъ задавить ее каждую секунду. Мракъ не давалъ возможности увернуться отъ наступающихъ валовъ и многіе ложились въ лодку, оставляя въ ней свои срѣзанные гребни. Василій былъ одинъ и не успѣвалъ отливаться, изнемогая въ борьбѣ. Къ счастью, идя *въ крутую*, онъ могъ, иногда, закрѣпить руль и дѣлать другое дѣло, а то-бы пропалъ со связанными руками. Такимъ образомъ, прозябшій, онъ отыскалъ кожанъ въ лодкѣ и надѣлъ этотъ кожаный непромокаемый халатъ. Ему стало теплѣе и вода напрасно продолжала посыпать его брызгами, какъ горохомъ.

Видя, что всѣ мученія напрасны и не приведутъ ни къ чему, измученный пловецъ пробовалъ-было держать по-способиѣ *), въ берегъ и отстояться тамъ, но, быстро гонимые туда-же валы, настигали неуспѣвающую уходить подъ малымъ парусомъ лодку и ложились въ ея корму. Когда легло два-три такіе вала, Васюкъ вынужденъ былъ держать опять *въ перечень вѣтра*, потому-что послѣдующіе валы могли задавить лодку. Вода и такъ уже стояла въ ней выше мостковъ **), которые всплыли, и хватала по щиколотку Васюку.

Онъ наметнулъ еще разъ. Воды дѣлалось менѣе—ее было болѣе полуторы сажени. Очевидно, ее несло въ черни—самые холмы воды дѣлались точно ниже и покойнѣе, хотя вѣтеръ гналъ ихъ съ тѣмъ-же острвененіемъ.

Что было дѣлать? Идти-ли дальше или *посадить* (убрать) парусъ, бросить якоръ и попробовать отстояться? Боясь пройти судно

*) *Идти способно*—то есть по вѣтру или съ полнымъ вѣтромъ; *идти въ крутую*—въ бейдевиндъ, то-есть подъ очень острымъ угломъ къ направленію вѣтра. Послѣднее необходимо особенно при лавировкѣ или реевѣ.

**) Мостки, *стланъ*—полъ, выше дна лодки, подъ которымъ накапливается набравшаяся вода. Онъ необходимъ, кромѣ всего и потому, что дно лодки не представляетъ собою ровной горизонтальной плоскости.

Гришкина и вѣдя, что до разсвѣта ничего не сдѣлаешь, Васюкъ рѣшился на послѣднее.

Такъ-какъ у морскихъ лодокъ форштевень или носовой пень дѣлается крутой и высокій, то онъ, разумѣется, стоя на якорѣ лицомъ къ бушующему морю, къ натиску воды и вѣтра, рѣжетъ ихъ и лодка легче *отзырывается* (отстаетъ) отъ ихъ напора и хищныхъ поползновеній.

Рѣшиться и сдѣлать—въ бушующемъ морѣ, синонимы; потому Васюкъ тотчасъ поставилъ лодку носомъ къ вѣтру. Парусъ, переставъ работать, заполоскалъ и упалъ по мачтѣ и лодка, точно морская птица сложившая крылья, закачалась на волнахъ. Въ ту-же минуту якорь бултыхнулся въ темную воду и вцѣпился желѣзными когтями въ плотное суглинистое дно и глухо зарычалъ вытравляемый канатъ, все длиннѣе и длиннѣе выбѣгавшій въ море. Когда онъ былъ закрѣпленъ, воды подъ лодкой оказалось *сажень съ локтемъ*.

Теперь можно было передохнуть.

Отливъ воду и отвязавъ отъ рейка большой парусъ, Васюкъ постлалъ его, хотя и мокрый, въ носовой каюткѣ и въ кожанѣ улегся на немъ караулить первые зародыши свѣта, предвѣстника зари. Ни на секунду не явилось въ немъ мысли отеязаться отъ задуманнаго. Его мучило только одно—необходимость ждать, а главное, боязнь, чтобы къ утру не прекратился штормъ, союзникъ, съ которымъ онъ самъ только-что боролся. Пусть лучше онъ потопитъ, нежели стихнетъ и покинеть его теперь.

Долго онъ лежалъ, уносимый мыслями, точно волнами, гонимыми вихремъ, слѣдя и ожидая, когда забрезжетъ предразсвѣтная игла. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы противиться сну, котораго требовалъ его нравственный и надорванный физически организмъ, но вѣки, точно налитыя свинцомъ, опускались все ниже и ниже, пока ровное дыханіе не выдало, что онъ спитъ.

Подъ неистовыя колебельныя гѣсны бури, розмахи лодки, подъ темныя пологомъ мрака осенней долгой ночи, какіе сны видѣлъ Васюкъ, онъ не сказалъ-бы и самъ. Истомленный чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, онъ безслѣдно погрузился и утонулъ въ темной, мертвенно-тихой безднѣ сна. Но, только-что побазалась длинная, сѣровато-блѣдная полоска на сѣверо-востокѣ, спавшаго точно

толкнулъ кто. Онъ поднялся и вышелъ на палубу, покрывавшую каютку носовой части, *конфузь*, какъ называютъ ее здѣсь.

Темно-сѣрая мгла окутывала еще все вокругъ, окружающее не сразу давалось самому напряженному взору. Вопли вѣтра, казалось, усилились и разъяренные буро-сѣдые валы взбудораженного моря, насыщенные глиной, иломъ и пескомъ дна, точно ожесточенные солдаты на приступъ, лѣзли на низменные, плоскіе, давно наводненные берега. Въ сторонѣ ихъ не было ничего, кромѣ той-же водной, вспаханной вихремъ равнины, уходящей изъ глазъ до блѣдно-сѣрой полоски—предвѣстницы зари. Все скрылось подъ водою.

Мало-по-малу внимательный Васюкъ сталъ различать группы судовъ, размахивавшихъ мачтами тамъ и сямъ, между мутными валами и бѣлыми гребнями волнъ. Онъ узнавалъ ихъ одну за другой и, наконецъ, о радость, узналъ и караванъ Гришкина. Тотчасъ, съ неимовѣрными усилиями, онъ принялся, падъ за падью, выкатывать мокрый якорный трось или шейму *), обыкновенно употребляемую здѣсь, и, поставивъ фокъ черезъ полчаса, осторожно подошелъ подъ корму судна своего пріятеля.

Бдящаго существа, кромѣ птицъ и Василья, можно было поручиться, не было въ этой палестинѣ моря.

Подъ кормою большого судна, совершенно захлестанная и задушенная водою взрѣзь, была подвязана знакомая Васюку остроноска; двѣ снастныхъ лодки рыскали изъ стороны въ сторону на собственныхъ якоряхъ.

Василій убралъ парусъ и ухватился за легкій буксиръ остроноски, осторожно спускаясь по немъ къ лодчонѣ. Здѣсь онъ положилъ собственный якорь и легкимъ ударомъ топора обрубилъ тонкій канатъ, за который только-что держался. Залитую лодку понесло по направленію берега, къ осту. Всякая возможность сообщенія судна съ лодками, на время бури, было прервано.

Затѣмъ, то-же самое было продѣлано съ снастными подчалками Гришкина.

Потравить собственную шейму, спуститься къ подчалкамъ и поднять багромъ на бортъ шейму вражьей лодки было неособенно труднымъ дѣломъ для Василья.

Одинъ сильный ударъ топора—и лодку валило бокомъ, оту-

*) Тросъ (ловцы говорятъ *тростъ*), шейма—легкіе якорные канаты для небольшихъ судовъ.

ривало *) по вѣтру и несло къ берегу, теперь на цѣлыя версты покрытому водою.

Долго на горизонтѣ болтались ихъ черныя мачты, утопая въ розовомъ морѣ разсвѣта, провожаемыя воспаленными, усталыми, но торжествующими взорами Васюка.

Что онъ чувствовалъ въ это время — было трудно передать. Съ каждымъ взмахомъ топора надъ сѣрой полосой мокраго каната, онъ чувствовалъ, будто разсвѣкаетъ змѣю, сосавшую его сердце и врубается въ грудь обидчика. Когда онъ обернулся къ одиноко качающемуся судну, оно показалось ему тѣломъ чудовища, гадою, лишоннымъ членовъ и ожидающимъ своей участи.

Кто видалъ сосредоточенно тихихъ, невозмутимыхъ, мухи не обидѣвшихъ, людей, выведенныхъ изъ себя, тотъ знаетъ, что стоитъ имъ разъ поднять руку, чтобы сдѣлаться невмѣняемыми. Они перестаютъ дѣйствовать самопроизвольно и бьютъ до тѣхъ поръ, пока сами не упадутъ въ безпамятствѣ. И, что всего страннѣе: чѣмъ серьезнѣе, теплѣе, человѣчнѣе эти люди, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ непреоборимѣе охватываетъ ихъ какая-то дикая животная энергія, звѣрская жажда удовлетворенія и торжества надъ побѣжденнымъ врагомъ.

То-же было и съ Васильемъ, — разъ поднявъ руку, онъ не могъ и не умѣлъ остановиться. Съ какииъ-то нервнымъ содроганіемъ и омерзеніемъ впечатлительнаго ребенка онъ долженъ былъ раздавить гада, чтобъ удовлетвориться и навсегда покончить съ нимъ. Такія чувства казались-бы неестественны въ Васюкѣ, если-бы онъ не чувствовалъ ежечасной боли оскорбленія, наглаго вторженія чего-то грязнаго и постыднаго въ святая святыхъ своего сердца. Разумѣется, онъ необъяснилъ-бы этого, потому-что мыслить кровью и болью — физически, болѣе нежели психически.

Теперь ему оставалось сдѣлать одно послѣднее усиліе — отправить посуду слѣдомъ за лодками — и Гришкинъ будетъ убитъ рублемъ въ прямомъ смыслѣ слова. Что будетъ онъ дѣлать, когда проснется въ степи?

Да, оставалось одно усиліе, но оно было самымъ рискованнымъ дѣломъ для Василья. Всякій, знающій море, пойметъ это. Находясь за кормою судна, ему было необходимо вылавировать, и вылавировать

*) *Отурить* — оборотить, *отуриваться* — обрачиваться.

„Дѣло“, № 7, 1881 г. I.

противъ шторма, чтобы добраться до ея каната. Ренть можно было только большимъ парусомъ, причеъ каждый ударъ вѣтра могъ положить отерытую лодку и, слѣдовательно, покончить съ ней; каждый валъ, выдавшійся на ея борта точно звѣрь съ бѣлой косматою гривой—перепрыгнуть черезъ бортъ и задавить ее.

Однако, мало вниманія обращалъ на все это Василій. Съ лихорадочною поспѣшностью и дрожавшими руками поднялъ онъ (убавилъ) большой парусъ, выкаталъ на ворота якорь и пошолъ, почти лежа мачтами надъ водою и бороздя и хлебая ее правымъ бортомъ. Не долго можно было держать такъ,—съ каждымъ прыжкомъ лодка набиралась воды. Василій по волѣна стоялъ въ ней, когда, наконецъ, борясь съ нечеловѣческими усилиями, онъ бросилъ якорь въ носу посуды Гришкина. Онъ былъ блѣдень, какъ полотно, тяжело дышалъ, губы искусаны и въ крови, ногти на рукахъ задраны.

Черезъ пять минутъ, топоръ со свистомъ взвился нѣсколько разъ и, наконецъ, впился въ вѣхтъ. Тяжелый перерубленный канатъ рухнулъ въ воду и судно Гришкина повалило въ сторону, повернуло и понесло къ берегу, съ каждой минутой быстрѣй и быстрѣй, пока оно не разошлось и не понеслось съ неудержимой стремительностью, уносимое теченіемъ и гонимое вѣтромъ.

Долго стоялъ Василій, дрожавшій, блѣдный, задыхающійся, провожая его глазами. Онъ чувствовалъ себя точно послѣ тяжелой операціи. Ему было легче, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что въ немъ тоже приливало что-то, росло, топило сердце и подступало къ головѣ. Наконецъ, приливъ этотъ подхватилъ все его существо, закружилъ, залилъ и понесъ куда-то съ ужасающей быстротой. Несчастный повалился безъ чувствъ.

Доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности, что за сны видѣлъ Афанасій Яковлевичъ въ эту бурную ночь, но ужасъ пробужденія имѣлъ своихъ свидѣтелей, потому-что ковчегъ его обсохъ въ степи, къ югу отъ Бакланьяго, со всѣмъ своимъ населеніемъ. Лодки были унесены за цѣлыя версты дальше.

Въ первую минуту страшнаго пробужденія, Гришкинъ рѣшительно отказывался принять происшедшее за дѣйствительность. Онъ воображалъ, что продолжаетъ спать и его давитъ тяжелый, бессмысленный кошмаръ, до того поразило его окружающее. Только

тогда, когда ему показали отрубленные концы канатовъ онъ по-нялъ дерзкую штуку, съигранную съ нимъ, невѣдомо кѣмъ и какъ, въ эту страшную, бурную ночь и ни минуты не задумался приписать ее своимъ завистникамъ и врагамъ-конкурентамъ — икорнымъ покупателямъ. „И какъ только ихъ песь угораздилъ?.. Сами перетонуть должны — не безъ чертовщины здѣсь!“ размышлялъ слышавшій всевозможной руганью и проклятіями Гришкинъ. Ни на одну минуту не пришлоъ ему на память истинный виновникъ бѣды и никому на свѣтѣ не повѣрилъ-бы онъ, да и другіе, что это дѣло одного человѣка.

Самъ не подозрѣвая того, Васюкъ такъ мѣтко и сильно ударилъ въ Гришкинское сердце, то есть по карману, что сразу свалилъ съ ногъ.

Почти весь промыселъ, такъ искусно собранный, и весь осенній бѣлужій ловъ были потеряны Гришкинымъ, обращены въ прахъ тремя-четырьмя взмахами топора, а двадцать боченковъ собранной и готовой зернистой икры, попорченной въ степи наступившими вновь теплыми днями, едва-едва пошли за четвертую часть стоимости. Афанасій задолжалъ и потерялъ всякое довѣріе, даже у Матрены Ивановны.

Еще и до сихъ поръ колотится и шныритъ по паршивой биржѣ и рыбнымъ малякамъ и перекупщикамъ въ Астрахани, рѣдко трезвый мелкій маклерокъ, сгорбленный и замѣтно посѣдѣвшій, въ которомъ сразу трудно узнать недавняго Афанасья Яковлевича, фигурирующаго теперь, на старости лѣтъ, подъ именемъ Афони. Еще до сихъ поръ подвыпившіе покупатели и продавцы заставляютъ рассказывать клянушаго Афону о его нѣкогда цвѣтущихъ дѣлахъ и способностяхъ, а главное, о зависти и злобѣ конкурентовъ-иродовъ, подорвавшихъ тѣ и другіе въ самомъ, то есть, корнѣ. Хохотъ сопровождаетъ эти рассказы. Но ничѣмъ нельзя такъ вывести изъ себя Афону, какъ названіемъ „бабника“ и указаніемъ на истиннаго виновника его несчастій. Съ улыбкою величайшаго недовѣрія, презрѣнія и ехидной злобы, слушаетъ онъ подобную дурость, какъ выражается, возражая, что такого дѣла „не токма одному, а и пятерымъ сдѣлать трудно, да еще за бабу. Невидалъ какая, подумаешь! Ровно ее убудеть. Дурость — дурость и есть!“

Н. Вобылевъ.

НУМА РУМЕСТАНЪ.

РОМАНЪ

Альфонса Додэ.

ГЛАВА III.

ИЗНАНКА ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Если когда-нибудь въ мірѣ существовали два человѣка, созданные для того, чтобы не жить вмѣстѣ, то это были именно Нума и Розалія. Они были противоположны другъ другу по инстинктамъ, по воспитанію, по темпераменту, по расѣ; совершенно не сходясь въ убѣжденіяхъ, они были далеки, какъ сѣверъ и югъ, безъ всякой надежды на возможность сліянія. Страсть живетъ такими контрастами; она смѣется, когда ей указываютъ на нихъ, чувствуя превосходство своей силы; но среди будничнаго теченія жизни, подъ вліяніемъ монотонной вереницы дней и ночей, проводимыхъ подъ одною кровлею, разлетается опьяняющій чадъ любви; люди присматриваются другъ къ другу и судятъ другъ объ другѣ. Для нашей молодой четы пробужденіе настало не тотчасъ, по крайней мѣрѣ,—для Розаліи. Проницательная и разсудительная во всемъ остальномъ, она долго сохраняла ослѣпленіе относительно Нумы, не понимая, до какой степени стояла выше его. Что касается Нумы, то онъ скоро опомнился. Южные порывы настолько-же непродолжительны, насколько сильны. Притомъ южанинъ до такой степени привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на нисшее существо, что, разъ женившись и обезпечивши свое счастье, онъ относится

къ ней, какъ господинъ, какъ паша, принимая любовь, какъ должное приношеніе и находя, что даже это съ его-стороны милость. Да и въ самомъ дѣлѣ,—быть любимымъ значить тратить время, а Нума былъ очень занятъ при новомъ образѣ жизни, которую необходимо было вести послѣ женитьбы, при его богатствѣ, при высокомъ положеніи, которое приходилось поддерживать во дворцѣ зятя Ле-Кеснуа.

Сто тысячъ франковъ, полученные отъ тетушки Порталь, пошли на то, чтобы заплатить Мальмюсу, обойщику, чтобы изгладить всѣ слѣды этой жалкой, нескончаемой холостой жизни; и сладокъ показался ему переходъ отъ скромнаго завтрака на потертой бархатной скамейкѣ, возлѣ старой гризетки,—къ столовой на улицѣ Скрибъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ за столомъ, сидя противъ своей изящной маленькой парижанки, къ роскошнымъ обѣдамъ, которые онъ задавалъ свѣтиламъ бюрократіи и оперы. Провансалецъ любилъ блестящую жизнь и удовольствія, удовлетворявшія какъ гастрономическіе его вкусы, такъ и его тщесловіе; но онъ въ особенности любилъ ихъ у себя дома, подъ рукою, съ тѣмъ оттѣнкомъ безцеремонности, при которомъ разрѣшаются сигара и скабранный анекдотъ. Розалія соглашалась на все, принаровилась къ тому, что домъ ихъ былъ вѣчно открытъ, столъ всегда сервированъ, что каждый вечеръ у нихъ обѣдали десять, пятнадцать человѣкъ гостей, и притомъ исключительно мужчины, все черные скртуки, между которыми рѣзко выдѣлялось ея свѣтлое платье вплоть до того мгновенія, когда подавался кофе, раскрывались ящики съ гаванскими сигарами и она удалялась, уступая мѣсто политическимъ спорамъ и скромнымъ шуткамъ, которыми обыкновенно заканчивается обѣдъ въ холостой компаніи. Однѣ хозяйки способны понять, сколько сложныхъ хозяйственныхъ затрудненій таится подъ виѣшностью подобныхъ пировъ. Розалія управлялась со всѣмъ этимъ безъ жалобъ и, насколько могла, старалась регулировать царившій въ домѣ беспорядокъ, увлеченная въ этотъ вихрь стремительно бурнымъ великимъ человѣкомъ, который волновалъ ее своими необузданными порывами и отъ времени до времени улыбался женѣ въ промежутокъ между двумя раскатами грома. Она сожалѣла только объ одномъ, что онъ не достаточно принадлежалъ ей. Даже за завтракомъ, за раннимъ торопливымъ завтракомъ адвоката, спѣшащаго на аудіенцію, между ними всегда былъ другъ,

товарищъ, безъ котораго южанинъ не могъ обойтись; неизмѣнною обязанностью друга было подавать реплики, необходимыя для возбужденія новыхъ мыслей, на руку друга онъ безцеремонно опирался, и, отправляясь въ судъ, вѣрялъ ему слишкомъ тяжелый свой портфель.

О, какъ охотно провожала-бы она его по ту сторону мостовъ, какое-бы для нея это было счастье, если-бы она могла, въ дождливые дни, отправляться за нимъ, дожидаться его въ каретѣ и возвращаться домой вдвоемъ, пріютившись за дребезжащими, запотѣвшими стеклами. Но она не смѣла болѣе просить его объ этомъ, зная напередъ, что у него всегда найдется какой-нибудь предлогъ, какое-нибудь свиданіе въ пріемной залѣ суда съ однимъ изъ тѣхъ трехсотъ близкихъ пріятелей, про каждаго изъ которыхъ южанинъ съ чувствомъ говаривалъ: „Онъ обожаетъ меня... Онъ готовъ-бы былъ броситься за меня въ огонь“... Такъ онъ понималъ дружбу. Впрочемъ, при знакомствѣ онъ не руководился никакимъ выборомъ. Благодаря своему добродушному характеру и своимъ переменчивымъ капризамъ, онъ кидался на шею первому встрѣчному и такъ-же легко повидалъ его. Каждую недѣлю являлось новое увлеченіе, новое имя, повторявшееся во всѣхъ его фразахъ, которое Розалія старательно вписывала для каждаго обѣда на маленькую, украшенную виньетками, карточку приглашенныхъ и которое затѣмъ внезапно исчезало, какъ - будто личность этого господина была такъ-же непрочна, такъ-же легко ступеньивалась, какъ рисунки, украшавшіе маленькую карточку.

Между этими мимолетными друзьями прочно держался только одинъ, бывшій, впрочемъ, не столько другомъ, сколько привычкою дѣтства, такъ-какъ Руместанъ и Бомпаръ родились въ одной и той-же улицѣ. Онъ составлялъ какъ-бы принадлежность дома, и съ самаго перваго времени своего супружества молодая женщина встрѣтила у себя, на почетномъ мѣстѣ, какъ фамилію мебель, этого художаваго господина съ головою паликара *), съ большимъ орлинымъ носомъ, съ круглыми агатовыми глазами, съ сморщеннымъ, шафрановымъ лицомъ, точно обтянутымъ бордовскою кожей, изрѣзанною морщинами, специально свойственными балаганнымъ комикамъ,

*) Солдаты греческой милиціи во время войны за независимость; паликарами, кромѣ того, въ Греціи называются горцы, покинувшіе оставшуюся въ рукахъ турокъ территорію и поселившіеся въ свободной Греціи.

Прим. пер.

нащипать, всѣмъ лицамъ, постоянно искажаемымъ гримасами. Бомпаръ, однако, никогда не былъ комедіантомъ. Было время, когда онъ пѣлъ въ хорахъ итальянской оперы, и тамъ - то именно Нума и обрѣлъ его. За исключеніемъ этой детали невозможно было составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ его переменчивой жизни. Онъ все видѣлъ, испробовалъ всѣ профессии, перебивалъ вездѣ. Стоило упомянуть при немъ о какомъ-нибудь знаменитомъ человѣкѣ, о знаменитомъ событіи, — онъ тотчасъ заявлялъ: — „Это мой другъ“... или — „Я тамъ былъ... я только что оттуда“... И вслѣдъ за этимъ являлся какой-нибудь рассказъ для подтвержденія его словъ. Сопоставляя рядъ такихъ рассказовъ, можно было придти къ самымъ изумительнымъ выводамъ: оказывалось, напримѣръ, что Бомпаръ въ теченіи одного и того-же года командовалъ отрядомъ польскихъ и черкесскихъ дезертировъ при осадѣ Севастополя, управлялъ капеллою голландскаго короля и былъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ сестрою короля, за что заплатился шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ Гагской крѣпости, но это не мѣшало ему, въ то-же время, совершить путешествіе изъ Лагуата въ Гадамесъ черезъ песчаную африканскую пустыню... Все это рассказывалось съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, торжественнымъ тономъ, безъ жестикюляцій, но съ неизмѣнной, машинальной мимикой, на которую смотрѣть было такъ-же утомительно, какъ на передвиженія стеклышекъ въ калейдоскопѣ.

Настоящее Бомпара было такъ-же темно и таинственно, какъ и его прошлое. Гдѣ онъ жилъ? Чѣмъ? То онъ говорилъ объ огромномъ предпріятіи, о подрядѣ на устройство асфальтовой мостовой въ значительной части Парижа, по новой экономической системѣ; затѣмъ онъ внезапно оказывался совершенно поглощеннымъ своимъ открытіемъ вѣрнаго средства противъ филоксеры; онъ ждалъ только письма изъ министерства, чтобы отправиться за полученіемъ преміи въ сто тысячъ франковъ и заплатить по счету въ маленькой мелочной лавкѣ, гдѣ онъ обѣдалъ и хозяевъ которой чуть не свелъ съума своими безумными миражами и несбыточными надеждами.

Этотъ бродящій южанинъ доставлялъ большое удовольствіе Руместану. Нума всюду тоскалъ его съ собою, пользовался имъ, какъ мишенью для своихъ остротъ, подстрекалъ, раззадоривалъ его, разжигалъ его безумную фантазію. Когда Нума останавли-

вался, чтобы поговорить съ кѣмъ-нибудь на бульварѣ, Бомпаръ съ достойнымъ видомъ отходилъ въ сторону, какъ-будто для того, чтобы закурить сигару. Его встрѣчали на похоронахъ, на первыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ съ дѣловымъ видомъ спрашивалъ: — „Не видали-ли вы Руместана?“ Онъ достигъ этимъ того, что сталъ пользоваться такою-же извѣстностью, какъ Нума. Въ Парижѣ этотъ типъ прихвостня встрѣчается довольно часто; у всякаго извѣстнаго лица есть свой Бомпаръ, который слѣдуетъ за тѣнью патрона и создаетъ себѣ изъ нея физиономію. Случайно Руместановскій Бомпаръ обладалъ, впрочемъ, физиономіей совершенно своеобразной. Но Розалія не могла выносить этого фигуранта, свидѣтеля ея счастья, всегда торчавшаго между нею и мужемъ, наполнявшаго своею персоною тѣ рѣдкія мгновенія, когда они могли-бы оставаться наединѣ. Два друга говорили между собой на своемъ патуа, которыми она исключалась изъ разговора, хототали надъ мѣстными, непереводаемыми шутками. Но особенно она ставила ему въ упрекъ эту потребность лгать, эти выдумки, которыми она сначала вѣрила, — до такой степени идея обмана была чужда этой прямой и искренней натурѣ, главную прелесть которой составляло гармоническое согласіе между словомъ и мыслью, — согласіе, чувствовавшееся даже въ звучности и увѣренности ея хрустальнаго голоса.

— Я не люблю его... онъ лгунъ... говорила она тономъ глубокаго негодованія, который очень забавлялъ Руместана. Онъ защищалъ своего друга: — Совсѣмъ нѣтъ, онъ не лгунъ... это человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, онъ бредитъ на яву и рассказываетъ свои сны... Моя родина полна такими людьми... Виноваты въ этомъ наше солнце, акцентъ... Возьми, наприимѣръ, тетюшку Порталь... Да и я самъ; каждую минуту, если-бы я не слѣдилъ за собою...

Маленькая ручка, протестуя, зажимала ему ротъ: — Замолчи, замолчи... Я не стала-бы тебя любить, если-бы ты былъ похожъ на людей этого юга...

А между тѣмъ онъ былъ на нихъ похожъ; и, несмотря на парижскую внѣшность, на прикрывавшій его свѣтскій лоскъ, этотъ ужасный югъ, рутинный, грубый, нелогичный, не замедлил обнаружиться передъ нею. Въ первой разъ поводомъ послужала религія; въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, Руместанъ

слѣдовалъ традиціямъ своей провинціи. Онъ былъ провапсалець-католикъ, который не приобщается, приходитъ въ церковь только къ концу службы за женою и становится позади, возлѣ кропильницы, исповѣдуются только въ холерное время, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ пойти на висѣлицу и сдѣлаться мученикомъ за эту самую вѣру, которую онъ не чувствуетъ, которая нисколько не умѣряетъ ни его страстей, ни пороковъ.

Когда онъ женился, онъ зналъ, что жена его исповѣдуетъ ту же вѣру, какъ и онъ, и что священникъ церкви Saint-Paul-Saint-Gervais восхваляетъ ихъ обоихъ пропорціонально количеству свѣчей, ковровъ и цвѣтовъ, которыми была обставлена ихъ первоклассная свадьба. Этого для него было достаточно. Всѣ женщины, которыхъ онъ зналъ,—его мать, его кузины, тетуська Порталь, герцогиня Санъ-Доннино, — были ревностными католичками. Вслѣдствіе этого онъ былъ не мало удивленъ, когда по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ супружества замѣтилъ, что Розалія не ходитъ въ церковь.

— Развѣ вы никогда не ходите къ исповѣди?

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣтила она безъ всякаго смущенія, — да и вы также, какъ мнѣ кажется.

— О, я,—это совсѣмъ другое дѣло.

— Почему?

Она смотрѣла на него такими ясными, такими искренно удивленными глазами; она, повидимому, такъ далека была отъ мысли, что женщина существо нисшее. Онъ не зналъ, что ей отвѣтить и далъ ей высказаться самой.—О, она не была вольнодумка, esprit fort. Воспитанная въ превосходномъ парижскомъ пансіонѣ, въ которомъ духовникомъ былъ священникъ изъ St.-Laurent, она до семнадцати лѣтъ, до выхода изъ пансіона и даже дома еще, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, продолжала ходить къ исповѣди и причастію вмѣстѣ съ матерью, набожною, какъ южанка; но въ одинъ прекрасный день что-то словно оборвалось въ ней; она объявила родителямъ, что исповѣдальня внушаетъ ей какое-то неприятное чувство, какое-то непобѣдимое отвращеніе. Мать ея попыталась побѣдить въ ней это чувство, которое она считала простымъ капризомъ; но отецъ вступился: — „Оставьте, оставьте, сказалъ онъ... Я испыталъ то-же, что и она, и въ тотъ-же самый возрастъ“. И съ этихъ поръ она во всемъ руководствовалась исключительно

своею молодою совѣстью. Впрочемъ, если-бы Нума пожелалъ ходить въ церковь, то она, какъ парижанка, какъ свѣтская женщина, ненавидящая всякую, бросающуюся въ глаза, эксцентричность, готова сопровождать его, точно такъ-же, какъ долго сопровождала мать, но, разумѣется, не согласна на обманъ, на вѣшнія проявленія вѣрованій, которыхъ въ ней уже нѣтъ.

Онъ слушалъ съ изумленіемъ, съ ужасомъ; она высказывала все это съ такой энергіей, обнаруживая такую самобытность всего своего нравственного существа, что смутила всѣ его понятія о подчиненности женщины.

— Такъ ты не вѣруешь въ Бога? воскликнулъ онъ напыщеннымъ адвокатскимъ тономъ, торжественно поднимая палецъ къ украшенному лѣпною работою потолку. — „Развѣ это возможно?“ крикнула она съ искренностью и съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, которыя были равносильны фактическому доказательству. Тогда онъ принялся разсуждать о свѣтѣ, объ общественныхъ личностяхъ, о солидарности религіозной и монархической идей. Всѣ свѣтскія дамы ходятъ къ исповѣди, — герцогиня, мадамъ д'Эспарбесъ; они приглашаютъ своего исповѣдника на обѣды, на вечера. Какое дурное впечатлѣніе произвело-бы, если-бы узнали... Онъ остановился, почувствовавъ, что запутался, и этимъ споръ ихъ закончился. Два или три воскресенія съ ряду онъ почелъ священною обязанностью водить жену свою къ обѣднѣ, что доставило Розалии удовольствіе прогуляться подъ-руку съ мужемъ. Но режимъ этотъ скоро надоѣлъ ему; онъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ работы и, наконецъ, прекратилъ всякія католическія манифестаціи.

Это первое недоразумѣніе нисколько не нарушило семейнаго согласия. Какъ-бы желая заслужить прощеніе, молодая женщина удвоила предупредительность, покорность, всегда встрѣчая мужа съ улыбкою, во всемъ умиа угодить. Быть можетъ, менѣе ослѣпленная, чѣмъ въ первые дни, она смутно предчувствовала уже такія вещи, въ которыхъ еще не смѣла сама себя сознаться, но, несмотря на то, она была счастлива, потому-что желала счастья, потому-что жила въ преддверіи рая, отерывающагося передъ новобрачною съ переменною жизни и сознаніемъ новаго своего назначенія, еще окутанная мечтами, подобными клочкамъ

бълаго тѣля ея брачнаго наряда. Пробужденіе не могло не настать. Оно было для нея ужасно и неожиданно.

Разъ какъ-то, въ лѣтній день,—они проводили лѣто въ Орсе, въ имѣніи Ле-Кеснуа,—когда отецъ и мужъ ея, по обыкновенію, съ утра уже уѣхали въ Парижъ, Розалія замѣтила, что у нея не хватало одной выкройки для дѣтскаго бѣлья, которое она готовила. Да, для дѣтскаго бѣлья! Конечно, оно продается готовое и превосходное; но истинныя матери, въ которыхъ материнское чувство говоритъ уже заранѣе, любятъ шить и кроить его сами и чувствовать, что по мѣрѣ того, какъ наполняется картонъ нарядовъ ребенка, онѣ какъ-будто ускоряютъ его появленіе, что каждый стежокъ приближаетъ моментъ желаннаго рожденія. Ни за что на свѣтѣ Розалія не согласилась-бы лишиться себя этого удовольствія, не позволила-бы, чтобы кто-нибудь другой приложилъ руку къ гиганской работѣ, которую она предприняла пять мѣсяцевъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ увѣрилась въ своемъ счастьи. Здѣсь, въ Орсе, на скамейкѣ, гдѣ она работала въ тѣни большой биньоніи, разложена была цѣлая выставка маленькихъ чепчиковъ, примѣравшихся на кулакѣ, маленькихъ фланелевыхъ платьицъ, распашенокъ, которыя своими прямыми рукавами напоминали жизнь и неуклюжіе жесты ранняго дѣтства... И теперь вдругъ не хватало выкройки!

— Пошли свою горничную, сказала мать.

— Горничную! Вотъ еще,—развѣ она съумѣетъ? Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду сама... Я окончу свои покупки до полудня, а потомъ неожиданно явлюсь къ Мужъ и съѣмъ половину его завтрака.

Мысль объ этомъ завтракѣ съ мужемъ на холостой манеръ, въ квартирѣ на улицѣ Скрибъ, съ запертыми на-половину ставнями, со снятыми съ оконъ занавѣсками, съ чехлами на мебели—занимала ее, какъ шалость. Она про себя смѣялась при мысли объ этомъ, поднимаясь, по окончаніи покупокъ, по лѣстницѣ, съ которой, какъ вездѣ въ Парижѣ, лѣтомъ были сняты ковры, и подумала, осторожно всовывая ключъ въ замокъ, чтобы застать мужа врасплохъ:— „Я немного опоздала... Онъ, вѣроятно, уже позавтракалъ“.

И дѣйствительно, въ столовой видны были только остатки маленькой лаковой пирушки на два прибора; лакей въ клѣтчатомъ сюртукѣ стоялъ передъ столомъ и занятъ былъ остатками

блюды и бутылокъ. Въ началѣ единственною ея мыслью было сожалѣніе, что планъ не удался по ея собственной винѣ. Ахъ, если-бъ она не мѣшала такъ въ этомъ магазинѣ передъ хорошенькими бездѣлушками изъ шитья и кружевъ...

— Баринъ уже ушелъ?

Медленность, съ которою отвѣчалъ ей слуга, внезапная блѣдность этой широкой, плоской, нахальной физиономіи, окаймленной бакенбардами, еще не поразили ее. Она видѣла въ этомъ лишь смущеніе слуги, застигнутого врасплохъ на воровствѣ и обжорствѣ. Пришлось, однако, сказать, что баринъ еще дома... что онъ занятъ... и что не скоро еще кончитъ занятія. Но сколько времени ему нужно было, чтобы, забывъ, пробормотать все это, какъ тряслись руки у этого человѣка, въ то время, какъ онъ собиралъ со стола и ставилъ приборъ для своей госпожи!

— Одинъ онъ завтракалъ?

— Да, сударыня... то-есть... съ господиномъ Вомпаромъ.

Она уставилась на черную кружевную навидку, кинутую на стулъ; негодяй-лакей тоже ее видѣлъ и, когда глаза ихъ встрѣтились на этомъ предметѣ, ее словно озарило молніей. Внезапно, не говоря ни слова, она бросилась изъ столовой, прошла черезъ маленькую приемную, подошла къ двери кабинета, широко раскрыла ее — и упала безъ движенія. Они даже не заперлись.

А если-бы вы видѣли эту женщину, сорокалѣтнюю истасканную блондинку съ прыщеватымъ лицомъ, съ тонкими губами, съ вѣками, измятыми, какъ кожа старой перчатки; подъ глазами лиловые круги, слѣды распутной жизни; костлявыя плечи, неприятный голосъ. Но зато она аристократка... Маркиза д'Эспарбесъ... и для южанина это замѣняло все остальное; гербъ скрывалъ отъ него женщину. Разведясь съ мужемъ послѣ скандальнаго процесса, разорившись съ семействомъ и съ лучшими домами предѣстья, мадамъ д'Эспарбесъ перешла на сторону Имперіи, открыла политическій и дипломатическій салонъ съ полицейскимъ оттѣнкомъ, куда собирались, безъ женъ, самыя знатныя люди того времени. Послѣ двухлѣтнихъ интригъ, успѣвъ создать себѣ партію и заставить связями, она вздумала апеллировать противъ рѣшенія суда. Руместанъ, защищавшій ее въ первой инстанціи, не могъ отказать ей въ своихъ услугахъ. Однако, онъ колебался въ виду слишкомъ определен-

нихъ убѣжденій маркизы. Но маркиза повела съ нимъ дѣло такъ ловко, и адвокатъ былъ такъ польщенъ подобнымъ веденіемъ дѣла, что всѣ его сопротивленія прекратились. И теперь, когда срокъ аппеляціи былъ уже близокъ, они видѣлись каждый день, то у него, то у нея, ревностно предаваясь своимъ занятіямъ двойкаго рода.

Розалія едва не умерла отъ ужаснаго открытія, внезапно поразившаго болѣзненно-чувствительную душу женщины, готовившейся сдѣлаться матерью, въ которой билось два сердца, два органа страданія. Ребенокъ былъ убитъ; мать осталась жива. Но когда, послѣ трехдневнаго безсознательнаго состоянія, она снова овладѣла памятью, чтобы вернуться къ страданіямъ, молодая женщина разразилась такими рыданіями, залилась такими горькими слезами, которыхъ ничто не могло ни остановить, ни осушить. Она плакала безъ крика, безъ жалобъ и когда перестала оплакивать измѣну мужа, слезы ея полились съ удвоенной силой при видѣ пустой колыбели, подъ кружевными занавѣсками на голубой подкладкѣ, гдѣ одиноко покоились сокровища дѣтскаго приданаго. Бѣдный Нума былъ почти въ такомъ-же отчаяніи. Всѣ его надежды на появленіе маленькаго Руместана, „первенца“, всегда окруженнаго въ провансальскихъ семьяхъ особеннымъ престижемъ, были разрушены, уничтожены по его собственной винѣ; это блѣдное, женское лицо, дышавшее такимъ самоотреченіемъ, это горе, переносимое съ стиснутыми зубами, съ глухими рыданіями,—раздирали его сердце; это горе было такъ непохоже на проявленія его печали, на дѣтскую, поверхностную чувствительность, которую онъ обнаруживалъ, сидя возлѣ постели своей жертвы съ заплаканными глазами, съ дрожащими губами.—„Ну, полно-же, Розалія, полно!“.. Ничего другого онъ не умѣлъ сказать ей; но сколько значенія было въ этомъ „полно, полно...“, произносимомъ съ акцентомъ южанина, способнаго легко расчувствоваться. Подъ этими словами слышалось: „Не убивайся, бѣдная ты моя, дурочка... Ну, развѣ стоитъ того? Развѣ это мѣшаетъ мнѣ любить тебя?“

И дѣйствительно онъ любилъ ее, насколько легкомысліе допускало въ немъ прочную привязанность. Въ мечтахъ своихъ, онъ не желалъ никого другого, кромѣ нея, чтобы вести его хозяйство, ухаживать за нимъ, баловать его.—„Мнѣ необходимо видѣть возлѣ себя преданность!“ простодушно говорилъ онъ, бывало,—и

прекрасно сознавалъ, что ея преданность была самая полная, самая любящая, какой только можно было желать. Мысль о томъ, что онъ можетъ потерять ее, приводила его въ ужасъ. Это-ли еще не любовь?

Увы! Розалія мечтала совсѣмъ объ иномъ. Жизнь ея была разбита, идолъ свергнутъ съ пьедестала, довѣріе навсегда утрачено. Тѣмъ не менѣе, она его простила, простила изъ жалости, какъ мать прощаетъ плачущаго, кающагося ребенка, а, кромѣ того, ради достоинства ихъ имени, ради имени ея отца, которое было бы запятнано скандаломъ развода, и, наконецъ, потому, что не хотѣла разрушать иллюзіи своихъ родныхъ, увѣренныхъ въ ея счастіи. Но, прощая его такъ великодушно, она предупредила его, чтобы онъ не рассчитывалъ на то-же, если повторить оскорбленіе. Чтобы оно не повторялось никогда! Въ противномъ случаѣ, связь ихъ будетъ безжалостно, окончательно расторгнута передъ всѣми...

Это было сказано такимъ тономъ, съ такимъ взглядомъ, въ которыхъ гордость женщины торжествовала надъ всѣми общественными стѣсненіями и приличіями. Нума понялъ и искренно покаялся никогда не повторять своего проступка. Онъ еще содрогался при мысли о томъ, что рисковалъ счастьемъ и спокойствіемъ, которымъ такъ дорожилъ, ради удовольствія, удовлетворявшаго только его тщеславіе. Къ тому-же, пріятная мысль, что онъ развязался со своей важной дамой, съ этой костлявой маркизой, которая—оставляя въ сторонѣ гербъ—такъ-же мало искушала его чувственность, какъ старая гризетва въ кафе Мальмюсъ, мысль о томъ, что уже не нужно болѣе писать писемъ, назначать свиданій, словомъ—прекращеніе всей этой сантиментальной, утонченной дребедени—радовали его почти такъ-же, какъ прощеніе жены, какъ восстановленіе домашняго мира.

Онъ былъ счастливъ по-прежнему. Во внѣшней жизни ихъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Столъ всегда былъ накрытъ; обычной чередою шли пиры и вечера, на которыхъ Руместанъ пѣлъ, декламировалъ, кокетничалъ, не подозрѣвая, какъ слѣдили за нимъ эти прекрасные, широко раскрытые, сверкавшіе неподдѣльною слезою, глаза. Она видѣла теперь своего великаго человѣка; видѣла, что онъ весь состоялъ изъ жестовъ, изъ фразъ; онъ былъ добръ и великодушенъ, но доброта его была мимолетна, основывалась

на капризѣ, на тщеславіи, на кокетливомъ желаніи нравиться. Она чувствовала, кабая пустота скрывалась въ этой натурѣ, такъ-же нерѣшительной въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ и въ своей ненависти; болѣе всего пугала ее, и за себя и за него, эта слабость, прикрывавшаяся громкими словами и возгласами, — слабость, приводившая ее въ негодованіе, но въ то-же время привязывавшая ее къ нему, благодаря той потребности сосредоточивать на комъ-нибудь материнское покровительство, въ которомъ выражается преданность женщины, когда исчезаетъ любовь. Всегда готовая служить ему, жертвовать собою, несмотря на его измѣну, она мучилась лишь однимъ тайнымъ опасеніемъ: — только-бы онъ не оттолкнулъ меня еще болѣе!

Съ свойственной ей пронизательностью Розалія скоро замѣтила переизмѣну, происходившую въ убѣжденіяхъ ея мужа. Его отношенія къ предмету становились холоднѣе. Нанковый жилетъ старика Санье, лилія, которою была украшена булавка его галстука, уже не внушали ему прежняго благоговѣнія. Онъ находилъ, что замѣчательный умъ этого старика слабѣетъ. Въ палатѣ уже засѣдала его тѣнь, сонная тѣнь, довольно хорошо напоминавшая легитимизмъ и его старческое оцѣненіе, граничащее съ смертью... Такъ Нума постепенно совершалъ свои эволюціи, пріотворялъ двери для имперіалисткой знати, которую онъ встрѣчалъ въ салонѣ мадамъ д'Эспарбесъ, приготовившей своимъ вліяніемъ этотъ поворотъ. — „Присматривай за своимъ великимъ человѣкомъ... Мнѣ кажется, онъ мѣняетъ шкуру!“.. сказала совѣтниця своей дочери, послѣ того, какъ, однажды, за обѣдомъ адвокатъ изощрялъ свое остроуміе надъ Фросдорфской партіей, которую онъ сравнивалъ съ деревяннымъ Пегасомъ Донъ-Кихота, неподвижнымъ и пригвожденномъ къ землѣ, между тѣмъ, какъ всадникъ съ завязанными глазами воображаетъ, что совершаетъ длинное путешествіе въ поднебесной лазури.

Ей не пришлось долго разспрашивать. Какъ онъ ни пытался скрытничать, его ложь отличалась такой небрежностью и простодушіемъ, которыя тотчасъ выдавали его. Войдя однажды утромъ къ нему въ кабинетъ, жена застала своего мужа, поглощеннымъ составленіемъ какого-то письма; она наклонилась къ его головѣ и спросила: „Кому вы пишете?“ Онъ растерялся, пытался придумать что-нибудь, и, чувствуя на себѣ этотъ пронизательный, неотвяз-

чивый, какъ совѣсть, взглядъ, вдругъ перешелъ къ порыву вынужденной откровенности... Это было письмо къ императору, въ которомъ онъ соглашался принять жѣсто государственнаго совѣтника. Оно было написано тощимъ, напыщеннымъ судейскимъ слогомъ, обыкновенно сопровождаемымъ жестибуляциями широкихъ адвокатскихъ рукавовъ, и начиналось такъ: *„Вандеецъ юга, воспитанный въ принципахъ вѣрности монархii и въ благоговѣнii передъ традиціями прошлаго, я тѣмъ не менѣе надѣюсь, что не погрѣшу ни противъ чести, ни противъ совѣсти“*..

— Вы не отошлете этого!.. рѣшительно сказала она.

Онъ началъ съ того, что всплилъ и сталъ кричать громко, грубо, какъ настоящій апскій буржуа, дѣлающій семейную сцену. Съ какой стати, наконецъ, она въ это вѣшивается? Что она въ этомъ смыслить? Развѣ онъ надоѣдаетъ ей, когда дѣло касается фасона ея шляпки или выкройки новомоднаго платья? Онъ гремѣлъ, какъ въ присутствii, слушаемый нѣмымъ, почти презрительнымъ спокоествіемъ Розалии, которая терпѣливо выжидала окончанія этого бурнаго порыва, уносившаго обломки заранѣе побѣжденной воли, вполнѣ находившейся въ ея власти. Такія шумныя выходки всегда кончаются пораженіемъ необузданной вспыльчивости; онѣ утомляютъ и обезоруживаютъ.

— Вы не пошлете этого письма, повторила она... Это значило-бы измѣнить вашей жизни, вашимъ обязательствамъ...

— Обязательствамъ?.. Относительно кого?

— Относительно меня... Вспомните, какъ мы познакомились, какъ вы овладѣли моимъ сердцемъ при помощи вашего возмущенія, вашего благороднаго негодованія противъ императорскаго маскарада. Но для меня имѣли значеніе не столько ваши убѣжденія, сколько прямое, упорное преслѣдованіе разъ назначенной цѣли и твердая, мужественная воля, которая меня восхищала въ васъ...

Онъ сталъ защищаться. Неужели-же ему заморозить всю свою жизнь въ этой ледяной средѣ, лишенной всякой энергii, въ этомъ покинутомъ, занесенномъ снѣгомъ, лагерѣ? Да, наконецъ, не онъ-же протягивалъ руку имперii, а она ему. Императоръ прекрасный человѣкъ, полный превосходныхъ плановъ, стоящій несравненно выше окружающей его среды... Затѣмъ, слѣдовали всѣ остальные благіе предлоги, обыкновенно извиняющіе измѣну. Розалия не при-

знала ни одного изъ нихъ и кромѣ вѣроломства его поведенія, показала ему и всю непрактичность его. — „Неужели-же вы не видите, въ какой тревогѣ всѣ эти люди, какъ они чувствуютъ, что почва подъ ними подкопана. Малѣйшій толчекъ, отвалившійся гдѣ-нибудь камень, — и все рухнетъ... и въ какую пропасть!“

Она доказывала, входила въ детали, дѣлала выводы изъ всего того, что молча собрала и передумала во время тѣхъ послѣбѣденныхъ разговоровъ, когда мужчины, собравшись отдѣльнымъ кружкомъ, предоставляютъ своимъ женамъ, — все равно, умны ли онѣ или нѣтъ, — томиться въ банальныхъ разговорахъ, которые не всегда достаточно оживляются пересудами о туалетахъ и свѣтскими сплетнями. Руместанъ удивлялся: — „Ай-да жена! И гдѣ она узнала все то, о чемъ теперь говорить?“ Онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія, что она у него такая умница, и подчиняясь одной изъ тѣхъ неожиданныхъ вспышекъ, которыя составляютъ привлекательную сторону подобныхъ, наклонныхъ къ крайностямъ, характеровъ, онъ схватилъ обѣими руками эту разсудительную головку, сіявшую такою обворожительною юностью, и покрывая ее поцѣлуями, воскликнулъ: — „Ты права, сто разъ права... нужно написать совершенно противоположное“... Онъ собрался разорвать письмо, но въ немъ была одна вступительная фраза, которая ему нравилась, и которая могла еще пригодиться, если-бы нѣсколько измѣнить ее, — наприимѣръ такъ: — *„Вандеецъ юга, воспитанный въ принципахъ вѣрности монархii и въ благоговѣнii передъ традиціями прошлаго, я погрѣшилъ-бы противъ чести и совѣсти, принявъ то мѣсто, которое Ваше Величество“...*

Этотъ отказъ, вѣжливый, но очень твердый, былъ напечатанъ въ легитимистскихъ газетахъ; онъ создалъ Руместану совершенно новое положеніе и сдѣлалъ его имя синонимомъ неподкупной вѣрности. — „Нѣтъ возможности распоротъ!“ подписалъ *Chagivagi* подъ забавной каррикатурой, изображавшей тогу великаго адвоката, которую всѣ партіи вырывали другъ у друга изъ рукъ и танули въ разные стороны. Нѣсколько времени спустя имперія рухнула, и когда было созвано бордоское собраніе, Нума Руместанъ могъ выбирать между тремя южными департаментами, избравшими его депутатомъ единственно за его письмо. Его первыя рѣчи, краснорѣчіе которыхъ, правда, было не совсѣмъ ори-

гинально, скоро сдѣлали изъ него предводителя всѣхъ фракцій правой. Положимъ, онъ пускалъ въ ходъ не болѣе, какъ крохи, заимствованныя у старика Санье, но въ наше время посредственностей чистокровные экземпляры становятся рѣдки, и новый вожакъ съ такою-же легкостью восторжествовалъ на скамьяхъ палаты, какъ въ былое время на диванахъ дѣдушки-Мальмуса. Сдѣлавшись генеральнымъ совѣтникомъ своего департамента, идоломъ всего юга, получивъ еще большее значеніе, благодаря блестящему положенію, занятому его тестемъ, который, послѣ паденія имперіи, назначенъ былъ первымъ президентомъ кассационнаго суда, Нума, очевидно, долженъ былъ не сегодня—завтра попасть въ министры. Пока же, будучи великимъ человѣкомъ для всѣхъ, за исключеніемъ жены, онъ наслаждался своею молодою славой то въ Парижѣ, то въ Версали, то въ Провансѣ, всегда любезный, безцеремонный, ласковый, всюду возя съ собою свой ореоль, но охотно оставляя его въ шляпной картонкѣ, какъ парадную складную шляпу.

ГЛАВА IV.

Южная тетушка. — Воспоминанія дѣтства.

Домъ Порталей, въ которомъ великій гражданинъ Апса останавливается, когда пріѣзжаетъ въ Провансѣ, принадлежитъ къ числу достопримѣчательностей города. Онъ показанъ въ путеводителѣ Жюанна на ряду съ храмомъ Юноны, амфитеатромъ, старымъ театромъ, башней Антонина, со всѣми этими древними остатками римскаго владычества, которыми городъ чрезвычайно гордится, и съ которыхъ тщательно сметають пыль. Но въ этомъ старинномъ провинціальномъ домѣ, вниманіе иностранца обращаютъ не на массивныя ворота со сводомъ, обитыя и скрѣпленныя гвоздями съ громадными шляпками, не на высокія окна, украшенныя рѣшетками съ волючами и вычурными копейными наконечниками; ему указываютъ только на балконъ второго этажа, узкій балконъ съ черными желѣзными перилами, образующій выступъ надъ крыльцомъ. Здѣсь Руместанъ говоритъ и показывается толпѣ, когда пріѣзжаетъ. И — весь городъ можетъ это подтвердить — давленіе могучихъ рукъ оратора было достаточно, чтобы сообщить причуд-

ливые изгибы и оригинальную выпуклость периламъ балкона, когда-то прямыми, какъ линейка. — „Вонъ, смотрите... Это онъ измялъ желѣзо, нашъ Нума!“ И они говорятъ вамъ это, до невозможности выкативъ глаза и до такой степени налегая на *r — réttgi le ferrg* — что не можетъ возникнуть и тѣни сомнѣнія.

Раса, населяющая Апсъ и его окрестности, отличается гордымъ и добродушнымъ нравомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такою живостью впечатлѣнія, такою необузданностью языка, о которыхъ тетушка Порталь, чистый типъ мѣстной буржуазіи, можетъ дать довольно полное понятіе. Громадная, апоплектического сложенія, съ обвислыми щеками цвѣта виннаго отстоя, къ которымъ словно прилила вся кровь, рѣзко отличающимися отъ нѣжной кожи бывшей блондинки на очень бѣлой шеѣ и на лбу, надъ которымъ изъ-подъ чепчика, украшеннаго лиловыми лентами, выглядываютъ прекрасные, тщательно приглаженные, серебристые завитки; станъ съ вѣчно криво застегнутымъ лифомъ, но тѣмъ не менѣе представительный; величественный видъ, пріятная улыбка, — вотъ какою сначала представится вамъ мадамъ Порталь въ полусвѣтѣ своей гостиной, по южному обычаю всегда герметически закрытой. Вы сравните ее съ фамильнымъ портретомъ старой маркизы Мирабо, который, какъ нельзя лучше, подходитъ къ этому старинному жилищу, построенному сто лѣтъ тому назадъ Гонзагомъ Порталемъ, совѣтникомъ въ эвсскомъ парламентѣ. Въ Провансѣ еще встрѣчаются образчики такихъ домовъ и людей прошлаго, точно послѣднее столѣтіе, выходя сквозь эти высокія двери, оставило въ ихъ щели обрывокъ своего платья съ фалбалами. Если, разговаривая съ тетушкой, вы, на бѣду себѣ, будете утверждать, что протестанты не хуже католиковъ, или что Генрихъ V не готовъ вступить на престолъ, старый портретъ внезапно выскакиваетъ изъ своей рамки, жилы на ея шеѣ наливаются, руки начинаютъ терять стройный рядъ тщательно приглаженныхъ завитковъ и она вся закипаетъ страшнымъ гнѣвомъ, пересыпаннымъ ругательствами, угрозами, проклятіями, — гнѣвомъ, приступы котораго пользуются извѣстностью въ городѣ и по поводу котораго ходятъ забавные рассказы. Разъ у нея на вечерѣ слуга опрокидываетъ подносъ со стаканами; тетушка Порталь кричитъ, мало-по-малу входитъ въ азартъ; отъ упрековъ и сожалѣній переходитъ къ бѣшенству, подъ вліяніемъ котораго негодование ея уже

не въ состояніи выразиться въ словахъ. Наконецъ, задыхаясь отъ невозможности выразить гнѣвъ словами и не имѣя возможности побить неловкаго слугу, который обратился въ благоразумное бѣгство, она поднимаетъ свою шелковую юбку, закидываетъ ее на голову, закутывается, скрывая подъ нею свое искаженное яростью лицо, нисколько не заботясь, что выставляетъ на показъ передъ приглашенными гостями накрахмаленную бѣлую юбку охватывающую ея тучное тѣло.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара ее сочли-бы за сумасшедшую, но въ Ансѣ, въ странѣ кипучихъ, легко воспламеняющихся головъ, довольствуются заявленіемъ, что мадамъ Порталь „невоздержна на языкъ“. Правда, если пройти по Кавалерійской площади въ одинъ изъ тѣхъ мирныхъ послѣобѣденныхъ часовъ, когда монастырская тишина города нарушается только трескомъ кузнечиковъ или нѣсколькими фортепیانными гаммами, изъ-за ставней стараго дома доносится неистовныя восклицанія этой дамы, встряхивающей и подгоняющей свою прислугу: — „Чудовище... убійца... разбойникъ... воръ церковнаго имущества... я отрѣжу тебѣ руку... я сдеру тебѣ кожу съ живота!“ И при этомъ двери хлопаютъ, перила лѣстницы дрожатъ подъ высокими, звучными сводами, выбѣленными известью, съ трескомъ раскрываются окна, какъ-будто для того, чтобы выбросить клочья, вырванные изъ тѣла несчастныхъ слугъ, которые тѣмъ не менѣе продолжаютъ свою службу, привыкнувъ къ этимъ грозамъ и зная, что все это одни лишь разговоры. Въ концѣ-концовъ она превосходная женщина, любящая, великодушная, съ тою потребностью нравиться, оказывать услуги, разрываться для другихъ, которая составляетъ одну изъ особенностей расы и благодѣянія которой Нума, болѣе чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ. Со времени его избранія въ депутаты домъ на Кавалерійской площади принадлежалъ ему и тетка его только сохраняла за собою право жить въ немъ до своей смерти. Какимъ праздникомъ былъ для нея пріѣздъ ея парижанъ, — всѣ эти обеды, серенады, приемы, визиты, которыя вмѣстѣ съ присутствіемъ великаго человѣка оживляли ея одинокое существованіе, жаждавшее такихъ вѣшнихъ изліяній. Къ тому-же она обожала свою племянницу Розалію со всею силою контраста этихъ двухъ натуръ, со всѣмъ уваженіемъ, которое внушала ей дочь президента Ле-Кеснуа, перваго сановника Франціи.

И, право, только благодаря своей необыкновенной снисходитель-

ности и уваженію къ тому культу семьи, который она заимствовала отъ родителей, Розалія въ состояніи была выносить въ продолженіи двухъ долгихъ мѣсяцевъ всѣ фантазіи, всѣ утомительныя затѣи безпорядочнаго воображенія тетушки, всегда чрезмѣрно возбужденнаго, настолько-же подвижнаго, насколько ея упитанное тѣло было лѣново. Сидя въ прохладныхъ, какъ мавританскій дворъ, сѣняхъ, въ которыхъ господствовалъ какой-то затхлый запахъ плѣсени, Розалія, съ шитьемъ въ рукахъ, какъ настоящая парижанка, не умѣющая оставаться въ бездѣйствіи, слушала по цѣлымъ часамъ изумительныя изліянія толстой дамы, которая сидѣла въ креслахъ, противъ нея, размахивала руками, ничѣмъ не занятая, чтобы лучше жестиковать, безъ усталости перебирала сплетни всего города, свои исторіи съ служанками, съ кучеромъ, которые, смотря по ея настроенію или капризу, оказывались то совершенствами, то чудовищами, вѣчно горячилась за или противъ кого-нибудь и, истощивъ жалобы, осыпала предметъ своей временной антипатіи самыми ужасными, романтичными обвиненіями, черными или кровавыми вымыслами, которыми голова ея была начинена, какъ „Лѣтопись Распространенія Вѣры“. Но Розалія, живя съ своимъ Нумою, привыкла къ этимъ преувеличеніямъ, къ этимъ неистовствамъ рѣчи. Все это уже не производило на нее впечатлѣнія и не мѣшала ей предаваться своимъ думамъ. Временами только ей приходилъ въ голову вопросъ, — какимъ образомъ она, такая сдержанная, такая скрытная, могла войти въ эту семью комедіантовъ, драпирующихся фразами, изобилующихъ жестами? — Ужь развѣ, когда рассказъ становился очень невѣроятнымъ, она разсѣяннымъ тономъ прерывала его словами: — о, тетушка!..

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы, моя милая. Быть можетъ, я немного преувеличиваю.

Но неутомимое воображеніе тетушки скоро снова пускалось по другому, не менѣе безумному, слѣду, сопровождаемое выразительной трагической или комической мимикой, попеременно надѣвавшей на ея широкое лицо одну изъ двухъ масокъ древняго театра. Успокоившись, она принималась разсказывать о своемъ единственномъ путешествіи въ Парижъ и о чудесахъ *Passage du So-ton*, гдѣ она жила въ маленькой гостинницѣ, въ которой оставались всѣ купцы ея родины, ни разу не отважившись выйти за предѣлы стеклянной галереи пассажа, жаркой и душ-

ной, какъ парникъ. Во всѣхъ парижскихъ исторiяхъ тетушки, этотъ пассажъ игралъ роль центра, въ которомъ сосредоточивались всѣ событiя, и былъ мѣстомъ наиболѣе изящнымъ и свѣтскимъ.

Нѣкоторой приправой къ этимъ скучнымъ, пустымъ разговорамъ служилъ свойственный тетушкѣ забавный, причудливый французскiй языкъ, въ которомъ шаблонныя фразы, засушенные цвѣты старинной риторики примѣшивались къ страннымъ провансализмамъ; такъ-какъ мадамъ Порталь ненавидѣла вульгарное нарѣчiе, это дивное, живописное, звучное патуа, которое, какъ латинское эхо, раздается надъ синимъ моремъ и на которомъ тамъ говорятъ только крестьяне и простой народъ. Она принадлежала къ той провансальной буржуазiи, которая вмѣсто „Pésairé“, говоритъ „Peuchère“ и воображаетъ, что это выходитъ правильнѣе. Когда кучеръ Мениэль (Доминикъ) приходилъ и говорилъ по-просту: „Vous baia de civado au chivau“ *), барыня принимала величественный видъ и отвѣчала: „Я не понимаю... говорите по-французски, мой другъ“. Тогда Мениэль тономъ школьника повторялъ: „Je vais bayeg dé civade au chivau“... „Хорошо, теперь я поняла“, отвѣчала барыня, и кучеръ удалялся въ полномъ убѣжденiи, что говорилъ по-французски. Правда, что за Валансомъ южное населенiе и не знаетъ много французскаго языка. Притомъ тетушка Порталь коверкала всѣ слова, не по произволу собственной фантазiи, а согласно правиламъ мѣстной грамматики, — произносила „déligeñce“ вмѣсто diligence, „achéter“, „ané-dote“, „régitre“. Наволочку она называла „une coussinière“, зонтикъ — „ombrette“, грѣлку, которую она во всякое время года держала подъ ногами, — „une banquette“. Она не плакала, а „tombait des larmes“; хотя и очень „enlourdie“, она употребляла „pas plus de demi-heure“ на свою обычную прогулку по городу. Все это было изукрашено тѣми мелкими междометiями безъ всякаго опредѣленнаго значенiя, которыми провансальцы пересыпаютъ свою рѣчь, тѣми клинiями, которые они вставляютъ между фразами, чтобы смягчить, усилить или поддерѣпить ихъ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ: — „аiе“, „оuie“, „аvаiе“, „аса-vaï“, „au moins“, „pas moins“, „différemment“.

Это презрѣнiе южной дамы къ народному нарѣчiю своей про-

*) Je vais donner de l'avoine au cheval—я дамъ лошади овса.

виниціи распространялось на обычаи, мѣстные традиціи и даже на костюмы. Какъ тетушка Порталь не желала, чтобы кучеръ ея говорилъ по-провансальски, такъ точно она не потерпѣла-бы, чтобы служанка ея носила арлезіанскій бантъ или косынку. — „Мой домъ не крестьянская хижина и не прядильная фабрика!“ говорила она. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она не позволяла имъ носить и шляпокъ. Шляпа имѣетъ въ Апсѣ значеніе отличительнаго, іерархическаго знака, выражающаго буржуазное превосходство; она одна даетъ право на титулъ „madame“, въ которомъ отказываютъ лицамъ, принадлежащимъ къ простонародію. Нужно видѣть, съ какимъ видомъ превосходства жена какого-нибудь отставнаго капитана или чиновника мэрїи съ жалованьемъ въ восемьсотъ франковъ въ годъ и которая сама ходитъ на рынокъ, говоритъ съ высоты своей громадной шляпы съ самой зажиточной фермершей изъ Кро, голова которой затянута въ косынку, обшитую настоящими старинными кружевами. Въ домѣ Порталей дамы уже болѣе столѣтія тому назадъ стали носить шляпы. Это заставляло тетушку крайне презрительно относиться къ бѣдному населенію и послужило причиной сцены, которую она устроила Руместану черезъ нѣсколько дней послѣ праздника въ амфитеатрѣ.

Дѣло происходило въ пятницу утромъ, во время завтрака. Это былъ южный завтракъ, аппетитный и пріятный на видъ, но строго постный, ибо тетушка Порталь очень точно придерживалась религіозныхъ обрядовъ. На скатерти были разставлены зеленый стручковый перецъ и сочныя фиги, миндаль и арбузы, разрѣзанные въ видѣ исполнскихъ розовыхъ матролій, пироги съ анчоусами и маленькіе хлѣбцы изъ бѣлаго тѣста, какія можно найти только въ тѣхъ мѣстахъ, — все легкія кушанья, стоявшія между глиняными сосудами съ свѣжей водой и графинами съ сладкимъ виномъ, между тѣмъ, какъ на улицѣ дрожали звуки кузнечиковъ и солнечные лучи, а сквозь щель въ громадную столовую, съ звучными сводами, какъ въ монастырской трапезной, пробиралась желтая полоса свѣта. На серединѣ стола дымились двѣ котлетки, приготовленныя для Нумы. Хотя имя его благоговлялось въ конгрегаціяхъ и поминалось во всѣхъ молитвахъ, — а, можетъ-быть, именно поэтому — великій гражданинъ Апса получилъ разрѣшеніе отъ епископа и одинъ во всей семьѣ ѣлъ скоромное, съ невозмутимымъ видомъ разрѣзая своими сильными ру-

ками сочное мясо, не заботясь о женѣ и свояченицѣ, которыя, подобно тетужкѣ Порталь, утоляли свою жажду фигами и арбузомъ. Розалія привыкла къ этому; этотъ строгій постъ въ теченіи двухъ дней въ недѣлю входилъ въ составъ ея ежегодной барщины, какъ солнце, пыль, мистраль, комары, рассказы тетужки и воскресная служба въ церкви св. Перпетуи. Но Гортензія начинала возмущаться со всею силою своего молодого желудка, и старшей сестрѣ нужно было употребить весь свой авторитетъ, чтобы зажать ей ротъ и удержать эти выходки, которыя совершенно шли въ разрѣзъ съ понятіями мадамъ Порталь о воспитаніи и о приличномъ поведеніи дѣвицъ. Молодая дѣвушка довольствовалась тѣмъ, что поѣдала всѣ эти пустячки, поглядывая комически-завистливыми глазами, расширивъ ноздри, на котлетки Руместана и говоря въ полголоса, обращаясь къ одной Розаліи:

— Нечего сказать, кстати это пришлось!.. Я какъ-разъ ѣздила верхомъ сегодня утромъ... Я голодна, какъ послѣ длиннаго путешествія.

На ней еще была надѣта амазонка, которая такъ-же хорошо шла къ ея длинной, гибкой талии, какъ маленькій мужской воротничекъ къ своенравному неправильному лицу ея, еще оживленному ѣздой на свѣжемъ воздухѣ. Войдя во вкусъ послѣ этой утренней прогулки, она обратилась къ Руместану:

— Кстати, Нума... а Вальмажуръ? Когда-же мы поѣдемъ навѣстить его?

— Кто такой Вальмажуръ? спросилъ Руместанъ; изъ забывчивой головы его уже исчезло воспоминаніе о тамбуринщикѣ. — Да, правда, Вальмажуръ... Я совсѣмъ забылъ. Я общалъ ему поглядывать его родныхъ передъ отъѣздомъ... Какой артист!

Онъ началъ воодушевляться; передъ его глазами снова пронеслись аркады амфитеатра и фарандола, кружащаяся въ немъ подъ жѣрны, глухіе звуки тамбурина, который волновалъ его даже при одномъ воспоминаніи и словно жужжалъ у него подъ ложечкой. Внезапно рѣшившись, онъ сказалъ:

— Тетужка Порталь, одолжите вашъ берлинъ; мы поѣдемъ послѣ завтрака.

Брови тетужки нахмурились надъ ея большими глазами, сверкавшими, какъ у японскаго идола.

— Берлинъ? Вотъ еще!.. Это зачѣмъ?.. Надѣюсь, что ты не повезешь своихъ дамъ къ этому музыканту, играющему на своемъ „тютю-панпанъ?“

Слово „тютю-панпанъ“ такъ хорошо характеризовало двойной инструментъ, дудку и тамбуринъ, что Руместанъ расхохотался, но Гортензія съ жаромъ стала защищать старнй провансальскій тамбуринъ. Изъ всего, что она видѣла на югѣ, это въ особенности произвело на нее впечатлѣніе. Къ тому-же было-бы нечестно не сдержать слова, даннаго этому славному парню. — „Онъ великій артистъ, Нума; вы сами это сказали!“

— Да, да, вы правы, сестрица... надобно ѣхать.

Тетушка Порталь, задыхаясь отъ волненія, стала говорить, что она не понимаетъ, съ какой стати ея племянникъ, депутатъ, будетъ беспокоить себя ради мужиковъ, ради батраковъ, ради людей, которые изъ рода въ родъ играли на дудкѣ на деревенскихъ праздникахъ. Совершенно увлекшись разсказомъ, она презрительно оттопырила нижнюю губу и стала передразнивать жесты музыканта, разставивъ пальцы надъ воображаемой флейтой и ударяя другою рукою по столу. Нечего сказать, стоитъ показывать такихъ людей барышнямъ!.. Нѣтъ, этотъ Нума неподражаемъ!.. Къ Вальмажурамъ!? Пресвятая Богородица!.. Приходя все болѣе и болѣе въ азартъ, она начала вводить на нихъ всевозможныя преступленія, выставлять ихъ кровожадными чудовищами, приобрѣвшими историческую извѣстность, подобно семьѣ Трестальонъ, но вдругъ увидѣла по другую сторону стола Менюела; онъ былъ землякъ Вальмажура и, уставившись на барыню, слушалъ ее, выражая во всѣхъ чертахъ лица безграничное изумленіе. Она тотчасъ-же громовымъ голосомъ приказала ему пойти немедленно переодѣться и заложить карету къ двумъ часамъ „*manque un quart*“ (безъ четверти). Подобнымъ образомъ кончались всѣ гнѣвныя вспышки тетушки.

— Ахъ, какъ вы добры! Какъ вы милы! воскликнула Гортензія, кинувъ на столъ салфетку и бросаясь цѣловать толстую старуху въ обѣ щеки. Она смѣялась, прыгала отъ радости. — Ско-рѣе, Розалія, торопись!..

Тетушка Порталь посмотрѣла на свою племянницу.

— Надѣюсь, Розалія, что вы не пойдете таскаться по большимъ дорогамъ съ этими дѣтьми.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетушка; я останусь съ вами, отвѣчала молодая женщина, улыбаясь надъ этой репутаціей пожилой родственницы, которую она, въ концѣ-концовъ, приобрѣла въ домъ, благодаря своей неутомимой услужливости и любезной уступчивости.

Въ назначенный часъ Мениэль былъ готовъ, но ему велѣли ѣхать впередъ и дожидаться на площади амфитеатра. Руместанъ отправился пѣшкомъ со своею свояченицей, радовавшейся и гордившейся, что будетъ осматривать Апсъ, идя подъ-руку съ великимъ человѣкомъ, увидитъ домъ, въ которомъ онъ родился, отыщетъ вмѣстѣ съ нимъ по улицамъ всѣ слѣды, напоминающіе его дѣтство и юность.

Насталъ часъ послѣобѣденнаго отдыха. Городъ спалъ, пустынный и беззвучный, убаюкиваемый мистралемъ, дувшимъ сильными порывами, провѣтривая и освѣжая жаркое провансальское лѣто, но сильно затрудняя ходьбу, въ особенности вдоль бульвара, гдѣ ничто его не удерживало и онъ могъ свободно нестись и кружиться, охватывая весь городокъ и оглашая воздухъ ревомъ, напоминающимъ ревъ выпущеннаго на волю быка. Ухватившись обѣими руками за руку своего спутника, Гортензія подвигалась впередъ, наклонивъ голову, ослѣпленная, задыхающаяся, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольная; ей пріятно было чувствовать, какъ увлекали, приподнимали ее эти порывы шевала, налетавшіе словно волны, съ тѣмъ-же шумомъ и жалобнымъ воемъ, съ тѣми-же песчаными брызгами. Иногда приходилось останавливаться и держаться за веревки, протянутыя вдоль городской стѣны, на случай сильнаго вѣтра. Эти вихри, въ которыхъ кружились обломки коры и сѣмена платанъ, это безлюдіе придавало широкому бульвару какой-то характеръ раззоренія; онъ еще былъ усыпанъ соромъ, остатками послѣдняго рынка, — дымиными корками, соломенными подстилками, пустыми корзинами, какъ-будто на югѣ подметаніе города составляло обязанность одного мистрала. Руместанъ хотѣлъ поскорѣе добраться до экипажа; но Гортензія настаивала на прогулкѣ; запыхавшись, едва держась на ногахъ отъ этого урагана, который въ три раза обвивалъ вокругъ шляпы ея голубой газовой вуаль и прижималъ къ ногамъ ея короткое дорожное платье, она сказала:

— Странно, какъ различны бываютъ натуры! Розалія ненавидитъ вѣтеръ. Она говоритъ, что онъ путаетъ ей мысли, мѣ-

шасть думать. Меня-же, напротивъ, вѣтеръ возбуждаетъ, опяняетъ.

— И меня также! крикнулъ въ отвѣтъ, придерживая шляпу, Нума, у котораго на глазахъ отъ вѣтра навернулись слезы. На поворотѣ онъ вдругъ воскликнулъ:

— Вотъ моя улица; здѣсь я родился...

Вѣтеръ стихалъ или, вѣрнѣе, менѣе давалъ себя чувствовать, продолжая еще дуть вдали; такъ на спокойной поверхности гавани прислушиваешься къ грому далекаго морского прибора.— Это былъ невзрачный, сѣрый домикъ, въ довольно широкой улицѣ, вымощенной угловатыми камнями, безъ троттуара. Онъ помѣщался между уреулинскимъ монастыремъ, осѣненнымъ высокими платанами, и стариннымъ домою съ аристократическою внѣшностью, на которомъ красовались гербъ и надпись: „Hotel de Rochemaure“. Стоявшее по другую сторону улицы очень древнее, монументальнаго вида, зданіе, безъ опредѣленнаго стиля, окаймленное обвѣтренными колоннами, торсами статуй, могильными камнями, испещренными римскими надписями, называлось „Академіей“, какъ гласила утратившая позолоту надпись надъ позеленѣвшимъ крыльцомъ. Здѣсь, въ этой улицѣ, знаменитый ораторъ увидѣлъ свѣтъ 15 Іюля 1835 года, и можно было-бы сдѣлать не мало удачныхъ сопоставленій между его узкимъ классическимъ талантомъ, его католическими и легитимистскими традиціями и этимъ невзрачнымъ домикомъ, стоявшимъ между монастыремъ и аристократическимъ домою и смотрѣвшимъ на провіціальную академію. Руместанъ почувствовалъ себя взволнованнымъ, что случалось съ нимъ каждый разъ, когда жизнь сталеживала его лицомъ къ лицу съ его-же собственной личностью. Давно уже, — быть можетъ, лѣтъ тридцать, онъ не приходилъ сюда. Только благодаря фантазіи этой дѣвочки... Неподвижность окружающихъ предметовъ поражала его... На стѣнѣ онъ узналъ слѣдъ отъ крючка, придерживавшаго ставень; каждое утро, бывало, проходя мимо, онъ своею дѣтскою рукою вертѣлъ этотъ крючекъ. Колонны и драгоцѣнные обломки, окружавшіе Академію, и тогда на тѣ-же мѣста бросали свои классическія тѣни, олеандры дворянскаго дома распространяли тотъ-же горькій запахъ. Онъ показалъ Гортензіи узкое окно, изъ котораго мама Руместанъ махала ему рукою, когда онъ возвращался изъ

монастырской школы, и кричала: „Иди скорѣе, отецъ возвратился!“ А отецъ не любилъ ждать.

— Какъ, Нума, серьезно?.. Вы воспитывались у „братьевъ?“

— Да, сестрица, до двѣнадцати лѣтъ. Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, тетушка Порталь помѣстила меня въ „Успеніе Богородицы“, самый шикарный пансіонъ во всемъ городѣ; но читать меня научили братья—иньборантины, въ этомъ большомъ баракѣ съ желтыми ставнями.

И онъ съ содроганіемъ вспомнилъ о ведрѣ съ разсоломъ, которое стояло возлѣ кафедры и въ которомъ размачивали розги, чтобы онѣ большѣ сѣкли, о громадномъ классѣ съ кирпичнымъ поломъ, гдѣ отвѣчали уроки, стоя на колѣняхъ, гдѣ самое незначительное наказаніе состояло въ томъ, чтобы ползти на колѣняхъ къ „брату“, прямо и неподвижно стоявшему въ своей грубой, черной рясѣ, взбивавшейся кверху съ каждымъ новымъ ударомъ; этого „брата“ звали „братъ Скворода“, потому-что кромѣ школы онъ завѣдывалъ и кухней; вспомнилъ онъ злорадное „жжа!“ любезнаго „брата“ и невыносимую боль, точно отъ тысячи укуловъ, въ кончикахъ маленькихъ пальцевъ, запачканныхъ чернилами. Гортензія приходила въ негодование отъ жестокости этихъ наказаній; тогда Руместанъ рассказалъ и о другихъ, еще болѣе звѣрскихъ, — какъ, напримѣръ, наказанные должны были вылизывать языкомъ только что политый полъ, на которомъ вся пыль превратилась въ грязь, сдиравшую кожу съ нѣжнаго нѣба преступниковъ.

— Но вѣдь это ужасно!.. И вы защищаете этихъ людей! Вы говорите за нихъ въ палатѣ!

— Ахъ, дитя мое... это—дѣло политики, возразилъ Руместанъ, не смущаясь. Разговаривая они шли дальше по лабиринту темныхъ, чисто восточныхъ переулочковъ, гдѣ старухи спали на порогахъ дверей, по другимъ, менѣ темнымъ улицамъ, во всю ширину которыхъ были протянуты, колеблемыя вѣтромъ, длинныя полосы тисненаго календора, съ вывѣсками: „Продажа галантерейнаго товара, сукна, обуви“. Наконецъ, они вышли на мѣсто, называемое въ Аисѣ площадкою, — четырехугольному пространству, покрытому на половину размявшимъ отъ солнца асфальтомъ, окруженному запертыми и молчаливыми въ это время дня магазинами, вдоль которыхъ, подъ узкою тѣнью стѣнъ, храпѣли чистильщики сапогъ, подмостивъ подъ голову свои ящики, раскинувъ члены, словно

утопленники, выброшенные на берегъ бурей, бушевавшею надъ городомъ. На серединѣ площади возвышался неоконченный памятникъ. Гортензія пожелала знать, для чего предназначался этотъ бѣлый одинокій мраморъ. Руместанъ улыбнулся, нѣсколько смущенный. „Это цѣлая исторія!“ сказалъ онъ, ускоряя шагъ. Муниципалитетъ города рѣшилъ воздвигнуть ему статую, но такъ-какъ либералы партіи *Avant-garde* сильно порицали этотъ апофеозъ живого чело-вѣка, то друзья его не рѣшились настаивать. Статуя совсѣмъ готова, и теперь, вѣроятно, дожидаются его смерти, чтобы поста-вить ее.

Конечно, отрадно думать, что ваши похороны будутъ сопро-вождаться такимъ гражданскимъ торжествомъ, что, покидая этотъ міръ, вы воскреснете въ мраморъ или бронзѣ; тѣмъ не менѣе этотъ пустой, ослѣпительно блестящій на солнцѣ пьедесталь, производилъ на Руместана, каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо, впечатлѣніе величественнаго фамильнаго склепа; такъ и те-перь, только видъ амфитеатра отвлекъ его отъ этихъ мрачныхъ мыслей. Старый амфитеатръ, не оживляемый болѣе шумною тол-пою, наполнявшею его въ воскресенье, снова принялъ торжествен-ный видъ величественной, бесполезной развалины. Сквозь запертыя рѣшетки видны были его широкіе, сырые и холодные корридоры въ которыхъ мѣстами опускалась почва и камни распатывались подъ шагами столѣтій.

— Какъ это печально! сказала Гортензія, жалѣя о тамбуринѣ Вальмажура. — Но для Нумы это зрѣлище не было печально. Здѣсь онъ провелъ лучшіе часы своего дѣтства, полные радости и же-ланій. Бывало, по воскресеньямъ, когда здѣсь устраивался бой быковъ, онъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, такими-же бѣдными, какъ и онъ, жался около рѣшетокъ, не имѣя десяти су, чтобы купить билетъ. Стоя подъ палаціемъ послѣобѣденнымъ солнцемъ, какъ живое воплощеніе запретнаго наслажденія, они смотрѣли на то небольшое, что можно было видѣть изъ-за толстыхъ стѣнъ, — на небольшой уголокъ цирка, на обтянутыя яркими чулками ноги тореадоровъ, на копыта разъяреннаго животнаго, на поднятую битвою пыль, клубившуюся въ воздухъ вмѣстѣ съ криками, взры-вами смѣха, рукоплесканіями, ревомъ и мычаніемъ, оглашавшимъ переполненное зданіе. Желаніе войти было слишкомъ сильно. На-конецъ, самые смѣлые улучали минуту, когда часовой отходилъ

подалше, и съ нѣкоторымъ напряженіемъ проскальзывали между желѣзными полосами. — „Мнѣ всегда удавалось проскользнуть!“ веселымъ тономъ сказалъ Руместанъ. И въ этихъ двухъ словахъ прекрасно резюмировалась исторія всей его жизни: благодаря счастью или ловкости, какъ-бы ни была узка рѣшетка, — южанинъ всегда проскальзывалъ.

— Да, прибавилъ онъ со вздохомъ, — тогда я былъ потоньше, чѣмъ теперь. И онъ съ выраженіемъ комическаго сожалѣнія поглядывалъ то на рѣшетки аркадъ, то на свой широкій бѣлый жилетъ, туго обхватывавшій его сорокалѣтнее дородство.

Позади громаднаго памятника, защищенная отъ вѣтра и солнца, дождалась ихъ карета. Пришлось разбудить Меникла, заснувшего на козлахъ между двумя корзинами съ провизіей въ своемъ тяжеломъ, важномъ, синемъ сюртугѣ. Но прежде чѣмъ сѣсть въ экипажъ, Руместанъ издали указалъ своей сподвижницѣ на старую гостиницу съ надписью: „Au Petit-Saint-Jean messageries et roulages“; ея бѣлыя стѣны и раскрытые настежь сараи занимали цѣлый уголъ площади амфитеатра, уставленный распряженными повозками, деревенскими телѣгами, съ торчавшими вверху оглаблями и парусиннымъ навѣсомъ.

— Посмотрите, сестрица, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — отсюда я отправился въ Парижъ, двадцать одинъ годъ тому назадъ... Тогда у насъ еще не было желѣзной дороги; приходилось ѣхать въ дилижансѣ до Монтелимара, а потомъ по Ронѣ... Боже! какъ я былъ доволенъ и какой страхъ внушалъ мнѣ вашъ огромный Парижъ... Помнится, это было вечеромъ...

Онъ говорилъ быстро, безсвязно; одно воспоминаніе подгоняло другое.

— Вечеромъ, въ десять часовъ, въ ноябрѣ... Луна свѣтила такъ ярко... Кондуктора звали Фуке, — важная персона!... Пока онъ запрягалъ, мы съ Бомпаромъ прогуливались по площади... съ Бомпаромъ, — вѣдь вы знаете его; мы тогда уже были въ большой дружбѣ. Онъ былъ — или воображалъ, что былъ — аптекарскимъ ученикомъ и рассчитывалъ также пріѣхать въ Парижъ. Мы строили проекты, мечтали, что будемъ жить вмѣстѣ, чтобы помогать другъ другу и скорѣе достигнуть цѣли... А пока онъ, какъ старшій, ободрялъ меня, давалъ мнѣ совѣты... Больше всего я боялся показаться смѣшнымъ. Тетушка велѣла мнѣ спить для

дороги большой плащъ, такъ-называемый — Рагланъ... Я сильно беспокоился по поводу этого Раглана тетухки Порталь... Тогда Бомпаръ велѣлъ мнѣ идти впередъ... Я теперь еще помню фигуру своей тѣни... И съ свойственнымъ ему важнымъ видомъ онъ сказалъ мнѣ: — „Ничего, дружище, не дурно; ты не смѣшенъ“... О, юность, юность!

Гортензія, которая уже начинала бояться, что они совсѣмъ не выберутся изъ города, гдѣ великій мужъ подъ каждымъ камнемъ находилъ поводъ къ краснорѣчивымъ отступленіямъ, слегка толкала его по направленію къ экипажу.

— Не съѣсть-ли намъ, Нума? Мы можемъ продолжать разговоръ дорогою...

ГЛАВА V.

ВАЛЬМАЖУРЪ.

Изъ Апса до Кордовской горы не болѣе двухъ часовъ ѣзды, въ особенности, когда вѣтеръ дуетъ въ спину. Пара старнхъ камаргскихъ лошадей шута везла экипажъ, подталкиваемый мистралемъ, который потрясалъ и подкидывалъ его, вдавливалъ его кожаный верхъ или, наоборотъ, вздувалъ его, какъ парусъ. Здѣсь онъ уже не ревелъ, какъ вокругъ укрѣпленій и подъ сводами потернъ; свободный, не встрѣчая препятствій, взметая передъ собою громадную волнистую равнину, на которой, словно разсѣянное бурей селеніе, мелькали нѣсколько затерявшихся хижинъ и одинокая ферма, сѣрымъ пятномъ выдѣлявшаяся среди зеленого букета, — онъ, какъ дымъ, разстился по небу, быстро рябью пробѣгалъ надъ высокой пшеницей, надъ полями оливковыхъ деревьевъ, шелестя ихъ серебристою листвою; затѣмъ, описывая широкіе круги, онъ возвращался, поднимая бѣлыми облаками хрустѣвшую подъ колесами пыль, и наклонялъ ряды густыхъ кипарисовъ, испанскій тростникъ съ длинными листьями, журчавшими, словно свѣжій ручей, по окраинамъ дороги.

Когда онъ смолкалъ на минуту, какъ-бы желая перевести дыханіе, тотчасъ давала себя чувствовать вся тяжесть лѣтнаго зноя, африканская жара, поднимавшаяся изъ почвы и снова быстро

разгонявшаяся здоровымъ, живительнымъ вихремъ, весело мчавшимся къ далекому горизонту, къ маленькимъ сѣроватымъ, тусклымъ холмамъ, которые образуютъ фонъ всякаго провансальскаго пейзажа и подъ лучами заката окрашиваются въ волшебные цвѣта.

По дорогѣ попадалось немного народа. Изрѣдка встрѣчалась телѣга, ѣхавшая изъ каменоломни, нагруженная обтесанными камнями, рѣзавшими глаза подъ яркимъ солнцемъ, старая крестьянка изъ Виль-де-Бо, сгорбившаяся подъ большою связкою ароматическихъ травъ, ряса нищенствующаго монаха съ котомкою за плечами, опоясаннаго четками, съ черепомъ, твердымъ, влажнымъ и лоснящимся, какъ рѣчной булыжникъ, или цѣлое общество, возвращавшееся съ богомоля, — изъ Sainte Vauve, или отъ Notre-Dame-de-Lumière, — телѣга, биткомъ набитая разряженными женщинами и дѣвушками съ прекрасными черными глазами, съ лихо закрученными на головахъ косами, украшенными яркими развѣвающимися лентами. И казалось, какъ-будто мистраль отдавалъ все это, — и тяжелый трудъ, и нищету, и мѣстные суевѣрія, — одною общою струею здоровья и веселья, собирая и сливая въ своихъ порывахъ крики извозчиковъ, бряцаніе сѣннихъ стеклянныхъ колечекъ на ихъ лошадяхъ, монотонное пѣніе монаха, визгливый гимнъ богомоля и народную пѣсню, которую Руместанъ, возбужденный воздухомъ родины, распѣвалъ во все горло съ размахистыми лирическими жестами:

Прекрасное солнце Прованса,
Веселый товарищъ мистралья...

— Эй! Мениэль, Мениэль!.. крикнулъ онъ вдругъ, прерывая пѣніе.

— Чего изволите, господинъ Нума?

— Что это за развалина, — вонъ тамъ по ту сторону Роны?

— Это, господинъ Нума?—это *Jonjon* *) королевы Жанны.

— Ахъ да, правда... помню... Бѣдный *Jonjon*! Его имя такъ-же исковеркано, какъ и онъ самъ.

Нума сталъ рассказывать Гортензій исторію этого королевскаго замка; онъ основательно зналъ легенды своего Прованса... Этотъ развалившійся, побурѣвшій замокъ былъ основанъ въ эпоху на-

*) Испорченное «*donjon*» — башня, замокъ.

шествiя сарациновъ; впрочемъ, еще старѣе его было вонъ то аббатство, отъ котораго осталась только часть полуразрушенныхъ стѣнъ, съ рисовавшимися на голубомъ фонѣ рядами узкихъ оконъ и широкими стрѣльчатыми воротами. Онъ показывалъ ей виднѣвшуюся на спускѣ скалистаго берега тропинку, по которой монахи сходили къ блиставшему, какъ металлическая чаша, пруду, ловить карповъ и угрей для трапезы аббата. Мимоходомъ онъ объяснилъ, что въ самыхъ прелестныхъ мѣстностяхъ расположилась обособленная, сластолюбивая жизнь монастырей; какъ-будто возвышаясь надъ окрестностью, мечтая на этихъ вершинахъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ и спускалась въ долину, взимать десятину со всѣхъ даровъ природы и съ окрестныхъ селенiй... О, средневѣковой Провансъ! Чудное время трубадуровъ и трибуналовъ любви!.. Теперь терновникъ раздвигаетъ тѣ плиты, по которымъ, шелестя длиннымъ шлейфомъ, проходила какая-нибудь Стефанетта или Азалаида; тамъ, гдѣ пѣли трубадуры, слышатся ночью жалобные крики совъ и филиновъ. Но, не правда-ли, на всемъ этомъ ясномъ холмистомъ ландшафтѣ еще осталась какой-то букетъ кокетливаго изящества, итальянской игривости, какъ будто дрожащiй звукъ лютни или виолы, замирающей въ прозрачномъ воздухѣ?.. Воодушевляясь и забывая, что аудитория его ограничивалась свояченицей и синимъ сюртукомъ Менгла, Нума въ заключенiе, послѣ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, напоминавшихъ провинціальныя банкеты или академическiя зазданiя, пустился въ одну изъ тѣхъ остроумныхъ и блестящихъ импровизаций, которыя дѣйствительно обнаруживали въ немъ потюпка веселыхъ провансальскимъ трубадуровъ.

— Вотъ Вальмажуръ! сказалъ вдругъ вучеръ тетушки Порталь, нагибаясь, чтобы концемъ кнута указать имъ на вершину.

Они свернули съ большой дороги и поднимались вдоль извиравшейся зигзагами по склону Кордовской горы, дорожекъ, узкой и скользкой вслѣдствiе покрывавшихъ ее пучковъ лавенды, отъ которой съ каждымъ поворотомъ колеса поднимался запахъ гари. На половинѣ высоты склона, на площадѣ, у подножiя полуразрушенной и почернѣвшей башни видѣлись крыши фермы. Здѣсь жили Вальмажуры, изъ рода въ родъ, въ продолженiи многихъ, многихъ лѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ старый замокъ, имя котораго осталось за ними. И кто знаетъ? Быть можетъ, эти

крестьяне происходили отъ князей Вальмажуръ, находившихся въ родствѣ съ провансальскими графами и съ домою Де-Во. Это предположеніе, такъ неблагоразумно высказанное Руместаномъ, пришлось совершенно по вкусу Гортензіи, которая такимъ образомъ объясняла себѣ дѣйствительно благородныя манеры тамбурищика. Пока они разговаривали объ этомъ, сидя въ экипажѣ, Мениэль на козлахъ слушалъ ихъ съ безграничнымъ изумленіемъ. Имя Вальмажуръ было очень распространено въ этой мѣстности; тутъ были Вальмажуры верхніе и Вальмажуры нижніе, смотря по тому, жили-ли они въ долинѣ или на горѣ. Стало-быть, это все важные господа!.. Но хитрый провансалець сберегъ это замѣчаніе про себя. И пока они медленно подвигались среди этого обнаженного, величественнаго пейзажа, молодая дѣвушка, погруженная, подъ вліяніемъ оживленнаго разговора съ Руместаномъ, въ атмосферу историческихъ романовъ, въ окрашенныя яркими цвѣтами мечты о прошломъ, увидѣвъ тамъ наверху, у подножія развалины, сидѣвшую на скалистомъ выступѣ крестьянку, баполовину оборотившуюся къ нимъ и державшую руку надъ глазами, чтобы разглядѣть приближавшійся экипажъ,—она воображала, что передъ нею какая-нибудь принцесса, въ старинномъ высокомъ головномъ уборѣ, сидящая на вершинѣ своей башни, въ одной изъ тѣхъ позъ, которыя изображаются на виньеткахъ.

Иллюзія эта почти не была нарушена, когда путники, выйдя изъ экипажа, очутились лицомъ къ лицу съ сестрою тамбурищика, занятой плетеніемъ рѣшетокъ изъ ивовыхъ прутьевъ для шелковичныхъ червей. Она не встала, хотя Мениэль еще издали закричалъ ей: „Эй, Одиберта, вотъ пріѣхали гости къ твоему брату!“ Ея изящное, правильное лицо, продолговатое и зеленоватое, какъ неснятая съ дерева оливка, не выражало ни радости, ни удивленія, и сохранило сосредоточенное выраженіе, которое, сближая ея черныя брови, крѣпко связывало ихъ въ одну прямую линію подъ упрямымъ лбомъ. Руместанъ, нѣсколько удивленный такою сдержанностью, объявилъ свое имя:— Нума Руместанъ... депутатъ...

— О, я знаю васъ хорошо... сказала она серьезнымъ тономъ, и, сложивъ свою работу въ кучу около себя, прибавила:— Войдите на минуту; братъ мой сейчасъ придетъ.

Стоя, владѣтельница замка нѣсколько утрачивала свое обаяніе.

Очень небольшого роста, съ непропорціонально-развитымъ бюстомъ, она ходила съ какимъ-то неграціознымъ раскачиваніемъ, совѣсть не гармонировавшимъ съ ея хорошенькой головкой, къ которой очень шли маленькій арлезіанскій чепчикъ и широкая муслиновая косынка съ синеватыми складками. Всѣ вошли. Это крестьянское жилище имѣло очень внушительный видъ; оно примыкало къ развалившейся башнѣ; гербъ еще сохранился на камнѣ надъ дверью, съ навѣсомъ изъ хрустѣвшаго на солнцѣ тростника и большою вѣтчатую занавѣсью, повѣшенною противъ комаровъ. Зала, въ былыя времена, вѣроятно служившая помѣщеніемъ для стражи замка, съ бѣлыми стѣнами, съ сводообразнымъ потолкомъ, съ высокими стариннымъ каминомъ, получала свѣтъ только сквозь повелѣвшія стекла оконъ и сквозь холстинную занавѣсь входной двери.

Въ этой полутьмѣ можно было различить сосудъ, въ которомъ мѣсятъ хлѣбъ, изъ чернаго дерева въ видѣ саркофага, украшенный рѣзными колосьями и цвѣтами; надъ нимъ помѣщалась рѣшетчатая „хлѣбница“, съ мавританскими башенками; въ ней какъ въ прохладномъ мѣстѣ, во всѣхъ провансальскихъ фермахъ сохраняется хлѣбъ. Два или три образа, святя Марія, Марта, изображеніе „Тараски“ *), маленькая лампада старинной формы изъ красной мѣди, солонка и мучница, висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ камина — дополняли убранство обширной комнаты вмѣстѣ съ морскою раковиною, исполнявшею роль рога для сыванія скота и блестявшею своимъ перламутромъ на колпакѣ очага. Длинный столъ поставленъ былъ вдоль комнаты; по обѣимъ сторонамъ его стояли скамьи и ножныя скамейки. Подъ потолкомъ развѣшени были четки изъ луку, совершенно черныя отъ обдѣпившихъ ихъ мухъ, жужжавшихъ каждый разъ, какъ только приподнималась занавѣсь у входа.

— Садитесь, сударь, сударня... отвѣдайте нашего grand-boige. Grand-boige — это паузничъ провансальскихъ крестьянъ. Его ѣдятъ

*) Tarasque. Такъ, по словамъ народной легенды, назывался чудовищный драконъ, усмиренный св. Мартою и затѣмъ убитый жителями опустошенной имъ мѣстности. По другому варианту драконъ былъ убитъ нѣсколькими, посвятившими себя на этотъ подвигъ, юношами; часть изъ нихъ погибла, а оставшіеся въ живыхъ, убивши чудовище, основали на мѣстѣ битвы городъ Тарасконъ.

Прим. переводчика.

обыкновенно въ полѣ, на мѣстѣ работъ, подъ деревомъ, если таковое окажется, въ тѣни стога, на днѣ рва. Но такъ-какъ Вальмажуръ и его отецъ работали по близости, на своей землѣ, то они приходили ѣсть его домой. Въ ожиданіи ихъ все уже стояло на столѣ, — двѣ или три глубокія тарелочки изъ желтой глины съ маринованными оливками и салатомъ изъ латука, дослившихся отъ масла. Руместану показалось, что въ ивовой плетенкѣ, въ которой были бутылка и стаканы, есть вино.

— Такъ у васъ еще есть виноградники здѣсь? спросилъ онъ съ любезнымъ видомъ, пытаясь приручить маленькую, странную дикарку. Но при словѣ „виноградники“ она вскочила, какъ коза, ужаленная змѣею, и голосъ ея внезапно возвысился до яростнаго діапазона. — Виноградники! О, да, есть чѣмъ похвастаться! Много осталось у нихъ виноградниковъ!.. Изъ пяти удалось спасти всего одинъ, самый маленькій, да и тотъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ въ году приходилось держать подъ водою. А воду нужно было провести изъ канала; она стояла имъ дороже собственныхъ глазъ. А кто всему этому виною? Виноваты во всемъ красные, эти свиньи, эти чудовища красные, и ихъ безбожная республика, которая навлекла на страну всѣ ужасы ада... По мѣрѣ того, какъ она изливала свой гнѣвъ въ этихъ словахъ, глаза ея становились все болѣе черными, убійственно-черными, хорошенькое лицо ея судорожно исказилось, ротъ скривился, брови сдвинулись до того, что образовали на срединѣ лба толстую складку. Курьезнѣе всего при этомъ было то, что во время своихъ гнѣвныхъ изліяній она продолжала заниматься дѣломъ, — разводила огонь, готовила кофе для своихъ мужиковъ, вставала, наклонялась, держа въ рукахъ мѣхи, кофейникъ или пылавшій кусокъ винограднаго ствола, которымъ она размахивала, какъ фурія своимъ факеломъ. Потомъ вдругъ она стихла, промолвивъ: „Вотъ, братъ идетъ“...

Грубая занавѣсъ отодвинулась и въ широкомъ потокѣ яркаго свѣта показалась высокая фигура Вальмажура, за которымъ слѣдовалъ маленькій старичекъ съ бритымъ лицомъ, выжженный, сторбленный и черный, какъ подточенный червемъ виноградный стволъ. Ни отецъ, ни сынъ, точно такъ-же, какъ и Одиберта, не обнаружили никакого волненія при видѣ посѣтившихъ ихъ гостей и послѣ первыхъ привѣтствій усѣлись за паузинъ, дополненный

всѣми припасами, принесенными изъ повозки; при видѣ ихъ глаза старика Вальмажура, повидимому, любившаго покушать, заискрились веселыми огоньками. Руместанъ, не перестававшій удивляться, какъ мало впечатлѣнiя онъ производилъ на этихъ мужиковъ, тотчасъ заговорилъ о необыкновенномъ успѣхѣ Вальмажура въ воскресенье въ амфитеатрѣ. Какъ это должно было порадовать старика-отца!..

— Конечно, конечно, пробурчалъ старикъ, накалывая на острие своего ножа оливки... Да вѣдь и я, въ свое время, получалъ призы за игру на тамбуринѣ.— И въ его неприятной улыбкѣ можно было узнать ту-же манеру искривлять ротъ, которую только что обнаружила въ порывѣ гнѣва его дочь. Теперь совершенно покойная, молодая крестьянка сидѣла почти на полу, на камнѣ очага, держа тарелку на колѣняхъ; хотя она и была хозяйкою и неограниченною повелительницею въ своемъ домѣ, она, однако, слѣдовала провансальскому обычаю, не позволяющему женщинамъ садиться за столъ вмѣстѣ съ мужчинами. Но съ своего смиреннаго мѣста она внимательно слѣдила за всѣмъ, что говорили, и покачала головою, когда рѣчь зашла объ амфитеатрѣ. Что касается ея, то она не любитъ тамбурина. Ея мать умерла, испортивъ себѣ кровь отъ досады, изъ-за музыки батюшки... Все это, видите-ли, занятiя, годныя для гулякъ, отвлекающiя отъ работы и доставляющiя больше расходовъ, чѣмъ доходовъ.

— Такъ пускай онъ прiѣзжаетъ въ Парижъ, сказалъ Руместанъ... Я отвѣчаю вамъ, что съ своимъ тамбуриномъ онъ тамъ заработаетъ столько денегъ...

Чтобы побѣдить невѣрiе этой невинности, онъ старался объяснить ей, что такое капризы Парижа и какъ дорого онъ за нихъ платить. Онъ разсказалъ о прежнихъ успѣхахъ дѣдушки Матюрена, игравшаго на волынкѣ въ Closerie des genêts. А какая разница между бретонскою волынкою, грубою, рѣзкою, созданною развѣ для того, чтобы аккомпанировать пляскамъ эскимосовъ на берегу Ледовитаго моря, и провансальскимъ тамбуриномъ, такимъ тонкимъ, изящнымъ! Однимъ словомъ, всѣ парижанки сошли-бы съума и захотѣли-бы танцевать фараңдолу... Гортензiя тоже увлекалась и, съ своей стороны, вставляла замѣчанiя, между тѣмъ, какъ тамбуринщикъ слегка улыбался и поглаживалъ свои темные усы побѣднымъ жестомъ деревенскаго сердцеѣда.

— Ну, а сколько-же онъ, по вашему, могъ-бы, по меньшей мѣрѣ, зарабатывать своею музыкою? спросила крестьянка.

Руместанъ на минуту задумался... Онъ не могъ опредѣлить суммы въ точности... „Отъ ста-пятидесяти до двухсотъ франковъ“...

— Въ мѣсяцѣ? воскликнула отецъ, приходя въ восторгъ при этой мысли.

— О, нѣтъ,—въ день!..

Всѣ трое вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга. Если-бы это сказалъ не „Moussu Numa“, депутатъ, членъ генеральнаго совѣта, а кто-нибудь другой, то они приняли-бы это за шутку, за „galéjade“, — понятное дѣло. Но такъ-какъ говорилъ это онъ, то дѣло становилось серьезнымъ... Двѣсти франковъ въ день!.. foudre... Самъ музыкантъ былъ готовъ, хоть сейчасъ. Но сестрѣ, болѣе благоразумной, хотѣлось, чтобы Руместанъ подписалъ имъ какую-нибудь бумагу; и, съ степеннымъ видомъ, потупивъ глаза, чтобы не обнаружить блестящей въ нихъ жадности, она принялась лицемѣрно обсуждать вопросъ. Дѣло въ томъ, что Вальмажуръ очень ужъ нуженъ дома, — вотъ въ чемъ горе! Онъ завѣдуетъ имѣниемъ, обрабатываетъ землю, подрѣзываетъ виноградники, такъ-какъ отцу это уже не подъ силу. Какъ быть, если онъ уѣдетъ?.. Да и самъ онъ, — какъ ему жить одному въ Парижѣ? Онъ, навѣрное, затоскуетъ. А деньги его, двѣсти франковъ въ день, — что онъ съ ними станетъ дѣлать въ этомъ большомъ городищѣ?.. Голосъ ея принялъ жесткій оттѣнокъ, когда она говорила объ этихъ деньгахъ, которыя будутъ храниться не у нея, которыя она не можетъ спрятать на самомъ днѣ своихъ ящичковъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сказалъ Руместанъ, — переѣзжайте въ Парижъ вмѣстѣ съ нимъ.

— А домъ?

— Отдайте его внаймы, продайте... Возвратясь, вы купите другой, лучше этого.

Онъ остановился, замѣтивъ тревожный взглядъ Гортензін и, какъ-будто почувствовавъ упреки совѣсти за то, что нарушаетъ душевный покой этихъ честныхъ людей, — прибавилъ: — Впрочемъ, вѣдь не въ однѣхъ деньгахъ счастье... Вы счастливы и при те-перешней своей жизни...

Одиберта съ живостью прервала его: „Какъ-же! Счастливы!.. Нѣтъ, жизнь достается не легко! Теперь ужъ не тѣ времена.“ Она

снова принялась горевать о виноградникахъ, о маренѣ, о киновари, обо всѣхъ исчезнувшихъ изъ страны богатствахъ. Они принуждены были жариться на солнцѣ, работать, какъ лѣшіе... Въ будущемъ, правда, была надежда на наслѣдство отъ двоюроднаго брата Пюифурса, тридцать лѣтъ тому назадъ эмигрировавшаго въ Алжиръ; да очень ужь далеко до этого африканскаго Алжира... Вдругъ коварная плутовка, уже упрекавшая себя за то, что слишкомъ охладила Нуму и, желая его задобрить, съ кошачьей лаской обратилась къ брату и сказала ему своимъ льстивымъ пѣвучимъ голосомъ:

— А что, Вальмажуръ, если-бы ты сыгралъ намъ что-нибудь, чтобы доставить удовольствіе красавицѣ-барыни?

О, плутовка! Она не ошиблась. При первомъ ударѣ палочки, съ первой жемчужною трелью Руместанъ снова былъ обворожень. Парень игралъ передъ хижиной, опершись на край стараго колодца; поднимавшаяся надъ колодцемъ желѣзная дуга, обвитая дикой смоковницей, служила чудной рамкой для его изящной фигуры и смуглага лица. Съ голыми руками, съ открытою грудью, въ своей запыленной рабочей одеждѣ, онъ казался еще болѣе гордымъ и благороднымъ, чѣмъ въ амфитеатрѣ, гдѣ его грація, какъ-бы то ни было, ослаблялась праздничнымъ, театральнымъ лоскомъ. И старинные мотивы незатѣйливаго инструмента, еще болѣе исполненные поэзіи среди тишины и одиночества живописной мѣстности, будя позолоченныя развалины отъ ихъ каменнаго сна, носились, какъ жаворонки по этимъ величественнымъ склонамъ, покрытымъ сѣрыми коврами лаванды, перерѣзаннымъ полосами пшеницы и засохшихъ виноградниковъ и усѣянными широколиственными туловыми деревьями, тѣни которыхъ начинали удлиняться и свѣтлѣть. Вѣтеръ стихъ. Солнце, готовое закатиться, пылая на фіолетовомъ контурѣ альпійскихъ отроговъ, разливало по углубленіямъ скалъ чудный миражъ—цѣлыя озера изъ жидкаго порфира и растопленнаго золота, а по всему горизонту—полосы вибрирующаго свѣта, словно натянутыя струны пламенной лиры; непрерывныя пѣсни кузнечиковъ и звуки тамбурина казались исходящею изъ нея музыкой.

Нѣмая и восхищенная, сидя на брустверѣ старой башни, опершись на обломки колонны, возлѣ которой пріютилось малорослое гранатовое дерево, Гортензія слушала и восторгалась, давъ волю

мечтаніямъ, зарождавшимся въ ея романтической головкѣ, наполненной собранными по дорогѣ легендами. И чудилось ей, что старинный замокъ поднимается изъ развалинъ; возвышаются башни, закругляются ворота и аркады галерей, на которыхъ сидятъ красавицы съ длинными тальями, съ матовымъ цвѣтомъ лица, не страдавшимъ отъ лѣтнаго зноя. Сама она принцесса Де-Во, съ звучнымъ стариннымъ именемъ; музыкантъ, игравшій ей серенаду, тоже принцъ, послѣдній изъ Вальмажуровъ, надѣвший крестьянскую одежду. „И вотъ, когда кончилась пѣсня“ — какъ говорится въ хроникахъ трибуналовъ любви — она сорвала небольшую цвѣточную вѣтку съ висѣвшей надъ ея головою тяжелой, ярко-пунцовой кисти граната и въ благодарность за серенаду подала ее прекрасному музыканту, который, какъ вѣжливый кавалеръ, прикрѣпилъ цвѣтокъ къ перевязи своего тамбурина.

ГЛАВА VI.

М и н и с т р ь!

Три мѣсяца прошло послѣ этой поѣздки на Кордовскую гору. Парламентъ только-что открылся въ Версали подъ ноябрьскимъ потокомъ, который сливается бассейны парка съ низкими, скрытыми въ туманѣ, небомъ, окутываетъ обѣ палаты влажною атмосферою унынія и мрака, но не охлаждаетъ политическихъ страстей. Сессія, судя по началу, будетъ бурная. Поѣзды съ депутатами, съ сенаторами, перекрещиваются, слѣдуютъ одинъ за другимъ, свистать, пыхтять, извергаютъ грозные клубы дыма и словно сами, по своему, одушевлены тою ненавистью, тѣми интригами, которыя они развозятъ подъ потоками дождя; и здѣсь, въ вагонахъ, заглушая шумъ колесъ, продолжаютъ пренія, съ такимъ-же ожесточеніемъ, и яростью, какъ на трибунѣ. Больше всѣхъ шумитъ и горячится Руместанъ. Съ тѣхъ поръ, какъ возобновлены засѣданія, онъ успѣлъ произнести уже двѣ рѣчи. Онъ говоритъ въ комиссіяхъ, въ корридорахъ, на станціи желѣзной дороги, въ буфетѣ; отъ его голоса дрожатъ стекла въ стеклянныхъ крышахъ залы, гдѣ собираются всѣ фракціи правой. Всюду мелькаетъ его подвижная,

тяжеловѣсная фигура, его большая голова, движеніе его широкихъ плечъ, наводящихъ страхъ на министровъ, которыхъ онъ теперь собирается „свалить“ по всѣмъ правиламъ искусства, какъ ловкій и сильный южный борецъ. Увы! голубое небо, тамбурины, кузнечики, вся эта яркая декорація вакаціоннаго путешествія—исчезла, удалена, разобрана. Нума ни на минуту не вспоминаетъ о нихъ, увлеченный вихремъ своего двойнаго существованія, какъ адвоката и политическаго дѣятеля; слѣдуя примѣру своего стараго принципала Санье, онъ, вступивши въ палату, не покинулъ суда, и каждый вечеръ, отъ шести до восьми часовъ, кліенты толпятся у дверей его кабинета на улицѣ Скрибъ.

Этотъ кабинетъ Руместана организованъ точно посольство. Первый секретарь, правая рука вожака, его совѣтникъ и другъ,—очень свѣдущій адвокатъ, по имени Межанъ, южанинъ, какъ и весь антуражъ Нумы, но изъ севенскаго, каменистаго юга, который болѣе напоминаетъ Испанію, чѣмъ Италію, и обнаруживаетъ въ манерахъ и словахъ благоразумную сдержанность и практическій здравый смыслъ Санхо. Плотный, коренастый, уже плѣшивый, съ свойственнымъ усидчивымъ работникамъ желчнымъ цвѣтомъ лица, Межанъ одинъ справляется со всею работою кабинета,—просматриваетъ дѣла, приготовляетъ рѣчи, старается приладить факты подъ звучныя фразы своего друга, своего будущаго зятя, какъ говорятъ посвященные. Остальные секретари, де-Рошморъ и де-Лалпара, два молодыхъ аспиранта, состоящихъ въ родствѣ съ древнѣйшимъ провинціальнымъ дворянствомъ, присутствуютъ здѣсь только для виду и отбываютъ у Руместана свой политическій новіціатъ. Лалпара, высокій, красивый малый, съ стройными ногами, съ цвѣтушимъ лицомъ, съ рыжей бородой, сынъ стараго маркиза Лалпара, главы партіи въ бордоской провинціи, представляетъ собою типъ этого креольскаго юга, хвастливаго, любящаго дуэли и романтическія приключенія. Пяти лѣтъ парижской жизни, ста тысячъ франковъ, „прожженныхъ“ въ клубѣ и заплоченныхъ брилліантами матери, было достаточно, чтобы сообщить ему бульварный акцентъ и придать его лицу красивый цвѣтъ подрумяненной, золотистой, поджаристой булки. Совѣмъ иного рода человекъ виконтъ Шарлевисъ де-Рошморъ, соотечественникъ Нумы, воспитанный у монаховъ Успенія Богородицы, изучившій право въ провинціи, подъ надзоромъ своей матери и аббата, и

сохранившій отъ своего воспитанія чистосердечіе и робость молодого отшельника, составлявшія странный контрастъ съ его бородой Louis XIII, вслѣдствіе чего онъ въ одно и то-же время имѣлъ видъ изящнаго бонвивана и простака.

Длинный Лаппара пытается посвятить этого молодого Пурсоньяка *) въ таинства парижской жизни. Онъ учитъ его, какъ нужно одѣваться, что шикъ и что не шикъ, ходить, вытанувъ шею впередъ и распустивъ губы, садиться съ протянутыми ногами, чтобы не вытягивать колѣнками брюкъ. Ему хотѣлось-бы отучить его отъ этой наивной вѣры въ людей и въ вещи, отъ этой страсти къ канцелярщинѣ, которая дѣлаетъ изъ него писаку. Но нѣтъ, виконтъ любитъ свое занятіе и когда Руместанъ не беретъ его съ собою въ палату или въ судъ, какъ, на примѣръ, сегодня, онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ и переписываетъ на-бѣло бумаги за длиннымъ столомъ, помѣщеннымъ для секретарей возлѣ кабинета патрона. Бордосецъ тѣмъ временемъ придвинулъ къ окну кресло и, сидя въ полусвѣтѣ сумерекъ, съ сигарою во рту, съ вытанутыми ногами, смотритъ сквозь дождь и дымящуюся слякоть асфальтовой мостовой на длинный рядъ экипажей съ торчащими въ воздухѣ кнутами, вытанувшійся возлѣ самаго тротуара по случаю четверга у г-жи Руместанъ. Сколько народу! И съѣздъ еще не кончился, подъѣзжаютъ новыя кареты. Лаппара, хвастающійся тѣмъ, что знаетъ всѣ важныя ливреи Парижа, громко докладываетъ, по мѣрѣ того, какъ подъѣзжаютъ экипажи: — герцогиня Санъ-Доннино... маркизъ де-Бельгардъ... Болванъ!... и Моконсели тоже... Чортъ возьми, что же это, однако, значить?.. Онъ оборачивается къ худому, длинному господину, который сушитъ передъ каминомъ свои вязанныя перчатки и цвѣтныя брюки, не по сезону тонкія и тщательно засученныя надъ суконными ботинками:— Знаете вы что-нибудь, Бошпаръ?

— Что-нибудь?.. *Quelque chose... Certainement... Конечно...*

Бошпаръ, мамелюкъ Руместана, — нѣчто въ родѣ четвертаго секретаря, который занимается вѣшными дѣлами, собираетъ новости и разноситъ по Парижу славу своего патрона. Судя по его

*) Герой одной изъ комедій Мольера, — синонимъ наивнаго, смѣшнаго провинціала.

Прим. перев.

наружному виду, ремесло это не очень-то его обогащает; но вновать въ этомъ не Нума. Каждый день обѣдъ, отъ времени до времени десятифранковая монета, — больше ничего не соглашался принять этотъ странный паразитъ, существованіе котораго остается загадкой для самыхъ близкихъ съ нимъ людей. Спросить у него, знаетъ-ли онъ что-нибудь, усомниться въ воображеніи Бомпара, — значило обнаружить крайнюю наивность.

— Да, господа... и очень важную новость...

— Что-же?

— Только-что выстрѣлили въ маршала!..

На минуту — глубочайшее изумленіе. Молодые люди смотрять другъ на друга, на Бомпара; затѣмъ Лаппара, растянувшись въ своемъ креслѣ, преспокойно спрашиваетъ:

— А вашъ асфальтъ, мой милый? Въ какомъ положеніи этотъ проектъ?

— Ah! va!... Вотъ еще! асфальтъ... У меня есть проектъ поще этого...

И, нисколько не удивившись слабому эффекту, произведенному извѣстіемъ о покушеніи на маршала, онъ пускается рассказывать о своей новой комбинаціи. — О, превосходная афера и какая простая! Дѣло идетъ о томъ, чтобы заполучить сто-двадцать тысячъ франковъ премій, которыя швейцарское правительство выдаетъ ежегодно на союзныхъ праздникахъ стрѣлковъ. Бомпаръ въ молодости съ замѣчательнымъ искусствомъ стрѣлялъ жаворонковъ. Теперь ему стоило только опять набить себѣ немного руку и ему обезпечены до конца жизни сто-двадцать тысячъ франковъ ежегоднаго дохода. И главное, не трудно заработать эти деньги. Путешествовать себѣ по Швейцаріи, изъ кантона въ кантонъ, маленькими дневными переходами, съ ружьемъ на плечѣ, — „sur l'époule“ ...

Мечтатель одушевлялся, описывалъ, взбирался на ледники, спускался по долинамъ и потокамъ, сыпалъ лавины къ ногамъ изумленныхъ молодыхъ людей. Изъ всѣхъ измышленій его бѣшенатаго мозга это послѣднее казалось самымъ необыкновеннымъ; онъ рассказывалъ его съ убѣжденнымъ видомъ, съ лихорадочно-горѣвшими глазами, съ внутреннимъ жаромъ, отъ котораго лобъ его покрывался выступами и перерѣзывался глубокими морщинами.

Внезапный приходъ Межана, возвратившагося изъ суда, прервалъ эту импровизацію.

— Великая новость! сказалъ онъ, бросая на столъ свой портфель.—Министерство пало.

— Не можетъ быть!

— Руместанъ беретъ народное просвѣщеніе...

— Я это зналъ, сказалъ Бомпаръ.

Видя всеобщую улыбку, онъ прибавилъ:

— Parfaitement, messieurs... Увѣряю васъ... Я былъ тамъ; я только-что оттуда.

— И вы ничего не сказали?

— Къ чему?.. Мнѣ никогда не вѣрять... Въ этомъ виноватъ мой акцентъ,—mon accent,—прибавилъ онъ съ чистосердечною покорностью, весь комизмъ которой пропалъ среди всеобщаго волненія.

Руместанъ—министръ!

— А, дѣти мои, каковъ хитрецъ нашъ патронъ, повторялъ долговязый Лаппара, развалившись въ своемъ креслѣ, задравъ ноги къ потолку... Нечего сказать,—обдѣлалъ онъ свое дѣльце.

Рошморъ сталъ протестовать съ негодованіемъ:

— Не говорите о хитрости, мой милый... Руместанъ человѣкъ убѣжденія... Онъ всегда идетъ прямо, какъ пушечное ядро.

— Во-первыхъ, дружочекъ, теперь уже нѣтъ ядеръ, а есть только снаряды... Снарядъ летитъ вотъ такъ.

Носкомъ своей ботинки онъ описалъ по воздуху кривую, изображавшую путь снаряда.

— Хвастунъ!

— Фофанъ!

— Господа... Господа!..

Межанъ, съ своей стороны, размышлялъ объ этой странной натурѣ, объ этомъ сложномъ Руместанѣ, который, даже при близкомъ знакомствѣ, могъ давать поводъ къ такимъ различнымъ сужденіямъ.—Хитрецъ! Человѣкъ убѣжденія!.. Тѣ-же два противоположныя мнѣнія распространены были и въ публикѣ. Самъ Межанъ, изучившій его лучше, зналъ, какая бездна легкомыслія и лѣни скрывалась подъ этимъ честолюбивымъ темпераментомъ, бывшимъ въ одно и то-же время и лучше и хуже своей ре-

путаціи. Но справедливо-ли еще это извѣстіе насчетъ министерскаго портфеля? Желая поскорѣе убѣдиться въ этомъ, Межанъ взглянулъ въ зеркало на свой костюмъ и, пройдя черезъ сѣни, вошелъ на половину мадамъ Руместанъ.

Уже изъ передней, гдѣ дожидались лакеи, державшіе на рукахъ мѣховые бурнусы, можно было различить ропотъ голосовъ, ослаблявшійся высокими потолками и роскошною драпировкою дверей и оконъ. Обыкновенно Розалія принимала въ своемъ маленькомъ салонѣ, меблированномъ, какъ зимній садъ, легкими стульями, кокетливыми столами и освѣщенномъ слабымъ свѣтомъ, пробравшимся между блестящими листьями зеленыхъ растений, застилавшихъ окна. Этого было достаточно для интимной жизни парижской буржуазки, заслоненной тѣнью своего великаго мужа, не питавшей никакихъ честолюбивыхъ претензій и внѣ своего маленькаго кружка, въ которомъ знали ея преимущества, считавшейся доброю женщиною, не представляющею изъ себя ничего особеннаго. Но сегодня обѣ пріемныя комнаты были наполнены шумною толпою, и постоянно прибывали новые гости, полный комплектъ друзей, знакомыхъ, такихъ людей, которыхъ Розалія иногда затруднилась-бы назвать по имени. Одѣтая очень просто въ платье фіолетоваго отлива, ловко охватывавшее ея стройную талю и подходившее къ изящной гармоніи всего ея существа, — она принимала всѣхъ съ одинаковой, нѣсколько надменной улыбкой, съ тѣмъ холоднымъ видомъ, о которомъ когда-то говорила тетуська Порталь. Новый успѣхъ мужа нисколько не ослѣпилъ ее, развѣ только удивилъ и встревожилъ немного; но и этого она ничѣмъ не обнаруживала. Она переходила отъ одной группы къ другой, между тѣмъ какъ день быстро угасалъ въ этомъ первомъ этажѣ парижскаго дома, и салонъ, съ появленіемъ слугъ, приносившихъ лампы и зажигавшихъ канделябры, принималъ фізіономію званныхъ вечеровъ, блистая богатыми матеріями и восточными коврами, пестрѣвшими словно самоцвѣтными камнями. — А! господинъ Межанъ!.. Розалія на минуту оставила гостей и пошла къ нему на встрѣчу, обрадовавшись близкому человѣку въ этой свѣтской толкотнѣ. Натуры ихъ прекрасно гармонировали одна другой. Этотъ остывшій вжанинъ и эта чуткая, нервная парижанка сходились въ сужденіяхъ и взглядахъ и достаточно уравнивали слабости и увлеченія Нумы.

— Я пришелъ, чтобы увѣриться въ справедливости извѣстія...

Теперь я уже не сомнѣваюсь больше, сказала онъ, указывая на полныя залы.— Она передала ему депешу, полученную отъ мужа и тихо спросила:— Что вы на это скажете?

— Тяжелое положеніе; но вы вѣдь будете около него.

— И вы также... сказала она, пожимая его руку и отходя отъ него, чтобы заняться вновь прибывшими гостями. А гости все прибывали, и никто не уѣзжалъ. Всѣ дожидались жожака, желали отъ него самого услышать о подробностяхъ засѣданія, о томъ, какъ однимъ движеніемъ своихъ плечъ онъ всѣхъ ихъ опровергнулъ. Нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ уже приносили съ собою отголоски изъ палаты, отрывки рѣчей. Вокругъ нихъ замѣтно было движеніе, какое - то вѣяніе радости. Женщины, въ особенности, относились къ дѣлу съ необыкновеннымъ интересомъ и жаромъ. Подъ большими шляпами, которыя стали входить въ моду этою зимою, хорошенькія лица ихъ горѣли тѣмъ легкимъ розовымъ румянкомъ, тою лихорадкою, которую можно наблюдать у женщинъ,

Монте Карло въ trente-et-quarante. Располагали ихъ до такой степени къ политикѣ эти моды изъ временъ Фронды, эти фетровыя шляпы съ длиннымъ перомъ, — какъ-бы то ни было, всѣ дамы, казалось, были очень сильны въ политикѣ и всѣ, въ самыхъ чистыхъ парламентскихъ выраженіяхъ, размахивая своими маленькими муфтами, когда нужно было прервать оратора, — прославляли жожака партіи. Однимъ словомъ — всюду только и слышалось: — Что за человѣкъ! Что за человѣкъ!

Въ одномъ изъ угловъ, старикъ Бешю, профессоръ въ Collège de France, очень некрасивый, весь ушедшій въ носъ, большой профессорскій, вытянувшійся надъ книгами, носъ — воспользовался новымъ успѣхомъ Руместана, чтобы пуститься въ разсужденія по поводу одной изъ своихъ любимыхъ темъ: слабость современнаго общества зависитъ отъ той роли, которую играютъ въ немъ женщина и ребенокъ, — невѣжество и тряпки, капризы и легкомысліе. — „И знаете-ли, — въ этомъ вся сила Руместана. У него нѣтъ дѣтей, онъ сьумѣлъ уберечься отъ женскаго вліанія... И посмотрите, какъ прямо и твердо онъ идетъ впередъ! Ни разу не уклонился, ни разу не поколебался“... Важная особа, къ которой онъ обращался, докладчикъ въ контрольной палатѣ, съ простоватымъ взглядомъ, съ маленькимъ, круглымъ, гладко выстриженнымъ черепомъ, гдѣ мысли шелестѣли, какъ сухія сѣмена въ пустой тынѣвѣ,

принялъ надутый, глубокомысленный видъ и поддакивалъ, какъ-бы желая сказать: — „И я тоже, милостивый государь, человекъ высшаго разряда... я тоже не подчиняюсь тому вліянію, о которомъ вы говорите“.

Видя, что окружающіе подходили, чтобы послушать его, ученый одушевился, привелъ примѣры изъ исторіи — Цезаря, Ришелье, Фридриха, Наполеона — и доказалъ, на основаніи науки, что женщина стоитъ на лѣстницѣ мыслящихъ существъ нѣсколькими ступенями ниже мужчины. „Въ самомъ дѣлѣ, если мы рассмотримъ клѣточные ткани“...

Но гораздо любопытнѣе было разсмотрѣть нѣчто иное, а именно фізіономіи женъ этихъ двухъ господъ, слушавшихъ ихъ, сидя рядомъ за чашкою чая, такъ-какъ въ это время уже разносили обычную, подаваемую въ пять часовъ, закуску, которая къ шуму оживленныхъ разговоровъ пригнѣшиваетъ бряцаніе серебряныхъ ложечекъ на японскомъ фарфорѣ и горячій паръ отъ самовара и пирожковъ, только - что вынутыхъ изъ печи. Младшая, мадамъ де-Бозъ, благодаря своимъ семейнымъ связямъ, доставила человѣку съ тѣнью, своему мужу, промотавшемуся дворянину, не знавшему, куда дѣваться отъ долговъ, — мѣсто добладчика въ контрольной палатѣ и нельзя было не содрогнуться при мысли, что контроль общественныхъ денегъ находился въ вѣдѣніи этого человѣка съ липкими руками, такъ быстро спустившаго состояніе жены и свое собственное. Мадамъ Бешю, бывшая когда-то красавицей и сохранившая еще большіе умные глаза, тонкія, правильныя черты лица, въ которомъ только какой-то особенный болѣзненный складъ рта рассказывалъ о борьбѣ съ жизнью, объ ожесточенной борьбѣ честолюбія, не знавшей ни отдыха, ни упрековъ совѣсти, — вполнѣ посвятила себя задачѣ толкать на первыя мѣста банальную посредственность своего ученаго супруга, и всѣми правдами и неправдами раскрыла ему двери института и Collège de France, благодаря своимъ, къ несчастію, слишкомъ извѣстнымъ, связямъ. Цѣлая парижская поэма заключалась въ улыбкѣ, которою эти двѣ женщины обмѣнялись надъ своими чашками. И, быть можетъ, если бы поискать хорошенько кругомъ, между всѣми этими господами, нашлось-бы и еще не мало другихъ, которымъ не повредило женское вліяніе.

Вдругъ вошелъ Руместанъ. Среди гама привѣтствій онъ быстро прошелъ черезъ залу, направился прямо къ женѣ и поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, прежде чѣмъ Розалія успѣла защититься отъ этой манифестаціи нѣсколько стѣснительной, но, какъ нельзя лучше, опровергавшей утверженія профессора фізіолога. Всѣ дамы закричали: — браво! Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рукопожатій и изліяній и, наконецъ, воцарилось внимательное безмолвіе, когда вожакъ, опершись на каминъ, началъ вкратцѣ передавать событія этого дня. Онъ рассказывалъ о рѣшительномъ ударѣ, приготовленномъ уже недѣлю тому назадъ, о маршахъ и контрмаршахъ, о бѣшеной ярости лѣвой въ моментъ пораженія, о своемъ собственномъ торжествѣ, о своемъ грозномъ появленіи на трибунѣ; онъ передавалъ даже интонаціи своего удачнаго отвѣта маршалу: — „Это зависитъ отъ васъ, господинъ президентъ“... онъ отмѣчалъ детали, останавливался на всемъ съ заразительною веселостью и жаромъ. Вслѣдъ затѣмъ Руместанъ перешелъ въ серьезный тонъ, перечислялъ тяжелыя отвѣтственности своей должности: нужно было преобразовать университетъ, подготовить цѣлое поколѣніе для осуществленія великихъ надеждъ; — намекъ былъ понятъ и встрѣченъ громкимъ ура! Но онъ окружить себя просвѣщенными людьми, обратится ко всѣмъ, исполненнымъ доброй воли и преданности... И растроганнымъ взоромъ онъ сталъ искать ихъ въ собравшемся вокругъ него кружкѣ: — „Я обращаюсь къ моему другу Бешю... и къ вамъ, мой милый де-Бюэ“... Минута была такая торжественная, что никто не спросилъ себя, въ чемъ тупоуміе контрольнаго докладчика могло оказаться полезнымъ при университетской реформѣ. Впрочемъ, количество лицъ подобнаго разбора, къ которымъ Руместанъ въ теченіи этого дня обращался съ просьбою помочь ему въ исполненіи его ужасныхъ обязанностей по министерству народнаго просвѣщенія, было по истинѣ неисчислимо. Что касается изящныхъ искусствъ, то онъ чувствуетъ себя въ этой области нѣсколько свободнѣе и, безъ сомнѣнія, ему не откажутъ въ этомъ... Лестный для него взрывъ смѣха и восселичаній не далъ ему продолжать. Относительно этого во всемъ Парижѣ, даже у самыхъ враждебныхъ ему людей, существовало одно общее мнѣніе. Нума уже намѣченъ. Наконецъ - то у нихъ будутъ трибуналы, лирическіе театры, официальное искусство. Но министръ быстро положилъ конецъ дифирамбамъ и замѣтилъ шуточнымъ, фамиліар-

нимъ тономъ, что новый кабинетъ почти весь составленъ изъ южанъ. Изъ шести министровъ Бордо, Перигоръ, Лангедокъ и Провансъ выставили четверыхъ. — О! югъ поднимается, югъ поднимается! воскликнулъ онъ, снова одушевляясь. — Парижъ въ нашихъ рукахъ, мы держимъ все. Вамъ приходится примириться съ этимъ, господа. Латини во второй разъ завоевали Галлію.

Онъ дѣйствительно былъ одинъ изъ этихъ латинянъ-побѣдителей съ своей головой, напоминавшей римскія медали, съ сангвиническимъ лицомъ и рѣзкими, безцеремонными манерами, совсѣмъ не гармонировавшими съ этимъ вполнѣ парижскимъ салономъ. Среди смѣха и апплодисментовъ, вызванныхъ его послѣднимъ замѣчаніемъ, онъ быстро отошелъ отъ камина, какъ хорошій актеръ, который умѣетъ отретироваться какъ-разъ послѣ эффектнаго мѣста, движеніемъ руки пригласилъ Межана слѣдовать за нимъ и исчезъ черезъ одну изъ внутреннихъ дверей, предоставляя Розаліи извиниться за него передъ гостями. Онъ долженъ былъ обѣдать въ Версали, у маршала; у него едва оставалось необходимое время, чтобы приготовить и подписать кое-что.

— Идите одѣвать меня, сказали онъ слугѣ, накрывавшему столъ съ тремя приборами — для барина, барыни и Бомпара — разставленными вѣкругъ корзины съ перемежавшимися каждый день цвѣтами, которые Розалія всегда любила имѣть на обѣденномъ столѣ. Онъ былъ очень радъ, что не обѣдаетъ дома. Восторженный шумъ, только-что оставленный имъ за собою, былъ еще слышенъ за затворенною дверью и подстрекалъ его искать новыхъ людей и новаго свѣта. Къ тому-же южанинъ вообще не созданъ для домашней жизни. Люди сѣвера, суровые климаты выдумали этотъ „home“, эту замкнутую жизнь семейнаго кружка, которому Провансъ и Италия предпочитаютъ террасы кондитерскихъ, шумъ и оживленіе улицы.

Идя изъ столовой въ кабинетъ адвоката, нужно было пройти черезъ маленькую пріемную, которая въ этотъ часъ обыкновенно бывала полна народомъ, людьми съ тревожнымъ выраженіемъ лицъ, поглядывавшими на часы, перелистывавшими иллюстрированные журналы, носившими на себѣ отпечатокъ всѣхъ заботъ процесса. Въ этотъ вечеръ Межанъ отослалъ ихъ, предполагая, что Нума не будетъ въ состояніи давать консультаціи. Кто - то, впрочемъ,

остался, —высокій, малый, облеченный въ купленный въ магазинъ готовый костюмъ, въ которомъ онъ былъ неуклюжъ, какъ унтер-офицеръ въ штатскомъ платьѣ.

— Нѣ! adieu... Здравствуйте, господинъ Руместанъ... Какъ поживаете? Ну, не мало-же времени я васъ дожидаюсь.

Нумъ вспомнилось, что онъ гдѣ-то видѣлъ это смуглое лицо, эти наивно-самоувѣренные манеры;—но гдѣ?

— Вы меня не узнаете?.. Я Вальмажуръ, тамбуринщикъ!

— Ахъ, да, да, совершенно справедливо...

Съ этики словами онъ хотѣлъ идти дальше. Но Вальмажуръ загородилъ ему дорогу, рассказывая, что онъ пріѣхалъ еще третьяго дня.—Только, знаете, я не могъ прійти раньше. Когда пріѣдешь такъ, со всею семьею, въ страну, которой не знаешь, не легко устроиться,—„s'estaller“.

— Со всею семьею? сказалъ Нума, широко раскрывъ глаза.

— Вѣ!.. Ну, да, съ батюшкой и сестрою... Мы сдѣлали такъ, какъ вы совѣтовали.

Мастеръ на обѣщанія выразилъ на своемъ лицѣ смущеніе и досаду; это случалось съ нимъ всякій разъ, какъ ему приходилось встрѣтиться съ однимъ изъ этихъ долговыхъ писемъ, съ однимъ изъ этихъ просроченныхъ векселей, которые онъ раздавалъ въ порывѣ энтузіазма, вслѣдствіе потребности говорить, дарить, доставлять удовольствіе... Боже мой! Онъ всей душой готовъ быть полезнымъ этому честному малому... Онъ посмотритъ, поищетъ средствъ... Но сегодня онъ очень занятъ... Исключительныя обстоятельства... Милость, которую глава государства...—Видя, что крестьянинъ не уходитъ, онъ вдругъ сказалъ: „Войдите сюда“... и они прошли въ кабинетъ.

Пока онъ, сидя за своей конторкой, второпяхъ читалъ и подписывалъ нѣсколько писемъ, Вальмажуръ оглядывалъ обширную, роскошно отдѣланную и меблированную комнату, расположенную вдоль стѣнъ бібліотеку съ размѣщенной надъ ней бронзой, все произведенія искусства, напоминавшія о славныхъ прецессахъ, портретъ короля, на которомъ его рукою было написано нѣсколько строкъ. Торжественность обстановки, внушительный видъ рѣзныхъ кресель, множество книгъ и, въ особенности, присутствіе слуги, безупречнаго, одѣтаго въ черное, входившаго и выходившаго,

осторожно раскладывавшаго на стулья одежду и свѣжее бѣлье, — все это производило на него впечатлѣніе. Но видѣвшееся тамъ, подъ яркимъ свѣтомъ лампы, добродушное, широкое лицо, знакомый профиль Руместана, нѣсколько успокоивали его. Покончивъ со своей корреспонденціей, великій мужъ предоставилъ свою персону въ вѣденіе камердинера; протянувъ ноги, съ которыхъ лакей сталъ стаскивать сапоги и брюки, онъ принялся разспрашивать тамбуринщика и съ ужасомъ узналъ, что передъ отъѣздомъ Вальмажуръ продали все, — туовныя деревья, виноградники, ферму.

— Вы продали ферму, несчастные?

— О! сестра, дѣйствительно, немного побавалась; но мы съ батюшкой настояли... Я ей говорилъ: чего-же ты боишься, когда Нума тамъ; вѣдь это онъ насъ туда зоветъ!

Только благодаря своей необыкновенной наивности, Вальмажуръ могъ дерзать говорить о министрѣ, въ присутствіи его собственной особы, съ такою безцеремонностью. Но не это больше всего поражало Руместана. Онъ думалъ о томъ, сколько враговъ онъ уже нажилъ себѣ вслѣдствіе этой несправимой маніи обѣщаній. Ну, какая, скажите пожалуйста, была ему необходимость пойти и возмутить жизнь этихъ бѣдняковъ? И онъ вспоминалъ до малѣйшихъ подробностей о своей поѣздкѣ на Кордовскую гору, о колебаніяхъ крестьянки, о фразахъ, которыми онъ убѣждалъ ее. Зачѣмъ? Какой демонъ сидѣлъ въ немъ?.. Этотъ мужикъ несносенъ! Что касается его таланта, то Нума и не думалъ о немъ, видя передъ собою исключительно каторжную обязанность пристроить эту семью, внезапно очутившуюся у него на рукахъ. Онъ напередъ слышалъ упреки своей жены, чувствовалъ холодъ его строгаго взгляда. „Вѣдь слова что-нибудь да значать“, говорила она. Сколько непріятностей онъ создастъ себѣ своимъ проклятымъ добродушіемъ теперь, въ своемъ новомъ положеніи, у источника всѣхъ милостей! Но мысль о томъ, что онъ министръ, сознаніе своей власти почти тотчасъ успокоили его. Развѣ на такой высотѣ можно было безпокоиться подобными пустяками? Будучи неограниченнымъ повелителемъ въ области изящныхъ искусствъ, и нѣя въ своемъ вѣденіи всѣ театры, онъ такъ легко можетъ оказать услугу этому несчастному. Возвысившись въ своемъ собственномъ мнѣніи, онъ измѣнялъ тонъ разговора съ крестьяни-

ночь и, чтобы удержать его от фамильярности, торжественно, свисока объявил ему, какимъ важнымъ саномъ онъ облеченъ съ сегодняшняго утра. Къ несчастью, онъ въ эту минуту наполовину раздѣтый, какъ-будто убавившись въ ростѣ, стоялъ на коврѣ въ шелковыхъ носкахъ, съ выдававшимся брюшкомъ, обтянутымъ бѣлымъ фланелемъ, обшитыхъ розовою тесьмою кальсонъ, — и Вальмажуръ, казалось, не особенно смутился; магическое слово „министръ“ не вязалось въ его умѣ съ этимъ толстымъ полураздѣтымъ человекомъ. Онъ продолжалъ называть его moussu Numa, рассказывалъ о своей „музыкѣ“, о новыхъ напѣвахъ, которые онъ выучился играть на ней! О! теперь онъ не боится ни одного изъ парижскихъ тамбурищиковъ.

— Подождите... вы сейчасъ сами увидите...

Онъ-было бросился въ переднюю за своимъ тамбуриномъ, но Руметанъ удержалъ его.

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что мнѣ некогда, — „qué“ diable!

— Ладно, ладно... Пусть будетъ въ другой разъ, добродушно согласился крестьянинъ.

Видя, что въ комнату вошелъ Межанъ, онъ счелъ нужнымъ поразить и его рассказомъ о дудкѣ съ тремя отверстиями.

— Эта мысль пришла мнѣ ночью, когда я слушалъ пѣніе соловья. Я подумалъ, самъ про себя: Какъ! Вальмажуръ...

Это былъ тотъ самый маленький рассказъ, который такъ удался ему на эстрадѣ амфитеатра. Въ виду произведеннаго имъ впечатлѣнія, онъ попросту запомнилъ его слово въ слово. Но на этотъ разъ онъ говорилъ съ боязливою нерѣшительностью, съ волненіемъ, возроставшимъ съ каждою минутою, по мѣрѣ того, какъ Руметанъ на его глазахъ преображался подъ широкою грудью тонкой рубашки съ жемчужными запонками, подъ черною одеждою самаго строгаго фасона, поданнаго ему камердинеромъ.

Теперь moussu Numa показался ему словно выросшимъ. Голова его, принявшая торжественно-неподвижное положеніе, вслѣдствіе заботы не измятъ бѣлый шелковый бантъ галстука, освѣщалась блѣднымъ отблескомъ висѣвшаго на шеѣ иностраннаго ордена и широкой медали Изабеллы Католической, какъ солнце блиставшей на матовомъ сукнѣ. И проникшись внезапно священнымъ трепетомъ, крестьянинъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ

одинъ изъ привилегированныхъ міра, таинственное, почти химерическое существо, могучій Маниту, къ которому желанія, просьбы, молитвы возносятся только на бумагѣ большого формата, существо настолько высокое, что простые смертные никогда не видятъ его, настолько высокоумное, что они говорятъ о немъ только вполголоса съ какииъ-то сосредоточеннымъ страхомъ и навивною торжественностью, словомъ—министръ!

Бѣдный Вальмажуръ такъ смутился, что почти не слышалъ благосклонныхъ словъ, съ которыми Руместанъ отпустилъ его, приглашая опять зайти, но не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, когда онъ уже устроится въ министерствѣ.

— Ладно, ладно, господинъ министръ.

Онъ задомъ направился къ двери, ослѣпленный блескомъ орденовъ и необыкновеннымъ выраженіемъ преобразившагося Нумы. Что касается самого Нумы, то онъ остался очень доволенъ этой внезапной робостью, сообщившей ему самое высокое мнѣніе о томъ, что онъ отнынѣ сталъ называться „министерскимъ видомъ“, который выражался въ величественномъ складѣ губъ, въ сдержанныхъ жестахъ, въ важно сдвинутыхъ бровяхъ.

Нѣсколько минутъ спустя его превосходительство ѣхалъ на станцію желѣзной дороги, позабывъ объ этомъ смѣшномъ казусѣ, подъ вліяніемъ убаюкивающаго движенія кареты съ яркими фонарями, которая быстро несла его къ новому высокому назначенію. Онъ уже приготовлялъ эффекты своей первой рѣчи, строилъ планы, обдумывалъ свой знаменитый циркуляръ къ ректорамъ, думалъ о томъ, что скажетъ завтра Франція, Европа, узнавъ о его назначеніи, и вдругъ на одномъ изъ поворотовъ бульвара, въ яркой полосѣ газоваго свѣта, на мокромъ асфальтѣ передъ нимъ вырвался силуэтъ тамбуринщика, стоявшаго на краю троттуара, съ болтавшимся около ногъ длиннымъ барабаномъ. Оглушенный, оцѣпенѣлый, онъ собирался перейти черезъ улицу, дожидаясь перерыва въ движеніи сновавшихъ взадъ и впередъ экипажей, въ безчисленномъ количествѣ толпящихся по улицамъ въ этотъ часъ, когда весь Парижъ спѣшитъ домой, когда маленькія ручныя тележки пробираются между колесами каретъ, когда, раскачиваясь, грохочутъ полные omnibusы и пронзительно звучатъ рога конокъ. Среди наступавшей ночи, охваченный паромъ, поднимавшимся среди

дождя и сырости надъ этою лихорадочною жизнью, надъ этою оживленною толпою, несчастный казался такимъ растеряннымъ, смущеннымъ; потупивъ глаза, какъ-бы подавленный высокими стѣнами этихъ пятиэтажныхъ домовъ, онъ такъ мало былъ похожъ на гордаго Вальмажура, будившаго своимъ тамбуриномъ кузнечиковъ передъ дверью фермы, что Руметанъ отвернулся и почувствовалъ угрызеніе совѣсти, которое на нѣсколько минутъ какъ-будто омрачило печальною тѣнью блескъ его торжества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕДСМЕРТНЫЯ МИНУТЫ.

(Памяти О В—ой).

Я измучена долгимъ страданьемъ,
Тьма въ моихъ помертвѣвшихъ глазахъ,
Грудь болитъ, задыхаясь рыданьемъ,
Что не можетъ излиться въ слезахъ.

Утѣшенія каплю мнѣ влейте
Въ истомленную душу мою,
Пожалѣйте меня, пожалѣйте,
Я у края могилы стою!

Пронеслась моя юность, мелкая,
Такъ внезапно угасла она!
Порвалась моя жизнь молодая,
Порвалась, какъ у арфы струна...

Отворите окно, дайте свѣта,—
Не вредить онъ предъ смертю глазамъ,—
Дайте воздухомъ теплаго лѣта
Подышать... Что вы шепчетесь тамъ?

Этотъ шопоть средь мрака глухого
Пробѣгаетъ морозомъ въ крови!
Дайте слышать мнѣ громкое слово
Утѣшенья, участя, любви.

Не маните надеждой пустою,
Той надеждой, которой ужь нѣтъ,
Но скажите вы мнѣ съ теплотою:
„Ты оставишь въ душѣ нашей слѣдъ“.

Пусть мой голосъ, порой, отзовется
Грустной музыкой въ вашихъ сердцахъ,
И, какъ легкая тѣнь, пронесется
Образъ мой въ вашихъ думахъ и снахъ.

О, запомните это мгновенье!
Мнѣ ничто ужь не въ силахъ помочь,
Жизнь моя, какъ мечта, какъ видѣнье,
Уплываетъ въ бездонную ночь.

Д. Михаловскій.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ *).

Обыкновенно, авторы статей по вопросамъ такой важности, какъ настоящій, считаютъ своей священной обязанностью «прописать» большее или меньшее число «рецептовъ», полагая, что таковые будутъ приняты «надлежащими мѣстами» и приложены къ искорененію замѣченныхъ авторами золъ. Признавая въ подобныхъ стремленіяхъ нѣкоторую долю самонадѣянности, мы задаемся иной, болѣе скромной цѣлью: объектомъ нашего воздѣйствія мы избираемъ просто читающую публику.

Всякій навѣрное испыталъ разныя неудобства нашихъ желѣзнодорожныхъ «порядковъ», но не всякій знаетъ какими непремѣнными факторами, обусловливаются эти порядки. Поэтому наша цѣль прежде всего и главнымъ образомъ заключается въ томъ, чтобы, нарисовавъ соответствующую реальнымъ фактамъ картину, заставить читателя призадуматься. Что затѣмъ дѣлать—о томъ рѣчь впереди.

Извѣстно, что у насъ имѣется желѣзнодорожная сѣть слишкомъ въ 20 тысячъ верстъ; извѣстно, что на это тратятся ежегодно громадныя суммы изъ народнаго капитала,—но въ то-же время извѣстно, преимущественно теоретически, что при мало-мальски правильной организаціи желѣзныя дороги все-таки окупаютъ съ избыткомъ всѣ вызываемыя ими затраты. Поэтому

*) Во избѣжаніе постоянныхъ ссылокъ мы считаемъ нужнымъ заявить, что вся фактическая часть настоящей статьи взята изъ печатныхъ трудовъ Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, такъ-какъ матеріалы, собранныя комиссіею или, вѣрнѣе, подкомиссіями по своей обширности (около тысячи печатныхъ листовъ) и по своей новизнѣ (они продолжаютъ выходить еще и теперь) представляютъ наиболѣе надежный и пригодный для нашей цѣли источникъ.

Прим. автора.

не мало найдется оптимистовъ, которые все-таки нисколько не колеблясь, скажутъ, что желѣзныя дороги — благо, совсѣмъ не подозрѣвая, что это благо является благомъ для очень немногихъ.

Интересенъ въ этомъ отношеніи взглядъ на наше желѣзнодорожное дѣло Высочайше учрежденной для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла комиссіи, которую никакъ нельзя заподозрить въ односторонности, а тѣмъ болѣе въ искаженіи фактовъ. «У насъ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ», говорится на стр. 35 т. 1 ч. 1, устроенныхъ на коммерческомъ основаніи и заботящихся о привлеченіи и изысканіи грузовъ; напротивъ того, по большей части нашихъ желѣзнодорожныхъ линій, управленія ихъ отвергаютъ всякое предложеніе торговца и промышленника, клонящееся къ облегченію движенія и только тѣ изъ немногихъ дорогъ, которыя хорошо управляются, не задерживаютъ груза; всѣ же остальные постоянно служатъ помѣхою движенія. Хочетъ-ли крупный рефинадный сахарозаводчикъ подъ Тулой устроить платформы для облегченія подвоза сахарнаго песку и увоза сахара,—пожелаетъ-ли скотопромышленникъ устроить по дорогѣ водопой для провозимыхъ быковъ,—захочетъ-ли торговецъ дровами получить облегченіе въ томъ, что ему ежедневно будетъ даваемо извѣстное число вагоновъ,—всѣ они могутъ быть почти увѣрены, что ихъ просьбы будутъ отвергнуты».

Къ такому выводу пришла правительственная комиссія; къ иному, впрочемъ, и невозможно было придти.

Отношенія желѣзныхъ дорогъ крайне сложны, поэтому, въ видахъ удобства выясненія ихъ, является крайне необходимымъ выдѣлить извѣстныя группы отношеній и освѣтить каждую изъ нихъ отдѣльно. Такихъ группъ, по нашему мнѣнію, можно принять три: а) отношеніе желѣзныхъ дорогъ къ государству, б) отношеніе желѣзныхъ дорогъ между собою, и в) отношеніе желѣзныхъ дорогъ къ публикѣ.

I.

Едва-ли умѣстно было-бы говорить о правѣ правительственнаго надзора за дѣятельностью желѣзныхъ дорогъ вообще, такъ какъ это право само собою вытекаетъ изъ свойствъ желѣзнодорожныхъ учреждений, затрогивающихъ такъ близко народную производительность, которая не можетъ не быть предметомъ правительственнаго попеченія; оно становится еще болѣе неоспоримымъ, когда дѣло касается Россіи. Общая сумма основныхъ капиталовъ, употребленныхъ на сооруженіе 20,788 верстъ

желѣзныхъ дорогъ, состоящихъ въ распоряженіи частныхъ обществъ, достигаетъ (къ 1-му января 1878 года) 1.619.288,108 кредитныхъ рублей, а именно: акцій на 530.565,439 руб. и облигацій на 1.088.722,669 руб.

Изъ этого числа принадлежить: частнымъ лицамъ—акцій на 448.195,359 руб. и облигацій на 303.666,882 руб., — всего на 751.862,241 руб., а правительству—акцій на 82.370,080 руб. и облигацій на 785.055,788 руб.—всего на 867.425,867 рублей.

Но отношеніе это не вполнѣ выражаетъ степень участія правительства въ затратахъ на желѣзныя дороги; необходимо принять во вниманіе еще слѣдующія данныя:

1) Разновременно выданныя обществамъ ссуды въ счетъ увеличенія облигаціоннаго ихъ капитала, причемъ всѣ нужны для образованія этого капитала облигаціи правительство оставило за собой. Такихъ ссудъ выдано на 143.160,941 руб.

2) Долги Обществъ правительству за подвижной составъ, рельсы и матеріалы на 48.668,980 рублей, и

3) Акціи, принадлежащія частнымъ акціонерамъ, представленныя въ залогъ подъ ссуды, выданныя изъ желѣзно-дорожнаго фонда на 11.372,700 руб.; всего — 203.202,630 руб., на каковую сумму и должно быть увеличено упомянутое участіе государственной казны, которое затѣмъ составитъ всего 1.070.628,497 руб., тогда какъ права акціонеровъ выразятся всего въ суммѣ 436.822,659 руб. (=448.195,359—11.372,700); т. е. если принять общую стоимость желѣзныхъ дорогъ въ (1.619.288,108 + 143.160,941 + 48.668,989 =) 1.811.118,038 рублей, то участіе въ ней акціонеровъ составляетъ всего 24%.

Но и этотъ размѣръ участія акціонеровъ въ дѣйствительности можетъ быть сочтенъ болѣе низкимъ, такъ-какъ многія акціи заложены въ государственномъ банкѣ и за пропускомъ срока уплаты выданныхъ подъ нихъ ссудъ должны перейти въ собственность правительства.

Наконецъ, нужно замѣтить, что каждая потребность въ сколько-нибудь значительномъ расходѣ по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ вызываетъ новыя денежныя затраты со стороны правительства, которое, при томъ, почти не получаетъ уплаты по долгамъ за гарантію и предшествующія ссуды, что обусловлено недостаточностью заботъ о правильномъ веденіи желѣзнодорожнаго хозяйства. Вотъ, напр., образецъ веденія желѣзными дорогами ихъ хозяйства.

По смѣтѣ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ на 1879 годъ, на предполагаемый доходъ въ 18.959,848 рублей, исчислено расхода на эксплуатацію 14.772,221 руб. и на возоб-

повленіе рельсовъ 1.821,640 руб. Изъ суммы превышенія дохода надъ расходами въ 2.365,987 руб. отчислены проценты по облигаціямъ бресто-граевской дороги—446,266 руб.; затѣмъ, остается чистый доходъ отъ эксплуатаціи въ 1.919,721 руб. Между тѣмъ, гарантія на одинъ облигаціонный капиталъ составляетъ болѣе 6.500,000 руб., и на акціонерный—2.560,808 руб. Сверхъ того уже израсходовано правительствомъ 11.702,682 р. кредитныхъ и 2.400,000 металлическихъ и обществомъ изъ эксплуатаціонныхъ суммъ 8.746,830 руб. кредитныхъ и 2.299,119 руб. металлическихъ. На покрытіе этихъ расходовъ, произведенныхъ правительствомъ и обществомъ, а также и на дальнѣйшія сверхсметныя работы, имѣетъ быть выпускъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала на сумму 40.000,000, гарантія на который составитъ болѣе 200,000 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, вся сумма гарантіи правительства превышаетъ 11.000,000 руб. кредитныхъ, изъ которой доходъ эксплуатаціи покрываетъ только, какъ видно изъ сметы, 1.919,221 руб., а 9.000,000 р. должны быть покрыты изъ государственнаго бюджета.

Въ чемъ-же заключаются такіе громадныя расходы по эксплуатаціи? 1) На содержаніе правленія общества 505,180 руб., въ томъ числѣ 150,000 руб. на награды и пособія; 2) на содержаніе мѣстнаго управленія и контроля доходовъ — 1.090,321 руб.; 3) на содержаніе управленій службъ—около 950,000 р. Такимъ образомъ, расходы на высшую администрацію превышаютъ 2 $\frac{1}{2}$ милліона въ годъ. Къ сожалѣнію такая сумма выдается въ полное распоряженіе какому-нибудь желѣзнодорожнику, прикрытому фирмой общества, который по своему произволу можетъ увольнять, назначать и повышать всѣхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу эксплуатаціи.

Безъ сомнѣнія, эта статья расхода должна подлежать контролю со стороны правительства, а для дорогъ, невыручающихъ гарантіи и вообще состоящихъ въ долгахъ правительству, необходимо должна быть составлена ограниченная норма какъ содержанію, такъ и штата служащихъ.

Какъ, на примѣръ, во чтѣ обходится государству поддержаніе существованія желѣзнодорожныхъ обществъ, можно еще указать на балтійскую желѣзную дорогу, на которой по 1878 годъ накопилось долгу правительству по гарантіи 8.787,926 руб. и, сверхъ того, въ 1878 году приплата правительственной гарантіи по этой дорогѣ составила сумму въ 941.155 руб. За все время своего существованія, балтійская дорога не только не уплатила ни одного рубля въ счетъ долга правительству, но, при настоящемъ ходѣ ея дѣлъ, и въ будущемъ нельзя предви-

дѣтъ, чтобы она платила долги, такъ-какъ расходъ по эксплуатаціи ея поглощаетъ $87\frac{1}{2}\%$ съ валоваго сбора. Такое-же и даже большее несоотвѣтствіе между валовымъ доходомъ и расходами по эксплуатаціи замѣчается на дорогахъ харьково-николаевской и либаво-роменской. На харьково-николаевской средній (съ 1876 по 1879 годъ) расходъ по эксплуатаціи составляетъ $74,9\%$ валоваго сбора, а на либаво-роменской $93,4\%$, причемъ на либавскомъ участкѣ доходитъ до $116,5\%$, т. е. является дефицитъ въ $16,5\%$.

Что у нихъ крайне неэкономно ведется желѣзнодорожное хозяйство и что оно могло-бы вестись съ значительно меньшими затратами, видно и изъ сравнительныхъ цифръ расходовъ по эксплуатаціи съ иностранными государствами; такъ, напр., у насъ эти расходы вдвое выше чѣмъ въ Англіи и въ полтора раза выше чѣмъ въ Германіи. Что-же касается расходовъ по содержанію желѣзнодорожной администраціи, то вотъ сравнительная ихъ таблица *).

Распределеніе расхода на поѣздо-версту.

Названія странъ.	Весь расходъ.	Центральное управленіе.	Управленіе дорогомъ.	Управленіе перевозкою.
Россія	138,1 коп.	12 коп.	36,4 коп.	88,7 коп.
Германія	83,3 »	4,8 »	25,5 »	52,9 »
Пруссія	81,5 »	6,7 »	26,5 »	48,3 »
Австрія	103,0 »	5,2 »	30,7 »	68,1 »
Англія	61,0 »	8,6 »	11,8 »	40,8 »

Эти и тому подобныя данныя, безъ сомнѣнія, подтверждаютъ тотъ фактъ, что у насъ желѣзнодорожное хозяйство ведется крайне неудовлетворительно, что отчасти обусловливается тѣмъ, что пользы желѣзнодорожныхъ предпринимателей и пользы общественныя далеко не тождественны; при этихъ условіяхъ весьма естественно, что каждое желѣзнодорожное управленіе не можетъ не ставить на первый планъ частныхъ интересовъ своего общества, т. е. своихъ акціонеровъ, а иногда даже и отдѣльныхъ лицъ.

Нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго въ существованіи подобнаго положенія. Оно обусловливается, прежде всего, гарантіями, которыя въ принципѣ мало способствуютъ развитію въ

*) Цифры этой таблицы относятся: для Россіи—къ 1869 году и для прочихъ государствъ къ 1870 году.

желѣзнодорожныхъ обществахъ бережливости и стремленія увеличить доходность дорогъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дорога можетъ дать доходъ, значительно превышающій гарантію (обыкновенно 5%), правленія этихъ дорогъ заинтересованы въ выгоды эксплуатаціи; дороги-же, находящіяся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ и не надѣющіяся скоро выйти изъ гарантіи, не мало не заинтересованы въ томъ, чтобы эксплуатация шла лучше.

Но съ другой стороны, эти факты обусловливаются еще и тѣмъ, что нынѣ существующіе контрольные органы не удовлетворяютъ своему назначенію; правда, для обревизованія отчетовъ обществъ желѣзныхъ дорогъ по временамъ назначаются министерствомъ путей сообщенія еще особыя коммиссіи; но нерѣдко само министерство считаетъ ихъ одною формальностью.

Надзоръ за дорогами въ *техническомъ* отношеніи, повидимому, самый полный и самый всесторонній. Управленія желѣзныхъ дорогъ даже жалуются, и иногда не безъ причины, на излишнюю регламентацію, доходящую до самыхъ мелкихъ подробностей и стѣсняющую ихъ свободу дѣйствія. Число циркулярныхъ предписаній такъ значительно, что многія остаются неисполненными. Весьма естественно, что при такомъ раздробленіи на мелочи, существенные техническіе вопросы нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія.

Но если въ *техническомъ* отношеніи надзоръ не всегда достигаетъ цѣли, то въ *административно-хозяйственномъ* отношеніи дѣло контроля обставлено еще большими затрудненіями. Во-первыхъ, у насъ, какъ извѣстно, не существуетъ желѣзнодорожнаго законодательства, регулирующаго отношенія желѣзныхъ дорогъ къ товароотправителямъ и торговлѣ; далѣе, не существуетъ даже контрилирующаго органа, обязаннаго наблюдать за исполненіемъ желѣзными дорогами хотя тѣхъ постановленій, которыя каждая дорога сама себѣ преподала и которыя заключаются въ условіяхъ перевозки.

Самымъ разительнымъ образомъ фактъ отсутствія всякаго надзора за соблюденіемъ желѣзными дорогами собственныхъ-же постановленій выступаетъ въ тарифномъ дѣлѣ.

Желѣзнодорожные тарифы, могущіе содѣйствовать или противодѣйствовать развитію разныхъ видовъ внутренней торговли и промышленности, помогать или препятствовать достиженію цѣлей, къ которымъ направляется правительственная торговая политика, имѣютъ, несомнѣнно, крайне важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, нынѣ положеніе дошло до того, что желѣзныя дороги могутъ произвольно назначать тарифы,

прямо противорѣчащія постановленіямъ того или другого § ихъ собственныхъ условій перевозки.

Что-же касается *финансоваго* контроля, то нужно сказать, что смѣты дорогъ, т. е. основаніе всей финансовой стороны дѣла, по существующимъ положеніямъ, должны утверждаться соотвѣтствующимъ вѣдомствомъ, но въ дѣйствительности вотъ что происходитъ: смѣта составляется управленіемъ дороги, которое, обыкновенно, оканчиваетъ се во вторую половину года; затѣмъ, она поступаетъ на разсмотрѣніе правленія, послѣ чего уже представляется на утвержденіе министерства. Это происходитъ такъ поздно въ году, что остается только или подвергнуть смѣту самому поверхностному разсмотрѣнію, или задержать исполненіе смѣты утвержденіемъ ея послѣ начала текущаго года, т. е. въ такое время, когда смѣта въ значительной части уже исполнена и когда дѣло поправить нельзя.

Намъ могутъ сказать, что можно налагать штрафы. Да, дѣйствительно, штрафы налагать можно, но гдѣ средства взыскать эти штрафы — съ нашихъ дорогъ вѣдь «взятки гладки».

Правда, для облегченія дѣла финансоваго контроля министерство путей сообщенія, циркуляромъ отъ 6 сентября 1877 года, предписало, «чтобы смѣта и приложенія представлялись впредь въ техническо-инспекторскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ вмѣстѣ съ заключеніемъ инспектора дороги». Но, вѣдь, кому-же, не ясно, что правительственные инспекторы, предполагая даже, что всѣ они Аристиды—ничего не могутъ сдѣлать, потому, что у нихъ нѣтъ для этого средствъ, т. е. правъ. Но, безъ сомнѣнія, контроль на мѣстѣ, будь онъ поставленъ въ благопріятныя для своей дѣятельности условія, былъ-бы самымъ надежнымъ.

Таково положеніе контроля по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, представители которыхъ, конечно, пользуются этимъ, твердо памятуя известное практическое правило «не зъвай».

II.

Въ силу преслѣдованія каждою желѣзною дорогою своихъ частныхъ интересовъ, вопросъ объ отношеніи желѣзныхъ дорогъ между собою поставленъ такимъ образомъ, что ни какая мѣра, какъ-бы она ни была выгодна съ точки зрѣнія экономической пользы группы дорогъ и даже цѣлаго государства, не можетъ осуществиться, если она почему-нибудь не по вкусу хотя одной изъ заинтересованныхъ дорогъ.

Конечно, при такой постановкѣ дѣла трудно ожидать чего-

нибудь путнаго и, дѣйствительно, положеніе въ этомъ отноше-
ніи болѣе чѣмъ незавидно.

Чтобы составить болѣе или менѣе ясное понятіе о взаим-
ныхъ отношеніяхъ дорогъ между собою, взглянемъ, какъ исто-
рически выработалось у насъ настоящее положеніе.

Русскія дороги, въ началѣ своего существованія и развитія,
совсѣмъ не вступали между собою въ соглашеніе относительно
принятія тѣхъ или другихъ общихъ правилъ, тѣхъ или другихъ
взаимныхъ обязательствъ, но ограничивали свою дѣятельность
исключительно распоряженіями въ предѣлахъ только своихъ ли-
ній. Благодаря этому, товаро-отправителямъ, имѣвшимъ надоб-
ность отправить свои товары въ пункты, отстоящіе отъ нихъ
въ разстояніи нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій, приходи-
лось держать на конечныхъ станціяхъ смежныхъ дорогъ осо-
быхъ агентовъ для передачи грузовъ съ одной дороги на дру-
гую, что, конечно, не можетъ быть причислено къ удобствамъ
сообщенія.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что желѣзныя дороги могутъ при-
нести дѣйствительную пользу экономическому развитію края и
предоставить существенныя удобства для товарнаго и пасса-
жирскаго движенія только при условіи полнаго развитія пря-
мыхъ сообщеній, т. е. при существованіи возможности переда-
вать грузы и пассажировъ, непосредственно съ одной дороги на
другую. Только въ этомъ случаѣ промышленность и торговля
пріобрѣтаютъ возможность пользоваться всѣми выгодами улуч-
шенныхъ путей, обезпечивающихъ предмета производства даль-
нихъ странъ вѣрный и скорый сбытъ въ мѣстахъ потребленія,
а отсюда и расширеніе самаго района для сбыта.

Но, благодаря отсутствію у насъ правильной организациі въ
дѣлѣ устройства прямыхъ сообщеній, перевозки грузовъ на даль-
нія разстоянія сопровождалась не только значительными неудоб-
ствами и затрудненіями, но нерѣдко и вовсе пріостанавливалась.
Кромѣ того, грузы отъ многократныхъ перегрузокъ ихъ въ пути
изъ вагоновъ на подводы и съ подводъ на вагоны, подвергались
неизбѣжной при этомъ порчѣ, причѣмъ весьма часто случался
поджигъ и даже совершенная пропажа товаровъ. Желѣзныя до-
роги, не будучи въ состояніи пользоваться, надлежащимъ обра-
зомъ, своимъ подвижнымъ составомъ, благодаря задержкамъ его
на конечныхъ пунктахъ, не успѣвали вывозить грузовъ, предъ-
являемыхъ имъ для отправленія.

Безъ сомнѣнія, такая неурядица крайне тяжело отзывалась
на нашей промышленности и торговлѣ, — да и неудивительно:
напр., товаръ, записанный въ очередныя книги моршанской

станціи въ декабрѣ 1867 года, могъ поступить на козловскую линію только въ февралѣ, на николаевскую—въ мартѣ и доходилъ до Петербурга лишь въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая слѣдующаго года.

Изъ записки генераль-маіора графа Бобринскаго, командированнаго въ 1878 году для изслѣдованія подобнаго явленія, видно, что къ веснѣ 1868 года оставалось на станціяхъ только 5-ти линій неотправленнаго товара:

Названіе линій.	Къ 1-му апрѣля.	Къ 1-му мая.
На моршанской	1.612,985 пуд.	860,102 пуд.
» воронежской	224,869 »	250,201 »
» козловской	6.530,272 »	2.839,811 »
» рязанской	137,605 »	23,738 »
» николаевской	1.945,800 »	2.252,000 »
Всего не отправлено.	10.451,531 пуд.	6.225,852 пуд.

Изыскивая мѣры къ устраненію впредь такого невозможнаго положенія, графъ Бобринскій счелъ полезнымъ созвать на совѣщаніе управляющихъ желѣзными дорогами моршанско-московской линіи и этимъ-то совѣщаніемъ и было положено начало установившимся затѣмъ «сѣздамъ представителей желѣзныхъ дорогъ», которымъ предназначалась роль регуляторовъ всѣхъ взаимныхъ отношеній дорогъ между собою.

Дѣло, такимъ образомъ, началось съ устройствъ частныхъ сѣздовъ представителей сосѣднихъ дорогъ для совѣщаній между собою о ихъ взаимныхъ нуждахъ.

Но скоро обнаружилась недостаточность однихъ только частныхъ сѣздовъ. Практики все чаще и чаще убѣждали въ томъ, что для успѣшности эксплуатаціи каждой дороги необходимо извѣстное единство дѣйствія, извѣстныя соглашенія между ея управленіемъ и управленіемъ всѣхъ примыкающихъ дорогъ, что, въ свою очередь, привело къ сознанію необходимости, а затѣмъ и къ учрежденію «общихъ сѣздовъ представителей желѣзныхъ дорогъ». Первый такой сѣздъ былъ созванъ въ 1869 году, а затѣмъ сѣзды повторяются ежегодно.

Казалось, что такимъ образомъ желѣзныя дороги были весьма недалеки отъ того порядка, который необходимъ для разрѣшенія вопросовъ, общихъ для всѣхъ дорогъ; однако, съ теченіемъ времени, опытъ показалъ, что вновь установленный порядокъ далеко не привелъ къ тѣмъ полезнымъ результатамъ, которыхъ отъ него можно-бы было ожидать.

Сѣзды, особенно частные, безъ сомнѣнія, принесли нѣко-

торую пользу, хотя-бы, напр., установленіемъ прямыхъ сообщеній, но, несмотря на это, нельзя не сознаться, что, хотя сѣзды существуютъ уже около 11 лѣтъ, результаты ихъ дѣятельности, можно сказать, микроскопичны: на нашихъ дорогахъ продолжаетъ царить прежняя неурядица, обусловливаемая преобладаніемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ дорогъ.

Такой печальный исходъ дѣла слѣдуетъ прежде всего приписать тому обстоятельству, что дѣло сѣздовъ съ самаго-же начала не было поставлено на твердую почву.

Правда, министерство путей сообщенія, признавая пользу подобныхъ сѣздовъ, намѣрено дать имъ опредѣленное значеніе и правильную организацію, но пока это доброе намѣреніе до сихъ поръ еще не приведено въ исполненіе.

Да и сами сѣзды не мало потрудились надъ тѣмъ, чтобы свести свое счисленіе къ нулю: будучи въ самомъ началѣ принуждены опредѣлить характеръ своей дѣятельности и степень обязательности своихъ рѣшеній, они добровольно поставили себя въ крайне неопредѣленное, чтобы не сказать болѣе, положеніе.

Единогласнымъ рѣшеніемъ общаго сѣзда 1870 года права и обязанности этихъ сѣздовъ опредѣлены такъ:

«Сѣздъ имѣетъ характеръ совѣщательный. Всѣ вопросы, разсматривающіеся на сѣздѣ, раздѣляются на общіе и частные. Рѣшеніе въ сѣздѣ, по вопросамъ общимъ, обязательно для представителей всѣхъ дорогъ, даже не присутствовавшихъ на ономъ, если оно принято единогласно, на тотъ срокъ, на который оно постановлено. Если какая-либо дорога пожелаетъ отиѣнить постановленіе сѣзда, то обязана заявить объ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, за три мѣсяца до ежегоднаго общаго сѣзда. Рѣшеніе сѣзда по вопросамъ частнымъ можетъ быть отиѣнено на частномъ сѣздѣ дорогъ каждой группы. Каждая дорога пользуется однимъ голосомъ».

Очевидно, что, постановивъ необходимымъ условіемъ для рѣшенія того или другого вопроса согласіе всѣхъ или *единогласность*, сѣздъ тѣмъ самымъ въ значительной степени сдузилъ свою дѣятельность и положилъ начало большей части тѣхъ неурядицъ, на которыя такъ часто и такъ справедливо жалуется не только публика, но и сами желѣзныя дороги. Рѣшенія сѣздовъ получили исключительно характеръ частныхъ соглашеній между желѣзными дорогами, вслѣдствіе чего дѣло дошло до того, что не только оказывалось крайне затруднительнымъ придти къ какому-нибудь рѣшенію по данному вопросу, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили единогласныя рѣшенія, таковыя

часто не исполнялись не только отдѣльными дорогами, но и цѣлыми группами.

При такомъ, крайне неудачномъ началѣ дѣла, можно было ожидать, что и продолженіе будетъ не особенно блистательно, такъ оно и случилось: дѣйствительно, многія дальнѣйшія постановленія сѣздовъ какъ-бы прямо были направлены къ тому, чтобы лишить ихъ всякаго серьезнаго значенія. Такъ, напр., въ началѣ на завѣдующаго дѣлами сѣзда было возложено, между прочимъ, собирать всѣ вопросы, передаваемые въ сѣздъ отъ правленій дорогъ для внесенія на разсмотрѣніе общаго сѣзда; за мѣсяць до срока, назначеннаго для общаго сѣзда, разсылать всѣмъ управленіямъ дорогъ программы вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сѣзда, составляя ихъ по полученнымъ отъ правленій дорогъ или правительства предложеніямъ.

Очевидно, что подобная подготовка вопросовъ представляетъ необходимое и элементарное условіе серьезнаго отношенія къ дѣлу, но вскорѣ у завѣдующаго дѣлами общаго сѣзда было отнято право *входить въ предварительный разборъ и подготовленіе вносимыхъ на сѣздъ вопросовъ.*

Это распоряженіе не могло не содѣйствовать въ сильнѣйшей мѣрѣ стѣсненію и ограниченію дѣятельности сѣздовъ; значеніе ихъ падало все болѣе и болѣе и, наконецъ, дѣло дошло до того, что въ 1878 году министерство путей сообщенія прекратило назначеніе отъ себя предсѣдателя и предоставило сѣзду выбирать его изъ своей среды. Такое распоряженіе ясно указывало на желаніе министерства отстранить себя отъ дѣла и тѣмъ лишить его всякаго серьезнаго значенія. Затѣмъ, въ 1879 году управляющій министерствомъ приказалъ, чтобы «сѣзды были собираемы не прежде, какъ когда на то послѣдуетъ разрѣшеніе министерства и чтобы программы вопросовъ, предполагаемыхъ къ обсужденію на этихъ сѣздахъ были предварительно и заблаговременно представляемы въ министерство на утвержденіе, равно какъ состоявшіяся рѣшенія сѣздовъ по обсуждавшимся вопросамъ были приводимы въ исполненіе не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства путей сообщенія».

Эти послѣднія постановленія уже прямо указываютъ на измѣненіе отношенія министерства къ сѣздамъ, которые вызвали подобное отношеніе къ нимъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отказывали въ удовлетвореніи правительственнымъ предложеніямъ, даже къ вопросамъ болѣе чѣмъ второстепенной важности и безъ особыхъ къ тому побудительныхъ причинъ. Неудивительно, поэтому, что и соответствующее вѣдомство, въ свою очередь, иногда противодѣйствовало сѣздамъ; такъ, напр.,

постановленія съѣзда 1878 года, будучи представлены въ министерство въ декабрь, получили утвержденіе лишь въ концѣ іюля 1879 года.

Понятно, что при подобномъ порядкѣ вещей, при подобномъ отношеніи къ дѣлу съѣздовъ, какъ лицъ непосредственно участвующихъ въ нихъ, такъ и представителей правительственной власти, на бывшихъ до сихъ поръ общихъ съѣздахъ было такъ мало достигнуто положительныхъ результатовъ относительно устройства эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, и что эти органы оказалились неспособными выработать какое-либо положеніе для регулированія отношеній желѣзныхъ дорогъ между собою.

Такимъ образомъ, хотя принципъ, положенный въ основу учрежденія для достиженія такой цѣли, былъ безспорно вѣренъ и плодотворенъ, но вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ онъ не получилъ примѣненія.

Разсматривая дѣятельность частныхъ съѣздовъ или съѣздовъ представителей желѣзнодорожныхъ группъ, приходится повторить приблизительно то-же, что уже было сказано ранѣе, т. е. что и въ этомъ случаѣ первостепенную роль играютъ личные интересы дороги и каждая дорога, являясь, въ лицѣ своего представителя, на съѣздѣ будто-бы съ цѣлью разрѣшенія общихъ вопросовъ ради общей пользы, тѣмъ не менѣе ревниво хранитъ и дѣлаетъ затаенное желаніе какъ-нибудь обдѣлать свои дѣлишки, и при первомъ удобномъ случаѣ, разумѣется, дѣлаетъ въ этомъ направленіи попытку.

Вотъ рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное.

При возбужденіи вопроса о взаимномъ пользованіи вагонами, вопроса крайне важнаго и настоятельно требующаго удовлетворительнаго рѣшенія, петербурго-варшавская дорога предлагала такія условія, что съѣздъ I-й группы, къ которой причислена и эта дорога, признавая необходимость безперегрузочнаго сообщенія съ нею, въ то-же время не находилъ возможнымъ согласиться на предлагаемыя ею условія; съѣздъ даже обращался къ министру путей сообщенія съ просьбою побудить петербурго-варшавскую дорогу уступить желанію всей группы, однако, старанія съѣзда не увѣнчались успѣхомъ; но, мало того, вмѣстѣ съ устраненіемъ договора о взаимномъ пользованіи вагонами, петербурго-варшавская дорога не приняла и установленныхъ для группы условій перевозки и тарифа прямого сообщенія, соглашаясь участвовать въ прямомъ сообщеніи лишь съ примѣненіемъ своихъ мѣстныхъ условій, очень выгодныхъ для нея, но въ то-же время очень «накладныхъ» для ея сосѣдокъ.

Затѣмъ, вслѣдствіе предписанія совѣта главнаго общества,

директоръ петербурго-варшавской дороги добился того, что съездъ I-й группы постановилъ, что, въ видахъ вознагражденія дороги за продолжительной простой вагоновъ на границѣ, дороги I-й группы, при взаимномъ расчетѣ по обмѣну вагоновъ съ варшавскою станціею, обязываются слагать въ теченіи 10-ти дней по 33 копѣйки въ сутки за каждый вагонъ, сданный петербурго-варшавской дорогѣ въ прямомъ безперегрузочномъ сообщеніи съ грузомъ, идущимъ съ дорогъ группы, лежащихъ южнѣ Динабурга, за-границу черезъ Вержболово. Дороги I-й группы въ началѣ, можетъ-быть, и имѣли нѣкоторое основаніе согласиться на такое постановленіе, но вскорѣ оказалось, что фактъ простоя вагоновъ на прусской границѣ, очень и очень сомнителенъ, тѣмъ не менѣе уплата этого вознагражденія, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, продолжала существовать въ теченіи пяти лѣтъ, несмотря на многократные протесты съезда представителей дорогъ I-й группы.

Одновременно съ отказомъ I-й группы уплачивать петербурго-варшавской дорогѣ за мнимый простой вагоновъ и какъ-бы въ отместку за это, петербурго-варшавская дорога воспретила употреблять ея вагоны, сданные ею на другія дороги, не только въ рабочихъ поѣздахъ, но даже и для возки дровъ. Этимъ своимъ требованіемъ петербурго-варшавская дорога вынудила орловско-витебскую и московско-брестскую дороги, на которыхъ дрова составляютъ главнѣйшій предметъ перевозки, отказаться принимать на свои линіи вагоны петербурго-варшавской дороги, вслѣдствіе чего безперегрузочный проходъ вагоновъ этой послѣдней дороги по дорогамъ I-й группы долженъ быть ограниченъ витебскимъ.

Не отличилась въ этомъ отношеніи великодушіемъ и николаевская дорога; у нея также не оказалось особеннаго стремленія къ заботамъ объ общемъ интересѣ, и ея мелкія сосѣдки только охаютъ, да почесываютъ свои тощіе бока.

Отношеніе николаевской дороги къ дорогамъ, прилегающимъ къ ней и не имѣющимъ связи въ другомъ своемъ концѣ съ желѣзнодорожной сѣтью, а потому и находящимися въ зависимости отъ нея, характеризуются уже однимъ тѣмъ, что въ соглашеніи между рыбинско-бологовскою и николаевскою дорогою, по обмѣну вагоновъ, заключается слѣдующее, крайне не равноправное условіе: «Въ случаѣ несвоевременнаго обмѣна вагоновъ рыбинско-бологовская дорога уплачиваетъ николаевской наемную плату за первые 150 вагоновъ по 85 коп. въ сутки, а за слѣдующіе свыше 150 вагоновъ,—по 3 руб. 50 коп. въ сутки; николаевская-же дорога платитъ рыбинско-бологовской: за первые

672 вагона по 85 коп., а по 3 руб. 50 коп. за слѣдующіе сверхъ 672-хъ вагоновъ».

22 сентября 1863 года дороги II группы, со включеніемъ въ ихъ число и николаевской, заключили между собою конвенцію о прямомъ товарномъ сообщеніи и постановили ввести ее въ дѣйствіе съ 10 декабря того-же года. Но, въ ноябрѣ, совѣтъ управленія главнаго общества просилъ съѣздъ II группы отложить приведеніе въ дѣйствіе конвенціи въ предѣлахъ николаевской дороги влѣдствіе пожара на Мстинскомъ мосту.

Съѣздъ II группы, не соглашаясь съ этою просьбою и не признавая ее основательною для части николаевской дороги, лежащей между мостомъ и Москвою, постановилъ на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ конвенцію привести въ дѣйствіе и 10 декабря, примѣнивъ ее и къ станціямъ николаевской дороги, лежащимъ между Москвою и Мстинскимъ мостомъ; но николаевская дорога не приняла къ руководству конвенцію, что видно изъ заявленія московско-ризанской дороги объ отказѣ николаевской дороги принять груженные вагоны для дальнѣйшаго безперегрузочнаго слѣдованія на станціи между Москвою и Мстою. Съѣздъ такое обстоятельство нашелъ нарушеніемъ конвенціи и рѣшилъ протестовать, но главнѣе общество весьма мало обращало вниманія на многократныя заявленія съѣзда и лишь на съѣздѣ 15 марта 1870 года представитель главнаго общества далъ категорическій и удовлетворительный отвѣтъ.

Далѣе николаевская дорога выдѣлялась изъ остальныхъ дорогъ своей группы требованіемъ освободить ее отъ платы за пробѣгъ вагоновъ, чего и добилась, благодаря угрозѣ выйти отъ прямаго сообщенія.

Однимъ словомъ—тутъ подтверждается общезвѣстный фактъ, которому примѣровъ не занимать—стать и который такъ картинно выражается въ одной изъ малорусскихъ пѣсенъ:

Лев роздирае вовка въ куски,
А тамъ вовк цапа (козла) скубе за виски,
Цап у горѣді капусту псуе...

т. е. въ сферѣ отношеній желѣзныхъ дорогъ между собою сильная сторона притѣсняетъ слабую,—та, въ свою очередь, притѣсняетъ еще слабѣйшую, и т. д.—и сверхъ того, всѣ они вмѣстѣ и порознь взятыя притѣсняютъ наислабѣйшую—т. е. публику, которая представляетъ собою послѣднее звѣно въ этой цѣпи.

Едва-ли при такихъ условіяхъ можно ожидать чего-нибудь благопріятнаго общимъ интересамъ.

Въ 1869, 1870 и частью въ 1871 годахъ на частныхъ съѣздахъ присутствовалъ правительственный комиссаръ для защиты

интересовъ грузоотправителей и пассажировъ, но съ половины 1871 года правительственный комиссаръ сталъ появляться лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ изъ всего вышеприведеннаго совершенно ясно, что при неполнотѣ и неудовлетворительности организаціи какъ общихъ, такъ и частныхъ сѣздовъ, что, главнымъ образомъ, обуславливалось отсутствіемъ на нихъ представителей отъ торговли, промышленности и земледѣлія, сѣзды не могли отречься отъ эгоистическихъ побужденій и принести ожидаемой отъ нихъ пользы.

И дѣйствительно, изъ числа вопросовъ, поднимавшихся на сѣздахъ, громадному большинству (550%) изъ нихъ такъ и не пришлось выйти за предѣлы желѣзнодорожныхъ канцелярій.

III.

До сихъ поръ мы говорили о вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго соприкосновенія съ публикой, но это только такъ кажется; и эти вопросы сильно бьютъ по карману публику, но только эти удары передаются цѣлымъ рядомъ такихъ сложныхъ приспособленій, что за ними и не видно первоначальной силы, наносящій ударъ; но теперь мы перейдемъ къ тѣмъ «порядкамъ», которые явно, воочію, затрагиваютъ интересы публики, которые возбуждаютъ въ сильнѣйшей мѣрѣ неудовольствіе противъ желѣзныхъ дорогъ и по поводу которыхъ, повѣтому, высказывается наибольшее число жалобъ.—Желѣзныя дороги, будучи по существу своему предпріятіемъ общественно-государственнымъ, тѣмъ не менѣе, почти исключительно составляютъ достояніе частныхъ обществъ, въ которыхъ не могутъ не преобладать частные интересы; съ другой стороны, всякое желѣзнодорожное предпріятіе *de facto* есть предпріятіе монопольное. Это послѣднее обстоятельство заставляеть каждое частное лицо, нуждающееся въ услугахъ желѣзной дороги, подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя эта послѣдняя ему предписываетъ. Довольно распространенное мнѣніе о такъ называемомъ *свободномъ соглашеніи* между товаротправителемъ—частнымъ лицомъ и монопольнымъ обществомъ, какимъ является относительно его желѣзная дорога—нельзя не признать мнѣніемъ по меньшей мѣрѣ наивнымъ. Общія жалобы, идущія изъ разныхъ мѣстностей Россіи и притомъ отъ цѣлыхъ сословій, занятыхъ тою или другою отраслью хозяйственной и промышленной дѣятельности, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, не могутъ не служить надежнымъ доказательствомъ того, что въ этомъ отношеніи дороги отлично

понимають свои преимущества и пользуются ими самымъ беззащѣпчивымъ образомъ.

Всѣ отношенія желѣзныхъ дорогъ къ публикѣ опредѣляются у насъ въ настоящее время постановленіями такъ-называемыхъ *условій перевозки*, которыя служатъ единственнымъ регуляторомъ правъ публики и обязанностей желѣзныхъ дорогъ. Но эти условія, составленныя преимущественно въ виду интересовъ желѣзныхъ дорогъ и притомъ ни кѣмъ не утвержденныя, не могутъ служить никакою серьезною гарантіею, такъ-что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сами дороги не считаютъ для себя обязательнымъ точное исполненіе своихъ-же собственныхъ условій.

Поэтому едва-ли возможно сомнѣніе въ томъ, что подобное положеніе дѣла должно неминуемо вести къ постоянному нарушенію интересовъ публики во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы приходятъ въ столкновеніе съ интересами дорогъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ фактическое безправіе публики — вотъ то всеобщее впечатлѣніе, которое является неминуемо всякому, кто хоть сколько-нибудь останавливался надъ этимъ вопросомъ.

«Понятно», говорится по этому поводу въ одномъ изъ докладовъ Высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла, «что тамъ, гдѣ все предоставлено произволу самихъ дорогъ, возникаютъ самыя разнообразныя возрѣнія въ области, въ которой крайне необходимо гармоническое однообразіе; понятно также, что при такомъ порядкѣ вещей, желѣзныя дороги въ своихъ отношеніяхъ къ публикѣ *всегда и вездѣ* соображаются преимущественно со своими интересами».

Мы не можемъ въ журнальной статьѣ захватить всѣ тѣ стороны, гдѣ публикѣ приходится играть «страдательную» роль — для этого нужны цѣлые томы — мы остановимся лишь на наиболѣе выдающихся фактахъ, но и ихъ будетъ совершенно достаточно, чтобъ дать понятіе, съ одной стороны, о степени безпомощности публики, и съ другой — о степени пользованія дорогами своимъ исключительнымъ положеніемъ.

Мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ собственно пассажирское движеніе, такъ-какъ съ этимъ вопросомъ каждый болѣе или менѣе знакомъ изъ личнаго, по всей вѣроятности, горькаго опыта, и будемъ говорить исключительно объ условіяхъ грузоваго движенія, которыя почти не извѣстны, но которыхъ, такъ сказать, скрытое дѣйствіе слишкомъ тяжело отражается на экономическомъ положеніи страны.

Начнемъ съ наиболѣе существеннаго, по нашему мнѣнію, именно съ вопроса о *тарифѣ*.

Въ основу дѣйствующей на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ системы тарифовъ положена, какъ извѣстно, классификація грузовъ,—распредѣленіе ихъ на разряды или классы съ тарифными ставками различной вѣсоты. При этомъ отнесеніе того или другого товара къ тому или другому классу, перечисленіе его изъ одного въ другой, а равно и созданіе, путемъ спеціальныхъ тарифовъ, неограниченнаго числа промежуточныхъ и добавочныхъ классовъ, находится въ полной и ни-къмъ не контролируемой зависимости отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ правленій и ихъ частныхъ и общихъ сѣздовъ, значеніе которыхъ уже достаточно выяснено. Вслѣдствіе этого, одинъ и тотъ-же товаръ значитсѧ на различныхъ дорогахъ въ различныхъ классахъ, оплачиваемыхъ различными ставками, и на пути своего слѣдованія по нѣсколькимъ линіямъ одинъ и тотъ-же грузъ попеременно и быстро переходитъ изъ высшаго класса въ низшій и наоборотъ, что, очевидно, не можетъ содѣйствовать ясности окончательныхъ расчетовъ дорогъ, провозящихъ грузъ, между собою и съ товаротправителями. Бывали даже случаи, когда спеціальные тарифы измѣнялись во время слѣдованія принятаго и уже сданнаго далѣе дорокою-отправительницею груза, вслѣдствіе чего на станціяхъ назначенія дѣлали новый расчетъ стоимости провоза, на основаніи вступившихъ въ этотъ короткій промежутокъ времени въ силу новыхъ ставокъ. Далѣе, даже на линіяхъ и вѣтвяхъ, принадлежащихъ одному и тому-же обществу, въ сообщеніи чисто мѣстномъ, одинъ и тотъ-же родъ товаровъ по большей части значитсѧ въ различныхъ разрядахъ или классахъ. Понятно, что такая разнокалиберность, такъ-сказать, таксировка и лежащій въ основаніи ея произволъ должны очень вредно отзываться на интересахъ и фабрикантовъ и вообще торговаго сословія.

Въ ближайшей связи съ тарифомъ находится вопросъ о номенклатурѣ товаровъ. Насколько эта номенклатура не выработана и неудовлетворительна видно изъ принятыхъ на разныхъ дорогахъ алфавитныхъ списковъ товаровъ. Такъ, напр., въ номенклатурѣ с.-петербурго-варшавской дороги заключается до 720 названій, въ номенклатурѣ николаевской дороги болѣе 1,000; въ классификаціи товаровъ московско-курской дороги—1,289; въ алфавитѣ своднаго тарифа русскихъ желѣзныхъ дорогъ — 2,254 и т. д.

Далѣе, въ спискахъ товаровъ многихъ дорогъ заключаются многіе предметы одинаковыхъ названій и однородные, отнесенные къ различнымъ классамъ тарифа, между тѣмъ какъ, повидимому, для подобнаго различія въ классификаціи не представ-

ляется основаній. Такъ, напр., дерево иностранное, въ чуркахъ и полѣвняхъ, отнесено на однихъ дорогахъ къ I классу, на другихъ къ II классу, на третьихъ—къ III классу, такъ-же, какъ и дерево красильное; тарифъ на известъ гашеную въ бочкахъ колеблется на различныхъ дорогахъ между $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{34}$ коп. съ пуда и версты; огарки кислотные перевозятся по тарифу I, II и III классовъ и по $\frac{1}{25}$, $\frac{1}{32}$ и $\frac{1}{40}$ съ пуда и версты; также и поташъ значится въ классификаціяхъ различныхъ дорогъ въ числѣ товаровъ I, II и III классовъ. Смола жидкая на 19-ти дорогахъ отнесена къ III классу, на 16-ти къ II классу, на одной—къ I классу, и перевозится на прочихъ дорогахъ по слѣдующимъ тарифамъ: $\frac{1}{27}$, $\frac{1}{28}$, $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{35}$ и $\frac{1}{50}$. Точно также фарфоръ и фаянсъ на различныхъ дорогахъ относятся къ различнымъ классамъ, а именно: къ V, II и I, съ платой за пудъ и версту отъ $\frac{1}{20}$ коп. до $\frac{1}{2}$ коп.

Такимъ образомъ общій выводъ говоритъ далеко не въ пользу дѣйствующей на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ *тарифной системы*, если только можно назвать системою господствующую у насъ по части желѣзнодорожныхъ тарифовъ неурядицу. Сложность тарификаціи, происходящая отъ многочисленности различныхъ тарифовъ и отдѣльныхъ тарифныхъ постановленій, доходитъ до того, что почти нѣтъ возможности составить сколько-нибудь ясный и удобопримѣнимый сводъ тарифовъ и классификацій не только для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ, но даже для дорогъ одной какой-либо группы. Тарифы нормальные, мѣстные, спеціальные, дифференціальные, тарифы прямого сообщенія въ предѣлахъ одной группы, спеціальные тарифы по соглашенію между двумя или болѣе группами, наконецъ, масса исключеній, разъяснительныхъ, дополнительныхъ и измѣняющихъ статей, — все это настолько усложняетъ расчеты дорогъ какъ съ грузоотправителями, такъ и между собою, что не только публика и торговцы, но и сами агенты желѣзныхъ дорогъ съ трудомъ разбираются въ этомъ хаосѣ и безпрестанно впадаютъ въ ошибки, которыя потомъ исправляются на мѣстѣ доставки товаровъ, еще чаще вовсе не исправляются и подають поводъ къ нескончаемымъ жалобамъ и претензіямъ.

Благодаря неудовлетворительности тарифа, измѣненія въ расчетахъ иногда бывають такъ значительны, что совершенно уничтожаютъ всякіе торговые расчеты отправителя и заставляютъ его чуть-ли не передъ всякой отправкой задуматься о томъ, не придется-ли ему, вмѣсто барыша, еще своихъ приплатить. Въ самомъ дѣлѣ, расчетъ провозной платы, выставляемый агентомъ желѣзной дороги на квитанціи, не считается окончательнымъ, и товаръ выдается получателю по взысканіи съ него всѣхъ слѣ-

дующихъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ платежей безразлично, будетъ-ли расчесть сдѣланъ по тарифу при отправленіи товара или нѣтъ. Не уплативъ все до копѣйки, товарополучатель не можетъ получить своего груза; за это отвѣчаетъ станція, выдающая грузъ, которая не входитъ въ разбирательство того, вѣрно-ли требуются деньги съ получателя или требованіе, значущееся въ дорожной вѣдомости, явно неосновательное. Расчетъ, указанный въ квитанціи, не обязателенъ ни для одной изъ дорогъ, по которымъ проходилъ грузъ; расчетъ этотъ именуется «первоначальнымъ», и на каждой передаточной станціи онъ подлежитъ контролю агентовъ, принимающихъ вагоны съ грузомъ. А такъ-какъ агенты эти отвѣтственны передъ своимъ контролемъ за всякое недополученіе суммы, слѣдующей дорогъ, то исправленіе цифръ, проставленныхъ въ квитанціи, дѣлается постоянно и всегда въ пользу увеличенія.

Изъ этого слѣдуетъ, что отправитель, заключающій съ желѣзною дорогою договоръ о перевозкѣ, по одному изъ самыхъ существенныхъ условій договора—цѣнъ, не ставитъ, съ своей стороны, никакого опредѣленнаго требованія; онъ, собственно, какъ-бы соглашается на то, что дорога перевезетъ его кладъ по такой цѣнѣ, какую она или уполномочившія ее другія дороги вздумаютъ взять; хотя хозяинъ груза заключаетъ договоръ съ одною дорогою отправленія, которая принимаетъ на себя обязательства и за другія дороги, давшія ей полномочія, но въ дѣлѣ провозной платы ему приходится имѣть дѣло со всѣми дорогами, по которымъ проходитъ его грузъ, такъ-какъ каждая изъ нихъ имѣетъ право перемѣнить расчетъ, сдѣланный станціею отправленія. Результатомъ такой неравноправности договаривающихся сторонъ или, лучше, безправности одной изъ нихъ, является то, что, по повѣркѣ расчетовъ, станція назначенія довыскиваетъ все, что отправитель не доплатилъ, но не возвращаетъ ничего, что онъ переплатилъ, и предоставляетъ ему вѣдаться съ желѣзно-дорожнымъ управленіемъ указаннымъ въ правилахъ путемъ и доказывать основательность своей претензіи, такъ-какъ желѣзными дорогами установленъ тотъ юридическій принципъ, что предположеніе виновности—всегда на сторонѣ отправителя, который обязанъ доказывать правоту своего дѣла.

Такая постановка дѣла расчетовъ желѣзныхъ дорогъ съ отправителями и получателями производитъ страшную путаницу въ торговлѣ; никто не знаетъ, въ что ему обойдется доставка какого-либо груза по желѣзной дорогѣ; всѣ прикиды и расчеты оказываются только «первоначальными» до той минуты, когда грузъ нужно получить со станціи назначенія. Какъ-бы вѣрно ни

былъ сдѣланъ расчетъ суммы, слѣдующей за провозъ, онъ, однако, можетъ быть измѣненъ съ легкой руки желѣзно-дорожнаго агента на передаточномъ пунктѣ, который, не отвѣтствуя за сдѣланныя поправки, дѣйствуетъ, такъ - сказать, во имя самозащиты противъ начетовъ контроля.

Можно себѣ представить затруднительное положеніе хозяина груза, который, рассчитавъ по тарифу получить отъ продажи его на станціи назначенія барышъ, получаетъ, благодаря усердію агента на передаточномъ пунктѣ, неожиданный убытокъ. А такія явленія тѣмъ болѣе возможны у насъ, гдѣ большинство грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, не дорогіе и гдѣ разница между цѣнами на нихъ въ мѣстахъ производства и пунктахъ потребленія не большая, если вычесть стоимость перевозки по желѣзной дорогѣ.

Можно привести не мало примѣровъ возвышенія провозной платы иногда даже втрое большей противъ первоначальнаго исчисленія. Такъ, по двумъ накладнымъ донецкой дороги на перевозку каменнаго угля, первоначальный расчетъ былъ сдѣланъ на сумму 12 руб. 44 коп., и 11 р. 92 к., а при полученіи взыскано 38 р. 42 к., и 38 р. 35 коп. Случается даже, что хозяинъ принужденъ просто отказаться отъ своего товара, такъ - какъ стоимость его не окупаетъ взыскиваемой съ него провозной платы.

Такой случай, между прочимъ, былъ и на лозово-севастопольской дорогѣ: 30 телеграфныхъ столбовъ, въ 13 аршинъ длиною, въсомъ въ 300 пуд., приходилось отправить на двухъ платформахъ. Отправитель спросилъ телеграммою, можно-ли отправить грузъ съ платою по-пудно? Управление отвѣчало, что можно. Но, когда товаръ пришелъ на мѣсто, съ отправителя потребовали плату не за 300, а за 1,200 пудовъ, т. е. за полный грузъ двухъ платформъ, — 130 руб. сер., — а такъ-какъ столбы стоили всего 68 руб., то отправитель долженъ былъ отказаться отъ своего груза.

Кромѣ подобныхъ случаевъ произвольнаго возвышенія стоимости перевозки, — случаевъ, гдѣ желѣзнодорожники могутъ все-таки опираться на свои «правила», хотя и крайне «сомнительныя» — есть масса случаевъ, гдѣ берутъ лишнее просто потому, что это вздумается кому-либо изъ агентовъ: изъ желанія-ли усилить желѣзнодорожную мошну или же не поплатиться своею. Это такъ-называемые *переборы*; — тутъ ужъ берутъ безъ всякаго права, даже съ ихъ точки зрѣнія, но берутъ потому, что можно взять, отвѣчать не придется, и даже много шансовъ на то, что и возвращать не правильно захваченное также не придется, потому-что для того, чтобы получить переборъ обратно, нужно

пройти такой длинный рядъ мытарствъ, что едва-ли у кого хватитъ терпѣнія, чтобы дойти до конца.

Нужно еще сюда прибавить вообще дороговизну доставки, т. е. высоту платы, взимаемой независимо отъ частныхъ злоупотребленій, которыя, впрочемъ, надо сказать, сдѣлались довольно общимъ правиломъ.

Въ доказательство чрезмѣрной высоты тарифовъ на многіе товары, перевозимые по варшавской дорогѣ, торговцы обращали вниманіе подкомиссіи на то, что много грузовъ изъ Имперіи, направляясь въ Петербургъ, предпочитаютъ въ послѣднее время кружный путь на Кенигсбергъ или Либаву, а оттуда моремъ въ Кронштадтъ, прямому пути по варшавской дорогѣ. Въ Екатеринбургѣ московской подкомиссіи было заявлено г. Поль, который производитъ и отправляетъ графитъ въ Москву, что перевозка ему обходится по 60 коп. съ пуда, между тѣмъ, какъ перевозка графита съ острова Цейлона въ Петербургъ воднымъ путемъ обходится всего по 30 коп. съ пуда,—и много, много можно было-бы привести подобныхъ примѣровъ и параллелей.

Сильныя также раздаются жалобы и на медленность доставки грузовъ. Кромѣ продолжительности сроковъ (125 верстъ въ сутки, двое сутокъ на отправку, двое сутокъ на выгрузку и сутки на каждую передачу съ дороги на дорогу), причиною медленности доставки являются и задержки въ пути. Въ Вологдѣ было заявлено, что товары задерживаются по 5—6 дней, вслѣдствіе произвольной отцѣпки на промежуточныхъ станціяхъ. Въ Тулѣ и Ростовѣ-на-Дону также жалуются на частую отцѣпку вагоновъ, какъ на станціяхъ, такъ и въ пути, по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ. Въ Серпуховѣ отправители заявили, что товаръ идетъ въ Москву по желѣзной дорогѣ обыкновенно 5—6 дней, вслѣдствіе чего они большею частью отправляютъ его на лошадяхъ. Въ Мценскѣ отправители заявили, что товаръ въ Петербургъ, вмѣсто 8, идетъ 14 дней. Въ Курскѣ предъявленъ былъ актъ, по которому оказывается, что пять вагоновъ, отправленныхъ со станціи «Бѣлый Берегъ» орловско-витебской дороги, прибыли въ Курскъ спустя болѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Въ Бѣлгородѣ заявляютъ, что пиво на волахъ идетъ въ Харьковъ 1½ сутки, а по желѣзной дорогѣ—3 сутокъ, и т. д. и т. д.

Слѣдующая затѣмъ, крайне неблагоприятная для товароотправителей сторона нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ, заключается въ громадныхъ и весьма частыхъ кражахъ. Въ этомъ отношеніи также небезынтересны будутъ нѣкоторые образцы.

Въ Козловѣ полиціймейстеръ заявилъ, что «кражъ бываетъ много и воры стали дерзки; недавно былъ случай, что изъ то-

варнаго вагона на ходу, когда поѣздъ шелъ тихо на подъемъ, украли двухъ живыхъ быковъ. Я думаю, что вина въ подобныхъ случаяхъ, и даже во всѣхъ кражахъ, лежитъ на поѣздной прислугѣ, которая не разъ была обличена въ участіи въ кражахъ».

Въ Тамбовѣ исправникъ говоритъ, что кражи изъ вагоновъ повторяются весьма часто, — причемъ даже каменный уголь разворовывается. Саратовская дорога выписывала антрацитъ, и такъ-какъ уголь идетъ въ вагонахъ не plombированныхъ, то, вмѣсто 600 пудовъ, въ нѣкоторыхъ вагонахъ оказывалось антрацита по 250 пудовъ; — по его мнѣнію, это дѣло машинистовъ козлово-тамбовской дороги, которые получаютъ премію за сбереженіе топлива. Пензенскій землевладелецъ Юматовъ заявилъ объ особенномъ способѣ воровства, это кражъ спирта. «Транспортъ спирта, говоритъ онъ, — очень желанный гость на станціи; спиртъ у желѣзно-дорожныхъ служащихъ называется *кумомъ*. *Кумъ пришелъ*, говорятъ грузчики и рабочіе съ видимымъ удовольствіемъ. Много существуетъ способовъ воровства спирта: отбиваютъ къ сторонѣ обручъ и просверливаютъ дырочку, чрезъ которую вытекаетъ спиртъ, потомъ забиваютъ дырочку колышкомъ и подвигаютъ обручъ на прежнее мѣсто, такъ-что на бочкѣ не остается никакихъ слѣдовъ; если-же вагонъ крытый и заломбированъ, то просверливаютъ дно вагона и бочки и выпускаютъ спиртъ; а какъ дырочку забить колышкомъ трудно, то часто спиртъ во всю дорогу течетъ изъ бочки. Далѣе идутъ, положимъ, изъ Пензы 10 вагоновъ со спиртомъ; при передачѣ вагоновъ въ Моршанскъ, если провозатый не уполномоченъ заплатить рубля стуальщину или кому-тамъ слѣдуетъ, то одинъ вагонъ оказывается *большимъ* и отцѣпляется; точно также дѣлается въ Рязскѣ, Рязани и Коломнѣ, и въ Москву вмѣсто 10 вагоновъ, приходитъ 6; остальные-же вагоны приходятъ послѣ, и *кумъ* является въ Москву очень истощеннымъ».

Почти то-же было заявлено въ Кузнецкѣ Ф. С. Иконниковымъ, который добавилъ, что заводчики считаютъ среднимъ числомъ на воровство въ пути отъ 2 до 3 коп. съ ведра, и этотъ расходъ причисляютъ къ путевымъ расходамъ по доставкѣ спирта; а сызранскій голова, по поводу кражи хлѣба, говоритъ: «мы такъ и знаемъ, что воровство хлѣба будетъ и приняли за норму считать по 35 коп. съ четверти убытку отъ воровства». Не безъинтересно также заявленіе, сдѣланное въ Оренбургѣ, гдѣ, какъ оказывается, кражи совершаются въ такихъ размѣрахъ и и такъ систематично, что явилось возможнымъ открыть нѣсколько лавочекъ, въ которыхъ производится торговля исключительно краденными товарами.

Собственно говоря, приведенныхъ нами фактовъ уже теперь достаточно, чтобы судить о положеніи нашего желъзно-дорожнаго дѣла; но едва-ли мы вправѣ умолчать о томъ, въ чемъ рельефнѣе всего выразилось монопольное и привилегированное положеніе желъзныхъ дорогъ относительно лицъ, прибѣгающихъ къ услугамъ ихъ—это такъ-называемыхъ «подпискахъ обезпеченія». Въ текстѣ этой подписки, между прочимъ, значится: «Я освобождаю отъ всякой отвѣтственности всѣ дороги, по которымъ долженъ пройти мой грузъ и обязываюсь вознаграждать всѣ убытки, которые могутъ быть причинены растечкою и воспламененіемъ моего товара другимъ товароотправителямъ и обществамъ желъзныхъ дорогъ порчею подвижнаго состава». Какъ видно изъ конвенціи о прямомъ сообщеніи II группы, «подпискою обезпеченія» должны быть снабжены влады, имѣющія явные слѣды гнили, предметы, опасные, ядовитые, легковоспламеняющіеся, жидкости, подлежащія броженію, порчѣ и утечкѣ, грузы, отправляемые безъ достаточно прочной упаковки или вовсе безъ упаковки. Кромѣ того, какъ видно изъ той-же конвенціи, всѣ предметы, перевозимые по желъзнымъ дорогамъ, въ отношеніи уплаты денегъ за провозъ ихъ раздѣляются на категоріи: одни товары перевозятся съ переводомъ платы на получателя, другіе не пользуются этимъ льготнымъ условіемъ, ежели отправитель не подпишетъ росписки, освобождающей желъзныя дороги отъ всякой отвѣтственности за аккуратную доставку влады. Просматривая перечень предметовъ второй категоріи, усматривается, что, кромѣ предметовъ хрупкихъ, легковоспламеняющихся, скоропортящихся, въ немъ помѣщены: калачи, грибы, звѣри, вапуста свѣжая, сѣрная кислота, кровь скотская, порожнія бутылки въ тарѣ, мебель, неупакованная въ ящики, минеральныя кислоты, нефть, мерзлая рыба, пиво въ бочкахъ, сидръ въ бочкахъ, спиртъ, керосинъ, художественныя произведенія и т. д. Такія-же росписки даютъ лица, соглашающіяся отправлять свой хлѣбъ въ открытомъ подвижномъ составѣ.

Рождается вопросъ, дѣйствительно-ли предметы, отправленіе которыхъ обусловлено «подписками обезпеченія», такого рода по своимъ свойствамъ, что перевезти ихъ по желъзной дорогѣ очень трудно безъ особаго риска? Положимъ, даже, что это и такъ,—но все-таки, несомнѣнно, было-бы болѣе справедливо, если-бы дороги, принимая, положимъ, легковоспламеняющійся грузъ къ отправкѣ, потребовали отъ отправителя подписки такого рода, что ежели грузъ его воспламенится или произведетъ взрывъ, то отправитель отвѣчаетъ за причиненный убытокъ; но требовать отъ хозяина груза документа, который-бы давалъ

юридическое основаніе дорогѣ испортить его товаръ, растерять половину безъ всякой матеріальной отвѣтственности, даже тогда, когда грузъ не причинилъ вреда и не проявлялъ своихъ опасныхъ свойствъ, положительно неосновательно.

Далѣе, безъ «подписокъ обезпеченія» не принимаютъ къ отвѣтственности жидкости, подверженныя утечкѣ, усушкѣ и броженію. На основаніи § 70 конвенціи назначена норма убыли отъ усушки товаровъ, причѣмъ для жидкихъ предметовъ назначено 2%. Слѣдовательно, «подписка обезпеченія» даетъ право дорогѣ не отвѣчать за убыль жидкаго товара, превышающую указанную норму, или, другими словами, устанавливаетъ, что желѣзная дорога не обязуется перевозить исправно всѣ жидкіе предметы и за растерю ихъ не отвѣчаетъ, такъ-какъ, за весьма малыми исключеніями, всѣ жидкости подлежатъ усушкѣ и утечкѣ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что путемъ «подписокъ обезпеченія» желѣзныя дороги окончательно отнимаютъ возможность не только взысканія съ нихъ убытковъ, но даже поднятію вопроса объ этомъ—такъ-какъ «подписка обезпеченія», по ихъ толкованію, является актомъ «добровольнаго» соглашенія—значить, пеняй на самого себя—зачѣмъ соглашался.

Если прибавить сюда практикуемые способы приѣма грузовъ, ихъ выдачи, храненія, цѣлый рядъ поборовъ, взимаемыхъ съ публики богъ-вѣсть за что и прочто, грубость служащихъ, и т. д. и т. д., то получится по-истинѣ не веселая картина! Но что же дѣлать? Гдѣ тѣ мѣры, которыми можно пособить горю?

Пока такихъ мѣръ не имѣется; общество безсильно,—но, къ счастью, весьма недалеко то время, когда общество получитъ средство бороться съ желѣзными дорогами. Въ виду-то подготовки къ тому будущему, въ виду выясненія необходимости этой борьбы и написана настоящая статья.

Мы беремъ на себя смѣлость предсказывать такое будущее вотъ на какомъ основаніи: Въ настоящее время Высочайше учрежденная комиссія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи выработала желѣзнодорожный законопроектъ; мы имѣли случай съ нимъ близко ознакомиться,—и хотя, безъ сомнѣнія, онъ еще подвергнется измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе, основныя положенія его будутъ сохранены; изложенія эти таковы, что общество пріобрѣтаетъ съ ними полную возможность защищать свои частныя интересы, интересы казны и вообще дать сильный отпоръ хищническимъ стремленіямъ желѣзныхъ дорогъ, куда-бы эти стремленія ни были направлены.

Н. Кончевскій.

ПИСАТЕЛЬ.

РОМАНЪ

Роберта Гальта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

— Наслажденія взора, наслажденія чувствъ, тонкія наслажденія ума, васъ нужно отыскивать такъ-же упорно, какъ ткачъ ищетъ матеріала, изъ котораго онъ долженъ выткать царское одѣяніе для прекраснѣйшей изъ женщинъ! Я дѣлаю одѣяніе для идеи! А что такое въ сравненіи съ идеей прекраснѣйшая женщина въ мірѣ! Да... все это хорошо: и этотъ широкій письменный столъ, и этотъ просторный кабинетъ, гдѣ столько воздуха, изыска, вдохновенія! Когда я подумаю только объ этихъ несчастныхъ чердакахъ, или объ унылыхъ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ я жилъ до сихъ поръ! Нищенская обстановка, шлепанье пѣшкѣмъ по грязи! Извольте рыдать у ногъ вашей возлюбленной, на холодномъ и грязномъ полу, съ желудкомъ, набитымъ картофелемъ, при тускломъ свѣтѣ копящей, вонючей лампы. Ужасныя впечатлѣнія! А вѣдь впечатлѣнія создаютъ артиста. Вотъ тебѣ, любезный, перо... строчи на сѣрой, шероховатой, шести-копѣчной бумагѣ, сидя на колченогомъ столѣ! Выжимай изъ своего униженнаго, загрязненнаго этимъ зрѣлищемъ ума, оригиналь для типографіи. И, однако-жъ, я писалъ, такимъ образомъ, свою эстетическую книгу, свои критическія статьи! И это существуетъ!.. Но зато

теперь... сто-двадцать-пять тысячъ франковъ наличными деньгами... Долги уплочены... и мой талантъ, мои интеллектуальныя силы могутъ развиваться свободно, не стѣснимыя будничными, мелочными заботами. Отъ 30 до 40 тысячъ франковъ въ годъ... при этихъ условіяхъ, мнѣ достаточно трехъ лѣтъ для того, чтобы добиться славы... да и этого даже много... довольно одного года. Этотъ великолѣпный сюжетъ романа начинаетъ меня волновать не на шутку... Сто-двадцать-пять тысячъ! И въ самомъ дѣлѣ, жить буржуазно, по-тарасконски, на 5 или на 6 тысячъ франковъ въ годъ... развѣ это было возможно? Опять картофель и чадающая лампа! И моя прелестная жена, моя Маргарита, о! какъ я люблю ее — стала-бы возиться на кухнѣ... пеньюръ ея пропитался-бы масломъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Это немисливо. Необходимы были кухарка, лакей... словомъ — приличная обстановка... А кормить обѣдами литераторовъ! Желудокъ хорошо пообѣдаваго собрата бываетъ иногда благодаренъ... Нужно умѣнье устроить жизнь свою... такой человекъ, какъ я, созданъ для того, чтобы проживать миллионы.

Такъ мечталъ Октавъ де-Шанлозёръ, развалиась, съ сигарой въ зубахъ, на розовомъ штофномъ диванѣ, въ своемъ обширномъ рабочемъ кабинетѣ. На мягкомъ фонѣ старинныхъ обоевъ выдѣлялись бѣлыя статуи Марса и Вахуса, нѣсколько старомодныя, но еще приличныя, которыми онъ нашелъ нужнымъ декорировать комнату. Два большихъ книжныхъ шкафа глядѣли другъ на друга, стоя у противоположныхъ стѣнъ, и на одномъ изъ нихъ красовался терракотовый бюстъ автора „Лычического элемента въ искусствѣ христіанскихъ народовъ“. Въ углу находилось фортепіано. Посреди кабинета стоялъ дубовый письменный столъ съ монументальной чернильницей. Въ глубинѣ — два зеркала, безконечно продолжали комнату, отражая въ себѣ ея перспективу. И на все это падалъ сверху мягкій полусвѣтъ изъ большого, завѣшаннаго сторой, окна.

Квартиру эту, находившуюся въ улицѣ Монсе, въ глубинѣ двора, годъ тому назадъ занималъ художникъ, творецъ Марса и Вахуса; онъ задолжалъ за нее, и хозяинъ изгналъ жильца, оставивъ себѣ боговъ. Теперь, когда здѣсь, кромѣ двухъ сыновъ Юпитера, помѣщался еще Октавъ де-Шанлозёръ, флигель этотъ, ходившій прежде за 3,600 франковъ, стоилъ 4,700.

Остальная часть квартиры состояла изъ трехъ комнатъ: одна

служила будуаромъ, другая изъ стараго дуба—столовой. Вообще это былъ очень пріятный и совершенно „порядочный“ уголокъ, достаточно уединенный, съ двумя деревьями, по обѣимъ сторонамъ крыльца и съ газономъ въ видѣ полукруга передъ окнами.

Пріѣхавъ въ Парижъ съ женой своей и съ своими 125 тысячами франковъ, литераторъ, остановившійся въ Grand-Hôtel'ѣ, употребилъ не болѣе двухъ недѣль на отысканіе и меблировку этого гнѣздышка. Когда послѣдній стулъ былъ поставленъ на свое мѣсто, Октавъ привезъ сюла Маргариту и сказалъ ей тономъ короля, дарящаго драгоцѣнную парюру...

— Достойно-ли это моеи возлюбленной? Если хотъ малѣйшая вещь оскорбляетъ здѣсь ея взоры, мы сейчасъ пойдемъ въ другое мѣсто...

Но она, широко раскрывъ глаза, съ удивленіемъ разсматривала это великолѣпіе. Избалованная дѣвочка, воспитанная какъ единственная наслѣдница, даже своей матерью, которая, будучи полной властительницей въ домѣ, имѣла претензію вести все хозяйство одна,—Маргарита не способна была сразу опредѣлить, соотвѣтствуетъ-ли цѣнность извѣстной вещи средствамъ того кошелька, изъ котораго за нее платили. Тѣмъ не менѣе Октавъ замѣтилъ у нея маленькую складку между бровями.

Онъ сѣлъ на диванъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и повторилъ ей громко все то, что онъ говорилъ мысленно себѣ самому, два дня тому назадъ, на томъ-же самомъ мѣстѣ, и что развивалъ уже однажды вечеромъ на берегу Роны капитану и женѣ его, т. е. именно, что такому растенію, какъ онъ, необходима особенная почва, что успѣхъ его творчества обуславливается счастливыми впечатлѣніями, и что книга,—книга, которую онъ пишетъ, принесетъ ему и славу, и золото...

— Я хочу, прибавилъ онъ, чувствовать въ тебѣ широкое сердце, широкія надежды!

Она поцѣловала его и отвѣчала, граціозно кивнувъ головою и снова обведя глазами чудеса его кабинета:

— Папаша-то ничего... Онъ будетъ по-прежнему защищать насъ и сочинять пѣсенки о барашкахъ и птичкахъ... но мамаша!..

— Что-же такое?

— Если она пріѣдетъ въ Парижъ?

— Мы примемъ ее. Кого-же, при блескѣ солнца, смущаетъ

боязнъ, что онъ на другой день не увидитъ его восхода? Солнце вѣчно. Въ древности былъ человѣкъ, носившій мое имя... Октавій, императоръ и богъ, употребившій нѣсколько больше четырехъ тысячъ франковъ на отдѣлку своего жилища; его жена предоставила ему дѣйствовать какъ онъ хочетъ, и родные жены точно также.

И говоря это, онъ гладилъ прекрасные, каштановые волосы Маргариты и тихо цѣловалъ ихъ.

— Этотъ богъ, вѣроятно, одинъ изъ этихъ господъ? спросила она, указывая на бюсты Марса и Бахуса.

— Нѣтъ. Этотъ вотъ—Марсъ, Аресъ, богъ великихъ битвъ, которыя предстоятъ и мнѣ; а тотъ—Бахусъ, Вакхъ, отецъ вина, любви, которая будетъ меня поддерживать въ битвѣ... Не такъ-ли, мой ангелъ?

Она опять поцѣловала его.

Завтракъ, начиная отъ золотистой перепелки, поданной на виноградныхъ листьяхъ, до корзины съ фруктами, былъ самый изысканный. Октавъ потребовалъ къ себѣ кухарку, г-жу Олимпію, очень внушительную особу, которую Маргарита видѣла только мелькомъ, и выразилъ ей свою благодарность. Она приняла ее вѣжливо, какъ должно и удалилась.

— Г-жа Олимпія, сказалъ онъ потомъ, — артистка, служившая только у первоклассныхъ писателей: у А. Дюма, Ламартина, и по-истинѣ можетъ считаться сотрудницей ихъ. Такъ-какъ организмъ нашъ отъ мизинца ноги до мозга непрестанно восстанавливается, то ты поймешь, другъ мой, необходимость тонкой кухни...

— Словомъ, сказала она весело, — книги не напишишь питаюсь супомъ съ капустой...

— Именно.

Она прибавила:

— Г-жа Олимпія пользуется прекраснымъ здоровьемъ... Такъ-какъ она сотрудница литераторовъ, то и ей, должно-быть, нельзя обойтись безъ тонкой кухни для восстановления своего организма.

Она такъ мило смѣялась, что Октавъ, который сначала было нѣсколько нахмурился при ея словахъ, самъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Талантъ нужно уважать, въ какой-бы формѣ онъ ни проявлялся, продолжалъ Октавъ, указывая на остатки завтрака. — У

г-жи Олимпии положительный талантъ. Кроме того, она умѣетъ жить... это одна изъ тѣхъ служанокъ, которыя всегда почти-тельны... и знаютъ цѣну писателю. И если я прибавлю еще, что въ кругъ обязанностей ея входитъ также устранять отъ моей возлюбленной, дорогой Маргариты всякія непріятныя, хозяйственныя заботы, то кухонный вопросъ будетъ весь исчерпанъ и мы можемъ не возвращаться къ нему болѣе... не такъ-ли?

Онъ взялъ ее за руку и опять повелъ въ кабинетъ. Здѣсь, закуривъ сигару, онъ сѣлъ на диванъ лицомъ къ богу Марсу и мало-по-малу погрузился въ раздумье. Когда онъ поднялъ глаза, на сидѣвшую подлѣ него Маргариту, — они были увлажнены слезами.

— Боже мой! воскликнула она, — ты плачешь?

— О! моя несравненная, дорогая! отвѣчалъ онъ. — Скажи: вѣдь ты никогда не думала и не будешь думать, что тамъ, въ Провансѣ, къ моему обожанію могла примѣшаться, хоть на минуту, какая-нибудь корыстная мысль...

Она зажала ему ротъ обѣими руками, съ улыбкой безконечнаго довѣрія и сама расплакавшись при видѣ слезъ его. Онъ упалъ къ ногамъ ея и съ благоговѣніемъ цѣловалъ ея колѣна, произнося восторженные рѣчи. Потомъ всталъ, все еще взволнованный, закурилъ другую сигару и продолжалъ медленно:

— Послушай. Мнѣ нужны всѣ твои мысли, всѣ твои минуты, все твое удивленіе! Потому-что въ этомъ заключается любовь женщины.

— Вотъ онъ! сказала она.

— Мнѣ нужны онъ въ особенности потому, что я теперь вынашиваю въ себѣ произведеніе... Видишь-ли... гений не можетъ создать ничего совершеннаго безъ вліянія женщины... Г-жа Микаэль, г-жа Корнелисъ, жили у ногъ мужей своихъ.

Она спросила:

— Для чего ты мнѣ говоришь это?

— Всѣ твои минуты, твои мысли нужны мнѣ потому... Онъ принявъ ребяческій видъ и ребяческимъ тономъ прибавилъ: — потому-что я долженъ постоянно чувствовать подлѣ себя присутствіе ангела-хранителя...

Она обняла его и прижала его голову къ груди своей, какъ-бы желая втиснуть его въ свое сердце.

— Да! охраняй меня... береги... Но замѣтивъ, что по лицу

Маргариты, при этих нѣскольکو разѣ повторенныхъ словахъ, пробѣжала тѣнь удивленія, онъ вдругъ переѣвилъ тонъ.

— Я хочу также, сказалъ онъ, — чтобы ты развлекалась; чтобы моя звѣздочка блистала здѣсь... Свѣтъ для меня необходимъ. Онъ не повредитъ и тебѣ. У насъ будутъ обѣдать артисты, литераторы, журналисты. Я ужъ тебѣ представлялъ нѣкоторыхъ третьяго дня, въ театрѣ Гупнасе: знаменитаго Дольсина, подвизающагося во всѣхъ рядахъ — отъ репортерскихъ замѣтокъ, до лирическаго романа; ловкій малый. Какъ ты нашла его?

— Онъ показался мнѣ довольно сухъ.

— Сухъ? Помилуй, онъ наводняетъ витрины книгопродавцевъ, газетные столбцы, театры... По восьмисотъ строкъ въ день писать!

— Что онъ написалъ замѣчательнаго?

— Ничего. Это современный умъ... маленькая электрическая машинка, приводимая въ движеніе не столько нуждой, сколько желаніемъ производить шумъ. Черезъ сто лѣтъ онъ будетъ носить въ карманѣ электрическую типографію и выпускать каждый день по тому, совсѣмъ сброшюрованному. Дольсина съ своей макулатурой завладѣютъ всѣми... и потопятъ всякій талантъ, если люди, подобныя мнѣ, не положатъ предѣлъ наплыву этой посредственности. Ты видѣла также Ребува съ круглымъ и толстымъ лицомъ?

— У котораго такіе живые глаза, такой остроумный видъ?

— Ва! Ничего основательнаго... никакой устойчивости. Мелкій журналистъ. А старшій Бланшонъ, вѣчный классикъ? А г-жа Бансъ, растрепанная муза, которая кланяется каждый разъ, какъ пронесутъ имя „великаго учителя“; и Бансъ, ея мужъ, популярный романистъ, отыскивающій во всѣхъ салонахъ бѣглыхъ каторжанковъ, для того, чтобы разспросить у нихъ ихъ исторію? Въ будущей понедѣльникъ я справляю новоселье. Ты всѣхъ ихъ увидишь здѣсь, — не считая людей серьезныхъ... Теперь пойдемъ погулять.

Въ то время, какъ она надѣвала передъ зеркаломъ шляпку, онъ вдругъ вскрикнулъ, ударивъ себя рукой по лбу. Маргарита обернулась и увидѣла, что онъ подбѣжалъ къ письменному столу и сѣлъ.

Онъ лихорадочно написалъ нѣсколько строкъ, перечиталъ ихъ, и всталъ весь сіяющій.

— „Ее любилъ императоръ! Безподобно... это настоящая находка!.. Ея смерть... Императрица узнаетъ все... Какое вліяніе на политику оказываютъ сердце и желудокъ земныхъ властителей... Рядъ потрясающихъ сценъ, блестящихъ эффектовъ. Онъ ходитъ по своему кабинету... разговаривая самъ съ собой... Да! очевидно, императоръ долженъ полюбить ее... Это огромный элементъ интереса. Удивительно, что эта идея раньше не пришла мнѣ въ голову. Теперь книга моя стала на ноги!“ И, обратясь къ Маргаритѣ, которая неподвижно слушала его, держа въ рукахъ ленту своей шляпки, онъ произнесъ съ жаромъ: — Императоръ любилъ Изабеллу де-Ріонъ. Она выходитъ замужъ за посланника Бурда, который уѣзжаетъ въ Японію одинъ, потому что жена его больна. Она влюбляется въ своего доктора, у котораго уже есть любовница, нѣкогда бывшая любовницей императора. Это Миранда — бывшая оперная пѣвица. Ей попадаютъ въ руки письма Изабеллы и она, чтобъ отомстить соперницѣ, отправляетъ ихъ къ посланнику. При этомъ извѣстіи несчастная Изабелла лишаетъ себя жизни. Я уже говорилъ тебѣ объ этомъ.

— Нѣтъ.

— Это фактъ. Я зналъ дѣйствующихъ лицъ. Они списаны у меня съ натуры. Сильныя страсти... борьба! Но, главное, императоръ! Императрица!.. Какая великолѣпная идея!

— Это вліяніе завтрака, весело сказала Маргарита, завязывая свою шляпку. — Надо сообщить объ этомъ г-жѣ Олимпіи...

— По возвращеніи съ прогулки, отвѣчалъ онъ, также смѣясь.

ГЛАВА II.

„Сегодня вечеромъ, въ улицѣ Монсе состоится праздникъ, о которомъ говорятъ уже цѣлую недѣлю. Нашъ собратъ, Октавде-Шанлозѣръ, справляетъ новоселье. Множество приглашеній разослано журналистамъ, романистамъ, художникамъ, пѣвцамъ“...

Это извѣстіе, съ различными вариантами, напечатано было въ нѣсколькихъ утреннихъ газетахъ. Вечеромъ, прежде всѣхъ яви-

лись на праздникъ Бланшонъ и Ребюкъ, о которыхъ Октавъ уже говорилъ Маргаритѣ.

Бланшонъ, послѣдній классикъ, какъ его называли, маленькій человѣчекъ, уже въ лѣтахъ, съ добродушной физиономіей XVII вѣка, длинный, спокойный, гладко-выбритый, — кромѣ короткихъ усовъ. Призраками того-же вѣка казались его устарѣлые башмаки и чернѣйшій фракъ, очевидно, выкроенный изъ сюртука. Бланшонъ, въ эту минуту, существовалъ еженедѣльной хроникой въ „Искрѣ“, получая за нее по 40 франковъ, — составлявшихъ, впрочемъ, его обычный доходъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ вступилъ на литературное поприще. Добрый и не глупый человѣкъ, онъ съ гордостью приписывалъ всѣ свои неудачи своей непоколебимой вѣрѣ въ Расина. Когда-то онъ посвятилъ нѣсколько строчекъ книгѣ „О вліяніи языческаго элемента на искусство христіанскихъ народовъ“, чѣмъ и объясняется его приглашеніе на праздникъ Октава де Шанлозѣра.

— Первымъ явился ты... сказалъ ему съ живостью Ребюкъ, очутившись съ нимъ вдвоемъ въ рабочемъ кабинетѣ, служившемъ гостиной. — Ты... потому-что въ дверяхъ я пропустилъ тебя впереди.

— Богомъ поручено принять насъ, сказалъ Бланшонъ, указывая на Марса и Бахуса.

Ребюкъ поклонился бюстамъ.

Это былъ толстый малый съ веселымъ лицомъ, круглымъ какъ луна, и съ лѣнливой походкой. Онъ дѣйствительно былъ лѣнтаяй и лѣнился съ любовью; тонко развитый вкусъ, еще болѣе нежели лѣнность, заставлялъ его бояться пера, къ которому онъ прибѣгалъ только вслѣдствіе нужды. Его маленькіе, смѣющиеся глазки, поразившіе Маргариту, умѣли въ особенности подмѣчать слабыя стороны его литературныхъ собратьевъ. Друзьямъ Ребюка хорошо извѣстна была страсть его мистифировать глупцевъ и необыкновенная ловкость, съ которой онъ заставлялъ ихъ обнаруживать въ полномъ блескѣ свое тщеславіе. Это занятіе наполняло большую часть времени въ его жизни. Онъ такъ-же былъ хроникеромъ въ „Искрѣ“, вмѣстѣ съ Бланшономъ, котораго любилъ за твердость его литературныхъ убѣжденій и за его добродушіе.

Хозяинъ и хозяйка дома не успѣли поздороваться съ ними,

какъ появились новые гости: два репортера съ ихъ женами и Шебассю, секретарь великаго критика Редоле.

— Шебассю одинъ... Редоле не считаетъ еще этой столовой достойною своего рта, шепнулъ Ребюеъ Бланшону. — Ва! Это кто тамъ вошелъ? Великолѣпіе! Г-жа Кансъ и ея супругъ; два популярныхъ романиста, соединившіеся для размноженія фельетоновъ во всей вселенной... Господи! Какое платье! Широкія чернильныя полосы по желтому маисовому полю... Это блескъ романтизма, — ея бога, котораго тебѣ пора-бы признать, наконецъ, Бланшоновъ, — жалкій нечестивецъ!

— Не говори ты мнѣ объ этомъ грубомъ малеваньи, объ этихъ уродливыхъ антитезахъ, о всей этой трескучей фальши!

— „В. Гюго и его міра!“ Г-жа Кансъ написала: *Викторъ Гюго и его міра*. Мы умремъ, а она будетъ жить. Пусть только черезъ тысячу лѣтъ какой-нибудь добросовѣстный, трудолюбивый комментаторъ отроетъ вѣхъ до одинаго сателитовъ солнца, — и г-жа Кансъ тотчасъ-же предстанетъ въ своемъ желтомъ маисовомъ, съ черными полосами платьѣ, передъ лицомъ СХХХVІІІ вѣка! А ты... гдѣ ты будешь тогда! Созерцай этотъ огромный лобъ, съ котораго разбѣжались пораженные ужасомъ локоны... Этотъ лобъ погубилъ ее, заставивъ броситься въ литературу, какъ Понсонъ-дю-Тераль погубилъ ея мужа, добродѣтельнаго Канса. Мы всегда — чьи-нибудь жертвы... Ты, другъ мой, жертва *Виргиліа*! Кансъ былъ прежде куаферомъ, и если-бы не Понсонъ, онъ до сихъ поръ причесывалъ-бы и себя и жену, которая такъ нуждается въ этомъ... и могъ-бы покупать себѣ перчатки...

— Онъ и такъ въ красныхъ перчаткахъ.

— Вовсе нѣтъ. Это его руки, обогранныя кровью и дебютировавшія „Трупомъ въ чемоданѣ“. Вниманіе!.. Вотъ толстая г-жа Дольсинна, вся голубая... чистѣйшій сапфиръ; и самъ великій Дольсинна... Онъ ужъ не пишетъ по 800 строкъ въ день...

— Какъ?

— Онъ пишетъ по 900. Съ какою нѣжностью смотритъ на насъ г-жа Дольсинна... ей хочется, чтобъ завтра сказали нѣсколько словъ объ ея супругѣ въ „Искрѣ“... Поди, расклаваясь.

— Всѣмъ здѣсь хочется, чтобъ о нихъ сказали нѣсколько словъ... проворчалъ старый классикъ. А хозяину дома хочется,

чтобъ ему посвятили цѣлую хроникю. Онъ для того и зоветъ насъ. И мы являемся. Это постыдно...

— Пойдемъ, пойдемъ, Бланшонъ, возразилъ Ребюкъ, увлекая его за собой. — „Исполняй свой долгъ и предоставь остальное богами!“

Они раскланялись съ г-жей Дольсинна и ея пятидесятилѣтнимъ, худощавымъ супругомъ, у котораго были глаза бѣлки и черствая физиономія. Потомъ Ребюкъ сталъ смотрѣть, не безъ удовольствія, какъ Маргарита принимала гостей своихъ. Свѣжая, какъ цвѣтокъ, въ лиловомъ платьѣ, чуть-чуть декольтированная, она, видимо, была смущена и краснѣла при каждомъ новомъ имени. „Вѣроятно, еще знаменитость“, думала она, и этотъ милый провинциализмъ, въ соединеніи съ тарасконскимъ акцентомъ, придавалъ ей особенную привлекательность.

— Это прелестнѣйшій ребенокъ... это музыкальная грація! прошепталъ восхищенный Ребюкъ.

— Г. Миссоль! Г-жа Миссоль!

Миссоль былъ издатель. Только его и поджидали, чтобъ сѣсть за столъ. Онъ занялъ мѣсто по правую сторону отъ хозяйки, согласно обычной привилегіи издателей, — лицъ священныхъ, на всѣхъ литературскихъ обѣдахъ. Дольсинна, у котораго былъ орденъ почетнаго легіона, посадили по лѣвую сторону, на что онъ, впрочемъ, имѣлъ здѣсь, по своей роли въ журналистикѣ, — и болѣе правъ, нежели остальные. Это сосѣдство сначала нѣсколько стѣсняло Маргариту; но превосходный обѣдъ, открывшійся великолѣпнымъ пюре изъ томатовъ, вскорѣ такъ оживилъ гостей, что и къ ней возвратилась ея обычная веселость.

Этотъ супъ, и всѣ блюда, слѣдовавшія за нимъ, — въ особенности-же фаршированный фазанъ подъ соусомъ, названнымъ въ честь хозяйки „Provençale-Marguerite“, — произвели фуроръ... Собесѣдники, обращаясь къ г-жѣ Шанлозѣрь, разсыпались въ похвалахъ этому великолѣпному соусу ея родины...

— Вы ошибаетесь, господа, сказала она съ живостью, — это соусъ, вашъ... здѣшній. Я ѣмъ его въ первый разъ. Г-жа Олимпія еще покажетъ вамъ свое искусство. Она еще не то приготовить вамъ... Она знаетъ, что нужно писателямъ...

Въ словахъ этихъ не было ничего, но голосъ, тонъ, наружность говорившей, — привели всѣхъ восторгъ. Ребюкъ, умъ кото-

раго, такъ-же какъ и желудокъ, умѣлъ быть благодарнымъ, выказалъ особенно шумную радость.

— Соусъ побить, уничтоженъ, шепнулъ онъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Бланшону. — Это очаровательное созданіе затмило ихъ... Что ты скажешь о ней?.. Это-ли еще не прелесть!

Сосѣди слышали его. Ребюкъ пользовался репутаціей человѣка, воспламеняющагося какъ соломенка способнаго въ два часа пылать страстью къ одной женщинѣ, въ два съ половиной — къ другой, и въ два три четверти — къ третьей.

Надъ этой способностью его сердца стали трунить; сначала тихонько, потомъ вслухъ; и мало-по-малу на сцену выступилъ вопросъ о любви и бракѣ... Разговоръ оживился. Октавъ принялъ въ немъ участіе, говорилъ свысока, докторально, какъ человѣкъ, желающій, чтобъ его слушали. Онъ уже нѣсколько минутъ излагалъ „соціальный законъ“ брака, когда Ребюкъ прервалъ его, находя вопросъ достаточно разъясненнымъ. Онъ сказалъ, что, хотя „величіе соціального закона“ особливо послѣ того, что было о немъ сейчасъ сказано, кажется ему яснѣе солнца, но что онъ довольствуется однимъ признаніемъ его, не чувствуя себя достойнымъ навидывать себѣ на шею веревку. Маргарита не замѣтила, что мужъ ея подался впередъ, желая продолжать прерванную рѣчь; и такъ-какъ Ребюкъ забавлялъ ее, то упоенная своимъ первымъ успѣхомъ и всеобщимъ одушевленіемъ, она съ южной живостью и непринужденностью сказала:

— Часто опутываютъ себѣ шею столькими нитками, что это стоитъ веревки.

Это словцо имѣло такой громкій и продолжительный успѣхъ, что Октаву пришлось оставить свое краснорѣчіе при себѣ. Онъ тоже смѣялся, но какъ-то искусственно. Ребюкъ, аплодируя, подмигнувъ Бланшону и сказалъ шопотомъ: „Онъ непременно сдѣлаетъ сцену этому наивному ребенку“.

Принесли шампанское. Издатель Миссоль всталъ и, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, съ широкой улыбкой на влажныхъ губахъ произнесъ:

— Милостивые государи и государыни. Я буду кратокъ. За писателя! За супруга! По обстоятельству, что я первый напечаталъ имя Октава де-Шанлозера на оберткѣ, замѣчательной по своимъ ученымъ достоинствамъ, книги: „О вліяніи языческаго элемента

на искусство христіанскихъ народовъ“, даетъ мнѣ законное право привѣтствовать и здѣсь это имя какъ надежду нашей литературы... я говорю: какъ надежду, — для того, чтобы не оскорбить его скромности. Я пью также за кроткую вдохновительницу таланта... (Здѣсь, Миссолю, съ той-же улыбкой обратился къ Маргаритѣ) за граціознѣйшую и остроумнѣйшую изъ женщинъ!

— Bravo, bravo!

Вслѣдъ затѣмъ Дольсинà, заплетавшимся языкомъ, провозгласилъ тостъ за успѣхъ ожидаемой книги, которою, вѣроятно, въ скоромъ времени подаритъ публику „честное, желѣзное, огненное перо Октава де-Шанлозѣра“. Зеленые глаза толстой г-жи Дольсинà, устремленные на Маргариту, казалось, говорили: „Торопи, торопи, душечка, своего муженька, сколько хочешь... Насъ не догонитъ. Мы уже 77 томиковъ высидѣли, не считая мелочей“.

Октавъ поднялся съ своего мѣста, обвелъ глазами собесѣдниковъ и, протирая руки, какъ добрый хозяинъ, началъ:

— Друзья мои... мои наставники!..

— О! о!..

— Приношу благодарность Миссолю и Дольсинà отъ имени г-жи Шанлозѣръ и отъ своего. Одиѣтъ изъ нихъ, любезно напомнивъ о моихъ первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ, сказалъ, что видитъ во мнѣ надежду...

„Увы!“ подумалъ, вздохнувъ, Бланшонъ.

— Другой, — говоря объ ожидаемой книгѣ, пилъ за ея успѣхъ... Благодарю. Но оставишь мою личность. Что она такое въ сравненіи съ вашими, въ сравненіи съ великими литературными именами нашего времени!

— Есть только одно великое имя, —единственное какъ Гималай! повелительно прервала г-жа Кансъ, съ такимъ жаромъ, и такъ порывисто закинувъ назадъ голову, что локонны, разбѣжавшись, обнажили весь ея обширный лобъ и даже лишенные волосъ мѣста за ушами.

— И въ особенности, продолжалъ Октавъ, возвышая голосъ, — что я такое передъ необъятнымъ искусствомъ? Господа! Старая формы рушатся... новое искусство должно народиться... таковъ неизбѣжный законъ развитія. Какое оно будетъ? Одинъ изъ васъ повѣдаетъ намъ это. Пробыетъ часъ — и это произведеніе появится,

и однимъ взмахомъ своихъ могучихъ крыльевъ взнесётся къ сіяющимъ высотамъ безсмертія! Я пью за будущее произведеніе!

Этотъ, исполненный колоссальнаго бахвальства, спичъ, произнесенъ былъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой, повидимому, душевной невинностью, что собесѣдники захопали, хотя и не совсѣмъ смѣло, поглядывая другъ на друга, а Ребюкъ даже подаль знакъ во вторичному залу рукоплесканій. Маргарита, улыбающаяся, видѣла во всей этой рѣчи только красоту жеста и интонаціи.

Послѣ обѣда перешли въ кабинетъ, гдѣ слышался, во время стола, какой-то стукъ. Довольно большая кучка рабочихъ едва успѣла выйти оттуда...

Крикъ общаго удивленія вызвалъ зрѣлище, представившееся гостямъ. Кабинетъ превратился внезапно въ тропическій садъ, освѣщенный матовыми шарами молочной бѣлизны. Тонкое благоуханіе разпространялось по комнатамъ, выходя изъ курильницъ, поставленныхъ у подножій сыновъ Юпитера, которыя, въ качествѣ „языческаго элемента“, примѣшавшагося къ этой современной декораціи, могли, послѣ краснорѣчія Миссоля, снова напомнить о первомъ произведеніи хозяина дома.

Въ глубинѣ, нѣсколько ступенекъ вели на небольшую эстраду, представлявшую нѣчто въ родѣ сцены, закрытой пурпурнымъ занавѣсомъ. Въ одномъ изъ угловъ, около занавѣса, возвышался терракотовый бюстъ Октава.

Всѣ обращались съ комплиментами къ Маргаритѣ, выхваляя вкусъ ея, но она, казалось, была удивлена болѣе всѣхъ, потому-что мужъ ея только мелькомъ сказалъ ей о планѣ этого праздника и объ этомъ волшебномъ превращеніи.

— Я не ожидала увидѣть ничего подобнаго, сказала она ему, когда они на минуту остались одни позади Бахуса. — Какъ это все хорошо!..

— Все это для тебя, отвѣчалъ онъ. И потомъ, удержавъ ее, довольно серьезнымъ взглядомъ, прибавилъ: — Ты должна нѣсколько сдерживать свою южную живость.. Мы здѣсь въ Парижѣ. Этотъ намекъ за столомъ на Олимпію...

— А!

— И то, что ты сказала Ребюву...

— О веревкѣ?.. Ахъ Боже мой! И она съ грустнымъ видомъ спросила: — Значить, я лучше-бы сдѣлала если-бы промолчала?

— Может быть.

Лакей возвѣстилъ:

— Г. и г-жа Грендоръ. Г. Бранди. Г. Шантени съ дочерью. Г. Вуэттъ.

Мargarита съ Октавомъ пошли имъ на встрѣчу. Гости являлись группами. Двадцать минутъ спустя, кабинетъ, столовая, въ которой все уже было прибрано, будуаръ и еще одна комната наполнились народомъ: литераторами, художниками, журналистами, пѣвцами. Въ ожиданіи концерта, гдѣ должны были участвовать бассъ большой оперы, итальянскій теноръ и двѣ пѣвицы комической оперы, которыя не могли явиться раньше 12 часовъ, вздумали разыграть подъ руководствомъ Ребюка шараду. Вскорѣ сцена наполнилась актерами, въ невозможныхъ причесахъ, въ костюмахъ, сдѣланныхъ изъ вывороченнаго на изнанку платья, изъ занавѣсокъ изъ разныхъ лоскутьевъ; и началось представленіе импровизированнаго фарса, самаго шутовскаго, полнаго необузданной веселости, приправленнаго каламбурами, остротами, намеками. Публика хохотала. Margarита была сначала поражена; но потомъ, увлекшись общимъ потокомъ, дала полную волю своей веселости... Ребюкъ въ бѣломъ платьѣ изображалъ великосвѣтскую барышню, а Бланшонъ въ огромномъ капюшонѣ монахини — ея няньку. Фарсъ окончился торжественной процессіей и когда публика пожелала узнать „цѣлое“ шарады, г-жа Кансъ провозгласила имя хозяина. Champ-lai-seur.

Октавъ отвѣчалъ рѣзкимъ, нервнымъ, безконечно-наивнымъ смѣхомъ, въ которомъ звучала нота страшнаго самодовольства. Потомъ начался концертъ. За ужиномъ Ребюкъ, желавшій убѣдиться въ справедливости своего предположенія, относительно того, что было сказано позади статуи Бахуса, нѣсколько разъ предоставлялъ Margarитѣ случай блеснуть остроуміемъ, но она молчала, боясь снова проговориться; и только улыбалась, слушая его веселыя выходки..

На разсвѣтѣ, за послѣднимъ бокаломъ шампанскаго, г-жа Кансъ, прижавъ руку въ своему желтому съ черными полосами сердцу, произнесла экспромтъ, обращенный къ хозяйкѣ дома. Экспромтъ этотъ доставилъ Margarитѣ большое удовольствіе и чело ея окончательно прояснилось.

— Если эти стихи вамъ нравятся, сказала г-жа Кансъ, нагнувшись къ ея уху, — то я перепису вамъ ихъ...

— Ахъ, пожалуйста! Я ихъ пошлю папашѣ, отвѣчала Маргарита.

Октавъ, прощаясь съ гостями, объявилъ имъ, что два раза въ мѣсяцъ по понедѣльникамъ, у него „обѣдаютъ“.

ГЛАВА III.

На другой день газеты превознесли до небесъ всё чудеса этого праздника: — обѣдъ и ужинъ, приготовленные Шеве и г-жей Олимпъ; параду, концертъ, тонкій вкусъ хозяина дома, грацію, и оригинальный умъ г-жи де-Шанлозёръ, „похищенной Парижемъ у Прованса“, говорила „Искра“.

Октавъ, пробѣгая газеты одну за другой, передавалъ ихъ Маргаритѣ, которой эти комплименты, расточаемые ей Парижемъ, повидимому, были далеко не неприятны...

— Я боялась, сказала она наивно, — чтобъ меня не нашли слишкомъ бойкой, какъ ты.

Полюбопытствовать, во что обошлось имъ все это великолѣпіе пришло ей въ голову только тогда, когда было получено письмо отъ г-жи Кастанъ, освѣдомлявшейся объ этомъ у дочери, потому что тарасконская газета, въ свой чередъ, помѣстила у себя подробное описаніе роскошнаго праздника, происходившаго въ улицѣ Монсе.

Г-жа Кастанъ выражала желаніе видѣть счетъ Шеве, узнать, кто была г-жа Олимпія и сколько получили оперные артисты, а даже ламповщикъ и садовникъ. — Отвѣтить взялся Октавъ. Онъ написалъ своей тещѣ, что оперные артисты всегда считаютъ за честь пѣть у литераторовъ, находя себя достаточно вознагражденными за это отзывами, которые печатаются о нихъ въ газетахъ. Точно также и Шеве относится къ писателямъ совершенно иначе, нежели ко всѣмъ остальнымъ людямъ. Г-жа Олимпія была кухарка. Вѣсто всякихъ счетовъ онъ преподносилъ своему „дорогому батюшкѣ“ и своей „несравненной матушкѣ“ увѣренія въ нѣжнѣйшей дружбѣ и въ томъ, что супружеское счастье ихъ дочери находится въ надежныхъ рукахъ. Они могли спать совершенно спокойно. Въ заключеніе онъ намекалъ г-ну Кастану, что дѣло объ изданіи книжечки его стиховъ „на мази“. По поводу той-же статейки

въ тарасконской газетѣ Октавъ получилъ письмо отъ капитана Лакомба и Матильды.

— Мы счастливы вашимъ триумфомъ, писала Матильда, но и завидуемъ ему. Увы! Зачѣмъ я не въ Парижѣ? Солнце покинуло Провансъ. Ты унесла его съ собою милая Маргарита. Если-бы ты, воспользовавшись своимъ вліяніемъ, похлопотала, чтобъ полкъ моего мужа перевели въ Парижъ! Тарасконъ — это смерть... это...

— Почтенный капитанъ, сказалъ Октавъ, — какъ видно, не особенно развлекаетъ свою жену...

ГЛАВА IV.

Книга! Книга! Октавъ, однажды утромъ, вдругъ засѣлъ за свой дубовый, письменный столъ, открылъ свою монументальную чернильницу, разложилъ передъ собою свою изящную глянцовитую съ красными каемочками бумагу и принялся писать... Онъ писалъ цѣлое утро, только разъ оторвавшись отъ работы, для завтрака, и написалъ 200 строкъ.

Онъ вставалъ и въ лихорадочномъ волненіи шагаль по кабинету... то бормоча что-то себѣ подъ-нось и покачивая головой, то издавая какія-то восклицанія, то съ мрачнымъ видомъ погружаясь въ молчаніе, потомъ внезапно бросался къ столу какъ солдатъ на непріателя, и перо его начинало скользить по бумагѣ съ изумительной быстротой...

На слѣдующее утро онъ, развалился на диванѣ и съ наслажденіемъ покуривая сигару, отдыхалъ совершенно довольный собою... Отдыхъ продолжался три дня.

— Мой умъ подобно озеру, — разливается только переполнившись... сказалъ онъ однажды Маргаритѣ, не безъ удивленія смотрѣвшей на это долгое лежаніе; воды мысли незамѣтно прибываютъ... прибываютъ... и вдругъ плодотворный разливъ... Такъ, что настоящая-то работа вотъ эта... прибавилъ онъ, опять опускавая тихо голову на подушку дивана и закуривая сигару.

Глаза его нѣсколько минутъ оставались закрытыми. Потомъ онъ открылъ ихъ и продолжалъ:

— Ламартинъ писалъ такимъ образомъ... только тогда, когда чувствовалъ себя переполненнымъ вдохновенія. Онъ вставалъ тогда

въ семь часовъ утра, бралъ десять страницъ большого формата разложенныхъ его камердинеромъ на пюпитрѣ. Перо его летало безъ устали до конца послѣдней страницы. Потомъ, онъ предовался отдыху. И ни одной помарки, другъ мой, ни одной! Камердинеръ сейчасъ-же относилъ въ типографію. Точно также работалъ и Гюго... залпомъ. Все, что напишется тогда — священо. Небо дышетъ... рука пишетъ. — Таланты второстепенные, какъ Мюссе, де Виньи, по три раза передѣлываютъ одинъ стихъ, съ усиленіемъ вужнецовъ. Перо въ ихъ рукѣ — молотъ, которымъ они должны ударять, долго выковывая себѣ форму. Но избранники творятъ безъ труда... безъ усилій... какъ сіяетъ солнце... И только имъ доступна вѣчная, истинная, безсмертная красота... Посмотри то, что я написалъ...

Маргарита нагнулась къ бумагѣ, которую онъ показывалъ.

— Видишь-ли ты хоть одну помарку?

— Нѣтъ, сказала она.

Но, однакожь, когда жена его удалилась, четверть часа спустя, онъ сдѣлалъ нѣсколько помарокъ.

Миръ, въ которомъ она очутилась, былъ для нея до такой степени новъ, — всякія неожиданности такъ быстро сдѣлались одна за другой, что она уже удивлялась только вполонину противъ прежняго.

— Изъ всего этого я вижу, говорила она себѣ, — что я маленькій ребенокъ, не знающій даже азбуки, и что надо, чтобъ мной руководили... Впрочемъ, это такъ пріятно... Онъ не дѣлаетъ помарокъ, но если-бъ онъ и дѣлалъ ихъ, что мнѣ до этого? Развѣ-бъ я тогда меньше любила его?

Когда онъ работалъ, растянувшись на диванѣ и ожидая, чтобъ „озеро его мысли“ переполнилось, или сидя за столомъ и изливая ее на изящную сатинированную бумагу, Маргарита ходила на цыпочкахъ, не давая шумѣть прислугѣ и вообще стараясь окружить его благоговѣйной тишиной.

Это были отрадныя часы. Она садилась въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, противъ статуи Бахуса, съ работой или книгой, и не шевелилась, только по временамъ, поворачивая, какъ птичка, голову, то вправо, то влѣво, чтобъ видѣть откуда дуетъ. Обтавь, на ея глазахъ, то оставался неподвиженъ, подобно мертвецу, то, напротивъ, сильно волновался, дѣлая самыя неистовыя движенія, въ борьбѣ съ сопротивлявшимся вдохновеніемъ, то, наконецъ, спо-

войно сидѣлъ на своемъ стулѣ, высоко держа голову, и писалъ. Потомъ, вдругъ, прерывалъ работу, вставалъ и шелъ къ женѣ своей, съ нѣжными словами, съ ласками и поцѣлуями, или усаживалъ её за фортепіано.

— Сыграй мнѣ, другъ мой, что-нибудь меланхолическое... серенаду Шуберта... Она играла. — Хорошо; теперь изъ Донъ-Жуана или испанскую пѣсенку твоего отца. Хорошо. Ты меня развлекаешь, успокоиваешь... и вѣдь это радуетъ тебя—да?

— О! да... очень.

— И ты всегда будешь развлекать, успокоивать меня?.. Твои мысли всегда будутъ принадлежать мнѣ всецѣло?.. Помни, что въ твоихъ глазахъ не долженъ отражаться ни чей образъ кромѣ моего!

— А въ твоихъ глазахъ не отражается ни чей образъ кромѣ образа Маргариты? спросила она его однажды, взволнованная, когда онъ повторилъ ей эту фразу. Она начинала замѣчать между ласками его значительные интервалы, словно „озеро“ его сердца также медленно наполнялось, какъ и озеро его ума. Онъ улыбнулся.

— Въ моихъ... въ моихъ долженъ отражаться цѣлый міръ...

— Боже мой! вскричала она.

— Міръ искусства.

— Который ты посѣщаешь, когда уходишь изъ дому безъ меня?

— Я бываю у своихъ собратьевъ по профессіи... у холостыхъ...

— У холостыхъ?.. И они живутъ одни?.. Она весело засмѣялась. — Даже здѣсь ты выказываешь такую любезность съ дамами, что число ихъ каждый понедѣльникъ все увеличивается двумя или тремя... Скоро намъ придется разобрать стѣны. Два романиста и польскій теноръ ужъ обѣдали на табуреткѣ въ углахъ.

— Будь привѣтлива, душа моя, съ дамами и поляками... также какъ съ романистами. Я тебѣ говорилъ уже, что положеніе мое обязываетъ меня поддерживать извѣстныя отношенія... И если ты не ревнуешь меня къ пятидесятилѣтней м-ше Кансъ и къ толстѣйшей м-ше Дольсина, то насчетъ другихъ женщинъ ты можешь быть спокойна.

— О! до сихъ поръ я еще боюсь только за будущее!

— Но какая женщина въ мірѣ сравнится когда-нибудь съ моею Маргаритой?

— Да, сказала Маргарита со вздохомъ, — ты говорилъ это вчера, и почти съ такимъ же выраженіемъ въ голосъ, о бутылкѣ бордо: какое вино сравнится съ этимъ? А нѣсколько минутъ спустя отлично попивалъ себя бургонское.

Онъ опять засмѣялся; но потомъ, принявъ серьезный видъ, назвалъ ее своей „вѣчной возлюбленной“.

— Вѣчной?

Она пристально на него посмотрѣла, словно измѣряя, какъ долга эта вѣчность. Сцена эта повторялась нѣсколько разъ. Тѣ часы, когда онъ выказывалъ къ женѣ своей равнодушіе, заставляли ее страдать все сильнѣй и сильнѣй. Однажды, въ полдень, отправившись съ визитами, она вдругъ замѣтила своего мужа, на углу улицы Блши, стоявшаго передъ открытой коляской, въ которой находилась красивая женщина, великолѣпно одѣтая, съ довольно чертвой фізіономіей и мужской развязностью. Обтавъ былъ въ шляпѣ, и, облокотясь на дверцу коляски, повидимому, чувствовалъ себя здѣсь совершенно какъ дома. Онъ стоялъ спиной къ улицѣ Монсе, и не могъ видѣть жены своей. Она нѣсколько отступила, чтобъ имѣть возможность лучше наблюдать ихъ, когда онъ протянулъ незнакомкѣ руку, которую та пожала. Потомъ она кокетливо смѣясь, ударила его слегка своимъ вѣромъ и коляска помчалась.

Возвращаясь домой, онъ замѣтилъ Маргариту, сдѣлавъ серьезный видъ и спросилъ:

— Какъ видно, за мной слѣдятъ?

Она опустила голову, не имѣя силъ отвѣчать.

— Ты видѣла сейчасъ, продолжалъ онъ, — мадмуазель Марквезъ; пѣвицу... героиню моей книги; ту самую, что убила бѣдную посланницу, письма которой она послала ея мужу.

— И ты знаешь съ этой женщиной! Ты разговариваешь съ ней!

— Знаешь и очень доволенъ этимъ, потому-что долженъ изображать ее. Весь Парижъ разговариваетъ съ ней какъ я. Местъ изъ любви, носить въ себѣ нѣкоторое извиненіе...

Онъ, дѣйствительно, зналъ мадмуазель Марквезъ, и довольно близко, такъ-что могъ съ достаточной точностью изобразить пор-

треть этой красавицы, которая рисовалась своимъ преступленіемъ, сдѣлавшимъ ее знаменитостью. Она, за два года передъ тѣмъ, была нѣкоторое время любовницей Октава, продолжавшаго и теперь, отъ времени до времени, посѣщать ее, для того, чтобы лучше проникнуться этой трагической силой и узнать разныя интимныя детали ея исторіи.

А Маргарита приставала къ нему съ своими смѣшными жалобами!

Они вошли. Визиты, конечно, были отложены. Маргарита опустилась на стулъ, закрывъ лицо руками.

— Ты вышла замужъ за литератора, другъ мой, сказалъ онъ серьезно... Повидимому, ты не понимаешь еще настоящаго смысла этихъ словъ.

Она отвѣчала со слезами:

— Не понимаю и никогда не пойму, ни смысла этихъ словъ, ни даже смысла этихъ вещей...

— Надо понять, возразилъ онъ,—по-крайней мѣрѣ, настолько, чтобъ дать мнѣ возможность свободно работать и жить.

Онъ сталъ объяснять ей, съ такою твердостью и въ такой блестящей формѣ, эту свободу, а потомъ, смѣгчившись, и любовь свою къ женѣ, не подвергавшуюся ровно никакой опасности, что Маргарита, мало-по-малу, должна была убѣдиться въ превосходствѣ литераторовъ надъ всѣми мужчинами и даже женщинами, и въ необходимости предоставить полету генія полный просторъ.

Довольный результатами своего объясненія, Октавъ просіялъ и, приласкавъ Маргариту, отправился къ себѣ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда со сверткомъ въ рукахъ.

— Нѣсколько страницъ изъ моей книги, сказалъ онъ любовно.—Хочешь прослушать? Я собирался идти, но останусь.

Это была награда. Въ первый разъ еще онъ знакомилъ ее съ сокровищами своего творчества. Маргарита, опершись локтемъ на столъ и положивъ на руки свою хорошенькую головку, приготовилась слушать.

Онъ началъ.

„Ненависть, страшная ненависть, съ своей жолѣзной душой никогда еще не была облечена ложью въ болѣе чистую, болѣе привлекательную форму... Мракъ и свѣтъ... вѣчная двойственность всего существующаго! Ея золотистые волосы, полу-рыжіе какъ у вене-

ціянокъ, длинныя какъ королевская мантія, пылающіе рубины ея гордо очерченныхъ губъ,—Рафаэль и Рубенсъ виѣстѣ,—и глаза ея, съ глубиной и сапфиромъ которыхъ не сравнится море, носящее свои волны подъ самымъ чистымъ, голубымъ небомъ, все это неодолимо, побѣдоносно влекло къ ней знатокѣвъ съ утонченнымъ вкусомъ, вѣчныхъ искателей драгоценныхъ рѣдкостей. Вотъ она! Она торжествуетъ, сіяетъ... передъ ней преклоняются. Императоръ, могущественный банкиръ, поэтъ, земное и идеальное — все по очереди у ногъ ея. Съ полузакрытыми глазами, съ своей пурпурной улыбкой, она какъ-будто внимательно слушаетъ любовныя признанія, но всѣ мысли ея заняты соперницей, которую она ненавидитъ; средствами поразить ее... эту женщину, осмѣлившуюся отнять у нея одного изъ ея поклонниковъ,—того, котораго она не любитъ“...

Онъ остановился, чтобъ видѣть произведенный эффектъ.

— Эта красавица — мадемуазель Маркезъ? спросила Маргарита.

— Да.

— Я-бы ее не узнала.

— Душа похожа. Я продолжаю, сказалъ онъ, помолчавъ. — Вотъ одно описаніе:

Онъ прочелъ:

„Спускавшіеся сумерки подернули дышкой будуаръ Миранды. Краски на картинахъ Делакруа; висѣвшихъ въ блестящихъ рамкахъ, тускнѣли. Казалось, всѣ предметы погружались въ сосредоточенное раздумье... Мракъ надвигался, поглощая, мало-по-малу, всю нижнюю часть комнаты... и вскорѣ осталось видимо только то, что еще сіяло золотомъ. Мелькнула блѣстка... уменьшилась... исчезла. Облако, смотрѣвшее въ окно, сначала розовое, грязновато-бѣлое, свѣтло - голубое, фіолетовое, блѣдно - зеленое, потомъ черновато-рыжаго цвѣта толченой дубовой коры, мало-по-малу, превратилось въ совершенно черное, какъ китайская тушь. Мебель стояла словно въ изнеможеніи, словно объята дремотой, навѣянной этими сумерками, которые въ небо, изображенное на картинахъ, перенесли настоящее небо, и постепенно отнимали у красокъ лучъ солнца, отбывшаго свою поденщину“.

Октавъ снова остановился и посмотрѣлъ на жену. Никогда еще широко-разкрытыя глаза ея не выражали такого удивленія.

Замѣтивъ въ нихъ, однако-же, нѣкоторое безпокойство, онъ спросилъ ее, не слишкомъ-ли онъ скоро читалъ?

— Нѣтъ, другъ мой, ты очень хорошо читаешь... и такія пріятныя голоса...

— Что ты скажешь о колоритѣ?..

Она почесала себѣ лобъ.

— Я не знаю право... нѣтъ, ты продолжай лучше...

— А!

— Ты знаешь, какъ я мало смыслу...

Она нагнулась къ рукописи и, показывая пальцемъ нѣкоторыя фразы, спросила: „что это значить?“ Между прочимъ, ей были не понятны слова: „только то, что еще сіяло золотомъ“, и также „солнца отбывшаго свою поденщину“.

Октавъ всталъ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, къ которому примѣшивалось глубокое сожалѣніе.

— Это моя вина, бормоталъ онъ сквозь зубы, — моя вина... Слишкомъ сложно... много оттѣнковъ... Первобытная простота ума... Языкъ, очевидно, недоступный... Это моя вина. Значить то, что мнѣ говорили въ Тарасконѣ объ ея равнодушіи къ моей эстетической книгѣ, было справедливо...

Онъ свернулъ свою рукопись.

— О, прошу тебя, другъ мой, сказала она, замѣтивъ, что онъ оскорбился, — объясни мнѣ...

— Въ другой разъ...

Онъ съ такимъ видомъ вошелъ въ свой кабинетъ, что она не осмѣлилась послѣдовать туда за нимъ. Настала часъ обѣда. Явились обычные гости, такъ-какъ это приходилось въ понедѣльникъ.

Г-жа Дольсинъ, поговоривъ съ хозяиномъ дома, торопливо обѣжала всѣ группы, обнадеживая, что г. де-Шанлозѣръ, можетъ быть, прочтетъ нѣсколько страницъ изъ своей книги.

За кофе, въ кабинетѣ, по настоянію нѣкоторыхъ дамъ, къ которымъ присоединились и мужчины, Октавъ вынулъ, наконецъ, изъ стола свою рукопись.

Онъ величественно обвелъ глазами присутствующихъ, казалось, не замѣчая Маргариты, всѣми силами старавшей скрыть ту неловкость, которую она ощущала при мысли о своихъ литературныхъ впечатлѣніяхъ. Онъ началъ съ той авторитетностью въ тонѣ

и жестяхъ, которая сразу говоритъ слушателямъ, что тутъ дѣло не шуточное.

Портретъ ненависти вызвалъ аплодисменты, — въ особенности выраженіе: „утонченныхъ знатоковъ, искателей драгоцѣнныхъ рѣдкостей“. Въ описаніи сумерекъ — всѣхъ восхитило обиліе нюансовъ. Романтическая г-жа Кансъ, встряхнувъ своими локонами, воскликнула:

— Великолѣпно!.. Все это мѣсто неподражаемо... Транссубстанціація внѣшняго во внутреннее... сочетаніе вещей... образность, яркость красокъ! А это „солнце отбившее свою поденщину“, солнце колоссальный, титанический работникъ, окончившій свой дневной трудъ, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы... тривиальность въ величіи... Съ начала до конца безподобно... Мы слушаемъ.

Понятый и ободренный Октавъ, бросивъ бѣглый взглядъ на жену, чтобъ удостовѣриться, что она тутъ, и съ живостью продолжалъ чтеніе. Слѣдовала длинная страница вариаций на тему любви, гдѣ одна и та-же мысль выворачивалась; пятьдесятъ разъ повторялась на разные лады; это былъ подавляющій лексиконъ всякихъ вычурныхъ выраженій, жалкая безсодержательная болтовня, потуги безсильнаго воображенія; и подъ всей этой напускной горячностью чувствовался полѣвѣйшій холодъ.

— Не возводи такъ уныло очей своихъ къ небу, другъ мой, Бланшопъ, сказалъ вполголоса Ребюкъ послѣднему классику, между тѣмъ какъ всѣ аплодировали. То, что мы слушаемъ, по нынѣшнимъ временамъ, еще не такъ плохо... есть шикъ... есть знаніе своего ремесла, хотя въ то-же время и фальши не оберешься. Если въ романѣ будетъ хоть капля внѣшняго интереса, ты увидишь, что всѣ эти описанія ненависти, сумерекъ и любви — вся эта транссубстанціація, какъ выразилась почтенная г-жа Кансъ, будетъ жадно глотаться публикой...

Но Октавъ, продолжая чтеніе, уже рисовалъ силуэтъ императора, съ его блѣднымъ, безстрастнымъ лицомъ и длинными густо нафабранными усами. Онъ стоитъ въ Тюльери у одного изъ оконъ своего кабинета, и видитъ проходящую въ саду женщину, поразительной красоты, подобную тѣмъ гордымъ мраморнымъ богинямъ, мимо которыхъ она крадется словно кошка. Она украдкой кончиками своихъ пальцевъ, обтянутыхъ въ лайковую перчатку *gris perle* посылаетъ ему поцѣлуй.. Императоръ въ отвѣтъ улыбается

и киваетъ ей головой. А позади его, императрица, потихоньку вошедшая въ комнату, стройная, въ простенькомъ сѣромъ платьѣ съ бѣлыми крапинками, отдѣланномъ стеклярусомъ, съ строгими складками, гордо выпрямившись въ полумракѣ, слѣдитъ пылающимъ взоромъ за этой сценой...

Этотъ драматическій эпизодъ, куда авторъ ввѣлъ столь выдающихся лицъ, вызвало у популярнаго романиста Канса, искателя сильныхъ эффектовъ и у его сотрудницы оглушительное браво, подхваченное всѣми присутствующими. Ребенокъ закричалъ: да здравствуетъ императоръ!

— И императрица! Это выдержитъ несмѣтное количество изданій, сказалъ Грендоръ.

Октавъ, съ своей обычной, наивно-самодовольной усмѣшкой и съ сияющей физиономіей, несмотря на просьбы слушателей — продолжать чтеніе, — свернулъ рукопись.

Нѣтъ, онъ не могъ продолжать болѣе; онъ былъ утомленъ. Онъ хотѣлъ только узнать мнѣніе присутствующихъ о его намерѣнн... И онъ обводилъ взоромъ слушателей, считая тѣхъ, которые, подобно волоннымъ волкамъ, съ наслажденіемъ-бы набросились на его идею, на его характеры, на его положенія, на его Миранду. Притомъ-же онъ этимъ чтеніемъ имѣлъ въ виду, преимущественно, дать необходимый урокъ женѣ своей.

Когда послѣдній изъ приглашенныхъ уѣхалъ, Маргарита, до тѣхъ поръ безмолвная, и у которой сердце было переполнено горемъ, со слезами на глазахъ подошла къ мужу.

— Какъ я счастлива! сказала она ему. И съ чего это я вздумала, что могу сказать свое слово о произведеніи, которымъ восхищается Парижъ... Ты прощаешь меня? Скажи?

— Стало-быть, твое впечатлѣніе измѣнилось?

— Нѣтъ, не то, отвѣчала она наивно. — Но имѣи терпѣніе; я добьюсь того, что буду понимать. Я привыкла къ языку слишкомъ простому. Ты, вѣроятно, замѣтилъ, что въ книгахъ, въ театрѣ, только самыя простыя, самыя ясныя вещи трогаютъ меня, заставляютъ плакать или смѣяться. Вотъ что значить пріѣхать изъ Тараскона!

И она подставляла ему свои влажные глазки, свои полуоткрытыя губы.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ? Влѣчатленіе ея не измѣнилось?

Онъ отвернулся въ раздумьи, точно также не понимая ея наивности, какъ она не понимала его литературы.

ГЛАВА V.

14-го ноября того-же года, въ десять съ половиною часовъ вечера, книга „Миранда“ была окончена. Октавъ обѣгалъ уже редакціи всѣхъ большихъ газетъ, но даже тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе нуждались въ матеріалѣ, откладывали печатаніе романа, по крайней мѣрѣ, на полгода. Полгода! Это цѣлая вѣчность.

Фельетонъ—это отличная труба, звуки которой разносятся сотнями тысячъ эхо, и приготовляющая успѣхъ изданію книги. Слава нужна была Октаву сейчасъ-же. Онъ обратился къ „Звѣздѣ“, газетѣ только-что затѣянной Капаромъ, предпринимателемъ громадныхъ построекъ и основателемъ періодическихъ изданій.

Капаръ, воздвигая газеты, также какъ свои дома, на самыя дешевыя средства, ловко умѣлъ придать имъ какое-то подобіе жизни и потомъ выгодно продавалъ ихъ людямъ, горѣвшимъ нетерпѣніемъ видѣть свою прозу въ печати, или распорядиться чужой. Это коммерція—въ соединеніи съ постройками принесла ему уже нѣсколько милліоновъ.

Онъ протянулъ красную, волосатую руку литератору, и выслушалъ предложеніе.

— Романъ можетъ появиться сейчасъ-же, если мы съ вами сговоримся, сказалъ онъ.

Съ Капаромъ всегда можно сговориться, согласившись на ту цѣну, которую онъ тутъ-же предлагалъ прямо и рѣшительно. Романисты называли его: „Два су, три су“. Съ новаго года, къ этому названію прибавился еще вариантъ, потому-что Ребюкъ разослалъ всей литературѣ слѣдующую очень опротно надитографированную карточку: „Капаръ. Неполныя строчки—не въ счетъ“.

„Неполныя строчки—не въ счетъ“ это была вѣчная, заключительная фраза аффериста. Онъ продолжалъ:

— Если вамъ угодно—два су за строчку.

— Я богатъ, г. Капаръ, отвѣчалъ Октавъ, гордо поднявъ голову.

Капаръ наклонилъ голову, какъ человѣкъ, которому этотъ фактъ уже былъ извѣстенъ.

— Если-бъ вы были бѣдны, развѣ я предложилъ-бы вамъ по два су? Газета только-что начинается... два су, это цѣна, которую я даю не всякому... Хотите соглашайтесь — хотите нѣтъ. Это воля ваша.—И онъ принялся барабанить пальцами по письменному столу.—Разумѣется, неполныя строчки — не въ счетъ, прибавилъ онъ.—Вы появитесь въ теченіи будущей недѣли...

— Нѣтъ, сказалъ Октавъ, послѣ минутнаго размышленія.

— Нѣтъ!..

— Первый фельетонъ „Миранды“ долженъ появиться—самое позднее—въ понедѣльникъ. ●

— Э! Сегодня — пятница... гмъ.. гмъ... ну, такъ и быть, пожалуй. Тогда придется свернуть шею соловью, который теперь распѣваетъ въ фельетонѣ газеты... Такимъ образомъ, онъ кончитъ трагически!

Капаръ засмѣялся своей остротѣ.

— Но для приличія, сказалъ Октавъ, —говорите, по крайней мѣрѣ, что вы платите мнѣ по 40 сантимовъ.

— По 40 сантимовъ! Всемогущій Боже! Да этому никогда не повѣрять. Для вѣроятности, положимъ 20.

— Тридцать!

— Двадцать-пять.

— Тридцать!

— Ну, идетъ на 30, если это доставляетъ вамъ удовольствіе. Присылайте рукопись.

Вошли четыре господина и одна дама, — всѣ съ оттопыренными карманами. У дамы толстый свертокъ выглядывалъ изъ кармана какъ изъ окна, словно желая подышать чистымъ воздухомъ.

— До свиданья, любезнѣйшій г. де - Шанлозѣръ! вскричалъ Капаръ.—Такъ, значить, дѣло слажено: 30 сантимовъ строчка. Черезъ три дня—первый фельетонъ!

Вошедшіе разступились, чтобъ дать дорогу этому феномену. Это были: Кансъ, популярный романистъ, съ неопредѣленно-улыбающимися глазами; трое молодыхъ людей, густые вьющіеся волосы которыхъ очень низко спускались на лобъ, по - римски, между тѣмъ какъ волосы дамы, увы! повидимому, давно уже не завивались и значительно порѣдѣли, развѣянные житейскими бу-

рями. — Она имѣла глубоко почтительный видъ. При словахъ: 30 сантимовъ! она даже преклонила голову, и толстый свертокъ выпалъ у нея изъ кармана. Дурно сшитые листики, какъ-бы инстинктивно полетѣли къ ногамъ Капара, который величественно ступалъ по нимъ, провожая Октава. Молодые люди, движимые товарищескимъ участіемъ, подобрали ихъ и возвратили дамѣ. Она торопливо начала приводить ихъ въ порядокъ своими худыми, желтыми пальцами, между тѣмъ какъ тридцати-сантимный авторъ, уходя, пожималъ руку романисту Кансу.

— По шести су, это сколько-же выдѣтъ? спросилъ послѣдній Капара, возвращавшагося въ свой кабинетъ.

— Неполныя строчки не считаются, отвѣчалъ тотъ. — Идея романа, любезный другъ, великолѣпная! Это захватывающая драма... И все построено на дѣйствительномъ фактѣ... А дѣйствующія лица! У-у!..

— Да... Императоръ... Я слышалъ отрывокъ...

— Императоръ и императрица! Это будетъ такой фуроръ! — Онъ удержалъ у себя Канса, потомъ обвѣда взоромъ всѣ оттопырившіеся карманы и свертокъ, который старушкѣ удалось, наконецъ, привести въ порядокъ, сказалъ мягко:

— Очень сожалѣю, господа, но я уже запаса матеріаломъ по крайней мѣрѣ на два года.

ГЛАВА VI.

Первый фельетонъ „Миранды“ появился, какъ было обѣщано, въ понедѣльникъ, въ день обычнаго обѣда у Шанлозера. Всѣмъ собесѣдникамъ уже было извѣстно о 30 сантимахъ... Они понимали, какъ должно теперь смотрѣть на человѣка, къ которому Капаръ отнесся такимъ образомъ. Дѣйствительно-ли онъ далъ за романъ эту цѣну или лгалъ — это было все равно. Давольно было уже того, что Капаръ разглашалъ это...

За десертомъ, г-жа Кансъ вынула изъ кармана „Звѣзду“ и прочла вслухъ весь фельетонъ. Когда дѣло дошло до того мѣста, гдѣ уже ясно выступаетъ главный мотивъ романа, — т. е. именно до послѣднихъ строкъ шестого столбца — всѣ переглянулись между собой. Нѣкоторые вскричали:

— Успѣхъ будетъ дьявольскій!..

— Я до сихъ поръ боялся касаться этого скандала—Маркезъ, сказала Дольсинъ съ постной улыбкой.—Поздравляю тебя, любезный другъ.

— Я тоже боялся, прибавили въ одно время Шебассю, секретарь Редоле, и еще другой.

Октавъ сдѣлалъ жестъ охотника, подстрѣлившаго зайца.

Послѣ пятнадцатаго фельетона, на слѣдующемъ обѣдѣ романъ былъ превознесенъ до небесъ. Газета, печатавшая его, расхотилась уже въ количествѣ двадцати или двадцати-пяти тысячъ экземпляровъ. Успѣху этому преимущественно содѣйствовало появленіе императрицы, тайно слѣдящей за императоромъ, въ то время какъ онъ преступно улыбается изъ окна Мирандѣ, которая проходитъ по Тюльерійскому саду, „соблазнительно покачиваясь на своихъ сильныхъ бѣдрахъ“.

— Конечно! Теперь Октавъ—богъ! сказалъ въ углу Ребюкъ.—Тридцати-сантимный богъ. И вслушайтесь, пожалуйста, въ его божественный смѣхъ... Марсъ на Олимпѣ никогда не смѣялся такъ.— Въ эту минуту, дѣйствительно, Октавъ, передъ статуей Марса принималъ поздравленія мужа и жены Кансовъ, издателя Миссола, надмузель Шантени и отца ея, польскаго тенора,—всѣхъ обычныхъ посѣтителей обѣдовъ.

— Превосходно!.. И главное, ново. Эта сцена въ Тюльери чистая находка! И потомъ языкъ... Помнишь, ты говорилъ, когда справлялъ свое новоселье, о „книгѣ будущаго-то“... а?... Уложилъ въ доску всѣхъ стариковъ!

На всѣ эти комплименты Октавъ отвѣчалъ только своимъ нервнымъ, самодовольнымъ смѣхомъ... Лицо его сіяло; слава начинала туманить его голову.

Это былъ веселый обѣдъ, на которомъ Шебассю, польскій теноръ Крованьскій, и еще двое другихъ гостей—напились до безчувствія, въ честь нравственнаго опьяненія хозяина дома, извинившаго имъ это нарушеніе приличій.

Онъ въ особенности былъ любезенъ съ присутствовавшими репортерами и много разговаривалъ съ ними, и самымъ задушевымъ образомъ.

Въ теченіи этой недѣли, отъ пяти до шести сотъ тысячъ человекъ узнали каждый изъ той газеты, которую онъ постоянно читалъ, что

„по слухамъ, императрица угрожала изъ Чизльгерста процессомъ Октаву-де-Шанлозёру, автору романа „Миранды“, коснувшемуся частной жизни императорскаго семейства, и что съ другой стороны министерство имѣло намѣреніе воспретить высылку „Звѣзды“ въ ту страну, гдѣ посланникъ *** былъ представителемъ Франціи“. Въ газетахъ сообщалось также, что „пѣвица, выведенная романистомъ, отнынѣ знаменитымъ, покупала каждый день 150 экземпляровъ „Звѣзды“ для разпространенія ея“.

Въ „Звѣздѣ“ не замедлилъ появиться слѣдующій отвѣтъ, напечатанный на самомъ видномъ мѣстѣ: „Если императрицѣ, какъ инсинуируютъ нѣкоторые листки, дѣйствительно угодно возбудить противъ нашей газеты и Октава-де-Шанлозёръ, за его романъ „Миранда“ судебное преслѣдованіе, то Октавъ-де-Шанлозёръ и газета наша спокойно ожидаютъ императрицу. Точно также, продолжала „Звѣзда“, если правительство намѣрено произвольно воспретить намъ отправку нашей газеты за-границу, мы съумѣемъ найти защиту въ законѣ. Справедливо, что законъ и министерство, двѣ вещи разныя! Наконецъ, упомянемъ о слухѣ, что одна знаменитая артистка покупаетъ каждый день въ нашей конторѣ 150 экземпляровъ „Миранды“;—это невѣрно. Она беретъ 200 экземпляровъ. „Звѣзда“, родившаяся вчера, печатаетъ въ настоящую минуту 40 тысячъ экземпляровъ“.

Цѣлую недѣлю императрица и Октавъ-де-Шанлозёръ не разлучались. Онъ не раскрывалъ ни одного листа безъ того, чтобы не насладиться этимъ блестящимъ сочетаніемъ его имени съ именемъ бывшаго величества... И потомъ, съ небрежной улыбкой, передавалъ газету женѣ. Маргарита, по прочтеніи каждой газеты принималась цѣловать своего мужа, и говорила, стараясь казаться какъ можно веселѣй:

— Какая я глупая! Боже мой, какая я глупая!

Но, въ сущности, она сокрушалась тѣмъ, что внимательно читая и перечитывая знаменитый романъ, по-прежнему, никакъ не могла уразумѣть красоту его. Но романистъ такъ высоко виталъ въ небѣ, что не замѣчалъ этого сокрушенія...:

Послѣдній фельетонъ кончился при восторженныхъ одобреніяхъ семидесяти тысячъ читателей „Звѣзды“, которая на другой день упала до двадцати-пяти тысячъ экземпляровъ. Капаръ уже заключилъ условіе съ триумфаторомъ, на новый романъ, и теперь

уже дѣйствительно по 40 сантимовъ за строчку, — но, при этомъ, неполныя строчки все-таки шли не въ счетъ.

Теперь на сцену выступалъ издатель. Типографія получила приказаніе торопиться. Корректуры являлись цѣлыми кипами. Октавъ перечиталъ себя съ наслажденіемъ, смакуя каждую фразу, прибавляя тамъ и сямъ какой-нибудь штрихъ. Но вымарки не сдѣлалъ ни одной.

Подписавъ послѣдній листъ, онъ занялся выборомъ обертки и заглавнаго шрифта. — Какого цвѣта сдѣлать обертку? желтую? gris-verte? зеленую — водянаго цвѣта? планшевую? А шрифтъ? Напечатать-ли жирнымъ шрифтомъ, — выбрать-ли длинныя буквы, или квадратныя или плоскія? красныя или черныя? или красныя и черныя? Обертка должна быть изящная и шикарная... чтобъ бросалась въ глаза. И онъ видѣлъ всѣхъ и все только съвозъ эти цвѣта и буквы...

Наконецъ gris-verte и красныя буквы восторжествовали. Потомъ, онъ погрузился въ сочиненіе рекламы, той издательской рекламы, которую книгопродавецъ разсылаетъ при двухъ экземплярахъ книги, во всѣ редакціи и которую газеты печатаютъ въ самый день публікаціи, или шесть мѣсяцевъ спустя или никогда, смотря по обстоятельствамъ, по отношеніямъ. Политическая партія, капризъ, встрѣча, — все здѣсь имѣетъ вліяніе. Извѣстно, что во избѣжаніе ошибокъ въ языкѣ и въ оцѣнкѣ, авторы обыкновенно сами пишутъ это обращеніе къ публикѣ.

Наканунѣ того дня какъ „Миранда“ поступила въ продажу, Октавъ, наполнивъ экземплярами и печатными рекламами цѣлый фіакръ, отправился къ критикамъ и редакторамъ газетъ и журналовъ, принявшимъ его очень любезно. На слѣдующее утро реклама появились въ восьми газетахъ.

„Давно ожидаемый романъ г. Октава-де-Шанлозёръ „Миранда“ появился въ продажѣ у книгопродавца Миссоля. Всѣмъ извѣстенъ тотъ громаднй успѣхъ, который онъ имѣлъ, когда печатался въ фельетонахъ, и тѣ угрозы, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался, со стороны весьма знатныхъ лицъ, едва не возбудившихъ противъ него судебного преслѣдованія за правдивое, смѣлое, искреннее изображеніе дѣйствительности. Книга эта, которая по новизнѣ своей и оригинальности должна составить эпоху въ исторіи современной литературы, есть произведеніе замѣ-

чательнаго таланта. Сильныя положенія, драматизмъ завязки, страсть, краснорѣчіе, рельефность характеровъ, мощь и колоритность языка и, наконецъ, интересъ животрепещущей современности, — всё эти качества достаточно объясняютъ успѣхъ романа г. Октава-де Шанлозѣра, первое изданіе котораго разошлось въ одни сутки "...

Объявленіе убавило одинъ день. Первое изданіе въ количествѣ 500 экземпляровъ разошлось въ два дня. Остальные же 1,500, раздѣленные на три изданія — въ недѣлю, по истеченіи которой Октавъ и Миссоль, однако-жъ, не оочили отъ трудовъ своихъ, подобно Господу Богу; четвертое, пятое, шестое изданіе быстро слѣдовали одно за другимъ. Увлекательная музыка газетъ вмѣстѣ съ возобновившимся слухомъ о тревогахъ императрицы по поводу сюжета „Миранды“, совершили это чудо, — восьмое чудо въ мірѣ, о которомъ, какъ и о семи прежнихъ чудесахъ, скоро совѣмъ не будетъ слышно, и которое состоитъ въ томъ, чтобъ изъ кармановъ наиболѣе наполненныхъ золотомъ извлечь три франка на покупку книги.

Критикъ Редоле, увлеченный шумомъ, также принялъ участіе въ концертѣ. Да! Въ произведеніи, которое, бѣдная, невѣжественная Маргарита, въ глубинѣ души своей находила страшно искусственнымъ, этотъ великій судья увидѣлъ довольно вѣрное изображеніе страсти, и сдѣлалъ автору лишь нѣсколько замѣчаній относительно слога, кое-гдѣ слишкомъ изысканнаго.

„Это романъ, весь написанный нервами, говорилъ онъ. Въ немъ есть мѣста дѣйствительно замѣчательныя, которыя помимо интереса достовѣрной и грустной исторіи рассказанной въ немъ — достаточно объясняютъ его успѣхъ. Такимъ образомъ, къ нашей плеядѣ молодыхъ романистовъ прибавилась еще новая звѣзда“...

Этотъ аккордъ закончившій серенаду, способствовалъ къ распродажѣ еще двухъ изданій. Октавъ отправился благодарить Редоле и позвалъ его обѣдать. Тотъ принялъ съ величайшей любезностью и писателя и его приглашеніе.

Онъ посѣтилъ также и другихъ выдающихся критиковъ; остальные же написалъ письма болѣе или менѣе длинныя, смотря по ихъ значенію въ журналистикѣ; и не забылъ даже маленькихъ. Въ одно прекрасное утро газеты возвѣстили о восемнадцатомъ изданіи „Миранды“.

Восемнадцать изданій! Величественная гора, на вершинѣ которой стоятъ только избранники, съ челою, касающимся облаковъ, и подпирающіе ногами остальныхъ смертныхъ! Октавъ чувствовалъ себя тутъ на своемъ мѣстѣ. Отсюда онъ, какъ съ Синаа, будетъ вѣщать только заповѣди распростертой толпѣ. Онъ поднялъ глаза къ небу и товарищески улыбнулся Іеговѣ; Черное море и пустыня были пройдены. Но сколько битвъ въ теченіи десяти лѣтъ!

Лежа на диванѣ, съ сигарой въ зубахъ, онъ припоминалъ всѣ невзгоды долгаго странствованія. Мысль объ этихъ труппахъ, гдѣ онъ столько времени вращался и гдѣ могло зачехнуть его дарованіе, объ этой нуждѣ, которую онъ испытывалъ, о долгихъ годахъ неизвѣстности, до такой степени растрогали его, что слезы выступили у него на глазахъ. Вошедшая въ эту минуту Маргарита, замѣтивъ ихъ, спросила участливо: что съ нимъ?

— Ничего... воспоминанія.

Она хотѣла узнать эти воспоминанія. Но онъ, медленно обведя ее съ головы до ногъ, почти уже высохшими глазами, отвѣтилъ:

— Тебѣ нужны теперь, другъ мой, только радостныя впечатлѣнія.

Она покраснѣла. Лучъ гордости озарилъ лицо ея. Она уже три мѣсяца какъ была беременна. Положеніе ея начинало ставиться замѣтнымъ. Онъ прибавилъ:

— Ребенокъ твой уже долженъ участвовать въ радостяхъ жизни и почестяхъ, сопряженныхъ съ извѣстностью. А сама-ты? Скажи мнѣ, вѣдъ ты счастлива, ты гордишься этимъ торжественнымъ гуломъ, все возрастающимъ вокругъ человѣка, котораго ты избрала, не такъ-ли?

Она упала въ его объятія, между тѣмъ какъ онъ оставался по-прежнему погруженнымъ въ себя, и глаза его все еще были устремлены въ пространство. Видя, что онъ не отвѣчаетъ на ея ласки, Маргарита выпрямилась и, посмотрѣвъ на него, сказала:

— Ахъ! ты, кажется, находишься за сто лѣ отъ меня.

Онъ улыбнулся. Онъ дѣйствительно находился за сто лѣ, на вершинѣ Синаа. Онъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ. Четверть часа спустя, онъ вышелъ изъ дому. Медленно и величественно выступая по парижскимъ улицамъ, онъ съ любовью прислушивался къ безчисленнымъ голосамъ, раздававшимся вокругъ него, ко всему этому шуму и гаму къ разговорамъ прохожихъ, къ стуку экипажей, къ барабанамъ идущихъ полковъ, къ крику разносчи-

ковъ; — и всё эти разнообразные звуки — казалось ему — сливаются въ одинъ грандіозный и дивный хоръ, повторявшій слова: *Октавъ де-Шанлозёръ!*

Онъ шолъ съ поднятымъ челою, съ сіяющимъ взоромъ, съ гибкостью движеній юнаго гомеровскаго Олимпійца. И онъ дѣйствительно не ошибался. На него смотрѣли. Онъ подмѣтилъ взоры нѣсколькихъ женщинъ, исполненные удивленія и прочелъ въ нихъ: *Октавъ де-Шанлозёръ.*

Изъ книжныхъ магазиновъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, доносилось до него восклицаніе: *Октавъ де-Шанлозёръ!*

За столиками, передъ кафе, голоса повторяли тѣ-же три гармоническихъ слова. Тогда уста его слегка задрожали; и изъ груди его бессознательно вырвалось также: *Октавъ де-Шанлозёръ.* Онъ поворотилъ въ эту минуту изъ улицы Рашелье на бульваръ. Вдругъ, позади него, слышались протяжные рѣзкіе звуки, подобные голосу муэдаяна, съ высоты минарета, призывающаго правовѣрныхъ на молитву. Этотъ голосъ, казалось, раздавшійся съ неба, пѣлъ: *Октавъ де-Шанлозёръ!*

Онъ обернулся; посмотрѣлъ вокругъ себя, посмотрѣлъ вверхъ, потомъ внизъ, но увидалъ только прохожихъ, которые также, какъ и онъ, осматривались, ничего не видя и, пораженный этимъ, продолжалъ свое побѣдоносное шествіе. Въ эту минуту, въ окнѣ кафе Кардиналь осторожно появилась смѣющаяся физиономія Ребюка. Невидимый муэдзинъ — былъ онъ. Ребюкъ въ продолженіи пяти минутъ слѣдилъ за Октавомъ; за нѣсколько метровъ до кафе, онъ удвоилъ шаги и, спрятавшись позади вѣска, продвѣлалъ этотъ фарсъ. По восклицанію, вырвавшемуся изъ устъ Октава, онъ узналъ, какія мысли наполняли его голову. Это было второе дѣйствіе шарады, разыгранной въ день новоселья въ улицѣ Монсэ. Встрѣтившись съ Октавомъ въ какой-то редакціи, четыре года тому назадъ, Ребюкъ сразу понялъ его, и былъ ужасно доволенъ тѣмъ, что, продолжая свои наблюденія надъ нимъ, все болѣе и болѣе удостовѣрялся въ справедливости того мнѣнія, которое онъ составилъ себѣ объ этомъ субъектѣ. Онъ сильно не долбилъ автора „Миранды“, относившагося къ нему прежде нѣсколько пренебрежительно, а теперь занесившаго въ немъ изъ жажды рекламъ. Простосердечіе и умъ Маргариты, нравившейся Ребюку, еще болѣе подстрекали его, какъ онъ го-

„Дѣло“. № 7. 1881 г. I.

ворилъ, осмѣивать всю эту искусственность и ходульность, вліаніе которой могло быть очень пагубно для молодой женщины.

Выходя изъ кафе Кардиналь онъ встрѣтился съ Бланшомъ и, взявъ его подъ-руку, сказалъ:

— Сегодня, 1-го октября, восемнадцатое изданіе! Слышишь-ли, во-сем-над-цатое, — и обѣдь въ улицѣ Монсэ. Непременно надо идти къ Аллаху. Жаль, что ты опоздалъ на нѣсколько минутъ; ты-бы увидѣлъ его торжественное шествіе по троттуарамъ, при звукахъ небесной музыки. Я тебѣ расскажу объ этомъ потомъ. Будешь ты на обѣдѣ?

— Да, и хочу привести туда одного изъ своихъ земляковъ, Рокесола; это членъ академіи въ Пуатье. Онъ явится въ бѣломъ галстукѣ и съ лентой св. Григорія-Великаго...

— Это не дурно! сказалъ Ребюкъ. Что онъ также великій человекъ, — твой Рокесоль?

— Это другъ мѣстнаго епископа. Онъ желаетъ войти въ сношенія съ „знаменитостями столицы“. И такъ-какъ въ настоящую минуту, одна изъ нихъ идетъ со мной подъ-руку, то я по-тащу ее къ нему. Это очень близко отсюда.

Они отправились.

ГЛАВА VII.

У Октава, около семи съ половиной часовъ, была уже куча гостей, когда явился самъ хозяинъ, нѣсколько запоздавшій...

Онъ казался холоденъ, и посмотрѣлъ на гостей такъ, какъ-будто считалъ ихъ или не узнавалъ.

Между обычными посѣтителями, супругами Дольсива, Миссодемъ, Кансъ и др. онъ увидѣлъ новыя лица: двухъ какихъ-то славянъ въ сѣренъкихъ пальто, страшно лоснившихся, двухъ поляковъ, — шаниста и генерала, приведенныхъ польскимъ теноромъ. Бланшонъ возвѣстилъ, что къ вечеру явится академикъ изъ Пуатье, обѣдающій у архіепископа. Затѣмъ были представлены хозяйкамъ двумя молодыми художниками три художника также молодыхъ. Октавъ, раскланявшись со всѣми этими господами, сдѣлалъ знакъ Маргаритѣ, которая послѣдовала за нимъ въ его комнату. Здѣсь онъ, вспрыскивая свои волосы, какой-то благо-

вонной жидкостью, долженъ былъ выслушать нѣсколько нѣжныхъ упрековъ за то, что опоздалъ:—Гдѣ онъ былъ? Что онъ дѣлалъ? Вотъ уже третій разъ на этой недѣлѣ какъ онъ...

— Намъ нужно немножко поочистить нашу столовую, другъ мой, прервалъ онъ.—Я запоздалъ, потому-что заговорился съ Дюма и Сарду, передъ „Французскимъ театромъ“. Они были со мной ужасно милы; впрочемъ, сегодня утромъ весь Парижъ выказалъ мнѣ такое сочувствіе... Гдѣ я ни показывался, меня встрѣчали съ торжествомъ... просто, неслыханная вещь!

Онъ на минуту остановился, погруженный въ воспоминаніе о своемъ триумфальномъ шествіи по бульварамъ, и потомъ продолжалъ:

— Не находишь-ли ты, что у насъ черезчуръ смѣшанная публика... Я ужь не говорю о новыхъ... объ этихъ піанистахъ, о польскомъ генералѣ... но и другіе... французы, которыхъ я знаю нѣсколько лѣтъ, почти всѣ, кажутся мнѣ нынче поляками... Ей-богу! Надо покончить съ этими лизоблюдами. Пожалуй, скоро собаки будутъ водить другъ друга ко мнѣ обѣдать. Хорошо-бы, душа моя, сказать послѣ стола доброму количеству посѣтителей, что обѣды на нѣкоторое время прекращаются. Пускай они припишутъ это, если хотятъ, твоему положенію, требующему спокойствія и ухода... Я предупрежу остальныхъ, которыхъ хочу удержатъ, что обѣды переносятся на вторникъ.

— Но вѣдь это все бѣдняки—кому ты отказываешь. Они казались такими счастливыми за столомъ!.. и ѣли съ такимъ аппетитомъ,—что способны были возбудить его въ тѣхъ, у кого его не было... Ты самъ имъ объявишь?..

— Да,—если это тебя затрудняетъ...

— О, конечно!..

Фабра усы свои, онъ думалъ, что ни Мартеле, ни Годри, ни Грендоръ, ни Бланшонъ не написали ни строчки о Мирандѣ. Люди ужь въ зрѣломъ возрастѣ и до такой степени ничтожны, что не могутъ прославлять того, кто ихъ принимаетъ! Безсиліе не кормятъ! Пускай себѣ околѣваетъ съ голоду. Кансъ, Роже, Бріо—романисты, заботящіяся преимущественно о самихъ себѣ,—умѣли, однако-жъ, оказать тамъ и сямъ услугу. Ребюккъ, лѣнтій, но напечаталъ-же двѣ рекламы и обѣщалъ критическую статью, да вдобавокъ еще два или три раза угощалъ его завтракомъ у

Бребана. Окончивъ свой туалетъ, Октавъ взялъ подъ-руку жену и снова вышелъ къ гостямъ. Сѣли за столъ. Чествованіе „восемнадцатаго изданія“ началось еще за супомъ... Дуя на свои ложки, нѣкоторые объявили, что подобно тому, какъ въ великихъ музыкальныхъ произведеніяхъ,—каждый разъ какъ ихъ слушаешь, находишь все новыя красоты,—такъ и Миранду нужно читать и перечитывать, для того, чтобъ вполне оцѣнить ее. Хвалили это „умѣнье копаться во внутренностяхъ“ человѣка, „это анатомическое вскрытіе, это отдѣленіе человѣческаго мяса отъ костей,—сдѣланное ножомъ хирурга, рожденнаго художникомъ“.

Октавъ, то посмѣивался своимъ обычнымъ смѣхомъ, то сидѣлъ сосредоточенный въ себя и почти не прикасался къ наполненной супомъ тарелкѣ. Казалось, онъ былъ сытъ этой анатоміей. Ему хотѣлось слышать сужденіе Ребюка, до сихъ поръ молчавшаго. Онъ спросилъ его, пишетъ-ли онъ обѣщанную критическую статью о „Мирандѣ“.

— Она набрана... но все еще нѣтъ мѣста... Я рѣшился ждать еще четыре дня, и если она въ теченіи этого времени не будетъ помѣщена, то я выхожу изъ редакторовъ „Часового“.

И онъ принялся съ такимъ энтузіазмомъ и такъ подробно распространяться о „Мирандѣ“, употребляя при этомъ такія гиперболическія эпитеты, что Бланшонъ то и дѣло толкалъ его подъ столъ колѣномъ, желая усовѣстить, но напрасно... Онъ заткнулъ за поясъ всѣхъ хвалителей, и зашелъ такъ далеко, что г-жа Бансъ, нѣсколько завидовавшая красотѣ его фразы, воспользовавшись однимъ выраженіемъ, въ которомъ она усмотрѣла признаки невѣрія, прервала оратора и сдѣлала ему, кстати, маленькое замѣчаніе за шараду, сочиненную имъ въ тотъ день, когда Октавъ справлялъ свое новоселье, и гдѣ проглядывало насмѣшливое отношеніе къ людямъ вѣрующимъ, сказала она, „въ Существо безконечно благое, безконечно великое, безконечно любящее, безконечно лирическое!“ Нѣкоторые собесѣдники возражали г-жѣ Бансъ довольно непочтительно. Она вспылила. Начался шумъ; чтобъ положить ему предѣлъ, Октавъ поднялъ руку; всѣ стихли и приготовились его слушать.

— Я вѣрю въ Бога, сказалъ онъ съ важностью,—потому-что признаю безсмертіе души и опираюсь въ этомъ на науку: ничто не погибаетъ въ природѣ. Если я ношу въ головѣ своей міръ

идей, которымъ краткость настоящей жизни не позволяетъ развѣстъ, то отсюда логически вытекаетъ, что есть небо, гдѣ я буду писать. Я куколка архангела!

Водворилась минута молчанія, послѣ котораго Ребюкъ произнесъ серьезно:

— Куколка архангела! Да; это аргументъ совершенно новый... можетъ быть, единственный въ пользу конечныхъ причинъ...

При этихъ словахъ Миссоля, съ издательской смѣлостью спросилъ, за спиной своего сосѣда, съ какою цѣлью созданы всякія дурныя насѣкомыя... и въ особенности блохи... Тогда Маргарита, нагнувшись въ г-жѣ Бансъ и прикоснувшись пальцемъ къ рукѣ ея для того, чтобы она обернулась, спросила потихоньку:

— Что такое конечныя причины? скажите мнѣ пожалуйста.

Г-жа Бансъ съ одушевленіемъ объяснила ей это: ея рука создана для этой вилки, эта вилка для руки; ея глаза для цвѣта, — цвѣтъ для глазъ. Между тѣмъ какъ шумный споръ о маленькихъ насѣкомыхъ все продолжался, г-жа Бансъ представила Маргаритѣ, за спиной Миссоля, такіе прекрасные примѣры удивительнаго, провиденціальнаго порядка вещей въ природѣ, что Маргарита, совсѣмъ позабывъ уроки воздержности и свѣтскихъ приличій, преподанные ей мужемъ, и прислушавшись на минуту къ тому, что говорилось вокругъ нея, отвѣчала г-жѣ Бансъ:

— Понимаю! Блохи темныя, а простыни бѣлыя, — это для того, чтобы мы могли ловить блохъ. Миссоля услышалъ и во всеуслышаніе повторилъ эту фразу, посреди самого философскаго хохота. Бланшонъ замѣтилъ, что самъ Бруссе не выдумалъ-бы ничего лучшаго.

Покраснѣвъ какъ вишня, Маргарита взглянула на Октава, который сжалъ губы и совсѣмъ не смѣялся. Когда вопросъ о конечныхъ причинахъ былъ, такимъ образомъ, рѣшенъ, всѣ встали изъ-за стола и перешли въ кабинетъ-гостиную, куда явился, въ одиннадцати часовъ, и г. де-Рокезоль, академикъ изъ Пуатье, съ важнымъ видомъ чловѣка, сознающаго, что его украшаетъ лента св. Григорія-Великаго и что у него въ желудкѣ обѣдъ парижскаго архіепископа.

Важность, которую онъ напускалъ на себя, обратила уже вниманіе Ребюка, заходившаго къ нему, какъ помнитъ читатель, въ это утро, съ Бланшономъ.

— Его провинціальная вражда къ парижской литературѣ, сказавъ Ребюкъ Бланшону, — его отзывъ о „Мирандѣ“ и претензія на смѣлую независимость мнѣній, заставляли меня опасаться, что онъ не придетъ.

Когда представленіе Рокезоля хозяину дома кончилось, Ребюкъ отвелъ провинціального академика въ уголокъ, съ тайнымъ намереніемъ воспользоваться его присутствіемъ для какой-нибудь потѣшной выходки.

Двѣ минуты спустя, они уже вели между собой весьма оживленный споръ.

— Мнѣ, конечно, было-бы весьма пріятно, говорилъ глухо академикъ, — раздѣлять всеобщее удивленіе, но я не могу этого... я человекъ искренній; и никто не имѣетъ права насиловать моихъ мнѣній.

Ребюкъ, возвысивъ голосъ, отвѣчалъ, что истина имѣетъ право насиловать мнѣніе каждаго, кто-бы онъ ни былъ.

— Чувства мои, впрочемъ, находятъ отзывъ въ лицахъ весьма почтенныхъ... Но, прошу васъ, говорите тише.

При этой просьбѣ голосъ мистификатора загремѣлъ какъ громъ, посреди похвалъ и поздравленій, съ которыми обращались, въ эту минуту, къ Октаву, новыя, только-что вошедшіе, гости.

— Осмѣльтеся повторить это! Осмѣльтеся!

Водворилось молчаніе. Академикъ, весь красный, дѣлалъ движенія головой и руками, для того, чтобы успокоить своего собесѣдника, продолжавшаго кричать...

— Осмѣльтеся! А! Онъ уклоняется... труситъ!

Бланшонъ попытался-было вмѣшаться, но безъ успѣха.

— Что такое, господа? спросила Маргарита, прибѣжавшая также на этотъ крикъ.

— Г. академикъ оскорбляетъ Миранду, сударыня! Провинція прислала его сюда за тѣмъ, чтобъ пятнать парижскія знаменитости! Изъ департаментовъ вѣетъ духомъ зависти, злобы, сепаратизма. Это отвратительно, анти-патріотично!

Нужно было или выпрыгнуть въ окно, или отвѣчать во что-бы то ни стало. Академикъ, теперь совсѣмъ поблѣднѣвшій, пробормotalъ, что провинція вовсе не поручала ему оскорблять Парижа и его знаменитости, что онъ спокойно вышелъ отъ его преосвященства, г. архіепископа, у котораго обѣдалъ, но что онъ

не может поступиться свободой своихъ сужденій. Говоря это, онъ бросалъ злобные взгляды въ сторону Ребюка. Октавъ стоялъ посреди комнаты, смотря въ упоръ на несчастнаго, который продолжалъ:

— Конечно, достоинства Миранды неоспоримы... но ужъ если меня заставляютъ высказаться, то мнѣ кажется, что краски, которыми изображена эта дама, наложены слишкомъ густо...

— Продолжайте, сказалъ Октавъ.

— Потому...— это говорю не я, а два почтенныхъ священника изъ собора Парижской Богоматери, обѣдавшіе сегодня у его преосвященства,—люди весьма тонкаго ума...

— Что-же такое?

— Они находятъ, что слогъ...

На лицѣ того, къ кому онъ обращался, выразалось такое высокомеріе, что онъ невольно остановился.

— Это поповскія сужденія, рѣзкимъ тономъ сказалъ романистъ,—которыя не стоило повторять здѣсь.

И онъ, самымъ презрительнымъ образомъ, повернулся къ нему спиной, бросивъ ледяной взглядъ на приблизившагося Бланшона.

— Милостивый государь! воскликнулъ оскорбленный академикъ.

— Довольно! вскричалъ Ребюкъ...

— Милостивый государь!..

— Довольно!

Ребюкъ побагровѣлъ; глаза его сверкали. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, которымъ былъ хорошо извѣстенъ его мистификаторскій талантъ, переглянулись между собой.

— Милостивый государь, въ третій разъ произнесъ Рокезоль, котораго Бланшонъ пытался успокоить.—я не могу допустить...

Ребюкъ, неистово вскрикнувъ, бросился опрометью къ дверямъ и исчезъ.

Г-жа Кансъ, мадмуазель Шантепи, ея отецъ, польскій теноръ и польскій піанистъ, испуганные, побѣжали за нимъ. Г-жа Кансъ тотчасъ-же возвратилась, страшно взволнованная, съ развѣвающимися локонами. Удерживая Бланшона и академика, готовыхъ уйти, она сказала:

— Ради Бога, Бланшонъ, охраняйте его; Ребюкъ его убьетъ. Онъ вооружился тростью г-на Шантепи, съ свинцовымъ набалдашникомъ.

Она подошла къ Шанлозёру, между тѣмъ какъ въ дверяхъ показался Ребюкъ, съ толстой палкой въ рукѣ, съ свирѣпыми лицомъ. Онъ энергически сопротивлялся тѣмъ, которые сзади удерживали его за фалды.

Вдругъ, посреди этой сумятицы, раздался звонкій, веселый смѣхъ Маргариты.

— Ахъ! это опять шарада! воскликнула она.

Но смѣхъ этотъ подхватили только двое или трое изъ присутствовавшихъ, и между ними Бланшонъ, который, повидимому, рѣшился оставаться спокойнымъ зрителемъ этого спектакля. Г-жа Кансъ старалась увлечь Октава къ дверямъ, дѣлая въ тоже время знакъ академику, чтобы онъ не двигался съ мѣста.

— Но посмотрите-же на лицо Ребюка, говорила она Октаву. — Развѣ возможно предположить, что онъ шутить? Онъ не помнитъ себя; онъ непременно убьетъ этого человѣка; здѣсь, у васъ...

Октавъ сдѣлалъ шагъ назадъ, и очень серьезно, посреди всеобщаго молчанія, произнесъ:

— Ребюкъ въ своемъ правѣ.

Всѣ были озадачены... но публику вывелъ изъ этого минутнаго оцѣпененія крикъ Ребюка, который, наконецъ, позволилъ себя обезоружить и котораго увлекли въ будуаръ.

Двѣ минуты спустя, романистъ Бріа, одинъ изъ смѣявшихся виѣстѣ съ Маргаритой, войдя въ будуаръ, нашелъ тамъ Ребюка. Вытянувшись въ креслѣ и держа въ рукахъ трость, которую ему опять отдали назадъ, онъ заливался хохотомъ между своими друзьями, Грендоромъ и Куэттомъ.

— Ну, признаюсь, говорилъ онъ, переводя духъ,—это превзошло всѣ мои ожиданія! Смерть тому, кто не восхищается нить! И какое у этого великаго человѣка сознаніе правъ Ребюка! Теперь мнѣ даровано весьма опредѣленное преимущество: истреблять всѣхъ, кому не правится проза Октава. А? Каковъ этотъ господинъ? Не правда-ли—великолѣпный?

— Но все-таки уступаетъ тебѣ, сказалъ Бріа.—Я никакъ не воображалъ, чтобы ты былъ такой мастеръ на мистификаціи. Я самъ чуть-чуть не повѣрилъ всему...

— А что дѣлаетъ въ эту минуту „куколка архангела?“ Поидемъ къ нему... и повергнемся передъ нимъ во прахъ.

— Онъ теперь занимается очисткой своего дома. Онъ обьяв-

ляеть всей мелкой сошкѣ, что обѣды отиѣняются впредь до новаго распоряженія, а другинѣ, что обѣды переносятся на вторникѣ.

При этихъ словахъ Куеттъ и Грендоръ вошли въ кабинетъ, чтобъ узнать свою участь.

— Къ какой категоріи причисленъ Бланшонъ?

— Къ мелкой сошкѣ.

— Онъ прогоняеть Бланшона!

— За то, что тотъ привелъ академика.

— Горе мнѣ! и я тоже мелкая сошка! вскричалъ Ребюкъ. — Бланшонъ мой старшій братъ. Вѣдннй Бланшонъ, который обѣдалъ здѣсь такъ хорошо, насыщаясь на два или на три дня! Увы! Ничто не прочно. Скажи божеству, что я унесъ трость для того, чтобъ скорѣй догнать моего классическаго друга, и г-ну Шантепи, что онъ можетъ купить себѣ другую. Слушай, Бріа! Въ тотъ день, когда я достигну этой вершины славы: „Миранда, изданіе 18-е“, въ тотъ день, говорю я тебѣ, ты придешь ко мнѣ, возьмешь эту трость и укуошишь меня, для того, чтобъ я не потерялъ здраваго смысла. А до тѣхъ поръ, что-бы ни случилось, говори себѣ: Ребюкъ въ своемъ правѣ! Ребюкъ въ своемъ правѣ!

— Тесь... сюда идуть, сказалъ Бріа, прислушиваясь.

Октавъ, остановившійся за полуотворенной дверью, слышалъ эти послѣдніа слова. Онъ быстро повернулъ къ себѣ въ кабинетъ, стараясь придать спокойное выраженіе своему лицу, нѣсколько измѣнившемуся послѣ этого открытіа.

Часа въ два ночи, Маргарита, входя къ себѣ въ комнату, тихо спросила мужа:

— Въ самомъ дѣлѣ—это была не шарада?

Онъ нервно отвѣтилъ:

— Ты ужъ сдѣлала этотъ вопросъ при всѣхъ... Но, мало того, ты еще вздумала виѣшаться въ метафизическій споръ... Твоя выходка о блохахъ есть верхъ неприличія... Это просто непостижимо, неслыханно... Я, кажется, говорилъ вамъ, какъ должно держать себя здѣсь... Въ ваши дѣта, сударыня, молчать и слушадть.

ГЛАВА VIII.

Только теперь, въ своей новой книгѣ, онъ проявитъ вполнѣ всю мощь свою. Между этой книгой и Мирандой будетъ такое же различіе, какое существуетъ между прекрасной зарей и яркимъ полдневнымъ сіяніемъ. Онъ задумалъ его въ минуту страстнаго негодованія, находясь еще подъ вліяніемъ грубыхъ, оскорбительныхъ фактовъ, отравившихъ его чистую радость, когда онъ, послѣ своего триумфальнаго шествія по бульварамъ и улицъ Рихелье, возвратился домой.

Съ одной стороны небо, съ другой—земля, какія границы, какое пространство! Два существа, полныя жизни, юныя, прекрасныя, богатая, независимыя и любящія другъ друга, лишаютъ себя жизни. Молодой человекъ—двоюродный братъ императора (истинное происшествіе; одинъ кузенъ императора дѣйствительно застрѣлился, что позволяло опять вывести столь прибыльную императорскую фамилію, какъ этого требовали, впрочемъ, Миссоль и Капарь), молодая женщина—герцогиня, принадлежащая къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи, и, подобно своему мужу, исполненная идеальныхъ стремленій. А вокругъ нихъ страшная ношлость и низменность; убійственная грязь среды—гдѣ по волѣ судьбы суждено вращаться этимъ избраннымъ существамъ, приводитъ ихъ къ самоубійству. Великолѣпный сюжетъ! и которымъ онъ до такой степени овладѣлъ, что романъ уже умственно написанъ. Такъ-какъ нужно ковать желѣзо пока горячо, то въ шесть мѣсяцевъ книга будетъ готова, и всѣмъ великимъ современникамъ нанесенъ будетъ ударъ...

Онъ съ легкимъ сердцемъ принялся за работу. Онъ уже выбросилъ за-бортъ Бланшона и Ребюка, въ наказаніе за ихъ преступленіе. Услышавъ, что Капарь хочетъ пригласить ихъ редакторами въ „Звѣзду“, онъ пошелъ къ нему.

— Они или я, сказалъ онъ ему.—Я хочу быть здѣсь въ порядочномъ обществѣ.

— Какъ! возразилъ Капарь.—Но вѣдь это вовсе не дураки... Ребюкъ въ особенности, умный малый, который не уронитъ газеты.

— Такъ уничтожимъ наше условіе.

— Да что вамъ сдѣлалъ Ребюкъ?

— Я считаю условіе уничтоженнымъ...

Капаръ, очень хорошо знавшій исторію съ тростью, уступилъ. Это наказаніе виновныхъ залечило рану Октава, которая, въ первые дни, слѣдовавшіе за мистификаціей, не давала ему покоя. Онъ совсѣмъ забылъ о ней за работой.

Книга быстро подвигалась впередъ. Также, какъ и въ то время, когда писалась первая, Маргарита садилась съ своей работой около письменнаго стола, слѣдя глазами за скользившимъ по бумагѣ перомъ. Но куда дѣвались радость и миръ прежнихъ дней?

Облако грусти омрачало ея маленькій лобикъ, при мысли объ этомъ характерѣ, мало-по-малу начинавшемъ обнаруживаться въ такихъ странныхъ чертахъ. Страшная сила, встававшая передъ ней, внушала ей непреодолимый страхъ, подобный тому, который она чувствовала будучи еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, при видѣ огромнаго медвѣдя, на ярмаркѣ въ Бокеръ.

„Въ этомъ-то можетъ-быть и состоитъ могущество мужчины, думала она, не умѣя формулировать себѣ ту мысль, что въ дѣйствительности, власть обыкновенно пріобрѣтается не превосходствомъ ума или сердца, а желѣзной силой воли, слѣпой, инстинктивной и грубой; что Октавъ, смотря на себя какъ на генія, хотѣлъ, чтобы его признавали такимъ; что разсуждать съ нимъ нельзя, а надо только предъ нимъ преклоняться. Странную исторію съ академикомъ, слова мужа: Ребюкъ въ своемъ правѣ,—она все это приняла за хорошо сыгранную шараду. Увы! Какая шарада! Неужели эта сцена могла, въ самомъ дѣлѣ, кончиться убійствомъ бѣднаго г. Рокезоля? Или—мысль, можетъ-быть, почти столь-же тяжелая—г. Ребюкъ насмѣхался? О! это невѣроятно. Она даже упрекнула себя за эту мысль. Можно-ли было сомнѣваться въ томъ, что авторъ Миранды великій человекъ, надъ которымъ не смѣются. А 22 изданія, выдержанныя его книгой? А эти восторженные отзывы газетъ, эти похвалы избраннаго общества, которое собирается здѣсь? Ея собственное невѣжество неопровержимо доказано тѣмъ, что эта книга, которую она четыре раза перечитывала отъ начала до конца съ величайшимъ вниманіемъ — нисколько ее не трогала. Впрочемъ, величіе ея мужа не могло усилить любви ея къ нему—любви еще страстной, и которая оставалась-бы все та-

кон-же, какъ и въ первые дни, если-бы къ ней не пригѣшался этотъ страхъ.

Теперь она стала внимательно слѣдить за собой, чтобъ не сказать чего-нибудь лишняго, когда веселое настроеніе духа подстрекало ее къ болтовнѣ. Слова, вырвавшіяся у ней бессознательно въ такія минуты, всегда оскорбляли Октава—всѣ, отъ перваго до послѣдняго. Люди, апплодировавшіе имъ, очевидно, дѣлали это изъ вѣжливости, потому-что, слова эти, въ сущности, были очень смѣшны и обличали въ ней провинціалку. Она была изъ Тараскона и ей еще не было восемнадцати лѣтъ! Гораздо проще было молчать и предоставить мужу своему говорить одному, потому-что это ему нравится и онъ говорить такъ хорошо!

Онъ работалъ теперь подлѣ нея, обращаясь къ ней по временамъ съ ласковымъ словомъ. Она была рада, что онъ работаетъ, потому-что это удерживало его дома; онъ почти нигуда не выходилъ и, такимъ образомъ, не рисковалъ встрѣтиться съ мадамъзель Маркезъ или другими женщинами, которыхъ могла привлечь къ нему его слава. Вотъ онъ съ перомъ въ рукѣ... на прекрасномъ челѣ его лежитъ отпечатокъ думы. Онъ встаетъ, подходитъ къ женѣ, смотритъ на нее съ восхищеніемъ, нѣжно гладитъ ея волосы. Иногда между двумя страницами, онъ занимается также ребенкомъ, который долженъ родиться. Онъ хочетъ мальчика, который-бы унаслѣдовалъ его имя и дарованіе. Онъ требуетъ отъ нея, чтобъ она берегла себя. „Никакихъ заботъ, ни усталости, сударыня, говоритъ онъ съ нѣжностью,—однѣ только удовольствія, духовныя и физическія“.

И однако-жъ, отъ времени до времени, когда она чувствуетъ потребность отдохнуть и ему хочется показать ее въ новомъ туалетѣ, который онъ самъ для нея выбралъ, ей приходится ѣхать въ свѣтъ, въ театръ...

Однажды, когда въ театрѣ „Водевила“ шла въ первый разъ новая пьеса Дольсина, она, несмотря на сильное утомленіе, должна была идти одѣваться. Октавъ непремѣнно желалъ, чтобъ она прослушала эту пьесу, въ которой ему извѣстна была одна тирада—такая тирада, что онъ въ тотъ вечеръ повелъ-бы въ театръ всю вселенную; въ этой тирадѣ, великодушный Дольсина горячо привѣтствовалъ и благославлялъ „новухъ“.

— Ты сама понимаешь, что тебѣ необходимо заняться своимъ

литературнымъ воспитаніемъ, сказала онъ Маргаритѣ, которая одѣвалась съ большимъ трудомъ, изъ послушанія.

Въ восемь часовъ они помѣстились въ креслахъ балкона, на видномъ мѣстѣ, посреди невнятнаго гула стоявшаго въ залѣ, обшѣиваясь поклонами. Въ оркестрѣ Ребюкъ разговаривалъ съ своими сосѣдами.

Трехъактная пьеса, шаблонная и безсодержательная, была прослушана какъ вещь хорошо извѣстная и оцѣнка которой уже сдѣлана лѣтъ тридцать тому назадъ. Но товарищи апплодировали этому милому Дольсина, умѣвшему приобретать друзей.

Посреди одного діалога между героемъ пьесы, аквафортистомъ, и его ученикомъ, о славныхъ современникахъ и о надеждахъ, возбуждаемыхъ новыми силами, раздались восторженные крики. Намеки, ясные, какъ свѣтъ рампы, указывали на нѣкоторыхъ изъ зрителей. Это была тирада, которую ожидалъ Октавъ.

Онъ принималъ всѣ эти апплодисменты и крики на свой счетъ... и рисовался, улыбаясь женѣ своей, которая краснѣла отъ безчисленныхъ взоровъ, устремленныхъ въ ея сторону.

Разумѣется, выраженіе: „Ребюкъ въ своемъ правѣ“, такъ-же какъ и давленіе, оказанное Октавомъ на Капара, облетѣли весь Парижъ. Но крайности въ недостаткахъ, также какъ и въ порокахъ, вредятъ человѣку только тогда, когда онъ лежитъ поверженный въ прахъ; Октаву-же продолжало везти и изданія Миранды слѣдовали одно за другимъ. Все могущество успѣха предписывало сдержанность; и надъ колоссальнымъ самолюбіемъ Октава смѣялись только за спиной его; но смѣялись сильно.

Драма кончилась посреди продолжительныхъ рукоплесканій.

— Двадцать-пять представленій выдержать! — Кто хочетъ держать пари, что не больше десяти! слышалось при выходѣ, въ корридорахъ.

Маргарита прошла посреди поклоновъ и рукопожатій. Когда она появилась на первой ступени лѣстницы, въ своемъ бѣломъ бурнусѣ, съ нѣсколько томными глазами, съ лицомъ, слегка утомленнымъ и какъ-будто растроганнымъ, молоденькая, граціозная, поэтическая, ропотъ удивленія пробѣжалъ въ публикѣ, столпившейся въ сѣняхъ. Она покраснѣла и сильнѣй оперлась на руку Октава. Занятый исключительно собой, опьяненный апплодисментами, только-что смолкшими въ залѣ, онъ медленно сходилъ съ лѣст-

ницы, съ полу-наклоненной головой и скромнымъ видомъ человѣка, просящаго пощады...

Вдругъ онъ выпрямился. Онъ замѣтилъ Ребюка, очень веселаго, державшаго, у всѣхъ на виду, въ рукѣ толстую трость, на которую группа окружавшихъ его лицъ, казалось, хотѣла еще болѣе обратить всеобщее вниманіе своими улыбками. Но почти въ ту-же минуту, Ребюкъ, принявъ серьезный видъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился Маргаритѣ.

— Такъ эта ничтожность еще позволяла себѣ являться тутъ и своимъ присутствіемъ напоминать...

Авторъ Миранды нахмурилъ чело подобно Юпитеру олимпійскому и прошелъ съ подавляющимъ презрѣніемъ.

Тогда въ маленькой группѣ, стоявшей направо, послышался смѣхъ и чей-то тоненькій голосъ произнесъ:

— Даромъ потраченное величіе!..

Но Октавъ уже тащилъ съ грубой поспѣшностью жену свою, опасаясь, чтобъ она не услышала... вслѣдствіе этого Маргарита оступилась въ дверяхъ и упала. Она ушиблась.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

I.

Покровительство «отечественной промышленности и торговли» сдѣлалось общимъ мѣстомъ нашей государственной политики. Современъ Петра администрація, приставленная къ этому дѣлу, тщательно слѣдила, наблюдала, сочиняла проекты и тарифы во всевозможныхъ направленіяхъ и, несмотря на все это, оказывается, что, при всѣхъ этихъ заботахъ, мы не только не имѣли въ виду настоящей *отечественной* промышленности, промышленности сѣрмяжной Россіи, но самое существованіе ея едва-ли подозрѣвалось до самаго послѣдняго времени, хотя ея исторія восходитъ гораздо дальше Петра Великаго, а число лицъ, нужды которыхъ она удовлетворяетъ, ограничивается не однимъ или двумя, а нѣсколькими десятками милліоновъ. Только теперь мы начинаемъ смутно сознавать громадное значеніе кустарной промышленности въ жизни нашего народа, но, къ сожалѣнію, о ней не имѣется обстоятельныхъ свѣдѣній ни у правительства, ни въ литературѣ и еще менѣе въ обществѣ, такъ-что теперь, при всей серьезности обстоятельствъ, призывающихъ на помощь нашему народу, и требующихъ не словъ, а дѣла, приходится пріобрѣтать еще самыя элементарныя понятія и чисто-фактическія свѣдѣнія объ этой промышленности.

Въ чемъ состоитъ общее экономическое значеніе для Россіи кустарной промышленности, падаетъ-ли она или процвѣтаетъ и въ чемъ заключалась-бы самая дѣйствительная помощь ей со

стороны государственной власти — таковы вопросы, рассмотрению которых посвящена эта статья.

Кустарная промышленность есть отличительная особенность Россіи, создающая ей въ связи съ нашей удѣльнейшей поземельной общиной своеобразное экономическое положеніе. Въ Западной Европѣ давно исчезли и поземельная община, и кустарная промышленность; у насъ-же эти два фактора до сихъ поръ еще составляютъ краеугольный камень экономическаго быта и продолжаютъ взаимно поддерживать другъ друга. По мнѣнію господствующей школы экономистовъ, Россія обязана этой особенностью своей экономической незрѣлости, молодости своей культуры; славянофилы-же приписываютъ все крѣпости нашего національнаго духа, стремящагося проявлять себя въ самобытныхъ формахъ. Спокойный разборъ фактовъ показываетъ только то, что хотя мы дѣйствительно имѣли счастье не дозрѣть и не дойти до положенія Западной Европы, но мы несомнѣнно шли и идемъ по тому-же пути. Еще далеко у насъ до уничтоженія общины и полнаго вытѣсненія кустарной промышленности фабричною и заводскою, однако, есть уже не мало тревожныхъ фактовъ и распадѣнія общины, и перехода нѣкоторыхъ отраслей кустарничества въ фабричное производство. Все наше счастье и преимущество заключаются, повидимому, только въ томъ, что прежде чѣмъ дойти до рокового предѣла, мы уже начинаемъ пользоваться тѣми идеями и принципами народнаго благосостоянія, которыми начали свѣтить Западу лишь послѣ того, какъ имъ пройденъ былъ весь путь и завершенъ весь циклъ индивидуально-капиталистическаго развитія. Наше счастье заключается въ той боязни, внушаемой намъ тяжкими экономическими испытаніями Запада, которая пока еще заставляетъ насъ переступать съ ноги на ногу и нѣсколько пятиться назадъ, направляя наши помыслы, въ послѣднее время съ особенной силой, отъ личнаго къ общинному землевладѣнію, отъ фабричной промышленности къ кустарной, отъ благоденствія лицъ, къ благосостоянію народныхъ массъ. Изъ сочетанія такой готовности нашей принять въ расчетъ интересы народа и широкія идеи справедливости съ нашей экономической недоразвитостью можетъ, къ утѣшенію славянофиловъ, получиться нѣчто дѣйствительно новое и своеобразное, чего не зналъ Западъ, но въ чемъ равно неповинна и наша національность.

Одна изъ главныхъ особенностей того пути, на который толкаетъ Россію идея народнаго благосостоянія, состоитъ въ томъ, что, въ противоположность Западу, мы должны всѣми мѣрами охранять и поддерживать кустарную сельскую промышленность,

не смущаясь тѣмъ, что, по понятію большинства экономистовъ, она есть нисшая форма экономической жизни страны. Между тѣмъ какъ Западъ съ поразительной быстротой развивался въ направленіи фабрично-капиталистическомъ, намъ, быть можетъ, суждено направить свою экономическую дѣятельность въ сторону, неблагоприятную процвѣтанію фабрикъ и капитализма. Дѣятельная поддержка кустарничества по необходимости связана съ нанесеніемъ нѣкотораго ущерба фабричному производству. И въ настоящее время кустарничество является замѣтнымъ антагонистомъ фабричной промышленности, которую оно лишаетъ части сырья и тѣмъ ограничиваетъ число фабрикъ и заводовъ. Трудно съ точностью разсчитать, какая доля сырья поглощается кустарничествомъ и какая фабриками и заводами, но если принять во вниманіе, что цѣнность сырья, *переработаннаго* фабриками (необложеными акцизомъ), доходитъ до 500 слишкомъ милліоновъ, а цѣнность продуктовъ кустарничества составляетъ около 200 милліоновъ, если затѣмъ имѣть въ виду, что самые продукты фабричнаго производства цѣнятся дороже (по многимъ причинамъ) продуктовъ кустарнаго труда, то съ нашей стороны не будетъ преувеличеніемъ принять, что кустарное производство поглощаетъ скорѣе больше, чѣмъ меньше половины того количества сырья, которое поступаетъ на фабрики. Такимъ образомъ, если въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію кустарничества, нѣкоторыя будутъ облегчать кустарямъ пріобрѣтеніе сырья и прямо содѣйствовать распространенію кустарныхъ промысловъ тамъ, гдѣ они слабы, то отъ этого фабрики наши, конечно, не будутъ процвѣтать. Съ другой стороны, поощреніе кустарныхъ промысловъ должно нанести не менѣе тяжкій ударъ фабричной промышленности въ томъ отношеніи, что оно уменьшитъ контингентъ постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ, который и безъ того ничтоженъ. Въ настоящее время, изъ числа семисотъ тысячъ человекъ, работающихъ на фабрикахъ Москвы, Петербурга, губерній кievской, владимірской, ярославской и другихъ, значительная часть не принадлежитъ къ составу постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ: фабричный трудъ для нея есть временный отхожій промыселъ, который чередуется съ земледѣльческимъ трудомъ на себя и который охотно будетъ оставленъ при увеличеніи надѣла, сбавкѣ платежей или предоставленіи какой-либо возможности заняться дома тѣмъ или другимъ подсобнымъ ремесломъ. Достаточно однихъ льготъ по переселенію, чтобы оторвать отъ нашихъ фабрикъ громадную массу народа и оставить въ ихъ распоряженіи лишь городскую голытьбу изъ мелкаго мѣщанства и безземельныхъ крестьянъ, голытьбу,

о судьбѣ которой, конечно, необходимо серьезно подумать. Народъ нашъ неохотно идетъ на фабрики; его принуждаетъ къ этому лишь крайняя нужда, совершенное отсутствіе мѣстныхъ заработковъ и невозможность кормиться своимъ надѣломъ, и это такъ хорошо извѣстно нашимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, что для вновь устраиваемыхъ по губерніямъ фабрикъ выбираются непременно такія мѣстности, населеніе которыхъ обречено разными условіями на самое плачевное существованіе. Безъ сомнѣнія, наше фабричное производство никогда не прекратится, но если-бы оно нѣсколько пошатнулось или встрѣтило-бы препятствіе къ своему развитію, благодаря урегулированію поземельныхъ отношеній и поднятію кустарничества, то отъ этого государству былъ-бы небольшой ущербъ, а выгоды громадны. Фабрикантъ и ограниченный кругъ потребителей его продуктовъ суть величины слишкомъ малозначительныя даже въ фискальномъ смыслѣ, чтобы онѣ могли остановить государство въ его попыткахъ къ улучшенію матеріальнаго положенія всего народа. Теперь намъ даже трудно понять близорукость той хозяйственной политики, которая все старалась дѣлать для фабричнаго производства и интеллигентныхъ потребителей и ровно ничего не дѣлала для сельской промышленности, — политики, которая выражалась въ насильственныхъ мѣрахъ Петра, насильно притягивавшаго народъ къ фабрикамъ, въ монополіяхъ фабрикантовъ, въ запретительныхъ и охранительныхъ тарифахъ, въ усиленномъ сосредоточеніи государственнаго и частнаго кредита на одномъ фабричномъ производствѣ, тогда-какъ народные промыслы оставлены были почти безъ всякой охраны и поддержки. Изъ этой хозяйственной политики можно вывести только то утѣшительное заключеніе, что ученіе о государственномъ невмѣшательствѣ не имѣетъ у насъ корней, слѣдовательно, не намъ выставлять ученіе о невмѣшательствѣ, когда дѣло идетъ о нуждахъ народа и когда цѣлесообразно оказанная помощь ему отвѣчаетъ прямымъ выгодамъ государства.

Однако, прежде чѣмъ помогать, охранять и поддерживать, надо знать, съ чѣмъ мы собственно имѣемъ дѣло, что такое кустарные промыслы? Вопросъ, конечно, странный; однако, справедливо, что о кустарныхъ промыслахъ, существующихъ сотни лѣтъ и сотни лѣтъ поддерживающихъ добрую часть государственнаго бремени, мы почти ничего не знаемъ до настоящаго времени. Мало этого, мы даже не знаемъ, какъ приступить къ изученію ихъ, какъ извлечь наиболѣе цѣнные и практически-необходимыя свѣденія изъ безконечной массы разнообразныхъ явленій и фактовъ кустарной промышленности. Ни

общихъ понятій, ни обстоятельно собранныхъ фактовъ, ни даже хорошаго плана для изслѣдованій, для простаго собранія свѣденій, ни силъ, ни средствъ, ничего у насъ нѣтъ еще для кустарной промышленности. Пусть читатель не видитъ въ этихъ словахъ утрировки или желанія навязать педантическое штудированіе народнаго быта для того, чтобы принести на грошъ пользы. Невѣжество наше, дѣйствительно, преступно, ибо оно слишкомъ элементарно и слишкомъ немного требовалось, чтобы его не было. По правдѣ сказать, даже тошно смотрѣть на всѣ эти длинные и вялые сборы къ изученію кустарничества, на всѣ эти слабосильные приступы и неумѣлыя попытки, тянущіяся безъ всякаго результата не менѣе десятка лѣтъ, между тѣмъ какъ двухъ-трехъ лѣтъ дружной работы людей энергическихъ и преданныхъ народу, а не какихъ-либо заѣденныхъ затхлою канцелярщиной чиновниковъ—вполнѣ достаточно для освѣщенія этого темнаго уголка народной жизни настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы невозможно было въ темнотѣ наступать на головы живыхъ людей. Не будемъ искать у всѣхъ пламенной любви къ народу и удовлетворимся простымъ знаніемъ, которое во многихъ случаяхъ достаточно, чтобы не совершать несправедливостей. Знаніе обязываетъ; оно, иногда, лучше и вѣрнѣ платонической любви защитить народъ, заставивъ войти въ его положеніе.

«Какъ, опять изслѣдованіе! воскликнетъ читатель. Опять эти нескончаемыя комиссіи съ ихъ неизбѣжными «трудами», отъ которыхъ въ обществѣ все болѣе дискредитируется самая идея подобныхъ изслѣдованій, тогда-какъ народу, ради котораго они предпринимаются, никогда не бываетъ отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Къ сожалѣнію, все это слишкомъ справедливо, но именно поэтому мы считаемъ необходимымъ, не предлагая никакихъ новыхъ изслѣдованій, обратить вниманіе на изслѣдованія уже начатыя, направленіе которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть совершенно измѣнено возможно скорѣе, для того, чтобы они принесли какую-нибудь пользу. Хотя изслѣдованія эти давно уже продолжаются и, повидимому, уже поздно вводить перемѣны, но на самомъ дѣлѣ еще ничего не сдѣлано и можно начать работы какъ-бы за-ново.

Два года тому назадъ начались у насъ изслѣдованія кустарной промышленности. Съ какимъ успѣхомъ трудится особая комиссія, можно судить изъ того, что еще до сихъ поръ не описана въ цѣломъ ни одна изъ кустарныхъ губерній, не закончено изслѣдованіе ни по одному производству, и, можно сказать безъ преувеличенія, что когда обнять будетъ

весь обширный районъ кустарничества, комиссиі стукнетъ піпшш 40 лѣтъ и она сама потеряетъ счетъ своимъ годамъ. Черезъ 40 лѣтъ, значитъ, мы будемъ имѣть самыя свѣжія свѣденія о какихъ-нибудь двухъ-трехъ кустарныхъ деревняхъ съ населеніемъ въ 1,000 человекъ; остальные-же свѣденія будутъ столь-же любопытны и важны, какъ прошлогодній снѣгъ *). Черезъ 40 лѣтъ, конечно, въ иныхъ мѣстностяхъ не останется и слѣда отъ описанныхъ промысловъ, и вмѣсто нихъ возникнутъ новыя или совсѣмъ не возникнутъ, въ другихъ старое преобразится и измѣнитъ прежнюю физиономію. Предположеніе это не должно показаться невѣроятнымъ, если имѣть въ виду, что послѣ крестьянской реформы пульсъ народной жизни сталъ биться съ лихорадочной быстротой, и трудъ, какъ кустарный, такъ и земледѣльческій, сдѣлался предметомъ непрерывнаго ряда перемѣнъ и видоизмѣненій. Да, у насъ очень много живого дѣла, но у насъ много и мертвыхъ людей, пользующихся, къ сожалѣнію, возможностью участія въ немъ.

Мы не имѣемъ собственно никакой охоты разбирать неудачную дѣятельность комиссиі, и если мы все-таки намѣрены говорить объ этомъ, то только съ одною цѣлью выясненія общаго вопроса объ организаціи изслѣдованій подобнаго рода. Намъ все кажется, что скоро-скоро русскому обществу сдѣлается стыдно за свое невѣденіе родной страны, что оно разсердится и предприметъ нѣчто достойное своего отечества. А въ такомъ случаѣ оно обратится неминуемо къ изученію народной промышленности; для того-же, чтобы изъ этого вышли какіе либо практическіе результаты и чтобы не сбиться на путь комиссиі, первое дѣло—организація и планъ работъ, и объ этомъ-то слѣдуетъ подумать заблаговременно. Существенный недостатокъ организаціи работъ, предпринятыхъ комиссіей, состоитъ въ обычномъ стремленіи нашемъ обнять все, въ мельчайшихъ деталяхъ, безъ всякаго разчета потребныхъ для этого силъ и безъ соображенія о томъ, есть-ли въ этой детальности практическая нужда. Задавшись цѣлью изслѣдовать кустарничество, комиссиія вообразила, что для этого нужно изобразить на ея фотографической снимкѣ каждую точку и каждую черточку дѣйствительности. Хорошо, если для этого есть силы и средства, тогда можно расписывать на 50-ти страницахъ мельчайшую деревушку, гдѣ оказался промыселъ, и даже включить и такую, гдѣ нѣтъ промысла, чтобы знали, что его нѣтъ, что и можно встрѣтить въ трудахъ комиссиі; можно также, по дорогѣ или не по дорогѣ, заѣз-

*) См. разсчетъ этихъ лѣтъ выше.

жать въ иноземныя страны, на Рейнъ или въ Аахенъ, что также въ привычкахъ комиссіи. Но для такой недѣло-колоссальной задачи никакихъ силъ и средствъ не хватитъ, да и нѣтъ нужды въ этомъ. Такъ можно провести весь вѣкъ въ изслѣдованіяхъ, и отъ нихъ никому не будетъ ни тепло, ни холодно. У комиссіи, собственно говоря, нѣтъ строгаго плана для изслѣдованій, она не придерживается ни системы топографическаго описанія, ни самой рациональной системы описанія по производствамъ. Напр., во 2-мъ выпускѣ прежде всего описываются промыслы медынскаго уѣзда, потомъ вдругъ скачекъ въ семеновскій уѣздъ нижегородской губерніи, и то ради одного только производства ложекъ, а затѣмъ изслѣдованіе переносится въ Аахенъ. Въ третьемъ выпускѣ подробно изслѣдуется одно селеніе арзамаскаго уѣзда и распространенный въ этомъ селеніи сапожный промыселъ, отсюда комиссіи переходитъ къ ветлужскимъ рогожникамъ макарьевскаго уѣзда, отъ нихъ опять попадаетъ въ арзамасскій уѣздъ къ скорнякамъ, и потомъ внезапно переносится въ Скандинавскія государства. Въ четвертомъ выпускѣ та-же исторія: описаніе семеновскаго и нижегородскаго уѣздовъ со стороны столярнаго промысла, потомъ снова является арзамасскій уѣздъ въ отношеніи кузнечнаго промысла, а затѣмъ, неожиданно-негаданно выводится на сцену бѣличій промыселъ въ Каргополѣ и, въ заключеніе, какъ водится, пріятная прогулка какаго-то А. Туна по лѣвому берегу Рейна. Въ остальныхъ выпускахъ все то-же: крайняя беспорядочность, отсутствіе всякаго выбора кустарныхъ мѣстностей при очевидной невозможности схватить слабымъ числомъ рукъ комиссіи весь кустарный районъ Россіи, прихватываніе, Богъ знаетъ къ чему, иноземныхъ мѣстностей, когда и съ своими нельзя справиться, и, всего главнѣе, убійственная и безнадежная медленность изслѣдованія, лишаящая труды комиссіи всякаго жизненнаго значенія, всякаго практическаго смысла и для пользы народа и для возможныхъ государственныхъ предпріятій въ его интересахъ. Въ два года комиссіи, издавшая 6 выпусковъ своихъ трудовъ, дала полное описаніе лишь медынскаго и арзамаскаго уѣздовъ, а остальное все клочки, нисколько не характерныя для мѣстностей, къ которымъ они относятся. Сколько-же лѣтъ потребуется комиссіи, чтобы описать, въ отношеніи кустарныхъ промысловъ, всѣ мѣстности, гдѣ они имѣютъ преобладающее и выдающееся значеніе? У насъ минимумъ девять такихъ губерній (вятская, нижегородская, костромская, владимірская, ярославская, московская, калужская, тверская, новгородская), не считая второстепенныхъ и третьестепенныхъ, въ этомъ отношеніи, губерній (каковы, напр., съ од-

ной стороны, тамбовская, пензенская, орловская, рязанская, съ другой—черниговская, харьковская, всѣ губерніи юго-восточныя и сѣверо-западные), которыя также изслѣдуются комиссіей. Въ девяти главныхъ губернскихъ районахъ кустарничества существуетъ 47 выдающихся уѣздныхъ районовъ *), и изъ нихъ въ два года комиссія успѣла описать только два; о второстепенныхъ и третьестепенныхъ районахъ мы и не говоримъ, хотя комиссія берется и за нихъ. Сколько-же лѣтъ потребуется комиссіи, чтобы привести свой трудъ къ вождѣльному концу? Лѣтъ сорокъ, навѣрное, если не всѣ пятьдесятъ.

А между тѣмъ, по самой сущности дѣла и по требованію практической необходимости, на эти работы не можетъ быть затрачено болѣе года или максимумъ двухъ лѣтъ. Иначе мы не въ состояніи будемъ *уловить* дѣйствительности, и въ нашихъ рукахъ будетъ не настоящее, а прошедшее, будетъ исторія о томъ, что было и чего уже нѣтъ или что совершенно измѣнило свою физиономію. Притомъ, сверхъ срока для изслѣдованій, надо же положить время для обнародованія и распространенія ихъ въ обществѣ и среди предрержащихъ властей, надо время для того, чтобы, оцѣнивъ факты, взвѣсить и обдумать важнѣйшія практическія мѣропріятія, съ которыми мы выступимъ навстрѣчу возрастающей народной нуждѣ.

Для того, чтобы достигнуть въ принятый нами срокъ наибольшихъ успѣховъ, необходимо прежде всего оставить всякую мысль обнять въ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ всю кустарную территорію Россіи. На это уйдутъ милліоны рублей, которыхъ нѣтъ, и сотни людей, которые также не всѣ найдутся въ моментъ нужды. Да и нѣтъ никакой необходимости въ этомъ, разъ мы уже узнали, благодаря трудамъ гг. Модзалевскаго и Мещерскаго, въ какихъ мѣстностяхъ существуютъ промыслы и, слѣдо-

- *) Чтобы показать читателю, что мы не зря считали эти уѣздные районы, и были очень умѣренны въ своемъ выборѣ, приводимъ нашъ разсчетъ. Въ вятской губерніи требуютъ самаго тщательнаго изслѣдованія уѣзды: слободской, орловскій, котельничскій и вятскій. Въ нижегородской губерніи должны быть описаны комиссіей уѣзды: арзамасскій, семеновскій, горбатовскій, балахнинскій, ардатовскій, нижегородскій, мажарьевскій. Во владимірской губерніи необходимо описать уѣзды: шуйскій, александровскій, ковровскій, горохоовецкій, визникоскій, судогодскій, переяславскій, суздальскій. Въ костромской—уѣзды: перехотскій, кивешемскій, костромской, прьевскій. Въ ярославской—уѣзды: ярославскій, р.-борисоглѣбскій, ростовскій, молагскій, мышьянскій. Въ московской—уѣзды: серпуховскій, бронницкій, звенгородскій, дмитровскій, московскій, богородскій, подольскій. Въ калужской—уѣзды: мединскій, тарусскій, малоярославскій, жидздринскій. Въ Тверской—уѣзды: бѣжецкій, корчевскій, остафьковскій, тверской, галызинскій, старцидкій. Въ новгородской—уѣзды: череповскій, валдайскій.

вательно, гдѣ можно предполагать съ большою вѣроятностью существованіе ихъ до нынѣшняго времени. Несравненно рациональнѣе и практичнѣе прибѣгнуть, вмѣсто системы топографическаго описанія, къ системѣ описанія по производствамъ, съ предварительнымъ выборомъ типическихъ мѣстностей для каждаго производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо поручить изслѣдованіе нѣкоторыхъ производствъ техникамъ-специалистамъ, которымъ не нужно было-бы по нѣскольку лѣтъ присматриваться къ промыслу, чтобы описать его и подмѣтить въ немъ существенные недостатки, если они есть. Одно и то-же производство можно, и даже слѣдуетъ, поручить одному и тому-же лицу, если принять двухгодичный срокъ, и двумъ лицамъ, если срокъ будетъ ограниченъ однимъ годомъ. Выгоды изслѣдованія одного и того-же производства, но въ разныхъ мѣстностяхъ, однимъ и тѣмъ-же лицомъ, слишкомъ очевидны и важны, чтобы можно было легко пренебречь ими. Въ рѣдкихъ случаяхъ территория одного промысла настолько разбросана, что полезно поручить изученіе его двумъ лицамъ. По нашему расчету, главныхъ кустарныхъ производствъ, кормящихъ большую часть населенія промышленной полосы Россіи, всего 15; къ нимъ можно присоединить еще ремесла—искусства, каковы: выдѣлка разныхъ мелкихъ галантерейныхъ вещей, иконопись и живопись, и красильное искусство. 25 человѣкъ совершенно достаточно для изученія всѣхъ этихъ производствъ въ центрахъ ихъ *наибольшаго* распространенія, при годовомъ срокѣ изслѣдованія. *) Если къ

*) Вотъ въ общихъ чертахъ распределеніе промысловъ по роду ихъ и по наибольшему ихъ территориальному распространенію. *Скормящій* промыселъ распространенъ, главнымъ образомъ, въ 3 уѣздахъ владимірской губерніи (шуйскомъ, ковровскомъ, вязниковскомъ) и въ одномъ уѣздѣ нижегородской губерніи; изученіе его можетъ быть поручено одному человѣку. Для *валенинаго* промысла достаточно также 1 человѣка, которому придется описать неболѣе 10 селеній арзамасскаго, семеновскаго и балахнинскаго уѣзловъ, затѣмъ шуйскаго и ярославскаго. *Выдѣлка кожъ*, сосредоточенная, главнымъ образомъ, въ уѣздахъ горбатовскомъ и балахнинскомъ, васильскомъ (нижег. губ.) и чистопольскомъ (казанской губ.), также не потребуетъ болѣе одного человѣка. Для *саножнаго* промысла въ уѣздахъ горбатовскомъ, балахнинскомъ, арзамасскомъ и корчевскомъ (тверской губ.) можно опредѣлять двухъ человѣкъ, причѣмъ одному поручается корчевскій уѣздъ съ Кимрами, калязинскій и весегонскій; вмѣстѣ съ сапожнымъ ремесломъ описывается и производство разныхъ кожаныхъ издѣлій. *Шерстяное* производство въ уѣздѣ арзамасскомъ, а также бобровскомъ и нижедѣвничкомъ (воронежской губерніи) весьма обстоятельно можетъ быть изслѣдовано однимъ человѣкомъ. Для обширной области лѣсныхъ издѣлій, относящихся къ 5 группамъ производствъ, достаточно 7 человѣкъ; для кузнечнаго ремесла и производства разныхъ *железныхъ* издѣлій—3 человѣкъ; для гончарнаго производства—1 человѣкъ; для производства холста—двухъ и для бумажнаго производства также двухъ. Таки

этимъ 25 изслѣдователямъ присоединится человекъ 5 для сводки матеріаловъ и редакціоннаго труда, то вотъ и вся армія, которую нужно двинуть въ дѣло для обѣихъ мирныхъ, но славныхъ побѣдъ гражданственности и социальнаго благоустройства.

Разумѣется, и здѣсь, какъ и во всемъ, нельзя обойти вопроса о средствахъ. У насъ есть разные казенныя вѣдомства, есть даже департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, обязанный взяться за эту прямую задачу его, но по разнымъ соображеніямъ удобнѣе не тревожить всѣ эти учрежденія и не отрывать ихъ отъ обычной ихъ дѣятельности ради такого безпокойнаго дѣла. Установившіеся долговременной практикой казенныя приемы изслѣдованія были-бы въ этомъ случаѣ совершенно непригодны. Не говоря о неизбѣжной въ этомъ случаѣ медленности изслѣдованія, мы не имѣли-бы никакихъ гарантій его достовѣрности. Заведенные на такой конецъ порядки общеизвѣстны: пойдутъ запросы по губерніямъ, изъ губерній въ уѣзды къ исправникамъ, отъ исправниковъ къ становымъ, отъ становыхъ въ волостныя правленія, откуда и выйдутъ разнообразныя продукты творческой фантазіи писарей и старшинъ, уже понабившихъ руку въ разныхъ отпискахъ на запросы начальства. Словомъ,—дѣло это пропащее, разъ оно пойдетъ обычнымъ порядкомъ канцелярскаго производства. Единственная надежда—на привлеченіе частныхъ лицъ, которыхъ одушевляло-бы, если не участіе къ положенію народа, то по крайней мѣрѣ сознаніе важности исполняемаго ими дѣла. Такъ-какъ этихъ лицъ придется искать на обыкновенныхъ рынкахъ труда, то необходимо предложить имъ вознагражденіе, и на это должны быть найдены средства. Если-бы на это потребовалось до ста тысячъ, то намъ кажется, что это не можетъ затруднить государство, извлекающее десятки милліоновъ изъ кустарныхъ промысловъ и изъ земледѣлія, которому они служатъ поддержкой. У насъ, кромѣ того, существуютъ разные общества, въ родѣ вольно-экономическаго и географическаго, которымъ не грѣшно было-бы внести и свою ленту на это дѣло.

Какъ-бы ни разрѣшились всѣ эти частности, имѣющія, впрочемъ, большое значеніе, одно условіе безусловно необходимо для успѣха предпріятія, о которомъ идетъ рѣчь, это именно упрощеніе плана изслѣдованій въ указанномъ смыслѣ. Система описанія кустарныхъ промысловъ по роду ихъ и съ выборомъ главнѣйшихъ центровъ ихъ распространенія должна быть по-

назначенія числа изслѣдователей должны опредѣляться территориальными рамками производствъ.

жена въ основу изслѣдованія. Это вызывается практической необходимостью, недостаткомъ средствъ и силъ и это-же даетъ возможность достигнуть ближайшихъ практическихъ результатовъ. Государство не можетъ являться на помощь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оно прибѣгаетъ къ массовымъ мѣропріятіямъ, для соображенія которыхъ всего важнѣе знать состояніе производства, тѣмъ болѣе, что сфера его распространенія приблизительно извѣстна, а въ точности она и не можетъ быть опредѣлена иначе, какъ путемъ народной переписи, которая охватила-бы полъ-Россіи. Погоню за точнымъ, числовымъ опредѣленіемъ кустарнаго населенія надо оставить, иначе всегда будетъ выходить такъ, что какія-нибудь двѣ мѣстности описаны будутъ во всей подробности, со всѣми селами и деревушками, съ точностью до одного кустаря, тогда-какъ сотни другихъ кустарныхъ районовъ будутъ ждать своей очереди десятки лѣтъ.

Сосредоточеніе изслѣдованій на районахъ наибольшаго развитія кустарничества необходимо еще потому, что тамъ-то промыслы и находятся въ наибольшемъ упадкѣ и населеніе этихъ мѣстностей попреимуществу требуетъ помощи. Парадоксальнаго тутъ нѣтъ ничего; это извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ нашего кустарничества. Гдѣ мало занимаютъ промыслами, тамъ они гораздо выгоднѣе, ибо при этомъ цѣны выше, или-же тамъ вовсе нѣтъ никакихъ условій для развитія промысловъ, такъ-что никакія мѣропріятія не привьютъ ихъ, или-же тамъ можно прожить однимъ земледѣльческимъ трудомъ. Но крайне печально положеніе многихъ мѣстностей интенсивнаго кустарничества; здѣсь цѣны на трудъ низки, кое-гдѣ онѣ даже понижаются съ теченіемъ времени (см. «Труды ком.», вып. IV, стр. 297); здѣсь мѣстность кишитъ скупщиками и кулаками, здѣсь фабрики, устроенныя съ расчетомъ въ этихъ мѣстностяхъ, какъ бѣднѣйшихъ, усердно роютъ могилу населенію, здѣсь промыселъ выбранъ не по охотѣ, не для наполненія зимняго досуга, а по необходимости пополнить скудные заработки отъ земледѣлія, здѣсь въ послѣднее время сталъ усиленно развиваться отходъ, представляющій собою зловѣщую угрозу и безъ того шаткому земледѣлію этихъ мѣстностей, здѣсь люди страдаютъ отъ нищеты и болѣзней,—сюда-то и должна проникнуть проектируемая нами армія изслѣдователей.

II.

Помимо хорошаго плана для работъ по изученію кустарничества, нельзя не пожелать изслѣдователямъ серьезнаго отноше-

нія къ дѣлу. Мы всё склонны легко смотрѣть на чужіе интересы, не по эгоизму, не по намѣренному безучастью, а, просто, по нѣкоторой умственной лѣни обдумывать то, что не лѣзетъ намъ прямо въ глаза и не причиняетъ намъ непосредственной боли. Теперь, слава Богу, мы начинаемъ понемногу излечиваться отъ этой себялюбивой лѣни и, какъ кажется, мы искренно готовы потрудиться для пользы народа. Но у насъ все-таки есть обширный запасъ того нелѣпаго легкомыслія, которое заставляеть насъ считать нестоящимъ особаго вниманія все, чего нѣтъ въ нашей интеллигентной средѣ. Мы склонны повтому обдумывать и взвѣшивать всякія мужицкія дѣла въ полголовы, какъ пустяки, надъ которыми нечего особенно долго останавливаться. Такой взглядъ на явленія крестьянской жизни пора оставить, потому-что онъ совершенно ложенъ. Онъ долго былъ опаснымъ заблужденіемъ нашихъ администраторовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, потому и рѣшали разные вопросы крестьянскаго быта крайне неудачно, что заранѣе считали все мужицкое сущимъ вздоромъ, порожденіемъ первобытнаго невѣжества и варварства.

Исслѣдователи кустарныхъ промысловъ усвоили себѣ нѣсколько шаблонныхъ рубрикъ, подъ которыя они и подводятъ различныя частности описываемыхъ промысловъ. Такія описанія обстоятельно знакомятъ съ числомъ рабочихъ рукъ, занятыхъ промысломъ, съ техникой его, съ матеріальными выгодами, которыя онъ даетъ населенію, съ рынками сбыта, закупки сырья, и т. д. Всѣ эти свѣденія очень важны и безусловно необходимы, но они знакомятъ съ промысломъ только въ его изолированномъ состояніи, безъ отношенія къ другимъ сторонамъ народнаго быта, имѣющимъ тѣсную связь съ кустарничествомъ. Отъ такой односторонности исслѣдованія утрачивается и цѣнность добытыхъ имъ фактовъ. Какой-нибудь кустарный промыселъ самъ по себѣ можетъ быть очень выгоденъ для населенія, но, вліяя вредно на другія стороны быта, онъ можетъ уничтожить всю эту выгоду и въ общемъ результатъ приносить ущербъ, даже чисто-матеріальный: или-же промыселъ, не давая особыхъ выгодъ, какъ таковой, благотворно отражается на другихъ сторонахъ быта и именно тѣмъ только и полезенъ. Для противовѣса указываемой нами односторонности въ существующихъ исслѣдованіяхъ кустарничества мы и намѣчаемъ здѣсь нѣсколько вопросовъ общаго характера, мало исслѣдованныхъ, но очень важныхъ, которые должны быть, по нашему мнѣнію, включены въ программу работъ по изученію кустарныхъ промысловъ.

Внимательное исслѣдованіе, безъ сомнѣнія, покажетъ, что

экономическій строй народной жизни далеко не обладает той простотой, какая ему приписывается. Не египетскіе гіероглифы этотъ строй, но и не такая простая штука, какъ казалось нѣкоторымъ администраторамъ и какъ думаютъ многіе интеллигентные культуртрегеры. Сельская-же промышленность по преимуществу, несмотря на ея кажущуюся незатѣйливость и сѣрость, полна явленій весьма сложнаго характера, надъ разъясненіемъ которыхъ въ пору поработать самымъ опытнымъ и дѣльнымъ экономистамъ, способнымъ къ тому-же отрѣшиться, въ случаѣ нужды, отъ готовыхъ теорій и взглядовъ, выработанныхъ экономической наукой Запада, ибо они не всегда помогутъ въ разъясненіи существенныхъ особенностей нашего быта. Въ настоящее время, въ Европѣ, за немногими исключеніями, нигдѣ нельзя найти ничего подобнаго нашей кустарной промышленности, и смотрѣть на нее сквозь очки западной экономической науки не всегда возможно. У насъ, къ сожалѣнію, довольно часто ученія западныхъ экономистовъ всецѣло переносятся на русскую почву, и то, что не находитъ себѣ въ этихъ ученіяхъ отвѣта и разъясненія, игнорируется, какъ несущественное, забывается или насильственно втискивается въ рамку излюбленныхъ доктринъ. Вообще всегда полезно свободнѣе держаться отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Общіе экономическіе принципы, конечно, повсюду сохраняютъ свою силу, но мы не можемъ принимать пѣликомъ міросозерцаній, критеріевъ, точекъ зрѣнія западныхъ экономистовъ, къ какой-бы школѣ они ни принадлежали. Поземельныя отношенія суть самыя главные опредѣлители экономической жизни страны, и пока они у насъ совершенно иныя, чѣмъ на Западѣ, намъ слѣдуетъ осторожнѣе прилагать выработанныя имъ доктрины къ нашей экономической дѣйствительности.

Вполнѣ ошибочно было-бы, основываясь исключительно на примѣрѣ Западной Европы, считать нашу кустарную промышленность обреченною на неизбежную гибель. Пока крестьянское землевладѣніе не поколеблено въ своихъ основахъ, кустарная промышленность будетъ существовать и будетъ съ своей стороны поддерживать земледѣліе. Мы вовсе не оспариваемъ возможности разрушенія у насъ крестьянскаго землевладѣнія, а съ нимъ и сельской промышленности, но отъ возможности еще далеко до неизбежности. У насъ и безземеліе кое-гдѣ начинается уже объ-являться, и это, конечно, очень серьезный симптомъ. По всей вѣроятности, то, что на Западѣ достигнуто было явнымъ насиліемъ, прямымъ захватомъ земли у народа, то у насъ могло-бы произойти вслѣдствіе обременительныхъ платежей и недостаточности надѣловъ, какъ такихъ причинъ, которыя застав-

ляютъ бросать землю, подобно тому, какъ отъ англійскаго народа земля отнималась парламентскими актами и биллями. Но даже и для Англiи въ этомъ не было никакой неизбѣжности, тѣмъ менѣе можетъ она тяготѣть надъ нами въ настоящее время. Мы еще въ такой мѣрѣ хозяева самимъ себѣ и нашъ существующій экономическій строй можетъ еще оказать столь могучую поддержку всякой готовности предотвратить отъ народа грядущую бѣду, что и заслуги особой не будетъ достигнуть въ этомъ направленiи успѣха, между тѣмъ какъ отвѣтственность за пренебреженiе къ этому слишкомъ тяжка, тѣмъ тяжелѣе, что все благопріятствуетъ этой простой и немудреной задачѣ, требующей лишь готовности съ нашей стороны. Не потому мы видимъ необходимость охранить Россiю отъ западно-европейскаго капитализма, чтобы онъ угрожалъ ей неизбѣжно, — тогда не о чемъ и говорить, а потому, что пока есть время, сдѣлать это вполне возможно. Грѣшно уклониться намъ отъ этой задачи, стыдно передъ собственной совѣстью и потомствомъ не приложить своихъ усилiй къ существующему у насъ естественному оплоту противъ вторженiя капитализма. Оплоть этотъ и есть нашъ поземельный строй, и все, что будетъ укрѣплять наше крестьянское землевладѣніе, необходимо, силою вещей, будетъ отбрасывать насъ на далекое разстояніе отъ того пути, по которому шелъ Западъ.

По всей вѣроятности, благодаря этому оплоту, у насъ многое въ экономической жизни пойдетъ, и отчасти, кажется, идетъ, совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, какъ на Западѣ. Такъ повсюду въ Западной Европѣ, особенно въ Англiи, кустарная промышленность падала, а фабричная быстро разцвѣтала, между тѣмъ какъ у насъ, хотя не замѣтно никакого прогресса въ кустарной промышленности и скорѣе можетъ быть отмѣченъ упадокъ ея, но все-таки въ общемъ положенiе ея благопріятнѣе, чѣмъ положенiе фабричной промышленности, въ будущемъ-же первая имѣетъ больше шансовъ для процвѣтанiя, чѣмъ вторая. Кустарная промышленность, прежде всего, обезпечена постояннымъ числомъ рабочихъ рукъ, тогда-какъ фабричная не имѣетъ этого преимущества и при всякомъ мѣропріятiи въ видахъ упроченiя крестьянскаго землевладѣнiя будетъ все больше и больше терять ихъ. А затѣмъ, въ то время какъ потребители продуктовъ кустарнаго производства будутъ оставаться, при условіи обезпеченiя ихъ землей, приблизительно на одномъ уровнѣ благосостоянiя, потребители фабричныхъ продуктовъ, наша интеллигенція, несомнѣнно должны прогрессивно бѣднѣть. Престарѣвшій потребитель фабричныхъ товаровъ былъ Крезомъ въ сравненiи съ нынѣшнимъ. Помѣщикъ времени крѣпостного права служилъ самой важной поддержкой на-

шему фабричному производству, и съ отрицаніемъ крѣпостного права ударъ нанесенъ былъ капитализму какъ въ сферѣ земледѣльческой, такъ и въ сферѣ фабричной промышленности. Капиталистъ-землевладелецъ уже бѣжитъ съ поля битвы, онъ развивается, жалуясь на дороговизну рабочихъ и даже на невозможность вовсе достать ихъ. Капиталисту - фабриканту недостатокъ рукъ несомнѣнно угрожаетъ въ будущемъ, а въ настоящемъ онъ уже несетъ главный ущербъ отъ оскуднѣнія потребителя. Помѣщикъ, конечно, не единственный потребитель фабричныхъ продуктовъ, хотя, конечно, онъ былъ самымъ значительнымъ потребителемъ, но въ хвостъ помѣщика идетъ многотысячная толпа людей, такъ-называемыхъ, либеральныхъ процессій, и насколько эту толпу подкармливалъ помѣщикъ, она также должна съ его обѣдненіемъ сократиться. Если еще послѣдуетъ сбавка для крестьянъ государственныхъ платежей и, какъ вѣроятное слѣдствіе этого, убыль въ рядахъ чиновнаго сословія или уменьшеніе размѣровъ вознагражденія, то и это нужно взять въ расчетъ. Въ совокупности обѣдненіе должно коснуться не менѣе милліона людей, а это должно сильно отозваться на судьбахъ нашего фабричнаго производства. Въ будущемъ обѣдненіе интеллигентныхъ потребителей не можетъ остановиться; напротивъ, оно должно постоянно возрастать. Сюда еще слѣдуетъ прибавить отсутствіе внѣшнихъ рынковъ сбыта и давленіе заграничной промышленности, которое можетъ быть только ослаблено, но не уменьшено запретительнымъ тарифомъ. Результатомъ всего этого можетъ быть только значительное сокращеніе, если не полное уничтоженіе многихъ отраслей фабричнаго производства. Едва-ли справедлива надежда на расширеніе, взамѣнъ этого, другихъ производствъ, въ расчетъ на болѣе широкій сбытъ, вслѣдствіе увеличенія благосостоянія въ средѣ крестьянъ. Если это увеличеніе дѣйствительно будетъ имѣть мѣсто, то несомнѣнно возрастетъ рабочая плата, и, кромѣ того, увеличенное благосостояніе, давъ возможность кустарямъ пріобрѣтать сырье выгоднѣе, чѣмъ прежде, разовьетъ соотвѣтственное кустарное производство, на примѣръ, бумаго-ткацкое (нынѣ фабричное бумаго-ткацкое производство держится лишь безпримѣрной эксплуатаціей мѣстныхъ кустарей) или производство дешевыхъ сортовъ сукна. Такимъ образомъ, едва-ли и тутъ выгоритъ дѣло нашихъ фабрикъ.

Помимо вѣроятнаго процвѣтанія кустарныхъ промысловъ въ будущемъ, они и въ настоящее время представляютъ для государства громадную важность, какъ средство уплаты значительной части прямыхъ налоговъ и какъ поддержка земледѣльческому труду. Уплатившая непосредственно одну часть прямыхъ налоговъ,

кустарные промыслы помогают земледельческому труду уплатить другую часть. Тѣсная взаимная зависимость между кустарничествомъ и земледѣіемъ должна быть ясно сознана, если мы желаемъ оказать существенную помощь народному труду. Нѣтъ сомнѣнія, что правильное поземельное устройство есть важное условіе для процвѣтанія кустарныхъ промысловъ, не только потому, что безъ прикрѣпленія къ землѣ и прочной осѣдлости не можетъ быть мѣстныхъ заработковъ, но и потому, что сырые продукты легко-бы добывались и обрабатывались при обиліи скота въ извѣстномъ районѣ, при достаточномъ количествѣ дѣса, какъ матеріала для обработки и какъ топлива, столь необходимаго для нѣкоторыхъ важныхъ отраслей кустарничества (напр., горшечнаго производства), при значительномъ земельномъ надѣлѣ, на которомъ можно было-бы, сверхъ хлѣба, идущаго на собственное потребленіе кустаря и на нѣкоторыя производства (напр., для обдѣлки подошвъ), разводить въ большомъ количествѣ такіе важные для кустарничества продукты, какъ ленъ и конопля. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Теперь-же, говоря объ общемъ экономическомъ значеніи кустарничества, мы обращаемъ особенное вниманіе читателя на обратное вліяніе кустарной промышленности на земледѣльческую. Если земледѣіе вполне обезпечиваетъ крестьянина, то кустарные промыслы могутъ быть (въ свободное отъ полевыхъ занятій время), но могутъ и не быть, что и замѣчается въ дѣйствительности; если-же земледѣіе удовлетворяетъ на половину нужды крестьянина, то безъ кустарничества и частью временнаго отхода оно не могло-бы существовать. Въ критическія для крестьянства времена, наступившія послѣ реформы 61 года, кустарничество отправляло необычайно важную функцію удерживанія крестьянъ на землѣ, оно мѣшало имъ окончательно разорвать съ нею связь и спасало отъ обезземеливанія населеніе Поволжья и центральной полосы. Громадная территория съ населеніемъ до 15-ти милліоновъ сохранена кустарничествомъ для земледѣльской промышленности; оно сослужило Россіи и народу такую службу, благотворныя послѣдствія которой останутся на долгія времена. Что могло-бы дать, не говоримъ народу, но самому государству, умноженіе, послѣ обезземеленія упомянутой части населенія, фабрикъ и заводовъ съ ихъ пониженной до невозможности рабочей платой, при уменьшеніи массы сырья и усиленной дороговизнѣ хлѣба, какъ неизбѣжномъ послѣдствіи уменьшенія его производства?

Едва ли нужны какія-либо числовыя доказательства того, что кустарные промыслы спасали Россію отъ обезземеленія,

этого ужаснаго предвѣстника тяжкихъ и непоправимыхъ экономическихъ золъ, за которымъ въ настоящее время съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдятъ мыслящіе изслѣдователи народнаго быта. И безъ всякихъ цифръ извѣстно, что во всей промышленной полосѣ Россіи земледѣліе обставлено массой условій, особенно благопріятствующихъ обезземеливанію,—здѣсь гонять съ надѣла плохая почва, отсутствіе выгоновъ и крайній недостатокъ скота,—но тѣмъ не менѣе это полуземледѣльческое населеніе, вообще говоря, весьма крѣпко держится за землю, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что именно въ этой мало-плодородной мѣстности обезземеленіе есть болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ во многихъ губерніяхъ по преимуществу земледѣльческихъ. Жалкое состояніе нашей статистики заставляеть воздерживаться отъ всякихъ положительныхъ заключеній на этотъ счетъ, и мы должны пользоваться имѣющимися данными лишь съ крайней осторожностью. Новѣйшія свѣденія относительно обезземеленія, обнародованныя министерствомъ государственныхъ имуществъ («Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи»), крайне скудны и, главное, облечены въ такую форму, что самый пытливый изслѣдователь не много добьется отъ нихъ толку. Однако, и эти свѣденія даютъ чувствовать значеніе кустарничества въ дѣлѣ предохраненія отъ обезземеленія. Такъ, оказывается, что въ тверской губерніи, весьма богатой, какъ извѣстно, кустарными промыслами и сравнительно бѣдной хлѣбомъ, на 1,000 человекъ сельскаго населенія безземельныхъ считается 7 человекъ *). Въ губерніи-же орловской, дающей избытокъ хлѣба и обладающей несравненно лучшей почвой, чѣмъ тверская, безземельныхъ считается 8 человекъ на 1,000 душъ, а въ херсонской и таврической губерніяхъ, производящихъ хлѣбъ также въ нѣкоторомъ избыткѣ, безземельныхъ приходится въ первой 18 человекъ, а во второй 27 на 1,000 душъ. Въ кинешемскомъ уѣздѣ, при крайнемъ неплодін почвы и недостаточной хлѣбной производительности, безземельныхъ числится 9 человекъ на 1,000 душъ. Уѣздъ ростовскій (со включеніемъ таганрогскаго градоначальства), причисляемый обыкновенно къ хлѣбороднымъ, даетъ на 1,000 душъ 24 безземельныхъ. Всѣ эти цифры мало понятны, если объяснять ихъ лишь съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній. Въ тверской губерніи земледѣль-

*) Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статист. тверской губ.» г. Покровскаго безземельныхъ показано нѣсколько больше—11,026 чел., что составитъ 8 безземельныхъ на 1,000 чел. (Вып. IV, Тверь, 1877 г., стр. 20).

честный труд поставленъ въ крайне невыгодныя условія, также какъ и въ уѣздѣ кинешемскомъ, влинскомъ (гдѣ на цѣлую волость, именно новинскую, показано 4 безземельныхъ), медынскомъ (въ одной волости числится 27 безземельныхъ, что составляетъ на 1,000 душъ 16 безземельныхъ). Трудно было-бы ожидать въ этихъ мѣстностяхъ одинаковаго, а не только меньшаго числа безземельныхъ, чѣмъ въ губерніяхъ орловской, херсонской, таврической и въ уѣздѣ ростовскомъ, екатеринославской губерніи. По величинѣ, надѣлы въ мѣстностяхъ первой и второй категоріи не представляютъ большихъ различій: въ тверской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне надѣлены 4,0 дес. на душу, въ калужской 3,4, въ московской 2,9, въ костромской 4,8 («Опытъ статист. изсл. о крестьянск. над., Ю. Янсона, стр. 14), между тѣмъ какъ въ губерніи орловской надѣлъ составляетъ 3,1 дес. на душу, въ херсонской 3,4, въ екатеринославской 3,4, а въ таврической 6,2 д. (ib., стр. 45—6), т. е. достигаетъ такого высокаго предѣла, который не встрѣчается въ промышленной нечерноземной полосѣ. Не различаются также эти мѣстности и плотностью населенія; по даннымъ «Статистическаго Врем.» (II, вып. 1-й), на 1 кв. версту приходится въ тверской губерніи 25,9 жит., въ калужской 36,4, въ московской 57,3, въ костромской 15,7, тогда-какъ въ орловской губерніи жителей на 1 кв. версту считается 38,4, въ херсонской 23,9, въ екатеринославской 21,5, въ таврической 12,2. Слѣдовательно, вообще мѣстности послѣдней категоріи населены скорѣе рѣже. Но сравнимъ между собою мѣстности обѣихъ категорій въ отношеніи кустарныхъ промысловъ. За исключеніемъ новоторжскаго, ржевскаго и зубцовскаго уѣздовъ, вся тверская губернія переполнена кустарями; въ ней сосредоточены сапожное ремесло (въ уѣздахъ ворчевскомъ и калязинскомъ), гвоздарное производство въ тавихъ-же обширныхъ размѣрахъ, какъ и шитье сапоговъ (преимущественно въ уѣздѣ тверскомъ, а также въ весьегонскомъ, бѣжецкомъ, ржевскомъ), трепка льна и выдѣлка льняныхъ мѣшковъ (тѣхъ самыхъ, которые въ послѣднее время встрѣтили опасныхъ конкурентовъ въ джутовыхъ мѣшкахъ), главнымъ образомъ, въ уѣздѣ бѣжецкомъ; затѣмъ, горшечное производство повсемѣстно, мочальное (ржевскій уѣздъ), хлопчато-бумажное (уѣздъ калязинскій), деревянныя издѣлія повсюду. Всѣ эти промыслы, по приближительному расчисленію, основанному на данныхъ, приведенныхъ въ «Сводѣ матеріаловъ по кустарной промышленности» Мещерскаго и Мадзалева, а также въ «Сборн. матер. для статист. тверской губерніи» В. Покровскаго и «Труд. податн. комиссій», даютъ тверскимъ крестьянамъ до 3¹/₂ милл. рублей, а между-

тѣмъ, въ тверской губерніи своего хлѣба не хватаетъ на продовольствіе на сумму въ 1,156,500 р. (по даннымъ г. Вильсона въ «Объясн. къ хозяйств. статистич. атласу», относящимся къ началу 70-хъ годовъ, т. е. къ тому-же времени, къ которому относятся и данныя вышеприведеннаго исчисленія доходности кустарныхъ промысловъ). Такимъ образомъ, въ тверской губерніи, кустарные промыслы не только закрываютъ прорѣхи земледѣльческаго труда, но и даютъ возможность уплачивать (хотя и не вполне) подати; вотъ въ чемъ и заключается роль кустарничества въ дѣлѣ предохраненія отъ обезземеленія. Если мы сопоставимъ съ тверской губерніей таврическую и херсонскую, то, эти губерніи вообще производятъ хлѣбъ въ избыткѣ, далеко превышающемъ нужды населенія; въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются мѣстности, очень плохо поставленныя въ земледѣльческомъ отношеніи, притомъ-же, хозяйство здѣсь степное, подверженное разнымъ неожиданностямъ и катастрофамъ. Никакихъ кустарныхъ промысловъ въ этихъ губерніяхъ нѣтъ; часто на нѣсколько десятковъ верстъ нигдѣ нельзя найти кузнеца или плотника, и если они гдѣ найдутся въ этомъ краѣ, то это ремесленники, созданныя крѣпостнымъ правомъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, какая-нибудь засуха, повторяющаяся нерѣдко нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, жучекъ или гессенская муха, могутъ поставить населеніе въ безвыходное положеніе; никакое «перебиваніе», никакой «терпежь» здѣсь невозможны, и ничего не остается, какъ бросить землю. То-же самое въ екатеринославской губерніи и частью въ орловской, гдѣ, однако, кой-какіе промыслы имѣются, и мы видимъ, что и безземельныхъ меньше въ этой послѣдней губерніи. Въ весьма мало-плодородномъ кинешемскомъ уѣздѣ безземельныхъ меньше въ два и въ три раза, чѣмъ въ екатеринославской, херсонской и таврической губерніяхъ, причисляемыхъ къ хлѣбороднымъ. Загадка эта въ достаточной степени разрѣшается тѣмъ, что кинешемскій уѣздъ есть обширный центр кустарнаго, полотнянаго и бумагопрядильнаго производства. Въ предѣлахъ одной и той-же губерніи, безземельные распределяются сообразно распространенію кустарничества. Такъ въ тверской губерніи уѣзды, гдѣ наиболѣе развито кустарничество, именно тверской, корчевскій, калязинскій и бѣжецкій, заключаютъ наименьшее число безземельныхъ: въ тверскомъ уѣздѣ ихъ 4 на 1,000 душъ, въ корчевскомъ 5, въ калязинскомъ 4, въ бѣжецкомъ 4 (см. «Сборн. Мат.» г. Покровскаго, в. IV, стр. 20). Затѣмъ, въ весьегонскомъ и осташковскомъ уѣздахъ кустарничество слабѣе, чѣмъ въ вышеназванныхъ уѣздахъ, но сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ, и мы видимъ, что въ весьегон-

скомъ уѣздѣ безземельныхъ 6, а въ оставшковскомъ 7. Наконецъ, въ уѣздахъ: зубцовскомъ, ржевскомъ, вышневолоцкомъ, кустарные промыслы всего менѣ развиты, безземельныхъ-же тутъ всего больше: въ первомъ 8, во-второмъ 12, въ третьемъ 10 (ib.). Изъ всего этого, кажется, достаточно ясно важное значеніе кустарничества для земледѣльческой производительности Россіи, и съ этимъ вопросомъ можно было-бы покончить, если-бы рѣшеніе его не запутывалось нѣкоторыми изслѣдователями односторонними догадками.

Въ упомянутыхъ нами «Матеріалахъ для изученія соврем. положенія землевлад.», собранныхъ министерствомъ госуд. имуществъ, обезземеленіе съ удивительной находчивостью приписывается однимъ семейнымъ раздѣламъ, безъ всякаго фактическаго подтвержденія этой догадки. Мы не противъ этой догадки; мы даже должны всецѣло принять ее въ интересахъ нашей точки зрѣнія, какъ это читатель увидитъ впоследствии. Находя въ кустарничествѣ силу, предохраняющую отъ обезземеленія, мы, однако, не считаемъ слабое развитіе или полное отсутствіе кустарничества единственной причиной обезземеленія, также какъ и одними семейными раздѣлами невозможно объяснить это сложное явленіе. Даже совокупность двухъ этихъ причинъ не достаточно. Кромѣ кустарничества и семейныхъ раздѣловъ, здѣсь, несомнѣнно, вліяетъ еще множество другихъ моментовъ, напримѣръ, качество почвы, величина надѣла, платежи за землю, положеніе мѣстнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Но среди всѣхъ этихъ причинъ есть основаніе считать кустарничество важнѣйшей. Остановливаясь на вышеприведенныхъ примѣрахъ, мы не находимъ достаточно убѣдительнаго подтвержденія догадки министерства госуд. имуществъ. Во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ семейные раздѣлы свирѣпствуютъ съ страшной силой. Въ екатеринославской губерніи, отличающейся, судя по ростовскому уѣзду, большимъ числомъ безземельныхъ (24 на 1,000 душъ), раздѣлы дѣйствительно должны быть чаще, такъ-какъ малорусское населеніе особенно склонно къ раздѣламъ, однако, нѣтъ нѣтъ никакихъ основаній считать здѣсь раздѣлы единственной причиной обезземеленія. Не имѣется также никакихъ положительныхъ свѣденій о томъ, чтобы эти раздѣлы были-бы чаще въ губерніи орловской, таврической, херсонской, чѣмъ, напр., въ калужской, тверской, московской или костромской. Просматривая показанія разныхъ лицъ въ «Довладахъ Высоч. утвержд. ком. для изслѣд. полож. сельск. хоз.», мы видимъ, что послѣ крестьянской реформы, семейные раздѣлы вездѣ увеличиваются. Если мы сравнимъ мѣстности, въ которыхъ нѣтъ малорусскаго

элемента, напр., губернію рязанскую съ калужской или костромской, то мы найдемъ, что при одинаково или почти одинаково частыхъ семейныхъ раздѣлахъ, тамъ, гдѣ кустарничество слабѣе развито, безземельныхъ, повидимому, больше, несмотря на сравнительно лучшія условія для земледѣльческаго труда. Въ «Матеріалахъ для изуч. совр. пол. землевлад.» свѣденія о безземельныхъ рязанской губерніи имѣются для трехъ волостей—двухъ спасскаго уѣзда и одной сапожковскаго, въ общей-же сложности на 17,190 жителей приходится 470 безземельныхъ или на 1,000 душъ—27 безземельныхъ, между-тѣмъ, какъ въ одуевской волости, медынскаго уѣзда (кал. губ.) на 1,000 чел. безземельныхъ 17, въ кинешемскомъ уѣздѣ (костр. губ.) 9, въ галичскомъ уѣздѣ (костр. губ.) 13. Разница, во всякомъ случаѣ, значительная. Что касается земледѣлія, то какъ оно ни плохо въ вышеназванныхъ уѣздахъ рязанской губерніи, все-же оно выше, чѣмъ въ медынскомъ и кинешемскомъ уѣздахъ; семейные-же раздѣлы, хотя они и часты въ рязанской губерніи, можетъ быть даже чаще, чѣмъ въ калужской и костромской, не представляютъ такихъ рѣзкихъ различій во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, какъ кустарничество. Въ «Доклад. ком.» (прил. VI, часть I, стр. 275 и ч. II, стр. 45) о рязанской губерніи говорится, что семейные раздѣлы тамъ часты, повсемѣстны, и иногда доходятъ до безобразія; былъ, напр., такой случай, что даже мужъ раздѣлился съ женою: перегородили избу и жили каждый на своей половинѣ. О калужской губерніи говорится, что и въ ней раздѣлы очень часты и раззорительны (ч. II, стр. 42); о костромской въ одномъ мѣстѣ сказано, что раздѣлы стали чаще и служатъ къ упадку благосостоянія (ч. I, стр. 64), а въ другомъ—что семейные раздѣлы довольно часты (ч. I, стр. 128). Такимъ образомъ, если и допустить, что семейные раздѣлы въ рязанской губерніи чаще, чѣмъ въ калужской и костромской, то весьма немногимъ; разница-же въ кустарныхъ промыслахъ громадна. Въ самой рязанской губерніи, наибольшее число безземельныхъ падаетъ не на тотъ уѣздъ, гдѣ наиболѣе развито кустарничество и разные промыслы (егорьевскій уѣздъ), и въ самомъ сапожковскомъ уѣздѣ, безземельные падаютъ не на промышленную волость (ижевская). Вообще не отвергая вліянія семейныхъ раздѣловъ на обезземеленіе (какъ не отвергаемъ мы и другихъ причинъ обезземеленія), мы имѣемъ вѣссія основанія поставить не только рядомъ, но, быть можетъ, прежде ихъ отсутствіе или слабое развитіе кустарничества. Раздѣлившаяся семья, несомнѣнно, захлѣветъ, но при развитіи кустарничества, она, все-таки, долѣе продержится на своей землѣ и успѣшнѣе будетъ пребывать,

хотя и на кустарный трудъ раздѣлъ оказываетъ пагубное вліяніе, о чемъ мы тотчасъ будемъ говорить. Необходимо также принять во вниманіе, что обезземеленіе, т. е. бросаніе надѣловъ, происходитъ и безъ всякихъ предварительныхъ раздѣловъ, и въ этомъ-то случаѣ отсутствіе кустарныхъ промысловъ, безусловно, вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Мы уже замѣтили выше, что обезземеленіе есть явленіе сложное, которое обуславливается, въ числѣ прочихъ причинъ, состояніемъ кустарничества, а также семейными раздѣлами. Нельзя считать раздѣлы единственной и главной причиной обезземеленія, но несправедливо было-бы совершенно отрицать ихъ значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ; это просто противорѣчило-бы здравому смыслу. Семейные раздѣлы представляютъ, однако, еще большую сложность, чѣмъ обезземеленіе, и сами они зависятъ отъ цѣлаго ряда причинъ, которыя далеко не вполнѣ еще раскрыты и изучены. Мотивы соціального свойства, несомнѣнно преобладаютъ здѣсь, хотя, по всей вѣроятности, и чисто экономическія причины играютъ при этомъ свою роль. Но отъ чего-бы ни зависѣли семейные раздѣлы, мы думаемъ, что хорошимъ средствомъ противъ нихъ служить кустарничество. По самому свойству своему, кустарный трудъ есть трудъ семейный, домашній, и во многихъ случаяхъ онъ немислимъ или чрезвычайно невыгоденъ въ семьяхъ малолюдныхъ. При кустарномъ промыслѣ утилизируются всѣ силы семьи, не исключая стариковъ и дѣтей, всѣмъ находится дѣло и каждый членъ болѣе или менѣе самъ оплачиваетъ свое содержаніе, такъ-что становятся почти невозможными тѣ случаи раздѣла, когда онъ требуется главой семьи вслѣдствіе трудности содержать слишкомъ большое число непродуцательныхъ членовъ, ненаходящихъ, по недостатку промысловъ, никакого примѣненія своимъ силамъ. Необходимо имѣть въ виду, что желаніе раздѣла можетъ исходить или со стороны главы семьи, или со стороны подчиненныхъ ему членовъ, и интересы обѣихъ этихъ сторонъ до нѣкоторой степени противоположны. Въ семьѣ многолюдной домохозяину невыгодно содержать и прокармливать большое число членовъ, ничего не зарабатывающихъ и не оказывающихъ никакой поддержки хозяйству, но это выгодно многодѣтнымъ сыновьямъ домохозяина, которые, отдѣлившись, поставлены были-бы въ крайнее затрудненіе относительно прокормленія своихъ дѣтей. Если-же является какая-либо возможность приложенія дѣтскихъ силъ, то, конечно, желаніе раздѣла со стороны домохозяина, должно сильно ослабляться. Можно замѣтить, что въ такомъ случаѣ, желаніе раздѣла должно возникнуть у другой стороны, у многодѣтныхъ сыновей

и родствениковъ домохозяина, но это не совсѣмъ такъ. При кустарномъ трудѣ, разьединеніе взрослыхъ рабочихъ часто равносильно прекращенію либо промысла, либо земледѣлія и ничто не можетъ возмѣстить ущерба, причиняемаго такимъ разьединеніемъ. Для того, чтобы существовало и кустарничество и земледѣліе, необходимо нѣсколько, во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ, взрослыхъ рабочихъ, и только при нихъ дѣти могутъ быть производительными пособниками: часто бываетъ необходимо не прекращать ремесла и лѣтомъ, и тогда одинъ взрослый членъ беретъ на себя, главнымъ образомъ, полевые работы, другой занятъ ремесломъ; при раздѣлѣ-же это невозможно. Такъ, въ арзамасскомъ уѣздѣ валеный промыселъ дѣйствительно допускаетъ участие дѣтей 9—10 лѣтъ, но условія этого промысла таковы, что для кустарей, приготовляющихъ валяные сапоги и стельки, самое горячее время—осень и зима, а у шляпниковъ и кошениковъ—лѣто, іюнь и іюль мѣсяцы (Труды ком. по изслѣд. куст. пром. вып. 5-й, стр. 466). Кустари, изготовляющіе шляпы, работаютъ также и стельки, слѣдовательно для того, чтобы обезпечить сбытъ своимъ издѣліямъ, они должны работать и зиму и лѣто; понятно, что такой кустарь, выдѣлившись изъ семьи съ своими дѣтьми, долженъ или вовсе оставить земледѣліе (чего не дѣлаютъ арзамасскіе валяльщики), или-же отказаться отъ выдѣлки шляпъ. Вообще, раздѣлъ до чрезвычайной степени понижаетъ въ большинствѣ кустарныхъ производствъ цѣнность труда взрослога, а о трудѣ дѣтскомъ и говорить нечего. При этомъ размѣры производства сильно сокращаются, сырье обходится дороже, являются безпрестанныя остановки въ работѣ во время отлучекъ хозяина, берушаго на себя работы по сбыту и приему заказовъ, такъ-что тутъ дѣйствительно «овчина не стоитъ выдѣлки». Кроме этого, бываютъ промыслы, при которыхъ необходимо опредѣленное число взрослыхъ, и только тогда трудъ дѣтей получаетъ свое значеніе. Напримѣръ, въ медынскомъ уѣздѣ весьма распространено ткачество, въ которомъ и дѣти имѣютъ свою долю участія, но при ткань миткаля требуется для намотки основы на навой отъ 4 до 5 бабъ, а затѣмъ для послѣдующей новой манипуляціи требуется два лица, и т. д. Въ пеньковомъ промыслѣ: «на долю мужчинъ въ этомъ промыслѣ падаетъ расческа пеньки, прилаживаніе станка и самое тканье; на долю женщинъ пряденіе нитокъ и крученіе, а дѣти разматываютъ уговъ и помогаютъ ткачамъ при продѣваніи нитокъ въ нить» (Труды ком. по изслѣд. куст. пром. въ Россіи, вып. 2-й, стр. 29 и 57). Вообще, такихъ промысловъ, гдѣ необходимо не менѣе двухъ взрослыхъ, можно найти много. Разумѣется, возможно и

тутъ ухитряться и обходить эту необходимость, но невозможность воспользоваться раздѣленіемъ занятій, гдѣ оно введено, опять ляжетъ новымъ ущербомъ на кустаря, и если еще прибавить всѣ прежнія невыгоды работы въ одиночку, то едва-ли и останутся какіе-либо стимулы къ ней. Конечно, можно принаять стороннихъ рабочихъ, но для этого нужно обладать достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ, хотя-бы для прокормленія этихъ рабочихъ; капитала-же такого у раздѣлившася обыкновенно не бываетъ, онъ едва въ состояніи выстроить себѣ избу, и для этого часто продаетъ всѣ свои пожитки.

Всего важнѣе здѣсь то, что, при одномъ земледѣліи, стороны обнаруживаютъ тѣмъ большую готовность къ раздѣлу, что для нихъ не такъ очевидны его гибельныя слѣдствія: послѣ раздѣла хозяйство не тотчасъ разрушается, оно можетъ еще долго вестись съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, но многія отрасли кустарничества должны прекратиться или тотчасъ за раздѣломъ, или вскорѣ послѣ. Наконецъ, можно подѣлать скотъ и разныя сельско-хозяйственныя принадлежности, но какъ подѣлать техническія приспособленія, и откуда возьмутся средства у отдѣлившейся стороны пополнить не только земледѣльческій инвентарь, но и обзавестись всѣмъ необходимымъ для кустарнаго производства? Выдѣлившемуся кустарю придется лишиться многого, что, можетъ быть, было устроено и приобрѣтено общими усиліями; ему придется завести кузницу со всѣми приспособленіями, или, если онъ суконщикъ, приобрѣсти далеко не дешевые для его средствъ станки и инструменты, или построить для кожевеннаго производства особую избу, завести нѣсколько чановъ и т. д. Все это служить, конечно, самымъ дѣйствительнымъ препятствіемъ къ раздѣлу.

Разсмотрѣнный нами случай семейныхъ раздѣловъ не единственный. Мы предположили, что желаніе раздѣла впервые заявляется домохозяиномъ многолюдной семьи, въ которой дѣти, за отсутствіемъ кустарныхъ промысловъ, не въ состояніи уменьшать или покрывать своимъ трудомъ издержки на ихъ содержаніе. Если имѣются кустарные промыслы, то и стремленіе къ раздѣлу со стороны главы семьи ослабляется какъ потому, что является примѣненіе для дѣтскаго труда, такъ и потому, что увеличивается производительность труда cadaго взрослога, въ томъ числѣ и труда отца этихъ дѣтей. При этомъ съ перваго раза можетъ придти на умъ такого рода догадка, что отецъ этихъ дѣтей, не изъявляющій, при отсутствіи кустарныхъ заработковъ, никакого желанія раздѣлиться, ибо ему одному тяжело содержать своихъ дѣтей, можетъ, однако, возымѣть это желаніе, при существо-

ваніи кустарничества, въ расчетъ на выгодное примѣненіе труда своихъ дѣтей. Догадка эта, какъ мы старались показать, не вполне справедлива. Одинокій кустарь есть сила болѣе слабая, чѣмъ одинокій земледѣлецъ; кустарь выдѣлившійся теряетъ больше, чѣмъ выдѣлившійся земледѣлецъ. Интересы домохозяевъ, связанные земледѣіемъ, еще болѣе переплетаются кустарнымъ трудомъ, связь становится тѣснѣе, и потому она труднѣе разрывается, чѣмъ при одномъ только земледѣіи. Въ большинствѣ случаевъ раздѣлы сулитъ кустарю столь очевидныя и тяжкія потери, что нельзя ни на минуту предположить, чтобы онъ ихъ не сознавалъ. Только немногія кустарныя производства не представляютъ серьезныхъ и непреодолимыхъ препятствій къ раздѣлу, на примѣръ, сапожное или кузнечное ремесло, т. е. тутъ будутъ препятствія къ надѣлу, но только меньшія: все-таки придется закупать матеріалъ въ меньшемъ количествѣ и чаще придется также прерывать работу для сбыта и всякихъ разъѣздовъ и отлучекъ, а при кузнечномъ ремеслѣ, кромѣ того, необходимо, послѣ раздѣла, затратить не малую для кустаря сумму на устройство кузницы и ея первоначальное обзаведеніе. Все это, разумѣется, самому кустарю лучше извѣстно, чѣмъ кому бы то ни было другому. Разумѣется, иногда выдѣлившійся кустарь можетъ тотчасъ стать на ноги, и тогда раздѣлъ, *благодаря* кустарничеству, не приведетъ къ обезземеленію или приведетъ къ нему не такъ скоро. Поэтому-то возможны случаи, что въ двухъ мѣстностяхъ семейные раздѣлы будутъ одинаково часты, а безземельныхъ въ одной можетъ быть меньше или больше, чѣмъ въ другой, смотря, между прочимъ, по степени развитія кустарничества *).

*) Считаемо необходимымъ обратить на это вниманіе читателя еще и потому, что, безъ этого указанія, вышедшае нами сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстностей. пожалуй, могло-бы быть сочтено за нѣкоторое противорѣчіе съ послѣдующимъ. Мы сравнили губернію рязанскую съ калужской и костромской и замѣтили, что въ первой, „при одинаково или почти одинаково частыхъ раздѣлахъ“, безземельныхъ больше, чѣмъ въ двухъ послѣднихъ, причемъ въ первой кустарничество гораздо слабѣ развито. Между тѣмъ, далѣе, мы приписываемъ кустарничеству ослабляющее вліяніе на раздѣлы, значить и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ раздѣлы не могутъ быть одинаково часты. На это мы замѣтимъ, что, во-первыхъ, мы не безусловно утверждали, что семейные раздѣлы въ рязанской губерніи столь-же часты, какъ и въ калужской и костромской губерніяхъ, мы даже согласились, что они, вѣроятно, нѣсколько чаще въ рязанской, такъ-что, быть можетъ, на эту большую частоту раздѣловъ косвенно вліяло отсутствіе кустарничества, другими словами, кустарничество препятствовало обезземеленію чрезъ ослабленіе семейныхъ раздѣловъ. Во-вторыхъ, раздѣлы зависятъ отъ ряда такихъ причинъ, между которыми ниня (объ этомъ только что была рѣчь) не вполне поддаются кустарничеству, такъ-что, при господствѣ этихъ причинъ, раздѣлы могутъ быть одинаково часты, несмотря на неодинаковое развитіе кустарничества, и въ этомъ

Въ дѣйствительности бываютъ и такіе случаи семейныхъ раздѣловъ, когда въ семьѣ, содержащей нѣсколько взрослыхъ работниковъ, имѣется мало дѣтей, и притомъ они принадлежатъ домохозяину, а не его женатымъ родственникамъ. Если при этомъ нѣтъ кустарныхъ промысловъ, но существуетъ одно только земледѣліе, то женатые сыновья домохозяина вовсе не склонны воздержаться отъ раздѣла, тогда - какъ побужденія главы семьи противоположны. Но если имѣются кустарные промыслы, то и та и другая сторона одинаково не заинтересованы въ раздѣлѣ, и въ этомъ случаѣ семейно-рабочій союзъ упрочивается гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ первомъ, только-что разсмотрѣнномъ нами случаѣ, ибо, не говоря о домохозяинѣ, которому весьма выгодно удержать бездѣтнаго взрослога сына, послѣдній, будучи совершенно одинокъ, долженъ съ выдѣленіемъ изъ семьи чувствовать себя совершенно безсильнымъ въ кустарномъ производствѣ. И при дѣтяхъ, какъ мы замѣтили, отдѣлившійся кустарь есть крайне ничтожная экономическая сила, безъ дѣтей - же онъ едва - ли мыслимъ какъ кустарь и какъ земледѣлецъ въ одно и то - же время. Бросить кустарничество онъ не можетъ, ибо во всѣхъ кустарныхъ районахъ оно потому и существуетъ, что одной землей нельзя прокормиться; остается бросить землю и уйти на сторону, покинувъ дома жену, т. е. сразу перейти, послѣ обезпеченнаго, хотя въ отношеніи одной пищи, существованія, на положеніе, ничего не сулящее, кромѣ голода и жизни въ полномъ смыслѣ бродячей. Дѣлятся все-таки въ виду какихъ-либо благъ, какой-либо заманчивой перспективы; если ожидаются невзгоды, то все-таки, при раздѣлѣ, онѣ должны мелькать вдали и сознаваться смутно, тогда-какъ тутъ бѣдствія являются очень скоро, такъ-сказать, на другой день, и почти навѣрное. Мы не споримъ, чтобы и въ этомъ случаѣ вовсе не происходили раздѣлы; нѣтъ, они бываютъ, потому

случаѣ кустарничество можетъ задерживать обезземеленіе собственною своею силой, служа подспорьемъ къ земледѣлію, для кустаря выдѣлившагося.

Кромѣ всего этого, раздѣлы могутъ быть одинаково части по числу случаевъ, но быть различными, такъ-сказать, въ качественномъ отношеніи; напримѣръ, можетъ отдѣлиться взрослый бездѣтный сынъ или взрослый сынъ, имѣющій подростковъ, и вліяніе такого раздѣла на обезземеленіе будетъ стоять въ близкой зависимости отъ кустарничества, даже отъ рода кустарнаго промысла. Обстоятельство это имѣетъ особенную важность. Наконецъ, еще слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что, послѣ раздѣла, въ двухъ возникшихъ семьяхъ можетъ быть различное число взрослыхъ рабочихъ, въ одной одинъ, въ другой 2, 3, 4, или въ обѣихъ по одному, притомъ съ дѣтьми или безъ дѣтей. Всѣ эти многочисленныя комбинаціи должны быть взвѣшены, и мы надѣемся сдѣлать это въ особой статьѣ о семейныхъ раздѣлахъ.

что кустарничество не может ослабить *смысл* причинъ, вызывающихъ раздѣлы, а между этими причинами нѣкоторыя не имѣютъ матеріальнаго характера. Ссоры между женами членовъ семьи, деспотизмъ главы, устарѣвшій, патриархальный строй семейныхъ отношеній, дѣлающійся невыносимымъ для крестьянской молодежи, желаніе самостоятельности, все это — сильныя побужденія къ раздѣламъ. Однако, и при этомъ кустарничество, не всегда являясь, можетъ быть окончательнымъ рѣшителемъ дѣла, непремѣнно служитъ тормазомъ для раздѣловъ, часто заставляющимъ, какъ мы видѣли, *обѣ* стороны (въ этомъ-то и сила) дѣлать взаимныя уступки, не слишкомъ отравлять другъ-другу жизнь, вообще семь разъ отиѣрить и разъ отрѣзать. Впрочемъ, кромѣ побужденій не-матеріальныхъ, раздѣлы очень часто зависятъ отъ чисто-экономическихъ причинъ, отъ разсчета, и, въ этомъ случаѣ, невозможно отвергать значеніе кустарничества, какъ предохранителя отъ раздѣловъ и, слѣдовательно, отъ обезземеленія.

Замѣтимъ также, что кустарничество ослабляетъ у главы семьи побужденіе къ раздѣламъ и въ томъ случаѣ, когда у женатыхъ домохадцевъ дѣти-малютки, трудомъ которыхъ вовсе нельзя пользоваться. Такимъ домохадцамъ раздѣлъ прямо невыгоденъ, домохозяину-же разсчетъ не дѣлится потому, что при кустарномъ промыслѣ производительность труда взрослога значительно усиливается и содержаніе малолѣттокъ иногда съ избыткомъ покрывается, тогда-какъ при одномъ земледѣліи этого нѣтъ.

Коснувшись здѣсь этого весьма важнаго и любопытнаго вліянія кустарничества на семейные раздѣлы (съ цѣлью выяснитъ, въ общихъ чертахъ, отношеніе его къ обезземеленію), мы должны признать, что въ фактическомъ отношеніи вліяніе это очень мало изслѣдовано, и изученіе его составляетъ одну изъ ближайшихъ задачъ будущаго. Изслѣдованія этого рода весьма затруднительны по многочисленности факторовъ, подлежащихъ изученію. Мы полагаемъ, что имѣющіяся общія, хотя и неточныя, свѣденія о вліяніи кустарныхъ промысловъ на семейный бытъ народа говорятъ гораздо сильнѣе въ пользу ихъ сплочивающаго, чѣмъ разъединяющаго вліянія. Указанія нѣкоторыхъ изслѣдователей прямо подтверждаютъ эту роль. Такъ о медынскихъ овчинникахъ мы читаемъ въ «Трудахъ Комиссін»: «надо замѣтить, что овчинники вообще неохотно дѣлятся, а живутъ большими семьями, такъ-что ни наемныхъ работниковъ, ни учениковъ не бываетъ» (Вып. II, стр. 41). Г. Грязновъ, описывая череповскій уѣздъ и, между прочимъ, удомскій погостъ, въ ко-

торомъ сосредоточенъ въ громадныхъ размѣрахъ гвоздарный промыселъ, говоритъ, что здѣсь «семейная жизнь отличается патриархальностью. Если у стариковъ есть нѣсколько женатыхъ дѣтей, то они большею частью живутъ въ одномъ домѣ, рѣдко раздѣляются» («Опытъ сравнит. изуч. гигиенич. условій крестьянскаго быта и мед.-топографія череповецкаго уѣзда», стр. 169). Несомнѣнно, что во многихъ промыслахъ кустари-одиночки не могутъ долго держаться, и въ мѣстности, гдѣ такіе промыслы обладаютъ устойчивостью, должны, повидимому, рѣже попадаться одинокія кустарныя избы. Въ промыслахъ упадающихъ, хотя и занимающихъ большое число рукъ, семейнаго единенія трудно ожидать, но это не можетъ быть приписано существованію промысла, а скорѣе его упадку, и только имъ можно объяснить, какъ намъ кажется, замѣченную г. Исаевымъ семейную рознь и отсутствіе общенія между московскими кустарями въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Въ другихъ случаяхъ семейныя раздѣлы могутъ встрѣчаться въ районахъ сильнаго кустарничества на томъ основаніи, что, какъ извѣстно, въ этихъ-же районахъ часто существуетъ отходъ, который служитъ весьма понятной причиною раздѣловъ.

Исслѣдователямъ кустарничества необходимо также обратить вниманіе и на связь его съ отхожими промыслами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы старались установить эту связь въ фактическомъ отношеніи, а также указали на нѣкоторыя изъ причинъ ея. Отходъ есть спутникъ упадающихъ кустарныхъ промысловъ; иногда онъ является регуляторомъ тяжелыхъ слѣдствій скученности промысла, но, кажется, въ большинствѣ случаевъ, онъ скорѣе вредитъ кустарничеству, чѣмъ помогаетъ ему, потому что подрываетъ земледѣліе, — основу кустарныхъ промысловъ.

III.

Повсемѣстный упадокъ кустарныхъ промысловъ есть явленіе общеизвѣстное. Съ фонаремъ нужно искать теперь благоденствующаго кустаря. На обширной территоріи кустарничества, въ два раза превышающей Соединенное королевство Британіи, мы не найдемъ почти ни одного счастливаго уголка, ни одного промышленнаго селенія, гдѣ-бы большинство не терпѣло нужды. И чѣмъ больше вовлечено въ промыселъ, тѣмъ хуже; гдѣ почти не выпрямляется спина за работой, гдѣ мало сна и работа длится чуть не весь день, тамъ заработокъ самый

ничтожный и тамъ-же мы найдемъ несомнѣнные указанія на то, что будетъ еще хуже, что явится еще горшая бѣда. И она идетъ самоувѣренной поступью, облеченная въ столь самобытныя, чисто-русскія формы, что не нужно быть Ив. Серг. Аксаковымъ, чтобы не отдавать ихъ коварному Западу и хранить лишь для одной Россіи, какъ ея неотъемлемое достояніе. Гдѣ, напр., было на Западѣ то, что рассказываетъ г. Докучаевъ о бѣличьемъ промыслѣ въ Каргополѣ, или г. Карповъ о скорняжномъ промыслѣ въ арзамасскомъ уѣздѣ, или протоіерей Борисовскій о семеновскихъ ложкаряхъ? Здѣсь возникли такія отношенія, что и названіе-то экономическихъ или хоть эксплуататорскихъ для нихъ какъ-то странно, не подходитъ. На Западѣ капиталистическая система донимала рабочаго человѣка именно какъ система; всегда больно донимала, но терпѣливо и отнюдь не выходя изъ границъ, кромѣ исключительныхъ моментовъ кризиса. На Западѣ, если съѣстные припасы вздорожали, значить, рабочая плата поднялась, и капиталистъ западный, обдѣлывающій свои дѣла осмотрительно и не спѣша, называетъ это даже экономическимъ закономъ; у насъ-же продукты дорожаютъ, а рабочая плата, при полномъ процвѣтаніи дѣла, такъ-сказать, среди бѣла-дня, понижается съ возрастающей быстротой. Разумѣется, это объясняется прежде всего именно кустарнымъ характеромъ нашей промышленности, но, во всякомъ случаѣ, это есть вѣрный признакъ ея упадка. Г. Докучаевъ (изъ каргопольскихъ крестьянъ, всесторонне изучившій свой край и представившій въ своемъ описаніи бѣличьяго промысла простую до наивности, но весьма яркую и трогательную картину горькой трудовой доли каргопольскихъ рабочихъ) сообщаетъ, что въ бѣличьемъ промыслѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, цѣны на разные роды труда были выше на 12, на 30 и на 50%, а припасы, разумѣется, были дешевле, по крайней-мѣрѣ, на столько-же (Труды ком., вып. IV, стр. 297). «Почто мы не родились во дни отцовъ нашихъ? жалуются каргопольскіе старики,—поль-дѣла было жить-то тогда!» Каргопольская крестьянка, шивающая бѣличьи мѣха, зарабатываетъ въ теченіи 5—7 мѣсяцевъ отъ 2 р. 87 к. до 4 р., значить, около 57 к. въ мѣсяцъ. Какая-же это, спрашивается, «эксплуатація», какія тутъ экономическія отношенія? Вездѣ корова и лошадь получаютъ за свой трудъ не менѣе, чѣмъ въ 10 разъ больше. «Прокормленіе на этомъ постыдномъ, смѣшномъ, горькомъ трудѣ не мыслимо», восклицаетъ г. Докучаевъ. Полагаемъ, что никакой читатель не представитъ себѣ ясно, какъ быть, какъ поступить съ этими 57 копѣйками, но каргопольскій Разуваевъ, навѣрное, понимаетъ

эти копейки такъ, что они «ничего, окромя что лишняго, въ нихъ нѣтъ». Слѣдующая картинка, столь безхитростно нарисованная г. Докучаевымъ, всего лучше объяснить, въ чемъ тутъ дѣло. Авторъ описываетъ одну совершенно безродную старушку, которая живетъ почти только однимъ шитьемъ бѣлки. «Она не собираетъ милостыни, пишетъ г. Докучаевъ,—и, кромѣ небольшихъ, ничтожныхъ подарочковъ отъ своихъ знакомыхъ, ни отъ кого ничего не получаетъ; зато и положеніе ея самое безотрадное, самое ужасное: при готовомъ углѣ и теплѣ, она не имѣетъ, какъ говорится,—ни на себѣ, ни подъ собой. Зарабатывая по 6—7 к. въ день, по 40—70 к. въ недѣлю, въ каждый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, труженица эта шьетъ, не разгибая спины, шьетъ до тѣхъ поръ, пока видно, въ зимнюю пору шьетъ и ночью безъ огня, на память, потому не только свѣчки, но и лучинки ей купить не на что, шьетъ въ воскресные и праздничные дни. Пищу ея составляютъ нѣсколько чашекъ кофе и не болѣе $\frac{1}{2}$ ф. хлѣба въ день. Отъ этого несчастная вся изсохла, исхудала; отъ потери физическихъ силъ и истощенія, она не въ состояніи заняться никакою, болѣе или менѣе тяжелою работою, не можетъ поступить въ служеніе. Одежду ея составляетъ 20-ти-лѣтнее на ватѣ пальто и такое-же платье. Спитъ она на голой лавкѣ, подъ голову кладетъ свой старый, покрытый пылью бѣлки, фартукъ, покрывается или пальтомъ или платьемъ, въ случаѣ сильнаго холода уходитъ на печь»... Еще больше сумбура, стихійности, экономической дезорганизации и беспочвенности найдемъ мы у арзамасскихъ скорняковъ. Замѣчательно, что и здѣсь произошло пониженіе рабочей платы, безъ всякаго промышленнаго или торговаго кризиса; просто купецъ взялъ и понизилъ, несмотря ни на какіе экономическіе законы, выработанные европейской наукой... Когда купцы-скорняки, дающіе скорнякамъ работу, увидѣли, что число скорняковъ увеличилось и что они бѣдствуютъ, то стали постепенно сбавлять заработную плату». (Труды ком., вып. III, стр. 82). Прежде платилось за выдѣлку 1,000 заячьихъ шкурокъ 30—35 р., затѣмъ цѣна эта понизилась до 25 р., а теперь дошла до 16 р., значитъ уменьшеніе платы составляетъ почти 50%. Разуваевъ, очевидно, ведетъ дѣло черезчуръ круто, онъ пересаливаетъ, и именно поэтому-то и не можетъ выйти отсюда никакого капиталистическаго строя. И дѣйствительно, нельзя видѣть въ удивительныхъ порядкахъ, сложившихся въ средѣ этой промышленности, ничего, кромѣ сумбура и стихій. Купецъ—стихія, но и рабочей отвѣчаетъ ему столь-же стихійно; купецъ никакъ не могъ изловчиться и похитрѣе повести дѣло,

не изловчился и рабочій. Одинъ взялъ да понизилъ плату, вопреки экономическому закону, другой взялъ хозяйскій товаръ для обработки да и не отдалъ его, тоже вопреки закону—закону юридическому, а для того, чтобы обойти этотъ законъ, онъ—что-бы вы думали пускаетъ въ ходъ?—именно стихію, пожаръ: онъ поджигаетъ свой домъ, чтобы сдѣлаться неуязвимымъ для закона обладателемъ даннаго ему товара. «Хозяйскій товаръ, пишетъ г. Карповъ, отъ пожаровъ сталъ пропадать: то онъ сгоритъ у скорняка вмѣстѣ съ его имуществомъ, то скорнякъ куда-нибудь подальше припрятетъ его и скажетъ, что онъ сгорѣлъ. Такъ или иначе, но дорогой товаръ пропадаетъ... Естественно, что скорняки-купцы стали пожаровъ очень бояться: чуть увидятъ они въ которомъ-нибудь селеніи пожаръ, — сейчасъ-же на нѣсколькихъ лошадяхъ ѣдутъ на мѣсто пожара и выбираютъ товаръ... Если пьяница-скорнякъ заберетъ много товару и промотаетъ его, что случается нерѣдко, *то нерѣдко поджигаетъ свой домъ* и сваливаетъ вину на пожаръ. Это случается настолько часто въ Морозовкѣ и Кирилловкѣ, что въ послѣднее время хозяева перестали давать товаръ въ работу въ эти селенія» (стр. 83). Это-ли не стихія и не сумбуръ? Несомнѣнно, что въ ближайшемъ настоящемъ купецъ будетъ въ выигрышѣ: на его вѣкъ хватить; но изъ этого очевидно также, что тутъ нѣтъ и начала возникновенія какихъ-либо прочныхъ организованныхъ экономическихъ отношеній, которыя-бы сколько-нибудь напоминали Европу... Много еще можно привести примѣровъ крайняго упадка нашей сельской промышленности и вполне самобытной русской эксплуатаціи, которая едва-ли существовала въ Европѣ, въ какіе-либо періоды ея экономической исторіи. Такъ, весьма развитый въ семеновскомъ уѣздѣ ложкарный промыселъ находится въ такомъ положеніи, что онъ поддерживается нищенствомъ. Нищенство является подспорьемъ нашей промышленности, необходимымъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, условиемъ ея существованія; это-же нищенство временное развило другую отрасль промышленности—нищенство постоянное. «Кто изъ зрителей нагорныхъ не видѣлъ, говоритъ протоіерей Борисовскій, —какъ вереницами на 3-хъ рублевыхъ лошадяхъ тянутся изъ семеновскаго уѣзда нищія, отправляясь для сбора подаяній въ уѣзды: лукояновскій, ардаатовскій, сергачскій и арзамасскій? Это все ложкаръ, отправившіеся «во сборъ» вмѣстѣ съ закрытіемъ Волги впредь до ея вскрытія. Они оставили дома и цѣлыми семействами пустились въ міръ кормиться Христовымъ именемъ... Бываетъ и такъ, что иные *предприниматели*, тунеядцы, закупаютъ дешевой цѣной лошадей, раздають ихъ бѣднякамъ, вла-

дуть имъ мѣсячное или зимнее жалованье и отправляютъ ихъ «во сборъ», гдѣ они, жалуясь то на неурожай хлѣба, то на раззореніе отъ пожара (котораго не бывало), собираютъ и кусками, и мукой, и льномъ, и крупой, *доставляя барыши хозяину* (Труды ком., вып. II, стр. 26).

Промысловое нищество у насъ вовсе не рѣдкость; оно распространено также и въ Западной Европѣ, но у насъ оно является какимъ-то зиждущимъ факторомъ, оно не только не подрываетъ экономическій и государственный бытъ, а, напротивъ, какъ-бы возрождаетъ его: нищенствомъ у насъ поддерживается важная отрасль народной промышленности, нищенствомъ вымалываются государственныя подати и налоги. Безполезно было-бы приводить дальнѣйшіе примѣры глѣбокаго упадка нашей сельской промышленности; самыя цвѣтущія отрасли тѣ, гдѣ еще нѣтъ необходимости прибѣгать къ нищенству и зарабатывать на смерть, до слѣпоты и потери человѣческаго образа, какъ въ рогожномъ промыслѣ, отъ котораго народъ сталъ обростать волосами! «А мы, говорили ветлужскіе рогожники,—и не замѣчаемъ вреда для здоровья отъ своего промысла, — только блѣдны становимся, да часто волосы вырастаютъ на вѣкахъ, а то-бы все ничего». (Труды ком., вып. III, стр. 51).

Итакъ, наши кустарные промыслы въ полномъ упадкѣ. Въ Западной Европѣ нѣкогда происходилъ такой-же процессъ разрушенія сельской промышленности, и теперь отъ нея не осталось почти и слѣдовъ. Можно-ли думать, что и наши промыслы охвачены такимъ-же процессомъ разрушенія, что поэтому ихъ нельзя и безполезно спасать? Въ нашей печати нерѣдко высказывается мнѣніе, что намъ неминуемо угрожаетъ судьба Запада. Впереди насъ еще ожидаетъ будто-бы утонченный западно-европейскій капитализмъ, и мы будемъ еще переживать и наслаждаться его различными заманчивыми прелестями, въ родѣ рублевой прибавки къ существующей платѣ, всевозможныхъ жизненныхъ удобствъ, хорошихъ жилыхъ помѣщеній и тому подобный затѣй, которыми капиталистъ безъ труда будетъ улавливать въ сѣти нашъ рабочій людъ.

Съ такого рода воззрѣніями трудно согласиться. Дѣйствительно, и на Западѣ уничтожилось кустарничество, и у насъ оно падаетъ. Но какая при этомъ разница! На Западѣ отъ разстройства кустарничества прямо выигрывали фабричное производство и крупная земельная собственность, тогда какъ мелкая или уничтожилась безслѣдно, или потерпѣла серьезный ущербъ. У насъ же разрушается кустарничество, падаетъ фабричная промышлен-

ность, сильно колеблется крупная поземельная собственность, и остается одна мелкая, но и та едва держится. Всѣ проигрываютъ у насъ, никто не выигрываетъ, кромѣ стихійнаго кулака, который, именно вслѣдствіе своей стихійности, всего менѣ проченъ въ будущемъ, какъ таковой. Положеніе довольно оригинальное, и что изъ него выйдетъ—трудно сказать, но ясно только, что у насъ недостаетъ существенныхъ факторовъ, участвовавшихъ въ созданіи капиталистическаго строя на Западѣ. Самъ по себѣ кулакъ есть полное ничтожество, въ смыслѣ вліянія на экономическій строй: онъ безсиленъ, если ему не помогаютъ прочныя институціи или какія-либо глубокія, на долго остающіяся капитальныя перемены, напр., обезземеленіе массъ на западѣ Европы или введеніе машинъ въ производство. Къ счастью, наша жизнь не выработала еще серьезныхъ и прочныхъ основъ ни для добра, ни для зла, и въ этомъ заключается вся выгода нашего положенія сравнительно съ западной Европой.

Мы полагаемъ, что у насъ существующія отрицательныя условія настолько благоприятны упроченію народнаго благосостоянія, что они какъ-бы сами толкаютъ къ выполненію этой задачи, и что во всякомъ случаѣ у насъ мыслимо говорить о поднятїи и охраненіи кустарной промышленности. Гораздо опаснѣе нашего тупаго и безобразнаго кулака [разсудительный и благообразный капиталистъ Запада, потому что за него весь строй жизни и онъ самъ душа его, нашъ-же кулакъ опирается исключительно на недостаточно упроченныхъ поземельныхъ отношеніяхъ народа и слишкомъ высокихъ податныхъ тягостяхъ, т. е. такихъ недостаткахъ, исправленіе которыхъ вполнѣ находится въ нашихъ рукахъ.

Въ нашей газетной и журнальной прессѣ часто обсуждаются мѣры для поднятїя кустарныхъ промысловъ. Съ этой цѣлью обыкновенно предлагается учрежденіе ремесленныхъ школъ, устройство промышленныхъ выставокъ, артелей, ссудо-сберегательныхъ кассъ, земскихъ складовъ для сбыта кустарныхъ издѣлій. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ уже были испытаны на дѣлѣ, но не принесли пользы, напр., артели и ссудо-сберегательныя товарищества, другія-же, если и могутъ принести пользу, то лишь въ отдаленномъ будущемъ, третьи представляютъ множество практическихъ затрудненій.

Въ настоящее время особенно много говорится въ печати о пользѣ ремесленныхъ школъ и вообще о распространеніи въ народѣ техническихъ знаній. Если, однако, подойти ближе къ положенію нашего кустарничества и его насущныхъ нуждъ, то придется придти къ заключенію, что ремесленная школа

туть послѣднее дѣло. Одно изъ важныхъ социальныхъ преимуществъ кустарничества состоитъ именно въ томъ, что оно не требуетъ, подобно искусствамъ и ремесламъ, имѣющимъ задачей служить состоятельнымъ и интеллигентнымъ классамъ, основательной предварительной выучки, на которую надо затратить много времени и средствъ. Горшечнику не придется изготавлять севрскихъ вазъ для украшенія какой-нибудь курной избы. Не бѣда, если сельскій столяръ выкажетъ отсутствіе художественнаго вкуса и не сумѣетъ украсить какой-нибудь стулъ инкрустацией и рѣзьбой. Не важно также, если на подносъ кустаря небо окажется зеленымъ, а земля—голубой или если сплетенный имъ лапотъ не будетъ имѣть изящества. Иногда, вонечно, техническія знанія могли-бы сдѣлать трудъ болѣе производительнымъ, и на эту тему у насъ особенно много изливается горячій, но болшей частью безплодной болтовни. Въ сферѣ многихъ производствъ, кустарь, при своей убогой обстановкѣ и съ своими самодѣльными инструментами и приспособленіями собственнаго изобрѣтенія, не подлежитъ учету со стороны какихъ-нибудь книжно-ученыхъ техниковъ. Здѣсь кустарь окажется, несомнѣнно, выше всякаго профессора: если онъ не просвѣщенъ по части новѣйшихъ усовершенствованій и открытій, то за-то онъ лучше всѣхъ научить, какъ извлекать какую-либо пользу изъ даннаго производства, при невозможныхъ почти условіяхъ труда. Если и выйдетъ какой-нибудь провъ отъ сообщенія кустарю научно-техническихъ свѣденій, то здѣсь школа, все-таки, не причесть. Нельзя-же серьезно говорить объ устройствѣ *рядильныхъ* школъ, какъ это предлагалось, или кожевенныхъ, кузнечныхъ и т. д., а устройство общихъ ремесленныхъ школъ и дорого и бесполезно. Если въ ремесленной школѣ крестьянскія дѣти начнутъ учиться со школьнаго возраста, дѣтъ съ 9-ти или 10-ти, то, разумеется, къ тому времени, когда они будутъ самостоятельно работать, почерпнутыя ими указанія окажутся далеко не соответствующими выводамъ всегда движущейся впередъ техники. Хорошая школа грамотности сдѣлаетъ никакъ не меньше ремесленной школы, въ отношеніи техническаго образованія. Послѣдняя едва-ли можетъ дать мальчику то, что ему дало-бы *ученичество* въ какомъ-нибудь мастерствѣ, т. е. непрерывная практика подъ постояннымъ наблюденіемъ мастера. Съ ремесленной школой связано также множество важныхъ вопросовъ, рѣшенія которыхъ теперь не возможно предвидѣть. Если для обученія грамотности нужно не менѣе двухъ лѣтъ, да и то она скоро забывается, то включеніе ремеслъ въ программу начальнаго образованія потребуетъ *minimum* четырехлѣтняго курса, а между-

тѣмъ, во всѣхъ кустарныхъ производствахъ дѣти уже съ 9-ти лѣтъ помогаютъ своимъ отцамъ въ работѣ, и трудъ ихъ положительно необходимъ родителямъ. Поэтому ремесленнымъ школамъ, по всей вѣроятности, предстоитъ оставаться пустыми, содержаніе же ихъ не дешево. Если ремесленные школы не будутъ интернатами, то сомнительно, чтобы и въ 4 года, при бѣганіи въ школу на 3, на 4 часа въ день и въ пережку съ обученіемъ грамотѣ, мальчикъ успѣлъ-бы приготовиться къ ремеслу. Вообще, ремесленные школы можно поставить въ число самыхъ послѣднихъ мѣръ для спасенія погибающей сельской промышленности; затрачиваться на нихъ можетъ лишь государство богатое, и притомъ сдѣлавшее предварительно кое-что другое для той-же цѣли.

По непонятной странности, самая важная и необходимая мѣра для поднятія кустарничества оставляется безъ вниманія газетными и журнальными радѣтелями народныхъ интересовъ. Эта мѣра—упроченіе поземельныхъ отношеній. Земля есть необходимая основа кустарничества, и другія мѣры будутъ только дополнять, но не возмѣщать все то, что можетъ быть сдѣлано для улучшенія поземельнаго быта. Этотъ старый, но вѣчно новый вопросъ о землѣ на этотъ разъ устраненъ, повидимому, вслѣдствіе привычки нашей видѣть антагонизмъ между всякимъ промышленнымъ трудомъ и трудомъ земледѣльческимъ. По отношенію къ кустарной промышленности такой взглядъ вполне ошибоченъ. Если направить всѣ заботы и усилія только въ сторону этой промышленности и оставить безъ вниманія землю, то этимъ, дѣйствительно, будетъ нанесенъ серьезный ущербъ землѣдѣлю, сельская же промышленность будетъ поднята лишь на самое короткое время, но впослѣдствіи, все равно, она найдетъ въ самомъ своемъ форсированномъ развитіи неизбѣжную гибель. Если же, напротивъ, оставить въ сторонѣ промышленность, но сосредоточить всѣ усилія на землѣ, то это необходимо и помпмо нашей воли подниметъ промыслы тамъ, гдѣ они существуютъ. Для того, чтобы кустарная промышленность процвѣтала: она должна удовлетворять одному основному условію, изъ котораго, какъ слѣдствія, вытекаютъ всѣ остальные условія: она должна быть дополненіемъ земледѣльческаго труда, а не наоборотъ. Лишь только кустарное производство является исключительнымъ или главнымъ средствомъ существованія, размѣры его расширяются за предѣлы семейной ассоціаціи, являются наемные рабочіе у однихъ, тогда какъ другіе, не имѣя ни рабочихъ силъ для переработки, ни средствъ для выгодной закупки большаго количества сырья, постепенно бѣднѣютъ и изъ самостоятельныхъ

хозяевъ превращаются въ наемныхъ рабочихъ. Плохія поземельныя отношенія служатъ сильнымъ толчкомъ къ развитію промысла, въ смыслѣ увеличенія его размѣровъ и количества занимающихся имъ рукъ, но это развитіе неизбежно сопряжено съ развитіемъ нищеты. При этомъ условіи, всѣ руки невольно обращаются къ промыслу, ибо нельзя рассчитывать на земледѣльческій трудъ, всѣ, кромѣ того, стараются расширить производство, но, разумѣется, это удастся лишь немногимъ обладателямъ оборотнаго капитала, требуемаго для такого расширенія. Нормальныя поземельныя отношенія не допускаютъ этого не только потому, что нѣтъ побужденія къ расширенію производства, но и потому, что для этого не найдется на сторонѣ свободныхъ рукъ.

Въ настоящее время вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, какъ говорятъ, суждено разрѣшиться важными мѣропріятіями относительно переселеній и увеличенія надѣловъ насчетъ свободныхъ земель. Если принять во вниманіе интересы кустарничества, то во всей промышленной полосѣ Россіи переселеніе едва ли можетъ практиковаться безъ нанесенія ущерба промысламъ, хотя съ другой стороны земли здѣсь весьма плохого качества и однимъ увеличеніемъ количества земли мало можно принести пользы. Зато, какъ кажется, свободныхъ земель здѣсь больше и онѣ значительно дешевле, чѣмъ на югѣ и въ губерніяхъ малорусскихъ, гдѣ, кромѣ того, земля лучше по качеству и, слѣдовательно меньше потребности покидать имѣющую землю для новой. Всѣ эти обстоятельства необходимо тщательно взвѣшивать, когда примѣняется та или другая мѣра въ видахъ упрощенія поземельнаго быта крестьянъ.

В. Леонскій.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Возможно-ли у насъ процвѣтаніе порнографической литературы?—Попытки въ порнографическомъ родѣ г. Немировича-Данченко: его повѣсть „Краденое счастье“.—Г. Ев. Марковъ въ роли обличителя „петербургской“ литературы.—Литературная его дѣятельность. — Беллетристика „Русской Рѣчи“, (май и июнь). — Новый историческій романистъ г. Шадринъ и его романъ „Княжна Владимірская“.—Трудность въ выборѣ беллетристическихъ тѣмъ. — „Криворожье“, рассказъ г. Эртеля, „Вѣстн. Европы“, (май). — Повѣсть г-жи Виницкой („Отечественныя Записки“, май).

I.

Въ послѣднее время и въ нашей беллетристикѣ замѣтно нѣкоторое порнографическое «оживленіе». И у насъ стали появляться произведенія исключительно порнографическаго характера, отличающіяся отъ произведеній Баркова лишь меньшею талантливостью и меньшею откровенностью выраженій, хотя и разрабатывающія ту-же область. Правда, подобныя упражненія въ порнографическомъ жанрѣ не наводнили еще литературнаго рынка и пока не составляютъ господствующаго явленія въ pendant къ передовымъ статьямъ «Московск. Вѣдом.», но, принимая въ соображеніе затруднительность выбора тѣмъ и неуловонное стремленіе названной газеты привести литературу къ одному знаменателю,—есть основаніе предполагать, что, при такихъ обстоятельствахъ, порнографическій родъ «искусства» можетъ у насъ развиваться такимъ-же пышнымъ цвѣтомъ, какъ Демидронъ и тому подобныя заведенія, охотно посѣщаемыя благородными россиянами. По крайней мѣрѣ, есть много признаковъ, благопріятствующихъ именно литературѣ, которая не волнуется ума, не облагораживаетъ чувствъ, но зато раздражаетъ спинной мозгъ. За производителями дѣло не станеть, какъ не стало дѣло за публицистами, спасителями отечества, явившимися внезапно изъ всѣхъ щелей и со всѣхъ закоулковъ литературныхъ дворовъ. Если есть спросъ—

предложеніе не заставитъ себя ждать, тѣмъ болѣе, что извѣстная стыдливость давно уже признается воинствующими публицистами однимъ изъ подозрительныхъ «признаковъ».

Все болѣе и болѣе рѣшительныя попытки въ порнографіи (муза г. Всеволода Крестовскаго сама невинность передъ новѣйшими «опытами»), обнаруживаемыя нѣкоторыми беллетристами (впрочемъ, пока еще немногими), во всякомъ случаѣ являются характерными признаками времени, вѣхами первыхъ пионеровъ, храбро вступившихъ въ эту область, и указывающихъ благодарную тѣму для разработки. Тѣма эта какъ-бы является логическимъ дополненіемъ однообразной тѣмы «Моск. Вѣдомостей» и пополненіемъ пустоты другихъ органовъ; взятая вмѣстѣ онѣ дадутъ характерный матеріалъ для будущаго историка нашей литературы. И да не смущаются любители порнографическаго чтенія, не могушіе пользоваться имъ на французскомъ языкѣ, что наша порнографическая беллетристика выступаетъ еще не вполне смѣло, прикрываясь фиговымъ листкомъ яко-бы «протоколизма» и потребностью реального изображенія жизни... Первые шаги вообще не смѣлы, но дайте только понизиться общественнымъ инстинктамъ, съезьте область литературнаго поля и порнографическая литература явится во всей своей красѣ къ вашимъ услугамъ.

Одинъ мой пріятель, правда большой пессимистъ, увѣряетъ меня, что слѣдовало-бы вмѣсто нынѣшнихъ газетъ, издавать у насъ специально порнографическія. Онъ даже находитъ, что это будетъ совершенно естественно. Оставивъ въ покоѣ жучка и тунисскаго бая, единеніе съ народомъ и проекты умиротворенія, филлоксеру и розыски зла,—новыя газеты въ передовыхъ статьяхъ станутъ разрабатывать вопросы о вліяніи женскаго тѣла на мужское и обратно, о мужскомъ безсиліи и т. п.; въ фельетонахъ—изображать «любви пантомимъ», причемъ реальность будетъ доведена до иллюзіи, а въ отдѣлѣ «Хроники» случаи и происшествія будутъ только порнографическаго характера...

— А иностранная политика? остановилъ я фантазію пріятели.

— И политика будетъ порнографическая...

— А внутреннія извѣстія?

— Внутреннія?.. Онѣ не представляютъ ни малѣйшаго интереса, какъ, впрочемъ, не представляютъ и теперь большаго, и потому болѣе умныя редакціи ихъ вовсе упразднить. Подписчиковъ на такіе органы будетъ масса; пресса наша дѣйствительно процвѣтетъ и не подастъ болѣе повода къ обвиненіямъ... Словомъ—наступитъ золотой вѣкъ литературы!..

Ближайшимъ поводомъ къ вышеизложенной бесѣдѣ съ пріятелемъ послужилъ, собственно говоря, пустякъ—порнографическая повѣсть г. Немировича-Данченко подъ заглавіемъ «Краденое Счастье». При другихъ обстоятельствахъ на нее нельзя было бы обратить ни малѣйшаго вниманія—да, пожалуй, при другихъ обстоятельствахъ авторъ-бы и не рискнулъ предложить свою порнографическую увражь и никакая редація не рискнула-бы ее напечатать,—но въ связи съ признаками времени и съ порнографической струйкой, пробивающей себѣ дорогу въ послѣднее время и находящей себѣ пріютъ въ органахъ, претендующихъ на распространеніе самаго неподдѣльнаго и свѣжаго «патріотизма»,—пустякъ этотъ становится пустякомъ довольно характернымъ и потому заслуживающимъ нѣсколькихъ словъ.

Названная повѣсть помѣщена въ «Русской Рѣчи» (апрѣль), той самой «Русской Рѣчи», въ которой устами извѣстнаго г. Е. Маркова и малоизвѣстнаго г. Навроцкаго раздаются скорбные возгласы о паденіи нравственности, о пониженіи идеала, о развращеніи молодого поколѣнія и т. п. и притомъ проповѣдуются тѣ-же обскурантскія мысли, что въ избытѣхъ разсѣяны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но только съ стилистической цвѣтистостью марковского краснорѣчія, съ рѣшительностью джентльменовъ изъ Охотнаго ряда и нескрываемымъ, подъ блесками фразъ о народѣ, сочувствіи къ разуваевскимъ идеаламъ. Пропливая крокодиловы слезы о паденіи въ жизни и искусствѣ идеала, названный органъ, какъ-бы для подъема идеаловъ нравственности помѣстилъ повѣсть «Краденое Счастье», скромный характеръ которой составляетъ довольно значительный и смѣлый шагъ впередъ послѣ порнографическихъ упражненій автора романа «Содомъ» и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ.

Содержаніе повѣсти «Краденое Счастье» въ нѣсколькихъ словахъ слѣдующее: Одна очень некрасивая барышня, некрасивая, какъ «смертный грѣхъ», и въ противоположность французской пословицы: «chaque vilain trouve sa vilaine» не нашедшая исхода своимъ стремленіямъ,—во что-бы то ни стало хочетъ сорвать цвѣты наслажденія и для сей цѣли выбираетъ объектомъ каждаго-то знаменитаго, моднаго художника, разузнется, красавца по всѣмъ статьямъ, напоминающаго, по авторскому описанію, настоящаго заводскаго жеребца. Обладая удивительною ножкой и ручкой, героиня повѣсти задумала (вѣрнѣе, впрочемъ, задумалъ г. Немировичъ-Данченко) во что-бы то ни стало достигнуть цѣли и для того сочинила (опять-таки, надо думать, не сама, а при обязательной помощи и при удивительной фантазіи г. Немировича-Данченко) слѣдующій планъ: вкусить любовь въ маскѣ...

Фантазія, какъ видите, необыкновенно смѣлая и трудности исполненія довольно значительныя, но не даромъ почтенный авторъ разныхъ путешествій и очерковъ обладаетъ такимъ воображеніемъ, для котораго невозможнаго не существуетъ. Дѣвица идетъ въ маскарадъ и, разумѣется, съ перваго-же свиданія очаро вываецъ моднаго, «скучающаго» и блазировааннаго... любителя амура. Героння, по увѣренію автора, умна (еще-бы: выдумала такую штуку!) и, кромѣ того, у ней прелестная ручка, очаровательная ножка... сложена она на диво и слѣдовательно, нѣтъ ничего мудренаго, что художникъ, къ тому-же всегда пламенѣющій (когда только онъ успѣвалъ писать свои «превосходныя» картины?) тотчасъ-же при видѣ барышни заржалъ и въ тотъ-же вечеръ или на другой, не припомню, предложилъ героинѣ свои услуги. Барышня въ восторгѣ, но восторгъ смѣняется грустью, какъ только она вспоминаетъ о своемъ безобразномъ лицѣ и нѣкоторыхъ неудобствахъ въ разсужденіи маски. Тѣмъ не менѣе грусть смѣняется скоро восторгомъ, и колебанія слабости проходятъ. «Я согласна, говоритъ она,—принадлежать тебѣ, милый мой, но въ маскѣ». — «Ладно, въ маскѣ, такъ въ маскѣ... Это еще пикантнѣй!» отвѣчаетъ вольный художникъ. «Быть можетъ сама принцесса Матильда пріѣхала въ Петербургъ для любви удовольствій и хочетъ оную совершить въ тайнѣ», вѣроятно подумалъ при этомъ модный художникъ, хотя думъ этихъ авторъ и не обнаружилъ. — «И никогда не смѣй ее снимать. Дашь слово?» — «Даю». Хлопнули по рукамъ и отправились.

Вотъ тутъ-то и начинается, собственно говоря, настоящее «повѣствованіе». Какъ ни смѣла авторская фантазія насчетъ маски, но, суть повѣсти, конечно, не въ ней, а въ «пантомимѣ любви» моднаго художника-жеребца и барышни въ маскѣ, всестороннему и подробнѣйшему описанію котораго, при соблюденіи точнаго изображенія мѣста, времени и количества вздоховъ, — описанію съ засосомъ, съ причмокиваніемъ, съ передышками на самыхъ интересныхъ мѣстахъ, и посвящено это произведеніе «словесности».

Натурально, передъ тѣмъ, на основаніи «протокольной» теоріи, антуражъ описывается до мелочныхъ подробностей, тѣмъ болѣе, что у Зола есть готовые образцы въ видѣ «одуряющихъ ароматовъ» будуара (мужскаго, замѣтьте), и подробнаго описательнаго каталога мебели, цвѣта матеріи, свѣта свѣчей и полусвѣта таинственныхъ фонарей. Послѣ того, какъ самого автора взяло нетерпѣніе отъ этихъ prelimинарій, начинается описаніе самого любви пантомима во всѣхъ подробностяхъ, съ объясненіемъ,

какъ героиня кусалась, щипалась и предавалась различнымъ необузданностямъ, несмотря на маску. Желаящіе могутъ все это прочесть въ повѣсти, а я замѣчу только, что, по удосто- вѣренію г. Немировича-Данченко, и модный художникъ и героиня чувствовали себя какъ нельзя лучше на слѣдующее утро и рѣшили продолжать свои занятія и впредь.

Но такъ-какъ слишкомъ ужъ зазорно безконечно описывать любовныя упражненія, хотя фантазія автора, выдавашаго виды чуть-ли не во всѣхъ частяхъ свѣта, могла-бы придать описа- ніямъ пикантное разнообразіе, то авторъ ограничился лишь нѣ- сколькими, впрочемъ, изрядно длинными «протоколами» и затѣмъ заставилъ героиню, послѣ одной изъ египетскихъ ночей, снять маску. Увидавъ передъ собой столь некрасивое лицо, неблаго- дарный модный художникъ-жеребецъ проговорилъ только: «одна- ко-же!» и вышелъ. Дѣва уѣхала въ Крымъ, хотѣла-было бро- ситься въ море отъ тоски и отчаянія, но раздумала и осталась жить, вѣроятно надѣясь, что маска ей можетъ сослужить и на- предки службу.

Пробѣжавъ сію повѣсть, невольно повторишь за авторомъ: «однако-же!» и останешься въ нѣкоторомъ изумленіи передъ этимъ новымъ образцомъ словесности. Но изумленіе быстро пройдетъ, лишь только вы приметесь за газеты и начнете чи- тать ежедневное толченіе въ ступѣ въ однихъ или завываніе и какой-то торжествующій гоготъ въ другихъ. Тогда названная по- вѣсть явится передъ вами уже, какъ зловѣщій признакъ того, чего можно еще ожидать въ будущемъ отъ литературныхъ прои- зведеній.

Я какъ-то былъ въ Ливадіи и смотрѣлъ «Корневильскіе ко- локола». Одна пѣвица съ извѣстнымъ шикомъ пропѣла арію горничной, которая, выхвалявая свои достоинства, между про- чимъ, поетъ слѣдующій припѣвъ, указывая одной рукой на шею, а другою, приподнимая платье:

Смотрите здѣсь, смотрите тамъ,
Правится-ль все это вамъ...

При этомъ припѣвѣ публика неистовствовала. Весь театръ ру- коплескалъ; все сливалось въ какомъ-то безобразно-животномъ гамѣ. «Bis, bis, bis!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Налитые кровью глаза, подавшіяся впередъ туловища, животныя улыбки на молодыхъ и старыхъ лицахъ; отвислыя губы, блестящіе взоры, направленные на пѣвицу и сливающиеся въ какой-то гулъ восторга голоса всѣхъ возрастовъ...

— Это «животный нервъ» говорить! замѣтилъ мой сосѣдъ...

Такия развлеченія отвлекають вниманіе отъ злобы дня... Слѣдовало-бы побольше такихъ отвлеченій, и повѣрьте...

Новый взрывъ восторга прервалъ его рѣчь.

Вотъ это-то «животное» въ человѣкѣ имѣетъ въ виду спеціально и порнографическая литература, рассчитывая, несомнѣнно, на успѣхъ среди читателей. Въ извѣстныя времена, когда духовная сторона человѣка является приниженою, когда идеалы и мысль становятся лишними, тогда честь и мѣсто—порнографіи въ литературѣ и въ искусствѣ.

Если я заговорилъ по поводу повѣсти г. Немировича-Данченко, то, разумѣется, не ради ея автора. Этотъ писатель, обладающій несомнѣннымъ дарованіемъ изложенія, хотя и склонный къ преувеличеніямъ, значительно подрывающимъ довѣріе къ его путевымъ очергамъ и рассказамъ, никогда убѣжденій и большаго ума не проявлялъ, слѣдовательно и относиться къ нему съ большими претензіями нельзя. Но дѣло въ томъ, что прежде тотъ-же г. Немировичъ-Данченко такой повѣсти не написалъ-бы, да и едва-ли рѣшился-бы ее снести въ какую-нибудь редакцію толстыхъ журналовъ. Тонъ другой былъ. Вотъ этотъ-то тонъ и держалъ въ извѣстномъ респектѣ тѣхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, которые, не обладая собственною критическою мыслью, идутъ въ хвостъ господствующаго направленія. Перемѣняется вѣтеръ и ихъ работы мѣняютъ свой характеръ, иногда и безсознательно... Они какъ-то чуютъ вмѣстѣ съ большинствомъ, какой товаръ требуется на рынкѣ...

Съ этой точки зрѣнія, повторяю, смѣлый шагъ г. Немировича-Данченко служитъ указаніемъ. Нѣтъ нужды, что его газеты пожурили. Знаменательно то, что порнографическое «оживленіе» явилось въ такомъ органѣ, какъ «Русская Рѣчь». Логика требуетъ, чтобы и «Русскій Вѣстникъ» оживился въ томъ-же духѣ.

II.

Не лишено нѣкотораго курьеза, что въ іюньской книжкѣ того самого журнала, который въ апрѣлѣ далъ «Краденое счастье», напечатано начало «Этюдъ о французскомъ романѣ» г. Евгенія Маркова и въ нихъ проводится взглядъ, неодобряющій порнографическаго реализма «натуральной» французской школы Зола и его черезъ-чуръ старательныхъ послѣдователей. Г. Евг. Марковъ торжественно повторяетъ, что литература должна имѣть существенною цѣлью возвысить и облагородить настроеніе человѣка. «Обращать-же литературу въ помойную яму

однихъ грязныхъ и циническихъ образовъ, одной безпробудной животности безъ малѣйшаго свѣтлаго, человѣческаго луча; вводить притомъ въ художественные обычаи безцѣльные описательные рисунки всѣхъ низменныхъ органическихъ процессовъ, — это значитъ совершенно извращать то высокое воспитательное значеніе литературы, которое она завоевала себѣ въ исторіи человѣчества, и съ помощію котораго литературный человѣкъ сталъ въ европейскомъ обществѣ синонимомъ человѣка цивилизаціи. Это значитъ растлѣвать фантазію, втягивать въ грязь вкусы, мысли и обычаи человѣка, содѣйствовать, однимъ словомъ, — его одичанію, но не облагороженію».

Такъ изводитъ распинаться за задачи литературы публицистъ «Русской Рѣчи», высказывая не безъосновательный взглядъ на значеніе новѣйшей «натуральной» школы, когда дѣло идетъ о произведеніяхъ «порнографіи», если можно такъ выразиться, самого грубаго характера. Совсѣмъ иные взгляды проводить тотъ-же публицистъ въ томъ-же журналѣ, и далеко не въ смыслѣ «облагороженія» человѣка, когда касается явленій иного порядка. Передъ его отношеніемъ къ нимъ блѣднѣетъ всякая «порнографія» и въ послѣднихъ своихъ статьяхъ въ «Русской Рѣчи» г. Евгений Марковъ, конечно, болѣе самыхъ завзятыхъ «порнографовъ» способствуетъ «растлѣнію фантазіи» и «одичанію» человѣка, проповѣдуя «общественную порнографію» по рецептамъ, нынѣ столь распространеннымъ въ публицистикѣ...

Стыдливо потупляя очи передъ сценами чувственнаго разврата и вопія объ «одичаніи» человѣка, г. Евгений Марковъ не только не потупляетъ очей, но съ безцеремонностью, отличающей публицистовъ нашихъ дней, рекомендуетъ болѣе гнусный развратъ — развратъ общественной мысли, проповѣдуетъ порнографію болѣе вредную — культъ животной силы и приниженіе духовной природы человѣка.

Расточая на эту тѣму вышощенныя фразы, г. Евгений Марковъ само собою разумѣется, старается прикрыться яко-бы задачами цивилизаціи, но кто-же не знаетъ какого сорта цивилизація — *primum desiderium* писателей, подобныхъ г. Евгению Маркову? Надо быть совсѣмъ наивнымъ, чтобы не разглядѣть сути всѣхъ этихъ разглагольствованій объ «единеніи» и не понять, какія теорія дѣйствительнаго «одичанія» человѣка прикрывается, какъ фиговымъ листкомъ, разными «жупелами» г. Ев. Маркова.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого направленія мысли и пониженія уровня общественныхъ идеаловъ является, какъ я уже упоминалъ, развитіе литературы, имѣющей задачей съ одной стороны — понизить и даже совсѣмъ уничтожить проявленіе са-

мостоятельной мысли, а съ другой—«безцѣльные описательные рисунки всѣхъ низменныхъ органическихъ процессовъ». И тогда литература дѣйствительно, какъ выражается г. Марковъ, «рискуетъ обратиться въ помойную яму», въ которой, конечно, одними изъ хозяевъ будутъ и подобные г. Евгенію Маркову, публицисты «Русской Рѣчи».

Такимъ образомъ, едва-ли не лишнимъ является замѣчаніе г. Евгенія Маркова въ одной изъ статей, что «поученіе публичнымъ словомъ, выработка общественнаго мнѣнія должны принадлежать самымъ честнымъ и разумнымъ гражданамъ нашимъ, мужамъ совѣта и опыта, а не праздному сброду столичныхъ кафе-шантановъ и адвокатскихъ конторъ, на-скоро нахватавшемуся заглавій свѣже-отпечатанныхъ европейскихъ книжекъ и ходячихъ сентенцій западнаго либерализма».

Кажется, «мужу совѣта», какъ г. Евгений Марковъ, жаловаться грѣшно. Онъ не перестаетъ поучать публичнымъ словомъ и никто ему въ томъ не препятствуетъ. При чемъ-же тутъ «праздный сборъ столичныхъ кафе-шантановъ и адвокатскихъ конторъ»?.. Столичные кафе-шантаны могутъ развѣ только помочь г. Евгенію Маркову въ выработкѣ общественнаго мнѣнія, перекладывая въ шансонетки нѣкоторые изъ его статей, крайне удобныя для переложенія на игривую музыку.

Тѣмъ не менѣе нашъ почтенный «мужъ опыта и совѣта» не удовлетворенъ. Онъ поетъ, какъ вольная птица, на всѣ лады и въ каждой книжкѣ «Русской Рѣчи» заливается и... подите-же—ему этого мало; онъ какъ-будто сердится, что репутація «языка безъ костей», давно за нимъ упроченная, не санкціонирована какимъ-нибудь юридическимъ актомъ и что монополія гг. Евгенія Маркова и ему подобныхъ, *de facto* существующая, не утверждена и *de jure*!..

О, уязвленное надутое самолюбіе этого плодovitаго «софиста мысли», вѣчно напрягающагося сказать какое-либо «свое слово» воотще гоняющагося съ усердіемъ и кунштюками ловкаго фокусника за вниманіемъ публики, во всѣхъ этихъ lamentаціяхъ выдается какъ бѣлая нитка на черной ткани! Давно ужъ избидѣла его «петербургская» литература». Мало того, что она не признаетъ въ г. Ев. Марковѣ генія, она даже не признаетъ въ немъ ни серьезнаго публициста, ни критика, ни романиста, хотя во всѣхъ этихъ областяхъ г. Ев. Марковъ и подвизается съ обычнымъ для самолюбующагося Нарцисса апломбомъ. И не только критика, но и публика вслѣдъ за ней составила о г. Марковѣ мнѣніе, какъ о «языкѣ безъ костей», языкѣ, обладающимъ даромъ говорить о чемъ угодно и когда угодно, говорить съ ви-

домъ человѣка, воображающаго каждую минуту, что онъ открываетъ Америку... Но сколько ужъ прошло лѣтъ, сколько исписалъ бумаги г. Марковъ, а наша «синица моря не зажгла». Цвѣтистый вычурный слогъ не скрылъ бѣдности и шаблонности его мыслей... Изъ-за либеральнаго марковскаго пафоса, бьющаго себя ежеминутно въ грудь, проскальзывали не особенно симпатичные идеалы... Изъ-за треска его періодовъ внимательный читатель не выуживалъ часто никакой мысли и весь г. Ев. Марковъ оказался литературнымъ пустоцвѣтомъ. «Петербургская» литература замѣтила это въ свое время; нашъ «геній» вознегодовалъ, но еще извѣстныя приличія связывали его. Время шло своимъ чередомъ и, наконецъ, самолюбивый литературный пустоцвѣтъ «высказался» окончательно, обнаруживъ вмѣстѣ съ безпримѣрнымъ самолюбіемъ и всѣ свои, прежде скрывавшіяся за риторикой фразы, вождельнія. Въ послѣднее время онъ, разумѣется, сталъ рѣшительнѣй и рѣшительнѣй (нынче вѣдь мода на рѣшительныхъ публицистовъ) бранить «петербургскую» литературу, разгадавшую геній г. Маркова и теперь не проходитъ ни одной статьи, гдѣ-бы г. Ев. Марковъ не «проявлялся» въ этомъ направленіи, ощущая муки непризнаннаго «генія», за которымъ не идетъ публика, и «поучающее слово» котораго не производитъ впечатлѣнія, большаго, чѣмъ трескучій фееверкъ—и то въ самомъ благопріятномъ случаѣ, когда нашъ романистъ—публицистъ—критикъ не предпринимаетъ экскурсій въ область, специально отвоеванную г. Катковымъ, а повторяетъ святыя истины г. de-la-Palisse.

И г. Ев. Марковъ не только «высказывается», но и сводитъ счеты съ «петербургской» литературой разражаясь запоздалыми инсинуаціями. Я говорю: запоздалыми, такъ-какъ и самъ г. Ев. Марковъ и другіе подобные литературные «оппортунисты» уже эту «петербургскую» литературу достаточно «обличили», едва только почувствовали своевременность подобнаго занятія... Но велико-же должно быть уязвленіе нашего доморощеннаго «Колумба», если онъ даже и теперь, когда, кажется, поучающему слову г. Ев. Маркова — самая пора, говоря по поводу «Руси» («Русская Рѣчь», май) въ привѣтственномъ, конечно, тоиѣ, не могъ при столь удобномъ случаѣ не «пропѣть» еще разъ длиннаго агагиста по адресу «петербургской» литературы... О, эти органы (г. Марковъ киваетъ преимущественно на толстые журналы конечно, тамъ больше всѣхъ уязвляли его «геній») ужасны! У нихъ «яѣтъ на душѣ ни одного русскаго чувства, ни одной русскаго мысли»... Несчастные! Ни одного русскаго чув-

ства,—все иностранныя! Ни одной русской мысли,—все иностранныя!

Конечно, г. Ев. Марковъ зарпортовался, но когда у чело-
вѣка «языкъ безъ костей», то на это особеннаго вниманія обра-
щать не приходится и классификацію чувствъ слѣдуетъ признать
порывомъ «истинно русскаго» чувства. Но за то, слѣдующія пара-
графы акафиста уже приходится отнести не только къ благород-
ству чувствъ, но и къ способности не брезгать приѣмами, упо-
треблявшимися «сигнофантами» всѣхъ литературъ, а нашими въ
особенности. Новаго, конечно, г. Марковъ ничего не сказалъ,
(куда его въ этомъ случаѣ перещеголялъ г. Катковъ), но са-
мого себя, такъ-сказать, оголилъ съ реализмомъ порнографиче-
скаго писателя, обязавъ тѣмъ самымъ извлечь изъ его статьи
избранныя мѣста, гдѣ г. Ев. Марковъ, непризнанный «петер-
бургской» литературой и, однако, не разъ въ нее совавшійся,
предсталъ au naturel:

Вотъ какъ говоритъ онъ о «петербургскихъ» журналахъ: («Рус-
ская Рѣчь» хоть и издается въ Петербургѣ, но, конечно, ничего
общаго съ «петербургскими» органами не имѣетъ).

«Всѣ эти органы расхожаго европейскаго либерализма, безъ
собственнаго труда и заботы снабжаются всѣмъ оптомъ прямо
съ базара, какъ *безхозяйственные проходимцы* одѣваются съ
головы до ногъ въ первомъ попавшемся магазинѣ готоваго
платья».

«Безхозяйственные проходимцы» очень терзаютъ хозяйствен-
наго нашего публициста. И вообще онъ, какъ кажется, очень
щекотливъ къ одеждѣ. Сколько припомнится, уже не въ первый
разъ г. Ев. Марковъ въ полемикѣ ставитъ «брюки» и другія
принадлежности туалета на счетъ недостатка «русскаго» чув-
ства. Словно любясь своими собственными брюками, хозяй-
ственно заказанными у доброхозяйственнаго портныхъ дѣлъ ма-
стера, г. Евгений Марковъ готовъ возопіянь: «Почему у васъ,
милостивый мой государь, нѣтъ хорошихъ брюкъ, почему-съ?
И не слѣдуетъ-ли заключить изъ того, что вы, милостивый го-
сударь, чувствуете не по-русски, и мысли у васъ не русскія!» До-
статочно г. Евгений Маркову только начать въ такомъ родѣ, чтобы
вслѣдъ за симъ развести хоть на три печатныхъ листа статью
о влияніи готоваго платья на упадокъ литературы... Г. Евгений
Марковъ «всегда справится съ подобной задачей», да еще та-
кой благодарной: доказать, что пишущіе въ журналахъ, упро-
чившихъ за г. Евеніемъ Марковымъ репутацію «языка безъ
костей»,—носятъ готовое платье и слѣдовательно... въ сво-
ихъ работахъ не обнаруживаютъ ни труда, ни заботы, не гово-

ря уже о чувствахъ... О, что касается до чувствъ, то развѣ могутъ быть приличныя, а тѣмъ паче возвышенныя, чувства у «проходимцевъ», снабжающихся всѣмъ готовымъ съ базара... На основаніи всего этого ясно, почему и г. Евгений Марковъ и «люди, не только русскіе по своей душѣ, но просто искренніе серьезные люди» порадовались, когда «среди этой стаи литературныхъ попугаевъ» появился «живой, уважающій себя человекъ», г. Аксаковъ (ст. «Природа и Утопія», «Русская Рѣчь», май).

«По крайней мѣрѣ—продолжаетъ г. Евгений Марковъ—отчаяніе не возьметъ, глядя на безшабашное и безпрепятственное (*такъ-ли, г. Марковъ?*) гарцovanje на полѣ общественной мысли однихъ только оторвавшихся отъ своей родной почвы (а «Русская Рѣчь», а «Моск. Вѣдомости», а «Русскій Вѣстникъ»?) либеральствующихъ нахаловъ, облаивающихъ всѣ историческія народныя святыни, все простое искреннее и теплое, что сохранилось въ душѣ современнаго русскаго человѣка. Эти литературные галманы своимъ назойливымъ заказнымъ (?) кланкерствомъ извѣстному подбору идей и такимъ-же заказнымъ (?) освященіемъ идей другого рода, прежде всего роняютъ достоинство той почтенной партіи дѣйствительнаго и серьезнаго либерализма (*т. е. г. Евгения Маркова, Навроцкаго и т. д.*) и къ которой они стараются пристроиться (*Избави насъ отъ лукаво!*), чтобы придать и себѣ кажущійся видъ серьезности»... (Ibid).

И вотъ эти-то «либеральствующіе нахалы» въ штанахъ изъ магазина готовыхъ платьевъ, эти «чахлые фигуры, насквозь пропитанныя запахомъ книжнаго госпиталя», эти «проповѣдники индусской философіи изможденія и небытія» осмѣливались тоже писать, даже имѣютъ слушателей, тогда какъ мужи «опыта и совѣта» вроде г. Евгения Маркова, несмотря на исправное состояніе всѣхъ предметовъ костюма и на безпрепятственное дѣйствіе фонтана ихъ краснорѣчія, — пользуются вниманіемъ только интеллигенціи изъ Охотнаго ряда!!

О, сколь сіе ужасно!..

Я, конечно, не стану входить въ разбирательство по существу, т. е. не стану объяснять всей инсинуаціонной жи г. Евгения Маркова насчетъ «облаиванія народныхъ святынь» и т. п. Въ данномъ случаѣ, г. Ев. Марковъ, по современной публицистической манерѣ, довольно безцеремонно подтасовываетъ карты и, какъ прежде онъ горевалъ, что та-же самая «петербургская» литература слишкомъ занимается «мужикомъ» и придаетъ большое значеніе ихъ «невѣжественнымъ идеаламъ», такъ теперь онъ,

свершая переѣзду фронта, принимаетъ въ свои объятія «народъ» и съ пафосомъ обѣденныхъ рѣчей или юбилейныхъ привѣтствій вызываетъ о единеніи съ нимъ на патріархальной почвѣ домашнихъ средствъ.

Явленіе это въ журналистикѣ обычно. Кто нынче только не говорить о народѣ? Онъ въ настоящее время исполняетъ роль балаганнаго турка, надъ которымъ пробуетъ свои силы каждый публицистъ, желающій обнаружить отвагу. Заговорили вдругъ о народѣ и отъ имени его даже писатели-публицисты, которые еще недавно печатно считали его годнымъ лишь для исполненія обязанностей платежной единицы или пушечнаго мяса. И тѣ-же самые публицисты, вродѣ г. Евгенія Маркова, которые рисовали изящный, красивый идеалъ цивилизаціи на почвѣ разьединенія, теперь тотъ-же самый идеалъ рисуютъ на почвѣ своеобразнаго единенія съ народомъ и поклоненія «народному» духу. Нечего говорить, что всѣ эти публицистическія «почвы» крайне удобны не только для разуваевскихъ вождельнѣй, но и для тѣхъ экскурсій въ область чужихъ мнѣній и чужого туалета, которыя съ такимъ успѣхомъ предпринимаетъ нынѣ г. Евгеній Марковъ,—этотъ когда-то бывшій махровый цвѣтокъ либеральнаго блудословія, отдающій теперь «букетомъ» самаго недвусмысленнаго запаха...

Напрасно только г. Евгеній Марковъ рискуетъ говорить о «заказномъ клагерствѣ». Для подобныхъ литературныхъ «музей опыта и совѣта» развѣ не довольно «брюкъ», классификаціи чувствъ и изслѣдованія образа мыслей тѣхъ органовъ, которые давно прослышали фальшивыя ноты въ либеральной «дудкѣ» нашего публициста, а теперь и вполне убѣдились въ литературной его добропорядочности, во всей своей прелести выразившейся въ тѣ времена, когда даже домашніе животные литературы заговорили съ невѣроятной отвагой объ идеалахъ человѣчества?

Кажется, никто не препятствуетъ имъ? Такъ пусть-же продолжаетъ г. Евгеній Марковъ дудѣть въ свою дудку во всю мощь своей груди, пусть сводитъ счеты съ литературными противниками со всей уязвленностью непризнаннаго генія и безцеремонностью патріота своего отечества, но пусть не упоминаетъ насчетъ заказныхъ чувствъ и не жалуется на безпрепятственность «либеральствующихъ нахаловъ». Своевременно-ли жаловаться господину Евгенію Маркову?

Прилично-ли? хотѣлъ было я прибавить, совершенно упустивъ изъ виду, что бесѣдую по поводу, не имѣющему ничего общаго съ приличіемъ.

III.

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ, что на ряду съ развитіемъ публицистическихъ красотъ послѣдняго времени, не развилось сыскнаго творчества въ области беллетристики, во вкусѣ повеллъ г. Незлобина. Къ пріятному изумленію, даже и въ такихъ журналахъ, какъ «Русскій Вѣстникъ», «Русская Рѣчь» и т. п. беллетристическія произведенія не отдають тѣмъ специфическимъ запахомъ, который преслѣдуетъ васъ, чуть только вы начнете читать статьи публицистическаго характера. Продукты беллетристики въ названныхъ органахъ не особенно сочны, дарованій не обличають, но за всѣмъ тѣмъ, слава Богу, хоть и то, что, принимаясь за повѣсть, вы не рискуете наткнуться на знакомые мотивы изъ «Московскихъ Вѣдомостей», переложенные въ стихи или переработанные въ беллетристическую прозу.

Я добросовѣстно перечиталъ въ «Русской Рѣчи» и «Сумерки» г-жи Львовой, и «Поздно» г. Круглова, и «Наташу» г. Алексѣя Смирнова, и начало тяжелаго историческаго романа «Княжна Владимірская или Зацѣпинскіе капиталы» г. Шадрина и только не читалъ повѣсти «Безъ пристанища» г. Айдарова, въ ожиданіи окончанія. За исключеніемъ разсказа «Наташа», обличающаго въ авторѣ нѣкоторое дарованье, но въ то-же время и довольно примитивное міросозерцаніе, все остальное — беллетристическій балластъ, читать который возможно лишь по обязанности или вслѣдствіе наложенія на себя эпитиміи. Ни мотивовъ, ни положеній, ни характеровъ. Передъ вами тянется какая-то канитель, неизвѣстно для чего сочиненная авторами. Въ «Сумеркахъ», напримѣръ, пространно разсказывается, какъ одна старая дѣва, прежде не вѣдившая въ трепанныхъ извошичьихъ саняхъ, нынѣ въ нихъ вѣдитъ; разсказано такъ дьявольски монотонно, дѣйствующія лица повѣсти очерчены съ такой грубой неумѣlostью, что вы охотно простили-бы старой дѣвѣ, если-бъ она вѣдила по-прежнему въ каретахъ, лишь-бы въ разсказѣ блеснула хоть строчка, обличающая біеніе жизни. Старая дѣвица — очень добрая дѣвица и у нея на рукахъ растетъ племянница, которая почему-то выходитъ замужъ за какого-то мазурина и затѣмъ пріѣзжаетъ опять къ тетѣ. Вотъ сюжетъ повѣсти. Къ чему она написана? Какая мысль заключается въ ней? Это тайна автора. Но что не тайна для читателя, такъ это одуряющая скука, испытываемая при чтеніи этихъ «Сумерекъ», въ которыхъ, какъ въ настоящихъ сумеркахъ, лица неясны, расплывчаты и ни одной живой строки... Гораздо живѣе написана

повѣсть «Поздно»; въ ней, пожалуй, нѣчто похожее на содержаніе есть, но все это такъ шаблонно, такъ плоско и ординарно, что даже и маленькая доза наблюдательности, обнаруживаемая авторомъ, раздражаетъ васъ. Ужь лучше-бы ее совсѣмъ не было, чѣмъ тратить ее на перемалываніе старой трухи... «Дѣйствительность» въ подобныхъ повѣстяхъ и разсказахъ всегда кажется подозрительной, можетъ быть все то, что разсказываетъ авторъ, и было, но вы не вѣрите автору, у котораго нѣтъ ни красокъ, ни воображенія, ни ума, способнаго заинтересовать васъ. И когда прочтете вы подобную повѣсть до конца — вы почувствуете облегченіе, какъ послѣ долгаго путешествія въ душномъ вагонѣ... Лица мѣнялись какъ въ калейдоскопѣ, но ни одно изъ нихъ не осталось у васъ въ памяти.. Кто-то страдалъ, но зачѣмъ страдалъ, а не веселился — вамъ даже и дѣла нѣтъ... Нечего говорить, что и со стороны формы такія повѣсти въ большинствѣ случаевъ являются неудовлетворительны, какъ большинство ремесленныхъ работъ... А между тѣмъ повѣсть читается «легко», но именно эта «легкость» и постыла, какъ шарманочный мотивъ, безостановочно раздающійся надъ вашими ушами...

Заговоривъ о повѣсти «Поздно», я вспомнилъ, что тотъ же авторъ, не мудрствуя лукаво, написалъ раньше нѣсколько разсказовъ, хотя и не обнаружившихъ таланта, но по крайней мѣрѣ взятыхъ изъ жизни съ нѣкоторой фотографической наблюдательностью и написанныхъ болѣе тщательно. Боже сохрани, предъявлять какія-нибудь особенныя требованія къ беллетристамъ, подобнымъ автору «Поздно», но, мнѣ кажется, независимо отъ таланта, который «отъ Бога», можно по меньшей мѣрѣ требовать хоть приблизительно похожаго изображенія дѣйствительности, а не образцовъ тѣхъ лубочныхъ картинъ, подъ которыми слѣдуетъ подписывать: «Се левъ, а не собака». При добро совѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу, хотя-бы обладая крошечнымъ дарованіемъ, можно и должно принести свою каплю «меду»; въ этомъ отношеніи иностранцы намъ показываютъ примѣръ. Сколько есть англійскихъ романовъ, не Богъ знаетъ какихъ талантливыхъ, но вы ихъ прочтете иногда не безъ интереса, такъ-какъ авторы не «сочиняютъ», а добросовѣстно передаютъ то, что видѣли и пережили, вслѣдствіе того и работы ихъ являются не безплодными.

Я ужъ и не знаю, къ какой категоріи историческихъ романистовъ слѣдуетъ причислить новаго «историческаго» романиста «Русской Рѣчи» г. Шадрина. Въ прошломъ году онъ написалъ: «Родъ князей Зацѣпиныхъ или борьба началъ»; въ нынѣшнемъ — онъ даетъ «Княжну Владимірскую или Зацѣпи-

нскіе капиталы». Въ первомъ романѣ изображены были въ числѣ прочихъ Анна Ивановна, Биронъ и Минихъ, во второмъ— императрица Екатерина, Орловы и остальной приличный антуражъ. Нечего и прибавлять, что въ названныхъ романахъ есть и любовная интрига — безъ нея какой-же романъ? Полагаю, что не погрѣшу противъ безпристрастія, если по дарованію и по исполненію сравню г. Шадрина съ тѣми новообъявившимися «историческими» романистами, представителями которыхъ являются гг. Давилевскій и Мордовцевъ. Первый болѣе «салоненъ», второй—болѣе «вульгаренъ». Оба они пишутъ по многимъ «документамъ». Но, если вѣрить г. Субботину («Русскій Вѣстникъ»), то второй, сочиняя «Великій Расколъ», пользовался весьма немногими документами: исторіей Соловьева, «Жизніемъ преподобнаго Аввакума» и сочиненіемъ г. Тихонравова «Боярыня Морозова». Я не имѣлъ удовольствія читать этотъ историческій романъ г. Мордовцева; если справедливы «документальныя» указанія г. Субботина, то оказывается, что романистъ иные источники буквально переписывалъ, иные передѣлывалъ, не церемонясь совсѣмъ съ исторіей, а къ инымъ подбавлялъ своего перца. Цѣлыя фразы буквально заимствованы изъ исторіи Соловьева... При такомъ способѣ не нужно, конечно, много времени для изготовленія историческаго романа... Знакомый съ первыми произведеніями г. Мордовцева въ этомъ жанрѣ, я охотно допускаю возможность подобной заготовки историческихъ романовъ... Онѣ имѣютъ, впрочемъ, сбытъ на извѣстномъ литературномъ рынкѣ, и для незнакомыхъ съ краткими учебниками исторіи, пожалуй, и занимательны. Кромѣ того, нѣкоторую «пикантность» многіе изъ новѣйшихъ «историческихъ» романовъ получаютъ вслѣдствіе того, что авторы берутъ «пикантныя» событія изъ русской исторіи канвой романа. Конечно, въ такихъ романахъ историческая правда—условна, а художественная—зачастую подозрительна, но читателю, даже знакомому съ краткими учебниками исторіи, лестно прочесть объ амурныхъ и иныхъ забавахъ разныхъ особъ прежняго времени. Всегда найдутся охотники послушать, особенно если рассказчикъ, какъ г. Давилевскій, напимѣръ, умѣетъ рассказывать не дурно,—разные пикантные анекдоты и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, интимную жизнь принцевъ и принцессъ. Нечего и прибавлять, что въ такихъ романахъ нѣтъ ни художественнаго воспроизведенія эпохи, ни руководящей идеи; въ нихъ вы встрѣтите только пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ, часто перевранныхъ и всегда приправленныхъ амурными исторіями; не ищите въ нихъ блеска фантазіи Александра Дюма, которымъ зачтутъ

вались мы въ отрочествѣ — ничего похожаго на это нѣтъ, но за всѣмъ тѣмъ, такіе «историческіе» романы имѣютъ своихъ охотниковъ и г. Данилевскій даже переводится на иностранныя языки. Повторяю, сбытъ «историческихъ» романовъ есть и этимъ, вѣроятно, соблазнился и новый историческій романистъ, г. Шадринъ. Говоря по совѣсти, онъ нисколько не уступаетъ г. Мордовцеву, напротивъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже значительно превосходитъ его; правда, и онъ являетъ поползновеніе втиснуть въ свои труды, какъ то дѣлаетъ и г. Мордовцевъ, извѣстныя тенденціи, принаровленные къ современнымъ событіямъ, но втискиваетъ ихъ не столь грубо. Пользуясь «документами», въ числѣ которыхъ, быть можетъ, значится и «Русская Старина», а монографія «Принцесса Владимірская» занимаетъ навѣрное видное мѣсто, — г. Шадринъ скромно повѣствуетъ о разныхъ интригахъ «бывшихъ орловъ», передаетъ давнымъ-давно извѣстныя анекдоты и, пожалуй, воображаетъ, будто воспроизводитъ историческую эпоху, но, по крайнемѣрѣ, въ его манерѣ этого мечтанія не проглядываетъ. Натурально на сценѣ все принцы и принцессы, князья и графы, генералы и адмиралы, «дѣлающіе исторію»...

Орловы, уже достаточно эксплуатированные графомъ Саліасомъ, и извѣстныя по разнымъ запискамъ, рисуются и г. Шадринымъ. Чтобы дать понятіе о живописи и слогѣ новаго историческаго романиста, приведу отрывокъ на удачу изъ «Княжны Владимірской». Вотъ, напримѣръ, банальный «портретъ» Алексѣя Орлова и сцена представленія его Екатеринѣ.

«Огромнаго роста, значительно выше Григорья Григорьевича, который и самъ былъ большого роста, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, съ широкою грудью, съ кулакомъ какъ молотъ, видимо, необыкновенной силы, и съ нѣсколько плоскимъ лицомъ, на которомъ видѣлся небольшой знакъ, вѣроятно, остатокъ прежнихъ похожденій, — Алексѣй Григорьевичъ былъ типъ тогдашняго русскаго молодечества, съ его ухарствомъ, беззаботностью и безшабашною, но разумною отвагою. Это былъ типъ молодца, который любитъ и пѣсню спѣть, и на кулачкахъ подраться, да такъ, что на стѣну одинъ лѣзетъ или одинъ противъ стѣны стоитъ, а при случаѣ и смѣлкой развести. Не бѣлоручка, не нѣженка, готовый во всякую минуту вскочить безъ сѣдла на бѣшеную лошадь, спѣвиться одинъ-на-одинъ съ медвѣдемъ, — онъ былъ именно то, что называютъ русскій удалецъ, представитель той мужественности и силы, и той virilité, которому древніе Римляне создали жертвенники и прославляли какъ олицетвореніе силы природы, побѣждающей красоту.

— Вотъ, матушка-государыня, мой братъ Алексѣй, сказалъ Григорій Григорьевичъ, казавшійся, противъ брата, пигмеемъ.

Екатерина оглянула Алексѣя Орлова съ головы до ногъ и улыбнулась.

— Мнѣ много говорили о васъ, сказала она.—Много говорили о вашей силѣ и удачествѣ, прибавила она, стараясь поддѣлаться подъ русскій ладъ рѣчи, которому всегда подражала и который изучала съ необыкновеннымъ терпѣніемъ.

— Очень рада, что имѣю случай познакомиться съ вами лично. И она протянула ему руку.

— Матушка-царица, ваше императорское величество! отвѣчала Алексѣй Орловъ, взявъ ручку государыни двумя пальцами и съ медвѣжьей ловкостью, можетъ быть умысленно, пожалъ ее такъ, что государыня чуть не вскрикнула, пока онъ подносилъ ее руку къ своимъ губамъ.—Мы, матушка, родная наша, за тебя всё готовы живыми въ могилу лечь! Ты прикажи только, и мы все размечемъ, все твое будетъ...

— Я надѣюсь на васъ, я вѣрю вамъ! отвѣчала Екатерина благосклонно.—Братья Орловы для меня всегда будутъ какъ эмблема вѣрности. Грегуаръ вѣрно говорилъ вамъ, въ какомъ я нахожусь положеніи. Вы слышали объ оскорбленіи, которое было мнѣ нанесено публично, передъ лицомъ цѣлаго свѣта. Они забыли, что, оскорбляя меня, они оскорбляютъ русскую императрицу, оскорбляютъ націю... Такъ жить невозможно! Вы согласны? Нуженъ исходъ, какой-нибудь исходъ...

Орловъ стоялъ передъ императрицей, смотря внизъ своими сѣрыми, изъ-подъ густо-нависшихъ бровей, глазами, прямо ей въ глаза, и не выпуская изъ своей широкой ладони ея ручки.

По этому отрывку читатель можетъ судить о талантѣ автора и объ его умѣніи обрисовывать характеры. Въ такомъ родѣ все начало романа. Романъ обилёнъ длиннѣйшими монологами, иногда на двухъ страницахъ, которые говорятъ или думаютъ про себя дѣйствующія лица «Княжны Владимірской». О «характерахъ» нѣтъ и помину; это просто длинный пересказъ событій, безъ какого-либо намека на участіе творчества.

Во всякомъ случаѣ, ужъ если выбирать изъ золъ меньшее, то я-бы выбралъ для чтенія скорѣе г. Шадрина, чѣмъ г. Мордовцева. Первый хоть и тяжеловѣснѣе второго и пишетъ дубовато, но все-таки его «документы» заслуживаютъ болѣе довѣрія и, главное, фантазія нашего автора по большей части отсутствуетъ. Этотъ недостатокъ у настоящаго романиста является большимъ достоинствомъ таковыхъ «составителей» историческихъ

романовъ, какъ гг. Шадринъ, Мордовцевъ, Эвальдъ, Салмановъ и пр.

IV.

И въ послѣднихъ книжкахъ другихъ журналовъ беллетристика не особенно щеголяетъ. Да и какъ щеголять-то! Во-первыхъ, первоклассныхъ талантовъ не много, а во-вторыхъ, вообще нашимъ талантамъ, надо полагать, до тошноты надобно вращаться въ условной области художественнаго творчества и разрабатывать все однѣ и тѣ-же мотивы. А ужъ кажется жизнь наша не даетъ-ли благодарныхъ сюжетовъ, не представляетъ-ли характеровъ и всевозможныхъ положеній! Тѣмъ не менѣе наши беллетристы—и талантливые и бездарные—рисуютъ лишь нѣкоторые отрывки жизни, очерчиваютъ не полно характеры, дѣлаютъ условныя ситуаціи, какъ только имъ приходится изображать жизнь не съ точки зрѣнія счастливыхъ романистовъ, вроде г. Авсѣенко или г. Маркевича. Г. Авсѣенко, на примѣръ, знай себя, пишетъ романы, въ которыхъ фигурируютъ коварныя и оболстительныя дамы, добродѣтельныя, ангелоподобныя дѣвицы, пылкіе кавалеры, скучающіе свѣтскіе люди и мудрые мировые судьи, проводящіе время большею частью въ амурахъ, при чемъ амурныя перипетіи разнообразны до безконечности,—и, конечно, въ его романахъ «дѣйствія» много. Персонажи танцуютъ, влюбляются, признаются въ любви, замираютъ при видѣ волнующихся персей и обоняніи благоухающихъ ароматовъ, жены покидаютъ мужей, мужья женъ и т. д. Все это описывается не безъ старанія и иногда не безъ умѣнья, но при чтеніи подобныхъ вещей, даже и у нетребовательнаго читателя, явится сомнѣніе и онъ невольно спроситъ себя: Неужели жизнь такъ и проходитъ вся въ адюльтерахъ и въ танцахъ даже и въ томъ обществѣ, которое изображаетъ г. Авсѣенко? Неужели всѣ эти герои и героини лишены вовсе органовъ зрѣнія и слуха?

Не мы конечно будемъ винить авторовъ, на долю которыхъ выпадаютъ испытанія художественнаго воздержанія. Слѣдуетъ еще удивляться, что лучшіе изъ нихъ съ упорствомъ и энергіей продолжаютъ свои художественныя работы, стараясь уловить настоящее «біеніе жизни» и добросовѣстно отразить ея проявленія, хотя и не съ той полнотою, которая позволила-бы развернуться нѣкоторымъ несомнѣннымъ крупнымъ талантамъ нашей беллетристики.

Я уже какъ-то разъ упоминалъ въ своихъ «Замѣткахъ», что

лучшіе наши современные писатели посвятили свои силы на изученіе и описаніе народной жизни и воспроизведеніе типовъ, непосредственно соприкасающихся къ мужику... Эта область у насъ разрабатывается добросовѣстно, хотя кругъ ея, какъ было замѣчено выше, и ограниченъ.

Къ числу писателей этого направленія принадлежитъ и г. А. Эртель; въ послѣднемъ своемъ разсказѣ «Криворожье» изъ «Записокъ Степняка» («Вѣстникъ Европы», май) онъ нарисовалъ недурной портретъ «скотоподобнѣйшаго» кулака, мельника Лазара Паромоновича и набросалъ не безъ живости эскизъ такогo же кулака изъ коллегскихъ ассесоровъ—Гундрикова. И тотъ и другой типы уже разрабатывались довольно часто нашей беллетристикой, но несмотря на это, г. Эртель подмѣтилъ кое-какія новыя типическія черточки, вслѣдствіе чего нарисованныя имъ фигуры не лишены интереса, являясь въ новомъ освѣщеніи. Гундриковъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ въ отечествѣ «коллежскихъ ассесоровъ» кѣторые въ практической своей жизни подчиняются судьбѣ. «Обыкновенно, онъ не силится уразумѣть факты, онъ ихъ только констатируетъ». Это, конечно, только помогаетъ ему въ качествѣ управляющаго большимъ имѣніемъ вести свое дѣло твердо, такъ-какъ онъ въ своихъ отношеніяхъ руководствуется только судебными уставами 1864 года и любитъ точность... Если въ условіи съ мужикомъ помѣщена неустойка въ 50 руб. онъ довольствуется пятьюдесятью и говоритъ: «Я люблю правду». Это миритъ его съ тѣмъ, что онъ имѣетъ привычку называть своей совѣстью. Практикъ въ жизни, въ теоріи, онъ фантазеръ и особенно въ политикѣ. Онъ любитъ политику, конечно, иностранную. Въ ней фантазія его разыгрывалась. Онъ говорилъ, что «все намъ: намъ моря и рѣки, намъ Прагу и Константинополь». Онъ немножко славянофилъ.

«Скотоподобнѣйшій» мельникъ, нажившій большое состояніе, одинъ изъ тѣхъ «мужиковъ», которые говорятъ постоянно, что они изъ «смердовъ». Онъ истовъ, вкрадчивъ и любитъ «русскую державу» и русскій народъ.

Поѣздка съ этимъ Гундриковымъ въ Криворожье къ «скотоподобнѣйшему» мельнику на обѣдъ и составляетъ содержаніе разсказа... Въ разсказѣ есть недурныя описанія природы; г. Эртель въ этихъ описаніяхъ иногда обнаруживаетъ значительное искусство, но ими не злоупотребляетъ. Насъ, впрочемъ, болѣе интересуется фигура «скотоподобнѣйшаго», а потому мы ея и займемся...

Гости застали мельника въ пруду.

«На одномъ изъ камней, разсѣянныхъ по котловинѣ, ярко свер-

какъ самоваръ. Мужская фигура, скрытая водою по грудь, спокойно сидѣла на песчаномъ днѣ и съ аппетитомъ попивала чай. Это и былъ самъ «скотоподобнѣйшій» мельникъ Лазарь Парамоничъ. Всѣ изгибы его тѣла, пышнаго и рыхлаго какъ тѣсто, ясно обозначались въ прозрачной водѣ. Толстыя, лохматые ноги, жирныя складки около бедеръ, круглыя выпуклости груди, плечи, подобныя подушкамъ, гладкая, саломъ заплывшая спина— все это лѣзло въ глаза съ какой-то первобытной безцеремонностью. Липо было достойнымъ продолженіемъ остального. Оно имѣло какой-то бабій обликъ и даже поражало своимъ благолѣпіемъ. Въ немъ было что-то херувимское. Пышныя щеки, теперь подернутыя синевою, но внѣ воды несомнѣнно румяныя, маленький, голубиный носикъ, волнистая, свѣтло-русовая борода, красиво посеребренная сѣдиною, такія же красивыя, серебристо-русые кудри на головѣ и, наконецъ, кроткіе, сладко задумчивые глазки— все привлекало въ немъ. Прибавьте къ этому мирную и какъ-бы младенческую улыбку, почти не сходящую съ полныхъ, женоподобныхъ устъ Лазаря Парамонича. Присовокупите къ сему голосъ его нѣжный, и плавный, его вкрадчивый и какъ-бы рассыпчатый, мелкій смѣхъ и вы, конечно, съ негодованіемъ отринете то уподобленіе скоту, которое любилъ пускать въ ходъ господинъ Гундриковъ, толкуя о свойствахъ Криворожинскаго мельника.

Супруга Лазаря, расположившись на травѣ, вязала чулокъ. Въ противоположность мужу, она была худа и хостлява. Черты ея длиннаго, матоваго лица выражали энергію. Глаза, осѣненные густыми бровями смотрѣли умно и строго. Но въ складкахъ толстыхъ губъ замѣчалось добродушіе.

Описаніе обѣда было-бы не дурно, если-бъ не слишкомъ большія подробности, напоминающія собою манеру «протоколистовъ». Перечисленіе всѣхъ этихъ курятинъ, полотковъ, буженинъ, поросенковъ и т. п. слишкомъ утомляетъ. Гостей угощали и подпайвали съ чисто русскимъ благочестіемъ, не безъ задней мысли, конечно. Старались и мельникъ и мельничиха. Когда, наконецъ, и хозяева и гости довольно наугощались, всѣ расчувствовались и повели рѣчи на тему о деревенской «злѣбѣ дня».

— «Мы теперь пируемъ вотъ! все болѣе и болѣе приходя въ паеосъ, продолжала рѣчь свою Устинья Спиридоновна,— а гляди въ Криворожѣ съ голоду корчатся... Давно вѣдь тамъ: чего ни спроси, всего ни крохи... Вѣдь по правдѣ-то, въ селахъ стало только и ходу, что изъ воротъ да въ воду—ни задавиться, ни зарѣзаться нечѣмъ... Извѣстно — голь мудрена и безъ ужина спитъ... А все-бы и объ ней надо подумать, объ голи-то. Голь вздыхаетъ—сытому отрыгается...

— Да развѣ я что!.. О, Господи... да я хоть сейчас! восклицалъ Лазарь, все возвышая голосъ и вдругъ вскрикнувъ, какъ-бы ноющимъ, отъ какой-то внутренней боли, голосомъ:— къ чорту барыши, безъ барышей вѣкъ промаемъ! престоко ударилъ по столу кулакомъ.

Произошло замѣшательство, Но Устинья Спиридоновна сдѣлала строгій выговоръ Лазарю и Лазарь утихъ. Онъ, видимо, смирился передъ женою. Она какъ-будто подавляла его. И когда все успокоилось, она снова начала:

— Достатковъ у насъ хватить: маленькая добычка да большой бережъ—вѣкъ проживемъ; а ты вотъ, Лазарь, чѣмъ объ видѣ-то печалиться, послалъ-бы малую толику отцу Кипру, онъ-бы, отецъ-то Кипръ, и роздалъ по бѣднѣйшимъ. Не хвались серебромъ, хвались добромъ, говоритъ пословица. Отъ честной наживы Богъ жертву любить, милый ты мой... Злато-серебро сумой у насъ не пахнетъ—все накоплено вольнымъ торгомъ, да честнымъ трудомъ... Не обмѣрено, не обвѣшено, съ росту не на-граблено! все послѣднее Устинья Спиридоновна произнесла, видимо, для насъ и произнесла съ гордостью.

Обѣдъ кончился прямо умилительной сценой: подвыпившій Лазарь, воскликнувъ: «правда твоя, баба моя сердечная, Устинья Спиридоновна!» распахнулъ поддевку и, выхвативъ изъ бокового кармана туго набитый бумажникъ, вынулъ оттуда двѣ сторублевыхъ.—«Пусть идутъ къ отцу Кипру!» сказалъ онъ, причемиъ и глаза, и лицо его изъявили какое-то беззавѣтное молодечество.—«Зови Мартишку, пусть везетъ къ отцу Кипру... Мы за этимъ не стоимъ!»

Явился Мартишка.

Лазарь подошелъ къ самому лицу Мартишки и, шелестя передъ его носомъ деньгами, сказалъ:

— Вотъ видишь двѣ сотельныхъ? Гляди сюда: вотъ одна, вотъ другая... Теперича садись ты на буланого и катай къ отцу Кипру. Духомъ скатай. Подашь ты отцу Кипру деньги и скажешь: Лазарь, молъ, Парамонычъ, поклонъ тебѣ шлетъ, слышишь? Это первое дѣло. Второе дѣло, жертвуетъ, молъ, Лазарь Парамонычъ отъ своего богатства на убогихъ двѣ сотельныхъ и чтобъ не иначе, какъ черезъ отца Кипра. Понялъ? Да ты гляди на меня, аль рожу-то тебѣ светло!.. Хе, хе, хе... У меня, голубь ты мой, дѣльце до тебя малое есть—посчитаться было намъ надо съ тобой,—ну, да ужъ катай въ Криворожье, ужъ сочтемся...

Лазарь Парамонычъ, съ какой-то милой ехидностью, ткнулъ

нѣсколько смущеннаго Мартишку въ животь и, передавъ ему деньги, проводилъ его.

Мы съ Семеномъ Андреичемъ были поражены. Не знаю, заплакалъ-ли я, но по лицу Гундрикова текли слезы. Онъ въ какомъ-то нѣмомъ восхищеніи хлопалъ глазами и прерывающимся шепотомъ произносилъ: о, вотъ онѣ, исконныя начала... О, вотъ онѣ, доблести свято-русскія... Вотъ гдѣ родникъ неумирающей самобытности... О, Русь святая! Какое сердце не дрожить, тебя благословляя!.. и при этомъ шелковымъ «уларомъ», изображающимъ карту Европы, отиралъ раскаленные щеки.

По уходѣ Мартишки, онъ не вытерпѣлъ. Проглотивъ на-скоро пугъ блинцовъ и опрокинувъ въ ротъ свой чуть-ли не десятую рюмку холодной вишневки, онъ тяжело приподнялся и, съ усиленіемъ опираясь на столъ, изъявилъ желаніе произнести «здравіцу». Мы, по примѣру оратора, тоже выпили, а выпивъ, въ почтительномъ молчаніи стали слушать.

— Честная хранительница правды русской! нѣсколько путающимся языкомъ возгласилъ Гундриковъ, обращаясь къ лицу Устиньи Спиридоновны,—твоими устами вся исконная, вся самобытная Русь возглагодала!.. Въ твоемъ сердцѣ широкое сердце земли русской сказалося! (Устинья горько плакала, утираясь передникомъ)... Сгинеть съ лица земли накрахмаленный нѣмецъ; до срока исчезнетъ subtilный французъ; прахомъ пропадетъ поганая туретчина; но ты, святая Русь, превѣчна пребудешь!.. Живое слово русское, ибо мы внимали ему здѣсь вотъ, во всей его силѣ и во всей красѣ его... Живое горячее русское сердце, ибо здѣсь-же, во очію, совершилось передъ нами то, что мы именуемъ дѣяніемъ, присущимъ палящей любви большаго брата русскаго къ меньшему брату русскому... Къ тому меньшому брату, коего цвѣтъ и краса женщинъ русскихъ (Семень Андреевичъ торжественнымъ жестомъ указалъ на рыдающую мельничиху), такъ краснорѣчиво уподобила смердамъ...

Въ это время оратору точно кто далъ шпоры. Внезапно воспрянувъ и внезапно-же возвысивъ голосъ до степени крика, онъ, всецѣло обратясь къ мельничихѣ, въ благоговѣйномъ тонѣ акадѣмиста, возговорилъ:

— О, ты, подъявшая духъ нашъ на высоту исторической задачи нашей!.. О, ты, указавшая смыслъ и значеніе устоевъ нашихъ!.. О, ты, воплощенная правда земли русской!.. О, нашу самость и нашу здравость въ духѣ единенія совокупившая... О, проникновенно проникшая въ нѣдра духа русскаго... Ты... ты... ты...

Но тутъ Гундриковъ настоятельно устави́лъ палецъ правой

руки своей на согбенную фигуру Устиньи Спиридоновны и вдругъ разразился рыданіями.

Эффектъ произошелъ неописуемый. Мы съ Лазаремъ, не щадя животовъ нашихъ, кричали «ура!» и, шалопня опустѣвшія рюмки душистой наливкой, воздвигали ихъ... Воздвигая же, чокались и цѣловались и снова будили тишину, царившую 6 - крестъ, заздравными кликами. Устинья Спиридоновна, неоднократно восклицая «о, чтобъ тебя, Андрейчъ — уморилъ!» смѣялась и плакала и обнималась съ сіяющимъ Гундриковымъ. Степаха, просунувъ въ дверь голову свою, сіяла не менѣе Гундрикова и, по временамъ, испускала смѣхъ, подобный ржанію».

Какъ видите, и въ степной глуши говорятся рѣчи не хуже юбилейныхъ въ столицахъ. Мнѣ кажется, впрочемъ, въ рѣчь Гундрикова авторъ нѣсколько шаржировалъ, но *подобныя* рѣчи развѣ не откликъ знакомыхъ намъ рѣчей?..

Въ концѣ-концовъ «скотоподобнѣйшій» Лазарь довольно недурно воспользовался тѣмъ, что Гундриковъ расчувствовался. Онъ съ женой такъ ловко подѣйствовали на честолюбивыя чувства кулака-управляющаго, разжигая его замѣчаніями, что у него мало «правъ» по имѣнію и подобострастными увѣреніями насчетъ любви со стороны мужиковъ, что тотъ тутъ-же за столомъ сдалъ Лазарю на аренду за ничтожную цѣну одну пустошь... Разошедшійся Гундриковъ, поддававшійся все болѣе и болѣе на хитро веденную атаку хозяевъ, подписалъ и другую бумагу, которой обязался отдать въ кабалу къ «скотоподобнѣйшему» крестьянъ своего имѣнія...

Въ заключеніе послѣ обѣда Лазарь устроилъ «камедь» по поводу утки, съѣденной поварихой Степахой и ея возлюбленнымъ Мартишкой. Тянулася возмутительная сцена глумленія надъ работникомъ и бабой, возмутительные допросы объ ихъ отношеніяхъ, наглое бахвальство «скотоподобнѣйшаго». Но тутъ произошло слѣдующее:

«Не успѣлъ еще Мартишка съ обычной своей угрюмостью доложить, что «она къ нему ходила», какъ Степаха съ разъяреннымъ видомъ бросилась на мельничиху и вцѣпилась ей въ волосы... Мы остолбенѣли. Гундриковъ первый нашелся. Несмотря на колебаніе, ощущаемое имъ въ ногахъ, онъ бросился къ Степахѣ и, крѣпко схвативъ ее поперекъ туловища, оттащилъ отъ мельничихи. Мельничиху подхватилъ подъ мышки Лазарь.

«Она была неузнаваема. Весь ея почтенный и даже умильный обликъ исчезъ безслѣдно и предъ нами бѣшено металась женщина, безъ всякихъ признаковъ «исконности». Впрочемъ, образный языкъ не покинулъ ее и въ такомъ состояніи. Лишен-

ная возможности вцѣпиться въ физиономію соперницы, она сулила ей такую бездну напастей, что становилось жутко. Тутъ были и пожеланія, чтобъ бѣдную Степаху «свилу да скорчило, повело-бы да покорило, перекосило-бы съ угла на уголь, да съ уха на ухо»; тутъ и выражалась надежда, что Степаху «затрясетъ лихорадка, возьметъ лихая болѣсть», и она отъ той болѣсти «ни питьемъ не отопьется, ни сномъ не отоспится»; тутъ на несчастную бабу призывался и громъ, которому предстояло разразить ея голову, и «родимецъ», отъ котораго требовалось «затрясти» ее, и «вихорь», которому поручалось «разнести» ея кости вплоть до синяго моря...

«Нельзя сказать, чтобъ и Степаху унывала. Если ругань ей уступала ругани мельничихи въ образности, то, кажется, превосходила ее выразительностью. Степаху преимущественно склонялась къ біографіи. По ея словамъ «Юстюшка» была «подлая тихоня», которая «на людяхъ Богу молится, а въ потемкахъ чорту свѣчку ставить»... Не было ехиднѣе мельничихи никого въ свѣтѣ, по словамъ Степахи. Она будто-бы и ей всю штуку изъ ревности подстроила: Лазарь-де Парамоничъ къ ней, къ Степахѣ, «приставалъ», а Устинья провѣдала... У Лазаря-де и бороды съ той поры порѣдѣла».

Когда гости возвращались домой, зарево пожара освѣщало степь. Но Гундриковъ не обращалъ на это вниманія; онъ былъ не въ духѣ и на-чемъ свѣтъ ругалъ и мельника и мельничиху. «Какковы ракальи... По пяти рублей десятина... нѣтъ, какковы мерзавцы!»

Я остановился такъ долго на разсказѣ г. А. Эртеля, не ради его особенныхъ художественныхъ достоинствъ; въ этомъ отношеніи многое можно было-бы поставить въ вину автору. Но «скотоподобнѣйшій» Лазарь и не менѣе «скотоподобный» Гундриковъ представляются въ этомъ разсказѣ довольно жизненнымъ воплощеніемъ тѣхъ идеаловъ «истинно русскаго духа», о которыхъ такъ громко кричатъ теперь гг. Марковы и К^о! Политикъ-славянофилъ Гундриковъ, желающій, чтобы все было «наше» и Лазари Парамоничи, устраивающіе «камедь» и готовые перервать горло не «истинно русскому», по ихъ мнѣнію, чловѣку, развѣ не олицетворяютъ собой до извѣстной степени того «скотоподобія», которое, подъ названіемъ «самобытности» является воинствующей проповѣдью извѣстной части печати. По-крайней-мѣрѣ, тутъ оно въ настоящемъ своемъ видѣ, не прикрашенное цвѣтистыми фразами г. Евгенія Маркова или туманными сентенціями г. Аксакова. Лазарь Парамоновичъ, въ видѣ сосуда «русскаго духа», благообразный, истовой, проливающій слезы при торжествѣ рус-

скаго оружія въ Ахаль-Теке, умѣющій даже по этому случаю сказать прочувствованное слово,—вотъ тотъ самый «народъ», который сознательно или бессознательно имѣютъ въ виду публицисты скотоподобія и который постоянно фигурируетъ у нихъ въ статьяхъ, какъ одѣтые въ форменные кафтаны старосты на церковныхъ праздникахъ.

Слѣдовало-бы остановиться на талантливой повѣсти новой писательницы, г-жи Вницкой, помѣщенной въ майской книжкѣ «От. Записокъ»; но «Замѣтки» мои и безъ того растянулись, а потому приходится только рекомендовать названное произведеніе вниманію читателей, а бесѣду по поводу его, если позволятъ обстоятельства, повести въ будущихъ «Замѣткахъ».

Ф. Рѣшниковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Экономическія соображенія г. Леонарда и его проектъ министерства сельскаго хозяйства.

I.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что предметомъ настоящаго обозрѣнія служатъ экономическія соображенія г. Леонарда. Это объясняется тѣмъ, что по нынѣшнимъ временамъ выборъ матеріала не всегда зависитъ отъ обозрѣвателя, о чемъ я поговорю впоследствии; а во-вторыхъ, экономическія соображенія г. Леонарда—не его личныя соображенія: нѣкоторыя звѣзды имѣютъ свой хвостъ, и иногда довольно длинный.

Г. Леонардъ принадлежитъ къ лагерю недовольныхъ охранителей; но онъ волнуется съ кротостію и выражаетъ свое недовольство съ дозволенія цензуры. Я говорю это по поводу брошюры г. Леонарда «Нужды сельскаго хозяйства», изданной имъ 1-го мая и разосланной въ редакціи для отзыва.

Въ своей брошюрѣ г. Леонардъ сгруппировалъ основныя положенія экономическихъ вѣрваній правовѣрныхъ своего толка, и въ этомъ смыслѣ брошюра г. Леонарда имѣетъ даже общественное значеніе, а предлагаемыя ею мѣры подлежатъ обязательно критикѣ.

«Мы, наконецъ, перекрестились—громъ грянулъ! И не одинъ ударъ, а нѣсколько въ одно время. И на этотъ разъ Русь не измѣнила себѣ!» такъ начинается г. Леонардъ.

Какіе-же это удары разразились надъ Россіей?

Первый ударъ, говоритъ г. Леонардъ,—мы дождались, что Америка вытѣснила насъ съ европейскихъ рынковъ. Второй—мы дождались, что все крестьянство поголовно обѣдѣло. Третій—весь землевладѣльческій классъ въ Россіи очутился въ неплатномъ долгу и, несмотря на миллионныя займы въ бан-

кахъ,—безъ копѣйки оборотнаго капитала. Четвертый—наша денежная единица понизилась на 40% и, слѣдовательно, имущество россиянь убыло тоже на 40%. Пятый—мы дождались перехода всего землевладѣльческаго класса въ ряды такъ-называемыхъ «недовольныхъ», не въ революціонномъ-разрушительномъ смыслѣ, а въ смыслѣ консервативномъ. Шестой—мы дождались, что въ Россіи дають тонъ общественному мнѣнію люди, зачумленные идеями Запада, которые вкривь и вкось примѣняютъ къ намъ начала, совершенно чуждыя нашему національному духу.

Всѣ эти удары, говоритъ г. Леонардъ,—посыпались или, скорѣе, обострились въ одно время: моръ, голодъ, дороговизна, безработица, повальное паденіе цѣнностей, всеобщее недовольство, нахальство глашатаевъ разрушительныхъ идей, дошедшее до невѣроятной дерзости,—все это прогремѣло разомъ надъ нашими головами, и мы, наконецъ, перекрестились.

Въ числѣ перекрестившихся оказался, конечно, и г. Леонардъ, который не только крестится, но и предлагаетъ Россіи цѣлый рядъ самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы ей залечить раны отъ шести страшныхъ громовыхъ ударовъ.

Въ качествѣ консервативнаго отрицателя, г. Леонардъ не принадлежитъ къ поклонникамъ реформъ, хотя въ то-же время онъ говоритъ о нихъ болѣе чѣмъ съ похвалою. О крестьянской реформѣ онъ выражается, что это была Божья реформа, лучший даръ христіанина своему Спасителю. Земскую реформу онъ называетъ достойнымъ шагомъ короны на пути развитія, судебную—удовлетвореніемъ, даннымъ выстрадавшей и измученной общественной совѣсти, совѣсти всего цивилизованнаго міра.

Почему-же реформы не вполне удались? А потому, отвѣчаетъ г. Леонардъ,—что врагами ихъ явились какъ-разъ тѣ, кто былъ призванъ къ жизни. Земство было мертво и само на первыхъ порахъ нанесло себѣ смертельный ударъ. Оно знало только расходы, оклады, раскладки, смѣты, источниковъ-же, откуда черпаются средства, не касалось. Въ теченіи цѣлыхъ годовъ ни единымъ словомъ не упоминалось въ земствахъ о самыхъ неотложныхъ нуждахъ сельскаго хозяйства. Сельскія хозяйства выбивались изъ силъ; хлѣбныя растенія погибали на корнѣ; дорогъ, подъѣздныхъ путей не было; по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ путей царствовалъ безпорядокъ; обвѣсъ, воровство, неустройство и самая наглая эксплуатація во всѣхъ портахъ и во всѣхъ мѣстахъ сбыта, такъ-что производителю оставались одни крохи отъ годового тяжкаго труда. Въмѣсто того, чтобы быть хозяйномъ, земство стало хищникомъ. По словамъ г. Леонарда,

земство не сдѣлало ни одного дѣльнаго, серьезнаго ходатайства и даже забыло о томъ, что на немъ, кромѣ права, лежитъ еще и обязательство представленія правительству о нуждахъ края. Наконецъ, земство утратило свой земскій характеръ и заполнилось помѣстнымъ и чиновничьимъ пролетаріатомъ, который воспользовался земской службой, какъ манной небесной, ниспосланной ему для спасенія въ самую критическую минуту.

Можетъ быть, земство было-бы и инымъ, если-бы печать вовремя открыла ему глаза. Печать-же поступила какъ-разъ на выворотъ: она только радовалась и ликовала каждой земской затратѣ, приходила въ восторгъ, если являлось новое красивое земское зданіе, школа и больница, а о томъ, что всѣ эти школы и больницы могутъ лишиться средствъ существованія, печать ни разу не задумалась. Только теперь, когда послѣдовало шесть роковыхъ ударовъ, когда сельское хозяйство окончательно подорвано и грозитъ раззореніемъ обществу, земству и государству, печать протерла глаза.

Печати, конечно, больше всего достается отъ г. Леонарда. Прежде всего онъ обвиняетъ ее въ незнаніи экономическихъ законовъ, обвиняетъ въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы разсуждать о законахъ производства, она разсуждала о распредѣленіи. Наша печать, по словамъ г. Леонарда, выдумала своеобразный экономическій законъ, формула котораго гласитъ: «если ты слабѣе—тебѣ смерть, если ты сильнѣе—другому смерть». Жаль, что г. Леонардъ не подрѣпилъ своихъ обвиненій цитатами, чтобы можно было видѣть, кто именно явился такимъ своеобразнымъ Адамомъ Смитомъ. Сколько мнѣ извѣстна наша экономическая журнальная литература,—ничего подобнаго не предлагалось никому въ видѣ поученія, а тѣмъ болѣе въ видѣ программы для поведенія. Но г. Леонардъ не смущается тѣмъ, что онъ приписываетъ другимъ то, чего они никогда не говорили, и очень отважно увѣряетъ, что вмѣсто законовъ производства, печать учила пользоваться даровымъ готовымъ кускомъ и расчитывать на запасы въ чужомъ карманѣ. Кажется, въ дѣйствительности дѣло происходило иначе, и если печати случалось говорить о жареныхъ каштанахъ, которые вынимаются чужими руками, то нѣсколько не въ томъ смыслѣ, какъ это представляется г. Леонарду, да едва-ли и у г. Леонарда достанетъ смѣлости обвинить земледѣльца въ праздности, въ лѣни и въ томъ, что онъ ѣстъ хлѣбъ, заработанный не его руками.

Но г. Леонардъ знаетъ то, что онъ знаетъ, и ведетъ свою линію не хуже Цитовича, сочиняя даже цитаты, какихъ нигдѣ никогда не являлось. Не указывая ни на автора, ни на статью,

ни на сочиненіе, г. Леонардъ говоритъ, что печать (какая печать? Гдѣ и когда?) высказывала даже подобный афоризмъ: «Теперь есть въ рукахъ богатыхъ излишекъ, давайте его, садитесь нищій и голодный за трапезой, о завтрашнемъ днѣ и не думайте, пропадай-себѣ хоть все общество, хоть все производство; теперь подавайте на столъ безъ всякихъ мудрствованій и разсужденій, чтобы всѣмъ было тепло и сытно». Проповѣдь эта, которой никто не слышалъ, кромѣ г. Леонарда, дѣлалась, по его словамъ, съ цѣлью нажать легкіе лавры, пріобрѣсти популярность и даже титулъ «друга народа». Сколько мы знаемъ, еще никто изъ нашихъ литераторовъ подобнымъ титуломъ не пользуется.

Хотя и г. Леонардъ знаетъ очень хорошо, что ничего подобного никогда не проповѣдывалось и никто не предлагалъ насильственнаго раздѣла имущества между гражданами, но ему необходимо завести это обвиненіе на русскихъ экономическихъ писателей за то, что многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ весьма почтенные изслѣдователи, какъ, напримѣръ, профессора университетовъ, доказывали, что у крестьянъ земли мало. Доказывать, что у крестьянъ мало земли, значить, по мнѣнію г. Леонарда, указывать на готовые запасы въ чужомъ карманѣ, а земля, по ученію г. Леонарда, такая вещь, которая распредѣляется между людьми по тѣмъ-же законамъ, какъ и всякій другой предметъ производства человѣческаго труда. Очень строгій къ другимъ, г. Леонардъ не замѣчаетъ, что самъ онъ выдумываетъ то, чего никогда не бывало на свѣтѣ, и, кромѣ того, еще распространяетъ ересь, будто земля произведена человѣческими руками. Допустивъ это, г. Леонарду не трудно было уже опровергнуть мысль о необходимости распредѣленія поземельной собственности и прикрѣпить ее на-вѣки къ тѣмъ, кому она разъ попала въ руки. Г. Леонардъ поступилъ-бы еще послѣдовательнѣе, если-бы вслѣдъ за этимъ открытіемъ издалъ законъ, запрещающій продажу земли и вообще переходъ земельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Г. Леонардъ, конечно, скажетъ, что это абсурдъ, но если это абсурдъ и если власть имѣетъ право вмѣшательства въ распредѣленіе поземельной собственности, то, съ другой стороны, такъ-же законно существованіе нашей земледѣльческой общины и тысячелѣтній обычай передѣла земли. По теоріи г. Леонарда, все это незаконно и вредно, а въ томъ, что незаконное и вредное существуетъ, виновата печать.

Г. Леонардъ не стѣсняется приписывать печати даже деспотическія наклонности, въ которыхъ, вѣжета, обвинить ее нельзя. «Вы теперь въ печати, при обсужденіи экономическихъ во-

просовъ, только и слышите, говоритъ г. Леонардъ:—»да возьмите, да прикажите, да скрутите, да поверните по своему». Все та-же ужасная печать, по словамъ г. Леонарда, хочетъ «руками правительства, легальными руками, разрушить весь общественный строй, хочетъ, чтобы организованное правительство существовало рядомъ съ дезорганизованнымъ обществомъ, хочетъ, чтобы наверху все было благополучно, въ то время какъ внизу будетъ содомъ?» Г. Леонардъ оказываетъ много чести печати, приписывая ей такое вліяніе надъ правительствомъ. Мы, напротивъ, могли-бы представить г. Леонарду факты, изъ которыхъ-бы оказалось, что голосъ печати не очень высоко дѣнится въ правительственныхъ сферахъ, и печати нетолько не дано права совѣтаться со своими непрошенными совѣтами, но правительство въ очень серьезныхъ вопросахъ обходится безъ миѣній печати и ихъ даже и не желаетъ знать. Въ видѣ примѣра мы-бы могли указать г. Леонарду на нѣкоторыя реформы правительства, хотя-бы даже нынѣшней зимы. Соляная реформа была проведена безъ участія печати; десятипроцентная прибавка таможенного налога точно такъ-же. Нынѣшнее совѣщаніе о сокращеніи выкупныхъ платежей ведется внѣ участія печати. Сколько мы помнимъ, только одна крестьянская реформа, да и то не въ началѣ, обсуждалась печатью. Печать обыкновенно говоритъ у насъ заднимъ числомъ или, желая удовлетворить понятному любопытству общества, обсуждаетъ вопросы по догадкамъ. Такъ, нынче, по поводу коммисіи о выкупныхъ платежахъ, печать, не зная основаній, на которыхъ происходитъ, или будетъ происходить обсужденіе, высказала массу догадокъ, предположеній, выслушивать которыя, конечно, не входило въ дѣли правительственной коммисіи, ибо иначе печать-бы пригласили говорить. Г. Леонардъ совершенно ошибается, если думаетъ, что правительство смотритъ на печать такъ, какъ онъ думаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и знаетъ, что на печать смотрятъ иначе, но ему требуется козелъ отпущенія, и такъ-какъ нынче только лѣнивый не бьетъ печать, то г. Леонардъ и упражняется въ этомъ, вовсе непохвальномъ дѣлѣ. Въ нашей теперешней торичеллиевой пустотѣ только и слышны обвиненія печати. Если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ», «Руси», г. Леонарду и ихъ сторонникамъ, единственнымъ источникомъ зла есть печать. Она разрушаетъ добродѣтель, семью, общество, государство. И что-бы ни случилось въ природѣ, не исключая лиссабонскаго землетрясенія, виноватой является печать. А между тѣмъ, она виновата только въ томъ, что стоитъ у мачты корабля и говоритъ то, что видать. Видитъ-ли она, что плыветъ акула, она говоритъ:

вотъ плыветъ акула; видитъ зеленый островъ, она говоритъ: вотъ зеленый островъ; видитъ подводный камень, говоритъ: вотъ подводный камень. Чего вы хотите, г. Леонардъ? Чтобы печать молчала, а говорили-бы только вы? Ну, что-жь, говорите; вамъ, кажется, и такъ никто не мѣшаетъ. Заведите свою газету или журналъ, станьте у мачты корабля, смотрите впередъ, если у васъ хорошее зрѣніе, и говорите, что увидите.

Мнѣ недавно случилось слышать въ одномъ ресторанѣ бесѣду очень радикальныхъ людей. Радикалы эти были, конечно, красные, но, какъ мнѣ показалось, не отъ радикализма. И они обвиняли печать, но обвиняли ее не въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ее гг. Катковъ, Аксаковъ и Леонардъ. Они обвиняли ее за робость, полуслова, за езоповскій языкъ, обвиняли ее въ недостатокъ честности, благородства, гражданскаго мужества. Для этихъ странныхъ радикаловъ-обвинителей не существовало ни законовъ исторіи, ни преемственности явленій, ни прошедшаго, ни будущаго. Это былъ самый странный, неумолимый и непрощающій партеръ, какого не бывало ни въ одномъ циркѣ древняго Рима, ни на одномъ боѣ быковъ въ теперешнемъ Мадридѣ. Тамъ еще иногда щадили; эти-же господа требовали послѣдовательности и, подобно г. Леонарду, тоже обвиняли печать, и тоже въ томъ, что будто-бы по ея милости существуетъ на землѣ зло. Они, какъ невинные младенцы, думали, что стоитъ печати перестать говорить езоповскимъ языкомъ, и сейчасъ-же водворится на землѣ благополучіе. Они тоже приписывали печати необыкновенную силу и думали, что отъ нея зависитъ управлять вѣтрами, распорядиться солнечной теплотой, урожаями и всѣми благами, какія могутъ существовать на свѣтѣ. Эти господа, конечно, и сами того не предполагая, сошлись вполне съ гг. Леонардомъ, Катковымъ и всѣми другими противниками печати. Вѣдь и противники, какъ и друзья печати, думаютъ, что стоитъ только печати быть другой, начать писать иначе, избрать себѣ инныя темы—и на землѣ водворится совершенно новый порядокъ вещей и возникнуть новыя отношенія.

Нѣтъ, г. Леонардъ, когда вы станете издавать свою газету, вы увидите, что это нѣсколько иначе, что печать не есть какая-то неосязаемая отвлеченность и что ее составляютъ очень реальные люди, списка которыхъ даже и не составишь, потому что пишутъ не Иванъ, Петръ и Алексѣй, а пишутъ всѣ. Это такое-же *остъ*, которое обвинялъ нѣкогда Бисмаркъ, что оно толкаетъ пруссаковъ на Парижъ. «Нельзя остановиться, говорилъ онъ:—всѣ идутъ». Совершенно въ такомъ-же зависимомъ положеніи находится каждый отдѣльный органъ печати. Онъ не за-

виситъ отъ себя, а зависить отъ тѣхъ *всѣхъ*, которые его составляютъ. Въ извѣстный моментъ мысли общее настроеніе одинаково пробирается въ каждую отдѣльную голову, и если со всѣхъ концовъ Россіи эти отдѣльныя головы завалятъ васъ корреспонденціями, статьями, повѣстями, романами, учеными изслѣдованіями, всѣ они будутъ имѣть одну окраску, одно настроеніе, высказывать одни и тѣ-же наболѣвшія желанія, мысли чувства, и вы волей-неволей должны будете брать этотъ матеріалъ, потому-что другого матеріала и не получите.

Я-бы душевно желалъ, чтобы г. Леонардъ, разсуждающій иначе, началъ-бы издавать газету или журналъ и наложилъ-бы veto на эту пишущую лавину и заставилъ-бы ее катиться по другому направленію. Недавно мы видѣли примѣръ г. Цитовича, который хотѣлъ изобразить изъ себя водоносъ въ извѣстной сказкѣ Сисмонди и также, какъ и тотъ, долженъ былъ, наконецъ, сложить оружіе и спасовать передъ вѣнниками. Быть на сценѣ не то, что сидѣть въ партерѣ. Г. Леонардъ, по отношенію къ печати, совершенно такой-же партеръ. Но если-бы онъ хоть разъ выступилъ на сцену какъ представитель извѣстнаго органа печати, ужь, конечно, онъ изъ обвинителя превратился-бы въ защитника или, по крайней мѣрѣ, въ настолько безпристрастнаго судью, что не сталъ-бы считать редакцію департаментомъ или полковой канцеляріей, а писателей писарями, которыми можно командовать. Г. Леонарду не нравится, что печать не поетъ всѣхъ своихъ пѣсенъ въ унисонъ, но поймите, въ чемъ дѣло, и вы перестанете сердиться и негодовать. Леонарду желательны одноформенность, порядокъ, нѣчто, напоминающее военныя поселенія; у него есть непривычка къ свободному мнѣнію, и онъ, подобно Наполеону I, любитъ только монологи. Это очень обыкновенная черта въ людяхъ, стоящихъ на рубежѣ двухъ разныхъ эпохъ, которые, только вслѣдствіе одной непривычки къ многообразію, хотѣли-бы привести все къ прежней однообразной и мертвой пустотѣ.

Здѣсь мы могли-бы указать на весьма любопытную русскую особенность. Мы называемъ ее русской не потому, чтобы она была присуща одной только русской природѣ, а потому, что мы находимся въ такомъ моментѣ умственнаго развитія, когда эта черта выражается въ русской жизни рѣзче, чѣмъ въ жизни другихъ европейскихъ народовъ, уже пережившихъ этотъ умственный моментъ. Мы придаемъ значеніе мелочамъ и изъ-за мелочей пропускаемъ серьезное и существенное, а въ то-же время нѣтъ на свѣтѣ народа, котораго-бы можно было такъ легко удовлетворить и мнѣніями котораго было-бы такъ легко управлять.

Г. Леонардъ, напротивъ, подобно Каткову, проповѣдуетъ жесткій режимъ, который совсѣмъ не отвѣчаетъ мягкой, податливой и уступчивой русской натурѣ. И въ то-же время мы готовы, пожалуй, и оправдать г. Леонарда, оправдать только потому, что мы совершенно понимаемъ, какъ онъ, чувствуя свою безвыходность въ качествѣ сельскаго хозяина и отыскивая причину ея, нашолъ виновныхъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Все это случилось отъ того, что г. Леонарду неизвѣстно, что человечество дѣлится, по словамъ Бисмарка, на людей партера и людей на сценѣ. Какъ сельскій хозяинъ, г. Леонардъ, конечно, находится въ партерѣ, а печать онъ помѣстилъ на сцену, хотя сама печать далеко не чувствуетъ себя въ этомъ положеніи, а скорѣе помѣщается въ послѣднихъ рядахъ партера. Если-бъ это было иначе, г. Леонардъ не кинулъ-бы въ печать такого невозможнаго и чудовищнаго обвиненія. «Пора, наконецъ, говорить онъ,—прекратить это заглушеніе общества и искаженіе понятій, эту трескотню фразъ, подъ которою скрываются самыя грубыя аппетиты. Отъ этого страдаютъ всѣ интересы страны, день за днемъ убываетъ ея благосостояніе. Всѣ находятся въ какомъ-то смятеніи, оцѣпененіи. Нѣтъ теперь человѣка, который не дрожалъ-бы и за свою семью, и за свою собственность, и за все благоденствіе страны. Отовсюду напускаются на нихъ какіе-то ядовитыя пары, въ которыхъ задыхается общество. Не дай Богъ внушать обѣдному люду, что онъ въ будущемъ можетъ ожидать облегченія своей участи только отъ подавленія какого-то варварскаго общественнаго заговора противъ него, что строй есть его врагъ, а нестрой—его надежда, что общество, государство, цивилизація основаны на его эксплуатаціи, что оно (общество) живетъ завѣдомо его достояніемъ и что онъ можетъ возратить себѣ это достояніе только на развалинахъ этого общества. Внушать ему подобныя мысли, это значитъ—обрекать его на вѣрную гибель».

Высказавъ это странное обвиненіе, г. Леонардъ сейчасъ-же взялъ его назадъ и замѣчаетъ, что подобное направленіе печати теперь приостановилось и люди пера стали, наконецъ, обращать вниманіе на истинныя причины обѣдненія страны, на причины экономическія, на невозможные порядки, убивающіе въ зародышъ всякую производительность. Ну, вотъ и прекрасно! Зачѣмъ-же было такъ раздражаться и такъ нетерпимо относиться къ печати, когда она перестала повторять свои прежнія ошибки и въ настоящее время ставитъ вопросы правильно. Вы, г. Леонардъ, русскій человѣкъ, и печать составляютъ русскіе люди; вы желаете блага Россіи, и печать желаетъ блага Россіи. Казалось-

бы, при такомъ согласномъ стремленіи къ общему благу, остается только столковаться и каждому съѣсть на свое мѣсто. Къ чему же эта страстность, эта нетерпимость, это раздраженіе, эти личные нападки, подвохи, инсинуаціи и вообще вся та грязь, которую мы кидаемъ другъ въ друга? Будемте говорить спокойно.

II.

Г. Леонардъ находитъ, что печать ошибается, когда увѣряетъ, будто-бы отъ увеличенія у крестьянъ количества земли можетъ улучшиться ихъ бытъ. «Я увѣренъ, говоритъ г. Леонардъ,—что если-бы удвоить у крестьянъ это количество, бѣдность крестьянъ ни на грошъ не уменьшится». Такимъ образомъ, г. Леонарду кажется, что земли у крестьянъ вполне достаточно, такъ-что, если къ теперешнимъ крестьянскимъ пустырямъ присоединить новые пустыри, изъ этого ничего не выйдетъ. Но кому вѣрить? Г. Леонарду или изслѣдователямъ народнаго быта, т. е. печати и фактамъ жизни, которые обнаруживаетъ та-же печать? Недостатку надѣловъ и вообще земли посвящено профессоромъ Янсономъ весьма полное и разностороннее изслѣдованіе, въ которомъ нѣтъ ровно никакой тенденціи, а собраны статистическія данныя. Противъ заключенія г. Янсона уже выступаютъ противники, и недавно еще въ одномъ изъ ученыхъ петербургскихъ обществъ доказывалось, что у крестьянъ земли достаточно. Если это вѣрно, то куда г. Леонардъ прикажетъ приурочить фактъ постоянно усиливающихся крестьянскихъ переселеній? Народъ двигается изъ губерній курской, полтавской, воронежской, тамбовской, частью черниговской и орловской и идетъ кто на Кубань, кто въ Сибирь, кто даже на Амуръ. Очень можетъ быть, что мотивомъ для переселеній не всегда служитъ тѣснота, т. е. что малоземеліе и упадокъ плодородія земли служатъ не главнымъ побужденіемъ, но вѣдь еще нужно доказать, что этого мотива совсѣмъ нѣтъ, а этого г. Леонардъ не дѣлаетъ. Знающіе люди увѣряютъ, что газетные корреспонденты сообщаютъ развѣ только десятую часть фактовъ и что переселенческое движеніе неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ о немъ говорится въ печати. Очевидно, что вопросъ этотъ однимъ голымъ протестомъ г. Леонарда, безъ представленія фактовъ, не разрѣшается, и обвиненіе печати въ выдумкахъ остается недоказаннымъ.

Г. Леонардъ говоритъ, что увеличить крестьянамъ надѣлы значитъ къ старымъ пустырямъ прибавить новые. Но пустыри пустырямъ розь. Въ «Сар. Листкѣ», напимѣрь, помѣщена

корреспонденція изъ Саратова, сообщающая весьма любопытный фактъ о томъ, какъ народъ смотритъ на пустыри. Вотъ что старикъ-вожакъ рассказывалъ корреспонденту. «Года три тому назадъ въ наше село вернулся солдатъ изъ службы въ Сибири и сказывалъ, что если кто здѣсь умираетъ отъ тяготы, то въ Сибири воскреснетъ: такое тамъ хорошее житье... Мы повѣрили ему, и на слѣдующій годъ переселилось 15 семействъ. Въ Сибири, въ барнаульскомъ уѣздѣ, намъ отвели на одной рѣчкѣ землю 25 верстъ въ длину и 15 въ ширину, гдѣ мы и основали село Трубино. Отведенная намъ земля оказалась такой плодородной, что у насъ въ прошломъ году былъ урожай, какихъ здѣсь и не видали. За три версты отъ нашего села находится казенный строевой лѣсъ, гдѣ намъ дозволено рубить дровъ сколько угодно, а строевой лѣсъ на дома беремъ бесплатно-же у лѣсничаго по ярлыкамъ, но и на дрова идетъ такое дерево, за какое надо уплатить здѣсь пять рублей. За всю эту благодать насъ обложили по десяти рублей въ годъ съ каждой семьи, и въ этомъ весь налогъ. Подушныхъ и поземельныхъ, волостныхъ и земскихъ повинностей тамъ вовсе нѣтъ». Въ «Русскомъ Курьерѣ» пишутъ, что надняхъ черезъ Аткарскъ проѣхала партія переселенцевъ изъ воронежской губерніи на новыя мѣста въ Сибирь. На вопросъ, почему они переселяются, крестьяне отвѣчали: «землицы мало, больно мало землицы, да что и есть, такъ все песокъ одинъ!» Усманскій корреспондентъ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» пишетъ, что самымъ крупнымъ фактомъ усманской жизни является крестьянское переселеніе. «Цѣлыя десятки семей, по его словамъ,—бѣгутъ съ своихъ родныхъ земельныхъ участковъ, бѣгутъ куда-то въ Сибирь, на привольныя мѣста». Мы взяли только три факта, но мы могли-бы продолжать наши выписки до безконечности, и г. Леонарду пришлось бы согласиться, что не печать выдумала малоземеліе. Если его нѣтъ въ Новороссійскомъ краѣ, о которомъ пишетъ г. Леонардъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что его не существуетъ въ другихъ мѣстахъ, а еще менѣе слѣдуетъ обвинять печать, и обвинять ее только потому, что факты, извѣстные каждому мальчишкѣ въ губерніяхъ тамбовской, курской, тульской, рязанской, не подтверждаются въ Новороссійскомъ краѣ. Въмѣсто того, чтобы обрушиваться на печать, вамъ-бы слѣдовало сказать, что въ вашей мѣстности все это иначе; печать вамъ-бы отвѣтила, что она говоритъ не о вашей мѣстности, и дѣло окончилось-бы мирно, безъ страстности и запальчивости, безъ нетерпимости и безъ инсинуацій и безъ напраснаго отыскиванія виноватыхъ.

Вѣдь вы, г. Леонардъ, убѣждены въ томъ, что говорите правду; другіе тоже убѣждены, что говорятъ правду.

Г. Леонардъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что намъ прежде всего нужно хорошее земледѣліе, а фундаментомъ его служатъ оранка и посѣвъ. Глубокая распашка, чистая, ровная, такъ, чтобы всѣ корни были подрѣзаны, такъ, чтобы каждая частичка земли была вынесена, такъ-сказать, на солнце, затѣмъ своевременный и равномерный хорошо прикрытый посѣвъ—вотъ первое основаніе хорошаго урожая. Но именно этого основанія хорошаго урожая и труднѣе всего у насъ добиться. Сердце хозяина, выѣхавшаго въ поле, уже издали обливается кровью,—говорить г. Леонардъ:—его взорамъ представляются прекрасные плуги послѣдняго устройства, купленные за границею рублей по семидесяти штука; онъ съ гордостью видитъ добрыхъ, неугомимыхъ своихъ воловъ, которые ровно и усердно тянутъ въ тридцати-градусную жару,—и результатомъ всѣхъ этихъ затратъ—самая безпорядочная вспашка,—вспашка, отъ которой, по словамъ г. Леонарда, южный край преимущественно и терпитъ неурожаи. Можно смѣло сказать, говоритъ г. Леонардъ, что большая часть неурожаевъ на югѣ происходитъ отъ дурной обработки земли, отъ дурнаго веденія хозяйства. На долю этихъ причинъ выпадаетъ 75% неудачъ, а бездождіе, жучки и пр. составляютъ 25%. Соответственно пашни производятся и всѣ остальные сельско-хозяйственные работы,—жнитво, молотѣба.

Но тѣ, кто пишетъ о Россіи, не видятъ и не понимаютъ главнаго (это говоритъ г. Леонардъ). Въ газетахъ, по словамъ г. Леонарда, все пишутъ да пописываютъ о необходимости улучшенія обработки земли и вообще культуры, но мы-бы сказали властямъ и печати: «если вы хотите знать нужды сельскаго хозяйства и причины его успѣха, вы, власти,—непремѣнно черезъ чиновниковъ,—вы, печать,—непремѣнно черезъ корреспондентовъ, то пришлите ихъ къ намъ, въ наши экономіи, на мѣста распашки, на мѣста жатвы, на мѣста молотѣбы, и передъ ними сейчасъ откроется вся истина. Только изъ ознакомленія на мѣстѣ съ полевыми работами можно выяснитъ себѣ истинное положеніе сельскаго хозяйства у насъ. Изъ канцелярій и редакцій наши бюрократы выносятъ только одну чепуху и полное незнакомство съ дѣломъ, о которомъ берутся судить и писать. Если мы, сельскіе хозяева, варвары, если мы вѣрнопостники, если мы живодеры, если мы лгуны и не заслуживаемъ никакого довѣрія, то пришлите, повторяю,—все это говоритъ г. Леонардъ,—своихъ довѣренныхъ лицъ, чиновниковъ и корреспондентовъ, поучитесь на мѣстахъ производства, присмотрѣться къ дѣлу хо-

зьяна въ мѣстѣ, подъ дождемъ и палящимъ солнцемъ, когда сложная машина, именуемая хозяйствомъ, въ полномъ ходу и, черпнувши только изъ этого источника значенія, начните писать и законополагать».

Картину сельско-хозяйственной безурядицы, набросанную г. Леонардомъ, можно продолжать бесконечно. Г. Леонардъ говоритъ о Новороссійскомъ краѣ, а мы-бы могли поразсказать ему чудеса о сѣверныхъ, восточныхъ и среднихъ губерніяхъ, въ которыхъ лѣса истребляются, или, какъ выражаются нынче, «сводятся», мы-бы могли разсказать ему о пашняхъ, тощающихъ отъ недостатка позома и сѣверной обработки, о вытоптаныхъ выгонахъ, о заросшихъ сѣнокосахъ, о разливахъ засоренныхъ ручейковъ, плодящихъ болота, и картина эта вышла-бы, можетъ быть, еще мрачнѣе картины, нарисованной г. Леонардомъ. Къ картинѣ запущенныхъ полей и истощенныхъ пашенъ мы могли-бы присоединить картины грубыхъ народныхъ нравовъ, нескромнаго невѣжества и, позволяемъ себѣ думать, что набрали-бы для этого достаточно густыхъ красокъ, но вѣдь сущность нашего вопроса не въ томъ, чтобы рисовать картины, сущность не въ томъ, чтобы мы расходились съ г. Леонардомъ въ установленіи фактовъ, которые у всѣхъ на глазахъ; дѣло не въ фактахъ, а въ объясненіяхъ ихъ, и вотъ гдѣ мы не сойдемся съ г. Леонардомъ. Но, не соглашаясь съ нимъ, мы не позволимъ себѣ той несправедливости, которой отличается г. Леонардъ. Онъ обвиняетъ во всѣхъ выдумкахъ печать, забывая въ то-же время, что самъ принадлежитъ къ людямъ печати и его теперешній трудъ «Нужды сельскаго хозяйства» уже не первый литературный трудъ. Г. Леонарду не нравится только то, зачѣмъ не всѣ пишущіе пишутъ то, что пишетъ г. Леонардъ, и зачѣмъ они имѣютъ собственное мнѣніе, а не то, какое желательно г. Леонарду. Г. Леонардъ смотритъ на сельское хозяйство съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣльца и съ точки интересовъ крупнаго землевладѣнія, но онъ забылъ, что крупное землевладѣніе въ русской хлѣбной промышленности играетъ далеко не первенствующую роль и 0,9 населенія питается и снабжаетъ заграничные рынки хлѣбомъ не изъ крупныхъ хозяйствъ, а изъ мужицкихъ.

Смотря на русское земледѣліе съ точки крупнаго землевладѣнія, г. Леонардъ имѣетъ полное право обвинять рабочихъ въ томъ, что они пьянствуютъ, лгутъ, убѣгаютъ съ работъ, забираютъ впередъ деньги и ихъ не отработываютъ, ломаютъ земледѣльческія орудія, выкалываютъ быкамъ глаза, отламываютъ имъ рога и т. д. Противъ этихъ фактовъ возражать, конечно,

нечего, и мы готовы даже согласиться съ г. Леонардомъ, что онъ о многомъ дурномъ еще умолчалъ. Но вопросъ не въ картинахъ, вопросъ въ томъ, какими средствами можно устранить безурядицу и какъ поднять русское земледѣіе на ту высоту, о которой мечтаетъ не одинъ г. Леонардъ. Приписывая все зло рабочему, г. Леонардъ требуетъ, чтобы крестьяне исполняли заключаемые ими договоры, чтобы хлѣбъ на корню былъ обезопасенъ прежде всего и чтобы рабочіе не уходили произвольно, когда имъ вздумается. Предлагая подобныя простыя средства, г. Леонардъ думаетъ, что онъ ими разрѣшаетъ вполне русскій земледѣльческій вопросъ, но г. Леонардъ, какъ и всѣ подобныя ему люди, ошибается въ самой сущности этого вопроса. Земледѣіе есть вопросъ не юридическій, а бытовой и экономическій. Издать законъ о рабочихъ книжкахъ вовсе не трудно. Также легко составить и законоположеніе о взысканіи съ рабочихъ за разныя упущенія, но неужели г. Леонардъ думаетъ, что у него пахутъ землю плохо потому, что не существуетъ для того соответственныхъ законовъ и что явись они, Новороссійскій край превратится снова въ житницу Европы? Еще Петръ Великій сказалъ: «зачѣмъ и законы писать, коли ихъ не выполнять»—значить, ясно, что дѣло въ томъ, чтобы теперешніе законы, запрещающіе выкалывать глаза скоту, ломать ему рога, не исполнять договоры и т. д.—выполнялись. Отчего-же рабочій не выполняетъ условій и какъ его заставить ихъ выполнять?

Обрушивать всѣ обвиненія на печать, какъ это дѣлаетъ г. Леонардъ, вовсе не такъ трудно, и г. Леонардъ именно и беретъ на себя этотъ очень благодарный и легкій трудъ. Ему кажется, что пашня обрабатывается скверно и рабочіе уходятъ у него потому, что печать выдумала «рабочій вопросъ», а выдумала она этотъ вопросъ изъ подражанія западу. По словамъ г. Леонарда, на западѣ есть тѣснота, а у насъ ея нѣтъ, тамъ населеніе скучено, а у насъ не скучено, тамъ непомѣрное развитіе фабрикъ и городовъ, а у насъ, напротивъ, недостатокъ фабрикъ и заводовъ. Чтобы чѣмъ-нибудь прокормиться, западный человѣкъ выдумываетъ всевозможные и никому ненужные бездѣлки и фабрикаты, а мода заставляетъ эти фабрикаты потреблять. Какъ ни странно подобное объясненіе, но мы готовы его принять и согласиться съ г. Леонардомъ, что подобнаго рабочаго вопроса у насъ нѣтъ. Но если у насъ нѣтъ европейскаго рабочаго вопроса, можно-ли отрицать, что у насъ не существуетъ вообще рабочаго вопроса? Пускай крайніе либералы, какъ называютъ нѣкоторую часть печати г. Леонардъ, ошибаются, перетаскаявая цѣликомъ къ намъ европейскій рабочій вопросъ. Но,

кромѣ либераловъ, у насъ есть еще и славянофилы. Ужь ихъ-то г. Леонардъ не обвинить въ желаніи подражать западу. Еще менѣе обвинить онъ въ желаніи подражать западу правительство, освобождавшее крестьянъ; а при освобожденіи, какъ извѣстно г. Леонарду, сохраненіе общины и обязательный надѣлъ землею были признаны главнымъ и основнымъ условіемъ. О рабочемъ вопросѣ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ на западѣ, у насъ никогда не проповѣдывалось. Печать, которую обвиняетъ г. Леонардъ въ выдумкахъ, никогда и не говорила, что у насъ существуетъ пролетаріатъ на европейскій манеръ, и въ этихъ-же цѣляхъ дѣйствовало и правительство, освобождавшее крестьянъ съ землею. Конечно, г. Леонардъ знаетъ это все не хуже меня, и ошибка, которую онъ дѣлаетъ, заключается только въ томъ, что онъ слишкомъ обобщаетъ свой Новороссійскій край и преимущественно свое имѣніе. Поэтому, нѣсколько приукрашивая положеніе народа, онъ умалчиваетъ о той нуждѣ, которая заставляетъ крестьянъ среднихъ губерній искать работы на окраинахъ, и въ рабочемъ вопросѣ видитъ не собственно рабочій вопросъ, т. е. стремленіе къ улучшенію положенія нанимающихся, а обезпеченіе положенія нанимателей. Для этого требуется, конечно, прежде всего считать доказаннымъ, что положеніе сельскихъ работниковъ нисколько не похоже на положеніе западнаго пролетарія, что нашъ земледѣлецъ обезпеченъ землей, что онъ терпитъ отъ собственной глупости и невѣжества и что не его положеніе должно привлекать къ себѣ работы правительства, а положеніе земледѣлія вообще, во главѣ котораго стоитъ помѣщичье крупное землевладѣніе.

Устраняя всякую тенденцію и относясь къ этому вопросу съ общегосударственной точки зрѣнія, мы согласимся съ г. Леонардомъ, что улучшеніе экономическаго положенія каждой страны должно совершаться безъ потрясеній и съ возможнымъ соблюденіемъ частныхъ интересовъ. Мы согласимся съ г. Леонардомъ еще и въ томъ, что мѣры, имъ предлагаемыя, теоретически вполне рациональны и что рабочій вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ его понимаетъ въ своихъ интересахъ, есть именно вопросъ всеобщаго стройнаго порядка, при которомъ обѣ изъ заинтересованныхъ сторонъ соблюдаютъ взаимно договоръ, и затѣмъ факты, на которые указываетъ г. Леонардъ, оказываются невозможными. А онъ, между прочимъ, указываетъ на такіе случаи. Является къ землевладѣльцу подрядчикъ или факторъ, предлагаетъ рабочихъ, передаетъ формальное условіе, заключенное имъ съ ними, беретъ впередъ половину денегъ, а въ условіе вставляетъ параграфъ, что онъ за побѣгъ рабочихъ не отвѣчаетъ.

Въ назначенный срокъ факторъ приводитъ рабочихъ, а черезъ недѣлю они убѣгаютъ. Затѣмъ подрядчикъ и убѣжавшіе рабочіе идутъ наниматься къ новому землевладѣльцу, отъ котораго забираютъ тоже впередъ деньги, убѣгаютъ и отъ этого, идутъ въ третью экономію и т. д. Не знаю, насколько можно обобщить этотъ фактъ, тѣмъ болѣе, что подрядныя работы совершаются въ Россіи повсюду и въ громадныхъ размѣрахъ, при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ собираются рабочіе тысячами, но что-то не слышно, чтобы подобныя продѣлки являлись правиломъ, если рабочихъ кормятъ хорошо и рассчитываются съ ними безъ обмана. Очевидно, что г. Леонардъ и его сосѣди дѣлаютъ какую-то ошибку и во всякомъ случаѣ не принимаютъ такихъ мѣръ, которыя-бы обезпечивали правильныя отношенія между ними и рабочими.

Г. Леонардъ желаетъ, чтобы для устраненія побѣговъ, недоразумѣній и вообще тѣхъ шероховатостей, которыя неизбѣжны въ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, была-бы устроена земледѣльческая полиція, чтобы мировые судьи развѣзжали все лѣто по имѣніямъ и творили-бы судъ и расправу, гдѣ это требуется, или же выбирать судей изъ крестьянъ и на нихъ возложить обязанность юридическаго надзора за рабочими. Г. Леонардъ думаетъ, что этими мѣрами обезпечится положеніе сельскихъ хозяевъ и исчезнутъ безобразія, на которыя онъ жалуется. Но обвиняя либеральную печать въ идеализмъ, утопичности и въ погоню за всеобщимъ, неосуществимымъ еще, благомъ, не впадаетъ ли г. Леонардъ въ подобную-же крайность, но только съ другого конца? Мы знаемъ опытъ, который былъ сдѣланъ съ сельской полиціей или такъ - называемыми урядниками, а къ чему этотъ опытъ привелъ? Можетъ-ли г. Леонардъ ручаться за то, что его сельская полиція и сельскіе судьи не явятся такимъ-же ненавистнымъ учрежденіемъ и не повторится исторія съ урядниками, которые, состоя на жалованьи у фабрикантовъ, служили исключительно интересамъ одной стороны, а не интересамъ правды и правосудія. Въ виду этого вовсе не желательно, чтобы сельская полиція, проектируемая г. Леонардомъ, и судьи изъ «почтенныхъ» крестьянъ были введены въ крупныхъ экономіяхъ, о которыхъ ведетъ рѣчь г. Леонардъ.

Объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ была произведена у насъ цѣлая масса изслѣдованій, и нельзя сказать, чтобы рабочій вопросъ, о которомъ говоритъ г. Леонардъ, оказывался бы въ томъ положеніи, въ которомъ изображаетъ его авторъ проекта сельской полиціи. Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій, съ которыми читатели «Дѣла» были ознакомлены статьею «Русскій рабочій», оказывается, что отношенія между рабочими и хозяевами

вовсе не такъ ужасны для хозяевъ, какъ ихъ изображаетъ г. Леонардъ, и скорѣе рабочіе имѣютъ право жаловаться на хозяевъ, чѣмъ хозяева на рабочихъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ очень серьезной важности, но не въ томъ видѣ, какъ его изображаетъ г. Леонардъ, т. е. не въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ Новороссійскаго края или Бессарабіи, а какъ вопросъ, обнимающій вообще отношенія рабочихъ къ нанимателямъ и ограждающій слабую сторону отъ стороны сильной. Въ этомъ отношеніи практика нашей жизни сложилась такъ, что едвали можно говорить, будто-бы наниматели зависятъ отъ нанимаемыхъ и терпятъ исключительно интересы нанимателей. Изъ множества фактовъ, разбирательство которыхъ доходило до суда или вызывало вмѣшательство полиціи, извѣстно, что справедливость и гуманность оказывались не на сторонѣ нанимателей, какъ это обнаружилось недавно по поводу пожара на фабрикѣ г. Гивартовскаго. Если печать относилась съ порицаніемъ къ подобнымъ фактамъ, осужденными и судомъ, то, конечно, и г. Леонардъ не обвинитъ ее въ вредномъ либерализмѣ и не скажетъ, что она была тревогу или нарушала общественное спокойствіе. Г. Леонардъ, конечно, не пристанетъ къ сторонѣ несправедливой. Конечно, и въ вопросѣ объ отношеніяхъ рабочихъ къ сельскимъ хозяевамъ онъ не пожелаетъ служить интересамъ только одной стороны и будетъ предлагать то, что должно обезпечивать интересы сельскаго хозяйства вообще. Но въ руральной-ли полиціи, какъ выражается г. Леонардъ, и въ старшинахъ-ли и старостахъ, «контролирующихъ всѣ дѣйствія рабочихъ», заключается истинный центръ тяжести этого вопроса? Г. Леонардъ, увѣряющій, что рабочаго вопроса у насъ не существуетъ въ смыслѣ нужды, заставляющей крестьянина наниматься въ работу, видитъ всю суть дѣла въ безалаберности и неисполнительности рабочихъ и сводитъ все только къ однимъ полицейскимъ мѣрамъ. Разрѣшеніе это слишкомъ прямолинейное, а, главное, — именно и не разрѣшаетъ того вопроса, который г. Леонардъ желаетъ разрѣшить.

Рабочій вопросъ пристегнуть г. Леонардомъ сбоку, сущность же дѣла заключается въ нашемъ безалаберномъ сельскомъ хозяйствѣ и въ томъ, какими средствами эту безалаберность устранить. Г. Леонарду видится только одна часть этого дѣла, то раціональное улучшенное сельское хозяйство, которое образованные землевладѣльцы стараются ввести въ своихъ экономіяхъ. Первымъ условіемъ такого хозяйства, конечно, превосходная обработка земли. Для этого экономіи приобрѣтаютъ превосходные плуги, экипаторы, ватки и т. д. Для жнитва заводятся жнеи усовершенствованнаго устройства, для молотбы — молотильныя машины.

Лицомъ къ лицу съ этими усовершенствованными орудіями ставится пришлый мужикъ изъ бѣдныхъ, нуждающихся губерній, никогда не видѣвшій ни такого скота, какой работаетъ у г. Леонарда, ни такихъ орудій, которыми его заставляютъ работать. Что-же мудренаго, что въ рукахъ такого мужика превосходныя жнеи, молотилки и плуги ломаются и портятся, а съ превосходными волами г. Леонарда мужикъ обращается, какъ онъ привыкъ обращаться со своимъ скотомъ. Всю эту неумѣлость и невѣжество г. Леонарду угодно обозвать рабочимъ вопросомъ, когда главную роль играетъ тутъ незнаніе, неумѣлость, неприспособленность, а можетъ быть, еще какія-нибудь другія причины, обвинять за которыя слѣдуетъ не рабочихъ. Чего достигнетъ г. Леонардъ строгимъ контролемъ надъ рабочими, мы не совсѣмъ понимаемъ, ибо, если рабочіе, являющіеся къ г. Леонарду и къ другимъ владѣльцамъ со всѣхъ концовъ Россіи, вносятъ и въ его земледѣліе тѣ самыя познанія, ту-же умѣлость, ловкость и приспособленность, какими они отличаются на своихъ собственныхъ поляхъ, то что-же мудренаго, что волы г. Леонарда оказываются съ выколотыми глазами, а его превосходныя молотилки изломанными. Вотъ если - бы г. Леонардъ могъ дать земледѣльской Россіи иное агрономическое воспитаніе, конечно, онъ имѣлъ-бы тавихъ рабочихъ, какіе ему желательны, а пока общій уровень образованія народа остается такимъ, какъ онъ есть, т. е. стоитъ на высотѣ понятій двѣнадцатаго столѣтія, нечего претендовать, что передъ культурой и изобрѣтеніями девятнадцатаго вѣка русскій рабочій опускаетъ руки и не умѣетъ ими пользоваться.

Начавъ за здравіе, г. Леонардъ свелъ за упокой. Заговоривъ торжественно о значеніи земледѣлія, какъ отрасли государственнаго хозяйства, и обвинивъ чиновниковъ и печать въ томъ, что земледѣліе у насъ находится въ печальномъ состояніи, г. Леонардъ кончилъ описаніемъ неспособности рабочихъ, которые являются къ нему въ имѣніе и, вмѣсто того, чтобъ работать съ усердіемъ, желательнымъ для г. Леонарда, ломаютъ рога его воловъ и портятъ его молотилки. Причемъ тутъ земство, которое г. Леонардъ называетъ мертвымъ, и причемъ тутъ правительство, которое, по словамъ г. Леонарда, окружено людьми, не знающими сельскаго хозяйства? А что-же сдѣлали г. Леонардъ и люди, раздѣляющіе его интересы, для развитія понятій въ тѣхъ рабочихъ, которыми они недовольны, для развитія общественнаго сознанія, которымъ печать руководитъ будто-бы неправильно, и, наконецъ, для воспитанія чиновниковъ, которые, по словамъ г. Леонарда, являются наиболѣе вредными совѣтниками правительства, дѣйствующими будто во вредъ интере-

самъ русскаго земледѣлія. Обвинивъ печать, земство и чиновниковъ, какъ коренную причину всего русскаго земледѣльческаго неустройства, г. Леонардъ не привелъ въ подкрѣпленіе своихъ обвиненій никакихъ доказательствъ и въ то-же время очень скромно умолчалъ о своемъ личномъ участіи въ тѣхъ-же самыхъ неустройствахъ, на которыя онъ жалуется.

III.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Леонардъ отрѣшается отъ «рабочаго вопроса» и становится на болѣе общую точку зрѣнія, разсужденія его являются болѣе правильными. По словамъ г. Леонарда, кромѣ недостатка знающихъ рабочихъ, наше сельское хозяйство терпитъ еще отъ страшныхъ, непролазныхъ путей и отсутствія подвѣздныхъ дорогъ. Вотъ какъ описываетъ г. Леонардъ второй моментъ сельскаго производства, начинающійся послѣ молотбы хлѣба.

«Вы смолотили свой хлѣбъ, очистили и всыпали его въ мѣшки. Вамъ нужно придвинуть его къ рынку или къ мѣсту сбыта. Кто-же къ вамъ является за этимъ хлѣбомъ, чтобъ поднять его съ мѣста? Мужикъ съ подводой—первобытной арбой. Число этихъ подводъ уменьшается у насъ ежегодно, ибо скотскіе падежи уносятъ массу скота, скотоводство падаетъ, скотъ мельчаетъ, вслѣдствіе этого возрастаетъ повсемѣстно дороговизна доставки. Что-же открывается передъ этой первобытной арбой, которая явилась къ вамъ для перевозки хлѣба? Передъ ней открывается до первой желѣзной дороги бездорожное пространство, глушь, темъ, воровскіе притоны... Но до этой желѣзной дороги пролегаютъ иногда сотни верстъ непролазныхъ путей, которые разбиваютъ всѣ надежды производителей на хорошее вознагражденіе за тяжелый ихъ трудъ. Что творится по этимъ желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ слѣдуетъ драгоценнѣйшій продуктъ въ государствѣ и сколько при этомъ пропадаетъ этого драгоценнаго продукта—уму непостижимо. Большую часть года, во время дождей, слякоти, распутицы, снѣга, дороги эти совсѣмъ непролазны — онѣ закрыты. Передвиженіе такого продукта, какъ хлѣбъ, приостанавливается какъ-разъ въ ту пору, когда онъ, можетъ быть, всего нужнѣе странѣ или когда онъ всего болѣе требуется въ чужихъ краяхъ. Отъ этого, съ одной стороны, въ урожайные даже годы возрастаетъ искусственно дѣна на хлѣбъ внутри государства, а съ другой—мы не въ состояніи доставить своевременно свой хлѣбъ за-границу, когда онъ тамъ

всего нужнѣе, и выручить за него хорошія деньги, которыя такъ намъ нужны для поправленія разстроенныхъ нашихъ финансовъ. И это въ то время, когда масса заготовленнаго хлѣба лежитъ въ амбарахъ, убываетъ, утекаетъ, раструживается и портится отъ долгаго лежанья! Хлѣба иногда цѣлая масса, а народъ платитъ за него втридорога, а государство тратится, должнаеть на его прокормленіе... Какія неисчислимыя потери для государства! Знають-ли это господа, спрашиваетъ г. Леонардъ,—которыя хлопчуть о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ чуть не на лунѣ — въ Азіи?.. Затѣмъ г. Леонардъ обрушивается на «фразеровъ», «которыя открыто такое широкое поле въ такихъ малообразованныхъ странахъ, какъ наша бѣдная Россія». По мнѣнію г. Леонарда, только фразеры виноваты, что въ мѣстностяхъ, какъ Бессарабія, которая лежитъ всего въ 36 часахъ ѣзды отъ Вѣны, почти въ центрѣ Европы, нѣтъ никакихъ дорогъ и мы вязнемъ и барахтаемся въ грязи съ самымъ цѣннымъ продуктомъ и въ то-же время строимъ желѣзныя дороги въ Азіи и въ Сибири. Въ особенности не нравится г. Леонарду сибирская желѣзная дорога. Онъ называетъ ее дорогой за облаками. Но если желѣзная дорога нужна для Бессарабіи и для средней Россіи, почему, спрашивается, сибиряки, занимающіеся тоже земледѣіемъ и нуждающіеся въ торговлѣ, должны быть лишены желѣзной дороги? Конечно, нельзя не согласиться, что 20 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, выстроенныхъ у насъ, строились «вкривь и вкось, Аллахъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ», какъ выражается г. Леонардъ. Промышленныя мѣстности почти повсюду обойдены у насъ желѣзными дорогами и отстоятъ отъ нихъ на сто, на двѣсти и болѣе верстъ. Подобныя разстоянія оказываются настоящими пропастями для сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ эти пропасти уходитъ весь заработокъ бѣднаго сельскаго хозяина — это могила земледѣія. Примѣромъ, по словамъ г. Леонарда, опять можетъ служить Бессарабія — одна изъ самыхъ плодородныхъ губерній въ Россіи.

Въ Бессарабіи желѣзныя дороги построены по ея окраинамъ. Одна линія пересѣкаетъ два уѣзда верстъ на шестьдесятъ, идетъ затѣмъ все вдоль рѣки Прута, а другая пролегаетъ по противоположной сторонѣ по ту сторону Днѣстра, въ Подольской губерніи, — отъ этой весьма незначительная польза для края. Середина-же часть края, самые плодородныя уѣзды, откуда идутъ миллионы пудовъ пшеницы, кукурузы, табаку, сотни тысячъ головъ скота, лежитъ внѣ желѣзныхъ путей. Уѣзды эти лежатъ буквально въ пропасти, изъ которой мы выползаемъ съ

своими продуктами на свѣтъ Божій съ неимоверными усиліями. Сколько край ни хлопоталъ о постройкѣ небольшой соединительной вѣтви, верстъ хоть въ шестьдесятъ къ центру края, куда стекаются всѣ продукты, онъ этого не могъ достичь—его вопли не доходятъ до сильныхъ міра сего. Въ такомъ-же положеніи находится масса плодороднѣйшихъ мѣстностей въ Россіи: какой-то злой геній водилъ, видно, рукой нашихъ инженеровъ, говоритъ г. Леонардъ, ибо, какъ нарочно, большая часть плодороднѣйшихъ мѣстностей обойдены желѣзными дорогами. Какія-нибудь шестьдесятъ-семьдесятъ верстъ отдѣляютъ эти мѣстности цѣлой пропастью отъ желѣзныхъ путей, держатъ ихъ какъ-бы въ осадѣ.

Замѣчанія эти совершенно справедливы, но только «фразеры» тутъ не причемъ. Виновато роковое положеніе Россіи, и это роковое положеніе—положеніе, впрочемъ, чисто-историческое—и вызвало нашу теперешнюю умственную рознь, при которой мы поѣдаемъ и обвиняемъ взаимно другъ друга, тогда-какъ нѣтъ никого виноватыхъ. Г. Леонардъ и люди его образа мыслей, исходя, конечно, изъ патріотическихъ интересовъ и желанія общаго блага, обвиняютъ во всемъ «либераловъ», «печать», «фразеровъ», «чиновниковъ», «бюрократизмъ» и правительство, дѣлающее имъ уступки;—либералы съ своей стороны обвиняютъ въ томъ-же консерваторовъ и опять-же—печать, чиновниковъ, бюрократизмъ и правительство, дѣлающее уступки консерваторамъ. Славянофилы обвиняютъ западниковъ, западники—славянофиловъ, богатые—бѣдныхъ, бѣдные—богатыхъ, хозяева—рабочихъ, рабочіе—хозяевъ, однимъ словомъ—каждый старается отыскать виноватаго и выгораживаетъ самого себя, а между тѣмъ вина исключительно въ томъ, что мы, съ своимъ скуднымъ умственнымъ запасомъ, недостаточными знаніями, неразвитыми силами, вздумали шагнуть прямо изъ двѣнадцатаго столѣтія въ девятнадцатое. Мы вступили въ семью европейскихъ народовъ, не имѣя европейскихъ силъ и попали въ оборотъ цивилизаціи и заняли политическое мѣсто среди европейскихъ народовъ, не расчитавъ тяжести, которую беремъ на свои плечи. Отъ Европы намъ теперь не отдѣлиться и не уйти. Наши образованные классы уже втянулись въ умственные интересы Европы, получили къ нимъ вкусъ и привычку, устроили всю свою жизнь по европейскому образцу и уже не промѣняютъ этихъ новыхъ потребностей и привычекъ на привычки востока и старой Москвы. На любомъ фактѣ нашей общественной жизни г. Леонардъ могъ-бы провѣрить вѣрность этихъ мыслей, и тогда-бы онъ убѣдился, что не «фразеры» причиной неудачныхъ желѣзныхъ до-

рогъ, а недостатокъ силъ и слабое развитіе производительныхъ и умственныхъ способностей. Русскій умъ и до сихъ поръ отличается косностью, въ которой обвинялъ москвичей еще Крижаничъ. Сознаться въ этомъ очень обидно, больно и дозводно, но сознаться, наконецъ, необходимо. Русскій умъ не отличается способностью продукціи, въ немъ очень слабы творческія оригинальныя силы. Наши образованные классы, усвоивъ европейскія привычки и умственныя потребности, не усвоили только европейскаго творчества. Отъ этого, въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, мы идемъ въ хвостъ за Европой до того, что даже земледѣльческія орудія и машины изобрѣтаютъ и приспособляютъ къ условіямъ нашей мѣстности иностранцы, а, казалось-бы, ближе всего земледѣльческими изобрѣтеніями и открытіями заняться нашимъ культурнымъ земледѣльцамъ, имъ-же-бы, разсѣянными по лицу земли русской, создать-бы и образцовое земледѣіе и увлечь на путь улучшеній темную земледѣльческую массу. Почему-же этого ничего не случилось? Г. Леонардъ молчитъ, онъ обвиняетъ во всемъ только земство, печать, чиновниковъ и правительство. Въмѣсто того, чтобы указать, что и какъ должно быть сдѣлано, г. Леонардъ волнуется, горячится, обвиняетъ, порицаетъ, дѣйствуетъ на страстное чувство.

Порицаніе и отрицаніе, въ которомъ упражняется г. Леонардъ, уже слишкомъ старая, надѣвшая штука. Больше двадцати лѣтъ мы порицаемъ свои порядки, но толку отъ этого не получилось никакого. То, что говоритъ г. Леонардъ о желѣзныхъ дорогахъ, тоже не ново. Съ самаго начала, какъ только началось у насъ развитіе желѣзнодорожнаго дѣла, та самая печать, которую обвиняетъ г. Леонардъ, уже говорила, что желѣзныя дороги безъ подвозныхъ путей принесутъ немного пользы земледѣлію. Я могъ-бы даже указать г. Леонарду на статьи «Дѣла» и «Русскаго Слова», въ которыхъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ говорилось о томъ, о чемъ г. Леонардъ говоритъ нынѣ. Вопросы земледѣлія и сельскаго хозяйства вовсе не игнорировались въ нашей печати, какъ говоритъ это г. Леонардъ, и не только въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ, но даже въ публицистскихъ органахъ предугадывались, предусматривались и предсказывались тѣ факты, о которыхъ говоритъ теперь г. Леонардъ. Слѣдовательно, г. Леонардъ меньше чѣмъ кто-либо имѣетъ право порицать печать.

Водоворотъ жизни, увлекшій насъ въ европейскіе интересы, и чувство государственнаго самосохраненія были, конечно, главною причиною, что мы такъ горячо и торопливо вынуждены на осуществленіе тѣхъ практическихъ мѣръ, за которыя г. Леонардъ

обвиняетъ земство, фразеровъ и печать. Въ сей моментъ невозможно и бесполезно рѣшать, что было-бы, если-бы мы не такъ спѣшили прыгнуть изъ двѣнадцатаго вѣка въ девятнадцатое столѣтіе. Европа шла менѣе торопливо и оттого болѣе послѣдовательно. Она принялась за желѣзныя дороги, когда вся была покрыта шоссе, а мы почти прямо начали съ желѣзныхъ дорогъ и постройки ихъ превратили въ промышленныя предпріятія, въ предметъ наживы и спекуляціи. Понятно, что для желѣзныхъ дорогъ, смѣнившихъ откупы, капиталы у насъ нашлись, а для постройки подвозныхъ путей и для порядочныхъ грунтовыхъ дорогъ, которые доходовъ не давали, денегъ не находилось.

Можетъ, земство и виновато въ томъ, что оно накинuloсь на устройство земской медицины, безъ которой, какъ говорить, народъ могъ-бы еще обойтись, но вѣдь тоже нельзя сказать, чтобы повальные тифозныя горячки, страшныя эпизоотіи были-бы такимъ ничтожнымъ бѣдствіемъ, которое дозволительно игнорировать. Вообще, въ нашихъ дѣлахъ, когда печать, земство и правительство отнеслись критически къ прошлому Россіи, было довольно трудно установить очередь. Неустроенныхъ дѣлъ было слишкомъ много, а средствъ почти никакихъ. Съ одной стороны было необходимо развитіе производительныхъ источниковъ и производительныхъ силъ, чтобы выдержать соперничество съ другими народами, съ другой—это стремленіе требовало для своего пракческаго осуществленія готоваго запаса силъ и капиталовъ, которыхъ у насъ не было. Очень можетъ быть, что у насъ не достало необходимаго спокойствія, такъ-сказать, достоинства мысли, обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ и прежде всего недостатокъ знанія самой Россіи; очень можетъ быть, что причина этого крылась въ особенностяхъ нашего національнаго характера и темперамента, но дѣло въ томъ, что какъ наши внѣшнія, такъ и внутреннія обстоятельства и вся наша историческая судьба сложились такъ, что могъ получиться только тотъ результатъ, который получился. Кто-же во всемъ этомъ виноватъ и почему г. Леонарду непременно нужно найти виноватыхъ,—вопросъ остается открытымъ, и меньше всего самъ г. Леонардъ въ состояніи его разрѣшить.

Остальные факты изъ міра нашей сельско-хозяйственной промышленности, приводимые г. Леонардомъ, гораздо серьезнѣе. То, что онъ рассказываетъ о порядкахъ, существующихъ у насъ при перевозкѣ и продажѣ хлѣба, можетъ повергнуть въ отчаяніе даже людей, совершенно чуждыхъ интересамъ сельскаго хозяйства. Вотъ ѣдетъ транспортъ съ хлѣбомъ по дорогѣ, изрытой колесами, ухабами и выбоинами Стараясь избѣгнуть ихъ, под-

воды лавируютъ во всѣ стороны, ѣдутъ зигзагами, но и лавированье, на которое уходитъ масса времени, не спасаетъ ихъ. Подводы ломаются поминутно или отстаютъ отъ транспорта. По прибытіи оставшихся подводъ на вокзалъ, въ нихъ оказывается всегда хлѣба меньше, чѣмъ сколько было нагружено, и воровство сдѣлано съ большимъ искусствомъ. Хлѣбъ отсыпанъ изъ каждаго мѣшка понемногу, и только опытный глазъ замѣтитъ, что мѣшки не полны. Практикуется, кромѣ случайнаго, и вполне организованное воровство. Такъ, подходит ночью транспортъ съ пшеницей въ глухой степи къ постоялому двору, и организованная шайка отсыпаетъ изъ мѣшковъ зерно и вмѣсто его высыпаетъ какой-нибудь послѣдній куколь, или просто землю. Прибѣгаютъ иногда и къ слѣдующей уловкѣ. Отсыпаютъ изъ мѣшка два-три гарнца, а иногда и цѣлую мѣрку и затѣмъ заливаютъ оставшуюся пшеницу кипяткомъ, такъ, чтобы зерна разбухли и мѣшокъ казался полнымъ. Случается, что въ дурную, тяжелую погоду воды отказываются тянуть подводы, и тогда подводчики складываютъ мѣшки въ сторонѣ отъ дороги, въ грязь, а сами порожнякомъ уходятъ домой. Хлѣбъ этотъ, предоставленный на Божью волю, расхищается ворами, птицами, теряетъ цвѣтъ, вѣсъ, нерѣдко даже обростаетъ кругомъ зеленью, пока не дождется хорошей погоды, которая позволитъ доставить его на желѣзную дорогу.

Но вотъ подвигъ свершенъ. Хлѣбъ на вокзалѣ, правда въ очень жалкомъ видѣ. Мѣшки разодраны, запачканы, въ дырахъ, дыры заткнуты соломой или сѣномъ, и хлѣба въ мѣшкахъ много меньше, чѣмъ было отправлено. На желѣзной дорогѣ начинаются новыя мытарства. Выгружать хлѣбъ съ подводъ въ вагоны прямо нельзя, потому-что свободныхъ вагоновъ для немедленной нагрузки никогда не бываетъ. Хлѣбъ складывается подъ открытымъ небомъ и нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ ждетъ очереди отправки. Хлѣбъ мокнетъ, киснетъ, такъ-что на версту кругомъ станціи стоитъ вонь. Рядомъ съ этимъ свершается безбожное раскрадываніе, а желѣзнодорожное начальство говоритъ, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла и за цѣлость продукта оно не отвѣчаетъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, наступаетъ очередь грузки, которую нерѣдко приходится покупать за деньги. Г. Леонардъ говоритъ, что при приѣмѣ хлѣба желѣзными дорогами, свершается тоже организованное воровство, въ видѣ обвѣса, и обвѣсомъ этимъ занимаются сами управленія желѣзныхъ дорогъ. Въ позапрошломъ году одного помѣщика обвѣсили на три тысячи пудовъ изъ 70 тысячъ отправленнаго това-

ра. Кромѣ этого практикуется и настоящая кража хлѣба цѣлыми мѣшками, когда вагоны уже на пути.

Наконецъ, хлѣбъ приходитъ въ Одессу, и здѣсь сразу накидывается на него цѣлое стадо факторовъ, маклеровъ, коммиссіонеровъ, которые какъ мухи собираются вокругъ вашего хлѣба и сосутъ его со всѣхъ сторонъ. «Не успѣетъ возъ въѣхать на базаръ, какъ онъ уже чернѣетъ отъ этихъ мухъ. Вашъ возъ вмигъ подкатили къ магазину или амбару, вмигъ мастерски васъ выгрузили, обвѣсили, назначили вамъ цѣну, сунули въ руки деньги; вы все это берете безсознательно и только за заставой, когда васъ вытолкали съ базара съ пустымъ возомъ, угаръ проходитъ, вы начинаете приходить въ себя, кричите «гвалтъ», но уже поздно: васъ выпрошили».

Если хлѣбъ продается прямо съ вагоновъ, то цѣна при такой продажѣ назначается произвольная. Мѣра, вѣсъ—произвольные, приемъ—произвольный, расчетъ—произвольный, а вдобавокъ еще и обхождение грубое. И несмотря на подобный произволъ, ему иногда выгоднѣе подчиниться, чѣмъ свезти свой хлѣбъ въ городъ, сложить его и продавать изъ магазина. Свезти хлѣбъ въ городъ — цѣлый подвигъ, а въ ненастье—дѣло положительно невозможное. Доставка одного вагона хлѣба съ вокзала въ городъ обходится иногда въ двадцать пять рублей.

Въ видѣ противоположенія нашимъ порядкамъ, г. Леонардъ рисуетъ картину хлѣбной торговли въ Кенигсбергѣ. «Тамъ ни шагу не дѣлается безъ надзора особенно къ тому приставленнымъ властей: при прибытіи вагоновъ съ хлѣбомъ, ключъ отъ нихъ находится уже въ рукахъ конторы, на имя которой вы адресовали свой товаръ; желѣзная дорога отвѣчаетъ за всякую пропажу и порчу вашего товара, въ случаѣ аварии, и удовлетворяетъ васъ немедленно; при опредѣленіи качества и сорта вашего хлѣба, при малѣйшемъ недоразумѣніи въ этомъ отношеніи, къ вашимъ услугамъ тутъ-же на мѣстѣ официальная экспертиза. Всѣ запродажныя сдѣлки совершаются на биржѣ подъ строжайшимъ контролемъ; торгъ производится открыто, безъ утайки, на виду у всѣхъ, а не по конторамъ, по частнымъ квартирамъ, какъ у насъ; настоящій *grix cougant* вамъ всегда извѣстенъ,—обмана при такомъ порядкѣ не можетъ быть. Здѣсь не летаетъ и не жужжитъ по городу, какъ у насъ, цѣлая масса паразитовъ, которые во всѣхъ закоулкахъ города ловятъ свои жертвы, нападаютъ, такъ-сказать, на нихъ изъ-за угла для совершения съ ними сдѣлокъ».

Какое-же средство, по мнѣнію г. Леонарда, можетъ излечить наше сельское хозяйство и уподобить его заграничному, а по-

рядки нашей хлѣбной торговли—порядкамъ кенигсбергскимъ? Г. Леонардъ думаетъ, что стоитъ только учредить министерство сельскаго хозяйства, какъ немедленно бытовья и историческія помѣхи исчезнутъ и нашъ земледѣлецъ сдѣлается просвѣщеннымъ и счастливымъ капиталистомъ. Министерства существуютъ у насъ, какъ извѣстно г. Леонарду, кажется, съ 1808 года, и тому-же г. Леонарду извѣстно, что при министерствѣ государственныхъ имуществъ существовалъ и существуетъ департаментъ сельскаго хозяйства съ учеными и специальными комитетами, что существуютъ у насъ съѣзды сельскихъ хозяевъ, общество сельскаго хозяйства, есть агрономическіе институты, даже цѣлая петровская академія, были и, какъ кажется, существуютъ до сихъ поръ образцовыя фермы, но Кенигсберга намъ и до сихъ поръ создать не удалось. Почему-же онъ явится, если будетъ устроено министерство сельскаго хозяйства? А потому, отвѣчаетъ г. Леонардъ: что до сихъ поръ въ министерствахъ служили чиновники, а въ министерствѣ, которое проектируетъ г. Леонардъ, будутъ служить сельскіе хозяева. Министромъ этого новаго министерства нужно сдѣлать настоящаго, истаго хозяина, взятаго прямо съ полей—прямо съ поля брани, не теоретика, а практика, на опытѣ узнающаго всѣ нужды сельскаго хозяйства, человѣка, знающаго и любящаго сельскую жизнь, не бѣлоручку, не потомка какого-нибудь аристократическаго рода, который знаетъ свое хозяйство по вѣдомостямъ только своей конторы; кромѣ того, необходимо окружить это лицо такими-же сельскими хозяевами. Въ совѣтъ министра слѣдуетъ приглашать ежегодно на совѣщаніе въ зимнее время по очереди всѣхъ сельскихъ хозяевъ со всѣхъ полосъ Россіи. Сыновья этихъ хозяевъ должны по преимуществу опредѣлять себя на службу по этому вѣдомству и посвящать себя этой карьерѣ научно и практически. Но для этого нужно создать сельско-хозяйственную карьеру. «У каждаго есть честолюбіе, разсуждаетъ г. Леонардъ, — неудержимое стремленіе къ карьерѣ, къ службѣ. Наши молодые люди бросаютъ хозяйство и ищутъ повышеній на службѣ; откройте имъ новое поприще въ министерствѣ сельскаго хозяйства, и пусть имъ предоставляются повышенія и отличія, лишь-бы они дѣлали дѣло»... И эту идиллію предлагаетъ тотъ-же самый г. Леонардъ, который на первыхъ страницахъ своей брошюры такъ ожесточенно нападалъ на фразеровъ, идеалистовъ и мечтателей печати. Манилова проектъ былъ еще проще. Стоило только построить мостъ и по сторонамъ его сдѣлать лавки, въ которыхъ-бы продавались красный товаръ, пряники и орѣхи. Не согласись печать съ проектомъ г. Леонарда, онъ, конечно, ста-

нетъ громить ее всѣми громами, но развѣ можно не только согласиться съ этимъ проектомъ но и говорить о немъ серьезно, когда автору его, человѣку солидному и пожившему, какъ видно, немало, неизвѣстна очень старая и простая истина, десятки разъ подтвержденная уже и русскимъ опытомъ. Еще во времена Сперанскаго думали, что стоитъ только назначить хорошихъ губернаторовъ, а къ нимъ въ помощники хорошихъ чиновниковъ, и черезъ всѣ рѣки устроятся мосты съ лавками. Цѣлыя полстолятія практиковалась эта система, однако, мостовъ нигдѣ не выстроилось, а г. Леонардъ продолжаетъ думать, что если учредить министерство и назвать его министерствомъ сельскаго хозяйства и наполнить его чиновниками, которые стануть называться сельскими хозяевами и будутъ пользоваться мѣстами наследственно, то Россія превратится немедленно въ сельско-хозяйственное Эльдorado. Очень можетъ быть, что наша сельско-хозяйственная печать иногда увлекалась и предавалась мечтамъ, но пускай г. Леонардъ перечитаетъ все самое мечтательное, что создавала только наша публицистика, и, ужъ разумѣется, онъ не найдетъ въ ней ничего подобнаго тому проекту моста черезъ рѣчку, который онъ предлагаетъ. А причина неудачности проекта г. Леонарда очень простая. Ему кажется, что у насъ слишкомъ мало управляютъ, что стоитъ только завести сельско-хозяйственную полицію, сельскихъ судей и старшинъ, сельскихъ чиновниковъ и во главѣ этой сельско-хозяйственной администраціи поставить министромъ сельскаго хозяина, а чего добраго, и самого г. Леонарда—и это мудрое, проектированное г. Леонардомъ правительство непременно устроитъ на поляхъ Россіи порядокъ. Нѣтъ, г. Леонардъ, вы этимъ способомъ второй разъ устроите то, чѣмъ вы недовольны, но не устроите того, что нужно для успѣха земледѣльческаго развитія Россіи. Неужели вы думаете, что министерство государственныхъ имуществъ и департаментъ сельскаго хозяйства писали и предписывали мало? И этотъ вопросъ давно уже разрѣшила та самая печать, на которую вы негодуете, и наступить, конечно, пора, когда вы станете повторять слова этой печати, какъ повторяете нынче то, что та-же печать писала двадцать лѣтъ назадъ о неустройствахъ нашего земледѣлія, о желѣзныхъ дорогахъ и подъѣздныхъ путяхъ.

Н. Ш.

ЭПИЛОГЪ ТУНИССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА).

I.

Мы уже сообщали нашимъ читателямъ о перипетіяхъ тунисской экспедиціи. Мы слѣдили за генераломъ Форжемолемъ во время его смѣлой охоты за жалкими стадами бедуиновъ, бѣжавшихъ, безъ оглядки, при одномъ его приближеніи; мы видѣли, какъ онъ бомбардировалъ укрѣпленія, лишенные гарнизоновъ, бралъ города, которые не сопротивлялись, взбирался на неприступныя высоты, сопровождаемый грохотомъ орудій и не получая въ отвѣтъ ни одного ружейнаго выстрѣла; видѣли, какъ онъ наводилъ повсюду ужасъ, сжигая по пути дома и хижины и, за недостаткомъ крумировъ, кроша безъ пощады ихъ быковъ и барановъ. Мы присутствовали, наконецъ, въ видѣ заключенія этой серіи доблестныхъ подвиговъ, при вторженіи его въ приемную залу бея, гдѣ тунисскаго властителя взяли, такъ-сказать, за горло и заставили подписать, подъ видомъ договора о союзѣ, трактатъ о порабощеніи.

Для совершенія этой, безпримѣрной въ хроникѣ военныхъ подвиговъ, кампаніи, потребовалось не болѣе 40,000 человекъ, вооруженныхъ грасовскими ружьями и прикрываемыхъ небольшою броненосною эскадрой.

Слава побѣдителя была полная; ему не доставало, впрочемъ, одного, а именно: встрѣчи съ непріателемъ, если не считать дряхлаго и больного старичка, встрѣченнаго въ мечети и едва не умершаго отъ страха, когда его застигли за мирнымъ занятіемъ перебирания четокъ.

А между тѣмъ, какіе богатые результаты! Дѣло о земляхъ Эяфиды приближается, наконецъ, къ своему желанному рѣшенію. Желѣзнодорожныя концессіи, къ которымъ стремились иностран-

ныя державы, будутъ обезпечены за французскими предпринимателями: вотъ что завоевали мы одновременно со славой, добытой нашими штыками.

Во что-же обошлось намъ все это?

Пустяки, не болѣе 60-ти милліоновъ и нѣсколько десятковъ убитыхъ людей. Мы, французы, никогда не считаемъ своихъ мертвецовъ. Шестдесятъ милліоновъ истрчено для того, чтобы доставить возможность какимъ-нибудь биржевикамъ нажать милліоновъ двадцать. По-истинѣ можно замѣтить, что если мы мало знакомы съ географіей, зато весьма свѣдуши по части ариеметики.

Поэтому нашъ достойный министръ Бартеlemi Сентъ-Илеръ не помнитъ себя отъ радости. Договоръ, заключенный въ Бордо, помолодилъ его на нѣсколько лѣтъ. Этотъ восьмидесятилѣтній старецъ изумляетъ міръ обиліемъ своихъ циркуляровъ и наивностію своихъ чувствъ. «Завоевать Тунисъ! восклицаетъ онъ.—Никогда! Наши три милліона алжирцевъ доставляютъ намъ и безъ того не мало хлопотъ, и присоединеніе къ нимъ еще двухъ милліоновъ мусульманъ—совершенно излишне. Относительно Туниса все честолюбіе наше ограничивается желаніемъ помочь ему, насколько это отъ насъ зависитъ,—усвоить себѣ блага цивилизаціи». Совершенно такой-же мотивъ выставялъ, въ свое время, Гладстонъ, оправдываясь по случаю присоединенія Кипра и признавая, въ то-же время, всю опасность и вредъ подобнаго примѣра другимъ народамъ. «Даже съ практической точки зрѣнія, замѣчаетъ «Times»,—англо-турецкая конвенція не достигала цѣли. Но самымъ сильнымъ доводомъ противъ возвращенія Кипра можетъ служить то, что невозможно предать его снова въ руки плохого управленія турецкаго правительства».

Итакъ, Англія оставитъ за собою Кипръ, а Бартеlemi Сентъ-Илеръ, также изъ филантропическихъ побужденій, будетъ оказывать *покровительство* Тунису. Правда, въ нашъ себялюбивый вѣкъ мало вѣрятъ такому безкорыстію. Бартеlemi Сентъ-Илеръ также свѣтуетъ на это, но затѣмъ прибавляетъ: «Убѣжденные въ собственныхъ благихъ намѣреніяхъ, мы твердо вѣримъ, что и другіе не замедлятъ повѣрить имъ».

Не теряя золотого времени, французское правительство принимается за дѣло и начинаетъ съ изданія декрета, предоставляющаго нашему консулу Рустану веденіе политическихъ дѣлъ регентства. Отнынѣ онъ будетъ непосредственно сноситься съ державами. Но для этого необходимо согласіе державъ, а это дѣло щекотливое, такъ-какъ требуется, чтобы онѣ признали до-

говоръ 12-го мая, т. е. протекторатъ Франціи надъ Тунисомъ, въ которомъ державы видятъ ничто иное, какъ замаскированное завоеваніе. Бартелеми Сентъ-Илеръ, какъ человѣкъ миролюбивый, берется все это устроить. Обращаясь къ англійскому правительству, онъ говоритъ: «достаточно было-бы, чтобы англійскій консулъ въ Тунисѣ видѣлъ въ лицѣ г. Руста́на не французскаго представителя, а министра бей». Какъ видите, это было-бы не трудно, и англійскому представителю стоило-бы только не забывать титуловать г. Руста́на, въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, «превосходительствомъ», чтобы избавить свое правительство отъ затрудненій. Боялись-ли за разсѣянность англійскаго консула и за то, что простая забывчивость могла-бы въ этомъ случаѣ повести къ важнымъ европейскимъ затрудненіямъ,—осталось неизвѣстнымъ. Какъ-бы то ни было, простое и остроумное предложеніе Бартелеми Сентъ-Илера принято не было. Тогда рѣшили, что назначеніе Руста́на будетъ частнымъ дѣломъ, между Франціей и беемъ. Этотъ послѣдній можетъ, если пожелаетъ, допустить новаго союзника до контроля международныхъ дѣлъ своего правительства, но эта сдѣлка не будетъ касаться прочихъ державъ. Эти державы не обязаны принимать ее къ свѣденію, а представители ихъ будутъ продолжать по-прежнему свои сношенія съ беемъ, у котораго, какъ и всегда, будутъ имѣть аудіенціи.

Правда, не нужно большой проницательности, чтобы видѣть, что эти аудіенціи будутъ пустою формальностью, а все сказанное консулами будетъ въ точности доложено министру-резиденту, которому и будетъ принадлежать рѣшающій голосъ. Иначе говоря, въ регентствѣ будетъ два государя: одинъ фактивный, т. е. бей, другой—дѣйствительный, т. е. г. Руста́нъ. На практикѣ-же бей будетъ исполнять, по отношенію къ Руста́ну, обязанности конституціоннаго министра: онъ будетъ принимать посланниковъ и передавать ихъ предложенія дѣйствительному повелителю.

Какъ-бы мы ни отнеслись къ такому *modus vivendi*, но оно положило конецъ затрудненіямъ англійскаго правительства. Не проходило дня, чтобы сэръ Чарльзъ Дилькъ не былъ вынужденъ вѣдаться съ какимъ-нибудь новымъ запросчикомъ, который задавалъ ему затруднительные вопросы по поводу Руста́на и его обязанностей. Отнынѣ онъ можетъ отвѣчать, что ничто не измѣнилось въ Регентствѣ, что бей по-прежнему принимаетъ англійскаго консула и что въ британскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ продолжаютъ ничего не вѣдать о договорѣ 12-го мая и г. Руста́нъ.

Какая, однако-же, прекрасная вещь дипломатія и какая ума палата въ головахъ гг. дипломатовъ! Итакъ, дѣло съ Англiей и другими державами, въ особенности съ Германiей, улажено; мы уже указывали въ предъидущей хроникѣ на мотивы, заставляющіе Германiю заранѣе все одобрять. Въ Италиі, само собою разумѣется, нельзя было рассчитывать встрѣтить одинаковую готовность. Договоръ, заключенный въ Бордо, повлекъ за собою паденіе министерства Кайроли, и первымъ дѣломъ его преемника было пригласить европейскія державы собраться на конгрессъ, для обсужденія тунисскаго вопроса. Но одного слова Бисмарка было достаточно, чтобы заставить его спрятать когти, и европейскій миръ былъ обезпеченъ.

Въ Тунисѣ, между тѣмъ, все обстояло благополучно. Рустанъ уже пожиналъ плоды новаго положенія дѣлъ. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующая телеграмма агентства Гавась отъ 6-го іюня: «Правительство бей, читаемъ мы въ ней,—только-что окончательно устранило претензіи кампаніи Рубаттино, а также и послѣднія препятствія къ постройкѣ станціи въ Гамманъ-Лиофъ, первомъ пунктѣ на Сагельской линіи. Это рѣшеніе доказываетъ, что тунисское правительство намѣрено выполнить обязательства, принятыя имъ трактатомъ 12-го мая. Того требуетъ его интересъ, еще въ большей степени, чѣмъ нашъ собственный».

Все это прекрасно, возражали на это. Но не полагаете-ли, что какъ только мы повернемъ спину и бей перестанетъ чувствовать давленіе нашихъ штыковъ, всѣ обѣщанія будутъ забыты, а концессіи взяты назадъ? Таковъ обычай мусульманскихъ странъ, и можемъ-ли мы упрекать ихъ за него? Если добродѣтель сильнаго заключается въ захватъ и насилиі, то почему бы не считать криводушія добродѣтелью слабого?

И кто знаетъ, быть можетъ, бей, повернувъ фронтъ, нацѣлится и поддержку въ лицѣ этихъ крумировъ, до сихъ поръ незримыхъ, но могущихъ появиться, чтобы выместить на поселенцахъ свою злобу за раззореніе страны, за сожженную жатву, за оскверненіе святыни.

Сверхъ того, на мароккской границѣ и среди горно-алжирскихъ племенъ также проявились весьма ясныя признаки возмущенія. Съ своей стороны и Турція грозила послать вслѣдъ за нами свой флотъ, а въ Триполи, какъ слышно, дѣйствовала турецкая подпольная интрига. Наконецъ, не слышимъ-ли мы со всѣхъ сторонъ о возбужденіи мусульманскаго фанатизма, имѣющимъ исходной точкой Константинополь и грозящемъ распро-

страниться на весь мусульманскій міръ, причѣмъ первымъ дѣломъ будетъ изгнаніе французовъ изъ Африки?

«Пустяки, отвѣчали на все это наши правители.—Такия хи-мерическія опасенія могутъ рождаться лишь въ мозгахъ, одержимыхъ мономаніей пессимизма или непримиримости. Какая серьезная опасность можетъ грозить намъ?

Турція находится при послѣднемъ издыханіи. Арабы поражены. Мустафа—нашъ другъ, и самъ Бисмаркъ оказываетъ намъ покровительство».

О, святая простота нашихъ государственныхъ людей! Бисмаркъ является нашимъ ангеломъ-хранителемъ и совѣтникомъ. Если когда-нибудь исчезнетъ маккиавелизмъ, то, безъ сомнѣнія, не подъ черепной крышкой Бартеlemi Сентъ-Илера придется искать его.

А между тѣмъ, онъ еще самый хитроумный изъ всѣхъ нашихъ министровъ. Если онъ дошелъ до того, что цѣлуетъ ручку у Бисмарка, подобно тому, какъ Литре пожелалъ (какъ увѣряютъ нѣкоторые) креститься на старости лѣтъ, то это простительно, когда человѣку исполнилось уже 80 лѣтъ. По крайней-мѣрѣ честный старикъ сохраняетъ въ своемъ размягчающемся мозгѣ хоть проблески разсудка. Приведемъ тому доказательство:

30-го іюня, приглашенный предсѣдательствовать на земледѣльской выставкѣ въ Версалѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ, въ длинной рѣчи, развилъ свои надежды и пытался убѣдить въ ихъ сбыточности и своихъ слушателей: «Будьте увѣрены, сказалъ онъ имъ,—что недалеко то время, когда, вслѣдствіе превратности всего земного, вы получите вознагражденіе за всѣ труды ваши!»

Продолжаемъ (вотъ здѣсь-то и проблескъ): «Не теряйте мужества и вѣрьте въ торжество труда и настойчивости, одолѣть которые ничто не въ силахъ. Вамъ остается только быть вѣрными себѣ и бороться противъ испытаній, чрезъ которыя проходитъ въ настоящую минуту земледѣіе, подобно тому, какъ боролась вы десять лѣтъ тому назадъ, противъ еще болѣе горькихъ испытаній, пережитыхъ родиной. Васъ ожидаетъ такой же успѣхъ, какъ и тогда!»

Успѣхъ 1870 г.! Спасибо за предсказаніе! До какой степени Бартеlemi Сентъ-Илеръ оказался въ этотъ день проинципальнымъ, мы увидимъ впоследствии. Намъ придется еще вернуться въ другой разъ къ алжирскому вопросу, а теперь займемся фактомъ, который поглощалъ вниманіе нашей публики за послѣдніе дни.

II.

Спокойные и довольные, французскіе министры ни о чемъ не помышляли, кромѣ того, чтобы достойно отпраздновать ожидавшееся прибытіе Мустафы и отозвать войска изъ Туниса.

16-го іюня министръ бея ступилъ на французскую почву, среди восторженныхъ кликовъ толпы, которая еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ проклинала его имя, а на другой день первые полки побѣдоносной арміи высадились также на родную землю. Марсельское населеніе высыпало на встрѣчу этимъ храбрецамъ. Несмотря на ранній утренній часъ, набережная была усыпана народомъ, и когда появились первые ряды солдатъ генерала Венсендона, восторгамъ не было конца. По всему пути, отъ «*gare de la République*» и «*Capnebiège*» почти до самыхъ казармъ, не смолкало восторженное «ура», трубы играли Марсельезу, а дамы въ утреннихъ костюмахъ тѣснились у оконъ и на балконахъ, махали платками и засыпали солдатъ цвѣтами.

Въ такихъ выраженіяхъ сообщалъ телеграфъ о встрѣчѣ войскъ, и это описаніе не было преувеличеннымъ. Только осталось незамѣченнымъ, съ перваго взгляда, маленькое обстоятельство. Въ ту минуту, какъ передніе ряды колонны выходили изъ улицы Республики на набережную, близъ гавани, и поровнялись съ домомъ итальянскаго клуба, раздались громкіе свистки. Обратившись къ членамъ клуба, стоявшимъ на балконѣ перваго этажа, генералъ Венсендонъ сказалъ громкимъ голосомъ: «Благодарю, господа итальянцы!» Въ ту-же минуту послышались горячіе протесты противъ свистковъ; со всѣхъ сторонъ кричали: «да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!» И, между тѣмъ какъ войска продолжали свой путь, толпа быстро стекалась къ этому мѣсту. Члены клуба ушли съ балкона при крикахъ и шиканѣ толпы и принуждены были скрыться чрезъ боковую дверь. Одинъ изъ нихъ былъ узнавъ, и его долженъ былъ защищать отъ раздраженной толпы полицейскій служитель.

Съ этой минуты волненіе постоянно росло. Толпа прибывала и дошла, наконецъ, до пятнадцатитысячъ человѣкъ, когда полиція явилась очистить улицу. Толпа потребовала, чтобы гербовый щитъ съ надписью «*Club nazionale italiano*» былъ снятъ. Префектъ департамента Устьевъ Роны, г. Пубелль, поспѣшилъ на мѣсто происшествія и пытался разсвѣять толпу, вмѣстѣ съ центральнымъ комиссаромъ, г. Галліаномъ. Эти почтенныя должностныя лица убѣждали толпу, говоря, что члены клуба должны нести

всю отвѣтственность за только-что совершенное преступное дѣйствіе. Если ихъ виновность будетъ признана, (а это весьма вѣроятно, такъ-какъ они вызвали беспорядки), то власти приступать къ немедленному закрытію клуба.

Но эти разумныя рѣчи не оказали надлежащаго дѣйствія, и крики: «долой гербъ! Снимите гербъ!» не прекращались. Въ то-же время двое молодыхъ людей, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, влѣзаютъ на сосѣдній домъ и пробираются оттуда къ балкону, чтобы снять предметъ спора. Начальство, увидѣвъ это, быстро вмѣшивается въ дѣло. Комиссаръ, сопровождаемый нѣсколькими полицейскими, входятъ въ клубъ и появляется на балконѣ, одновременно съ молодыми людьми. Смущенные этимъ неожиданнымъ появленіемъ, юноши отступаютъ и исчезаютъ въ окно нижняго этажа. Тогда комиссаръ возвращается въ клубъ и приглашаетъ предсѣдателя и двухъ-трехъ находившихся съ нимъ членовъ клуба снять гербъ, чтобы успокоить взволнованную толпу. Предсѣдатель отвѣчаетъ положительнымъ отказомъ, объявляя, что онъ у себя дома и не обязанъ выслушивать ни отъ кого приказаній. «Я долженъ замѣтить, сказалъ ему комиссаръ,— что ваше рѣшеніе можетъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія». — «Это мнѣ рѣшительно все равно, возразилъ предсѣдатель клуба,— гербъ останется тамъ, гдѣ онъ есть».

Послѣ новыхъ и безплодныхъ убѣжденій, комиссаръ объявилъ, что предсѣдатель долженъ нести полную отвѣтственность, начиная съ этой минуты. Затѣмъ онъ вышелъ на балконъ и снова попробовалъ убѣдить толпу разойтись. Ему отвѣчали такимъ же шиканьемъ, какое постигло итальянцевъ.

Между тѣмъ, и муниципалитетъ, въ лицѣ нѣсколькихъ помощниковъ и совѣтниковъ, опоясавшихся трехцвѣтными шарфами, также явился на мѣсто дѣйствія. Представители муниципалитета высказываются въ пользу снятія герба; префектъ отстаиваетъ противоположное мнѣніе. Наконецъ, рѣшаютъ отправиться къ итальянскому консулу, чтобы просить его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Однако, нельзя не принять какихъ-либо мѣръ съ этой раздраженной толпой. Вставъ на стулья, вмѣсто трибуны, члены городского совѣта съ величайшимъ трудомъ сдерживали толпу. Наконецъ, послѣ горячаго спора, на балконѣ клуба появляется помощникъ Желю и совѣтникъ Кастанъ. Эти господа соединенными усиліями схватываютъ ненавистную дощечку, врутять, бьютъ ее и, наконецъ, срываютъ при бѣшеныхъ кликахъ одобренія. Затѣмъ, обратившись къ толпѣ, одинъ изъ мужественныхъ гражданъ сказалъ: «Вы удовлетворены, граждане, разойдитесь - же.

Да здравствуетъ республика!» Толпа аплодируетъ, но все-таки не расходится. Полиціи приказано очистить улицу, а такъ-какъ ея усилія оказываются недостаточными, то призываютъ на помощь пѣшихъ жандармовъ. Ихъ встрѣчаютъ ропотомъ. Какой-то жандармъ, слишкомъ прижатый толпой, обнажаетъ саблю. На него бросаются, и общее столкновение было-бы неминуемо, если-бы муниципальные совѣтники не бросились между жандармами и толпой.

Взводъ гусаръ спѣшитъ на мѣсто происшествія; за нимъ слѣдуютъ нѣсколько конныхъ жандармскихъ бригадъ. Двѣ роты линейныхъ войскъ являются съ другой стороны. Наконецъ, окрестности «*quai de la République*» освобождены отъ толпы, улицу окружаютъ и проходъ по ней запрещенъ. Многочисленные патрули снуютъ по городу во всѣхъ направленіяхъ и всѣ войска получили приказъ быть на готовѣ.

«Утро вечера мудренѣе», говоритъ пословица. Но пословицы не всегда говорятъ правду, и относительно только-что приведенной можно было опасаться самаго рѣшительнаго опроверженія на слѣдующій день. 17-е число обошлось безъ серьезныхъ столкновений. Впрочемъ, нѣсколько итальянцевъ-рабочихъ потерпѣли оскорбленія въ разныхъ мѣстахъ города. Шайка уличныхъ негодяевъ вздумала охотиться за итальянцами, осыпая ихъ ударами и купая ихъ въ резервуарахъ фонтановъ. Полиція скоро настигла и разогнала этихъ сорванцовъ. Но кто видѣлъ вблизи итальянскаго простолюдина, тотъ пойметъ, что дѣло не могло на этомъ остановиться. Для этихъ буйныхъ и мстительныхъ натуръ одного слова достаточно, чтобы пустить въ ходъ ножи, а когда они пущены, остановить ихъ не легко. Уже вечеромъ того дня нѣсколько итальянскихъ рабочихъ прибѣгли къ любимому оружію.

Около полуночи, какой-то кучеръ, состоявшій при омнибусѣ, возвращался къ себѣ, какъ вдругъ, на *boulevard de la Paix*, его остановили трое итальянцевъ, спрашивая, не французъ-ли онъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, кучера пригласили выпить стакачикъ, на что онъ имѣлъ неосторожность согласиться. Выпивъ вмѣстѣ съ нимъ, итальянцы уходятъ, караулить его у входа и, затѣмъ, настигнувъ на большой дорогѣ, ведущей въ Э, предательски нападаютъ на него съ ножами въ рукахъ. Это было первымъ предостереженіемъ.

Утромъ, 18-го іюня, не произошло ничего крупнаго, если не считать изряднаго количества ударовъ палками и кулаками, тычковыхъ, раззоренныхъ рыбныхъ и раковинныхъ лавочекъ и свист-

ковъ предъ домомъ итальянскаго консульства, скоро прекращенныхъ полиціей.

Относительное спокойствіе продолжалось до вечера, т. е. до окончанія работъ въ мастерскихъ.

Тогда являются на сцену ножи. Въ 8 час. вечера молодой человекъ, 21 года, дѣлается первой жертвой. Израненаго, его несутъ въ госпиталь, но онъ умираетъ на пути. На Таможенной площади пять проходившихъ молодыхъ людей окружены двадцатью итальянцами. Двое изъ молодыхъ людей падаютъ, обливаясь кровью. Съ каждою минутою положеніе обостряется все болѣе и болѣе. На различныхъ пунктахъ собираются толпы. По улицамъ расхаживаютъ цѣлыя шайки людей, съ самымъ вызывающимъ видомъ. Одна изъ такихъ шайекъ, состоявшая изъ молодыхъ итальянцевъ, вступаетъ въ ссору и драку съ молодыми марсельцами. Слѣдуетъ общая свалка. Является полиція, разгоняетъ бойцовъ и подбираетъ раненыхъ. Одинъ изъ нихъ, винный торговецъ Гарвенъ, получилъ ударъ кинжаломъ въ лѣвый бокъ и находится въ отчаянномъ положеніи. Почти одновременно съ этими происшествіями, на Place des Huiles, два француза получаютъ удары ножомъ: одинъ въ шею, сзади, а другой—въ животъ. У послѣдняго вываливаются изъ раны внутренности.

Посылаютъ войска къ мѣстамъ, гдѣ всего болѣе можно было ожидать столкновеній. Въ кварталѣ Маріи, особенно густо заселенномъ итальянцами, солдаты встрѣчаютъ выстрѣлами изъ револьверовъ. Одинъ изъ нихъ падаетъ мертвымъ. На Новой площади полицію встрѣчаютъ градомъ пустыхъ бутылокъ, черепицъ, котловъ, ступей и утвари всякаго рода, выбрасываемыхъ изъ оконъ и съ крышъ домовъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ итальянцы лили зажженный керосинъ.

Семнадцать раненыхъ было отнесено въ госпиталь Hôtel Dieu; изъ нихъ двое были уже въ агоніи. Одинъ умеръ въ томъ-же госпиталѣ, двое въ Моргѣ. Одинъ линейный солдатъ умеръ отъ ранъ, двое другихъ были отнесены въ казармы, гдѣ вскорѣ также умерли. Арестовано 125 человекъ. Таковъ бюллетень этого перваго дня.

На слѣдующій день, въ воскресенье, мастерскія были закрыты, а потому безпорядки должны были возобновиться съ новой силой. Впрочемъ, кровавыя сцены продолжались и въ ночь съ субботы на воскресенье.

Лучи утренняго солнца освѣтили печальное зрѣлище. Нѣкоторыя улицы имѣли, въ особенности, ужасающій видъ: на тротуарахъ и на мостовой виднѣлись всякаго рода и вида осколки,

посреди цѣлыхъ лужъ запекшейся крови, исполосовавшей своими зловѣщими ручьями сърую уличную пыль. Около госпиталя собралась толпа друзей и родныхъ пострадавшихъ раненыхъ или убитыхъ. На всѣхъ лицахъ замѣчались глубокая грусть и мрачное уныніе. Съ самаго ранняго утра многочисленныя группы людей видѣлись у всѣхъ кофеенъ на улицѣ Республики и Каннеберъ.

Толпа на этихъ двухъ большихъ улицахъ была грозная и густая. Слышны были горячія рѣчи, по поводу городскихъ событій. Говорили о необходимости войны, о томъ, что слѣдуетъ немедленно отомстить... Всякій разъ, какъ полиція вела нарушителя спокойствія—итальянца, раздавались крики: «въ воду его, въ воду!» Потребовалось не мало энергіи, чтобы спасти ихъ отъ разсвирѣпѣвшей толпы. Была минута, когда скопище въ 3,000 человекъ собралось, чтобы обыскать сосѣднія улицы. Къ счастью, подоспѣло значительное количество войскъ. Начальникъ этихъ войскъ обратился къ собравшимся, призывая къ умѣренности и спокойствію. Большая часть отказалась отъ своего намѣренія. Въ мѣри получено было извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ кварталахъ, на примѣръ, въ Belle de Mai, преимущественно заселенныхъ итальянцами, господствуетъ сильнѣйшее возбужденіе. Въ то-же время распространился слухъ, что французы, живущіе въ этихъ кварталахъ, рискуютъ быть перебитыми. Немедленно образуется банда изъ 2,000 человекъ и, съ пѣніемъ Марсельезы, отправляется изъ центра города защищать французовъ.

Между тѣмъ, молодежь во всѣхъ угрожаемыхъ кварталахъ поднялась и, вооружившись чѣмъ попало, готова была бить, въ свою очередь, при первой угрозѣ. Тогда горе итальянцу, въ рукахъ котораго замѣчали ножъ.

Въ Cours Belzance какой-то итальянецъ, въ нетрезвомъ видѣ, махалъ длиннѣйшимъ ножомъ. Увидавъ это, толпа бросается на него, вырываетъ ножъ и осыпаетъ ударами. Итальянцу удается спастись въ Café de la croix de Malte. Возбѣшенная толпа бросается за нимъ слѣдомъ: оконныя и зеркальныя стекла, станы и столы—все летитъ въ дребезги. Несчастнаго схватываютъ, вытаскиваютъ изъ кофейни и оставляютъ только тогда, когда подоспѣла полиція. Ему разбили черепъ, и онъ едва дышалъ. Въ свалку попали дѣти. Ихъ сшибли съ ногъ и затоптали. Одна дѣвочка лѣтъ 12-ти была буквально истолчена, и ее унесли при послѣднемъ издыханіи.

Волненіе росло, и скоро нападеніямъ стали подвергаться вполне безобидные люди. Достаточно было появиться на улицѣ въ

итальянской шляпѣ, чтобы подвергнуться гнѣву толпы. Какой-то башмачникъ проходилъ, держа въ рукахъ рѣзакъ, который несъ изъ починки. Его приняли за итальянца и, если-бы не солдаты, избили-бы до смерти.

Приведу еще одинъ фактъ, который завершитъ картину возбужденія умовъ.

Пять молодыхъ людей, изъ которыхъ два брата, по фамилиі Бессонъ, спокойно проходили по улицѣ Сентъ-Барбъ, какъ вдругъ они замѣчаютъ группу людей, ссорившихся у входа въ шинокъ. Это были итальянцы. Одинъ изъ Бессоновъ и сопровождавшіе его товарищи вмѣшиваются въ дѣло. Тогда ссора мѣняетъ характеръ и итальянцы бросаются на французовъ. Затѣмъ началась сцена, достойная дикарей. Во время свалки Бессонъ падаетъ ничкомъ на землю. Итальянецъ вынимаетъ ножъ и запускаетъ его въ спину молодого человѣка, причемъ спинной столбъ былъ буквально перерѣзанъ. Но этого было мало. Другой, мальчикъ лѣтъ 16-ти, схватываетъ кружку и вбиваетъ ею ножъ въ открытую рану. Лезвіе сломалось въ ранѣ. Крики товарищей несчастной жертвы привлекаютъ толпу. При видѣ страшныхъ судорогъ окровавленнаго молодого человѣка, толпа громко выражаетъ свое негодованіе и бросается за итальянцами, которымъ удалось укрыться въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ они и забаррикадировались.

Началась настоящая осада этого дома разъяренной толпой. Итальянцы, сообразивъ, что дверь, въ концѣ-концовъ, будетъ выломлена, взобрались на крышу и, вооружившись камнями и черепицей, сыпали ими на осаждающихъ.

Услышавъ шумъ, жандармы вышли изъ своихъ казармъ и пытались очистить улицу. Но нападеніе распространилось и на нихъ. Одинъ изъ жандармовъ былъ раненъ. Командовавшій отрядомъ чуть-было не получилъ на голову цѣлую трубу, брошенную въ него и разбившуюся у его ногъ. Только съ величайшимъ трудомъ удалось военной силѣ очистить и окружить улицу Sainte-Barbe, а также и сосѣднія улицы, для произведенія обысковъ и арестованія виновниковъ нападенія.

Замѣтимъ къ чести итальянской колоніи въ Марсели, что въ тотъ-же день многочисленныя подписи покрывали адреса, въ которыхъ выражалось живѣйшее негодованіе, по поводу варварскихъ сценъ, и протестъ противъ манифестантовъ итальянскаго клуба, на которыхъ и слагалась вся отвѣтственность. Даже предсѣдатель клуба потерялъ свою заносчивость и пытался извиниться въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, а итальянскій консулъ, продолжая оставаться незримымъ, издалъ воззваніе къ

своимъ соотечественникамъ, призывая ихъ къ миру и спокойствію. Съ своей стороны, «федерация синдикальныхъ палатъ» созвала чрезвычайное собраніе для составленія слѣдующаго манифеста:

«Рабочимъ социалистамъ всего міра! Марсельская федерация синдикальныхъ палатъ, проникнутая тяжелымъ впечатлѣніемъ смуть, происходившихъ въ нашемъ городѣ и причинившихъ смерть нѣсколькимъ гражданамъ, не считая множества раненыхъ, какъ французовъ, такъ и итальянцевъ, спѣшитъ исполнить долгъ свой, громко отвергая всѣ угрозы и насилія, совершенныя лицами, не принадлежащими ни къ одной изъ рабочихъ корпорацій, группирующихся вокругъ знамени социальной республики.

«Рабочіе! Сомнейте ряды и будемъ внимать лишь голосу братьевъ нашихъ, которыхъ знаемъ и которые дѣйствуютъ открыто, заслуживая тѣмъ самымъ наше довѣріе».

Въ то-же время властями были приняты чрезвычайныя мѣры для охраненія общественной безопасности.

Префектъ, по соглашенію съ мѣромъ, рѣшилъ раздѣлить городъ на десять округовъ; въ каждомъ изъ нихъ долженъ находиться одинъ изъ помощниковъ мэра. Эти помощники должны были обходить свои округа, въ сопровожденіи полицейскихъ комиссаровъ, отрядовъ полицейскихъ служителей, патрулей таможенной стражи и конныхъ артиллеристовъ. Сверхъ того, всѣ важные пункты должны быть заняты резервами. Наконецъ, должны быть призваны войска изъ другихъ мѣстъ для усиленія марсельскаго гарнизона. Однимъ словомъ, были приняты всѣ цѣлесообразныя мѣры, въ томъ числѣ закрытіе кабаковъ и кафе по вечерамъ, и итальянскаго національнаго клуба. Только одна мѣра была обойдена: я разумѣю созваніе національной гвардіи, распушенной правительствомъ Тьера. Безъ сомнѣнія, многіе пожалѣли о ней, потому-что одна эта мѣра была-бы дѣйствительнѣе всѣхъ остальныхъ. Дѣло въ томъ, что сцены, происходившія въ субботу и въ воскресенье, продолжались и два слѣдующіе дня. Наконецъ, въ среду, спокойствіе казалось исполнѣе восстановленнымъ, когда распространился слухъ о пожарахъ, одновременно вспыхнувшихъ въ разныхъ мѣстахъ города. Два дня передъ тѣмъ, подпольныя прокламаціи объявили, что будутъ подожжены разные заводы, и дѣйствительно угроза была приведена въ исполненіе. Пожаръ начался съ маслобойни г. Гонели, и когда прибыла пожарная команда—было уже слишкомъ поздно—все сгорѣло. Другой пожаръ вспыхнулъ въ улицѣ de l'Etrier, гдѣ была окончательно уничтожена крупорушка. Третій пожаръ

вспыхнулъ въ зерновыхъ складахъ, находящихся близъ доковъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ рабочимъ удалось задушить огонь, забрасывая его мѣшками съ зерномъ.

Таковъ былъ послѣдній эпизодъ драмы, въ которой глупость соперничала со звѣрствомъ. Того-же рода беспорядки повторились и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Парижѣ было нѣсколько дракъ между французскими и итальянскими рабочими. Въ Шуазиле-Руа двое обывателей пало подъ ударами ножа одного итальянца, безъ малѣйшаго вызова со стороны жертвъ. Въ Нанси одному рабочему проломили черепъ. Въ Жуаньи одинъ итальянецъ закололъ ножомъ челоуѣка, съ которымъ только-что предъ тѣмъ поссорился. Два подобныхъ-же преступленія совершены были въ Дубсѣ, въ желѣзно-дорожной мастерской.

III.

Едва успѣли дойти до Италіи первыя извѣстія о марсельскихъ беспорядкахъ, какъ волненіе охватило всѣхъ. Итальянцы завипѣли, что и понятно въ такой знойной странѣ, при средней температурѣ въ 40 градусовъ въ тѣни.

Въ Римѣ немедленно потребовали объясненій у министерства. Въ засѣданіи, происходившемъ въ понедѣльникъ, узнали, что кровавыя столкновенія продолжались и въ воскресенье и что снова были убитые и раненые. Это возбудило бурю негодованія, породило цѣлый рядъ запросовъ. При нѣкоторомъ хладнокровіи, господа депутаты могли-бы избѣжать излишней порчи крови, потому-что нетрудно было разобрать, откуда исходилъ починъ беспорядковъ и на которой сторонѣ пало болѣе жертвъ. Но мудро спокойно обсуждать дѣла въ этой временной залѣ, которая вмѣщаетъ въ себѣ итальянскій парламентъ, пока воздвигнуть для него Palazzo del Parlamento, имѣющій быть построеннымъ на мѣстѣ садовъ Саллюстія и къ которому обѣщано приступить въ 1890 г. Нынѣшнее-же помѣщеніе — совершенная теплица. Днемъ палятъ въ немъ солнце, а вечеромъ жарить газъ. И вотъ, при такихъ-то условіяхъ, злосчастные итальянскіе депутаты обречены, съ утра до вечера, обсуждать вопросъ объ избирательной реформѣ и проклинать марсельцевъ. Не извинительны-ли послѣ того различныя завирательства и излишества въ рѣчахъ?

Къ счастью, рядомъ съ недугомъ существуетъ и лекарство. Въ извѣстную минуту самыя грозныя бури стихаютъ. Истомленные и почти задыхающіеся, одинъ за другимъ изнемогаютъ депутаты, и послѣ раскатовъ грома раздается дружное храпѣніе. Если это

случается въ палатѣ, то въ сенатѣ оно даже и неудивительно. Все искусство министра должно заключаться въ выжиданіи патологическаго момента, а затѣмъ уже нѣтъ ничего легче провести какое-угодно голосованіе и остановить какой-бы то ни было кризисъ. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Манчини, хорошо это понялъ и, увидѣвъ, что Морфей овладѣлъ всѣми сканьями, закрылъ засѣданіе. Между тѣмъ, за предѣлами парламента волненіе было сильное и продолжалось весь вечеръ. Повсюду, на улицахъ, на расхватъ раскупались газеты, чтобы прочесть извѣстія изъ Марсели. Повсюду виднѣлись оживленные группы людей, серьезно обсуждавшихъ возможность войны съ Франціей.

Въ 9 часовъ вечера музыка играла, по обыкновенію, на площади Navone. Скоро къ этому мѣсту является толпа въ двѣсти или триста человѣкъ и проситъ музыкантовъ идти впереди. Всѣ спрашиваютъ себя—для чего. Не собираются-ли эти люди переходить чрезъ Альпы, при звукѣ трубы, не идутъ-ли они отвоевывать Ницу или просто отправляются на помощь къ своимъ братьямъ, которые рѣжутъ нашихъ марсельскихъ земляковъ? Это никому неизвѣстно. Въ такомъ-же невѣденіи пребываютъ и музыканты. Какъ-бы то ни было, они довѣрчиво становятся во главѣ колонны, которую ведетъ какой-то человѣкъ съ рѣшительнымъ видомъ.

Дойдя до площади Gaetani, эти люди останавливаются предъ домомъ, гдѣ живетъ графъ Піанчіани, и немедленно раздаются продолжительные виваты. Какая ихъ причина и кто такой этотъ графъ? Ужъ не новый-ли Гарибальди, который поведетъ будущую экспедицію? Я могу сообщить только, что графъ Піанчіани—бывшій римскій мэръ, а нынѣ депутатъ итальянской палаты. Наканунѣ того дня, его выбрали въ муниципальный совѣтъ. Манифестація имѣетъ цѣлю отпраздновать эту побѣду. Нельзя не сказать, что римскіе депутаты довольствуются малымъ.

Изъ тринадцати новыхъ совѣтниковъ только одинъ Піанчіани принадлежитъ къ числу либераловъ, остальные двѣнадцать—консерваторы. Неужели-же стоило производить манифестацію по случаю такихъ жалкихъ результатовъ?

Повидимому, дѣло было условлено заранѣе, потому-что благородный графъ ожидалъ манифестантовъ. Уже съ первыхъ виватовъ онъ появился на балконѣ и, освѣщенный двумя керосиновыми лампами, обратился къ толпѣ съ рѣчью, направленной противъ вчерашнихъ побѣдителей, т. е. клерикаловъ.

Когда рѣчь была кончена, колонна, оставивъ графа на его балконѣ, направилась по Корсо. Тогда человѣкъ съ рѣшитель-

нымъ видомъ, предводительствовавшій колонной, внезапно закричалъ: «долой Францію!» Это, какъ видно, должно было служить сигналомъ, потому что другіе голоса закричали въ отвѣтъ: «долой французовъ! Да здравствуетъ Седанъ! Да здравствуютъ Сицилійскія вечерни! Отмстимъ за марсельскихъ братьевъ!»—Толпа рукоплескала. Затѣмъ въ полголоса былъ отданъ пароль, и по рядамъ пробѣжали слова: «ко дворцу Фарнезе! Къ французскому посольству!»

Процессія двинулась чрезъ площадь Колонна ко дворцу Фарнезе, при звукахъ королевскаго марша и гимна Гарибальди. Но путь былъ не близкій, и власти успѣли принять мѣры. Явившись на площадь Капроника, колонна встрѣтила тамъ кордонъ полицейскихъ и карабинеровъ, которые преградили ей дальнѣйшій путь. Попробовали заставить разойтись толпу вѣжливыми увѣщаніями, но такъ какъ крики: «Долой Францію! Да здравствуетъ Седанъ!» не умолкали, то пришлось прибѣгнуть къ обычнымъ мѣрамъ.

Колонна поворачиваетъ назадъ и рѣшаетъ идти въ парламентъ, чтобы узнать отъ депутатовъ о марсельскихъ дѣлахъ. «Скажите, что сдѣлали съ нашими братьями въ Марсели? Надо отомстить за нихъ! Итальянскій гербъ топтали ногами! Эта обида должна быть омыта кровью!» Такъ вопила толпа.

Въ эту минуту она очутилась лицомъ къ лицу съ этимъ добрымъ Пянчіани, который, въ свою очередь, совѣтуетъ успокоиться и внять голосу благоразумія. Въ то время, какъ онъ говорилъ, кто-то закричалъ: «зачѣмъ говорить о благоразуміи, когда нашихъ братьевъ душатъ въ Марсели?»

Квесторъ призываетъ толпу разойтись, трубя въ рожокъ.

Пянчіани протестуетъ, жалуясь, что рѣчь депутата прерываютъ такимъ образомъ. Между тѣмъ, полиція прибыла въ значительномъ количествѣ, разогнала толпу и арестовала главныхъ крикуновъ, которыхъ выпустила, однако-же, въ ту-же ночь.

Такія, достойныя смѣха, манифестаціи произведены были не въ одномъ Римѣ. Подобныя-же сцены разыгрались въ Неаполѣ, Палермо, Туринѣ, Генуѣ, однимъ словомъ—во всѣхъ большихъ итальянскихъ городахъ. Особенно отличился Туринъ. Толпа приблизительно въ 5,000 человекъ ходила по улицамъ, производя, по словамъ газетъ, невообразимый гвалтъ. Кричали: «да здравствуетъ армія! Долой Чіальдини! Долой марсельцевъ!» И, что еще лучше: «да здравствуютъ крумиры!» Кто-то закричалъ: «да здравствуетъ Франція!» Но толпа бросилась къ тому мѣсту, откуда послышалось это восклицаніе, и только благодаря нѣкоторымъ участникамъ манифестаціи, укрывшимъ человека, выра-

жившаго свое сочувствіе къ Франціи, ему, по словамъ «Gazetta Piemontesa», «удалось избѣжать народнаго гнѣва».

Пароль былъ повсюду одинъ: идти къ французскому консульству. Итальянскій гербъ, сорванный съ балкона клуба въ Марсели, не давалъ покоя итальянцамъ, и они хотѣли выместить злобу на гербъ нашего консульства, забывая, что существуетъ нѣкоторое различіе между гербомъ на консульствѣ и вывѣской клуба или лавочки.

Однако, манифестанты повсюду встрѣчали берсаглізровъ, которые сдерживали ихъ гнѣвъ и препятствовали присоединенію звѣрскаго элемента къ комическому.

Въ Неаполѣ дѣло продолжалось три дня. Въ Италиі это обычный срокъ для религиозныхъ и иныхъ церемоній. Во вторникъ положеніе было довольно серьезно, въ среду уже нѣсколько мѣнѣе, въ четвергъ оно было уже просто смѣшно. Студенты отправились за городъ, на музыку. Молодые люди имѣли видъ конспираторовъ изъ «La fille de Madame Angot».

Манифестація заключалась въ томъ, что они заставляли повсюду магазинчиковъ стирать французскія слова на вывѣскахъ. А такъ-какъ таковыя встрѣчаются почти на всѣхъ магазинахъ, то пришлось наклеивать множество полосокъ разноцвѣтной бумаги на ихъ стеклахъ. Въ особенно затруднительномъ положеніи оказалось «Buvette Parisienne», такъ-какъ для этого рода кабачка не нашлось соотвѣтствующаго слова въ итальянскомъ словарѣ. Хозяинъ въ отчаяніи. Къ тому-же онъ не заслужилъ своей участи, такъ-какъ составлялъ истинное исключеніе изъ семьи кабачниковъ и, повидимому, добросовѣстно «освѣжалъ» своихъ кліентовъ.

Но особенно опаснымъ было положеніе владѣльца оружейнаго магазина подъ фирмой: *Les Armes de Paris*.

Сама фирма есть уже вызовъ для итальянской арміи. Шумъ подняли адскій, но французъ-торговецъ не растерялся, а полиція оградила должнымъ образомъ его безопасность.

Въ другомъ магазинѣ, хозяйка, ловкая женщина, съ умомъ выпуталась изъ затрудненія. На приглашеніе снять вывѣску съ надписью на французскомъ языкѣ, она отвѣчала маленькою рѣчью, затѣмъ подарила манифестантамъ итальянское знамя и, наконецъ, призвала на помощь своихъ приказницъ. Молодыя дѣвушки яростно аплодировали манифестантамъ и послали даже (издали) нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ. Все это произвело немедленное дѣйствіе на эти нѣжныя сердца, и гнѣвъ студентовъ исчезъ какъ-бы волшебствомъ.

А вотъ и другая жертва. Одна молодая и хорошенькая итальянка открыла магазинъ модъ и платьевъ въ Сполетто и, желая

польстить королевѣ, взяла фирмой: «A la Marguerite». Ей разбили вывѣску. Неизвѣстно, что-бы произошло далѣе, если-бы преданный хозяйкѣ приказчикъ не написалъ въ газеты письмо, въ которомъ защищалъ свою «прекрасную и добрую хозяйку».

Въ довершеніе всего, студенты не хотятъ посѣщать лекціи французскаго языка. Оно, впрочемъ, понятно, такъ-какъ жара нестерпимая. Какая-то итальянская газета замѣтила, однако, студентамъ, по этому поводу, что французы очень пожалѣли въ 1870 г., что не знаютъ по-нѣмецки. Миролюбивѣе и быть нельзя.

Само собою разумѣется, что министръ иностранныхъ дѣлъ не преминулъ выразить французскому посланнику г. де-Ноаль, свое глубокое прискорбіе, по поводу этихъ событій, и обѣщалъ, что будутъ приняты правительствомъ самыя энергичскія мѣры.

Что касается газетъ, то тѣ, которыя могутъ быть названы министерскими, обращаются къ патріотическому чувству итальянцевъ, прося не создавать затрудненій правительству. «Довольно!» восклицаетъ «Popolo romano», органъ Депретиса.—Довольно шума, довольно процессій и музыки, довольно разбитыхъ вывѣсокъ!

«Пора вернуться къ спокойствію, которое одно только и пристало свободному народу».

Другія (независимыя) газеты смотрятъ на дѣло иначе. Одна изъ нихъ горько жалуется на то, что нарушили свободу гражданъ, не дозволивъ имъ бить стекла и вопить подъ огнями г. де-Ноаль. Другая—«Capitan Fracassa»—называетъ французовъ «клерикальными кабрами». А «la Lega della Democratia» развиваетъ слѣдующія соображенія: «Все говоритъ намъ, что, рано или поздно, намъ придется столкнуться съ Франціей. Что-же дѣлать, будемъ драться. А до тѣхъ поръ, правительство должно потребовать удовлетворенія за оскорбленіе нашего герба въ Марсели. Этотъ гербъ долженъ быть возвращенъ на прежнее мѣсто на счетъ марсельцевъ. Клубъ долженъ быть снова открытъ, главные виновники этого покушенія на общенародное право—переданы судебной власти, а французское правительство должно извиниться».

Въ палатѣ депутатовъ, пробудившіеся отъ сна представители итальянскаго народа вернулись къ теченію своихъ запросовъ. Послѣ г. Массари, который сдѣлалъ себѣ специальность изъ галлофобіи, всего болѣе буйствовалъ нѣкій Петручелли-делла-Гаттина, сдѣлавшійся врагомъ Франціи, послѣ долгаго въ ней пребыванія. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, этотъ Петручелли находился въ изгнаніи и нашелъ во Франціи не одно гостепри-

имство, но и дружбу самыхъ извѣстныхъ представителей французской демократіи. Въ 1870 г. Петручелли внезапно проникся фанатическою преданностью къ феодальной Германской имперіи, въ то самое время, какъ его вторая родина была растерзана нѣмцами штыками. Неправда-ли, странный республиканецъ, питающій сочувствіе только къ имперіалистской Франціи и ненавидящій республиканскую!

Г. Манчини пролепеталъ какія-то неясныя и странныя объясненія, въ ожиданіи могучаго союзника своего,—сна. До тѣхъ поръ всѣ были согласны относительно источника безпорядковъ, которыми были обязаны свисткамъ, раздавшимся съ балкона итальянскаго клуба. Всѣ марсельскія газеты утверждали это, а допустить, что онѣ уговорились заранѣе,—невозможно, потому что большая часть изъ нихъ сообщали одновременно и спѣшно о только-что случившемся. Но Манчини измѣнилъ все это. По его мнѣнію, не съ балкона, а изъ толпы начали свистать войскамъ. Что касается доказательствъ, то у него имѣлось одно, но весьма убѣдительное, а именно: свидѣтельство президента клуба. Этому-же послѣднему можно было поставить въ упрекъ лишь то, что онъ забылъ убрать флагами домъ итальянскаго клуба, въ то время какъ весь городъ былъ ими украшенъ. Истощивъ всѣ свои тонкіе доводы, министръ не нашелъ ни слова для итальянскихъ рабочихъ, поведеніе которыхъ и объяснить, въ слишкомъ достаточной степени, образъ дѣйствій рабочихъ марсельцевъ.

IV.

Какое-же значеніе слѣдуетъ придать прискорбнымъ марсельскимъ событіямъ и агитации, которая явилась ихъ слѣдствіемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что дикія выходки и нападенія, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы повѣствуемъ въ нашей сегодняшней хроникѣ, далеко не новость. Чтобы вызвать ихъ, не требуется даже такихъ чрезвычайныхъ событій, какъ возвращеніе французскихъ войскъ изъ Туниса. Все это случается и въ обыкновенное время, и не только въ Марсели, не только во Франціи, но и въ Швейцаріи, Австріи, Америкѣ,—повсюду, куда гонитъ нужда итальянскихъ выходцевъ. Печать различныхъ странъ ежедневно приноситъ извѣстія о настоящихъ сраженіяхъ, завязывающихся, послѣ выпивки, между итальянскими рабочими и ихъ товарищами другихъ національностей. Но въ Марсели представляется особенно-много поводовъ къ дракамъ. Въ этомъ городѣ, гдѣ пятьдесятъ тысячъ итальянскихъ рабочихъ повсюду и всегда

перемѣшаны съ французскими, каждая общая спальня въ рабочихъ квартирахъ, каждый кабачокъ ежеминутно подвергаются опасности сдѣлаться театромъ кровавыхъ сценъ. Сверхъ того, въ Марсели дѣло идетъ не объ однихъ ссорахъ въ кабакахъ или столкновеніяхъ, вслѣдствіе буйнаго нрава пѣмонтцевъ и живого раздражительнаго характера провансальцевъ: существуетъ экономическій антагонизмъ между мѣстными и пришлыми, иностранными рабочими.

Не разъ первые пытались помѣшать вторымъ отнимать у нихъ долю заработка, которая, по ихъ убѣжденію, принадлежитъ имъ однимъ. Можно замѣтить также, что социалистическія программы, нерѣдко, ставятъ однимъ изъ условій—исключеніе иностранныхъ рабочихъ изъ всѣхъ работъ, предпринимаемыхъ государствомъ, департаментомъ или общиной.

Подобное-же чувство соперничества проявлялось, при случаѣ, и въ Италіи, по отношенію къ французскимъ рабочимъ. Укажемъ на одинъ только примѣръ. Общество римскихъ желѣзныхъ дорогъ выписало изъ Франціи, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, вмѣстѣ со строителями и французскихъ рабочихъ. Раздраженіе въ средѣ итальянцевъ было такъ сильно, что общество, которому надобно, наконецъ, столкновенія, отпустило изъ мастерскихъ всѣхъ рабочихъ иностранцевъ.

Во Франціи патроны обращаются къ иностраннымъ рабочимъ не случайно или въ видѣ исключенія, а постоянно, по причинѣ сравнительной дешевизны ихъ задѣльной платы. Особенно удобными оказываются въ этомъ случаѣ пѣмонтцы.

Воздержные и бережливые, какъ всѣ итальянцы, трудолюбивые и упорные настолько-же, насколько ихъ южные соотечественники лѣнны и безпечны, пѣмонтцы довольствуются такимъ заработкомъ, взаимнѣ котораго рабочій-французъ никогда не согласится поставить такую-же сумму труда. Это различіе условій на рабочемъ рынкѣ поддерживается еще и другою причиною. Есть цѣлый разрядъ итальянскихъ рабочихъ, которые въ то-же время и земледѣльцы. Они приходятъ не изъ одного Пѣмонта но и изъ Пармы, Модены, Лукки и Тосканы, и притомъ въ значительномъ количествѣ. Они владѣютъ землей. Обсѣявъ ее, они уходятъ на чужбину, а къ жатвѣ возвращаются домой, проработавъ зиму въ Марсели. Правда, ихъ жатва не принадлежитъ имъ: и она, и земля принадлежатъ помѣщику, который, за уплатой ренты, позволяетъ имъ посѣять и для себя немного маису. Смотри по большому или меньшему обилію этого послѣдняго, итальянецъ возвращается изъ Марсели ранѣе или позднѣе. Итакъ, онъ отправляется туда не за насущнымъ хлѣбомъ,

необходимымъ семьѣ, а за излишкомъ, если можно только употребить это буржуазное выраженіе по отношенію къ такимъ бѣднякамъ. Дѣло въ томъ, что этотъ излишекъ покрывается такою задѣльной платой, которую марсельцы находятъ до несправедливости низкою, но изъ которой большая часть итальянцевъ еще умудряется дѣлать сбереженія.

Изъ всего этого слѣдуетъ также, что рабочіе союзы и стачки не съ руки этимъ рабочимъ, готовымъ гнуть спину предъ всякими требованіями хозяевъ и не связаннымъ никакою внутренней связью съ мѣстнымъ рабочимъ населеніемъ. Въ случаѣ стачекъ и тому подобнаго, они воздерживаются отъ участія, что является серьезнымъ препятствіемъ въ борьбѣ изъ-за рабочей платы, — борьбѣ, успѣхъ которой обусловленъ лишь единодушіемъ и безусловнымъ соглашеніемъ наемныхъ рабочихъ противъ хозяевъ. Корпоративная вражда, существующая въ Марсели противъ итальянской колоніи, имѣетъ почти одинаковую причину съ тѣмъ чувствомъ, которое питаютъ рабочіе-янки въ Америкѣ къ китайцамъ-переселенцамъ. И тѣ, и другіе обвиняютъ своихъ соперниковъ въ томъ, что они вырываютъ у нихъ изо рта кусокъ и способствуютъ постоянному пониженію задѣльной платы. Поэтому они и питаютъ къ нимъ враждебное чувство, готовое вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Этой искрой и было въ Марсели происшествіе съ итальянскимъ влубомъ. Само по себѣ оно явилось лишь случайной причиной. Надо было примѣшаться къ нему тунисскимъ дѣламъ, чтобъ раздуть обыкновеннѣйшее происшествіе чуть-ли не въ государственное дѣло. Иначе говоря, вмѣсто изолированныхъ случаевъ убійствъ, дѣлая итальянская нація поднимается противъ Франціи, побуждаемая прессой всѣхъ отъѣнковъ и поощряемая двусмысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу правительства.

V.

«Неблагодарная Италія!» восклицали, съ своей стороны, французскія газеты, проводя параллель между двумя историческими числами—іюнемъ 1859 года и іюнемъ 1881 года. Съ одной стороны, Сольферино, съ другой—въ годовщину того-же дня—манifestаціи противъ Франціи въ Римѣ, Неаполѣ, Миланѣ, Туринѣ, Палермо, однимъ словомъ—по всей этой *единой* Италіи, возрожденіе которой было куплено и ускорено цѣною французской ероти.

Безплодныя жалобы, которыя свидѣтельствуютъ лишь о нелѣпой наивности тѣхъ, которые имъ предаются! Двадцать лѣтъ

тому назадъ, Прудонъ слѣдующимъ образомъ вычислялъ затраты Франціи, по дѣлу объединенія Италіи: «Полмилліарда и 50,000 человѣкъ; четыре года, потерянные для свободы и науки; четыре года деморализаціи и скуки; четыре года, во время которыхъ насъ будутъ угощать подвигами Гарибальди, разсказами о слабостяхъ короля galantuomo и огорченіяхъ Святого Отца. И за все это—неблагодарность, оскорбленія и презрѣніе со стороны нашихъ протеже». Далѣе, въ томъ-же сочиненіи («La Fédération et l'Unité en Italie»), онъ прибавлялъ: «Намъ поютъ на разные голоса, что итальянцы наши братья, что ихъ интересы, ихъ революція, ихъ идеи тождественны съ нашими, и сотни тому подобныхъ глупостей, которыя показываютъ до какого тупоумія дошла французская демократія. Велерѣчивые писатели думаютъ, что все сказано, когда поговорили о латинской расѣ. Развѣ имъ неизвѣстно или они притворяются незнающими того, что самыми яркими антагонистами оказываются именно смежные государства, а всего менѣе способны къ союзу тѣ народы, которые всего болѣе сходны между собою?»

«Въ политикѣ нашими врагами всегда являются *сосѣди*. Эта аксіома такъ вѣрна, какъ ни одна изъ макиавеллевскихъ. Въ 1854 году Австрія изумила міръ неблагодарностью, по отношенію къ Россіи, своей благодѣтельница: это случилось потому, что Австрія на три четверти есть славянская имперія, какъ и Россія, и что если у этихъ двухъ государствъ существуютъ общіе интересы, то именно потому они и соперники.

«Я предвидѣлъ, и это было не трудно, что мы побѣдимъ Австрію не во имя французской, а во имя итальянской идеи, что первымъ проявленіемъ этой идеи будетъ объявленіе независимости Италіи, что затѣмъ она станетъ въ положеніе антагониста къ союзнику и будетъ стараться поддержать другого, менѣе опаснаго союзника. Чтобы угадать это, достаточно простой логики и международной психологіи...

«Я прекрасно понимаю настойчивость, съ которой Англія преслѣдуетъ объединеніе Италіи, и не осуждаю ее за это. Я понимаю также, что бельгійцы, нѣмцы, австрійцы, даже русскіе одобряютъ такую политику, и не порицаю ихъ за то, потому что каждый народъ имѣетъ право стремиться къ тому, что всего болѣе соотвѣтствуетъ его интересамъ; а если Франція, первая военная держава въ Европѣ, къ тому-же и наиболѣе благопріятно-поставленная, внушаетъ серьезныя опасенія сосѣдямъ успѣхомъ своего оружія и политическимъ вліяніемъ, то почему-же буду я ставить имъ въ преступленіе, если они станутъ пытаться умалить ея значеніе и окружить ее желѣзнымъ кольцомъ?»

Чего я не понимаю, такъ это образа дѣйствій французской печати. Очевидно, что возведеніе Италіи на степень военной державы съ 300,000 арміей не можетъ не умалить всячески Францію. Въ политическомъ отношеніи, европейскій концертъ, состоящій изъ пяти державъ, будетъ расширенъ присоединеніемъ къ нему шестой, голосъ которой, само собою разумѣется, будетъ противъ насъ. Мы слишкомъ близкіе сосѣди Италіи, слишкомъ сходны съ нею, мы оказали ей слишкомъ важныя услуги, для того, чтобы она могла любить насъ. Въ политикѣ неблагодарность есть первое право и первая обязанность».

Печальное заключеніе, отвѣтственность за которое я возлагаю на автора предъидущихъ строкъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что это правило, кажущееся намъ чудовищнымъ, не было бы отвергнуто нашими братьями по ту сторону Альпъ, такъ какъ нравственная физіономія ихъ, несмотря на единство расы, діаметрально противоположна нашей. И это замѣчаю не я, а сами итальянцы. Въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1867 г., съ предисловіемъ Виктора Гюго, вышеназванный въ этой статьѣ Петручелли съ большою откровенностью объявляетъ, что «между итальянскою и французскою совѣстью нѣтъ ничего общаго». Изъ описанія характера его соотечественниковъ мы усматриваемъ въ чемъ именно заключается это различіе.

«Не довѣряя никому и ничему, лишенный критерія добра и зла, имѣя лишь смутныя понятія о правахъ и обязанностяхъ, итальянецъ во всѣхъ дѣлахъ жизни является съ накладнымъ носомъ Макіавелли. Когда-же онъ находится за-границей, то сверхъ этого носа напяливаетъ еще другой, соображаясь съ тѣмъ, что принято въ окружающей его средѣ.

«Уважаетъ себя или нѣтъ итальянецъ, но онъ рѣдко питаетъ уваженіе къ другимъ, хотя всегда его показываетъ.

«Онъ прежде всего индивидуалистъ. Поэтому даже семейныя узы крайне слабы для него и мало оказываютъ на него вліянія. Дружба является для него экономической функціей, скорѣе обмѣномъ услугъ, чѣмъ сердечнымъ влеченіемъ...

«Его нравственный міръ, заключаетъ авторъ,—не вполне сходенъ съ тѣмъ, который пользуется признаніемъ и санкціей у другихъ народовъ».

Это опредѣленіе далеко не исключительное въ итальянской литературѣ; мы встрѣчаемъ его почти въ такой-же формѣ у разныхъ писателей. Макіавелли, расхваливая своего героя Кастручіо Кастравани, не забываетъ указать, что къ числу его достоинствъ принадлежала и способность не держать слова съ иностранцами. «Справедливый съ подвластными ему людьми, онъ

не имѣлъ совѣсти съ иностранцами». Бывшій министр-президентъ Ла-Мармора замѣчалъ въ своемъ «Письмѣ къ избирателямъ», что «духъ хитрости и коварства» есть одно изъ главныхъ свойствъ итальянца. Ла-Мармора прибавляетъ, однако-же, что пора-бы и отстать отъ «неблагодарныхъ» привычекъ. «Итальянцы считаютъ себя выше всѣхъ народовъ міра, говорить другой писатель, — а между тѣмъ имъ не безызвѣстно, что они занимаютъ послѣднее мѣсто. Они ненавидятъ и презираютъ иностранцевъ».

Если кто-нибудь не подвергается ненависти и презрѣнію итальянцевъ, такъ это англичане. «Англичане кажутся итальянцамъ оригинальными и надежными. Напротивъ того, французы имъ въ особенности антипатичны. Очень не трудно въ этомъ убѣдиться, если признать, что писатели и поэты представляютъ собою воплощеніе господствующихъ идей своего народа, что признается всѣми, занимающимися исторіей литературы. Наибольше-же постоянной традиціей итальянской литературы отъ Макіавелли до Мадзини есть, безспорно, антипатія къ французскому уму и характеру.

«Прохожу молчаніемъ, читаемъ мы у Леонарди, — другихъ враговъ и другія утраты, но не умолчу о Франціи, черныя злодѣянія которой едва не свели въ могилу мою родину»... Мы находимъ ненависть къ Франціи у людей самаго противоположнаго склада ума и характера. Находимъ ее у заговорщика Мадзини и у философа Джіоберти. Мадзини громко заявляетъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ писалъ, напримѣръ, въ 1866 г.: «Я ненавижу умственное преобладаніе Франціи, которое она присвоитъ себѣ въ Европѣ». А у Джіоберти находимъ слѣдующее: «Я-бы желалъ (это написано въ 1848 г.), чтобы французы лишились своей республики за все то зло, которое причинили міру». Депутатъ Петручелли издалъ для народа «Исторію итальянской идеи» отъ VII вѣка до 1870 г. Не лишено интереса узнать, какую умственную пищу преподносятъ итальянской демократіи государственные дѣятели Италіи:

Мы въ VII-мъ вѣкѣ, во время появленія франковъ. «Изъ всѣхъ варваровъ франки были самыми дикими и жестокими. Греческіе, римскіе и ломбардскіе историки единодушно утверждаютъ, что французскія арміи, вторгнувшіяся въ Италію, были самыми безчеловѣчными изъ всѣхъ дикихъ ордъ... Эта ненависть къ французамъ пустила такіе глубокие корни въ итальянскомъ сердцѣ, что въ теченіи одиннадцати вѣковъ вошла въ плоть и кровь... Эта ненависть проявляется безпрестанно и торжествуетъ въ 1870 г.». Говоря о борьбѣ между папой Григоріемъ IX и

императоромъ Фридрихомъ II, который желаетъ помѣшать созванію собора, нашъ авторъ повѣствуетъ, что французскіе епископы сѣли въ Ниццѣ на суда, предоставленныя въ ихъ распоряженіе генуэзцами, и замѣчаетъ: «Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы повредить Италіи, Франція всегда готова это сдѣлать». Доходимъ до Сицилійскихъ Вечерней. «Это, поистинѣ, былъ славный день. Кто былъ врагъ? Французъ, то есть существо, которое во всѣ времена было особенно ненавистно итальянскому сердцу». Папа Григорій XI былъ французъ. Авторъ никакъ не можетъ утѣшиться по этому поводу и увѣряетъ, что «ни Аттила, ни Тоттила, ни Аларихъ, не сдѣлали такого зла Италіи, какъ этотъ французскій бѣсноватый».

Лудовика XII называютъ театральнымъ королемъ и «королемъ проклятой Франціи, надѣлавшимъ болѣе вреда Италіи, чѣмъ Карлъ V и Филиппъ II. Но Италія отравила его успѣхи». Напротивъ того, къ Наполеону I относятся гораздо болѣе благосклонно. Вообще итальянскіе историки питаютъ къ нему слабость. Оно, впрочемъ, понятно. Бонапартъ былъ итальянецъ по происхожденію. «Итальянецъ, пересаженный на галльскую почву, что пагубно отозвалось на его геніи», замѣчаетъ Джіоберти. Можно было ожидать, что авторъ отнесется, по крайней мѣрѣ, сочувственно къ Наполеону III, который сдѣлалъ Италіи также много добра, какъ причинилъ зла своей собственной странѣ. Вотъ размышленія, внушенныя автору нашими бѣдствіями 1870 года. «День Седана наступилъ. Отнынѣ легла тѣнь на царствованіе Виктора Эммануила, а именно—нейтралитетъ между воюющими сторонами. Король потерялъ, такимъ образомъ, превосходный случай возвратить при помощи прусскаго союза 1870 г. объ провинціи, оторванныя у насъ французами въ 1860 г.»

На такой ступени галлофобія касается уже области патологическаго. «Изъ этого видно, однако-же», замѣчаетъ г. Броше въ своей книгѣ объ Италіи, что между итальянскимъ и французскимъ мозгомъ существуетъ такое сильное различіе въ структурѣ, что эти два народа рѣшительно не понимаютъ другъ друга. Ненавидѣть до такой степени можно только то, чего не знаешь, и подобная антипатія не можетъ быть плодомъ одной исторіи. Джіоберти, человекъ безспорно возвышеннаго ума и благородной души, писалъ изъ Брюсселя въ маѣ 1835 года: «Я нахожу здѣсь большее для себя преимущество, а именно то, что Брюссель не во Франціи. Быть хотя чѣмъ-нибудь обязаннымъ французу, для меня тягостнѣе смерти. Не подумай, однако-же, что я ненавижу французовъ и не отдаю справедливости ихъ достоинствамъ... Я

не питаю ненависти къ французскому народу и ни къ какому народу въ мірѣ, но характеръ и темпераментъ французовъ оскорбляютъ меня. Недостатки французовъ заставляютъ меня пожимать плечами, и меня раздражаетъ мысль, что эти люди могутъ находить сторонниковъ въ Италіи, между тѣмъ какъ въ теченіи столькихъ вѣковъ Франція была всегда первою причиною всѣхъ нашихъ несчастій».

Было-бы интересно проанализировать нравственные различія обѣихъ расъ. «Между тѣмъ какъ французъ имѣетъ идеаломъ, по словамъ одного писателя,—господство справедливости и равенства, главными чувствами у него являются чувство международнаго братства и великодушіе, характеромъ-же *la furia*, итальянецъ имѣетъ единственною цѣлью политическое господство, главнымъ чувствомъ его можетъ быть названа ненависть къ французамъ, а средствомъ *la fiacea*, то есть кажущаяся безпечность, которая терпѣливо сторожитъ случай и, по совѣту Макіавелли, никогда не тревожитъ врага мелкими нападеніями. Трудно найти два болѣе противоположные темперамента какъ у французана, съ его несложностью и прямою, и у итальянца, съ его сложностью и гибкостью.

Другою причиною антипатіи итальянцевъ къ ихъ заальпійскимъ сосѣдямъ является, по всей вѣроятности, французскій духъ, то есть то, что принято называть *l'esprit français*. Уже Стендаль указываетъ на это: «Я ненавижу насмѣшливый, разсудительный и холодный тонъ французовъ.. Этотъ тонъ глумленія не существуетъ въ Италіи». Одинъ современный итальянскій писатель, который, по части ненависти къ Франціи, составляетъ рѣдкое исключеніе, такъ-какъ относится къ намъ безъ враждебности, указываетъ на тѣ-же черты: «Весьма рѣдко удается вести съ французомъ совершенно свободный, непринужденный разговоръ. Занятый мыслью, что онъ всегда служитъ предметомъ изученія и любопытства для иностранца, онъ всегда сдержанъ, онъ регулируетъ свои движенія и улыбки, умѣряетъ интонацію голоса, и вы всегда замѣтите у него немного кокетства, какъ у женщины или артиста. Онъ любезенъ, конечно, но при этомъ держитъ васъ на почтительномъ разстояніи. Я предпочитаю испанца, который даетъ вамъ чувствовать свое превосходство съ такою негъпоколоссальною хвастней, что это, наконецъ, заглушаетъ всякое впечатлѣніе. Но парижанинъ унижаетъ васъ вѣжливо и мягко, булавочнымъ уколомъ, съ вѣчною острой улыбочкой, какъ-будто пробуетъ какой-нибудь «*sauce piquante*». Онъ задаетъ вамъ удивленные вопросы, освѣщенные милостивымъ любопытствомъ, по части вашихъ дѣлъ. О, бѣдные итальянцы! Какъ ваше само-

любіе должно жестоко страдать въ Парижѣ! Если только дѣло не касается Данта, Микель-Анджело или Рафаеля, васъ неизмѣнно встрѣтитъ вопросъ: «Кто-же это такой?» Клерикаль-депутатъ спрашиваетъ у васъ: продолжаетъ-ли папа оставаться въ Чиватта-Веккиа. Добродушный отецъ семейства полагаетъ, что итальянскіе разбойники, съ ружьемъ на перевязи, курятъ сигары, сидя предъ *café de l'Europe*, въ Неаполѣ. Французскій дворянинъ, положимъ, и ѣздилъ въ Италію, но лишь для того, чтобы имѣть возможность *causer Italie* (поболтать объ Италіи) съ какою-нибудь прекрасной собесѣдницей, въ амбразурѣ окна и послѣ обѣда, или, чтобы прицѣпивъ новый брелокъ къ тощей цѣпи своихъ знаній, въ минуты досуга поиграть имъ, выпаливая обычными формулами, которыя имѣются въ запасѣ у каждаго француза о пейзажѣ, о картинахъ, объ отеляхъ. Пресловутый Форнадъ говорилъ о Манцони, сидя за столомъ. «Онъ не безъ дарованія». Не было-бы ничего удивительнаго, если-бы онъ спросилъ васъ: «Какъ это можно родиться въ Италіи?» Мысль о томъ, что онъ родился въ Парижѣ, т. е. получилъ отъ Бога явный знакъ предпочтенія, господствуетъ надъ умственнымъ міромъ парижанина, подобно звѣздѣ, освѣщающей всю жизнь небеснымъ утѣшеніемъ. Благоклонность, выказываемая имъ чужеземцамъ, внушена, въ значительной степени, чувствомъ состраданія, и его ненависть къ нимъ никогда не бываетъ глубокой, потому что онъ находитъ своихъ враговъ достаточно несчастными уже потому, что они не имѣли счастья родиться тамъ, гдѣ онъ самъ родился».

VI.

Этой-то враждебной расѣ доставилъ Наполеонъ III въ 1859 г. оружіе и средства для причиненія Франціи тѣхъ золъ, которыхъ она желала ей въ теченіи цѣлыхъ десяти вѣковъ. Та, которая, по увѣренію государственныхъ людей имперіи, должна быть для насъ полезной и преданной союзницей, покажетъ намъ свои настоящія чувства при первомъ удобномъ случаѣ.

Это было въ 1866 году, когда, увѣрившись, наконецъ, въ прусскомъ союзѣ, Италія разорвала узы, связывавшія ее съ Франціей, и стала готовиться къ роли открыто-враждебной Франціи державы, какою и сдѣлалась въ настоящую минуту. Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ на начало этой эволюціи конфиденціальная депеша г. Нигра, помѣченная 10 іюля 1866 г. и обнародованная только въ 1877 году.

«Итакъ, мы не только должны игнорировать послѣднія франко-
„Дѣло“, № 7, 1881 г. II.

австрійскія предложенія и принять участіе въ войнѣ, какъ-будто онѣ не существовали вовсе, но желать отъ души побѣды Пруссіи и содѣйствовать ей торжеству. Италія не хочетъ болѣе военной поддержки со стороны Франціи, но письмо императора, прочитанное въ законодательномъ корпусѣ 12-го іюня, весьма благопріятно для насъ, такъ какъ въ немъ видно твердое желаніе не дозволить разрушенія итальянскаго единства въ случаѣ неудачи. Если счастье улыбнется Пруссіи, наша побѣда будетъ тѣмъ выгоднѣе, что мы одержимъ ее безъ содѣйствія французскихъ ружей и пушекъ. Италія, безъ сомнѣнія, не можетъ пожелать для себя ничего лучшаго, какъ приобрѣсти Венеціанскую область безъ помощи Франціи, но въ то-же время не имѣя Францію противъ себя и продолжая пользоваться ея положеніемъ и ея нравственной поддержкой».

Послѣ торжества Пруссіи, Италія уже не стѣсняется. Битва при Садовѣ обозначаетъ оѳиціальнѣйшій поворотный пунктъ Италіи и въ то-же время является началомъ взрыва враждебныхъ чувствъ къ Франціи въ печати и литературѣ. Чтобы дать понятіе о состояніи умовъ, достаточно будетъ сказать, что за четыре года, отъ 1866 до 1870 г. *Bibliographia italiana* насчитала 198 враждебныхъ Франціи изданій.

Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что Италія радовалась бѣдствіямъ Франціи и седанскому униженію. Въ курсѣ «Исторіи франко-прусскаго войны», принятомъ въ *Высшей итальянской военной школѣ*, мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Какъ гражданинъ и какъ солдатъ, я краснѣлъ и страдалъ, по поводу подчиненнаго положенія, въ которомъ насъ держала Франція. Какъ историкъ, я давно предвидѣлъ ея паденіе и, напротивъ, торжество Германіи на всѣхъ стезяхъ цивилизаціи. Кромѣ того, я видѣлъ между Германіей и Италіей несравненно болѣе прочную связь, чѣмъ сентиментализмъ по поводу латинскихъ расъ, а именно: одно и то-же національное чувство и одну и ту-же борьбу противъ французскаго преобладанія. Эта связь глубоко радовала меня, потому-что я считалъ величайшимъ благомъ для Италіи—избѣжаніе французской культуры и единеніе съ культурой германской, которая стоитъ во главѣ цивилизаціи XIX-го вѣка». Въ глазахъ профессора-патріота узы, связывающія Италію съ побѣдоносной Германіей суть «единственныя, дѣйствительно прочныя и неразрывныя узы между націями, такъ-какъ онѣ основаны не на благодарности, не на пустыхъ историческихъ воспоминаніяхъ или сентиментальныхъ тонкостяхъ, вродѣ сродства латинскихъ расъ, а на полной тождественности цѣли и интересовъ. Послѣ приобрѣтенія Рима, лучшимъ слѣд-

ствиѣмъ войны 1870 г. можетъ считаться уничтоженіе могущества нашего неудобнаго сосѣда, всегда готоваго унижать насъ. Лучше имѣть волка вдали, чѣмъ имѣть подъ бокомъ алчную и лающую собаку».

Въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, Италія конституировалась.

Садова и Седанъ довершили дѣло, начатое при Сольферино. Никогда не было еще примѣра столь быстрого возвышенія, притомъ стоившаго столь малыхъ затратъ. Двадцать два года тому назадъ Италія не существовала; теперь же она принята въ кругъ великихъ державъ и, какъ таковая, участвуетъ въ конгрессахъ, гдѣ рѣшаются судьбы Европы. Въ довершеніе удачи, это возвышеніе обезпечено отъ опасности и на будущее время, потому что ни одна страна не ограждена отъ войны въ большей степени, чѣмъ Италія, если только она сама не пожелаетъ воевать. Отдѣленная отъ остальной Европы преградой высокихъ горъ, она, подобно Испаніи, пользуется почти преимуществами острова.

Этнографическіе предѣлы Италіи почти повсюду совпадаютъ съ ея естественными границами, и никто изъ ея сосѣдей не думаетъ отнимать у нея части ея территоріи. Слѣдовательно, она можетъ разсчитывать на мирное будущее, которое не нарушить внѣшнее нападеніе.

Слѣдуетъ также замѣтить, что и ни одна страна въ Европѣ не нуждается такъ сильно въ мирѣ, какъ Италія.

Франціи, несмотря на ея паденіе, достаточно было десятилѣтій, чтобы заживить свои раны. Нація же, возникшая со вчерашняго дня, нуждается въ болѣе долгомъ срокѣ, чтобы достигнуть зрѣлости въ своемъ развитіи.

Овладевъ Венеціей и Римомъ, Италія уподобилась зданію, оконченному снаружи, но недостроенному внутри. Не малое затрудненіе представляло сліяніе семи маленькихъ государствъ въ одну большую націю. Объединеніе различныхъ законодательствъ; уничтоженіе въѣвшихъ въ населеніе обычаевъ, сдѣлавшихся второй природою итальянцевъ, но несомѣстимыхъ съ новымъ положеніемъ вещей; нарушеніе безчисленнаго множества частныхъ интересовъ; пертурбаціи въ существованіи отдѣльныхъ лицъ, какъ съ точки зрѣнія матеріальной, такъ и въ другихъ отношеніяхъ; установленіе тяжелыхъ налоговъ, которые легли въ особенности на южныя провинціи; введеніе обязательности воинской повинности даже въ тѣхъ провинціяхъ, которыя окончательно возставали противъ нея; наконецъ, цѣлый рядъ менѣе важныхъ, но не менѣе ощутительныхъ реформъ, касавшихся

частной жизни гражданъ, — все это, вмѣстѣ взятое, должно было произвести въ массѣ націи необычайное волненіе.

Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что сицилиецъ и піэмонтецъ, калабриецъ и житель Ломбардіи вполне чужды другъ другу.

Какую выгоду могло видѣть сельское населеніе, кругозоръ котораго ограниченъ насущнымъ хлѣбомъ, въ новомъ управленіи, которое безжалостно отбирало у него его скромныя сбереженія и вырывало у него сыновъ его для службы чужому и нечестивому королю. Какое дѣло крестьянину до объединенія отечества, ему неизвѣстнаго, которое, быть можетъ, пошлетъ его дѣтей умирать на чужой землѣ и которое всячески старалось сдѣлать ему жизнь еще менѣе сносною?

Чтобы побѣдить сопротивленіе, возложили надежду на обязательность военной службы, которая поставитъ въ непосредственное соприкосновеніе населеніе различныхъ провинцій, дотолѣ остававшихся чуждыми другъ другу, и внушитъ ему идею единой великой итальянской семьи, населяющей страну отъ сѣвера до юга. Военная жизнь должна была объяснить значеніе добытыхъ результатовъ самымъ дивнымъ изъ калабрійскихъ рекрутъ, а они, въ свою очередь, уже должны были передать свое убѣжденіе землякамъ.

Дѣйствительно, именно такимъ путемъ распространилась и проникла въ самые глубокіе слои общества идея обширнаго государства, къ которому каждый принадлежалъ, и могучей общины, которая должна была все поглотить собою.

Не менѣе важной задачей, выпавшей также на долю арміи, было распространеніе образованія. Офіціальная статистика 1871 г. указывала, что въ Романьѣ, Папской области и южныхъ провинціяхъ процентъ неграмотныхъ колебался между 75 и 90 на сто. Въ отчетѣ, прочитанномъ въ палатѣ депутатовъ въ 1877 г., сообщалось, что если такое положеніе народнаго просвѣщенія улучшилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то въ другихъ оно, напротивъ, еще ухудшилось. Въ февралѣ того-же года, правительству удалось провести въ парламентѣ законъ объ обязательномъ обученіи и принять по отношенію къ арміи наиболѣе дѣйствительную мѣру. Согласно съ существующимъ въ Италіи обычаемъ, солдаты, прослужившіе наибольшей срокъ, возвращаются къ своимъ очагамъ за четыре мѣсяца до окончанія положеннаго срока. Рѣшено было тогда, что указанный обычай, т. е. сокращеніе срока на четыре мѣсяца, будетъ соблюдаться лишь по отношенію къ тѣмъ солдатамъ, которые выдержали экзаменъ въ особой комиссіи и доказали, что умѣютъ читать и писать. Уже съ перваго года оказались благотельныя послѣд-

ствія этой мѣры. Рекруты, призванные въ 1874 г., насчитывали на 54,540 человѣкъ, болѣе 28,000 неграмотныхъ. Послѣ трехъ лѣтъ службы число этихъ послѣднихъ упало до 3,418.

Безъ сомнѣнія, это результатъ весьма цѣнный, но сколько пробѣловъ придется еще восполнить!

Начнемъ съ объединенія. Дѣйствительно-ли оно такъ закончено, какъ то обыкновенно думаютъ? Оно вошло въ умы, въ воображеніе. Но вошло-ли оно въ нравы? Старыя партіи, представительницы отжившихъ правительствъ, вымерли; это такъ. Только весьма ограниченное число благородныхъ флорентинцевъ продолжаетъ ежегодно ѣздить на поклонъ къ австрійскимъ эрцгерцогамъ, а вѣрныя слуги окончательнаго обобраннаго неаполитанскаго короля остаются ему вѣрными, хотя не имѣютъ ни малѣйшей надежды, а можетъ быть и желанія на его возстановленіе на престолѣ. Это послѣднее обстоятельство можетъ служить лишнимъ доводомъ въ пользу силы совершившагося факта.

Въ итальянской палатѣ, прошлое, собственно говоря, не имѣетъ представителей. Правая состоитъ изъ доктринеровъ, во вкусъ 1830 года, представителемъ которыхъ можетъ вполнѣ служить Мингетти.

Съ этой точки зрѣнія, объединеніе, слѣдовательно, совершилось. И оно совершилось не только *географически*, но и политически. Итальянцы вѣрятъ въ свое единство, они чувствуютъ, что въ немъ ихъ сила и ихъ будущее. Для нихъ это—прекрасная *combinazione*, удовлетворяющая ихъ разсудокъ и лстящая воображенію.

Но согласуется-ли она также и съ ихъ вкусами? Довершенная въ политическомъ, совершилась-ли она и въ нравственномъ отношеніи?

Обратимъ вниманіе на слѣдующее, весьма важное обстоятельство: Италія до сихъ поръ не имѣетъ настоящей столицы. Римъ остается до нынѣшняго дня нѣсколько искусственнымъ центромъ. Правда, это политическая столица Италіи, но въ интеллектуальномъ отношеніи, этой столицей является Миланъ, въ промышленномъ—Туринъ, въ эстетическомъ—Флоренція, а по части удовольствій первенство принадлежитъ Неаполю. Между всѣми этими мѣстностями не существуетъ ничего общаго во вкусахъ, никакого притяженія. Римское общество имѣетъ болѣе связей въ Парижѣ, Лондонѣ или Вѣнѣ, чѣмъ въ Миланѣ. Человѣкъ, принадлежащій къ образованному кругу, положимъ, сочтетъ обязанностью поѣхать въ Римъ, но онъ не пожелаетъ вернуться въ него.

Замѣчено, что въ Римѣ, въ «Национальномъ клубѣ», посѣ-

щаемомъ журналистами и политическими дѣятелями, неаполитанцы и пѣмонтцы всегда распадаются на двѣ группы, естественнымъ и почти незамѣтнымъ для себя образомъ. Когда бываетъ возможно, и тѣ и другіе предпочитаютъ разговоръ на родномъ діалектѣ. Въ Квириналѣ, до сей поры, охотно говорятъ по-пѣмонтски.

Фактъ, на который мы указываемъ, выражается на тысячи другихъ ладовъ и въ дѣловомъ мірѣ. Имѣется «неаполитанскій банкъ», «тосканскій банкъ», «римскій банкъ» и т. д. И каждая выпущенная однимъ изъ этихъ банковъ процентная бумага имѣетъ обращеніе только въ той провинціи, въ которой находится банкъ.

Нравы и духъ проникнуты провинціализмомъ. Идея партикуляризма осталась и въ чувствахъ и въ обычаяхъ. Римлянинъ, которому случилось отобѣдать съ неаполитанцемъ или пѣмонтцемъ, скажетъ вамъ: «я обѣдалъ сегодня съ однимъ иностранцемъ».

Въ 1870 году, въ день отъѣзда Виктора-Эммануила въ Римъ, на стѣнахъ Батистеріи (крестильная часовня) во Флоренціи, кто-то написалъ углемъ слѣдующее четверостишіе:

«Туринъ плачетъ, провожая государя,
Римъ радуется, когда его встрѣчаетъ,
Флоренція-же, родина науки и искусства,
Посылаетъ къ чорту и увѣжающихъ, и пріѣзжающихъ».

Впрочемъ, и во всѣхъ итальянскихъ городахъ, посылаютъ къ чорту и увѣжающихъ, и пріѣзжающихъ. Несмотря на признаніе «единства», родной городъ, все-таки, является изолированнымъ отъ прочихъ городовъ центромъ, мѣстомъ, гдѣ центральная власть имѣетъ мало значенія, поприщемъ вполнѣ удовлетворяющимъ обычной дѣятельности общества, однимъ словомъ—родиной.

Изъ этого вытекаетъ, что въ то время какъ во Франціи политическая общинная и провинціальная жизнь безмолвствуютъ, по той причинѣ, что вся интенсивность этой жизни направлена къ центру,—въ Италиі, напротивъ, общая политическая сильно страдаетъ. Населеніе, если судить по громадному числу воздержаній отъ подачи голоса, выказываетъ весьма мало интереса къ парламентскимъ выборамъ. Такъ изъ 600,000 избирателей, воздерживается 400,000.

Измѣнить къ лучшему такое положеніе вещей было бы, впрочемъ, не трудно. Стоило бы только отмѣнить избирательную монополию буржуазнаго меньшинства и призвать всю націю къ подачѣ голосовъ. Народъ вообще выказываетъ въ дѣлѣ пользованія своими политическими правами столь-же много страсти и

пыла, сколько привилегированныя сословія выказываютъ равнодушія. Въ итальянской палатѣ было предложено отмѣнить существующую систему ценза, чтобы замѣнить ее другой, принимающей за основаніе образованіе гражданъ. По этой новой системѣ, чтобы быть избирателемъ, требуется пройти два класса первоначальной школы. Это было-бы уже шагомъ ко всеобщей подачѣ голосовъ.

И такое преобразование было-бы своевременнымъ, такъ-какъ положеніе дѣлъ не только не улучшается, но, повидимому, еще ухудшается.

Воздержаніе отъ голосованія значительно прогрессируетъ, и равнодушіе дѣлается все болѣе и болѣе глубокимъ. Недавно какой-то путешественникъ по Италіи спросилъ у почтенныхъ коммерсантовъ ими ихъ депутата. Они не могли его сказать и видимо изумились при такомъ вопросѣ. Такое-же невѣжество замѣчается повсюду.

Весьма понятно, что усердіе депутатовъ соответствуетъ проявляемому избирателями ихъ. Изъ 508 членовъ палаты, сто депутатовъ не являются *никогда*, а 200 другихъ—весьма рѣдко.

Иначе и быть не можетъ, такъ-какъ депутаты не получаютъ вознагражденія за свой трудъ. Дѣло въ томъ, что несчастные, которыхъ избиратели почтили своимъ выборомъ, нерѣдко люди нуждающіеся. Одинъ репортерствуетъ въ газетахъ за ничтожную плату и перебивается кое-какъ. Другіе—и ихъ много, стремятся получить право на торговлю табакомъ. Нѣкоторые, не имѣя квартиры въ Римѣ, ночуютъ въ вагонѣ, имѣя, по-крайней-мѣрѣ, бесплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ, въ качествѣ депутатовъ. Наконецъ, есть и такіе, которые шарятъ по карманамъ пальто своихъ товарищей, какъ видно изъ одного частнаго извѣстія. Все это дѣйствующіе представители.

Тѣ-же, кто имѣетъ профессію: адвокаты, врачи, негодіанты, не являются въ палату и остаются при своихъ дѣлахъ. Люди богатые не только не гордятся депутатскимъ званіемъ, но извиняются, что его получили, и дѣлаютъ видъ, что презираютъ большинство своихъ товарищей по парламенту. Понятно, что всѣ эти условія отзываются и на парламентской дѣятельности, а затѣмъ и вообще на управленіи страной. Беспорядочная администрація, плохое состояніе финансовъ, недостаточныя общественныя работы, необезпеченность общественной безопасности, медленное и слабое правосудіе, проступки и преступленія, болѣе частыя, чѣмъ въ какой-бы-то-ни-было иной странѣ, и принимающіе постоянно все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры на югѣ Италіи,—такова картина политическаго положенія страны

Въ дополненіе къ этой картинѣ, прибавимъ, что въ экономической сферѣ существуетъ весьма неравномѣрное распределеніе имущества, изъ чего вытекаетъ, что большая часть населенія принуждена довольствоваться недостаточнымъ и непостояннымъ заработкомъ, а сельское населеніе бѣдствуетъ.

Всѣ эти условія, очевидно, ненормальны и не должны возбуждать воинственныхъ намѣреній, такъ-какъ для улучшенія только-что описаннаго положенія вещей необходимъ миръ, и миръ продолжительный.

VII.

Къ несчастью, къ этимъ затрудненіямъ прибавляется еще одно, и притомъ такое, побѣдить которое не легко. Это—бѣшеное честолюбіе, составляющее неотъемлемую принадлежность итальянскаго характера. Въмѣсто того, чтобы радоваться возможности держаться въ сторонѣ отъ затрудненій и борьбы европейскаго материка, благодаря естественнымъ условіямъ страны своей, итальянская нація постоянно находится въ тревогѣ и волненіи. Въ 1871 году, когда вопросъ о нейтральности Чернаго моря грозилъ навлечь войну, одинъ изъ итальянскихъ министровъ опредѣлилъ политику своей страны, говоря, что Италія должна быть «всегда независимой, но никогда изолированной». Иными словами—это значило вѣроятно, что въ каждомъ столкновеніи, въ которомъ замѣшаны будутъ великія державы, Италія не можетъ оставаться нейтральной и безучастной, но должна стать на ту или другую воюющую сторону.

Къ чему-же это? Послѣ Рима и Венеціи, чего-же еще хочетъ Италія? Успѣхъ ея политики, очевидно, возбудилъ въ ней аппетитъ. Приобрѣтать новую провинцію послѣ каждой проигранной битвы—это по-истинѣ неслыханное дѣло. Совершенно обратное случается съ Франціей, территорія которой укорачивается въ прямомъ отношеніи съ количествомъ одержанныхъ ею побѣдъ. Увлеченіе этой игрой: «кто проигрываетъ, тотъ выигрываетъ»—понятно. Но я спрашиваю еще разъ, къ какой добычѣ стремится Италія?

Чтобы получить желаемое разъясненіе, стоитъ только открыть любой учебникъ географіи, принятый въ итальянскихъ школахъ.

Возьмемъ, на примѣръ, маленькое руководство Боргоньо, особенно распространенное въ первоначальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вопросъ. Что вы можете сказать мнѣ объ Италіи вообще?

Отвѣтъ. Италія, наша родина, есть, повидимому, избранная Богомъ земля, такъ-какъ Онъ пожелалъ излить на нее всѣ дары свои въ изобиліи и содѣлать ее славнѣйшею изъ націй міра и родиной наиболѣе знаменитыхъ по своему генію и заслугамъ людей, каковы: Юлій Цезарь, Данте, Буанаротти, Канова, Рафаэль, Наполеонъ I, Кавуръ, Манцони. Въ наукахъ и искусствахъ, Италія всегда занимала первое мѣсто, которое не можетъ, не выказавъ неблагодарности, оспаривать у нея ни одна нація.

Вопросъ. Разскажите вкратцѣ объ итальянскихъ провинціяхъ, находящихся еще подъ властью иностранныхъ государствъ.

Отвѣтъ. Итальянскія провинціи, находящіяся во владѣніи Франціи, суть: Корсика и графство Ницца... и т. д.

А вотъ и другой учебникъ. Это руководство профессора Бони, изданное въ 1876 г. для среднихъ учебныхъ заведеній, согласно съ министерскими программами 1867 г., составленными для нормальныхъ школъ.

Описывая восточную границу Франціи, авторъ сообщаетъ намъ, что «Варъ, рѣка, берущая начало свое въ Морскихъ Альпахъ, должна считаться естественной границей между французской и итальянской территоріями».

Замѣтимъ мимоходомъ, что для того-же автора естественною границей между Германіей и Франціей должно считать не Рейнь, а Вогезскія горы. Иначе говоря: на сѣверѣ рѣки не могутъ служить естественнымъ разграниченіемъ территорій, а на югѣ—могутъ.

А то какимъ-же образомъ узаконить присоединеніе къ Пруссіи Эльзаса и Лотарингіи, а съ другой и требованіе Италіей Ниццы?

Перечисляя острова и порты, принадлежащіе Франціи на Средиземномъ морѣ, учебникъ опускаетъ Корсику и Ниццу. Правда, дажѣ эта ошибка исправлена, и онъ объ упомянуты въ числѣ французскихъ колоній, между Пондишери и Сенегаломъ, съ замѣткой, что болѣе подробно будутъ говорить о нихъ при описаніи Итальянскаго королевства.

Дойдя до Италіи, мы находимъ ее раздѣленной «въ настоящее время» на шесть частей, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ итальянскимъ правительствамъ, а именно: Королевство Итальянское и республика Санъ-Марино. Остальныя-же находятся пока въ рукахъ иностранныхъ правительствъ. Таковы: 1) Находящаяся подъ властью Австріи часть Италіи, обнимающая собою Горичъ, Тривестъ, Истрию и Фиуме. 2) Часть Италіи, находящаяся подъ властью Франціи и заключающая въ себѣ департа-

менты: Морскихъ Альпъ и Корсиканскій. Территорія перваго включаетъ Ниццу и княжество Монако. 3) Часть, находящаяся во власти Швейцаріи и заключающая Тессинскій кантонъ и часть кантона Граубинденъ. Наконецъ, 4) часть Италіи, принадлежащая Англии—островъ Мальта.

Географическіе атласы, естественнымъ образомъ, соотвѣтствуютъ руководствамъ. Они также, какъ и учебники, составлены согласно съ министерскими программами. Разница въ томъ, что въ атласахъ мы дѣлаемъ шагъ впередъ. На картахъ Валларди и Гюнки (самыхъ распространенныхъ въ итальянскихъ школахъ), всѣ требующія для Италіи приобрѣтенія министерскихъ программъ, показаны какъ уже осуществленныя. Граница королевства проведена по ту сторону провинцій, принадлежащихъ Франціи, а именно: Ниццы, Лугано, Трента, Горица и Триеста.

Въ такомъ духѣ ведется и остальное преподаваніе, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ школахъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ. Существуютъ даже азбуки, составленные въ томъ-же духѣ. Имъ-же проникнуто преподаваніе въ университетахъ и въ военныхъ школахъ, начиная отъ полковыхъ и кончая военной академіей, артиллерійскимъ училищемъ и военнымъ училищемъ въ Миланѣ.

VIII.

Мнѣ скажутъ, вѣроятно, на все это, что если Италія обладаетъ подобными аппетитами, то лучше было-бы для нея не выказывать ихъ. Она это и дѣлаетъ, насколько возможно. Поговорите съ итальянскимъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ непременно станетъ увѣрять васъ въ своихъ миролюбивыхъ намереніяхъ, а если вы французъ, то и въ своемъ расположеніи къ вашему отечеству. Въ апрѣлѣ прошлаго года итальянскому министерству пришлось отвѣчать на запросъ по поводу *Italia irredenta*. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Депретисъ, объявилъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ и нѣкоторыхъ радикаловъ-журналистовъ, не одобряемыхъ общественнымъ мнѣніемъ и состоящихъ подъ надзоромъ,—никто въ Италіи не думаетъ о присоединеніяхъ; что «довольно комическое собраніе лицъ, нигѣмъ не уполномоченныхъ и собравшихся для манифестаціи, подъ громкимъ титуломъ *Italia irredenta* (неискупленная Италія), было чисто личнымъ дѣломъ, какъ то нерѣдко случается въ свободныхъ странахъ». Далѣе министръ замѣчалъ (весьма справедливо и съ большимъ юморомъ, какъ выразилась одна оффиціозная газета), что «если-бы кому-нибудь вздумалось

образовать въ Римѣ комитетъ для возстановленія древне-римской имперіи, мнѣ было-бы невозможно помѣшать этому». А ваши программы народнаго просвѣщенія?—можно было-бы возразить ему. Но въ Италіи всѣ партіи дѣйствуютъ за-одно въ дѣлѣ внѣшней политики. А во Франціи кто-же станетъ забавляться чтеніемъ учебниковъ географіи и программъ итальянскаго министерства народнаго просвѣщенія? Итальянцы, до такой степени въ этомъ увѣрены, что не забываютъ присылать на всемірныя парижскія выставки экземпляры только-что указанныхъ нами изданій. Доказательствомъ-же тому, что они не ошибаются, можетъ служить полученіе медали именно указанной нами картой Гююки въ 1878 году.

Быть можетъ это только фанфаронство? Совсѣмъ нѣтъ. Это, напротивъ, результатъ цѣлой системы, которая, будучи обобщена и настойчиво проведена, становится однимъ изъ самыхъ опасныхъ боевыхъ средствъ. Эта система есть ничто иное какъ педагогика, превращенная въ политическое орудіе. Честь ея изобрѣтенія принадлежитъ Германіи. Въ то время, когда она еще была раздроблена на множество мелкихъ государствъ и только стремилась къ объединенію, стремленія этого рода проявлялись, прежде всего, въ университетахъ и училищахъ, такъ-что учителя и воспитатели подготовили путь прусскимъ дипломатамъ и генераламъ. Германскій патріотизмъ, послѣ Іены, развивался преимущественно въ школахъ.

Педагогія, являясь, нѣкоторымъ образомъ, помощницей и подготовительницей военной дисциплины, несомнѣнно умѣла измѣнить самый характеръ націи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Событія, совершившіяся за послѣднія пятнадцать лѣтъ, только усилили ея значеніе. Правительство, убѣдившись въ вѣрности изреченія «кто имѣетъ въ своихъ рукахъ школу, тому принадлежитъ будущее», овладѣло школой вполне и превратило ее въ союзницу своихъ политическихъ и религіозныхъ битвъ, въ орудіе ассимиляціи для недавнихъ завоеваній, въ средство пропаганды своихъ видовъ на будущее. Оно овладѣло редакціей программъ и инспекціей надъ всѣми общественными и частными школами. Такимъ образомъ, путемъ этого вмѣшательства, заботы государственныхъ людей примѣшались ко всѣмъ отраслямъ преподаванія, начиная исторіей и географіей и кончая гимнастикой и школьными празднествами. Эта система заключается въ систематическомъ насажденіи въ сердцѣ ребенка ненависти и презрѣнія къ французамъ, въ пропагандѣ уничтоженія этого народа, въ постоянномъ развитіи расовой гордости и отрицанія всего негерманскаго; все это овладѣваетъ стихійными и безформенными

силами народа, чтобы направить его отъ школьной скамьи къ единственной цѣли—вышнему величію и господству. Итальянцы, почитающіе себя такими-же реалистами какъ нѣмцы и находившіеся почти въ одинаковомъ положеніи съ ними, не могли не оцѣнить этой системы и поспѣшили примѣнить ее съ 1866 г. во всѣхъ своихъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ приходилось только списывать по готовому, какъ мы то сейчасъ увидимъ. Въ лучшемъ изъ нѣмецкихъ учебниковъ географіи для первоначальныхъ школъ, учебникѣ г. Даніэля, профессора въ Галле, говорится дѣтямъ, что Франція была первоначально небольшимъ королевствомъ, образовавшимся изъ осколковъ имперіи Карла Великаго и на счетъ Германіи. Границами ей служили Рона и Сона. Ліонъ и Марсель были нѣмецкими городами во все продолженіе среднихъ вѣковъ. О Страсбургѣ и Мецѣ нечего и говорить: это само собою разумѣется. Далѣе авторъ помѣщалъ подъ рубрикой вышнегерманскихъ государствъ слѣдующія пять: Швейцарію, Бельгію, Нидерланды, Люксамбургъ и Данію, которыя считаются добавленіемъ къ Германіи. Въ то-же время учебникъ вѣжливо и деликатно причислялъ къ Италиі все, что ей не принадлежитъ, и отдѣлялъ въ ея пользу швейцарскія, французскія, англійскія и австрійскія владѣнія, оставляя себѣ, впрочемъ, Триестъ. Отъ географіи система перешла и во всѣ другія сѣеры преподаванія.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ въ нѣмецкой школѣ Lesebuch. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ нѣмецкихъ книгахъ для чтенія находимъ главу, подъ названіемъ: «Судъ Божій надъ Франціей». Это обстоятельство поразило одного швейцарскаго профессора, члена педагогическаго жюри на всемирной выставкѣ въ Вѣнѣ, и онъ написалъ по этому поводу: «Мы болѣе огорчены чѣмъ изумлены, видя какъ мало помышляетъ о своемъ очищеніи прусскій патриотизмъ, переступая чрезъ порогъ школы. Франція нашъ вѣчный врагъ,—вотъ первое, что преподается ребенку. Если этимъ способомъ намѣрены прусскія школы содѣйствовать миру вселенной, то Пруссіи слѣдовало-бы расположить среди своего собранія картъ, книгъ и глобусовъ — артиллерійскій паркъ и выдать фирмѣ Круппъ почетный дипломъ отъ министерства народнаго просвѣщенія». Въ этомъ случаѣ Италия также явилась подражательницей. Было, впрочемъ, весьма естественно, что въ книгахъ для юношества проявился тотъ-же враждебный духъ, который господствуетъ во всей итальянской литературѣ. Поэтому, послѣ выдержекъ изъ Данта, Петрарки, Макиавелли, Аріоста и Тасса, самой распространенной въ итальянскихъ училищахъ книгой является, по исторіи національной литературы, книга знаменитаго Джіоберти, которому принадлежатъ столь извѣстныя

слова: «Я болѣе опасаюсь дружбы Франціи, чѣмъ вражды Германіи». Это сочиненіе озаглавлено: «Мысли и размышленія В. Джиоберти объ итальянской литературѣ». Можно получить нѣкоторое понятіе о немъ изъ указанія на ея содержаніе: «О галломаніи, столь опасной для Италіи. Галлофилы. О лишенномъ основанія первенствѣ Франціи. О томъ, что Наполеонъ—итальянскій государь. Италія есть жизненный центръ Европы. Объ интеллектуальномъ убожествѣ французовъ. О маніи всесвѣтнаго господства французовъ. Недостатки французовъ суть недостатки дѣтей. Французы считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ. Они упали во мнѣніи мыслителей. Гуманитарничанье французовъ», и проч. Большая часть хрестоматій, антологій и «избранныхъ мѣстъ», проникнута тѣмъ-же духомъ. То-же можно сказать о книжкахъ, принятыхъ въ пріютахъ, и объ азбукахъ въ элементарныхъ школахъ.

Не составляютъ исключенія и учебныя книги въ духовныхъ школахъ. Онѣ одинаково преисполнены антифранцузскаго духа, одинаково озабочены возстановленіемъ Италіи въ прежнихъ предѣлахъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ заглянуть въ образцовыя руководства Сальватора Бетти, друга Григорія XVI и Пія IX, бывшаго при обоихъ папахъ профессоромъ исторіи и міеологіи въ Сень-Лукской папской академіи. И въ этихъ руководствахъ мы находимъ, что Франція узурпировала вліяніе, которымъ должна-бы пользоваться Италія, и весь репертуаръ свѣтскихъ школъ, а именно: Наполеонъ I — государь итальянскій, Корсика принадлежитъ Италіи, хотя временно находится подъ ярмомъ иностраннаго владычества и т. д.

Дѣйствительно, духовенство и свѣтское общество, такъ далеко стоящіе другъ отъ друга въ прочихъ отношеніяхъ, дружно сливаются, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы проклинать Францію и ея заносчивость, составляющую, по ихъ мнѣнію, «господствующую черту галльскаго характера». Римская знать глубоко презирала папскихъ зуавовъ, а также и офицеровъ нашей регулярной арміи, изъ которыхъ сдѣлали сателлитовъ папы. Римская курія причиняла всевозможныя мелкія непріятности нашему главному штабу и посольству. О Піѣ IX рассказываютъ слѣдующее: въ то время какъ г. де-Сартижъ приписывалъ себѣ успѣхи переговоровъ между папскимъ престоломъ и правительствомъ Виктора-Эммануила, папа повторялъ съ обычной насмѣшливой улыбочкой всѣмъ, кто желалъ слушать: «Э, э, они тамъ во Франціи непременно хотятъ помирить насъ съ Піемонтомъ. Боже мой! Да если-бъ мы этого захотѣли, развѣ не могли-бы сдѣлать и безъ посторон-

ней помощи? Вѣдь мы-же итальянцы, итальянцы!» (Siamo Italiani poi, Italiani, Italiani!).

Въ настоящую минуту можно положительно утверждать, что всѣ духовные въ Италіи, начиная съ Льва XIII и кончая послѣднимъ священникомъ,—патріоты. Но если папа и его духовенство—патріоты, то съ другой стороны и Италія продолжаетъ быть слугою папства. Взгляните на парламентъ. Вы считаете, быть можетъ, представителей итальянской лѣвой какими-нибудь атеистами? Напрасно. Эти люди набожны до суевѣрія. Многие изъ нихъ ходятъ къ обѣднѣ и вѣрятъ, что пятница тяжелый день, а число тринадцать приноситъ бѣду. Многие изъ нихъ поддерживаются епископами и низшимъ духовенствомъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, во время манифестаціи на площади Колонна, по случаю министерскаго кризиса, слышались слѣдующія восклицанія: «Долой пономарей лѣвой!»

Въ средѣ радикаловъ есть, правда, гарибальдійцы, ненавистники духовенства, не хотящіе слышать о папѣ, напримѣръ, докторъ Бертани, но народъ не различаетъ этого. Повсюду рядомъ съ папой и Христомъ мы видимъ и раскрашеннаго Гарибальди. Въ Римѣ, въ витринахъ магазиновъ красуются фотографіи Виктора-Эммануила, подающаго правую руку папѣ, а лѣвую Гарибальди.

Видя все это, убѣждаешься, что Италія и папа созданы другъ для друга.

Прежде чѣмъ кончить, позволю себѣ привести еще нѣсколько строкъ изъ указанной мною уже въ этой статьѣ книги Прудона: «La Fédération et l'Unité en Italie»: «Понимаю. Хотятъ для военной Италіи—Рима, съ его папскимъ престижемъ. Желаютъ приспособить папство къ конституціонному управленію. Подчинивъ его новому порядку вещей, хотятъ возратить Италіи первенство въ католическомъ мірѣ и подчинить ей Францію и Австрію, которыя превратятся въ простыхъ спутниковъ великой римской и христіанской планеты. Сперва Римъ и единство; затѣмъ Венеція, Тессино, Корсика, Ницца, Иллирія; для довершенія этой великой реставраціи недоставало-бы только измѣненія титула Виктора-Эммануила: слово *король* съ успѣхомъ могло-бы быть замѣнено словомъ *императоръ*. Италія-же, болѣе папская и императорская, чѣмъ когда-либо, была-бы на вершинѣ блаженства своихъ осуществившихся мечтаній. Она-бы возвратила себѣ, какъ говорилъ Мадзини, апостолатъ Европы»...

Въ сущности то, что требуютъ для Италіи, и о чемъ мечтаютъ итальянцы, преисполненные грандіозныхъ и драматическихъ воспоминаній, это ничто иное, какъ подчиненіе папства

королевской власти и затѣмъ врученіе папскому престолу протектората надъ католическимъ міромъ. Однимъ словомъ—стремятся (хотя и не сознаваясь въ томъ), вернуться, въ измѣненной формѣ, къ дуализму императорской и папской власти, въ чемъ находила себѣ выраженіе Италія въ средневѣковую эпоху. Но это еще не все. Будучи естественной соперницей Франціи на европейскомъ материкѣ, Италія является соперницей ея и на морѣ. Всѣ итальянцы желаютъ для своего флота преобладанія на Средиземномъ морѣ. Это море, по мнѣнію Наполеона III, должно быть французскимъ озеромъ. Средиземное море должно быть итальянскимъ озеромъ, говорятъ, въ свою очередь, наши заальпійскіе братья и, выражаясь словами профессора военной исторіи, г. Марседли: «Италія призвана судьбами своими быть первой морской державой на югѣ Европы, подобно тому, какъ Англія занимаетъ это мѣсто на западѣ.

Римъ и Карагенъ! Въ этихъ словахъ выражается все честолюбіе Италіи. Ничего болѣе, ничего менѣе. Поживемъ, увидимъ.

А до тѣхъ поръ, понятно, что тунисскія происшествія были несма и весьма неприятны для Италіи.

Ж--ка.

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Какое наслаждение вырваться, хоть на короткое время, из Петербурга, особенно невыносимаго лѣтомъ—да непріятнаго и весной, и уѣхать отъ него куда-нибудь подале, чѣмъ всѣ эти Шуваловы, Парголовы, Лиговы, Стрѣльны, Павловски, Петергофы, Ораніенбаумы съ ихъ прискучившими театрами, парками дачными идилліями и дорогой провизіей; не читать ежедневно, по обязанности или по привычкѣ, газетъ съ однообразно-монотоннымъ нытьемъ о жучкѣ, мухѣ, саранчѣ, сибирской язвѣ и болѣзняхъ, съ комично-серьезными разсужденіями о Бисмаркѣ, Гамбеттѣ, Абдуль-Гамидѣ и какомъ-нибудь проштрафившемся при исполненіи обязанностей помощникѣ пристава; не слышать на улицѣ, въ вагонѣ, въ департаментѣ, въ редакціи, дома, словомъ—всюду, варіантовъ ежедневно мѣняющихся новостей, поражающихъ своей нелѣпостью и въ то-же время какъ-будто имѣющихъ всѣ признаки достовѣрности, раздражающей и безъ того натянутыя нервы; не встрѣчаться съ одними и тѣми-же спутниками, отправляющимися въ обычные часы вмѣстѣ съ вами въ городъ и вмѣстѣ съ вами же возвращающимися на дачи, съ усталыми, помятыми, голодными лицами департаментскихъ страдальцевъ, отбывшихъ поденщину обязательнаго бездѣлья въ канцеляріяхъ и департаментахъ или, напротивъ, съ самодовольно-досняющимися отъ духоты, жира и собственного достоинства физиономіями русскихъ нѣмцевъ изъ конторъ и лавокъ. Вырваться, говорю я, отъ всѣхъ этихъ прелестей, пріятныхъ встрѣчъ и непріятныхъ новостей—такое наслаждение, силу котораго пойметъ всякій, прикованный въ Петербургу житель, не имѣющій случая казенныхъ командировокъ со

всевозможными цѣлями, не обладающій воловьими нервами и лѣлющій надежду—хоть и обманчивую—почувствовать себя какъ будто свободнѣй и счастливѣй, отъѣхавъ съ десятокъ станцій отъ «полночныхъ странъ красы и дива».

Въ исходѣ перваго часа я стоялъ въ хвостѣ у кассы и, признаюсь, радовался, какъ школьникъ, что хоть уѣду въ Москву. Въ это время я даже забылъ, что въ Москвѣ есть Катковъ и Охотный рядъ, что въ Москвѣ грязь и вонь даже хуже петербургской, что въ Москвѣ... да мало-ли чего въ Москвѣ нѣтъ. Но зато я ѣхалъ прогуляться... отдохнуть, посѣтить въ окрестностяхъ Москвы кое-кого изъ знакомыхъ и преимущественно такихъ—каюсъ въ этомъ—которые бесплодно сами не интересуются и не беспокоятъ другихъ вопросами насчетъ переменъ въ администраціи, программъ, намѣреній, вѣяній и т. д. Всѣми этими слухами о намѣреніяхъ я былъ начиненъ самъ въ достаточной мѣрѣ и питалъ надежду—увы! не вполне осуществившуюся—что въ дорогѣ и въ Москвѣ я, такъ-сказать, освобожусь постепенно отъ этого балласта и вернусь въ Петербургъ обновленный и освѣженный...

Хвостъ у кассы былъ длинный. На вокзалѣ шла, обычная передъ отходомъ поѣзда, суета. Какая-то дама вопила о потерянной собачкѣ.—«Она только-что была тутъ, бѣленькая, мохнатая—Кадошка!.. Сію минуту!» Бѣдная дама была въ отчаяніи и хоть не предлагала за собаку полцарства, какъ обѣщала Ричардъ III за коня, но охотно готова была дать нашедшему одинъ рубль. Охотники, конечно, нашлись.

Публики въ вокзалѣ было много. Отливъ изъ Петербурга «чистой» публики и приливъ рабочихъ лѣтомъ всегда большой. «Интеллигенція» ѣдетъ отдохнуть на лонѣ природы, посѣтить опустѣлыя усадьбы, излечить недуги Кавказомъ, Крымомъ, Старой-Руссой, Липецкомъ; рабочій приливаетъ къ столицѣ выводить новые пятиэтажные дома, чинить мостовыя, готовить намъ къ осени удобства дорогихъ квартиръ.

— Много ѣдетъ съ поѣздомъ? любопытствовалъ я у артельщика, предложившаго мнѣ свои услуги отнести ручной чемоданъ и занять мѣсто.

— Много, господинъ. Лѣтняя пора, сами знаете. Всякому въ охотку прокатиться...

— Въ вагонахъ, пожалуй, тѣсно будетъ?.. Набьютъ биткомъ?

— Пожалуй, маленько тѣсновато... Надо пораньше занять мѣсто—Вамъ какъ, у окна?..

— Конечно... пожалуста у окна...

Духота и тѣснота вагона чувствуется заранѣе. Нужды нѣтъ,

только-бы сосѣди попались не назойливые и не съ очень юркими глазами, заставляющими васъ плотнѣй сжимать губы и настойчивѣй любоваться въ окно лѣсами и болотами, въ ожиданіи свободнаго мѣста въ другомъ вагонѣ. Много этихъ юркихъ пронизывающихъ глазъ шляется по желѣзнымъ дорогамъ; быть можетъ, хозяева этихъ глазъ и очень добропорядочные люди, но все-таки эти любопытно и быстро оглядывающіе васъ взгляды невольно возбуждаютъ мнительность и относительно души и относительно кармановъ. Что дѣлать!.. Русскій человекъ, храбро умирающій во славу русскаго оружія, отважно бесѣдующій насчетъ правъ МагъМагона въ Вѣнѣ, Парижѣ, Тегеранѣ и Константинополѣ, не задумываясь обнажающій въ публичныхъ мѣстахъ пашку или, за неимѣніемъ таковой, доблестно дѣйствующій кулакомъ въ минуты спиртнаго возбужденія, — обнаруживаетъ необыкновенную робость въ трезвомъ состояніи въ тѣхъ-же самыхъ общественныхъ мѣстахъ.

А день, какъ нарочно, стоялъ жаркій, палящій. Послѣ сырости, вѣтра и холода, отъ котораго дачники зябнуть и жмутся, но, словно изъ чувства оскорбленнаго за погоду самолюбія, увѣряютъ рискнувшихъ пріѣхать гостей, что воздухъ превосходный и на дачѣ отлично, послѣ этого петербургскаго мелкаго назойливаго дождя, окутывающаго все туманной мглой, когда, возвращаясь изъ города, со страхомъ думаешь, не забыли-ли протопить комнаты, и изъ оконъ вагона сочувственно взглядываешь на солдатъ, мѣрно шагающихъ подъ намокшими шинелями, съ опущенными книзу ружьями, взадъ и впередъ, — внезапно наступило ведро, и солнце смотреть съ безоблачнаго петербургскаго неба такъ-же ослѣпительно и ягуче, какъ и съ астраханскаго или одесскаго.

Бѣлобрысый, пожилой и серьезный, какъ и полагается касиру, господинъ отщелкиваетъ машинкой, штемпелюя билеты, спокойно, не спѣша, провѣряетъ деньги и отдаетъ сдачу... Впереди меня стоитъ какая-то дама... Какъ пріятны дамы въ обществѣ, въ гостиной, за столомъ, въ бесѣдѣ, такъ онѣ непріятны въ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ качествѣ просительницы, у кассы и т. п., особенно если стоятъ впереди васъ и уже прозвонилъ второй звонокъ. Пользуясь, вѣроятно, своимъ преимуществомъ слабаго пола, онѣ имѣютъ способность говорить много тогда, когда не слѣдуетъ говорить вовсе и спрашивать о пустякахъ въ такое время, когда спрашивать — значить терзать другихъ, нетерпѣливо ожидающихъ очереди.

«Будетъ-ли эта дама бесѣдовать или не будетъ?» подумалъ я, когда господинъ, стоявшій передъ нею, спрашивалъ билетъ. Я

не видалъ лица дамы; видѣлъ только цвѣтъ на шляпѣ, густую подобранную косу пепельныхъ волосъ и бѣлую шею... По этимъ признакамъ трудно было что-нибудь сказать... Она подходитъ къ кассѣ. Подходитъ и начинаетъ торопливо искать свой портмоне въ карманахъ, словно раньше не имѣла времени подумать объ этомъ. Наконецъ, портмоне отыскано.

— Позвольте билетъ!

— Куда?..

— Въ Клинь... Нѣтъ... въ Москву!.. А что стоитъ билетъ? Кассиръ говорить.

— А въ спальномъ вагонѣ?..

Опять ей отвѣчаютъ.

— Вы какъ посоветуете ѣхать?..

— Сударыня... сзади ждутъ...

— Ахъ... извините... Вотъ деньги... Когда поѣздъ придетъ въ Москву?

Она даетъ сторублевую бумажку. Кассиръ поглядываетъ ее на свѣтъ, потомъ разглаживаетъ, снова пробуетъ мокрымъ пальцемъ и, наконецъ, отсчитываетъ сдачу. Это дѣлается не спѣшно, методически, и все это: и дама, и лимфатическій кассиръ, и эти разговоры раздражаютъ меня и двухъ господъ, ожидающихъ сдачи. Каждый изъ насъ нервно смотритъ на часы... Остается четыре минуты.

— Нельзя-ли скорѣй!.. раздается сзади меня нетерпѣливый голосъ.

Дама съ пачкой несосчитанныхъ ею бумажекъ въ рукѣ оборачивается, бросаетъ на меня недовольный взглядъ и стремительно бѣжитъ по вокзалу. Я успѣваю замѣтить красныя щеки молодого, свѣжаго лица, беру билетъ и съ трудомъ нахожу артельщика, который обѣщалъ занять мѣсто и машетъ мнѣ, высунувшись изъ окна вагона.

Вагонъ полонъ... Пассажиры устраиваются, стараясь втиснуть большущіе чемоданы, подушки, саки и картонки. Напротивъ меня цѣлая гора подушекъ и около—живая круглая подушка скорѣй даже перина—толстая претолстая барыня, обливающаяся потомъ въ безуспѣшномъ стараніи втиснуть большой чемоданъ на сѣтку. На кончикѣ свамьи сидѣлъ сухощавый господинъ, по виду, обличью и костюму, должно-быть, землевладелецъ изъ небогатенькихъ.

— Я вамъ, господинъ, занялъ, хорошее мѣсто у окна... напоминаетъ артельщикъ.

— Спасибо, спасибо!..

Я вынимаю двугривенный и кладу въ руку. Онъ желаетъ мнѣ хорошаго пути.

— Вы изволите ѣхать до Москвы? внезапно поварачиваясь, спрашиваетъ меня толстая старушка. На ея озабоченномъ отъ напрасныхъ усилій, рыхломъ, красно-багровомъ лицѣ, отъ котораго вѣетъ добродушіемъ Пульхеріи Ивановны, свѣтится улыбка.

— До Москвы.

— А мнѣ такъ далеко... Въ Самару. Очень тѣсно! продолжаетъ барыня, очевидно, имѣя намѣреніе меня разжалобить.

Но только-что я хотѣлъ предложить руку помощи, какъ она— о лукавая!—поставила изрядный чемоданъ въ промежутокъ между скамьями, прямо на мои ноги, и съ необыкновеннымъ добродушіемъ въ голосъ и въ лицѣ проговорила:

— Васъ онъ не побезпокоитъ?.. Онъ маленькій!

— Напротивъ, очень даже побезпокоитъ! отвѣчалъ я.

Она, очевидно, не ожидала такого грубаго отвѣта съ моей стороны и даже въ первый моментъ растерялась.

— Но куда-же я его поставлю?..

Кое-какъ мы поладили другъ съ другомъ и съ чемоданомъ. Его пристроили въ другое мѣсто. Старушка, наконецъ, успокоилась и заговорила съ молодой женщиной, стоявшей на платформѣ у вагона.

— Такъ смотри, Коля, побывай у графа Павла Николаича и скажи графу Павлу Николаичу!.. раздастся сзади чей-то голосъ, особенно громко отчеканившій имя, отчество и фамилію графа.

Всѣ оборачиваются въ сторону голоса, произнесшаго извѣстную фамилію петербургскаго сановника и смотрятъ на плотнаго, хорошо одѣтаго, пожилого господина, бесѣдующаго съ маленькимъ вертявымъ чистенькимъ лицестомъ въ треуголкѣ. Господинъ, приглашавшій Колю побывать у графа Павла Николаича, очевидно, замѣчаетъ эффектъ, произведенный имъ... Онъ бросаетъ небрежный взглядъ вокругъ и уже тише разговариваетъ съ Колей...

Сухощавый «землевладѣлецъ» съ почтеніемъ взглядываетъ на господина, а старушка даже привстала съ подушки и съ какимъ-то благоговѣніемъ открыла ротъ и на секунду замерла. Только сосѣдъ, рядомъ со мной сидѣвшій, и до сего времени разсматривавшій свою, очевидно, новую лѣтнюю пару, то снимавшій, то надѣвавшій черныя шведскія перчатки, обернулся на секунду и снова повернулся съ видомъ равнодушія, какъ-будто желая показать, что никакой фамиліей его не удивишь. Онъ взглянулъ на старушку, окинувъ ея костюмъ неодобрительнымъ взглядомъ, досталъ изъ кармана «Новое Время» и сталъ читать, по

временамъ люблюсь своей новой лѣтней парой. У этого господина была настоящая «петербургская» физиономія, одна изъ тѣхъ, которыя видишь каждый день на улицахъ.—Вѣроятно, какой-нибудь столоначальникъ, ѣдущій отдохнуть отъ государственныхъ трудовъ.

— Развѣ познакомиться съ нимъ и его попросить?.. вдругъ говорить, вздыхая, толстая старушка, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Что вы, тетенька!.. Вотъ выдумали!..

— Надо, Лиза, всё средства... А вдругъ, Господь Богъ поможетъ, онъ напишетъ графу Николаю Павловичу...

— Ахъ, тетенька! скептически замѣчаетъ молодая женщина.

Раздается тяжелый вздохъ. На глазахъ у старушки блестятъ слезы.

— Три недѣли вѣдь прожила... ѣдила, ѣдила...

— Вы скоро вернетесь?..

— Скоро, дружокъ, какъ-же не скоро!.. Вѣдь одна я у него...

Ты что услышишь тамъ... когда дѣло... телеграфируй, Лиза... Можетъ-быть, ты увидишь бѣднаго Васю...

— Постараюсь... но едва-ли!.. Вы сами знаете...

— Знаю, знаю!.. вздохнула старушка.

— Такъ побывай, Коля, у графа Павла Николаевича! въ четвертый разъ раздается голосъ.

— Непремѣнно буду, папа...

— И скажи шатап, что я жду васъ черезъ недѣлю...

Въ двери стремительно вваливается купецъ, въ лоснящемся длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ озирается въ вагонъ, разъясняя мѣсто. Изъ-за его плеча выглядываетъ голова носильщика съ чемоданомъ...

— Вы, господинъ, поскорѣй... Сейчасъ третій звонокъ...

— И тутъ мѣстовъ нѣтъ!..

Онъ дѣлаетъ новый обзоръ и видитъ съ боку, на незанятомъ мѣстѣ, маленькій чемоданъ около господина въ форменной фуражкѣ; господинъ, съ приходомъ купца, внезапно поворачивается и сосредоточенно смотреть въ окно.

— Это мѣсто занято?

«Форменная фуражка» не слышитъ.

— Слободно то мѣсто? обращается купецъ къ сосѣдямъ...

— Не знаю... Да вы идите въ другой вагонъ... Тамъ свободнѣй! говорятъ ему.

— Кондукторъ, кондукторъ! отчаянно кричитъ купецъ.

«Форменная фуражка» бросаетъ взглядъ на купца. Кондуктора нѣтъ. Купецъ осторожно снимаетъ со скамьи чемоданчикъ.

— Вашъ будетъ? освѣдомляется онъ...

— Мой!

— Такъ нельзя-ли его вотъ сюда... Тоже и мы деньги заплатили!.. Недалече ѣду-съ... До Бологова! говоритъ онъ, какъ бы въ утѣшеніе огорченного сосѣда и, снимая фуражку, торжественно отираетъ потъ съ широкаго, скуластаго лица и поводитъ глазами на публику.

— Парить! произносить онъ, ни къ кому особенно не обращаясь... Для наливу зерна — благодать!

Никто не подаетъ реплики... Бьетъ третій звонокъ... Съ платформы раздаются пожеланія, недосказанныя фразы... Старушка протягиваетъ руку и отираетъ слезу, стараясь приветливой улыбкой проститься съ молодой женщиной... Улыбка выходитъ грустная, грустная...

— До свиданія, Лизочка... Если можно... Васю-то... Васю навѣсти!..

И этотъ «Вася» звучитъ такимъ сердечнымъ, надтреснутымъ голосомъ, полнымъ безнадежной тоски.—«Вѣрно мать!» пронеслось у меня въ головѣ и я вспомнилъ Некрасова: «То слезы бѣдныхъ матерей»...

— Постараюсь, тетенька...

— Спаси его Господи!

— Такъ смотри, Коля, непременно побывай и отъ моего имени засвидѣтельствуй...

— Прощайте... прощайте... О, счастливица! раздается чей-то звучный голосокъ съ платформы. И молодая дѣвушка, сверкающая молодостью и свѣтлымъ платьемъ, весело махаетъ платкомъ.

— Въ Пятигорскъ до востребованія, кричитъ голосъ изъ вагона.

— Поправляйтесь...

— Да насчетъ товару, чтобы безпремѣнно...

— Изъ Одессы я прямо въ Вѣну... Телеграфируй!..

Кондукторъ свистнулъ. Раздался въ отвѣтъ протяжный свистъ локомотива, и поѣздъ тихо тронулся. Еще разъ мелькнули провожавшія поѣздъ лица, свернули платки, и поѣздъ вышелъ изъ дебаркадера. Нѣкоторые перекрестились. Старушка особенно набожно осѣнила себя крестомъ, и губы ея, казалось мнѣ, шептали все то-же имя—«Вася». Сухощавый «землевладелецъ» осторожно распространилъ свои владѣнія, полегоньку отодвигая подушки своей сосѣдки. Мой сосѣдъ отложилъ газету, вынулъ изъ кармана шелковую воздушную фуражку, не спѣша надѣлъ ее на коротко-остриженную, съ плѣшинами голову, положилъ ветръ на верхъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства оглядѣлъ насъ,

какъ-бы приглашая полюбоваться его манерами и невозмутимостью, и снова занялся газетой, съ особеннымъ засосомъ прочитывая начальный параграфъ хроники.

II.

Первое время всё притихли, размѣщаясь поудобнѣй, прибирая саки, картонки и пр. по мѣстамъ. Несмотря на открытыя съ обѣихъ сторонъ окна, въ вагонѣ была африканская жара и духота. Отъ крыши вагона пышало жаромъ... Раздавались отрывочныя восклицанія, жаловались на жару, дамы преимущественно охали и ахали, вспоминая о забытой картонкѣ или оставленныхъ въ попыхахъ ключахъ. Старушка, закрывшая глаза и, быть можетъ, уже дремавшая подъ мѣрный стукъ колесъ, неожиданно поднялась и торопливо стала рыться въ карманахъ широкаго своего шелковаго капота... Лицо ея подернулось тревогой... Она поднялась и стала чего-то искать подъ подушками...

— Ахъ, Господи... Я, кажется, забыла ключи!.. вырвалось у нея восклицаніе.

Однако, ключи нашлись въ какомъ-то ридикюль; старушка просвѣтлѣла и, обращаясь къ сосѣду, замѣтила:

— Нашлись!—И при этомъ прибавила:—А вы далеко изволите ѣхать?

— До Курска...

— До Курска... А я въ Самару!..

— Отъ Курска мнѣ еще въ сторону, шестьдесятъ верстъ! прибавилъ сухощавый землевладелецъ.

— Въ имѣніе?..

— Въ имѣніе...

Они разговорились. Старушка, какъ видно, сангвиническаго характера, говорила много и охотно, перебѣгая иногда съ поразительной внезапностью отъ одного предмета къ другому. Быть можетъ, она хотѣла въ путевой бесѣдѣ забыть на время свои невеселыя петербургскія впечатлѣнія или вообще она не отличалась воздержностью языка—кто знаетъ?.. Она жаловалась на хозяйство, черезъ двѣ минуты нашла съ сосѣдомъ общихъ знакомыхъ, расспрашивала и вспоминала о нихъ. Въ разговорѣ всё, о комъ она ни упоминала, оказывались уже «милыми и прелестными». Такой-то генералъ—«прелестный»; такая-то дама, съ которой она вмѣстѣ была въ Смольномъ, тоже—«прелест-

ная» и исправникъ NN—«преlestный и говорить по-французски». Миѣ показалось удивительнымъ, что даже послѣ трехъ недѣль, проведенныхъ ею въ Петербургѣ, старушка все-таки сохранила привычку находить всѣхъ «преlestными». Въ ней сильно сквозила институтка, несмотря на ея преклонный возрастъ. Она то и дѣло пересыпала свои слова французскими словами и въ короткое время почти познакомила насъ съ своей биографіей. Она дочь генерала, покойный мужъ ея тоже былъ генералъ и отличился въ венгерскую кампанію... Она, конечно, рассказала «эпизодъ» отличія; затѣмъ, недокончивъ «эпизода», перешла какъ-то въ описанію «преlestнаго» и «благороднаго» товарища покойнаго мужа и его «преlestной» семьи, снова вернулась къ началу эпизода и во второй разъ объяснила, какъ мужъ ея явился къ Гергею и сказалъ ему «преlestную» рѣчь. Приэтомъ она сильно жестигулировала и оживлялась. Дочь ея была «рейлиной», преlestно образована, знаетъ три языка, играетъ божественно, путешествовала за-границей и теперь замужемъ за графомъ Лукоморскимъ... У нея трое внучекъ... преlestныя дѣти... Отлично говорить по французски... Живеть дочь, какъ царица.

— Имѣніе у нихъ пре-lest-ное!.. Домъ полная чаша... зять преlestный... Дочь счастлива, да и какъ-же не быть счастливой! Однимъ словомъ—все преlestно... преlestно!! У нея есть и сыновья. Одинъ въ гусарахъ... Другой... Но про другого она ничего не сказала...

Однако, передавая всѣ эти подробности съ провинціальной откровенностью, возбуждавшей по временамъ усмѣшку на лицѣ моего сосѣда, старушка ни разу не проговорила о цѣли ея пребыванія въ Петербургѣ. Она вспоминала, какъ жила въ Петербургѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, какъ ѣздила на балы, какіе великолѣпные дома на англійской набережной и пр., какъ хорошо въ церкви Петропавловскаго собора, но что она дѣлала три недѣли въ Петербургѣ и зачѣмъ именно пріѣхала—о томъ молчокъ. Однако, изъ перечисленія разныхъ и, конечно, все «преlestныхъ» лицъ, занимающихъ всѣмъ извѣстныя должности въ Петербургѣ, ясно было, что она пріѣзжала въ Петербургъ не для развлеченій, да и разговоръ съ племянницей, провожавшей ее, подтверждалъ это предположеніе...

Сухощавый «землевлдѣлецъ» съ видимымъ уваженіемъ къ знакомствамъ сосѣдки слушалъ болтовню этой слово-охотливой старушки. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ отдать сына въ заведеніе. Онъ очень боится за сына въ Петербургѣ... У него одинъ сынъ.

— Нынче, сами изволите знать... какіе выходятъ мерзавцы! говорить ея собесѣдникъ и при этомъ посмѣивается сухимъ язвительнымъ смѣхомъ...

Но, къ крайнему моему удивленію, съ лица старушки вдругъ исчезаетъ оживленіе.. Она какъ-то беззащитно смотритъ на собесѣдника и, подавляя вздохъ, говоритъ:

— Да... да... конечно...

— Ихъ-бы, сударыня, по моему мнѣнію, всѣхъ безъ разбора туда!.. продолжаетъ онъ, очевидно, не замѣчая волненія на лицѣ старушки, и при этомъ показываетъ рукой на деревья, послѣ чего—на свое покрытое складками тонкое горло...

По лицу старушки пробѣгаетъ болѣзненная судорога... Она вздрагиваетъ, и отъ ея багровыхъ щекъ отливаетъ кровь... Она отворачивается къ окну, желая скрыть волненіе, и тихо что-то шепчетъ въ отвѣтъ.

— Такъ вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, сударыня, я и рѣшилъ не отдавать сына въ университетъ... И такъ-какъ мой прадѣдъ, дѣдъ и я самъ служили во флотъ, то и я хочу сдѣлать сына морякомъ... По крайней мѣрѣ, Господь Богъ дастъ, не испортятъ мнѣ моего сына. Онъ у меня одинъ... одинъ! не безъ чувства прибавилъ сухощавый господинъ.—Ну, и флотская служба благородная; правда, карьеры скоро сдѣлать нельзя, но во всякомъ случаѣ отдалъ я его пока въ приготовительный пансіонъ... Дорого берутъ только... Пятьсотъ рублей, но зато обѣщали приготовить основательно... Пятьсотъ рублей... вѣе деньги дерутъ! А вы, сударыня, тоже изволили въ Петербургъ по дѣламъ ѣздить, второго сыночка опредѣлять?..

О, злодѣй, онъ не подозрѣвалъ, что каждое слово его отражалось на лицѣ старушки болѣзненно-робкимъ, какимъ-то виноватымъ выраженіемъ ея выцвѣтшихъ глазъ, блестящихъ слезой... Старое лицо ея какъ-то ребячески съжилось, какъ у дѣтей передъ плачемъ...

Куда дѣвалось ея оживленіе, когда она говорила обо всѣхъ «прелестныхъ» знакомыхъ и вспоминала балы и Смольный монастырь?.. Она, наконецъ, собралась съ духомъ и сказала:

— Да, по дѣламъ... хлопотать объ...

На ея губахъ висѣло, очевидно, имя, но, взглянувъ на собесѣдника, она остановилась на мгновеніе и прибавила:

— Объ имѣніи... У меня процессъ!..

Съ этими словами она торопливо вынула изъ кармана флаконъ съ солями, понюхала, жалуясь на духоту въ вагонъ и головную боль, и, отвернувшись, приняла къ углу и закрыла

глаза. Мнѣ было видно, какъ крупныя слезы одна за другой медленно капали на подушку.

Сухощавый землевладелецъ клевалъ носомъ; сосѣдь мой вышелъ на Ушакахъ, и диванчикъ остался въ моемъ распоряженіи, такъ-что я могъ протянуть запылившія ноги... Сзади меня, за спинкой дивана, гдѣ сидѣло купеческое семейство, время отъ времени возобновлялся діалогъ, въ полголоса, но временами голоса возвышались.

— Есть чего жалѣть... Нечего сказать!.. Демидовъ садъ, Аркадія, Ливадія... Очень хорошія мѣста для женатаго человѣка! говорилъ женскій крикливый голосъ.

— Но не все-же Аркадія... Исаакіевскій соборъ, Казанскій, Монетный дворъ. Вообще жизнь. А Самсонъ... Петергофъ!? Парки!?

— Да развѣ ты въ Казанскомъ-то былъ?... (*Голосъ понижается*). А еще обвѣчалъ тогда... Нѣтъ ужъ для васъ кажется... (*Опять шопотъ*). И гдѣ ты вчера... Въ которомъ часу вернулся?..

Веселый мужской смѣхъ. Гнѣвное женское восклицаніе: «Хороши братцы! Въмѣсто того, чтобъ...

— Твой мужъ съ Филиппо ужиналъ, а послѣ...

— Они все врутъ... ей-Богу, врутъ... Послушай, Надя...

Ни звука.

— Наденька!.. Надечка!..

Голосъ переходитъ всѣ діпазоны нѣжнаго тенора *di grasia*. Но примадонна не подаетъ никакой реплики.

— На-дя... Вѣдь это, наконецъ, глупо!..

— Еще-бы... (*интерный ропотъ*). А жена одна въ номеръ... одна... Мало-ли что могло случиться... Давно утренняя отошла... а онъ...

— Однако... ты готова повѣрить всякой ерундѣ...

— Въ Москвѣ... (*быстрый шопотъ, очевидно, прокурорскаго характера*) Тоже ерунда?..

Опять смѣхъ. Снова: «хороши, хороши братцы... Въмѣсто того, чтобы останоить»...

— Ты закусить, Надя, не хочешь-ли?

— Оставьте, пожалуйста... Я не могу ѣсть!.. продолжаетъ она обидчиво.

— На вокзалахъ, Надя, все дрянъ и дорого... За какую-нибудь вонючую котлетку—рубль!

— Какая экономія! ироніей звучить женскій голосъ... Сколько-то мы въ этомъ Петербургѣ денегъ оставили!

— А у насъ тутъ сыръ—одна слеза, икра, бѣлорыбца провѣсная, колбаса... пирожки, циплята... Я для тебя велѣлъ циплять-то, Наденька... Икра превосходная... По рублю семи-гривень бралъ... Салфетъ... А рыба!.. продолжаетъ голосъ, дрожащій сочностью смака разъигравшагося аппетита.

— Взгляните тутъ, взгляните тамъ!.. напѣваютъ другіе голоса...—и что-нибудь скушаете, Надежда Ивановна... Отрывайка, Федя, корзинку... Теперь время закусить... Завтракали-то когда...

— Не хочу...

— Ну, для меня... Надежда Ивановна!.. Крылышко!

— Развѣ ципленка... что-ли... манерничаетъ женскій голосъ.—А ужъ вы будьте сповойны... Я маменькѣ ужъ въ Моршанскѣ сважу...

Но въ гнѣвномъ голосѣ пробивается миролюбивая нотка. Ясно, супружескій миръ не за горами. Онъ въ корзинкѣ съ провизіей.

Поѣздъ остававливается на пять минутъ у какой-то станціи. Разговоръ затихаетъ. Слышатся чавканье, подсасываніе, бульканіе жидкости и нрѣдка восклицанія: «Надя... рыбки... Надя, икорки... Надя, колбаски... Надя, стаканчикъ красненькаго!»...

Наденька не протестуетъ, изъ чего я заключаю, что она уже въ полномъ мирѣ съ мужемъ.

Мои сосѣди vis-à-vis дремлютъ. И у другого окна—купецъ, «заплатившій деньги», слегка посвистываетъ, покачивая головой изъ стороны въ сторону и временами задѣвая плечо «форменной фуражки». Однимъ изъ такихъ стремительныхъ колебаній онъ такъ неловко зацѣпилъ сосѣда, что тотъ проснулся и довольно грубо отодвинулъ купца...

— Мы тоже деньги заплатили!.. бормочетъ купецъ съ прононя.

Я закрываю глаза и пробую заснуть, но уснуть не могу. Одурачивая духота гонитъ дремоту. Невольно поворачиваешься съ боку на бокъ и не находишь мѣста. Чавканье по сосѣдству прекратилось.

— И чуть-было я его долгогриваго въ Питерѣ-то тогда не сволокъ въ участокъ! громко смѣясь, говоритъ одинъ изъ провавшихъ, тотъ самый, который нѣжно говорилъ: «Надя»...

— Что на нихъ смотрѣть то! Студенты!

— А-ахъ—что я вамъ скажу. Разрѣши только намъ, Царь-батюшка!.. Разрѣши только!.. Когда депутація...

Опять гололъ понизился... А сонъ бѣжалъ отъ глазъ... Кажется, и старушка не особенно хорошо спала. При послѣднихъ громкихъ словахъ она широко раскрыла глаза, испуганная...

Длинный свистокъ... Поездъ подходилъ къ станціи, гдѣ можно было пообѣдать, и я вышелъ изъ вагона.

III.

Проглотивъ на-скоро котлету и стаканъ чаю, я вышелъ на платформу и совершенно неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ молодымъ господиномъ, физіономія котораго, въ особенности его глаза, разбѣгающіеся, быстрые глаза, и стройная, гибкая, подвижная фигура, напомнили мнѣ что-то знакомое, давно прошедшее. Я пристально взглянулъ на него. Красивое, хотя сильно помятое жизнью, лицо кудряваго брюнета съ румяными щеками, чуть-чуть вздернутымъ носомъ, съ тѣмъ вѣчно-безпокойнымъ, хотя и самоувѣреннымъ, выраженіемъ, бывающимъ у завятыхъ лгуновъ и людей, боящихся неожиданныхъ встрѣчъ съ кредиторами, вызвало дальнѣйшее воспоминаніе объ этомъ лицѣ, только въ болѣе мягкихъ и нѣжныхъ чертахъ, и о томъ-же, всегда безпокойномъ, взглядѣ этихъ быстрыхъ, сѣрыхъ, еще болѣе блестящихъ, глазъ. И онъ обвелъ меня бѣглымъ взглядомъ. Вдругъ лицо его расплылось въ безпредѣльно-веселую улыбку, окончательно напомнившую мнѣ времена юности и школьной скамейки.

Онъ бросился ко мнѣ на шею, назвавъ мою фамилію. Мы облобызались, и онъ проговорилъ:

— Я сразу тебя узналъ, а ты?..

— Я тоже узналъ, но извини... фамилію не припомню...

— Моей фамиліи... Еще помнишь, какъ меня дразнили этой фамиліей... Свистунскій!

Этого было довольно. Свистунскій! Да какъ-же я не сразу вспомнилъ фамилію? При этомъ имени мнѣ ясно припомнился товарищъ мой по заведенію—этотъ отчаянный болтунъ, невозможный враль, которому никто не вѣрилъ ни слова, но всѣ слушали—такъ онъ враль превосходно... Свистунскій!.. Этотъ добрый малый, юркій, предприимчивый, мастеръ на всѣ руки, умѣвшій передразнивать начальство, дѣлать фокусы, пѣть птицъ, способный, вѣчно смѣющийся, плохо учившійся, но блестяще сдававшій экзамены, всегда со всѣми ладившій и любимый начальствомъ...

Я не видалъ его со времени выхода изъ заведенія, но время-отъ-времени слышалъ о немъ и всегда необыкновенно странныя вещи... Иногда его имя даже появлялось въ газетахъ... Я зналъ, что скоро по выходѣ изъ заведенія онъ выйдетъ въ отставку, еще скорѣй промоталъ отцовское имѣніе, надѣлалъ долговъ, сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ, но былъ выпущенъ, благодаря необыкновенной симпатіи, которую возбудилъ, во время посѣщенія, въ какой-то богатой благотворительницѣ, затѣмъ снова поступилъ на службу, ѣздилъ за-границу, попалъ въ Бразилію и тамъ, выдавая себя за принца крови, надѣлалъ долговъ, опять исключенъ былъ изъ службы и о немъ ничего не было слышно, пока одинъ изъ товарищей не привезъ изъ провинціи печальныхъ извѣстій о Свистунскомъ: онъ въ нищетѣ и живетъ у кого-то на хлѣбахъ. Вслѣдъ затѣмъ, я гдѣ-то прочелъ въ газетахъ, что Свистунскій антрепренеръ какого-то провинціального театра, а вскорѣ послѣ этого узналъ, что моряки его видѣли въ Сіамѣ и что онъ пользуется особымъ расположеніемъ сіамскаго короля, показываетъ ему фокусы, развлекаетъ его, сдѣланъ его адъютантомъ и благоденствуетъ подъ именемъ Свистунъ-раджи. Далѣе о немъ прошли уже легендарныя слухи... Говорили, будто Свистунскій похитилъ одну изъ одалискъ гарема и бѣжалъ изъ Банкова; говорили, будто онъ перешолъ въ исламъ и никто иной, какъ онъ, подалъ мысль сіамскимъ царедворцамъ удушить сіамскаго повелителя; затѣмъ, пронеслись слухи, будто онъ предводительствуетъ возстаніемъ въ Сиріи, наконецъ, говорили, что ничего этого не было, а что обо всемъ этомъ рассказывать самъ Свистунскій, привыкшій, во время пребыванія при сіамскомъ дворѣ, еще болѣе врать, чѣмъ вралъ въ заведеніи. Какъ бы то ни было, но достоверно было одно, что Свистунскій, дѣйствительно, показывалъ сіамскому королю фокусы и жилъ-себѣ припѣваючи. Но послѣ того я ничего положительно не слышалъ о моемъ товарищѣ, такъ-какъ сообщенное кѣмъ-то извѣстіе, будто видѣли Свистунскаго таперомъ въ публичномъ домѣ, гдѣ-то въ губернскомъ городѣ, очевидно, было вымышленное.

И вотъ этотъ самый легендарный Свистунскій теперь передо мной, какъ въ дни юности улыбающійся, веселый, показывающій рядъ блестящихъ, бѣлыхъ зубовъ, безукоризненно одѣтый въ темно-сѣрую англійскую пару, въ маленькомъ кругломъ фетрѣ на головѣ и черныхъ шведскихъ перчаткахъ на рукахъ.

Всѣ эти воспоминанія быстро пронеслись въ моей головѣ, пока мы обмѣнивались привѣтствіями и восклицаніями.

— Вотъ неожиданная встрѣча! проговорилъ я.—Давненько не видались...

— Давно... съ тѣхъ поръ, какъ—помнишь—на выпускномъ актѣ директоръ намъ сказалъ привѣтственную рѣчь. И онъ отлично передразнилъ директора:—«Молодые люди, не забывайте, что въ васъ сосредоточены надежды Россіи; вы составляете цвѣтъ и красу ея, по соизволенію родителей вашихъ, особъ первыхъ четырехъ классовъ». Я невольно расхохотался. Смѣялся и онъ, обнаруживая сверкающіе бѣлизной зубы.—Я, братъ, съ тѣхъ поръ много испыталъ, былъ и въ счастіи, и въ несчастьи, объѣхалъ едва-ли не весь свѣтъ... Богатымъ, конечно, не сдѣлался, но приобрѣлъ зато много опыта... Ну, а ты что дѣлаешь?

— Живу помаленьку... Работаю въ журналахъ...

На лицѣ моего товарища выразилось искреннее сожалѣніе.

— Бѣдный!.. Работаешь въ журналахъ, теперь, когда для порядочныхъ людей открывается болѣе широкое поприще?.. Нѣтъ, ты все это лучше брось... Я, знаешь, что тебѣ скажу... Ты въ Москву?.. Въ какомъ классѣ?

— Во второмъ...

— Пересидиживайся-ка ко мнѣ... У меня въ первомъ классѣ отдѣльный вагонъ... купе, то-есть... поправился онъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не соврать... Поговоримъ, вспомнимъ старину... Скажи кондуктору, чтобы онъ перетащилъ твои вещи. Идемъ!

— Ну а ты что дѣлаешь и куда теперь ѣдешь?.. спрашивалъ я его, когда мы съ нимъ вдвоемъ усѣлись въ отдѣльномъ купе и закурили сигары, которые Свистунскій рекомендовалъ, какъ сигары, купленные имъ въ Гаваннѣ, когда онъ былъ тамъ проездомъ.

— Я, братъ, послѣ всѣхъ тревоженій поступилъ на службу... Обстоятельства такъ сложились и, наконецъ, теперь всякому порядочному человѣку, знаешь истинно-русскому, слѣдуетъ служить, чтобы, наконецъ... очистить нашу бѣдную Россію... проговорилъ онъ какъ-то необыкновенно торжественно.

Эта торжественность, этотъ серьезный тонъ совсѣмъ не шли ко всей его фигурѣ и особенно къ его лицу; несмотря на явное желаніе Свистунскаго придать ему серьезность, въ немъ невольно проглядывало плутовски-добродушное и нахальное выраженіе, напоминавшее скорѣе прошедшаго сквозь огонь и мѣдныя трубы *chevalier d'industrie* съ отгѣнкомъ ноздревщины, барскаго легкомыслія и славянскаго добродушія, а вовсе не солиднаго чиновника, занимающагося канцелярскими дѣлами.

— Вѣдь у насъ Авгіевы конюшни! продолжалъ онъ все тѣмъ же тономъ... А людей мало... Надо вычистить... Хищеніе... Па-

деніе нравственности... однимъ словомъ—положеніе очень и очень серьезное, мой другъ.

И это говоритъ Свистунскій! Признаюсь, я въ первую минуту подумалъ, что онъ мистифируетъ—онъ на эти шутки всегда былъ мастеръ—и спросилъ:

— Ты не шутишь?.. Ты, въ самомъ дѣлѣ, пристроился и собираешься чистить Агіевы конюшни?..

— Какія шутки? проговорилъ онъ съ неудовольствіемъ. Но затѣмъ, какъ-бы вспомнивъ, что передъ нимъ старый товарищъ, передъ которымъ нельзя особенно ломаться, онъ прибавилъ уже болѣе естественно:—Безъ шутокъ... Я служу... Мѣсто пока маленькое, всего тысячъ до трехъ, не считая командировокъ, но со временемъ... со временемъ... Дурной тотъ солдатъ, кто не рассчитываетъ быть генераломъ...

— И давно ты служишь?.. Я слышалъ недавно еще, что ты жилъ гдѣ-то въ провинціи.

— Обо мнѣ чортъ знаетъ что рассказываютъ! перебилъ онъ меня, смѣясь и въ то-же время какъ-то отводя въ сторону глаза... Рассказывали, напримѣръ, будто я увокошилъ сіамскаго короля... да, то-ли еще!.. будто я въ Одессѣ былъ таперомъ,—вообрази!! Правда, мнѣ приходилось испробовать самыя разнообразныя занятія, но этого я не пробовалъ! сказалъ онъ и снова засмѣялся.

— Такъ это правда, что ты былъ въ Сіамѣ?

— Правда... Собственно говоря, я не занималъ никакой официальной должности, хотя и носилъ титулъ адъютанта, но вообще сіамскій король очень ко мнѣ благоволилъ и нерѣдко пользовался моими совѣтами... Я даже началъ писать для него проектъ органическаго устава и проектъ разныхъ реформъ, но онъ не послушалъ меня, мой сіамецъ... Я хотѣлъ-было сблизить тѣснымъ союзомъ Сіамъ съ Россіей, открыть рынокъ ситцу и мишурнымъ издѣліямъ, но... интриги англійскаго посольства! проговорилъ онъ, ни мало не затрудняясь...

О фокусахъ, которые показывалъ, онъ однако не упомянулъ, и я не считалъ долгомъ заговаривать объ этомъ.

— А послѣ, что ты дѣлалъ?..

— Послѣ? переспросилъ онъ. Послѣ чего?.. Да, послѣ отъѣзда изъ Сіама... Я отправился въ Тунисъ, къ бею... Мнѣ хотѣлось предложить ему свои услуги по части изящныхъ искусствъ... Въ театральномъ дѣлѣ, могу сказать, я кое-что понимаю, пожалуй, не меньше Боборыкина... Я хотѣлъ организовать тамъ оперу, оперетки, драматическій театръ на совершенно новыхъ основаніяхъ... Но миссія моя не увѣнчалась успѣхомъ. Одинъ итальянецъ далъ крупную взятку его высочеству тунис-

скому бею — они, на этотъ счетъ, тамъ шельмы большія!—и я принужденъ былъ оттуда уѣхать...

Свистунскій остановился на минуту и продолжалъ:

— Долгое время послѣ этого я скитался по Европѣ... ну и, надо признаться, пожилъ-таки! А женщины?.. На этотъ счетъ я всегда былъ какъ-то счастливъ... Императрица Евгенія, принцесса Матильда, королева неаполитанская... Я не говорю ужь о другихъ *bonne fortune*, въ разныхъ частяхъ свѣта и пропускаю мою интересную исторію съ королевой сіамской... Быть можетъ, ты уже читалъ о ней въ путевыхъ очеркахъ Скальковскаго?.. Когда-нибудь я покажу тебѣ коллекцію... И все съ надписями... собственноручными... Но одна любовь наскучить хоть кому. Подъ конецъ меня стала донимать носталгія... Какъ ни дурна наша Россія, а все-таки... свое, близкое... Въ послѣднее время я нѣсколько измѣнилъ свои взгляды... Прежде я былъ завзятый европеецъ — не даромъ я для Сіама проектъ органическаго устава писалъ! — но, когда пораздумалъ хорошенько, да поговорилъ по душѣ съ Михаиломъ Никифоровичемъ—мы съ нимъ обѣдали въ Парижѣ въ *Café Anglaise*, а послѣ въ *Mabil'в* вмѣстѣ были—такъ меня точно озарилъ свѣтъ... Кстати, еще одна русская барыня—недурненькая!—меня развивала въ этомъ направленіи... Бабенка убѣжденная, славянофила... И я понялъ, что заблуждался, понялъ, голубчикъ, что мы должны, обязаны быть самобытны, что сила и мощь русскаго народа безграничны, только если наши исконныя начала не будутъ изуродованы; надо только дать направленіе... Надо, понимаешь-ли, приняться только познергичнѣй!

Онъ воодушевился и продолжалъ на эту тѣму... Старинный мой товарищъ, вравшій, бывало, на пари вряду полчаса, воскресъ передо мной. Что въ его словахъ было правдой, что ложью—отличить было такъ-же трудно, какъ сосчитать въ небѣ звѣзды. Я, разумѣется, не останавливалъ его и слѣдилъ за его быстрыми періодами, составленными, надо признаться, довольно гладко, и даже не безъ указаній на историческіе примѣры...

Получилъ онъ мѣсто, по его словамъ, совершенно неожиданно. «Всѣ удивлялись, что все это такъ скоро случилось!» Послѣ того, какъ Европа «ему наскучила («и тюрьма за долги была отиѣнена» подумалъ я про себя), онъ вернулся въ Россію, сучалъ въ деревнѣ у тетки послѣднее время и отъ скуки написалъ проектъ объ улучшеніи финансовъ...

— Не улыбайся! прибавилъ онъ, замѣтивъ невольную мою улыбку при сопоставленіи словъ: «Свистунскій и финансы». Я серьезно занялся этимъ вопросомъ... Собственная практика дала

миѣ богатый матеріалъ—весело усмѣхнулся онъ—а затѣмъ я кое-что и читалъ... Въ деревнѣ скува адская! Да, наконецъ, отчего же миѣ и не писать проектовъ о финансахъ, скажи пожалуйста? Объясни?.

Онъ задавъ вопросъ съ такимъ прелестнымъ невиннымъ добродушіемъ, что я не нашелся какъ отвѣтить на него.

— Нѣтъ, ты скажи... Отчего миѣ не писать финансовыхъ проектовъ?.. Вѣдь пишутъ, мой другъ, иногда такія глупости, что передъ ними мои мѣры... Ну, оставимъ это. — Написалъ я и послалъ въ Петербургъ къ пріятелю... Бабкина Сережу помнишь? Ну еще-бы, какъ не помнить... Онъ не сегодня-завтра—начальникъ отдѣленія!. Сережа, спасибо ему, не забылъ товарища и телеграфируетъ: «Пріѣзжай въ Петербургъ—намъ нужны люди. Около меня все свиньи». Я и пріѣхалъ мѣсяцевъ пять тому назадъ.

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Работы пропасть... Съ утра до вечера то туда то сюда... Вотъ и теперь новое порученіе... Ёду въ командировку... Видишь, отвели купе. Предлагали цѣлый вагонъ, но я отказался...

— Куда-жь ты ѣдешь?

— Въ разные мѣста Россіи... На меня начальникъ статистическаго стола, тоже пріятель, возложилъ серьезную и отвѣтственную, если хочешь, статистическую задачу: изучить на мѣстѣ, такъ-сказать, Россію... Изслѣдовать духъ — понимаешь — духъ въ городѣ и деревнѣ, изучить жучка, саранчу и филонсеру, провѣрить, насколько справедливы слухи, будто нашъ мужикъ бѣденъ и нисшая администрація не всегда внимательна, осмотрѣть рѣки, озера и моря... однимъ словомъ—задача грандіозная... Командировка продолжится два мѣсяца... Пятсотъ рублей подъемныхъ, по пяти рублей суточныхъ... прогоны на четыре лошади...

— Ты развѣ статскій совѣтникъ?

— А ты какъ думалъ... Съ новаго года статскій.. Вѣдь я давно числился по спискамъ... Послѣ командировки придется писать докладъ... Знаешь одну правду... святую правду... Теперь намъ ничего такъ не нужно, какъ правда, правда и правда!..

Вретъ онъ или не вретъ насчетъ командировки? Вѣроятно, вретъ... А, впрочемъ, купе! Но купе легко достать за три рубля отъ кондуктора. Навѣрное вретъ! Кто могъ дать ему порученіе!

Я почти не оставался въ сомнѣніи, а Свистунскій тѣмъ временемъ не переставалъ болтать, не стѣсняясь уже нисколько, словно чувствуя, что я ему не вѣрю. Онъ рассказывалъ, что намѣренъ

онъ сдѣлать, когда будетъ начальникомъ отдѣленія, какъ онъ хорошъ со всѣми начальниками, какъ его любить и пр. И въ доказательство вынулъ изъ кармана телеграмму, истрепанный видъ которой ясно свидѣтельствовалъ, что она часто показывалась, и сказалъ: «Прочти, какъ мы съ директоромъ департамента!»

Я дѣйствительно прочелъ слѣдующее:

«Петербургъ. Ванѣ Свистунскому.

«Безъ тебя скучно. Пріѣзжай къ намъ. У насъ все свои. Буду счастливъ, если ты исполнишь мою просьбу... Поговоримъ кстати о реформахъ по экзекуторской части. Пріѣзжай, а то мой Угрюмовъ наведетъ тоску и испортитъ вечеръ... Жена кланяется». — Подписано: «Гришкинъ».

— Кто этотъ Угрюмовъ?

— Да ты съ неба свалился... что-ли? Угрюмова не знаешь!? Это, братъ, у насъ въ отдѣленіи силице!.. Только ханжить, надо тебѣ сказать, ужасно... Смерти, что-ли, боится.. ха-ха-ха!.. Старина чувствуетъ вѣрно, что елисейскія поля не за горами и девотствуетъ!.. Однако, ты антикъ... Не знаешь Угрюмова?.. Ха-ха-ха... Препитересный экземпляръ — этотъ monsieur Ougrioumoff... Когда на дняхъ, въ одномъ частномъ обществѣ архитекторовъ, дебатировался вопросъ о сортирахъ, то, знаешь-ли, что сказалъ Угрюмовъ?..

И, совершенно позабывъ свою роль солиднаго чиновника, командированнаго для изученія Россіи, Угрюмовъ, вспоминая свою способность мима, какъ-то свелъ мускулы подвижной своей физиономіи и передо мной былъ не Свистунскій, а совсѣмъ незнакомый человѣкъ лѣтъ сорока съ пухлымъ лицомъ, вздутыми щеками, отвислой нижней губой и стеклянными глазами, неподвижно уставленными съ какою-то тупой сосредоточенностью. Гробовымъ, словно изъ подземелья исходящимъ, голосомъ, Свистунскій произнесъ слѣдующую рѣчь, безъ сомнѣнія значительно имъ шаржированную:

«Милостивые государи!»

«Что слышитъ ухо мое? Что видитъ взоръ мой? Дерзнулъ-ли слабый умъ мой подумать, что въ обществѣ, хранившемъ до сихъ поръ преданія дорогой для насъ старины, бывшемъ скудельнымъ сосудомъ нашей самобытности, можетъ явиться столь дерзновенная мысль, какъ мысль о замѣнѣ дорогихъ сердцу нашего народа, отхожихъ мѣстъ, выдумкой гниlostнаго и развращеннаго Запада — ватеръ-клозетами?.. Исторически сложившаяся у русскаго человѣка любовь къ единственно-самобытному памятнику строительнаго зодчества, — къ этимъ простымъ, без-

хитростнымъ, удобнымъ какъ для сидѣнія, такъ и для стоянія, годнымъ какъ для одной нужды, такъ и для другой, — проявленіямъ русской простоты, здраваго смысла и покорности—такъ-какъ, милостивые государи, покорность сія выражается въ безпредѣльной готовности обонять, хотя и не всегда благовонные, но тѣмъ не менѣе здоровые запахи,—любовь эта, какъ слышу я, хочетъ подвергнуться испытанію и вы желаете насильственно заставить русскій простой народъ измѣнить вѣковыя привычки свои и вѣрованія въ тщету бумаги при исполненіи имъ обычныхъ житейскихъ отправленій... Вы желаете извратить его природу (на что намъ не дано никакихъ полномочій), заставивъ русскаго человѣка чтить ватеръ-клозеты. Помимо несправедливости и неуваженія къ русскому народу, которое выразилось въ сдѣланномъ предложеніи о передѣлкѣ отхожихъ мѣсть, въ сей реформѣ кроются, милостивые государи, и другія серьезныя опасности, предвидѣтъ кои обязанъ зоркій глазъ специалиста. Сія опасности суть: любомудріе, гордыня и суетность. Теперь наши старинныя приспособленія человѣческаго опростанія не внушаютъ и не могутъ внушить, по самой простотѣ своего устройства, никакихъ любомудрыхъ мечтаній. Всякъ, придя къ онымъ, видитъ, во-первыхъ, дыру, во-вторыхъ, обыкновенную сѣдалищную доску и слышитъ сродный человѣку запахъ. Ничто не смущаетъ его, ничто не даетъ повода къ мудрствованіямъ; но допустите на минуту, что эзекюторы прикажутъ всѣмъ сторожамъ, курьерамъ и ихъ домочадцамъ посѣщать ватеръ-клозеты, и вслѣдъ за симъ всякъ въ оный пришедшій будетъ, во-первыхъ, удивленъ, а затѣмъ и захочетъ познакомиться съ его устройствомъ. Зачѣмъ идетъ вода? Къ чему сія пружина, скрытно дѣйствующая? спроситъ онъ себя. И послѣ этихъ вопросовъ, онъ навѣрное захочетъ испытать сложный механизмъ и, такимъ образомъ, не приготовленный ничѣмъ къ воспріятію надлежащихъ понятій, наукою дающихся,—легко можетъ впасть въ заблужденіе и подумать, что онъ и самъ способенъ устраивать ватеръ-клозеты. Отсюда уже и гордыня, а затѣмъ и суетность... Развратившись нѣкоторымъ удобствомъ, (не смѣю не согласиться—болѣе спокойнаго сидѣнія) не захочетъ ли онъ и большаго?.. Не возмечтаетъ-ли онъ, что нѣкоторое удобство сидѣнія, въ минуты отданія долга природѣ, влечетъ за собою желаніе и другихъ, какъ напримѣръ потребность въ газетной бумагѣ. А за симъ не подскажетъ-ли ему суетность любомудрыхъ желаній и въ разсужденіи другихъ потребностей уже развращенной природы??

Сей путь, милостивые государи, очень опасный путь и по-

сему да отсохнет лучше моя рука, если я осмѣлюсь выразить согласіе на столь ужасную мѣру, предлагаемую господами архитекторами, какъ повсемѣстная замѣна отхожихъ мѣстъ—ватеръ-клозетами».

Надо было видѣть лицо Свистунскаго и слышать этотъ серьезный замогильный голосъ, чтобы понять всю прелесть его шаржа. Нечего, разумѣется, и прибавлять, что рѣчь эту онъ самъ сочинилъ (и, вѣроятно, потѣшалъ ею своего директора департамента), такъ-какъ нельзя-же серьезно думать, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, нашлись столь горячіе противники ватеръ-клозетовъ среди чиновниковъ, предпочтительно страдающихъ гемороемъ.

Но Свистунскій по привычкѣ лгуновъ, клялся, что подобная рѣчь была произнесена и такъ подѣйствовала на всѣхъ присутствующихъ, что въ «Обществѣ архитекторовъ» вопросъ о сортирахъ былъ оставленъ.

— Такъ, милый другъ, у насъ для курьеровъ и сторожей никакихъ удобствъ и нѣтъ! закончилъ Свистунскій, заливаясь самымъ веселымъ, неудержимымъ хохотомъ...

Признаться, я не сомнѣвался, что онъ вретъ, но врагъ онъ съ такой иллюзіей правдоподобія, что я слушалъ не безъ интереса его вранье. Польщенный такимъ вниманіемъ со стороны стараго товарища, онъ подъ-конецъ дошелъ уже до невообразимыхъ non sens'овъ... Такъ, онъ рассказывалъ, будто ему предлагали мѣсто губернатора, но онъ отказался, что у нихъ (онъ постоянно говорилъ: «мы») въ департаментѣ кто-то сочинилъ проектъ—упразднить временно, въ видѣ опыта, печать и всѣхъ цензоровъ, которые, такимъ образомъ, остались бы, какъ онъ своеобразно выразился, «при пиковомъ интересѣ», назначить смотрителями казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ и другихъ мѣстахъ для огражденія остатковъ ихъ отъ расхищенія. «Они не проглядятъ ни одного деревца—нѣтъ!»

— Ну это, братъ, ужъ ты сочиняешь, кажется, насчетъ печати...

— Ты думаешь? Къ чему мнѣ сочинять... Я самъ говорилъ, что печать нужна, даже въ извѣстныхъ случаяхъ полезна, но поди-жъ ты... Нашлись люди, непонимающіе... Конечно, проектъ этотъ не пройдетъ, нечего и говорить... Нашъ «департаментъ проектовъ» (о которомъ, замѣчу тутъ, я въ первый разъ слышалъ и убѣжденъ, что и его сочинилъ Свистунскій), долженъ-же заниматься проектами! Хочешь не хочешь, а проектируй!

— Но какая руководящая у васъ идея? нарочно спросилъ я, рассчитывая поймать товарища на враньѣ.

Но это было дѣло не легкое. Свистунскій не только врагъ

хорошо, но и былъ мастеръ увертываться... На мой вопросъ, онъ внезапно отвѣтилъ:

— Какая идея?.. Развѣ она не ясна для тебя?

— А для тебя?

— Совершенно... Идея—дезинфекціи! отвѣчалъ онъ внезапно, какъ-бы осѣненный свыше.

И затѣмъ онъ снова принялся болтать... Окончательно разнудавшись, онъ, какъ Хлестаковъ, уже понесъ окоlescную — говорилъ о какихъ-то его собственныхъ «задачахъ», о томъ, что если ему не повезетъ на службѣ, и если его не сдѣлаютъ посланникомъ, то онъ попроситъ концессию на открытіе кафе-шантановъ, съ цѣлью разогнать эту «русскую хандру»... Наконецъ, онъ предложилъ и мнѣ мѣсто.

— Послушай, въ самомъ-дѣлѣ, хочешь?.. Мѣсто тысячи на полторы пока... Намъ нужны люди... Порядочные люди...

Теперь, по его словамъ, многія занятія, прежде щекотливья, поднялись въ общемъ мнѣніи. Не мѣсто вѣдь красить человѣка, а человѣкъ мѣсто! какъ сказалъ недавно нашъ товарищъ Миша Проходимцевъ въ обществѣ содѣйствія распространенія сочиненій Баркова... И онъ оправдываетъ свое bon-mot. Хочешь, въ самомъ дѣлѣ... Я могу устроить, напримѣръ, мѣсто по статистикѣ... Я могу тебя взять въ помощники... Вѣдь, ей-Богу, можно много добра сдѣлать... Право—валяй. Напиши прежде серьезную статейку, дай мнѣ и я свезу Сережѣ Бабину.

И Свистунскій даже разчувствовался и прослезился.

— Ну что ты теперь?.. Пишешь тамъ, гдѣ-то... Захоти я, напримѣръ, и тебя тю-тю!.. Напишу въ статистическомъ докладѣ, что отъ твоихъ статей въ полтавской губерніи появился жуечекъ...—И онъ разразился веселымъ смѣхомъ...

— Ты вѣдь все врешь, Свистунскій!

— Врешь!? Нѣтъ, не вру... Ну, положимъ, немножко и совру—русскій человѣкъ любитъ соврать, такъ отъ этого мой совѣтъ не теряетъ цѣны... А если ты сомнѣваешься въ моей командировкѣ—на, смотри.

И онъ раскрылъ бумажникъ, полный новенькихъ сотенныхъ бумажекъ... Я признаться не увѣренъ былъ, что онѣ не фальшивыя.

— Приѣдемъ въ Москву—вспомнимъ старину!

Его безшабашное бахвальство начинало надоѣдать, да и онъ, кажется, самъ усталъ, такъ-что я былъ радъ, когда онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о товарищахъ. Мы вѣстѣ съ нимъ перебирали многихъ и оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ успѣли

въ жизни. Особенно восторгался Свистунскій Мишей Проходимцевымъ...

— Помнишь, всегда былъ, пройдохой этотъ Миша! Бывало, генералъ Раковъ съ свойственной ему веселостью говорилъ:—«Господа, закройте всѣ отверстія—Проходимцевъ идетъ»... А онъ и ухомъ не вель... Я въ тѣ времена въ Сіамѣ уставъ писалъ и шишъ получилъ, и онъ—поди ты—выдумалъ какія-то, говорятъ, пули, бьющія на сто верстъ и черезъ пятнадцать-то лѣтъ—въ ходу! Но доброта въ немъ осталась... Онъ по-прежнему съ товарищами хорошъ... Ну и вретъ-же!..

«Однако не больше тебя!» невольно пронеслось въ головѣ.

— На дняхъ еще я былъ у него, обѣдалъ... Онъ мнѣ и говорить: «Ваня! Ты мастеръ писать подъ разные руки, напиши нѣсколько писемъ, что лучше меня нѣтъ на свѣтѣ столоначальника». — Зачѣмъ тебѣ? — Нужно. — Скажи зачѣмъ? — Нужно, говорить, а я зато не забуду твоей услуги.—Да ты - бы въ газеты отъ себя послалъ...—Посылалъ, но не всѣ печатаютъ... Кромѣ «Моск. Вѣд.», ни одна.. Да «Моск. Вѣдомостямъ» не всегда вѣрятъ. Думаю, отчего по дружбѣ несдѣлать человѣку услуги, написалъ и принесъ ему.—Спасибо, говорить, братъ, удружилъ..

— Зачѣмъ-же ему были эти письма?

— Зачѣмъ?.. Ахъ ты простофиля!.. Зачѣмъ?.. Ты у Мишки-то спроси зачѣмъ.. Онъ объяснить. Онъ, не будь дуракъ, да эти письма нечаянно оброни во время доклада у начальника отдѣленія, графа. Графъ мнителенъ.—«Это что такое?». А Миша сконфузился — помнишь какъ онъ у насъ драматическое искусство любилъ?.. Графъ, начальникъ-то его, видя, что Миша жметя, повторилъ: «Это что такое?»—Ну, въ концѣ-концовъ сцена при бенгальскомъ освѣщеніи. Съ тѣхъ поръ графъ думаетъ, что безъ Миши пропадетъ департаментъ. Вотъ тебѣ и Миша! Мы вмѣстѣ съ нимъ тонъ даемъ!.. Мы считаемся первыми столоначальниками въ отдѣленіи статистики! А вѣдь онъ, если правду сказать, и недалеко да и скотъ порядочный!

Это вранье было каплей, переполнившей мое терпѣніе... Я прилегъ и притворился спящимъ. Скоро Свистунскій смолкъ и быстро заснулъ. Тогда я выбрался изъ купе и пересѣлъ въ другой вагонъ...

Неужели въ самомъ дѣлѣ Свистунскій занимается статистикой? Это предположеніе было такъ невѣроятно, что я самъ расхохотался.

Очевидно, онъ меня все время мистифровалъ!

IV.

Ночь я спалъ, конечно, скверно... Мнѣ не досталось свободной скамейки и я дремалъ сидя. Подъ утро, съ головной болью, я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ ранняго утра на станцію. На станціи стояла толпа мужиковъ.

Оказалось, что они ожидали слѣдующаго поѣзда (въ почтовомъ не было 3 класса), чтобы ѣхать въ Москву — «судиться».

— За что?

— За недоимку!

Изъ распросовъ оказалось, что годъ тому назадъ у нихъ въ деревнѣ была «исторія» съ начальникомъ...

Я хотѣлъ-было распросить подробно, но надо было садиться въ вагонъ...

Впрочемъ, и безъ распросовъ я догадывался, какаѣ это «исторія»... Эти исторіи часто разбираются въ судахъ и дополняютъ собой бытовые картины народныхъ писателей и выводы изслѣдователей... Съ фактами, выясняющимися на судахъ, поневолѣ нужно считаться; они, къ сожалѣнію, слишкомъ ясно указываютъ на ненормальность положенія деревни и отчасти на причины этой ненормальности. Только выводы изъ этихъ фактовъ выходятъ совсѣмъ не тѣ, которые дѣлаетъ извѣстная печать.

Вспомнилось мнѣ, что одно изъ подобныхъ дѣлъ слушалось недавно въ московской судебной палатѣ... Возникло оно въ декабрѣ 1878 года, т. е. за два года съ нѣсколькими мѣсяцами тому назадъ. Обвинялось 99 человекъ крестьянъ въ неповиновеніи и сопротивленіи становому приставу, — обвиненіе тяжкое, но дѣло, по обыкновенію, оказалось самымъ простымъ, обычнымъ дѣломъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Настоящій герой его — недоимка, а остальные дѣйствующія лица являлись въ видѣ антуража.

Дѣйствіе началось зимнимъ днемъ, когда прибылъ становой приставъ въ деревню Воронежъ взыскивать недоимки, грозя въ случаѣ неуплаты немедленно же приступить къ описи имущества. Крестьяне отказывались платить, объясняя, что они уже внесли деньги бывшему старшинѣ, который эти деньги растратилъ. Становой приставъ, очевидно, этимъ объясненіемъ удовольствоваться не можетъ; онъ показываетъ предписаніе отъ ярославскаго губернатора, въ которомъ ясно было написано: взыскать. Но въ свою очередь и крестьяне не могли удовлетвориться перспективой двойной уплаты и на увѣщаніе становаго пристава крестьяне отвѣчали: «Не отдадимъ ни одной копѣйки; пусть дѣлаютъ, что хотятъ; другой шкуры не дадимъ съ себя драть!»

Какъ видите, и у становаго, и у крестьянъ были свои причины. Становому необходимо было «взыскать»; мужики не могли сообразить, что имъ слѣдуетъ платить два раза... Къ сожалѣнію, становой приставъ не испросилъ дальнѣйшихъ инструкцій— а, можетъ быть, и не смѣлъ!—и вотъ произошло одно изъ тѣхъ трагическихъ по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣній, которыя на извѣстномъ языкѣ нерѣдко называются беспорядками. Характерная черта этихъ недоразумѣній состоитъ въ томъ, что обыкновенно обѣ стороны самымъ искреннимъ образомъ опираются на законъ. Крестьяне увѣрены, конечно, что такого закона нѣтъ, чтобы два раза платить. Съ своей стороны и становому необходимо очистить бумагу на законномъ основаніи, тѣмъ болѣе, что бумага эта—предписаніе г. губернатора. Такимъ образомъ, если взглянуть на дѣло не съ официальной точки зрѣнія, а по-просту, то изслѣдователю всѣхъ этихъ печальныхъ «недоразумѣній» трудно рѣшить какая сторона должна считаться бунтующей, если искать виновниковъ бунта въ зачинщикахъ.

Цѣлый день приставъ провелъ въ безплодныхъ переговорахъ. Мужики упорствовали; упорствовалъ, конечно, и приставъ и на слѣдующее утро приступилъ къ описи. Но когда онъ подошелъ къ первому по списку дому, то нашелъ ворота закрытыми и цѣлую толпу крестьянъ, изъ которой раздавались крики: «это, братцы, хуже турчины за Балканами!» Затѣмъ, по показанію становаго пристава, когда урядники стали силою отворять ворота, его не только оскорбляли дѣйствіемъ (хотя фактъ этотъ отрицается многими свидѣтельскими показаніями), но и заставили его подписать какую-то бумагу, составленную крестьянами, и по словамъ свидѣтеля «для себя унижительную». Таково резюме обвинительнаго акта.

Обвиняемые не признавали себя виновными въ какихъ-бы-то ни было насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ становаго и объяснили, что всѣмъ обществомъ рѣшили не платить требуемыхъ съ нихъ денегъ, находя «слишкомъ для себя обременительнымъ» вторично платить деньги, уже разъ съ нихъ собранныя...

Показанія свидѣтелей были очень противорѣчивы. Урядники согласны были раньше съ приставомъ, но на судѣ одинъ изъ нихъ измѣнилъ показаніе; раньше онъ утверждалъ, будто одинъ изъ крестьянъ ударилъ пристава, но на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что приставъ упалъ не отъ удара, а отъ напора толпы. Затѣмъ, другіе свидѣтели изъ понятыхъ отрицали какъ употребленіе бранныхъ словъ, такъ и какое-бы то ни было насиліе противъ пристава и урядниковъ. По словамъ нѣкоторыхъ, «никакой драки не было»; одинъ свидѣтель видѣлъ только, какъ «Перова

(одного изъ обвиняемыхъ) связали веревками и отвели подъ арестъ».

Послѣ окончанія судебного слѣдствія прокуроръ судебной палаты безусловно отказался отъ обвиненія 88 человекъ обвиняемыхъ и отъ обвиненія другихъ по 264 и 266 ст. Улож. о наказаніяхъ. Онъ поддерживалъ обвиненіе противъ четырехъ человекъ въ подстрекательствѣ, противъ двухъ въ оказаніи сопротивления должностнымъ лицамъ и противъ двухъ-же, въ неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти. Судъ приговорилъ одного къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ, съ заключеніемъ въ исправительное арестантское отдѣленіе на полтора года, а остальныхъ подсудимыхъ—къ болѣе легкимъ наказаніямъ.

Изъ приговора видно, во-первыхъ, что дѣло это вовсе не представляло необходимости привлекать къ суду такую массу людей и, во-вторыхъ, что подобныя дѣла нерѣдко возникаютъ, единственно благодаря чрезмѣрному усердію мѣстной нисшей администраціи. Такъ или иначе, но вопросъ о вторичной уплатѣ недоимки всетаки не выяснился. Надо полагать, что крестьяне уплатили и, слѣдовательно, новаго «недоразумѣнія» пока не предвидится... Умудрилъ-ли этотъ приговоръ? Вышли-ли изъ суда крестьяне убѣжденными, что слѣдуетъ два раза платить и что если старшина, ими же выбранный, растратилъ деньги, то они должны за него отвѣчать? Но какъ оказалось изъ судебного слѣдствія, крестьяне заявляли становому, что съ бывшаго старшины взыскать было что. Затѣмъ, является невольное и другое соображеніе. Дѣйствительно-ли растратившій деньги старшина былъ ими добровольно избранъ, или избранъ подъ давленіемъ. Если предположить послѣднее, то причина подобныхъ «недоразумѣній» дѣлается крайне проста и, такимъ образомъ, не являются-ли потерпѣвшіе какими-то роковыми жертвами безисходныхъ противорѣчій нашей жизни и не случается-ли, что виноватыми нерѣдко бываютъ болѣе чуткіе къ пониманію (быть-можетъ, и своеобразному) того самаго закона, во имя котораго ихъ караютъ?

Всѣ такія недоумѣнія несомнѣнно представляются и крестьянскому уму, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ ихъ тощему карману; результатъ такихъ недоумѣній свазывается во взглядъ народа на «барина» и «чиновника». Какъ далекъ этотъ взглядъ отъ «единенія» и какъ помогаютъ такому взгляду воинствующіе публицисты, болѣе всѣхъ кричащіе объ единеніи, когда оно является въ области туманныхъ теорій и защищающіе «рознь», когда она является на практикѣ въ

формъ разныхъ «тепленыхъ» контрактовъ или опеки въ духъ ландъ-лордства,—объ этомъ едва-ли нужно говорить.

Москва была близко. Въ вагонъ начались приготовления, обыкновенныя передъ концомъ путешествія. Убирались подушки, иѣшки, картонки... Спрашивали другъ у друга объ разныхъ московскихъ адресахъ. Толстая старушка уже болтала съ какой-то дамой и снова рассказывала о «прелестныхъ» генералахъ и «прелестныхъ» людяхъ. Дама, по счастью, на спрашивала старушку, зачѣмъ она ѣздила въ Петербургъ, какъ сосѣдъ—сухощавый землевладелецъ и отставной морякъ, который теперь рассказывалъ «форменной фуражкѣ» о своемъ путешествіи на шлюпкѣ «Вѣрномъ» въ 1827 году въ Средиземное море и пояснялъ, почему прежде матросы были молодцы, а теперь—позоръ русскаго флага... При этомъ онъ давалъ подробныя разъясненія насчетъ линьковъ и иныхъ поощреній... Я думалъ, что Свистунскій уже забылъ обо мнѣ, какъ вдругъ двери вагона открылись, онъ вошелъ и сталъ упрекать, что я поступилъ не по-товарищески.

— Непремѣнно въ Москвѣ остановимся вмѣстѣ! приставай оный. Тамъ я тебя познакомлю съ такой барынькой...

Онъ щелкнулъ только языкомъ...

— Кромѣ того, если хочешь, познакомлю съ Катковымъ... Хочешь? не унимался онъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Москвѣ... По счастью, Свистунскій снова ушелъ къ себѣ въ купе и, когда поѣздъ остановился, я успѣшно вышелъ на платформу и усѣлся въ карету Лоскутной гостиницы.

О впечатлѣніяхъ въ Москвѣ и о новой встрѣчѣ съ Свистунскимъ до слѣдующаго фельетона.

Откровенный Писатель.

О П Е Ч А Т К А .

Въ прошлой, июньской книжкѣ журнала „Дѣло“, на страницѣ 252, первая строка текста по ошибкѣ попала внизъ той-же страницѣ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

- Крутыя горки. Романъ. (Часть вторая. Главы I—VII) *Я. П. Полонскаго.*
- Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Главы XIX—XX) *Рафаэля Джіованіоли.*
- Прошлое. (Варьяція на мотивъ изъ Прюдома). Стихотвореніе. *Д. Михаловскаго.*
- Воспоминанія невоеннаго человѣка объ Ахаль-Текинской экспедиціи *Н. Кончевскаго.*
- Долгъ платежемъ красенъ. Повѣсть. *Н. Бобылева.*
- Нума Руместанъ. Романъ. (Главы III—VI) *Альфонса Додэ.*
- Предсмертныя минуты. (Памяти О. В—ой). Стихотвореніе *Д. Михаловскаго.*
- Желѣзнодорожное дѣло въ Россіи. *Н. К.*
- Писатель. Романъ. (Часть вторая. Главы I—VIII) *Роберта Гальта.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Вопросы сельской промышленности. *Б. Ленскаго.*
- Журнальныя замѣтки *Ф. Рѣшимова.*
- Внутреннее обозрѣніе. *Н. III.*
- Эпизодъ Тунисской экспедиціи. (Политическая и общественная хроника) *Ж—ка.*
- Очерки общественной жизни *Открытаго Писателя.*

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ДЛЯ СБОРА ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА ВОСПИТАНІЕ БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Въ С.-Петербургѣ, Кабинетская улица, домъ № 2-й, квартира № 10.

Въ настоящее время, съ наступленіемъ лѣтняго сезона, большая часть населенія перебирается или на дачи, или перемѣняетъ квартиры; при этомъ всегда остаются старыя вещи, негодныя въ употребленіе, которыя и выбрасываются.

Въ виду этого ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО для сбора пожертвованій имѣетъ честь заявить, что оно принимаетъ всякаго рода пожертвованія, какъ-то: *битое стекло, старыя тряпки, коробки, пробки, клочки бумаги, исписанныя тетради, катушки, старое, хотя-бы совершенно поношенное, бѣлье и платье, старыя книги и карты, старую мебель, битую посуду* и вообще вещи ненужныя, которыя въ отдѣльности не имѣютъ не только никакой цѣны, но часто въ семействѣ стѣсняють — образуютъ пыль и грязь и занимають мѣсто; между тѣмъ эти-то вещи, повидимому, ничего не стоющія, даютъ въ массѣ почтенныя цифры, на которыя Попечительство имѣетъ возможность *одѣвать и воспитывать круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъшихъ родителей.*

Во второе полугодіе дѣятельности Попечительства помощію его пользовались 76 дѣтей.

Для удобства жертвователей, которые не могутъ сами послать вещи, Попечительство предлагаетъ заявить о своемъ намѣреніи по почтѣ и назначить день и часъ, въ какой оно можетъ прислать своего артельщика принять жертвуемыя вещи и выдать установленную росписку.

Попечительство приглашаетъ къ пожертвованію также гг. иногородныхъ жителей.

Подробныя разъясненія, а также и отчеты дѣятельности Попечительства выдаются въ помѣщеніи Попечительства, а также высылаются гг. иногороднымъ жертвователямъ.

Письма просятъ адресовать, *въ С.-Петербургѣ. Въ Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Кабинетская ул., д. № 2, кв. № 10.*

Попечительство обращается въ Редакціи газетъ и журналовъ съ просьбою перепечатать это объявленіе.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра И. П. Айрлэнда съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго; съ рисунками и съ генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к.; съ пересылкою 3 руб.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „*Военной гигиены*“ д-ра Веймана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печати. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Ревлю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Ипполита Ньюво. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „*Историческіе женскіе типы*“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстого. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871	годъ съ пересылкою	10	р.
” 1872	” ”	10	”
” 1876	” ”	8	”
” 1877	” ”	10	”
” 1880	” ”	12	”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ и въ Книжномъ складѣ журнала „Русское Богатство“ (Знаменская ул., д. № 11, кв. № 10).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

7 руб., съ пересылкой и доставкой—8 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. съ пересылкой и доставкой и 4 руб. безъ доставки. Остальные 3 р. по выходѣ 6-й книжки.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

высылаетъ, по требованію, всякаго рода книги и при этомъ пересылку принимаетъ на свой счетъ, кромѣ казенныхъ изданій.

Гг. подписчикамъ журнала „Русское Богатство“, книжнымъ магазинамъ и библиотечамъ дѣлается уступка отъ 5⁰/₁₀—40⁰/₁₀ кромѣ казенныхъ изданій; такая-же уступка дѣлается и лицамъ, выписывающимъ на сумму не менѣе 25 р.

Складъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на журналы и газеты и исполняетъ всѣ требованія по поводу книгъ по возможности скоро и добросовѣстно.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ журнала „Русское Богатство“.

- Ауербахъ. «Вальфредъ». 1879 г. Ц. 3 р. 50 к.
Буагобей. «Шпіонъ». 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.
Бичеръ-Стоу. «Мы и наши сосѣди». Ц. 2 р. 50 к.
Гюго. «Исторія одного преступленія». 1879 г. Ц. 2 р.
Гюгманъ. «Марта или исторія погибшей». 1880 г. Ц. 1 р.
Додзъ. «Исторія одного товарищества». Ц. 2 р.
» «Маленькій человѣкъ». Ц. 1 р. 25 к.
Жоржъ-Зандъ. «Бабушкины сказки», въ папѣ 1 р. 75 к.
» » » въ бумажѣ 1 р. 50 к.
Засодимскій. «Степныя тайны». 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.
» (Вологдинъ). «Хроника села Смуряна». 1875 г. Ц. 2 р.
» «Повѣсти изъ жизни бѣдныхъ». Ц. 1 р. 25 к.
Золъ. «Завоеваніе Плассана». 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.
» «Напа». 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Коббъ. «Ньюйорскія тайны». Ц. 1 р. 50 к.

- Нуперъ. «Послѣдній изъ могиканъ». Ц. 2 р. 75 к.
- Кривенио. «Финансскій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія». Цѣна
1 р. 50 к.
- Линнгъ-Линтонъ. «Непокорная». 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Владѣніе и пользованіе землею, со ст. Милля. Ц. 1 р. 50 к.
- Майеръ. «Воспоминанія ссыльно-каторжнаго». 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Наумовъ. «Въ тихомъ омутѣ». 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пироговъ. «Анатомія артеріальныхъ стволовъ». Выпускъ 1-й, 1891 г. Цѣна
2 р. 50 к.
- Стаховъ. «Наслѣдники». 1875 г. Ц. 3 р. 50 к.
- » «Сочиненія». 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сенинъ. «Единство физическихъ силъ». Ц. 2 р. 50 к.
- Фогтъ. «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ». 1866 г. Ц. 3 р.
- Цебриковой. «Дѣтскіе рассказы». Ц. 85 к.
- Шпильгагенъ. «Нѣмецкіе пионеры». 1871 г. Ц. 1 р.
- Шатріанъ. «Два брата». 1874 г. Ц. 1 р.
- Зберсъ. «Дочь египетскаго царя». 1875 г. Ц. 3 р.
- » «Императоръ». 1811 г. Ц. 2 р.
- Домашняя бухгалтерія, книга для хозяекъ, для веденія домашнихъ счетовъ.
Ц. въ папкѣ 80 к., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 20 к.

